В. К. Яцунский

Историческая география

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории

В. К. Яцунский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

История её возникновения и развития в XIV–XVIII веках

Издательство Академии Наук СССР
Москва 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. Д. СКАЗКИН

Глава первая

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В русской дореволюционной научной литературе не было выработано общепринятого представления о предмете исторической географии. Большой разброд мнений по этому вопросу существует и в современной буржуазной исторической и географической науке. Подробнее это будет показано ниже.

В советской науке в последнее время складывается более или менее общепризнанное понимание содержания этого понятия. Наши историки и географы прежде всего строго различают историческую географию и историю географии. История географии, или, как ее обычно называют, история географических знаний, изучает историю географических открытий и путешествий, а также историю географической мысли и вообще географические представления людей прошлого. Предмет исторической географии иного порядка. Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох.

Таким образом, география современности и историческая география имеют один и тот же объект изучения, но с тем лишь весьма существенным различием, что современная география изучает этот объект в его современном состоянии, а историческая география изучает его изменения в историческом прошлом.

Историческая география как отрасль научного знания, будучи значительно моложе исторической науки и географической науки, возникших, как известно, еще в древнем мире, все же существует уже несколько столетий. Но история ее развития никогда не была предметом научного исследования. В некоторых буржуазных историко-географических работах встречаются иногда краткие исторические обзоры литературы по исторической географии. Например, в книге С. М. Середонина «Историческая география»[1] есть маленькая глава размером в одиннадцать страниц под заглавием «Развитие науки исторической географии». В этой главе дан беглый исторический обзор тех работ по исторической географии Киевской Руси и Московского государства, которые, по мнению автора, имели значение в деле изучения исторической географии нашей Родины. Назвать эти страницы исследованием истории развития исторической географии в нашей стране, конечно, нельзя, и сам С. М. Середонин не ставил себе такой задачи. В зарубежной литературе тоже можно найти подобного рода обзоры литературы по истории исторической географии. Например, в книге австрийского ученого Виммера[2] (Wimmer) имеется раздел «Literaturgeschichtliches», в котором дан краткий исторический обзор

[1] *С. М. Середонин.* Историческая география. Пг., 1916.
[2] *Wimmer.* Historische Landschaftskunde. Insbruck, 1885.

важнейших работ по исторической географии древнего мира и по исторической географии Германии и отчасти Франции.

В капитальном труде французского ученого Дежардена [1] (Desjardins) имеется обстоятельный и компетентный обзор предшествующей литературы по исторической географии Галлии. Но, конечно, ни обзор Виммера, ни обзор Дежардена не являются хотя бы краткими очерками истории развития исторической географии как научной дисциплины, и такой задачи ни Виммер, ни Дежарден себе не ставили.

В английской научной литературе имеется статья Бекера [2] (Baker) об исторической географии. Это доклад, прочитанный автором на объединенном собрании оксфордских отделений английских исторической и географической ассоциаций. Статья, посвященная краткой характеристике некоторых английских работ по исторической географии за последние сто лет, не может быть названа очерком истории исторической географии в Англии.

Приведенными примерами не исчерпываются накопившиеся за годы существования исторической географии беглые обзоры литературы по истории ее развития в той или иной стране. Но ни один из них ни в какой степени даже не приближается к научному исследованию истории развития исторической географии как специальной отрасли научного знания. Такого исследования до сих пор еще нет ни в нашей, ни в зарубежной научной литературе.

Насколько мало известна лицам, работающим в области истории исторической географии, история развития данной дисциплины, показывает отсутствие в научной литературе ясного и достаточно обоснованного представления даже о времени и причинах возникновения исторической географии. Этот вопрос был сравнительно давно уже поставлен в научной литературе. Еще в 1785 г. крупный немецкий историк конца XVIII — начала XIX столетия Геерен (Heeren, 1760—1842), последователь исторических идей Вольтера [3], занимавший кафедру в Геттингенском университете, одном из двух ведущих университетов Германии того времени [4], остановился на вопросе о времени возникновения исторической географии и основных этапах ее развития. Мнение свое Геерен высказал в коллективном курсе исторической географии древнего мира [5].

Предметом исторической географии тогда была почти исключительно география древнего мира. Поэтому вполне естественно, что Геерен в курсе исторической географии древнего мира говорит не о возникновении исторической географии вообще, а о возникновении исторической географии древнего мира. Основателем исторической географии древнего мира Геерен считал Клювера (Clüver), бывшего профессором в известном Лейденском университете в Нидерландах в первой четверти XVII в. «Philipp Clüver kann als Schöpfer des studii (подразумевается — древней географии.— *В. Я.*) betrachtet werden»,— писал Геерен в первой части названного учебного курса [6].

---

[1] *Desjardins.* Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine. Paris, 1876—1878.

[2] *Baker.* The last hund-cd years of historical geography. «History», December 1936, vol. XXI, № 83.

[3] О Геерене см. ниже.

[4] О роли Геттингенского университета в германской науке того времени см. в старой работе Паульсена (*Paulsen.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten (русский пер. «Германские университеты». СПб., 1904), а также в новейшем труде *D'Irsey.* Histoire des universités, v. II, Paris, 1935.

[5] «Handbuch der alten Erdbeschreibung von d'Anville zum Gebrauch seines Atlas Antiquus in 12 Landkarten verfasst». Об этом учебнике см. ниже.

[6] «Филипп Клювер может считаться создателем этой науки».

Геерен делил историю развития исторической географии на три периода: 1) от Клювера до Целлариуса, 2) от Целлариуса до д'Анвиля, 3) от д'Анвиля до Гаттерера и Маннерта[1].

Целлариусу Геерен приписывал заслугу формирования исторической географии как научной дисциплины. Свое мнение Геерен формулирует следующим образом: «Der Verdienst indess die alte Geographie *als eigne Wissenschaft für sich* (курсив Геерена — *В. Я.*) nach ihrem ganzen Umfange bechandelt zu haben bleibt dem berühmten Hallescher Lehrer Christoph Cellarius»[2]. Труды Клювера и Целлариуса в конце XVIII столетия были хорошо известны. Вероятно, поэтому в учебном курсе аргументировать свою периодизацию истории исторической географии Геерен не счел нужным. На разборе ее удобнее будет остановиться ниже.

В XIX столетии мнение Геерена было повторено неоднократно. В сороковых годах Форбигер (Forbiger) в своем учебнике древней географии назвал Клювера и Целлариуса подлинными основателями (die eigentlichen Begründer) исторической географии[3].

В семидесятых годах Бурсиан в биографии Клювера, напечатанной в известном издании «Allgemeine Deutsche Biographie», где собраны жизнеописания знаменитых немцев, рассматривал Клювера как основателя исторической географии[4]. В восьмидесятых годах это мнение было повторено Виммером в его названной выше книге.

Особенно упрочился взгляд на Клювера как основателя исторической географии после выхода в свет в 1891 г. специальной монографии о Клювере, написанной географом профессором Парчем (Partsch)[5]. Так, хорошо известный нашим географам немецкий географ Геттнер (Hettner), ссылаясь на Парча, приписывает Клюверу основание исторической географии[6].

В нашей советской литературе это мнение было повторено в 1927 г. С. Рудницким в небольшой компилятивной статье «Про становище історичної географії в системи сучасного землезнання»[7] и незадолго до второй мировой войны (в 1939 г.) В. П. Будановым в «Методике географии».

Таким образом, можно говорить о наличии как будто прочной старой традиции о времени возникновения исторической географии. Однако фактически дело обстоит не совсем так.

Бельгийский ученый ван дер Линден (van der Linden) во вступительной речи при открытии первого международного конгресса по исторической географии в 1930 г. выступил с иной точкой зрения: он указал на Ортелия, знаменитого фламандского географа второй половины XVI в., автора первого в мире исторического атласа, как на «предтечу исторической географии». Аналогичное мнение высказал в 1935 г. крупный итальянский специалист по истории географической науки Альмаджа (Almagia), который в статье об Ортелии в «Итальянской энциклопедии» характеризовал Ортелия как «одного из основателей исторической географии»[8].

Американец Барнес (Harry Elmer Barnes)[9] в 1938 г. заметил, что уже

---

[1] Об упомянутых здесь авторах говорится в последующих главах.

[2] «Заслуга изложения древней географии во всем ее объеме как особой научной дисциплины принадлежит известному учителю в Галле Христофору Целлариусу».

[3] *Forbiger.* Handbuch des alten Geographie, t. I, Leipzig, 1842, S. 477.

[4] Том IV, слово «Clüver».

[5] *Partsch.* Philipp Clüver der Bergründer der historischer Länderkunde. «Geographische Abhandlungen», hrsg. von prof. A. Penck, 1891, № 2, Wien.

[6] *Hettner.* Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden, 1927. В 1930 г. издана в русском переводе.

[7] «Записки історично-філологічного відділу» Украинской Академии наук. 1927, кн. 13—14.

[8] «L'Ortelio si puo pertanto considerare come uno dei fondatori della geografia storica". «Enciclopedia Italiana», слово «Ortelio».

[9] *Barnes.* A History of Historical Writing. 1938.

английский историк и географ XII в. Джералд де Барри (по-латыни Giraldus Cambrensis) «интересовался исторической географией, как это видно из его сочинений «Топография Ирландии» и «Путешествие по Уэльсу».

Таким образом, можно констатировать неясность в таком, казалось бы, сравнительно простом вопросе истории исторической географии, как определение времени ее возникновения. Указанную неясность нельзя считать результатом разногласий, возникших в процессе изучения проблемы. Она просто порождена отсутствием научного исследования вопроса.

В научной литературе есть высказывания о возникновении исторической географии, но нет исследования этого вопроса. Работа Парча, названная выше, правда, дает научный анализ произведений Клювера, но, как это будет показано ниже, научного обоснования своего утверждения, что до Клювера не было исторической географии, Парч не дал, ограничившись лишь голословным заявлением об этом.

Историческая география не только существует несколько столетий. Интерес к ней за последнее время явно растет среди историков и географов. На международных конгрессах, как исторических, так и географических, нередко организуется специальная секция по исторической географии и истории географии. На Всесоюзном географическом съезде в Ленинграде в 1947 г. работала секция исторической географии и истории географических знаний. Куратором секции был президент Всесоюзного географического общества Л. С. Берг. На заседаниях ее был сделан ряд докладов по исторической географии нашей Родины как географами, так и историками.

В 1930 г. в Бельгии был созван специальный международный конгресс по исторической географии, на котором присутствовали ученые из Бельгии, Франции, Германии, Англии, Италии, Испании, Польши и Голландии. Судя по отчетам в научной прессе[1], на конгрессе в семи секциях было прочитано пятьдесят пять докладов, и конгресс прошел весьма оживленно. Во Всесоюзном географическом обществе прежде вопросы исторической географии разрабатывались преимущественно отделениями этнографии и статистики[2]. В 1947 г. в московском филиале Общества организовано специальное отделение исторической географии и истории географических знаний[3].

В 1950 г. отделение выпустило сборник статей по исторической географии СССР («Вопросы географии», сб. № 20, посвященный памяти С. В. Бахрушина). В изданном отделением в 1953 г. сб. «Вопросы географии» № 31 наряду со статьями по истории географических знаний помещены также работы по исторической географии. Опубликованные статьи являются докладами, прочитанными и обсужденными на заседаниях отделения. Значительная часть докладов осталась неопубликованной.

Усилилось преподавание исторической географии в высшей школе. Увеличилось число работ на историко-географические темы. Это возрастание интереса со стороны историков и географов к исторической географии делает особенно актуальным изучение истории этой дисциплины, так как для прогресса всякой научной дисциплины серьезное значение имеет знание ее истории. Для исторической географии знание истории ее развития имеет особенно большое значение вследствие наличия у работников этой дисциплины весьма значительного разнообразия мнений о предмете и задачах исторической географии.

---

[1] См. «Journal des Savants», 1930, август — октябрь, «Annales de Géographie», 1931, 15 января.

[2] *Л. С. Берг.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М., 1946, стр. 169.

[3] При совете Общества в Ленинграде с 1939 г. существует отделение истории географических знаний. См. *Л. С. Берг.* Указ. соч., стр. 239.

Это разнообразие мнений побудило английские историческую и географическую ассоциации организовать совместно в 1932 г. в Лондонской школе экономики специальную дискуссию по вопросу о предмете исторической географии[1]. Дискуссия выявила весьма значительное различие мнений в определении сущности исторической географии. В область исторической географии относили и историю политических границ, и влияние природы на ход исторического процесса, и влияние исторических событий на географические явления, и изучение районной географии прошлого (например, географии районов Англии накануне промышленного переворота), и историю географических открытий, и историю географической науки. Здесь налицо не только наличие различных определений предмета исторической географии, но и явное смешение исторической географии с историей географии.

Это смешение исторической географии с историей географии довольно обычно: например, С. М. Середонин в названной выше книге относит статью И. Д. Беляева «О географических сведениях в древней России» к числу работ по исторической географии нашей страны.

Приведенными выше высказываниями на лондонской дискуссии отнюдь не исчерпываются существующие у историков и географов определения предмета исторической географии. В область исторической географии относят часто изменения в размещении племен и народов на территории какой-либо страны на протяжении ее истории или просто изменения в размещении населения на данной территории и ее колонизацию, как это делал М. К. Любавский в своем курсе исторической географии России[2].

Иногда содержание исторической географии определяется в выражениях, весьма расплывчатого порядка, например, А. А. Спицын определяет историческую географию как «отдел истории, имеющий целью изучение территории страны и ее населения, т. е. физико-географического характера страны и жизни ее обитателей, иначе говоря, установление ее исторического пейзажа»[3].

Конкретные работы по исторической географии определенной территории или страны иногда находятся в противоречии с тем определением предмета исторической географии, которое дают сами их авторы во введении к работе. Например, К. Кречмер (*Konrad Kretschmer.* Historische Geographie von Mitteleuropa. München u. Berlin, 1904. Введение) видит задачу исторической географии в изучении на протяжении истории человечества взаимоотношений между земной поверхностью и культурным миром людей, в исследовании, с одной стороны, зависимости культуры народов от природы занимаемой ими территории, а с другой стороны, политического и экономического господства этих народов над своей территорией и некоторого преодоления ими благодаря культуре влияния природы[4].

В своей книге Кречмер дает на ряд дат краткие, общие очерки состояния сельского хозяйства, лесов, горного дела и путей сообщения в Средней Европе почти без указаний, как эти отрасли хозяйства распределяются

[1] Материалы дискуссии см. в статье «What is historical geography?». «Geography», № 95, vol. XVII, part, I. March 1932.

[2] *М. К. Любавский.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 [литогр.].

[3] *А. А. Спицын.* Русская историческая география. Пг., 1917, стр. 1.

[4] Кречмер определяет предмет исторической географии в таких выражениях: «Die historische Geographie behandelt die Erdoberfläche in ihren Beziehungen zur Kulturwelt des Menschen im Verlauf der geschichtlichen Entwicklung. Sie Untersucht einerseits in wieweit die Kultur der Völker in Abhängigkeit von der Natur ihres Landes steht und anderseits wie diese Völker die Herrschaft über den Boden sich politisch und wirtschaftlich angeeignet und den Einfluss der Naturumgebung vermöge ihrer Kultur bis zu einem gewissen Grade überwinden haben».

по территории. Истории взаимодействия между природой и хозяйством в Средней Европе фактически в книге почти нет.

Иногда, чтобы избежать такого противоречия, авторы дают два определения — одно более широкое, а другое более узкое и соответствующее дальнейшему изложению. Так поступил С. М. Середонин в своем курсе исторической географии России. Подобно Кречмеру он считал, что «предмет исторической географии — изучение взаимных отношений природы и человека в прошедшем». Но С. М. Середонин считал неосуществимым по состоянию науки в его время построение исторической географии России, исходя из этого воззрения на задачи данной дисциплины. Поэтому он сформулировал другое определение предмета исторической географии, более узкое, но по его мнению, более осуществимое при конкретном построении курса исторической географии России. С. М. Середонин считал, что «русская историческая география изучает, таким образом, прежде всего распределение славянских племен по восточно-европейской равнине, затем образование русского народа, дальнейшее колонизационное движение его, распадение на отдельные ветви. Она определяет границы Русского государства в разные эпохи его существования (Русь IX в., X в., XI в. и сл.), также границы составных частей государства (земель, волостей, княжений, губерний, уездов); указывает местоположение пунктов, замечательных в историческом отношении и упоминаемых в источниках, а равно и направление путей (колонизационных, торгово-промышленных и военных). Наконец, она изучает народности, с которыми приходилось сталкиваться русскому племени в его уже долгой исторической жизни (финны, тюрки, литва и др.), причем, конечно, историческая география подробнее должна останавливаться на народностях, не имевших своей истории (печенеги, половцы, весь, мордва, югра, а не шведы, германцы, греки, поляки); изучает, далее, историческая география климатические и географические условия, в которых жил русский народ»[1].

В своей книге С. М. Середонин далеко не охватывает всех тех проблем, которые он включает в сферу исторической географии во втором определении. С. М. Середонин сводит изложение по существу лишь к изучению смены народов на территории нашей страны в древнейшую эпоху и расселения восточных славян на той же территории в IX—XII вв.

В результате такого положения историческая география еще до первой мировой войны приобрела репутацию науки с весьма неопределенным содержанием. С. К. Кузнецов свой курс русской исторической географии в Московском археологическом институте в 1907/08 г. начал словами: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что содержание той науки, которую мне предстоит излагать, — русской исторической географии — крайне неопределенно, самое понятие о ней крайне смутно»[2].

Аналогичные мнения высказывались и много позже. В 1932 г. Гилберт (Gilbert) писал: «Термин «историческая география» не имеет вполне определенного значения для историка и для географа. Работы, обозначаемые этим термином, включают большое разнообразие тем, которые значительно различаются между собой по характеру и цели»[3]. В 1937 г. известный французский медиевист Марк Блок (Marc Bloch) в своей рецензии на коллективный труд английских ученых под редакцией Дарби (Darby) — «Historical Geography of England before A. D. 1800» (Cambridge 1936) писал: «Наш словарь еще настолько несовершенен, что назвать

[1] См. *С. М. Середонин*. Указ. соч., стр. 1—2.
[2] *С. К. Кузнецов*. Русская историческая география. М., 1910, стр. 1.
[3] *Gilbert*. What is historical geography? «Scottish Geographical Magazine», 1932, № 3.

книгу «Историческая география» — значит рисковать не дать заранее вполне точного представления о ее содержании»[1].

В нашей советской литературе была даже сделана попытка отрицать целесообразность самого существования исторической географии. П. Г. Саар утверждал, что историческая география не имеет своего предмета исследования и должна «прекратить свое самостоятельное, правда, недолговечное[2] существование», став «неразрывной составной частью истории»[3]. Саар признавал право на существование лишь за физической исторической географией, изучающей историю изменений географической среды.

Нет надобности подвергать здесь критическому разбору мнение Саара об исторической географии. Следует лишь отметить, что почвой для появления подобного мнения была, конечно, та неопределенность содержания понятия «историческая география», о которой только что было сказано. Вряд ли нужно доказывать, что описанная неопределенность в понимании предмета исторической географии является серьезным тормозом для успешной работы в данной области. Устранение этой неопределенности, установление четкого и обоснованного представления о предмете и задачах исторической географии безусловно является первоочередной проблемой, которую должна разрешить советская историография. Разрешение этой проблемы тесно связано с изучением конкретного современного состояния и исторического развития исторической географии как в нашей стране, так и за рубежом.

Конечно, установление предмета и задач исторической географии не может быть достигнуто путем одного только изучения прошлого и настоящего данной дисциплины. Безусловно, при установлении содержания понятия «историческая география» исследователь должен исходить прежде всего из теоретических принципиальных положений. Принципиальными предпосылками являются установленные марксистской наукой представления о предмете и задачах исторической науки и предмете и задачах географической науки. Но, руководствуясь теоретическими предпосылками, исследователь, ставящий себе цель дать марксистское определение предмета и задач исторической географии, конечно, не может игнорировать настоящего и прошлого своей дисциплины.

Таким образом, выработка марксистского определения предмета и задач исторической географии и исследование истории ее развития оказываются двумя задачами современной исторической географии, тесно связанными между собою.

Не повторяя здесь развернутой аргументации, приведенной в других моих работах[4], ограничусь лишь краткой формулировкой определения предмета исторической географии.

Марксистская историческая география на основе периодизации, принятой в исторической науке, должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории

---

[1] «Annales d'histoire économique et sociale» 1937, Mars, № 44.

[2] Утверждение Саара о недолговечности существования исторической географии показывает лишь незнание им истории исторической географии.

[3] *П. Г. Саар.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

[4] Вопросу об определении предмета и задач исторической географии посвящены три мои статьи: 1. Предмет и задачи исторической географии. «Историк-марксист», 1941, № 5. 2. Историко-географические моменты в работах В. И. Ленина. «Исторические записки», 1948, т. 27. В расширенном и несколько переработанном виде данная статья перепечатана в «Вопросах географии», сб. № 31, История географических знаний и историческая география СССР. Под редакцией Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского. М., 1953. 3. Историческая география как научная дисциплина. «Вопросы географии». Сб. № 20. Историческая география СССР. Под редакцией В. К. Яцунского. М., 1950.

на соответствующие названной периодизации отрезки времени. Основными элементами этих характеристик должны быть: 1) физико-географический ландшафт данной эпохи, 2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории, 3) география производства и хозяйственных связей, 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий.

Локализация на карте географических названий прошлого, чему уделяла прежде столько внимания историческая география, остается, конечно, необходимой предварительной работой в историко-географических исследованиях. Нетрудно видеть, что указанные четыре основных элемента исторической географии составляют содержание и географии современности. Таким образом, между предметом исторической географии и географии современности нет принципиального различия в содержании: историческая география изучает по отношению к историческому прошлому те же проблемы, которые географическая наука изучает в их современном состоянии.

Но так как «изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»[1], то за исторический период времени природные условия изменились сравнительно в незначительной степени. Поэтому задачи исторической географии в данной области весьма ограничены, и, следовательно, фактически содержание исторической географии у́же, чем современной географии. Оно сводится главным образом к изменениям в историческом прошлом в географии населения, географии хозяйства и географии политической.

Все элементы исторической географии в сводных работах по данной дисциплине должны быть изучаемы не изолированно, а в их взаимной связи и обусловленности, что, конечно, не исключает возможности специальных работ по отдельным вопросам.

Давая ряд характеристик географии прошлого изучаемой страны или территории, историческая география не должна ограничиваться одним лишь сопоставлением историко-географических характеристик на ряд дат. Надо показать, как они переходят последовательно одна в другую, следовательно, эти характеристики должны быть динамическими.

Таким образом, историческая география показывает, как исторически сложилась современная экономическая и политическая география данной страны или территории, и почему она именно так сложилась. В этом главная ценность исторической географии для географа[2].

Историку историческая география дает конкретную пространственную локализацию исторического процесса и тем, во-первых, способствует конкретизации и углублению наших представлений о многих сторонах исторического процесса, во-вторых, позволяет уловить и объяснить ряд местных особенностей в его развитии. Без учета таких особенностей представление о ходе исторического процесса часто становится не только неконкретным, но даже и просто неправильным. Особенно это важно для социально-экономической истории, по отношению к которой В. И. Ленин подчеркивал необходимость порайонного подхода.

В труде «Развитие капитализма в России» Ленин писал: «Массовые и огульные данные о производстве всяких хлебов могут дать (да и то не всегда) лишь самые общие указания на этот процесс, так как специфические особенности различных районов при этом исчезают. Между тем, именно

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 113.

[2] Подробнее об этом см. в моей статье «Значение исторической географии в подготовке экономико-географа». «Вопросы географии». Сб. № 18. Высшее географическое образование, под редакцией А. И. Соловьева. М., 1950.

в обособлении различных районов земледелия и состоит одна из наиболее характерных черт пореформенного сельского хозяйства в России»[1].

Историческая география помогает также историку и географу исследовать с методологически правильных позиций роль географической среды в конкретном историческом развитии отдельных стран, предохраняя как от подмены исторического материализма географическим материализмом, что иногда случается с географами, так и от полного игнорирования роли географической среды, что нередко бывает с историками[2].

Наконец, хотя историческая география в том ее понимании, как это здесь изложено, является уже определенной системой знаний, представляющей для историка самостоятельный интерес, ее значение как вспомогательной исторической дисциплины этим не аннулируется.

Изложенное выше явилось для автора побудительным мотивом при выборе темы исследования.

Для изучения истории развития исторической географии, конечно, недостаточно только изложить в исторической последовательности основные идеи и научные достижения ведущих историко-географических произведений. Исследователь должен не только изложить, но и объяснить историю развития исторической географии, т. е. показать те причины, которые обусловили ход развития данной отрасли знания.

Каждое историко-географическое произведение в той или иной мере было обусловлено предшествующими работами в этой области. Следовательно, объяснение хода развития исторической географии обязательно требует анализа преемственной связи историко-географических работ, рассматриваемых историком данной дисциплины, друг с другом. Но, конечно, развитие исторической географии не было имманентным. Таким образом, для объяснения развития исторической географии необходимо изучить и зависимость хода ее истории от причин, лежащих вне исторической географии как таковой.

Среди этих причин нужно различать непосредственные ближайшие причины, влиявшие на ход развития исторической географии, и причины более общего порядка, определившие ход развития тех явлений, которые влияли непосредственно на историческую географию.

Непосредственными причинами, определявшими ход развития исторической географии, были прежде всего развитие историографии и развитие географии. На развитие некоторых отделов исторической географии оказала серьезное влияние история формирования других отраслей научного знания, например, на ход развития исторической географии населения оказали большое влияние успехи научной лингвистики. Второй группой причин, влиявших на ход развития исторической географии, главным образом через посредство историографии и географии, а не непосредственно, были прежде всего те течения общественной идеологии вообще и философской и научной мысли в частности, которые определяли развитие историографии и географии.

Причинами более общего порядка были история развития производительных сил и производственных отношений тех стран, в которых развивалась историческая география.

Изменения производительных сил и производственных отношений определяют изменения общественной идеологии. «Каков способ производства у общества,— таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения»[3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 215—216.

[2] См. мою статью «К вопросу о структуре учебников истории для высшей школы». «Вопросы истории», 1951, № 4.

[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

Но, конечно, выводить непосредственно объяснение хода развития исторической географии из истории производительных сил и производственных отношений, минуя посредствующие звенья, значило бы вульгаризировать марксизм.

Очевидно, автору придется сосредоточить свое внимание на анализе зависимости хода развития исторической географии от тех причин, которые оказали непосредственное влияние на это развитие, восходя к причинам более общего порядка лишь в тех отдельных случаях, когда это окажется по тем или иным соображениям необходимым для анализа.

Таким образом, развитие исторической географии автор предполагает исследовать прежде всего в связи с развитием историографии и географии.

Основной трудностью при исследовании этой связи является недостаточная изученность истории развития как историографии, так и географии, даже с чисто буржуазных точек зрения.

Автор одной из новейших буржуазных сводных работ по истории исторической науки американский историк Шотуэл (Shotwell) пишет: «Клио, хотя и является старшей из муз, была слишком занята реконструкцией прошлого других и пренебрегала своим собственным»[1].

Правда, по историографии как нашей, так и зарубежной имеется довольно значительное количество исследований. В большинстве случаев эти исследования посвящены отдельным историкам. Имеются немногочисленные работы о некоторых направлениях и школах. Но написано очень немного сводных работ, охватывающих развитие исторической науки за длительный период ее истории и, в этих работах много моментов в развитии историографии остались неизученными.

На русском языке, если не считать очень кратких и устаревших книг М. Петрова[2] и В. И. Герье[3], а также обзоров развития историографии средних веков в лекциях моих покойных учителей А. Н. Савина[4] и Д. Н. Егорова[5], по истории зарубежной исторической науки имеется лишь одна сводная работа О. Л. Вайнштейна[6]. К сожалению, книга не свободна от ошибок[7]. Кроме того, книга является учебником, основное внимание автора поглощено историей изучения проблем западноевропейского средневековья, и, следовательно, историю исторической науки как таковой она охватывает лишь частично и кратко. Поэтому она не могла служить мне надежным путеводителем при изучении развития историографии.

За рубежом, в буржуазной литературе, кроме нескольких работ по истории национальной историографии некоторых стран[8], имеется несколько трудов, претендующих на охват истории исторической науки в целом.

---

[1] *Shotwell*. The History of History. N. Y., 1939, p. 3.

[2] *М. Петров*. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. 1861.

[3] *В. И. Герье*. Очерк развития исторической науки. М., 1865.

[4] *А. Н. Савин*. История Западной Европы в XI—XIII вв. М., 1913. Литограф. изд. лекций. Историографический обзор играет роль введения к курсу.

[5] *Д. Н. Егоров*. Средние века. Историография и источниковедение. М., 1912—1913.

[6] *О. Л. Вайнштейн*. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.—Л., 1940.

[7] Примеры см. в моей статье «Предмет и задачи исторической географии». «Историк-марксист», 1941, № 5.

[8] Наиболее подробными являются работы по историографии Германии: *Wegele*. Geschichte der deutschen Historiographie, 1885, и *Below*. Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreihungskriegen bis zu unseren Tagen, 2 изд. 1924, написанная с реакционных позиций.

В тридцатых годах вышел в свет очерк развития исторической науки в США. *Michael Kraus*. A History of American History. N. Y., 1937.

Безусловно, лучшим из этих трудов является старая книга швейцарского ученого Фютера (Fueter)[1]. Первое издание ее появилось в 1911 г., второе в 1925 г., третье уже после смерти автора, в 1936 г. Труд Фютера обладает рядом достоинств, уже отмеченных в нашей литературе[2]. Прежде всего он основан на тщательном изучении в подлинниках огромного количества исторических произведений. Фютеру также известна, за весьма небольшими исключениями, вся литература об изучаемых им историках и исторических школах. Но, учитывая эту литературу, он строит свое изложение на изучении подлинных произведений, не берет материал из вторых рук, как это, к сожалению, нередко случается с авторами по истории развития как исторической, так и других наук.

Таким образом, история развития исторической науки от гуманистов до 70-х годов XIX в. дана Фютером с большим знанием дела и большой полнотой[3].

Свой материал Фютер расположил по историческим школам. Обычно сначала дается характеристика всего направления, а потом его отдельных представителей. В этих характеристиках автор стремится показать зависимость как направлений, так и отдельных историков от исторической обстановки. Делая это, конечно, с чисто буржуазных методологических позиций, Фютер, будучи представителем малой страны, неоднородной в этническом отношении, вклад которой в развитие исторической науки весьма невелик, оказался в состоянии объективно оценить роль отдельных стран в развитии мировой исторической науки; в его работе отсутствуют проявления национализма, столь обычные в историографических трудах.

Все изложение Фютера отличается большой стройностью и четкостью. Книга написана ясным и хорошим языком.

Но, с другой стороны, этим достоинствам противостоят обесценивающие их недостатки. Фютер стоит на идеалистических позициях, ему не только чужд марксизм, но он совершенно игнорирует исторические труды классиков марксизма. Труд Фютера, кроме этого основного принципиального недостатка, обладает также и некоторыми специфическими особенностями, значительно суживающими возможности его использования при изучении зависимости развития исторической географии от общего хода исторической науки.

Во-первых, изложение его доведено только до 70-х годов XIX в. Во-вторых, не давая определения предмета истории, Фютер фактически рассматривает почти исключительно труды историков, занимавшихся политической историей, и отчасти, в небольшой степени, работы историков, посвятивших себя изучению истории некоторых частных сторон истории нематериальной культуры[4]. Работы по экономической истории и истории права, за очень немногими исключениями, остаются вне поля зрения Фютера, как и всех вообще авторов сводных работ по историографии. В-третьих, как указывает сам Фютер, его задачей является дать только историю того, что он называет «Geschichtschreibung», но не историю другой стороны исторической науки, которую он называет «Geschichtsforschung», равным

---

[1] *Fueter*. Geschichte der neueren Historiographie.

[2] О. Л. Вайнштейн в названной выше книге отмечает как положительную сторону труда Фютера систематизацию историков по школам и направлениям и отсутствие национализма.

[3] По XIX столетию некоторым дополнением к труду Фютера может служить книга английского историка Гуча (*Gooch*. History and Historians in the XIX century. N. Y., 1913). По своему уровню эта книга ниже труда Фютера. Полезным справочником является также сборник «Histoire et historiens depuis cinquante ans». Paris, 1927.

[4] Этих историков он называет «Autoren die nicht zur Geschichtschreibung im eigentlichen Sinne des Wortes gehören». *Fueter*. Указ. соч. Vorbemerkung, стр. VI. Ссылки здесь и в дальнейшем по второму изданию труда Фютера.

образом он сознательно исключает из своего исследования труды по философии истории[1]. Таким образом, Фютер ставит своей целью изучить развитие исторической мысли и приемов исторического изложения в их проявлении в конкретных исторических произведениях, а не в историко-философских трудах. Историю исторического исследования он тоже не включает в план своего труда. Правда, фактически он кратко иногда говорит и о некоторых моментах, имевших крупное значение в области истории исторического исследования, например о деятельности Мабильона и других мавристов[2]. Но истории исторического исследования у него все же почти нет.

Между тем для формирования исторической географии именно эта сторона в развитии историографии имела особенно большое значение, о чем я говорю ниже.

В частности, хотя тот краткий очерк по истории так называемой эрудитской школы, который дает Фютер, признан буржуазными специалистами по истории исторической науки[3] лучшим из всего, что имеется в зарубежной научной литературе, тем не менее, как об этом будет в развернутом виде сказано в последующем изложении, далеко не со всеми утверждениями Фютера в этом очерке можно согласиться. Исключив из своего исследования рассмотрение историко-философских работ, Фютер тем самым исключил и проблему роли географической среды в истории общества[4]. Для исторической географии эта проблема, конечно, имеет очень серьезное значение.

Из трех новейших американских сводных работ по истории мировой исторической науки книга Шотуэла охватывает только историю античной историографии, и, следовательно, ввиду отсутствия в древнем мире работ по исторической географии книга Шотуэла не могла быть использована в настоящей работе.

«A History of Historical Writing» Барнеса, вышедшая годом раньше книги Шотуэла, охватывает развитие мировой историографии с древнейших времен до наших дней. В нашей литературе она получила суровую оценку со стороны О. Л. Вайнштейна[5]. Со многими критическими замечаниями О. Л. Вайнштейна и среди них в первую очередь с его характеристикой выпадов Барнеса против марксистско-ленинской историографии, как «нелепых и невежественных», следует согласиться. Книга Барнеса дает поверхностный обзор развития мировой историографии, в котором исследовательский анализ очень часто подменяется длинными перечнями фамилий историков. Как положительную сторону в книге Барнеса можно отметить предпринятую автором попытку, не ограничиваясь лишь рассмотрением развития историографии в рамках традиционной политической истории, показать расширение содержания исторической науки[6], а также попытку рассмотреть историю взаимоотношений исторической науки с другими науками об обществе. В посвященной этой проблеме XIV главе, носящей заглавие «History and the Sciences of Man», Барнес говорит также и о развитии теорий о роли географического фактора в исто-

---

[1] Труд Фютера, по замыслу автора, «will weder die Geschichte der Geschichtsphilosophie noch die der gelehrten historischen Forschung und Kritik als solche behandeln». (*Fueter*. Указ. соч. стр. V).

[2] О Мобильоне и мавристах см. ниже в § 1 главы IV настоящей работы.

[3] См., например, отзыв Томпсона (*Thompson*. A History of Historical Writing. N. Y., 1942, vol. II, p. 3, прим.).

[4] В виде исключения он рассматривает влияние К. Риттера на историографию (*Fueter*. Указ. соч., Buch V A, § VI. Die geographische Richtung und Karl Ritter).

[5] *О. Л. Вайнштейн*. Указ. соч., стр. 17.

[6] См. *Barnes*. Указ. соч.,гл. XII. Broadening the perspective and interests of the historian. The expansion of historical interests in contemporary times.

рии, начиная со взглядов античных писателей и кончая воззрениями современных автору американских историков и географов. Но обе эти попытки нельзя признать удачными.

Небольшие главы «El contenido de la historia»[1] и «El elemento natural en la historia»[2] в старой работе известного испанского историка антифашиста Альтамиры[3] — «La enseñanza de la historia»[4], написанной им еще в юности, дают для понимания того, как расширялось содержание исторической науки и как развивались теории о роли географических условий в истории, больше, чем бесконечные перечни фамилий историков в книге Барнеса с отрывочными замечаниями о работах некоторых из них.

Более основательным, чем книга Барнеса, является двухтомный труд американского же историка Томпсона (James Westfall Thompson) «A History of Historical Writing», вышедший из печати в 1942 г. Томпсон дает обзор развития мировой исторической науки с древнейших времен до первой мировой войны. В противоположность Барнесу, который стремится подчеркнуть роль американских историков, Томпсон совсем исключил из рассмотрения труды своих соотечественников. Стремясь к возможно более полному охвату мировой историографии, Томпсон включает в свой обзор не только историков почти всех стран Европы, но и средневековых сирийских, армянских, арабских, персидских, монгольских и турецких авторов. При этом основное внимание Томпсона сосредоточено на немецких, английских и французских историках. Об остальных он говорит по большей части коротко, а о русских историках и не всегда верно с фактической стороны[5]. Томпсон ведет свой обзор по эпохам и странам. Для характеристики историографии XIX — начала XX в. он дает еще дополнительные главы, посвященные истории изучения отдельных проблем и эпох в XIX и начале XX в., а отчасти и раньше. В числе этих глав (автор их называет книгами, следуя в этом отношении терминологии Фютера) имеется глава «Historians of institutions», в которой, между прочим, дается характеристика историков XIX в., работавших над проблемами социально-экономической истории.

Томпсон дает очерки деятельности трудов очень большого числа историков. Эти очерки, по большей части небольшие по объему, лишь в немногих сравнительно случаях являются более подробными, как, например, очерки о Гиббоне, Моммсене, Мишле. Томпсон дает подробную библиографию статей и книг почти каждого из рассматриваемых им историков.

Фактический материал и библиографические данные о большом числе историков являются положительной стороной обширного труда Томпсона, хотя, впрочем, американский историк Суэйн (Swain), автор рецензии на книгу Томпсона, напечатанной в ведущем историческом журнале США «American Historical Review» (1943), указывает, что фактическая сторона книги не всегда оказывается на должном уровне, и справочным пособием она служить не может.

Но обобщающих очерков о направлениях и школах в историографии автор почти не дает. В предисловии он высказывает намерение показать каждого автора в интеллектуальной обстановке его времени и указать

---

[1] «Содержание истории».

[2] «Географическая среда в истории».

[3] Об Альтамире см. *В. К. Яцунский*. Рафаэль Альтамира—историк испанской культуры. «Вопросы истории», 1946, № 11—12.

[4] «Преподавание истории». Книга впервые была напечатана в 1891 г.

[5] Ошибки Томпсона в трактовке русских историков указаны в рецензии на книгу Томпсона, напечатанной О. Л. Вайнштейном в «Вопросах истории» (1946, № 11—12). Рецензент отмечает там и другие отрицательные стороны книги, упомянув в двух словах и о некоторых достоинствах работы.

его место в развитии историографии. В огромнейшем большинстве случаев это намерение фактически остается неосуществленным.

В итоге для понимания развития историографии в зарубежных странах книга Томпсона дает значительно меньше, чем книга Фютера.

В немецкой исторической литературе существует очень характерная книга по истории мировой исторической науки с тем же примерно хронологическим охватом, что и книги Барнеса и Томпсона. Это — «Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den führenden Werken betrachtet», принадлежащая перу одного из последних учеников Ранке — Морица Риттера и опубликованная в 1919 г. Риттер начинает свой обзор с древности и заканчивает XIX в. Ведущими произведениями для XIX столетия Риттер считает работы одних лишь немецких историков. Проникнутая националистическим духом, книга Риттера не может служить путеводителем для изучения истории мировой исторической науки.

Работа итальянского философа-идеалиста, историка и литературоведа Бенедетто Кроче «Teoria e storia della storiografia» (Bari, 3-е изд. 1927) по своему построению резко отличается от книг Фютера, Барнеса, Томпсона и Риттера.

В противоположность названным авторам Кроче совсем не останавливается на конкретных исторических трудах и деятельности отдельных историков. Кроче во второй исторической части своего сочинения делит все развитие историографии на большие периоды — античность, средние века, эпоху Возрождения, эпоху «Просвещения», эпоху романтизма, эпоху позитивизма. Он строит характеристики историографии каждого периода, исходя из своего понимания философских основ мировоззрения историков данного периода.

Если Томпсон не дает цельной картины развития мировой историографии, то у Кроче получается наоборот: крайняя степень обобщения лишает его характеристики конкретности. Если учесть при этом философский идеализм Кроче, то неизбежен вывод о весьма малой помощи, которую может дать книга Кроче при изучении истории западноевропейской историографии.

Я не буду здесь останавливаться на литературе по историографии отдельных стран Западной Европы и Америки. Работы, охватывающие все развитие историографии страны, отсутствуют в Англии, Франции[1] и Италии[2], не говоря уже о ряде малых стран Европы.

Таким образом, состояние литературы по истории зарубежной исторической науки делает для автора настоящей работы необходимой попытку самостоятельных изысканий в данной области.

По историографии СССР имеется вышедшая сравнительно недавно — в 1942 г. — работа Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». Внимание автора сосредоточено главным образом на развитии русской исторической мысли, хотя он останавливается также на истории исторического исследования. Труд Н. Л. Рубинштейна является первым в советской литературе обзором развития русской исторической мысли за всю историю ее развития. Но на организованном Министерством высшего образования СССР съезде заведующих кафедрами истории СССР в марте 1948 г. работа Н. Л. Рубинштейна подверглась резкой критике[3]. Освободить автора данного исследования от необходимости самостоятельного

---

[1] По историографии Франции за XIX в. имеется обзор *Louis Halphen*. Histoire en France depuis cent ans. Paris, 1914.

[2] По истории итальянской исторической науки XIX в. имеется обстоятельное исследование Кроче «Storia della storiografia italiana nel secolo decimo nono». 1921.

[3] См. *Вотинов*. Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». «Вопросы истории», 1948, № 6.

ознакомления по первоисточникам с развитием нашей исторической науки труд Н. Л. Рубинштейна поэтому не может.

В настоящее время готовится к печати обстоятельный коллективный труд «История исторической науки в СССР» под редакцией М. Н. Тихомирова. Естественно, что при написании данной работы я не мог его использовать.

Что касается историков географической науки, то они гораздо больше внимания обращали на изучение истории географических открытий и экспедиций, чем на историю географической мысли. Наиболее авторитетным трудом по истории мировой географической науки среди зарубежных географов до сих пор считается старый труд французского географа Вивьен де Сен-Мартена (Vivien de Saint Martin). «Histoire de la géographie et des découvertes géographiques depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours»[1], вышедший в свет еще в 1873 г. Автор не игнорирует истории географической мысли, но занимается ею сравнительно мало, концентрируя свое внимание главным образом на истории открытий. Авторы позднее вышедших работ по истории географии Гюнтер[2], Кречмер[3], Ольсен[4] и Бейкер[5] тоже заняты главным образом открытиями и экспедициями. Открытиям и путешествиям посвящено и огромное большинство конкретных частных исследований по истории зарубежной географии.

Ту же самую картину мы видим и в СССР. Среди советских географов наиболее крупным историком географии у нас, безусловно, надо считать покойного президента Географического общества акад. Л. С. Берга. Ему принадлежат две сводные работы по истории русской географии — «Очерк истории русской географической науки» (Л., 1929) и исторический очерк деятельности Всесоюзного географического общества — «Всесоюзное географическое общество за сто лет» (1946). В обеих работах в центре внимания автора стоят путешествия. Основное из специальных исследований Л. С. Берга по истории географии — «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга» целиком посвящено данной экспедиции. Большая часть других исследований Л. С. Берга по истории отечественной географической науки, объединенных в сборнике его статей — «Очерки по истории русских географических открытий», тоже посвящена открытиям и путешествиям.

В книге другого крупного советского специалиста по истории русской географии М. С. Боднарского «Очерки по истории русского землеведения» (1947) внимание автора также занято по преимуществу путешествиями.

Из современных советских историков крупнейшим знатоком истории отечественной географии является А. И. Андреев, автор ряда работ по этому вопросу[6], составитель сборников документов[7], много сделавший также для собирания и изучения географических трудов С. У. Ремезова

---

[1] См. *Геттнер*. География, ее история, сущность и методы. Пер. под ред. Н. Н. Баранского. М., 1930, стр. 9.

[2] *S. Günther*. Geschichte der Erdkunde, 1904.

[3] *Kretschmer*. Geschichte der Geographie, 2 изд. 1923. Того же типа старая работа *Пешеля* «Geschichte der Erdkunde». Есть два издания 1865 и 1877 г. Последнее под ред. Руге.

[4] Ольсен дает одну лишь историю открытий и путешествий. Соответственно этому его сочинение называется «La conquête de la terre». 6 mm. Paris, 1933—1937.

[5] «A History of Geographical Discovery and Exploration. London, 1945. В 1950 г. вышел русский перевод.

[6] «Очерки по источниковедению Сибири XVII века». Л., 1946 и ряд статей в Известиях ВГО (т. 72, вып. 2, 1940; т. 75, вып. 2 и вып. 3, 1943) и «Трудах Историко-архивного института» (т. 2, М., 1946).

[7] «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.». М.— Л., 1944, и «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». М., 1948.

и В. Н. Татищева[1]. Работы А. И. Андреева посвящены преимущественно открытиям и путешествиям и лишь отчасти истории географической мысли.

Исключительно исследованием открытий занимается другой известный историк А. В. Ефимов, нашедший в архивах и опубликовавший ряд карт, очень ценных для изучения русских исследований Северо-востока Азии и северной части Тихого океана[2].

Из наших историков географии лишь Д. М. Лебедев, автор ценных обобщающих работ в данной области, равномерно распределяет свое внимание между историей географической мысли и историей открытий. Но его работы посвящены сравнительно короткому отрезку времени — XVII и первой четверти XVIII в.[3].

Дореволюционные наши историки географии также разрабатывали преимущественно историю русских открытий и путешествий. В качестве примера можно привести первую часть известного курса «Географии России» Г. И. Танфильева (1916). Г. И. Танфильев дает в этой книге историю географического изучения России. Внимание автора почти целиком сосредоточено на путешествиях и экспедициях.

Преимущественное внимание историков географии к путешествиям и экспедициям вполне понятно: экспедиции и путешествия являются основным источником географического изучения страны.

Таким образом, история географической мысли изучена гораздо слабее, чем история географических открытий и экспедиций. В области же истории географической мысли наименее изученным участком является география человека и в особенности экономическая география. Между тем именно эта отрасль географической науки оказала влияние на развитие исторической географии.

По истории географии человека имеется довольно богатый по охвату материала, но сжатый по изложению «Очерк истории антропогеографических идей» (1909) Л. Д. Синицкого, который был у нас проводником идей буржуазной антропогеографии. С точки зрения этих идей, неприемлемых для советского исследователя, и построена книга Л. Д. Синицкого[4].

История экономической географии до сих пор еще совсем не написана. По истории экономико-географической мысли в нашей стране нет ни одной работы, если не считать немногих статей об отдельных ее представителях.

Задача написать историю экономической географии в России была поставлена нашими историками географии только в самое последнее время. Над ее разрешением работал Я. С. Артюхов и продолжает работать Н. П. Никитин[5].

Развитие экономической географии в зарубежных странах почти не изучено. В СССР была напечатана в сущности лишь одна работа такого рода: книга В. А. Танаевского «Обзор развития экономико-географической мысли», вып. 1 (издана в 1927 г. в Вятке, ныне Киров).

---

[1] «Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири». «Советская этнография», 1936, № 6 и *Татищев*. Избранные труды по географии России. М., 1950.

[2] Основная работа — «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII — первой половины XVIII в.». М., 1950. Под редакцией А. В. Ефимова издан сборник документов «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века». М., 1951.

[3] «География в России XVII века». М.— Л., 1949; «География в России петровского времени». М., 1950. «Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки». М., 1951.

[4] К тому же, изложение Л. Д. Синицкого основано в значительно бо́льшей степени на материале, взятом из вторых рук, чем на изучении подлинных произведений тех авторов, о которых он говорит.

[5] Работы Н. П. Никитина по истории экономической географии в России напечатаны в сб. «Вопросы географии», №№ 10, 17 и 31.

Танаевский изучает, как он выражается, предисторию экономической географии, т. е. развитие экономико-географической мысли в XVI—XVIII вв.

Из зарубежных работ можно отметить небольшую по объему книгу Крауса (Alois Kraus) «Versuch einer Geschichte der Handels- und Wirtschaftsgeographie», вышедшую в свет еще в 1905 г. Краус прослеживает развитие экономической географии с XIV и до конца XIX в. В противоположность В. А. Танаевскому, который часто ограничивается приведением фамилий авторов и названий книг, Краус обычно стремится дать характеристику называемых им сочинений, но число привлеченных им к обзору работ значительно меньше, чем у В. А. Танаевского.

Блинк (Blink), по выражению немецких географов — «отец экономической географии в Голландии», в 1910 г. в первом номере основанного им первого в мире специального экономико-географического журнала «Tijdschrift voor Economische Geographie», в статье «Die Economische Geographie naar haar beteekenis en historische ontwikkeling», дал беглый очерк исторического развития экономической географии.

В 1912 г. К. Прейслер (K. Preissler) один из разделов своей большой статьи «Wirtschafts- und Verkehrsgeographie», напечатанной в сборнике «Der moderne Erdkunde-Unterricht» под редакцией Роте (Rothe) и Вайриха (Weyrich), отвел изложению истории экономической географии. Ближе к нашему времени — в 1924 г. — итальянский географ Беллемо (Bellemo) в небольшой книжке «Concetto e compiti della geografia economica» отдельную главу, названную им «Processo di formazione della scienza geografica economica», посвятил истории экономической географии.

Перечисленные работы по истории экономической географии в зарубежных странах отличаются преимущественно описательным характером и не дают научного анализа ее развития.

Отдельные обычно очень краткие экскурсы исторического характера довольно часто встречаются в весьма многочисленных попытках дать определение предмета и метода экономической географии.

Вот, собственно говоря, едва ли не все, что сделано в области изучения истории развития экономической географии.

Таким образом, в области истории географической науки автор настоящей работы также оказался перед необходимостью самостоятельных исторических изысканий.

Превратить данное исследование в работу, посвященную одновременно историческому развитию исторической географии, историографии и географии, было бы, конечно, не только огромной по масштабу, непосильной для автора, но и нецелесообразной задачей, так как это лишило бы книгу необходимой целеустремленности.

Собранный автором материал по истории развития историографии и по истории географии и выводы, полученные им на основании этого изучения, использованы поэтому в данной работе лишь для объяснения хода развития исторической географии[1]. Краткие очерки развития историографии и географии в ту или иную эпоху, которые помещены ниже, не претен-

[1] Этот материал послужил автору основой для составления ряда очерков, частично опубликованных им в нашей научной печати, как то: «Развитие исторической науки в США» («Исторический журнал», 1944, № 12), «Изучение истории СССР в Калифорнийском университете в США» («Вопросы истории», 1945, № 5—6), «Рафаэль Альтамира — историк испанской культуры» («Вопросы истории», 1946, № 12), «Людовико Гвиччардини — экономист-географ XVI века» («Известия Всесоюзного географического общества», 1944, т. 76, вып. 4). Этот же материал послужил базой для докладов: «Возникновение экономической историографии» и «Итальянская гуманистическая историография XV века», прочитанных автором в Комиссии по истории исторических наук при Отделении истории и философии АН СССР.

дуют вследствие этого на самостоятельное значение. Их роль чисто вспомогательная—способствовать разрешению основной задачи данной работы.

Автор поставил своей задачей проследить развитие исторической географии как в нашей, так и в зарубежных странах. При этом ему казалось совершенно нецелесообразным выделять, как это иногда делается в работах по истории науки, развитие изучаемой им ветви научного знания в нашей стране в особую часть работы. Историческая география, подобно исторической и географической науке, взятой в целом, развивалась у нас самостоятельно, параллельно с ее развитием на Западе. Влияние зарубежной науки, конечно, было, как было оно и в других странах, но ученые, занимавшиеся у нас историко-географическими проблемами, творчески перерабатывали идеи, шедшие к ним с Запада, а не были простыми подражателями.

Автор ограничил свое исследование истории исторической географии периодом XIV—XVIII вв.

В это время историческая география зародилась и развилась как историческая дисциплина. К концу этого периода она заняла заметное место как в общей системе исторических знаний, так и в общеисторических сочинениях. Историко-географическое введение стало необходимой частью работ по общей истории какой-либо страны. Исторические карты стали обычными не только в исторических сочинениях, но и в собраниях источников. В последующее время перед исторической географией стали ставиться более широкие задачи, чем раньше. Но в этом расширении ее задач не только не было единодушия среди историков, но и постепенно нарастал разброд мнений. В результате этого она в конце концов заслужила в буржуазной историографии ту репутацию научной дисциплины с неопределенным содержанием, о которой говорилось выше.

Завоеванное ею место в общеисторических произведениях историческая география утеряла. Интерес к ней упал, и лишь сравнительно недавно внимание к ней опять стало усиливаться.

Таким образом, XIV—XVIII вв. были в развитии исторической географии большим и законченным периодом, изучение которого представляет несомненный интерес.

Это было основным мотивом при установлении хронологических рамок исследования.

Кроме того, нельзя было не считаться и с той исключительно большой затратой труда, которой потребовало бы освоение по первоисточникам как истории исторической науки, так и истории географической науки XIX—XX вв. А без такого изучения трудно дать научное объяснение истории исторической географии в XIX—XX вв.

Изучая развитие исторической географии, я старался, в целях получения возможно более полной картины, не ограничиваясь литературой на русском, английском, французском, немецком и латинском языках, привлекать также сочинения на других европейских языках. В сравнительно достаточной мере это удалось сделать в отношении работ, написанных на итальянском и отчасти польском[1] языках. Историческими и географическими изданиями на других европейских языках наши книгохранилища бедны, и поэтому здесь возможны досадные пропуски.

Считаю необходимым вместе с тем подчеркнуть, что я отнюдь не ставил в своей работе библиографических задач. Поэтому, естественно, далеко не все историко-географические произведения, как отечественные, так и иностранные, привлечены мною к рассмотрению.

---

[1] Здесь я должен с благодарностью вспомнить помощь, оказанную мне Львовским университетом. Я уже имел возможность выразить свою признательность за эту помощь в печати (см. «Историк-марксист», 1941, № 5, стр. 20, примечание 2).

Глава вторая

ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В РАБОТАХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГУМАНИСТОВ ДО ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ

§ 1. ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СОЧИНЕНИЯХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ И В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЕТОПИСЯХ

В качестве отраслей человеческого знания как история, так и география возникли и развились еще в древнем мире. В античном мире история и география иногда сочетались вместе в одном и том же произведении, как, например, у Геродота, которого еще в древности называли «отцом истории»[1] и которого с равным правом можно назвать «отцом географии». Но у Геродота исторический рассказ сочетается с современным ему географическим описанием тех стран, историю которых он рассказывает. Реконструкции каких-либо элементов географии прошлого у него нет, т. е. исторической географии у Геродота нет. Попытки восстановить географию прошлого у античных историков имеют место в весьма незначительных размерах. Например, Полибий, интересуясь переходом Ганнибала через Альпы, совершил специальную поездку для осмотра тех мест, где проходил путь Ганнибала[2]. Но, описывая переход Ганнибала через Альпы, он не прослеживает конкретного маршрута войск Ганнибала, а говорит о его пути в чрезвычайно общих выражениях, сосредоточив все свое внимание на описании той борьбы с горцами, которую в трудных горных условиях пришлось выдержать Ганнибалу.

Во II в. до н. э. александрийские ученые, изучая каталог кораблей Гомера, повидимому, делали попытки исследовать древнейшую топографию Греции. Но их труды до нас не дошли. Лишь часть их содержания была использована Страбоном в его «Географии». В этом сочинении Страбон дает современную ему географию древнего мира. Нередко он делает небольшие экскурсы исторического характера: например, описывая Армению[3], он дает краткий очерк ее истории со времен персидского господства до своего времени, при описании Египта[4] останавливается на истории династии Птолемеев и на обращении Египта в римскую провинцию. В этих исторических экскурсах никакой исторической географии нет. Но есть у Страбона одна глава, в которой имеется попытка реконструировать географию прошлого и сопоставить ее с географией своего времени. Такая

---

[1] Например, Цицерон называет его «patrem historiae» («De legibus», lib. I, § I). Сочетание исторического рассказа с географическим описанием до Геродота имело место в сочинениях так называемых логографов.

[2] «Всеобщая история», перевод Ф. Г. Мищенко, т. 1. М., 1890, кн. 3, § 48.

[3] «География Страбона», перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879, кн.12, гл. 14.

[4] Там же, кн. 17, гл. 1.

попытка сделана им в первой главе тринадцатой книги, где он говорит о географическом положении Трои и ее области во времена Гомера. Он пишет о своем намерении при описании той местности, где некогда были расположены Троя и подчиненные ей земли, сопоставить «рядом с настоящим положением вещей то, что рассказывается Гомером и прочими писателями»[1].

Страбон выполнил это свое намерение. Он указывает, где именно была расположена гомеровская Троя, и где лежали зависевшие от нее территория и упоминаемые в Илиаде географические объекты.

Можно найти некоторые элементы исторической географии в «Описании Эллады» Павсания, греческого писателя II в. н. э. «Описание Эллады» Павсания», — это путеводитель по городам Греции с описанием находящихся в этих городах достопримечательностей, прежде всего древностей и памятников искусства. Описание сделано Павсанием на основании личного ознакомления с описываемыми объектами и отличается большой точностью[2]. Поэтому оно высоко ценится в наше время как исторический источник. В связи с описанием у Павсания встречается и исторический рассказ.

Для Павсания, жившего во II в. н. э., эпоха классической Греции была уже довольно отдаленным временем. В связи с этим у Павсания проявляется иногда стремление воссоздать древнюю топографию описываемых им мест. Но центр внимания Павсания — в описании отдельных памятников. Его замечания, относящиеся к древней топографии описываемых им мест, отрывочны. Поэтому считать историко-географическим произведением «Описание Эллады» Павсания нет оснований. Можно говорить лишь о наличии в нем незначительных элементов исторической географии.

Отмеченные мною у античных авторов чрезвычайно незначительные элементы исторической географии встречались спорадически. Никакого развития в античной древности они не получили. Таким образом, начинать уже с античной древности историю развития исторической географии не приходится. Единственным моментом историко-географического порядка, о котором в данном случае приходится говорить, является учение о роли климата, а отчасти и других природных условий в жизни человеческого общества. Высказывания на эту тему имеются у ряда античных авторов, начиная с Гиппократа.

Эти высказывания античных писателей получили дальнейшее развитие в работах авторов XVI—XVIII столетий. Эти взгляды удобнее будет подвергнуть разбору вместе с этими работами.

Специальных работ на историко-географические темы в средние века не было, как не было их и в древности. Джералд де Барри (GiraldusCambrensis), которому Барнес[3] приписывает занятия исторической географией, не был автором историко-географических работ. Его труды «Topographia Hibernica», «Itinerarium Cambriae» (на эти два его сочинения ссылается Барнес, приводя их заглавия в переводе на английский язык), а также «Descriptio Cambriae» посвящены современной ему географии Ирландии и Уэльса[4], но не исторической географии этих стран.

Для историка, работающего в наше время, через семь веков после того, как названные географические сочинения были написаны, они могут по-

---

[1] «География Страбона», перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879, кн. 13, гл. 1, § 8.

[2] См. вводную статью С. П. Кондратьева к его русскому переводу «Описание Эллады». М., 1938.

[3] См. об этом выше, в гл. 1.

[4] Giraldus Cambrensis является очень интересным представителем так называемого «ренессанса XII столетия». О нем см. *Haskins*. The Renaissance of the 12-th century, 1927.

служить очень ценным источником для изучения географии Ирландии и Уэльса XII столетия. Но это не делает их историко-географическими с точки зрения того времени, когда они были созданы, и поэтому нельзя утверждать, что их автор занимался исторической географией. Он изучал не историческую, а современную ему географию Ирландии и Уэльса.

Это относится и к другим географическим сочинениям средневековья не в меньшей мере, чем к географическим сочинениям древности. Из того факта, что теперь они являются для нас ценным источником при изучении исторической географии тех стран, которые в них описаны, отнюдь не вытекает, что их авторы при создании этих сочинений занимались исторической географией. Например, «Хождения» в Палестину и в Царьград, имеющиеся в древнерусской литературе, являются очень ценным историко-географическим источником при изучении географии путей сообщения того времени, к которому эти «Хождения» относятся. Но сами их авторы никаким исследованием древних путей не занимались. Это не историко-географические, а просто географические сочинения.

Западноевропейские хроники, как и наши русские летописи, насыщены географическим материалом. Но в подавляющем большинстве случаев с точки зрения того момента, когда эти хроники и летописи создавались, это не историко-географический, а просто географический материал. Летописец, называя и даже описывая те или иные географические объекты, обычно вовсе не ставит себе задачи восстановления географии прошлого, установления того, чем эта география прошлого отличалась от современной ему географии. В наше время для историка географический материал, содержащийся в летописях, является очень ценным историко-географическим источником, который помогает нам представить себе географию прошлого. Например, географический материал «Повести временных лет» послужил для историка второй половины XIX в. Н. П. Барсова основным источником для его очень интересного и не потерявшего еще до сих пор научного значения исследования «Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи» (1-е изд. 1873 г., 2-е изд. 1885 г.).

Но на основании того факта, что теперь через несколько сот лет этот географический материал стал историко-географическим источником, нельзя утверждать, что он был уже для летописца именно историко-географическим, а не просто географическим материалом.

Таким образом, обильные данные по географии средневековья, которые встречаются в исторических и географических сочинениях средних веков и которые служат для нас, современных историков, очень ценным источником при изучении исторической географии средневековья, отнюдь еще не доказывают существования исторической географии в средние века.

Но в средневековых летописях, правда сравнительно редко, встречаются и элементы несомненной исторической географии. Наиболее ярким из известных мне таких элементов является то место «Повести временных лет», где летописец говорит о расселении славян в Европе. В силу интереса, который представляет этот маленький отрывок, приведу его целиком: «По мнозех же временех сели суть Словени, по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте; яко пришедше седоша на реце имянем Марава и прозвашеся Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словени: Хорвате Белии и Серебь и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайския, и седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру

и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припятью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север. И тако разидеся Словеньский язык, тем же и грамота прозвася Словеньская»[1]. Здесь летописец говорит не о географии своего времени. В этом отрывке мы имеем дело с попыткою летописца представить, как шел в историческом прошлом процесс расселения славян по территории Восточной и Средней Европы, т. е. это уже вполне определенная попытка реконструировать[2] один из элементов исторической географии — географии населения. Имеются в «Повести временных лет» также и указания на различия в топографии населенных мест в историческом прошлом и во времена летописца, например в рассказе о мести Ольги древлянам за смерть Игоря летописец говорит, что во времена Ольги воды Днепра текли непосредственно под Киевской горой, что на Подоле (часть Киева) тогда не было населения, которое все жило на горе,— «град же бе Киев иде же есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе»[3].

В исторических произведениях западноевропейского средневековья тоже можно найти сходного характера элементы исторической географии, например в известной истории лангобардов Павла Диакона.

Однако эти сравнительно немногочисленные элементы исторической географии, которые можно найти в исторических произведениях средневековья, не обнаруживают заметного развития, например приведенный выше отрывок из «Повести временных лет» по своей яркости и отчетливости не имеет себе равных в нашей последующей летописной литературе. В генетической связи с последующим развитием исторической географии со времен гуманизма эти элементы не находятся. Поэтому выявление и дальнейший анализ элементов исторической географии в средневековых летописях является особой темой, лежащей за пределами данной работы.

§ 2. ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМ XIV—XV ВЕКОВ

Как будет показано ниже, развитие исторической географии тесно связано с гуманизмом. Он определил ее первые шаги, он надолго направил ее внимание на одну лишь эпоху — античную древность.

Понимание сущности гуманизма как исторического явления неоднократно менялось в научной литературе[4]. И в настоящее время в этом отношении нет единства взглядов среди буржуазных ученых, как это можно видеть, например, из прений в Комиссии истории новой литературы Между-

---

[1] Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 2-е учебное «издание постоянной историко-географической комиссии Академии наук СССР». Л., 1926, стр. 5—6.

[2] Об источниках, которыми в данном случае пользовался летописец, см. «Труды отдела древнерусской литературы», т. IV. М., 1940.

[3] «Повесть временных лет». То же издание, стр. 54.

[4] Исчерпывающий обзор истории понимания гуманизма в научной литературе до 90-х годов XIX в. дан в исключительном по богатству материала и тщательности его обработки старом труде М. С. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография», 4 тт., 2-е изд., СПб., 1914; эволюция взглядов буржуазных ученых за более позднее время (а отчасти и за более ранние годы) дана в статьях:

1) *Baron*. Renaissance in Italien. «Archiv für Kulturgeschichte XVII (1927) и XXI (1931)»; 2) *Huizinga*. Das Problem der Renaissance. Сб. его статей «Wege der Kulturgeschichte». 1930; 3) *Eppelsheimer*. Das Renaissance-Problem. «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literatur, Wissenschaft und Geistesgeschichte», XI, 1933. Все эти авторы стоят на идеалистических позициях.

народного комитета исторических наук в заседании от 14/IV 1936 г.[1] Анализ этих разногласий лежит за пределами моей темы.

Историки-марксисты, как наши, так и зарубежные[2], при характеристике сущности и исторического значения гуманизма исходят из той социально-экономической обстановки, под влиянием которой сложился и развивался гуманизм. При этом, конечно, следует различать как этапы в развитии гуманизма, так и конкретные особенности гуманизма в отдельных странах.

Как известно, в XIV—XV вв. Италия была в хозяйственном и культурном отношении самой передовой страной Европы.

Маркс в «Капитале» говорит, что «первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях...»[3]. Гуманизм и был продуктом этой городской культуры Италии XIV—XV вв.

В силу этого мировоззрение итальянских гуманистов XIV—XV столетий, которые в значительной мере и сами лично были выходцами из городской буржуазии, характеризуется прежде всего двумя основными чертами: это — мировоззрение, во-первых, антифеодальное и, во-вторых, светское. В феодальном обществе социальное положение человека в первую очередь определяется его происхождением. Поэтому знатность человека в глазах феодального общества определяет значение этого человека в обществе.

Итальянские гуманисты XIV—XV столетий смотрели на знатность совсем иначе. В этом отношении интересен диалог Поджио «De nobilitate». Устами Никколи — флорентийского гуманиста конца XIV — начала XV столетия — Поджио доказывает, что источником благородства является только добродетель, что знатность сама по себе не имеет никакого морального значения[4].

Уже у Петрарки, несмотря на то, что он был религиозным человеком, светские интересы явно на первом плане. В качестве примера можно привести его «Itinerarium Syriacum» (Сирийский путеводитель), сочинение, которое будет подробно разобрано ниже. В этом сочинении, несмотря на религиозную цель, с какою оно написано, внимание автора концентрируется на светских сюжетах.

Для XV в. типичными можно признать впечатления Поджио от казни по обвинению в ереси Иеронима Пражского. Поджио был на суде поражен мужеством и красноречием чеха. Он писал по этому поводу своему другу Бруни: «Fateor me neminem vidisse unquam qui in causa dicenda praesertim capitis magis accederet ad facundiam priscorum, quos tantopere admiramur... Stabat impavidus, intrepidus mortem non contemnens solum, sed affectens, ut alterum Catonem dixisses»[5].

Религиозная сторона дела Иеронима совсем не интересовала Поджио. Когда гуманизм конца XV столетия распространился в других странах Европы, гуманисты этих стран не усвоили религиозного индифферентизма итальянских гуманистов XV столетия. Но была одна черта, которая была свойственна всем гуманистам, — это глубокий интерес к античности и

---

[1] См. «Bulletin of the international Committee of the historical sciences», № 43, Apr. 1939.

[2] См. статью норвежского историка Кута (*Koht*). Le problème des origines de la Renaissance, «Revue de synthèse historique», т. XXXV. Paris, 1924. О своих марксистских взглядах Кут говорит в статье «Новые исторические работы в Норвегии», помещенной им в «Вопросах истории», 1947, № 11.

[3] *К. Маркс.* Капитал, т. 1, М., 1952, стр. 720.

[4] «Me quidem ratio ipsa recte considerantem hortari atque admonere videtur nullam esse hanc decantatam nobilitatem».

[5] «Признаюсь, я никогда никого не видел, кто бы на суде, в особенности когда грозит смертная казнь, больше походил бы красноречием на древних, которым мы так удивляемся... Он стоял бесстрашный, бестрепетный, не только презирающий смерть, но стремящийся к ней, так что можно было назвать его вторым Катоном».

внимательное и любовное ее изучение. Гуманисты, по образному выражению Анатоля Франса, «aimèrent les lettres mortes d'un vivant amour et retrouvèrent dans la poussière antique l'itincelle de l'éternelle beauté»[1].

В античности гуманисты искали оправдание своим взглядам и ответа на те вопросы, которые ставила перед ними современность. Стремление познать древность, представить себе ее во всей ее конкретной обстановке, естественно, порождало также и попытки ознакомления с античной географией. Таким образом, изучение античности гуманистами было первым толчком к возникновению исторической географии.

Чтобы показать и объяснить это возникновение, надо остановиться вкратце на итальянских историках и географах, гуманистах.

§ 3. ПЕТРАРКА И БОККАЧЧИО КАК ИСТОРИКИ

Петрарка и Боккаччио не могут быть названы основателями гуманистической историографической школы. Эта школа возникла позже — в следующем столетии. Но в исторических сочинениях Петрарки и Боккаччио имеются в зародыше некоторые элементы нового направления.

Петрарка увлекался римской историей и был хорошо знаком с сочинениями не только Ливия, горячим поклонником[2] которого он был, но и большинства римских историков.

Петрарка написал два исторических произведения: «De viris illustribus» и «De rebus memorandis libri IV».

«De viris illustribus» представляет собою сборник биографий выдающихся деятелей римской истории от Ромула до Цезаря и трех античных знаменитых людей не римлян — Александра Великого, Пирра и Ганнибала. С особенною любовью Петрарка останавливается на Сципионе Африканском старшем и Цезаре.

Этим сочинением Петрарка восстановил античный литературный жанр биографий знаменитых людей, жанр, почти неизвестный средневековой литературе.

Биографии, написанные Петраркой, конечно, не являются плодом самостоятельной работы над источниками. Это компиляция из римских авторов. При этом Петрарка не делает попытки сопоставлять данные различных писателей о своих героях и не подвергает их проверке и критике. Он просто берет материал у тех авторов, авторитет которых ему кажется выше. Но этот выбор очень характерен. Он берет только античных авторов и отбрасывает все средневековые легенды о таких исторических деятелях, как, например, Александр Великий. Таким образом, здесь имеет место то отбрасывание средневековых легенд, которое в следующем столетии явится первым шагом гуманистов в деле исторической критики.

Петрарка не переписывает тексты используемых им авторов. Он пересказывает их своими словами и меняет формулировки даже знаменитых исторических изречений, напр., слова Цезаря при переходе через Руби-

---

[1] «Любили мертвую литературу живой любовью и находили в античной пыли искру вечной красоты».

[2] Петрарка так отзывался о труде Ливия: «Opus mole mirabile stupendumque praesertim quia in eo nihil raptim et tumultuario, ut aiunt, stilo quod quidam solent qui omne verbum labiis oblatum scriptis mandant sed tanta maiestate sententiarum tantaque verborum modestia complevit omnia ut ab arte eloquentiae non multum abesse videatur». «De rebus memorandis», lib. I, Opera, p. 397. («Труд огромный, замечательный, удивительный особенно тем, что в нем нет ничего написанного поспешно, так называемым беспорядочным стилем, каким пишут те, которые записывают каждое слово, сорвавшееся с губ, но в нем все наполнено таким величием мысли и скромностью выражений, что он кажется недалеко отстоящим от искусства красноречия»).

кон: «Жребий брошен» («alea iacta est») он заменяет словами: «дело начато» («coepta res est»)[1].

Но в сочинениях Петрарки есть и более серьезный пример исторической критики. Император Карл IV обратился к Петрарке с вопросом о подлинности двух писем Юлия Цезаря и Нерона, которыми Австрия освобождалась от подчинения Римской империи. В ответном письме Карлу IV Петрарка доказывает подложность писем разбором их текста. В разбираемом письме Цезарь говорит о себе во множественном числе. Петрарка, приводя выписки из документов, доказывает, что Цезарь так о себе никогда не говорил. В письме Цезарь называет себя Augustus. Петрарка указывает, что Цезарь никогда так себя не называл, что впервые это имя применил к себе Октавиан. Особенно ясно, по мнению Петрарки, обнаруживается невежественная подделка разбираемого письма его датировкой — «datum Romae die Veneris regni nostri anno primo». Цезарь не мог упоминать о своем царствовании, так как никогда не называл себя царем, в датировке пропущен месяц и вопреки традиции не названы консулы. Разбор письма Нерона гораздо слабее. Но интересны заключительные строки письма Петрарки Карлу IV. Петрарка указывает, что язык разбираемых писем совершенно не похож на язык древних, и изобличает подлог.

Легко видеть, что в данном письме Петрарки к Карлу IV содержатся элементы той критики подложного текста, которую с таким блеском развернет в следующем столетии Лоренцо Валла в своем знаменитом сочинении о подложности так называемого «дара Константина».

Наконец, общий тон изложения в «De viris illustribus» чисто светский.

«De rebus memorandis», по определению М. С. Корелина, является «чем-то вроде справочной книги назидательных примеров для утверждения в различных добродетелях и исторических иллюстраций духовных свойств человека»[2]. Материал взят из латинских авторов и современной Петрарке жизни.

Боккаччио был автором четырех исторических произведений: 1) «De claris mulieribus», в котором даны 105 биографий знаменитых женщин, 2) «De casibus virorum illustrium libri IX», где рассказывается о несчастьях знаменитых людей. 3) «La vita di Dante» — написанная на итальянском языке биография Данте, 4) «De vita et moribus domini Fracisci Petrarchae» — очерк жизни и деятельности Петрарки.

Первые два сочинения Боккаччио примыкают к историческим произведениям Петрарки. Боккаччио сам говорит в предисловии к «De claris mulieribus», что он написал это произведение в качестве дополнения к сочинению Петрарки «De viris illustribus». Его второе историческое сочинение о несчастьях знаменитых людей ставит себе задачи примерно того же порядка, какие ставил себе Петрарка в книге «De rebus memorandis». Как и его друг и учитель Петрарка, Боккаччио в этом произведении использует исторический материал для моральных поучений. Обычно после каждого рассказа о несчастье знаменитого человека следует поучение, направленное против того порока или нравственного недостатка, который был причиной только что рассказанного несчастья.

По степени знакомства с античными авторами Боккаччио не уступает Петрарке. Но как историческое произведение, его сочинение о знаменитых женщинах уступает сочинению Петрарки о знаменитых мужах. Боккаччио начинает свою книгу с биографии Евы, дальше следуют биографии различных женщин древнего мира, притом не только действительно

---

[1] *Kirner.* Sulle opere storiche di Francesco Petrarca. Pisa, 1889, p. 67.

[2] *М. С. Корелин.* Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. II. Франческо Петрарка, изд. 2-е, СПб., 1914, стр. 84.

существовавших, но и героинь легенд и даже богинь, как, например, Венера, Медея, Ниоба.

Последние семь биографий представляют собою биографии женщин средневековья. При этом и среди этих семи имеются легендарные персонажи.

В своих биографиях Боккаччио переписывает из античных авторов то, что имеет анекдотический интерес. Об исторической критике не может быть и речи. Наиболее значительным историческим произведением Боккаччио является написанная им на итальянском языке биография Данте. В этом произведении Боккаччио не подражал Петрарке, а был вполне самостоятелен. Боккаччио был первым биографом Данте. Этим сочинением Боккаччио положил начало одной из ветвей гуманистической историографии — жизнеописаниям деятелей литературы.

§ 4. ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СОЧИНЕНИЯХ ПЕТРАРКИ И БОККАЧЧИО

Уже у «первого гуманиста» Петрарки мы встречаем интерес к исторической географии, в его работах зародыш ее.

Наряду с занятиями историей Петрарка очень интересовался географией. Он был хорошо знаком с сочинениями древних римских географов — Помпония Мелы, Солина, Плиния. Он читал также географические труды английского историка и географа XII в.— упомянутого выше Джералда де Барри[1].

Изучая Плиния, Петрарка выносил на поля рукописи географические названия, упоминаемые Плинием, и сопровождал эти выноски условными знаками: имена рек, озер и ручьев он подчеркивал и ставил впереди их небольшую вертикальную волнистую черту, названия гор он обводил рамкой в виде силуэта горной цепи[2]. Таким путем, очевидно, он хотел закрепить в своей памяти смысл изучаемых им географических названий.

Петрарка имел географические карты, в том числе карту Южной Италии и Сицилии, Средиземного моря и присланную ему друзьями карту мира (totum terrarum orbem, как он ее называет). Ноляк (Nolhac) полагает, что это были компасные карты XIV в. В одном из своих писем Петрарка говорит о своих мысленных путешествиях по карте[3].

Биондо в своей «Italia Illustrata» сообщает, что Петрарка совместно с королем Неаполитанским Робертом, с которым он находился в дружеских отношениях, составил карту Италии. Ноляк полагает, что это сообщение Биондо, которому предшествующие исследователи не хотели верить, является вполне правдоподобным, и относит эту работу Петрарки к 1341 г.

Изучая географию, Петрарка особый интерес проявлял к античной географии, стремясь локализовать на карте те географические имена, которые он встречал у римских писателей, и определить, какие современные ему названия им соответствуют.

На полях принадлежавших Петрарке рукописей сочинений Виргилия и Тита Ливия сохранились его многочисленные заметки историко-географического характера, в которых Петрарка пытается определить местоположение встречающихся у этих авторов географических названий, поды-

---

[1] *Nolhac.* Pétrarque et l'humanisme, v. II, p. 215, Paris, 1907.

[2] Там же. v. I, p. 75.

[3] «Consilium cepi,— пишет Петрарка,— ad eas terras non navigio, non equo pedibusque per longissimum iter, semel tantum sed per brevissimam chartam saepe libris ac ingenio proficisci...» (Sen. IX.2, Opera, p. 851). «Я решился часто предпринимать путешествия в те страны не на корабле, не на лошади или пешком длинной дорогой, но сразу кратчайшим путем при помощи карты по книгам и мысленно»).

скать соответствующие им названия в современной Петрарке географической номенклатуре.

В этих своих попытках Петрарка использует данные римских географов, особенно Помпония Мелы, и те старые карты (он их называет cartae vetustissimae), которыми Петрарка располагал.

Ноляк в своей книге о Петрарке опубликовал значительное количество таких заметок Петрарки. Вот несколько примеров.

Виргилий в III песне Энеиды упоминает о храме Минервы (... templumque apparet in arce Minervae). Петрарка по поводу этого места пишет целое маленькое рассуждение. Сначала он жалуется на отсутствие точных данных для локализации на карте упоминаемых древними авторами мест. Причину этого он отчасти видит в удаленности этих мест, недоступных для его современников, в изменении географических названий в ходе истории, в редкости и неясности соответствующих данных у античных писателей, а иногда и в разногласии в указаниях этих писателей, но главной причиной этого факта, по мнению Петрарки, является отсутствие любознательности у современников, их косность, вследствие которой они интересуются только тем, что расположено перед их глазами. Далее Петрарка указывает, что он, насколько мог, подверг тщательному исследованию вопрос о местоположении храма Минервы, упоминаемого Виргилием в данном месте Энеиды, используя как античных писателей, в особенности географов, так и некоторые очень старые (vetustissimae) карты, попавшие ему в руки (quae ad manus nostros venerunt). Затем Петрарка указывает то место, где, по его мнению, стоял храм Минервы, упоминаемый в III песне Энеиды, и прибавляет несколько замечаний об окрестностях этого места.

В заключение Петрарка сообщает, что есть и другое место, с тем же названием (templum Minervae),— в Кампании.

Обычно этого рода заметки Петрарки значительно короче, чем та, о которой только что рассказано. Так, например, относительно упоминаемого в той же Энеиде географического названия Columna Петрарка замечает, что в его время ее отожествляют с Мессаной (теперешней Мессиной в Сицилии), но что у древних он ничего об этом не читал, и что, с другой стороны, на противоположном берегу Италии имеется Columna regia, о которой упоминает Помпоний Мела и которая есть также на старых картах.

Встречая у Тита Ливия рассказ о народе вольсков, Петрарка отмечает на полях рукописи, что «надо установить место, где жили вольски, столицей которых являлся Антиум». В другом случае к примечанию древнего комментатора—«Nota de loco prope Tusculanum, quod Columen antiquitus vocabatur»— Петрарка добавляет: «Nunc Columna» (т. е. теперь это место называется Columna). При упоминании Ливием города Медиолана (ныне Милан) Петрарка отмечает: Attende situm (т. е. обрати внимание на местоположение).

В главном историческом произведении Петрарки — «De viris illustribus» есть биография Цезаря. Здесь Петрарка, используя приобретенное им во время своих поездок во Францию знание географии этой страны, пытается представить себе географию расселения народов Галлии в эпоху завоевания ее Цезарем. Есть у Петрарки и такое произведение, которое видный историк гуманизма М. С. Корелин называет «первым опытом древней географии»[1]. Один из миланских друзей Петрарки[2] обратился к нему

---

[1] *М. С. Корелин.* Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. II, стр. 94.

[2] Известный итальянский историк литературы Тирабоски (Tiraboschi) установил, что это был Giovanni da Mandello. См. «Storia della letteratura italiana», Nuova edizione Firenze 1807, t. V, p. 12.

с предложением совершить совместное паломничество в Палестину. Петрарка отказался ехать в Палестину, но взамен личного участия в путешествии прислал специально написанный путеводитель от Генуи до Палестины и обратно до Италии через Египет. Петрарка написал его в форме письма. Впоследствии это письмо у издателей получило название «Itinerarium Syriacum».

Историки гуманизма обычно указывают на большое значение данного произведения для характеристики общего мировоззрения Петрарки. Так, например, еще Кёртинг, автор обстоятельной книги о Петрарке, писал об «Itinerarium Syriacum»: «может быть, ни в каком другом сочинении не обнаруживается так ясно, как в «Путеводителе», что Петрарка, несмотря на все средневековые элементы в его характере, все же в глубине своего существа принадлежит новому времени, что он является основателем новой культуры»[1].

М. С. Корелин подчеркивает, что эта особенность рассматриваемого сочинения Петрарки гораздо важнее, чем ее историко-географическая сторона. Вероятно, исходя из этих соображений, М. С. Корелин об этой последней ограничивается лишь кратким упоминанием. В соответствии с задачами настоящей работы мне придется несколько подробнее остановиться на характеристике этого замечательного произведения.

Путеводитель должен был служить практической цели и быть руководством по пути к святым местам. Он прежде всего должен был говорить о предметах, способных стимулировать религиозное настроение паломника, сообщать о достопримечательностях церковного характера, сообщать эпизоды из священного писания, связанные с теми местами, через которые проезжает паломник. Петрарка в своем путеводителе делает это, но уделяет подобного рода материалу очень мало внимания. Достопримечательности, связанные с религией, для него явно на втором плане.

Центральное место во всем сочинении занимает описание западного побережья Италии, составленное в светском духе. Описание начинается с Генуи, где паломник должен сесть на корабль, и далее Петрарка описывает те места на берегу, мимо которых корабль должен будет проезжать. Некоторые города и местности Петрарка кратко описывает, делая иногда небольшие экскурсы исторического или историко-литературного характера; о некоторых местах Петрарка лишь упоминает.

Он с воодушевлением говорит о богатой растительности Лигурийского побережья и удивляется, почему об этом молчат античные писатели, указывая при этом, что молчание древних побудило его «из всех писателей наименее выдающегося по дарованиям и стилю и наиболее позднего по времени» (et ingenio, et stylo, et aetate novissimum) описать эту местность в своей поэме «Африка». Отмечая, что река Макра отделяет Лигурию от Этрурии, Петрарка указывает, что в низовьях этой реки на берегу моря лежат развалины г. Луна, «если верить молве» (si famae fides est). Описав местоположение г. Сарцаны, Петрарка отмечает, что это город новый и многолюдный. Несколько дальше, указывает Петрарка, лежат устья рек Серкио и Арно, из которых одна протекает мимо Лукки, а другая мимо «стен моего родного города» (т. е. Флоренции), а также мимо Пизы. Он добавляет при этом, что Флоренция лежит далеко от берега и увидеть ее нельзя. Говоря о Пизе, Петрарка останавливается на ее местоположении, на ее древности, ее выдающихся башнях и ее былом

---

[1] «Vielleicht in keiner anderen Schrift offenbart es sich so deutlich, wie in dem Itinerarium, dass Petrarca trotz aller mittelalterischen Elemente in seinen Charakter doch im innesten Grunde seines Wesens der Neuzeit angehört, dass er der Begrühder einer neuen Cultur ist». (*Koerting*. Petrarca's Leben und Werke. Leipzig, 1878, S. 615).

морском могуществе, впоследствии утраченном. Далее Петрарка упоминает о Ливорно и говорит о его маяке, освещающем ночью мореплавателям весь берег. Корсику Петрарка характеризует как отсталую (inculta) страну, богатую стадами, пасущимися в лесах, Эльбу — как остров, богатый железом.

Ссылаясь на Виргилия, он отмечает богатство Эльбы железной рудой. Он перечисляет далее Популониум, Массу приморскую, Гроссето, порт Теламона, признаваясь при упоминании этого последнего названия в своем незнании, получил ли порт свое название от имени отца Аякса или нет (Thelamonis portus, an ab Aiacis patre an unde dictus profiteor me nescire).

В данном перечне, где названы как античные, так и современные Петрарке города, он не делает никаких оговорок относительно того, какие из перечисляемых им городов существовали в древности, но не существуют в его время, и наоборот.

Далее он отмечает остров Игилиум (совр. итал. Giglio), известный мрамором и вином, город Корнето и некоторые другие города, расположенные по соседству. Петрарка указывает, что здесь некогда был город Тарквинии, от которого ничего не осталось, кроме имени и развалин. Уроженцами этого города были Тарквинии, царствовавшие в Риме.

Недалеко от берега Тибра лежит Остия, колония, основанная четвертым римским царем Анком Марцием, как об этом рассказывает Флор. «Когда ты будешь там, — обращается Петрарка к своему другу, — знай, что ты находишься только в двенадцати милях от царственного города Рима. Если бы я захотел говорить о нем коротко, как это позволяет мне место, я был бы невыносимо дерзким; для его подвигов и славы тесен весь мир, для прославления его недостаточно всех книг и языков»[1].

Ниже Остии был расположен Антиум, столица вольсков, он вел много войн с Римом, пока не был покорен вместе со всем племенем вольсков и разрушен.

Далее Петрарка говорит об очень высокой горе, которой в поэзии дано имя Цирцеи, так как «там, как говорят, жила Цирцея и там Улисс превратил своих товарищей в зверей».

Петрарка отмечает затем маленький остров Понтия (совр. итал. Ponza), «некогда известную тюрьму», Террацину, некогда называвшуюся Анксур, Кайету (совр. итал. Gaeta), «сохраняющую имя кормилицы Энея». Там он советует посетить могилу св. Эразма, так как, по общему мнению, помощь этого святого предохраняет от опасности на море.

Петрарка указывает, что в этом месте море образует большой залив с веселыми зелеными рощами по берегам. В этом месте были расположены города Формии и Литернум, из которых один известен преступным убийством Цицерона, а другой — постыдным изгнанием Сципиона. Далее Петрарка отмечает остров, прославленный поэтами, «который люди нового времени (moderni)» называют Искла (совр. итал. Ischia). На этом острове Юпитер, по преданию, победил гиганта Тифея. Легенда приурочена к данному месту, по мнению Петрарки, по той причине, что здесь из земли идет пар, напоминающий дыхание тяжело дышащего человека.

Обращаясь к своему другу, Петрарка предупреждает его, что вскоре после этого он увидит родину Сивиллы, где умер Тарквиний Гордый, лишенный царской власти. Он предостерегает друга от смешения Кум, где жила Сивилла, с Комо, городом, лежащим у подножья Альп, недалеко от Милана.

---

[1] «Si tam parvo spatio loqui velim intolerandae nimis audaciae sim, cuius gestis et gloriae totus orbis terrarum angustus est, cuius nomini libri linguaeque omnes non sufficiunt». *Francisci Petrarchae* Opera omnia. Basileae, 1581, p. 559.

Отмечая Мизенский мыс, выдвинувшийся в море, он связывает это название с именем погребенного там троянского трубача, «о чем вспоминал Виргилий» (cuius rei meminerit Virgilius).

Петрарка упоминает далее об Авернском озере, где, по мнению древних, находился вход в подземное царство. Он говорит об имеющихся по близости горячих и теплых источниках, более известных, чем источники «в какой-либо другой части нашего мира» (nostri orbis). Таким образом, в одних и тех же местах находится и то, что полезно для здоровья человека, и то, что связано с ужасом смерти.

Петрарка указывает, что у Мизенума всегда стоял на якоре один из римских флотов на случай внезапного нападения врага, а другой флот стоял в Равенне: так установил император Август, чтобы Италия имела защиту со стороны морей, которыми она омывается подобно острову.

У Мизенума находятся Байи, получившие свое название от погребенного здесь Байя, спутника Одиссея. Они расположены в прелестном месте и поэтому были местом зимнего отдыха римлян. На это указывают мраморные черепахи под горячими источниками и остатки стен.

Против Мизенума и Байй в трех или четырех милях лежат Путеоли (совр. итал.Pozzuoli), через отделяющее их морское пространство римский император Кай Калигула, хуже которого по своим моральным качествам был из римских императоров только Нерон, из пустого и расточительного тщеславия проложил земляную дамбу.

Недалеко от Путеоли находятся Фалернские холмы, прославленные знаменитым фалернским вином. Между ними и морем находится гора, насыпанная людьми, которую глупая чернь считает созданной волшебными песнями Виргилия. В ближайшей долине расположен Неаполь.

Петрарка советует своему другу, если он сойдет в Неаполе на берег, посетить капеллу королевского дворца, в которой «мой некогда земляк первый художник нашего века оставил творения великой кисти и таланта» (in qua conterraneus olim meus pictor nostri aevi princeps magna reliquit manus et ingenii monumenta). Петрарка вспоминает о моментах писательской деятельности Виргилия, связанных с Неаполем. От Неаполя он переходит к описанию Везувия. Указав, что Везувий является вулканом, Петрарка сначала вспоминает о гибели Плиния Старшего, павшего жертвой своего стремления к научному познанию природы (experiendi noscendique cupidine), потом отмечает, что сама гора удивительно богата вином, которое называется греческим, так как этой частью Италии некогда владели греки и она называлась Великой Грецией.

Дальше к югу Петрарка обращает внимание на лежащий на правой стороне от курса корабля остров Капри, «постыдное убежище старческих похотей и мастерская свирепости Тиберия» (secessus infamis senilium Tyberii voluptatum et officina saevitiae), и на левой стороне на материке на Помпею и Геркуланум, «некогда славные города, а теперь лишенные содержания (inania) названия».

Петрарка указывает, что среди прочих античных писателей о гибели этих городов говорит также Сенека.

Из других населенных пунктов этого района Петрарка называет Сорренто, славное своими виноградниками. Дальше описание становится более беглым. Несколько больше Петрарка останавливается на Сцилле и Харибде. Он объясняет, что Сцилла и Харибда находятся в Мессинском проливе, что Сцилла это — скала, расположенная налево от курса корабля, а Харибда это — большой и бурный водоворот против этой скалы. Он просит друга не смущаться тем обстоятельством, что Виргилий в третьей песне своей поэмы располагает Сциллу и Харибду иначе — различие Петрарка объясняет тем, что у Виргилия корабль плывет в направлении обрат-

ном тому, по которому будет плыть паломник, направляющийся из Италии в Палестину.

Упомянув после этого несколько пунктов на южном побережье Италии, Петрарка бегло прослеживает путь корабля вдоль берегов Греции и Малой Азии. Он предполагает, что друг его высадится на берег в каком-либо из портов Сирии или Палестины. Перечислив несколько приморских городов, он в нескольких словах останавливается на Акре (Аккон), характеризуя ее в таких выражениях: «некогда славная, а теперь разоренная и поверженная в прах лежит Акра, предмет величайшего неискупимого стыда и позорнейшая рана христианских государей, разве только сам Иерусалим является предметом несколько большего позора» (nobilis olim nunc eversa et in cinerem versa iacet Accon, summum inexpiabile dedecus ac turpissima cicatrix Christianorum regum, nisi aliquanto turpior esset ipsa Hierusalem)[1].

Описывая Иерусалим, Петрарка дает краткие характеристики христианских святынь этого города. Но перечень этот не очень длинный. Далее описывается путь из Палестины в Египет и сам Египет. В этом описании Петрарка подчеркивает трудность пути через пустыню, где «обычно страшны нападения арабов, жажда, голод, тяготы путешествия и нет почти ничего более опасного, как сбиться с дороги». Он вспоминает также места из христианского священного писания, связанные с этим путем. Но основное внимание Петрарки занято Александрией. Он говорит о гробницах Александра Македонского и Помпея, «из которых одного послал север, а другого запад», вспоминает о посещении Александрии Юлием Цезарем и Октавианом Августом, рассуждает о том, что Александра назвали великим греки, а Помпея римляне, французы же (Петрарка пишет — галлы, как тогда называли по-латыни французов) перенесли это прозвище на своего Карла (т. е. на Карла Великого).

Оканчивая описание Александрии, Петрарка упоминает об александрийском маяке, именем которого (Pharus) стали называть маяки и в других странах. Описанием Александрии заканчивается «Itinerarium Syriacum».

Как нетрудно видеть из изложенного мною его содержания, характеристика М. С. Корелиным данного сочинения Петрарки, как «первого опыта древней географии», не вполне соответствует сущности этого замечательного произведения. «Itinerarium Syriacum» — это не описание того, что представлял собою путь из Генуи в Палестину в древности, а произведение смешанного содержания. По своей структуре, это — произведение географического характера, так как основным стержнем всей работы является маршрут путешествия. В описании этого маршрута элементы античной географии даны вместе с элементами современной автору географии, причем иногда Петрарка не разграничивает достаточно четко древней географии от современной. Элементы античной географии преобладают.

Органической частью описания, неразрывно с ним связанной, являются краткие исторические экскурсы, иногда рассуждения самого Петрарки по поводу тех мест, которые он описывает.

Как видно из всего сказанного, основателем исторической географии Петрарку нельзя назвать, но зародыш исторической географии в его сочинениях безусловно имеется.

Среди латинских сочинений друга и последователя Петрарки Боккаччио есть географический словарь под заглавием «De montibus, sylvis,

---

[1] Характеристика, явно связанная с воспоминанием о взятии Акры мусульманами в 1291 г. Еще большим позором для христианских монархов Петрарка считает мусульманскую власть в Иерусалиме.

fontibus, lacubus, fluminibus, stagnis seu paludibus ac nominibus maris liber»[1].

Эта книга представляет собою пересказ с исправлениями и дополнениями Боккаччио сочинения Вибиуса Секвестера на ту же тему и под весьма сходным заглавием[2].

Все сочинение разделено на семь разделов, из которых один посвящен горам, другой лесам и т. д. соответственно заглавию работы. Внутри каждого раздела материал расположен в алфавитном порядке. Боккаччио обычно называет описываемые им географические объекты их античными географическими именами, но стремится параллельно привести и их современные ему названия, извиняясь, что не может сделать этого всегда. Современное ему состояние описываемых им объектов Боккаччио сравнивает с тем, в котором они находились в древности. Описывая тот или иной географический объект, Боккаччио часто сообщает связанные с ним исторические факты, причем останавливается главным образом на событиях из античной истории, но иногда приводит факты из средневековой истории. Географический словарь Боккаччио, будучи некритической переработкой чужого труда, не представляет собою крупного явления в истории географической науки. Но сочинение это имеет значение для характеристики географических интересов Боккаччио и для характеристики его времени.

С точки зрения истории зарождения и развития исторической географии в нем нельзя отметить чего-либо нового по сравнению с теми элементами, которые имеются у Петрарки. Но самое наличие у Боккаччио элементов исторической географии, сходных с теми ее элементами, которые имеются у Петрарки, позволяет говорить об укреплении интереса к исторической географии уже у самых истоков гуманизма.

§ 5. ИТАЛЬЯНСКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XV ВЕКА

I

Хотя в произведениях Петрарки и Боккаччио и имеются зачатки гуманистической историографии, однако в XIV в. основными произведениями итальянской историографии остаются все же хроники старого средневекового типа. С другой стороны, элементы новой гуманистической историографии, которые можно найти в сочинениях Петрарки и Боккаччио, недостаточны для того, чтобы их можно уже было считать не предшественниками только, а основателями нового направления.

В XV в. картина коренным образом меняется. Во Флоренции складывается новая гуманистическая историография. Ее основоположником, как известно, был Леонардо Бруни, из исторических сочинений которого главным была «История Флоренции» (*Historiarum Florentinarum libri* XII). Из Флоренции в том же XV в. новое направление распространяется по всей Италии. В следующем, XVI в., а частично в самом конце XV в. гуманистическая историография переходит через Альпы и оттесняет старые хроники почти во всей Европе.

Для итальянских гуманистов руководящим писателем древности, у которого они искали ответа на самые разнообразные вопросы, в том числе и на вопросы о значении, сущности и форме исторических произведений,

---

[1] «Книга о горах, лесах, источниках, озерах, реках, стоячих водах или болотах и названиях моря».

[2] *Vibius Sequester*. De fluminidus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus gentibus, quorum apud poëtas mentio fit. Секвестер жил в IV или VII в. нашей эры. См. *М. С. Корелин*. Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. III: Джиованни Боккаччио, его критики и биографы. СПб., 1914, стр. 30.

был Цицерон. Роль Цицерона для культуры эпохи Возрождения исключительно велика[1].

Основное значение истории для Цицерона заключается в ее нравоучительной стороне и в том, что она является свидетельницей прошлого[2]. Цицерон подчеркивает, что правдивость и беспристрастие должны быть основными качествами исторического произведения. Соответствующее место из его сочинения «De oratore»[3] часто цитировалось авторами работ по методологии истории вплоть до буржуазных историков самого недавнего времени[4]. Но Цицерон, подчеркивая это, не касается совершенно того, каким путем историк может установить истину. Единственное указание, которое можно у него почерпнуть на эту тему, это признание неуместности в исторических произведениях баснословных рассказов[5].

Главное внимание в своих высказываниях об истории Цицерон обращает на изложение историком исторических событий. Историк должен излагать события в хронологической последовательности и описывать место, где эти события происходили[6]. Надо объяснять причины событий. Кроме изложения событий, следует давать жизнеописания и характеристики знаменитых деятелей прошлого[7]. Исключительное внимание Цицерон уделяет стилю исторических произведений, подчеркивая родство искусства историка с искусством оратора[8], в частности он признает за историком право сочинять речи исторических деятелей[9].

От античности осталось также специальное сочинение о том, как надо писать историю. Это — «Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν» («Как должно писать историю») Лукиана Самосатского греческого писателя II в. н. э. Как единодушно указывают историки, именно в эпоху Возрождения Лукиан был особенно популярен[10]. Его только что названное рассуждение было известно гуманистам XV в. Будучи гораздо более пространным, чем краткие высказывания Цицерона, сочинение Лукиана дает по сравнению с ними все же мало нового. Как и Цицерон, он подчеркивает, что историк должен стремиться установить истину и должен быть беспристрастным и независимым в своих суждениях (τοιοῦτος οὖν μοι, ὁ συγγραφεὺς ἔστω ἄφοβος, ἀδέκαστος, ἐλεύθερος, παρρησίας καὶ ἀληθείας φίλος — § 41). Основными качествами историка Лукиан считает σύνεσις πολιτική καὶ δύναμις ἑρμηνευτική, т. е. политическое чутье и силу изложения. Этому

---

[1] См. *Бруни*. «De studiis et literis», *Сикко Полентон*. «Scriptorum illustrium latinae linguae libri XVIII. Когда Валла позволил себе усомниться в безусловном авторитете Цицерона, Поджио писал по этому поводу в своей первой инвективе против Валлы «Quod esse potest expressius, quod manifestius stultitiae signum quam cuipiam Ciceronis eloquentiam non placere quam audere ab eo dicta commutare tanquam eloqentius dici possint». (Что может быть более выразительным и более явным признаком глупости, чем если кому-либо не нравится красноречие Цицерона, чем если кто-либо осмеливается изменять сказанное им, как будто можно сказать более красноречиво).

[2] Цицерон называет историю «testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustaris». («De oratore», lib. II, § 9).

[3] Nam quis nescit primum esse historiae legem ne quid falsi dicere audeat? deinde ne quid veri non audeat?

[4] См. например, *А. С. Лаппо-Данилевский*. Методология истории, ч. 1. СПб., 1910, стр. 19.

[5] «De legibus», lib. I, § 1.

[6] «Rerum ratio ordinem temporum desiderat regionum descriptionem».

[7] Hominum ipsorum non solum res gestae sed etiam qui fama ac nomine excellant, de cuius de vita atque natura. («De oratore», lib. II, § 15).

[8] «De legibus», lib. I, § 2.

[9] «Interponuntur etiam contiones et hortationes («Orator», 20, 66).

[10] См. *Croiset*. Essai sur la vie et les oeuvres de Lucien. Paris, 1882, p. 391; *Foerster*. Lucian in der Renaissance. Kiel, 1886. s.7 *Rossi V.* Il. quatrocento, Milano 1933, p. 139. Б. Богаевский в биографии Лукиана, помещенной в I томе сочинений Лукиана в переводе на русский язык, см. *Лукиан*. Соч. I, перевод под ред. Ф. Зелинского и Б. Богаевского. М., 1915, стр. LXIII.

уменью излагать и посвящено в основном рассуждение Лукиана. Как и Цицерон, Лукиан считает вполне допустимым для историка сочинять речи исторических деятелей.

Таким образом, теоретические высказывания античных авторов об истории и методах работы историка, усвоенные итальянскими гуманистами XV в., посвящены не методам исторического исследования, а приемам исторического изложения и в особенности вопросам стиля исторических произведений. Из историков древности образцом для подражания итальянским гуманистам прежде всего служил Ливий[1], затем Саллюстий.

Увлечение именно Ливием объясняется всей совокупностью причин, под влиянием которых сложилась гуманистическая историография. Ливий — историк Рима. Римская история гуманистам XV в. была ближе и понятнее греческой. Ливий — и оратор школы Цицерона[2] и последователь его взглядов на историю[3]. Речи, которые он вкладывает в уста своих героев, еще в древности получили высокую оценку со стороны такого авторитета в вопросах красноречия, как Квинтилиан, который называет Ливия «in contionibus supra quam enarrari potest eloquentem»[4].

Содержание истории Ливия это прежде всего res gestae populi Romani — события военно-политической истории римского народа. Некоторое внимание он уделяет также борьбе патрициев с плебеями. Ливий не забывает упомянуть о стихийных бедствиях или грозных явлениях природы — о чуме и моровой язве[5], о землетрясениях[6], о лунных затмениях[7], о пожарах в Риме[8].

Ливий — блестящий повествователь, но не исследователь[9], критика источников его не интересует. Таким образом, характер изложения Ливия вполне соответствовал указаниям Цицерона, столь авторитетным для гуманистов, а по содержанию своей истории, по своему научному уровню Ливий близок к средневековым хронистам, следовательно, был вполне доступен гуманистам XV столетия.

К этому надо добавить, что Ливий пользовался авторитетом в Италии еще до гуманистов. Уже Данте высоко ценил его. В своей «Божественной Комедии» он писал о Ливии: «Come Livio scrive chi non erra»[10].

Другое наследство, которое имели возможность использовать историки-гуманисты, это — сочинения своих предшественников средневековых хронистов.

Итальянские хронисты, как и все средневековые хронисты, не вполне могут быть названы историками в нашем смысле этого слова[11].

Историк стремится реконструировать прошлое, чтобы показать его своим современникам. Хронист главным образом стремится сохранить

---

[1] См. *Бруни*. «De studiis et literis», *Сикко Полентон*. «Scriptorum illustrium latinae linguae libri XVIII; см. также *Baroni*. Tito Livio nel Rinascimento. Pavia, 1889.

[2] *Rieman*. Études sur la langue et la grammaire de Tite Live. Paris, 1885, p. 21; *Taine*. Essai sur Tite Live. 6 ed. Paris, 1896, p. 10. *М. М. Покровский*. История римской литературы. М., 1942, стр. 278—281.

[3] *Soltau*. Livius' Geschichtswerk, seine Komposition und seine Quellen. Leipzig, 1897, S. 2.

[4] «Неизъяснимо красноречивым в речах». «Institutiones oratoriae», lib. X, § I.

[5] «Ab urbe condita», lib. VII, X, XXVII.

[6] Там же, lib. XXXIV, XXXV.

[7] Там же, lib. XLIV.

[8] Там же, lib. XXXV.

[9] *Rieman*. Указ. соч.; *Taine*. Указ. соч.

[10] «Как пишет Ливий, который не ошибается». Divina Comedia, Inferno CXXVIII.

[11] Эту мысль хорошо выразил французский историк Моно в передовой статье первого номера, основанного им исторического журнала «Revue Historique». См. *Monod*. Du progrès des études historiques en France depuis le XVI siècle. «Revue Historique», 1876, № I.

для потомства память о настоящем — о событиях, современником и весьма часто очевидцем и даже участником которых он сам был.

Когда средневековый хронист рассказывает о событиях прошлого по данным предшествующих писателей, он или пересказывает, а то и просто переписывает свой источник или создает мозаику из показаний источников, часто противоречивых, которые он обычно не умеет согласовать между собою. Об историческом исследовании для реконструкции прошлого здесь не может быть и речи.

Средневековый хронист проникнут религиозным настроением и объясняет ход событий вмешательством божественного промысла. Историческое мышление ему совершенно чуждо. Но та или иная политическая тенденция ему обычно присуща.

Хронист стремится сохранить для потомства память о тех событиях, которые ему и его современникам кажутся значительными. Обычно, таковыми признавались прежде всего события военной и дипломатической истории. Часто отмечаются события из личной жизни правителей — рождение наследника, браки, смерти и т. п.

Обычно рассказывается о стихийных бедствиях и грозных явлениях природы. Социально-экономической жизни средневековые хронисты за небольшими исключениями[1] уделяли мало внимания, хотя крупные события социальной истории, как, например, народные восстания, обычно описываются.

В средневековых хрониках много всякого рода баснословных рассказов.

Язык хроник, за исключением лишь хроник, написанных так называемыми прегуманистами, простой безыскусственный.

Прегуманисты хронисты — Муссато[2], Феррето[3], Черменате[4], Роландино[5] являются предшественниками историков гуманистов, главным образом со стороны литературной формы своих произведений. Наиболее крупный из них Муссато. Он был общественным деятелем своего родного города Падуи, поэтом и историком. По своему мировоззрению Муссато является чисто средневековым человеком[6]. Но в своих исторических произведениях он стремится подражать Ливию. Он вкладывает речи в уста исторических деятелей, старается строить периоды, аналогичные периодам Ливия. Муссато применяет также прием, нашедший впоследствии широкое

---

[1] Таким исключением является, например, известная хроника Виллани, автор которой отводит специальные главы характеристике хозяйства Флоренции. См. «Historie fiorentine di Giovanni Villani» в издании Муратори «Rerum Italicarum Scriptores», t. XXIII, lib. XI, cap. 91, 92, 93, lib. XII, cap. 54. Эта особенность хроники Виллани давно уже отмечена в исторической литературе. См. *Balzani*. Le Cronache Italiane nel medio evo. Milano, 1909, а также *Symonds*. Renaissance in Italy. The Age of the Despots. London, 1897, p. 205. Современные итальянские историки-экономисты считают данные Виллани ценным источником по экономической истории Флоренции. См. *Sapori*. L'attendibilità di alcune testimonianze cronistiche dell'economia medievale. «Archivio storico Italiano». Serie VII, vol. XII, № 1, 1929.

[2] Сочинения *Муссато*: a) De gestis Henrici VII Caesaris, b) De gestis Italicorum post Henricum Caesarem, c) Ludovicus Bavarus, d) De traditione Patavii ad Canem Grandem. Сочинения Муссато напечатаны Муратори в «Rerum Italicarum Scriptores», t. X.

[3] *Ferreti Vicentini* Historia rerum in Italia gestarum ab anno MCCL ad annum usque MCCCXVIII. «Rerum Italicarum Scriptores», t. IX.

[4] «*Johannis de Cermenate notarii mediolanensis* Historia de situ, origine et cultoribus ambrosianae urbis ac de mediolanensium gestis sub imperio Henrici Septimi». «Rerum Italicarum Scriptores», t. IX.

[5] «*Rolandini Patavini* de factis in Marchia Tarvisina libri XII». «Rerum Italicarum Scriptores», t. VIII.

[6] *Dazzi*. Il Mussato-storico, Venezia, 1930; *Toffanin*. Storia del umanesimo. Napoli, 1933, p. 57.

распространение у историков-гуманистов, а именно пользуется древнеримской терминологией для обозначения современных ему должностных лиц и общественных учреждений. Чтобы в то же время быть понятным читателю, он употребляет, например, такие выражения, говоря о должностных лицах родного города — «tribuni plebis, quos gastaldiones appellant». Представители последующих поколений сравнивали его с Ливием. Микеле Саванарола, дед знаменитого Джироламо Савонаролы, писал о Муссато в 1440 г., что он — «Historiam Patavinam prosaice scripsit ut alter Livius sua in eloquentia videatur»[1].

Феррето ищет в событиях драматических эффектов. «Rerum gestarum splendida facta percurrimus»[2],— восклицает он, описывая свою богатую событиями эпоху.

Какие требования предъявляло к истории итальянское общество XV в., правительства городских республик, мелкие итальянские монархи?

Основное требование сводилось к прославлению этих городов и династий. При этом считали — в этом уже, конечно, надо видеть влияние самого гуманизма — что слава тем шире распространяется и будет тем дольше, чем лучше с литературной стороны написано историческое произведение[3].

Таковы были те влияния, под которыми складывалась итальянская гуманистическая историография XV столетия.

Как уже было упомянуто выше, основоположником гуманистической историографии XV в. был флорентийский гуманист Леонардо Бруни (1369—1444). Сочинения Бруни, а в особенности его «Флорентийская история» высоко ценились современниками[4]. Большинство итальянских историков-гуманистов XV в. были в той или иной мере последователями Бруни.

Особняком по приемам работы и по характеру изложения стоит среди историков-гуманистов XV в. Флавио Биондо, работавший в Риме, где он состоял на службе у папской курии. Его последователями были Тристано Калько и отчасти Помпоний Лет.

Бруни не писал специальных трактатов о своем понимании истории, но в его второстепенных исторических работах «De bello Italico adversus Gothos gesto» и «Rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius», а также в сочинении «De studiis et literis» имеются отдельные высказывания его на данную тему.

В литературной деятельности Понтано (Pontano)[5] единственное написанное им историческое произведение «De Ferdinando primo rege neapolitano Alphonsi filio» занимает настолько небольшое место, что Телларигo, автор обстоятельной монографии о жизни и творчестве Понтано[6], не счел даже нужным разбирать в этой монографии данное произведение Понтано. Однако именно Понтано принадлежит специальный небольшой трактат о сущности и задачах истории — диалог «Actius»[7].

---

[1] «Написал прозой историю Падуи, так что по своему красноречию может быть признан вторым Ливием». См. «Commentariolus de laudibus Patavinis». «Rerum Italicarum Scriptores», t. XXIV, p. 1157.

[2] «Мы рассказываем о блестящих воинских подвигах». «Rerum Italicarum Scriptores», t. X, p. 937.

[3] Такое понимание задач истории хорошо видно из постановления флорентийской сеньории по поводу истории Флоренции, написанной Бруни. Постановление это напечатано Герарди в «Archivio Storico Italiano», Serie Quarta, № 45, t. XV. Firenze, 1885.

[4] См. *Bisticci*. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859, p. 434, 436.

[5] Понтано (1426—1503), неолатинский поэт и автор сочинений по вопросам морали, состоял на службе у неаполитанского короля.

[6] *Tellarigo*. Giovanni Pontano e i suoi tempi. Napoli, 1874.

[7] Сущности и задачам истории посвящена вторая часть диалога. В первой части Понтано рассуждает о других вопросах.

Более краткие, чем у Бруни и Понтано, высказывания о сущности и задачах истории имеются и у некоторых других итальянских гуманистов, как, например, Дзено[1] и Верджерио[2].

Сопоставление высказываний гуманистов XV в. об истории с мнениями древних показывает зависимость первых от вторых.

Подобно древним, итальянские гуманисты XV в. ставят истории задачи морального и поучительного характера. Как и для Цицерона и Лукиана, вопросы исторической методологии для них по существу сводятся к вопросам исторического изложения. Особо следует отметить два момента: чрезвычайное внимание к вопросам стиля и подчеркивание как одной из основных задач истории увековечения в памяти потомства современных историку событий. Этот последний взгляд, не чуждый, впрочем, античным авторам, сближает итальянских историков-гуманистов XV в. с их предшественниками, средневековыми хронистами.

II

Каково содержание исторических работ итальянских гуманистов XV в.?

В этом отношении между сочинениями большинства историков и работами Биондо и его последователей нет различия. Те указания, которые гуманисты находили у древних по вопросу о том, какие именно факты достойны внимания историка, о чем следует и о чем не следует говорить в исторических произведениях, по существу не разнились значительно от практики большинства средневековых хронистов. Пожалуй, интерес хрониста иногда был даже шире, чем интересы авторов тех античных исторических произведений, которые служили образцами для историков-гуманистов, например, свойственное Виллани внимание к экономическим фактам с приведением цифр для их характеристики не имело аналогии у Ливия или Саллюстия.

Гуманисты XV столетия стремятся в своих исторических произведениях рассказать о событиях. Какие события они считают достойными своего внимания?

Такими событиями итальянские гуманисты считали прежде всего события военной и дипломатической истории. Именно этими событиями занимались в первую очередь античные историки. Эти же события прежде всего привлекали внимание и средневековых хронистов. Эти события были с точки зрения гуманистов теми «splendida facta», употребляя выражение одного из их предшественников Феррето из Виченцы, которые были особенно подходящим материалом для прославления города или династии, а это было той целью, ради которой они обычно предпринимали свой труд. Наконец, именно на этого рода событиях было особенно удобно показать все красоты своего стиля и цветы красноречия.

Гораздо меньше внимания уделяли гуманисты XV в. событиям внутренней истории итальянских государств — борьбе партий, народным восстаниям, изменениям в государственном устройстве и т. п. Историки династий и отдельных государей, как, например, неаполитанские, не останавливаются на событиях подобного рода. Историки республик, в особенности флорентийские, уделяют некоторое внимание событиям внутренней истории. Но даже Бруни, который больше других рассказывает о такого рода фактах и даже иногда использует их для драматических

---

[1] См. «Vita Caroli Zeni patritii veneti clarissimi ad Pium secundum pontificem maximum». «Rerum Italicarum Scriptores», t. XIX. Высказывания о задачах истории содержатся в предисловии автора.

[2] *Petri Pauli Vergerii* Vitae principum carrariensium. «Rerum Italicarum Scriptores», t. XVI.

эффектов и вкладывания вымышленных речей в уста героев внутренних переворотов[1], все же останавливается на событиях внутренней истории сравнительно мало[2].

В сочинениях историков династий и монархов все события в жизни правителей становятся историческими событиями, не говоря уже о том, что мелкие дела изображаются как крупные подвиги. При этом иногда много места отводится рассказу о фактах чисто личной жизни правителя — так, например, поступает Валла в «Historiarum Ferdinandi regis Aragoniae libri tres»[3]. Это внимание к делам и личной жизни монархов, весьма не чуждое и средневековым хронистам, станет в последующие столетия весьма характерной чертой историографии на долгие времена. Стихийные бедствия, грозные явления природы историки-гуманисты обычно отмечали. В качестве примера можно привести «Флорентийскую историю» Бруни, где автор систематически регистрирует неурожаи[4], пожары[5], появление кометы[6] и т. п.

Аналогичным образом Платина в своей истории Мантуи отмечает землетрясение[7], нападение саранчи на поля[8], неурожаи[9]. Но рассказу о подобного рода событиях отводится обычно очень немного места.

Характеристики исторических деятелей встречаются у итальянских историков-гуманистов XV в. В этом отношении они не забывают указаний Цицерона и примера Ливия. Иногда эти характеристики бывают мастерски сделаны. Такова, например, характеристика Франческо Сфорцы в сочинении миланского историка Симонетты (Simonetta) «Rerum gestarum Francisci Sfortiae libri XXXI»[10].

Описания стран в большинстве случаев отсутствуют в исторических произведениях итальянских гуманистов XV в., вероятно, по той простой причине, что в таком современном материале не было никакой надобности для тогдашнего читателя-итальянца, если речь шла об итальянских государствах. Но в тех случаях, когда описания страны могли представлять интерес для читателя, эти описания имеются.

Эней Сильвий Пикколомини в своей истории Чехии («De ortu et historia Bohemorum») посвящает первую главу, носящую заглавие «De situ regionis Bohemicae, de fluminibus eiusdem et civitatibus ac de Bohemorum moribus»,— описанию страны. Он описывает географическое положение Чехии, очертания ее границ, размеры страны, перечисляет реки, дает характеристику Праги и приводит перечень других городов с небольшими комментариями, например, Табор он называет arx haereticorum asylumque (крепость и убежище еретиков)[11].

---

[1] В качестве примера можно привести рассказ Бруни о введении во Флоренции в 1293 г. так называемых «Установлений справедливости».

[2] М. С. Корелин справедливо указывает, что те упреки в невнимании к внутренней истории Флоренции, которые Макиавелли выдвинул против Бруни, все же должны подлежать весьма существенным ограничениям. (*М. С. Корелин.* Ранний итальянский гуманизм и его историография, 2 изд. СПб. 1914, т. IV, стр. 118).

[3] Напечатано Шоттом в «Hispaniae Illustratae seu rerum urbiumque Hispaniae, Lusitaniae, Aethiopiae et Indiae scriptores varii», t. I. Francofurti, 1603.

[4] *Leonardi Aretini* Historiarum Florentinarum lib. XII, p. 54, 77, 135, 146, 180 (по страсбургскому изд. 1610 г.).

[5] Там же, стр. 59, 86.

[6] Там же, стр. 135.

[7] *Baptistae Sacchi cremonensis* ex vico Platina vulgo appellati *Platinae* Historia inclytae urbis Mantuae et serenissimae familiae Gonsagae. *Graevius* Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae», t, IV, pars II, p. 109.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 149.

[10] «Rerum Italicarum Scriptores», t. XXI.

[11] *Aeneae Sylvii Piccolominei* opera, quae extant omnia». Basileae, p. 81.

Известный деятель чешского национального возрождения и историк Ф. Палацкий (F. Palacky) характеризует эту главу истории Чехии Пикколомини как «интересное описание Чехии и ее превосходных городов, а также беспристрастное изображение чешских нравов его времени»[1].

В особенности значительное место описательный материал географического и этнографического характера занимает в «Истории Корсики со времен римлян» Петра Корсиканца (Petri Cyrnaei «De rebus corsicis libri quattuor a temporibus Romanorum usque ad annum MD)[2]. Описанию Корсики отведена первая книга сочинения. Автор сначала описывает географическое положение Корсики, дает характеристику ее природы и занятий жителей. Затем он переходит к рассказу о нравах и обычаях корсиканцев. Он очень живо характеризует обычай кровной мести[3], рассказывает о гостеприимстве жителей родного острова, он отмечает воинственность корсиканцев, говорит об их религиозности, описывает их домашний быт, характер и даже наружность[4].

Факты чисто экономического порядка, которые в силу особенностей экономического развития Италии[5] начали уже, как об этом говорилось выше, привлекать внимание итальянских хронистов в лице Джованни Виллани, совершенно игнорируются гуманистической историографией XV в.

Интересно отношение гуманистов XV в. к истории литературы и искусства. Включить факты из этой истории в текст исторического повествования они затруднялись. Этому препятствовали и античные образцы и анналистическая форма изложения, при которой трудно было найти место в историческом повествовании для рассказа о такого рода фактах. Поэтому в общих исторических сочинениях эти факты или отсутствуют вовсе, или о них имеются лишь краткие упоминания, при этом часто вставленные в самое неподходящее место исторического повествования.

Но, с другой стороны, гуманисты, будучи литераторами по своим познаниям и интересам, чрезвычайно живо интересовались историей литературы. Ведь это была, так сказать, их собственная история.

Выход был найден в развитии особой ветви историографии — биографий выдающихся деятелей прошлого. Интерес к биографии в эпоху Возрождения был велик в силу того повышенного по сравнению с предыдущим временем интереса к человеческой личности, который был свойственен данной эпохе[6].

От древности гуманисты унаследовали образцы биографической литературы. Основным образцом, которому в этой отрасли историографии гуманисты подражали, подобно тому, как они подражали Ливию, в области

---

[1] *F. Palacky.* Würdigung der alten Böhmischen Geschichtschreiber. Prag, 1830, s. 239.

[2] См. «Rerum Italicarum Scriptores», t. XXIV.

[3] «...iniuriam ulciscendi avidi et non ulcisci se habetur turpissimum... pro vulnere enim illato vulnus inferunt, pro homicidio homicidium perpetrant. Et si eum, qui caedem fecit, non possent consequi, tunc unum de illius propinquis afficiunt poena...», p. 424.

[4] «Ex corsis neminem unquam vidi calvum, p. 425.

[5] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 720: «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию».

[6] На эту черту гуманизма — интерес к человеческой личности — впервые обратил внимание Мишле. (*Michelet.* Histoire de France, vol. VII, 1855, p. 3, 8). Мишле ограничился беглым указанием. Подробно говорит об этой стороне гуманизма Буркгардт в кн. «Die Kultur der Renaissance in Italien». 1 изд., 1860. Ближе к нашему времени подчеркнул данную черту гуманизма норвежский историк Кут (*Koht.* Le problème des origines de la Renaissance. «Revue de synthèse historique», t. XXXVII, Paris, 1924.

общей истории был Светоний[1]. Биографии политических деятелей составлялись с той же целью, с какой составлялись истории городов и династий— с целью прославления этих лиц. Иную задачу преследовали биографии деятелей культуры. Биографии деятелей культуры были зародышем истории культуры. Не ограничиваясь отдельными биографиями писателей (первой была составленная Боккаччио биография Данте), гуманисты стали составлять сборники жизнеописаний деятелей культуры. Первым таким сборником была книга Филиппо Виллани — «Liber de origine civitatis Florentiae et de eiusdem famosis civibus», написанная еще в конце XIV в.

Филиппо Виллани дает в своей книге краткие биографии выдающихся флорентийцев: поэтов, юристов, врачей, учителей красноречия, музыкантов, художников, актеров, историков (биографии своих отца и дяди, авторов известной хроники), а также одного богослова и нескольких военных деятелей. Как видно из этого перечня, Филиппо Виллани дает почти исключительно биографии деятелей флорентийской культуры.

Дальнейшим шагом вперед на этом пути был обширный труд падуанского гуманиста Сикко Полентона «Scriptorum illustrium latinae linguae libri XVIII»[2]. Полентон работал над ним двадцать пять лет и включил в него данные более чем о ста авторах, писавших на латинском языке. В основном это древнеримские авторы, но, кроме них, включены и немногие средневековые писатели[3] и некоторые ранние гуманисты. В первой книге автор говорит о происхождении алфавита, искусств и наук; книги со второй по четвертую включительно посвящены истории латинской поэзии. Здесь после введения о происхождении поэзии помещены сведения о жизни и литературной деятельности писавших на латинском языке поэтов, начиная с Ливия Андроника и кончая Петраркой. Поэты рассматриваются в хронологическом порядке. Книги с пятой по восьмую посвящены историкам. Данным об историках предпослано также введение, где говорится о сущности и задачах истории и кратко об истории у древних евреев, вавилонян, египтян, греков и римлян. Девятая книга отведена красноречию вообще, а также Катону и Варрону. Семь книг (X—XVI), т. е. более трети всего труда, посвящено Цицерону. Предпоследняя (семнадцатая) книга рассказывает о Сенеке. В последней восемнадцатой книге рассматриваются авторы различных специальностей.

Труд Сикко Полентона, таким образом, является попыткой, хотя и весьма примитивной, в биографической форме дать целую историю культуры. Изложение больше посвящено биографическим данным о разбираемых авторах, чем их сочинениям, хотя о последних все же рассказывается.

Сочинение Риччио —«De poëtis latinis libri V» посвящено специально истории римской литературы. Здесь имеются уже зачатки исторической периодизации. В разделении своего произведения на книги автор исходит из периодов в развитии римской литературы, выделяя начальный период, периоды роста, расцвета, упадка.

---

[1] Светоний написал, кроме получивших широкую известность биографий двенадцати императоров, также большое сочинение «De viris illustribus», посвященное жизнеописаниям ученых и художников, из которого сохранились в неполном виде «De illustribus grammaticis» и «De claribus rhetoribus», и составил сборник биографий поэтов «De vitis poëtarum», из которого дошло до нас в испорченном виде лишь несколько биографий.

[2] Сочинение Сикко Полентона до 1928 г. оставалось неизданным. Вероятно, вследствие этого обстоятельства оно осталось неизвестным Фютеру, который считал «первой попыткой истории литературы» (Указ. соч., стр. 96) позднее написанный труд Риччио (в латинизированной форме Crinitus) «De poëtis latinis libri V». Сочинение Сикко Полентона издано под ред. Улмана Американской академией в Риме в 1928 г.

[3] Григорий Великий, Беда, Павел Диакон, Алькуин, Муссато, Данте и др.

Кортези написал в 1490 г. «Dialogus de hominibus doctis». Это сочинение, которое по авторитетной оценке Саббадини «fu il primo libro di vera critica letteraria e stilistica nel periodo del risorgimento»[1], давало обзор всех крупных итальянских писателей от Данте до времен автора.

Но биографии деятелей литературы, хотя бы и расположенные в хронологическом порядке,—это, конечно, еще не история литературы, а лишь «суррогат» ее.

Характерно, что зачатки истории литературы рождаются не в недрах общей истории, как ее неотъемлемая и необходимая часть, а вне ее, так сказать, рядом с нею. И в дальнейшем история литературы развивается не в составе общей истории, а параллельно с нею.

Интересно, что такова же будет впоследствии судьба и других отраслей истории культуры (в широком понимании этого термина), т. е. истории искусства, истории права, истории хозяйства, истории науки и техники. Все эти отрасли возникают не в рамках общей истории, а вне ее и медленно, с перебоями внедряются в ее состав, с величайшим трудом преодолевая косность вековой традиции. Вне рамок общей истории итальянские гуманисты XV в. занялись не только изучением истории литературы, но и изучением некоторых других сторон общественной жизни прошлого.

Интерес к античности положил начало в это время изучению государственного устройства общественной и отчасти частной жизни древних римлян. Ряд гуманистов: Пьеро Кандидо Дечембрио[2], Андреа Фьокки[3] Помпоний Лет[4], Ручелаи[5], Флавио Биондо писали на темы из этой области. Наиболее выдающимся из этих произведений было сочинение Биондо «Roma triumphans». В этом произведении Биондо рассказывает о религии древних римлян, о государственном строе Рима, о его военной организации, о налогах и денежной системе, об общественных играх, о театре, о домашней жизни, об одежде и особенно подробно о триумфах, откуда самое название работы.

Изучаемые им стороны древнеримской жизни Биондо описывает как неизменные, не делая различия между известиями более ранних и более поздних писателей. Это очень характерная черта не только для всех авторов XV в., а в значительной мере и более позднего времени: они понимают различия между жизнью своего времени и жизнью античной древности, но им почти всецело чужда мысль об эволюции быта древних.

До гуманистов вещественные памятники античной старины мало привлекали к себе внимания[6]. Гуманизм с самого своего зарождения не мог не заинтересоваться ими. Уже Петрарка живо интересовался вещественными памятниками древности. Он собирал античные монеты и геммы[7].

---

[1] «Было первой книгой настоящей литературной и стилистической критики в эпоху Возрождения». *Sabbadini*. Storia del ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell'età della rinascenza. Torino, 1886, p. 33

[2] Дечембрио написал «De muneribus reipublicae». Об этой книге см. *М. С. Корелин*. Очерки итальянского Возрождения, 2 изд., М., 1910, стр. 246.

[3] Фьокки составил «De Romanorum magistratibus». О нем см. *Tiraboschi*. Storia della letteratura italiana, t. 6, Nuova edizione Firenze, 1807.

[4] См. *В. А. Забугин*. Юлий Помпоний Лэт. СПб., 1914.

[5] Ручелаи написал «De magistratibus veterum Romanorum commentarius».

[6] В середине XII в. было составлено описание античных развалин Рима «Mirabilia urbis Romae», которое в последующее время переделывалось и дополнялось. См. *H. Jordan*. Topographie der Stadt Rom im Altertum, Bd. I. Abteil. I. Berlin, 1878. «Mirabilia» напечатаны в «Codex urbis Romae topographicus» edidit Ulrichs. Würzburg, 1878. Со времени, предшествующего гуманизму, мы имеем только один сборник надписей, составитель которого известен под именем «Anonymus Einsidlens». См. «Corpus Inscriptionum Latinarum», vol. VI, pars I.

[7] *М. С. Корелин*. Очерки итальянского Возрождения. 2 изд., М., 1910, стр. 226.

Он с увлечением совершал прогулки по римским развалинам, вспоминая связанные с ними исторические события и не умея при этом отделить факт от легенды[1]. Петрарка не умел разбирать надписи, а те, которые прочел, неверно понял[2].

Кроме Петрарки, в XIV в. памятниками античной древности интересовались Кола ди Риенцо, составивший сборник надписей древнего Рима[3] и Донди, знаменитый падуанский математик и врач[4].

В XV в. с расцветом гуманизма изучение вещественных памятников античности и античных надписей развернулось довольно широко. Этим стали заниматься не только гуманисты-литераторы, но и деятели искусства, в особенности те из них, которые одновременно были гуманистами, как Леоне Баттиста Альберти и фра Джиокондо. Трактат Леоне Баттисты Альберти «De re aedificatoria» основан, как он сам указывает, на изучении древних авторов, памятников античной архитектуры и личном опыте[5].

Поджио результаты своего изучения топографии древнего Рима использовал в диалоге «De varietate fortunae» для рассуждений об изменчивости судьбы. Но в то же время в его изложении ясно чувствуется непосредственный археологический интерес[6]. Сочинение Биондо «Roma Instaurata», законченное около 1446 г.[7], ставило своей задачей, как это видно из его заглавия, воссоздать картину топографии древнего Рима. Опираясь на античных авторов, привлекая сохранившиеся остатки древнеримских архитектурных памятников, а также надписи, Биондо дает систематическое описание топографии древнего Рима. Он касается также и позднейших христианских построек, в особенности монастырей, а в конце третьей книги приводит перечень римских церквей и часовен своего времени. Но о христианских постройках он говорит бегло. Центр тяжести — в реконструкции античного Рима. В специальной научной литературе конца XIX в., посвященной топографии древнего Рима, эта работа Биондо признана выдающимся для своего времени трудом на данную тему[8]. После Биондо топографией античного Рима занимались Л. Б. Альберти[9], Ручелаи[10] и Лет[11].

Собиранием античных надписей в XV веке занимался ряд итальянских гуманистов. Весьма значительное внимание этому делу уделял Поджио, закончивший около 1429 г. свое собрание надписей[12].

---

[1] *М. С. Корелин.* Очерки итальянского Возрождения. 2 изд., М., 1910, стр. 223.

[2] См. *G. B. de Rossi.* Inscriptiones Christianae urbis Romae, vol. II, pars I. p, 315.

[3] *G. B. de Rossi.* Sull' archeologia nel secolo decimo quarto.— «Bullettino del instituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1871». Roma, 1871.

[4] «Corpus Inscriptionum Latinarum», vol. VI, pars I.

[5] Брунелески и Донателло во время пребывания в Риме измеряли и срисовывали античные здания и делали раскопки, так что жители города принимали их за искателей кладов. См. *Vasari.* Vite de'piu eccelenti pittori, scultori ed architetti. t. II, Firenze, 1771, p. 117. То же самое сообщает исследователь XX в. Ланчани, см. «Storia degli scavi di Roma», t. 1, Roma, 1902, p. 45.

[6] См. отрывок из «De varietate fortunae» в «Codex urbis Romae topographicus», изд. Ульрихсом, стр. 242.

[7] «*Masius.* Flavio Biondo, sein Leben und seine Werke». Leipzig, 1879, s. 48.

[8] См. *Jordan.* Topographie der Stadt Rom im Altertum. Bd. I, Abteil. I. Berlin, 1878.

[9] *L. B. Alberti.* Descriptio urbis Romae. Есть русский перевод во II томе соч. Альберти, изд. Академией архитектуры. М., 1937.

[10] «De urbe Roma».

[11] «De regionibus et urbis vetustatibus descriptio». Характеристику этого сочинения Лета см. в кн.: *Забугин.* Юлий Помпоний Лэт. СПб., 1914.

[12] *Walser.* Poggius, Florentinus. Leben und Werke. Leipzig, 1914, s. 141—148. См. также *G. B. de Rossi.* Inscriptiones Christianae urbis Romae,vol. II, pars, I. Roma, 1888.

Особенно много сделал для собирания надписей, и при этом не только латинских, но и греческих, Чириако де Пиццколли из Анконы, которого иногда называют основателем эпиграфики[1].

Чириако, не получивший гуманистического образования, был тем не менее всю жизнь страстным собирателем не только надписей, но и монет, памятников античного искусства, а отчасти даже и греческих рукописей[2]. В поисках за памятниками античной старины он совершил много путешествий не столько по Италии, сколько по Греции, по побережью Малой Азии и греческим островам. По подсчету Цибарта[3], Чириако собрал не менее 56 надписей на своей родине, около 400 в Риме и 1054 в Северной Италии, Далмации, Греции и в прилегающих странах. Для оценки размеров его эпиграфической работы достаточно указать, что собрание Поджио насчитывало всего 86 надписей[4].

Но он не был в состоянии обработать собранный им материал, сделать из него выводы научного порядка. Не смогли этого сделать и его современники.

После Чириако во второй половине века собирание надписей усилилось. Надписи собирали Марканова[5], профессор философии в Падуе и потом в Болонье, Феличиано[6], Феррарино[7], Спрети[8], Джиокондо[9], Лет[10] и др. Из них наиболее значительной является деятельность фра Джиокондо и Дезидерио Спрети. Свой сборник надписей (г. Равенны) Спрети прибавил в качестве приложения к составленной им около 1459 г. книге «De amplitudine, de vastatione et de instauratione urbis Ravennae». Эта книга в 1489 г. была напечатана в Венеции его сыном. Таким образом, собрание Спрети было первым собранием античных надписей, появившимся в печати. Из вещественных памятников прошлого гуманисты XV в. интересовались почти исключительно античными памятниками. Сочинение Веджио (Vegio) «De rebus memorabilibus basilicae S. Petri» представляет собою одинокое явление в итальянской гуманистической литературе XV в.

Говоря о содержании гуманистических произведений XV в., нельзя пройти мимо вопроса о том, какой эпохой — античной древностью или средними веками преимущественно занимались историки того времени. Вопрос этот имеет немаловажное значение для разрешения основной задачи данной работы — выяснения возникновения и развития исторической географии.

Хотя произведения историков того времени в огромном большинстве изданы и тем самым, казалось бы, достаточно лишь обратиться к этим произведениям, чтобы иметь ясный ответ на этот вопрос, однако в научной литературе на этот вопрос дано два прямо противоположных ответа. Фойгт, первый из историков XIX в., подвергший гуманизм глубокому изучению,

---

[1] *Ziebarth*. Cyriacus von Ancona als Begründer der Inschriftenforschung. Напечатано в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur». Hrsg. von Ilberg. Bd IX. Leipzig, 1902.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *G. B. de Rossi*. Le prime raccolte d'antiche iscrizzioni compilate in Roma tra il finire del secolo XIV e il comminciare del XV Roma 1852, p. 120.

[5] Corpus Inscriptionum, Latinarum, vol. VI, pars I. См. также *Ziebarth*. Die Nachfolger des Cyriacus von Ancona. «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und Deutsche Literatur», Bd. XI, 1903.

[6] Corpus Inscriptionum Latinarum, vol. VI, pars. I.

[7] Там же.

[8] Там же, vol. XI, pars I.

[9] Там же, vol. VI, pars I.

[10] Там же.

труды[1] которого, несмотря на устарелость исходной точки зрения, сохраняют до сих пор научное значение своей фактической стороной, утверждал, что итальянские гуманисты XV столетия занимались почти исключительно античной историей и пренебрегали средними веками[2].

Фютер, автор лучшего в буржуазной исторической науке труда по истории историографии, резко критикует этот взгляд Фойгта и высказывает прямо противоположную точку зрения, что гуманисты в действительности занимались почти исключительно историей средних веков и пренебрегали древней историей[3].

Если мы обратимся для решения этого вопроса к самим произведениям историков-гуманистов XV в., а также к данным об их исторических взглядах, интересах и работе, то увидим, что вопрос этот несколько сложнее, чем это кажется.

Большинство общеисторических гуманистических произведений этого столетия, авторы которых заняты повествованием о событиях, посвящено коротким периодам, или приблизительно совпадающим по времени с годами жизни авторов или относящимися ко времени, очень близкому к жизни автора.

Правда, имеются обзоры истории отдельных городов Италии (Флоренции, Венеции, Милана и др., в эту же группу я отношу «Vitae Pontificum» Платины и «De Rebus Corsicis» Петра Корсиканца) с отдаленных времен и до современной их авторам эпохи. Но в этих обзорах распределение материала очень неравномерно во времени: обычно периоду, ближайшему к жизни автора, отводится очень много места, чем дальше в глубь веков, тем изложение становится все более кратким. Хорошим примером в этом отношении может служить «Флорентийская история» Бруни. Первая книга охватывает период со времен классической древности до XIII в. Вторая и третья посвящены истории Флоренции в XIII в., а остальные девять книг отведены одному только XIV в., при этом последняя книга охватывает период всего лишь в три года.

Таким образом, огромное большинство произведений итальянских гуманистов XV в., посвященных истории событий с точки зрения выбора времени, о котором они рассказывают, по существу не отличается от средневековых хроник. Как средневековые хроники, они стремятся увековечить в памяти потомства события своего времени и самого ближайшего прошлого. События более отдаленного прошлого излагаются гораздо реже и сравнительно кратко и притом обычно не являются предметом отдельных сочинений, а излагаются в работах, посвященных в основном ближайшему прошлому и настоящему.

Среди весьма немногочисленных произведений, посвященных истории событий и не подходящих под эту характеристику, имеются как сочинения по истории средних веков, так и сочинения по истории античной древности. Среди первых особенное значение имеет труд Биондо «Historiarum ab inclinatione imperii decades», охватывающий период с 412 по 1440 г.

В сборниках биографий обычно даются жизнеописания деятелей современности (или относительно близких к современности, как, например, Данте и Петрарка) и античных. Биографий деятелей более отдаленного средневековья в этих сборниках немного. При этом в сборниках биографий

---

[1] «Enea Sylvio de Piccolomini als Pabst und sein Zeitalter», Bd. I—III, 1856—1863 и «Die Wiederbelebung des klassischen Altertums oder das erste Jahrhundert des Humanismus», Bd. I—II, 1859. Есть русский перевод со второго немецкого издания (М., 1884—1885).

[2] «Enea Sylvio de Piccolomini», t. II, s. 309.

[3] «Geschichte der neueren Historiographie», s. 16.

деятелей культуры особенно значительное место занимают жизнеописания античных писателей.

Интерес итальянских гуманистов XV в. к вещественным памятникам прошлого был почти всецело направлен на памятники античной древности. Интерес к учреждениям и быту прошлого также ограничивался исключительно одной лишь античностью.

Таким образом, огромное большинство исторических произведений гуманистов с точки зрения эпохи, в них изучаемой, распадается на две основные группы: одна группа посвящена современным событиям, а также биографиям деятелей современности и времени близкого к ней; в другой группе сочинений делаются попытки реконструировать государственный строй, общественную и в какой-то степени частную жизнь античной древности, ознакомиться с ее вещественными памятниками и составляются биографии античных деятелей, по преимуществу литературных. Что касается событий древней истории, то итальянские гуманисты XV в. их внимательно изучали по произведениям Ливия и отчасти других античных историков, но явно не решались, несмотря на весь свой интерес к древности, писать в этой области самостоятельные сочинения. В этом отношении весьма показательно объяснение Бруни о мотивах, побудивших его написать сочинение о Пунической войне. Свое оправдание он видит в том, что не сохранились те книги Ливия, в которых излагались описываемые им события (сам Бруни в данной работе пересказывает Полибия).

Внимание к средневековью, более отдаленному от XV столетия, незначительно. Здесь «Декады» Биондо действительно являются почти одиноким и притом выдающимся произведением.

Но кроме составления исторических работ, надо принять во внимание также собирание и изучение исторических материалов. Гуманисты собирали[1], издавали и изучали античных историков, переводили тех из них, которые писали на греческом языке, на латинский язык. Материалы по истории средневековья гуманистами XV в. не собирались и не издавались, изучались лишь в тех случаях, когда это было необходимо для составления исторических сочинений.

Из сказанного легко понять, почему такие выдающиеся знатоки итальянской исторической литературы XV в., как Фютер и Фойгт, пришли к диаметрально противоположным выводам.

Фойгт все исторические сочинения гуманистов XV в., посвященные событиям современности или недавнего прошлого, не относит к числу исторических произведений, считая их «работами городских хроникеров, продолжателей своих предшественников», а переводы сочинений греческих историков и изучение древнеримских учреждений и вещественных памятников квалифицирует как работу историка. Понятно, у него получается, что итальянские историки-гуманисты XV в. занимались лишь древней историей и только один Биондо изучал средние века. Такие выдающиеся труды, как работу Джустиниани «De origine urbis gestisque Venetorum» и труд последователя Биондо миланского историка Калько «Historiae patriae libri XXII», Фойгт, повидимому, упустил из виду.

Фютер, наоборот, игнорирует изучение гуманистами древнеримских учреждений и вещественных памятников. Он хотя и разбирает в своей книге сборники биографий и отдельные биографии, но при решении вопроса, какой эпохой занималась гуманистическая историография XV в., он эти труды в расчет не принимает и делает свой вывод только на основании общеисторических сочинений гуманистов.

---

[1] О собирании сочинений античных историков, об их издании и о переводах греческих историков на латинский язык см. ниже.

Какими источниками пользовались итальянские гуманисты XV столетия при составлении своих исторических сочинений?

При рассказе о событиях своего времени или времени к нему близкого, так же как при составлении биографий современников, они пользовались прежде всего собственными наблюдениями и рассказами очевидцев. Этого рода устные источники играли большую роль и у их предшественников — средневековых хронистов.

Из письменных источников основным и почти единственным источником были сочинения историков прошлого — средневековых хронистов и античных писателей.

В этом отношении также имеет место большое сходство итальянских историков-гуманистов XV в. с их предшественниками—хронистами.

Использование писателей прошлого как основного источника об этом прошлом закрепляется на целые столетия. В XVI, XVII и XVIII вв. именно этот вид исторического источника остается господствующим.

Источники такого характера, как, например, документы деятельности правительств, письма исторических деятелей, также используются гуманистами XV в., но далеко не всеми и в очень небольшой степени. Историки школы Бруни редко прибегают к подобного рода источникам, в особенности если речь идет о сравнительно отдаленном прошлом. Биондо в своих «Декадах», кроме известий историков прошлого, являющихся *для него, как и для всех гуманистов XV в., основным источником*, пользуется также письмами блаж. Иеронима. Биондо цитирует два из них[1].

Калько, последователь Биондо, еще более расширяет круг письменных источников. Он, кроме старых хроник, использует также древние грамоты. При этом Калько испытывал то своеобразное наслаждение от чтения подлинных старинных документов, которое так хорошо знакомо всякому историку-исследователю и которое, повидимому, было еще чуждо историкам школы Бруни. Он сам подчеркивает это. «Nec mediocri nobis voluptati fuit archetypas eorum tabulas apud Monachos perlegisse»[2], пишет он об одном из случаев своего личного ознакомления со старинными средневековыми документами.

Говоря о письменных источниках, которыми пользовались итальянские историки-гуманисты XV в., нельзя пройти мимо их работы по собиранию этих источников. Собирание письменных исторических источников сводилось в эту эпоху к собиранию произведений античных историков. Это собирание сочинений античных историков было частью той большой работы по разысканию произведений древних авторов, которой с таким увлечением занимались многие гуманисты того времени. Собирание исторических произведений античной древности не выделилось в отдельный вид собирательской работы. Искали не специально исторические произведения, но сочинения древних авторов вообще. Как выяснило тщательное исследование Саббадини[3], поиски античных авторов начинаются еще до Петрарки, в самом начале XIV в., в Северной Италии.

Но особенно развернулось дело собирания сочинений классиков в XV в. При этом не ограничиваются только поисками латинских авторов, как это было в предыдущем веке, но с большим успехом собирают также и грече-

---

[1] Об источниках Биондо см. *Buchholz*. Die Quellen der Historiarum decades des Flavius Blondus. 1881.

[2] «Нам доставило немалое удовольствие прочесть у монахов их (т. е. королей, о которых идет речь в рассказе) древние грамоты». «*Tristani Calchi* Mediolanensis historiographi Historiae patriae libri XX», lib. VI. См. *Graevius*. Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae, t. II, p. 183.

[3] *Sabbadini*. Le scoperte dei codici latini e greci ne'secoli XIV—XV», Firenze, 1905.

ские рукописи. Поджио и Энок д'Асколи проявили себя наиболее рьяными собирателями латинских авторов.

Ауриспа и Филельфо из своих путешествий в Константинополь вывезли, в особенности Ауриспа, очень большое количество греческих рукописей, в том числе сочинения многих историков. Собирание рукописей, которые не всегда были исправны, влекло за собою стремление к исправлению испорченных текстов и сличению различных списков. Уже Салютати занимался этим.

В работе над текстом гуманисты не могли опереться на какие-либо научные принципы критики текста вследствие отсутствия таковых в то время и поэтому их критика текста носила по большей части характер произвольных догадок[1].

Своеобразной формой освоения итальянскими гуманистами XV в. исторических источников был перевод греческих историков на латинский язык. Переводы стали делать с самого начала XV в. Бруни был одним из самых деятельных переводчиков, если не самым деятельным[2].

Особенно широкий размах переводческой деятельности гуманистов придал папа гуманист Николай V, который, по удачному выражению Росси, «aveva adatto il pontificato al umanesimo»[3]. Николай V хотел видеть греческих классиков в латинском переводе и с этой целью распределял заказы на переводы между видными гуманистами своего времени, знавшими греческий язык, поощряя их переводческие труды высокими гонорарами[4].

Среди переводов с греческого видное место заняли произведения греческих историков. Книгопечатание, изобретенное в Германии, получило наибольшее развитие в XV в. не на своей родине, а в Италии[5], наиболее передовой стране Европы того времени. Крупнейшим центром книгопечатания, снабжавшим книгами всю Европу, сделалась Венеция. Среди напечатанных в XV в. книг были и произведения римских историков, а также греческих в латинских переводах, сделанных главным образом еще до появления книгопечатания. Первым из историков был напечатан, конечно, Ливий, за ним последовали остальные. Вот даты важнейших editiones principes античных историков[6]:

1469 г. Ливий
1469 г. Цезарь (Записки о Галльской войне)
1470 г. Саллюстий
1470 г. Светоний
1470 г. Тацит (Германия, История, Анналы)
1470 г. Юстин
1471 г. Плутарх (в переводе Кампани)
1472 г. Диодор Сицилийский (в переводе Поджио)

---

[1] *Gudeman*. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie, 1909, S. 169.

[2] *Wotke*. Beiträge zu Leonardo Bruni aus Arezzo. Wiener Studien 1889. Hft. II, S. 291.

[3] «Приспособил сан папы к нуждам гуманизма». *Rossi*. Il quatrocento. 1933, p. 63.

[4] «During the pontificate of Nicholas Rome became a vast workship of erudition, a factory of translations from Greek into Latin»,— говорит об этой стороне понтификата Николая V английский историк Ренессанса — Саймондс («The Revival of Learning», 2 ed., p. 221).

[5] *М. И. Щелкунов*. История, техника, искусство книгопечатания. М.— Л., 1926, стр. 108—112. См. также *I. C. Oswald*. A History of Printing, its Development through Five Hundred Years. N. Y., 1928.

[6] Список составлен по 1) «*Hain*. Repertorium Bibliographicum I—IV», 1826—1838; 2) *J. Ch. Brunet*. «Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Paris, 1860—1880; 3) *Pauly-Wissowa*. Real Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft; 4) *Gudeman*. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie. 1909; 5) *Firmin Didot*. Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875.

1472 г. Аппиан (в переводе Дечембрио)
1473 г. Полибий (кн. I—V в переводе Перотто)
1474 г. Аммиан Марцеллин
1474 г. Геродот (в переводе Валлы)
1475 г. «Scriptores Historiae Augustae»
1480 г. Дионисий Галикарнасский (в переводе Бираги).

В издании античных классиков гуманисты приняли непосредственное участие. Некоторые из них посвятили этому делу особенное внимание. Здесь прежде всего следует назвать Джиованни Андреа Бусси, епископа Алерии, который в течение трех лет в 1469—1471 годах выпустил первыми изданиями целый ряд латинских классиков. Бусси можно считать предшественником знаменитого ученого издателя Альда Мануция[1]. Бусси выпустил первое издание Ливия, а также Светония и Цезаря.

Некоторые гуманисты были преподавателями в университетах, например, Лоренцо Валла[2], Помпоний Лет[3]. В их обязанности входило комментирование древних авторов. Некоторые из этих комментариев были записаны или самими авторами или слушателями. Часть этих записей была в XV в. напечатана. В числе этих комментариев имеются и комментарии к античным историкам, например, комментарий Валлы к «Заговору Катилины» Саллюстия[4].

Тексты античных историков разбирались обычно в связи с преподаванием риторики. Но в конце XV в. в Италии была учреждена первая в истории кафедра истории[5]. Первым профессором истории был Джулио Эмилио Феррари[6].

Использование надписей, монет и других вещественных памятников прошлого в качестве исторического источника было в итальянской гуманистической историографии XV в. еще чрезвычайно незначительным.

Этого рода памятники отчасти привлекались для выводов политического (в XIV в. Кола ди Риенцо, Петрарка) или морального порядка (Поджио). Отчасти они возбуждали интерес сами по себе, как остатки античной старины (Поджио, в особенности Чириако). Иногда надписи и монеты использовались для изучения латинского языка и орфографии (Полициано и др.). Но можно указать уже несколько случаев, когда вещественные памятники вместе с письменными источниками используются при составлениии исторических сочинений. Валла использовал монеты в своей работе о подложности так называемого дара Константина. Надписи использует иногда Калько. Помпоний Лет пользовался не только монетами, но и надписями при составлении своих «Цезарей». Биондо в «Roma Instaurata» широко использует наряду с данными античных авторов также надписи и архитектурные памятники, сохранившиеся от времен древнего Рима.

Таким образом, первые шаги по использованию вещественных памятников в качестве исторических источников были сделаны еще в XV в. Но широкое применение этот вид исторических источников получит еще очень не скоро — в XIX и, в особенности, в XX веке.

Способы использования итальянскими историками-гуманистами XV в. исторических источников, их приемы исторической критики прежде всего определялись общим мировоззрением гуманистов, и поскольку это миро-

---

[1] Деятельность Альда Мануция начинается во второй половине 90-х годов XV в., причем исторические произведения он стал издавать уже в следующем, XVI в.
[2] *Vahlen*. «Lorenzo Valla». Berlin, 1870, S. 9.
[3] *Забугин*. Указ. соч., стр. 14—15, 62.
[4] *L. Barozzi e Sabbadini*. Studi sul Panormita e sul Valla, p. 160.
[5] *Tiraboschi*. Storia della letteratura Italiana, t. VI, Firenze, 1807, p. 770.
[6] Там же.

воззрение резко отличалось от мировоззрения их предшественников — средневековых хронистов, именно в этой области гуманизм XV столетия внес в историографию больше нового, чем в других отношениях. Но с другой стороны в этой области некоторое влияние старых хроник также имело место.

Как хорошо известно, мировоззрение итальянских гуманистов XV в. носило определенно светский характер. Это повлекло за собой то, что обычно называют «секуляризацией» историографии.

Бруни, а за ним и все остальные историки-гуманисты XV в., не выступая открыто против церковной точки зрения на божественный промысел, как основную двигательную силу истории, фактически ее совершенно игнорируют в своих произведениях. Рассказывая о событиях, они не ищут для их объяснения никаких сверхъестественных причин, довольствуясь указаниями на мотивы действий исторических деятелей и следуя в этом отношении советам Цицерона.

Ближайшим следствием секуляризации истории было почти полное удаление из исторического повествования рассказов о чудесах и всякого рода легенд в средневековом духе.

Неодобрительный отзыв Цицерона о бесчисленных баснях у Геродота мог влиять в том же направлении. Правда, изредка указания на чудесные знамения все же встречаются у итальянских историков-гуманистов XV в., встречаются не только у Бруни[1], но даже у Калько[2], резко отзывающегося о баснословных рассказах феодальных хронистов.

Историки школы Бруни обычно не идут в своей критике источников дальше отбрасывания баснословных легенд. Сопоставление показаний источников — дело редкое для историков этой школы. Они обычно базируют свое изложение какого-либо события или ряда событий за известный промежуток времени на каком-нибудь одном авторе, при этом не называя его. Иногда к основному источнику добавляются данные какого-либо другого автора. Иногда вся работа историка-гуманиста сводится к простому пересказу изящной гуманистической латынью бесхитростного изложения своего источника.

Биондо и его последователь Калько занимают по своим методам использования источников совсем особое положение среди гуманистов-историков XV столетия. Они различают свои источники по времени их составления, стремясь опираться на авторов, современных описываемой эпохе или наиболее близких к ней. Они сопоставляют источники между собою, проверяя показания одних показаниями других.

Биондо и Калько стремятся к точному установлению исторических фактов, часто даже незначительных, напр., Калько, опираясь на древние документы (tabulae archetypae) поправляет Биондо, неправильно написавшего имя жены Лотаря (Alida вместо Adhelegida)[3].

Первым историком-критиком в подлинном смысле этого слова, как известно, был Лоренцо Валла. Его критическая мысль не останавливалась ни перед церковным авторитетом, ни перед авторитетом античных писателей, в том числе и Ливия, «chi non erra»[4], по мнению Данте и гуманистов XIV—XV веков.

---

[1] См. «Historiarum Florentinarum libri XII», p. 135, по страсбургскому изданию 1610 г., рассказ о комете, возвестившей о предстоящем появлении чумы.

[2] См. *Graevius.* Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae, t. II, pars I, p. 434.

[3] «Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae... collectus cura et studio I. G. Graevii», t. I, pars I; *Tristani Calchi* Historiae Patriae libri XXII, p. 184.

[4] «который не ошибается».

Современные ученые[1] подчеркивают мужество Валлы как критика и видят в этом его основную заслугу. Сам Валла гордился этой стороной своих работ. В начале своего основного критического произведения «De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio» он пишет: «non tantum adversus mortuos scribo, sed adversus etiam vivos, nec in unum alterumve, sed in plurimos, nec contra privatos modo verum etiam contra magistratus. At quos magistratus? nempe summum pontificem»...[2].

Обычно Валлу считают представителем филологической критики[3]. С этим взглядом на сущность критических приемов Валлы можно согласиться лишь в том смысле, что будучи выдающимся для своего времени филологом, Валла является основоположником филологической критики в исторической науке. Но Валла вовсе не ограничивался одной лишь филологической критикой. Он разбирает не только язык, но и содержание критикуемого им документа, а также использует в качестве доказательства монеты времени императора Константина[4].

В сочинении «Duo Tarquini» Валла осмелился предложить поправку к сообщению такого авторитетного для гуманистов писателя, как Ливий[5].

III

Секуляризация истории, произведенная итальянскими гуманистами XV века, повлекла за собою не только некоторое изменение в отношении историков к источнику, но и изменила общую концепцию исторических произведений и даже вызвала, как указывает немецкий историк Ренессанса Барон[6], зарождение зачатков исторического мышления.

Прежде всего вместо средневековой периодизации истории по четырем монархиям итальянские гуманисты XV века выдвинули новую периодизацию истории. Она впервые зародилась в применении к искусству и литературе. Уже Боккаччио в Декамероне говорит о Джотто, как о восстановителе искусства, погребенного в течение многих столетий[7].

Филиппо Виллани говорит, что художники Флоренции «artem exanguem et paene extinctam suscitaverunt»[8]. Сикко Полентон пишет о пробуждении муз после тысячелетнего сна[9].

Аналогичные высказывания имеются также в биографии Брунеллески, написанной Манетти, и у Леона Баттиста Альберти[10]. Лоренцо Валла выразил эту же мысль о возрождении в его время искусства и литературы в предисловии к «Elegantiae linguae latinae»[11], которое, как указывает голландский историк Хейзинга (Huizinga), заслужило впоследствии название

---

[1] *Fueter*. Указ. соч., стр. 112.

[2] «Я пишу не только против мертвых, но также против живых, не против одного или другого, а против многих, не только против частных лиц, но и против власти,— и какой власти? против самого папы...» «*Laurentii Vallae* de falso credita et ementita Constantini donatione declamatio.» Recensuit et apparatu critico instruxit Walter Schwann. Lipsiae, 1928.

[3] *Fueter*. Указ. соч., стр. 112.

[4] «De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio», p. 27 (по изд. Шванна).

[5] Валла предложил считать Тарквиния Гордого внуком Тарквиния Приска, а не сыном, как считал Ливий.

[6] *Hans Baron*. Das Erwachen des historischen Denkens im Humanismus des Quattrocento. «Historische Zeitschrift», Bd. 147, 1932.

[7] «Il Decameron. La sesta giornata. Novella V».

[8] «возродили обескровленное и почти угасшее искусство». «De origine civitatis Florentiae et eiusdem famosis civibus», p. 35.

[9] «*Sicconis Polentoni* Scriptorum illustrium latinae linguae libri XVIII, edited by B. L. Ullman», p. 128—129.

[10] См. обращение автора к Брунеллески в трактате «О живописи» (соч., т. II).

[11] «Elegantiae linguae latinae», Praefatio, p. 11 (по кельнскому изданию 1551 г.).

манифеста гуманизма[1]. «Elegantiae linguae latinae» пользовились в эпоху Возрождения исключительной популярностью[2]. С появлением книгопечатания эта книга выдержала едва ли не большее число изданий, чем любое произведение итальянских гуманистов XV в.[3]. Таким образом, Elegantiae безусловно должны были способствовать распространению этой популярной среди гуманистов идеи. Историки Бруни и Биондо применили эту периодизацию не только по отношению к литературе и искусству, но и по отношению к истории вообще.

Во «Флорентийской истории» Бруни не только совершенно игнорирует идеи о смене четырех монархий и о переносе империи, но и прямо говорит об упадке Римской империи, пытаясь определить время его начала и его причины.

В биографии Петрарки Бруни говорит о возрождении Италии в силу восстановления политической свободы в ее городских республиках. Древний Рим, о восстановлении республиканских порядков которого мечтали Петрарка и Кола ди Риенцо, рассматривается здесь как историческое явление, давно и безвозвратно прошедшее; восстановителями свободы оказываются новые политические образования — городские республики Италии. Таким образом, в сочинениях Бруни отчетливо дана новая периодизация истории — деление истории человечества на три периода — древность, средние века и новое время, без употребления, правда, двух последних терминов.

Биондо ставит вопрос о времени, с какого надо начинать историю средних веков (самого термина у него тоже еще нет). Он считает событием, отделяющим древность от средневековья, взятие Рима готами.

Первым сочинением, в котором встречается выражение «media tempestas» в смысле «средние века», было похвальное слово Николаю Кузанскому, составленное Джиованни Андреа Бусси, известным издателем античных писателей, о котором уже говорилось выше.

После Бусси выражения «media tempestas», «media aetas», правда, обычно без определения содержания этого понятия и без указания точных хронологических границ средневековья, встречаются нередко.

Несмотря на то, что в своих общеисторических произведениях историки-гуманисты XV века сводили содержание истории к одной лишь политической истории, ими в основу новой периодизации истории были положены не только факты из области политической истории, но и явления из области истории культуры, и при этом была подчеркнута органическая связь между первыми и вторыми.

У Бруни это выражено вполне отчетливо. В написанной им биографии Петрарки Бруни устанавливает зависимость роста и упадка науки и литературы в Италии от развития или упадка государственной жизни. Он указывает, что латинская литература, процветавшая во времена Цицерона, в дальнейшем испытывала ту же судьбу, что и государственная жизнь Рима, что вместе с уничтожением свободы в Риме деспотической властью императоров литература также пришла в упадок, а с возрождением впо-

---

[1] *Huizinga*. Wege der Kulturgeschichte, S. 92.

[2] См. *Sandys*. The History of classical scholarship. Для репутации Валлы как знатока латинского языка характерно шуточное стихотворение того времени:

Nunc postquam Manes defunctus Valla petivit
Non audet Pluto verba Latina loqui,
Juppiter hunc coeli dignatus parte fuisset
Censorem linguae sed timet esse suae.

Теперь после того как покойный Валла отправился в царство теней,
Плутон не смеет говорить по-латыни,
Юпитер удостоил бы Валлу неба,
Но боится, что он будет цензором его речи.

[3] См. *Mancini*. Vita di Lorenzo Valla. 1891.

следствии свободы в Италии благодаря расцвету городских республик литература стала возрождаться[1].

Выдающимся представителем исторической мысли среди итальянских гуманистов XV столетия был Бернардо Джустиниани[2], автор «De origine urbis Venetiarum rebusque gestis a Venetis libri XV». Джустиниани не ограничился попыткой рассказать историю родного города, подобно тому, как это делали в своих исторических произведениях другие итальянские историки-гуманисты XV в. Он поставил себе задачей объяснить, исходя из конкретной географической и исторической обстановки и истории самой Венеции, причины возникновения, роста и поразительных государственных успехов Венеции. Джустиниани, бывший крупным государственным деятелем Венеции и занятый государственными делами, успел довести изложение только до 809 г. Но даже и в незаконченном виде его сочинение представляет собой выдающееся произведение, особняком стоящее в итальянской гуманистической исторической литературе XV столетия.

При решении вопроса о причинах, вызывавших возникновение и рост Венеции, Джустиниани руководствуется принципом: «mores siquidem gentium ex natura commodisque hominum locorumque gigni necesse est»[3].

Историки того времени обычно отыскивают основателя города, историю которого они рассказывали, среди известных деятелей прошлого. Джустиниани отрицает возможность приписать основание Венеции какому-либо отдельному лицу. Он указывает далее, что Венеция возникает на таком необычном для построения города месте — на болотистых островах среди лагуны[4] в силу того обстоятельства, что там было удобно укрываться от пиратов, которых было много на Адриатическом море.

Это удобное со стратегической точки зрения местоположение Венеции оказалось особенно благоприятным для ее последующего роста, так как варварские нашествия, опустошавшие Италию, не затрагивали Венецию вследствие ее недоступности для врагов.

Джустиниани не ограничивается лишь анализом стратегического положения Венеции в свете истории Италии в течение первых столетий существования города. Он формулирует также те преимущества, которыми обладала Венеция для своего экономического роста как мореходной и торговой державы: «caeterum interea crescens Venetiae civitas rem nauticam fere omnem mercaturamque et navigationes ad se traduxit. Praesertim cum ad transvehenda orientis aromata in Pannonias Germaniamve commodiori esset situ posita quam Ravenna»[5].

---

[1] См. «Le vite di Dante e di Petrarca» напечатано в Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe. Herausgegeben und erläutert von Hans Baron. Leipzig, 1926.

[2] Фютер, который высоко ставит Джустиниани как историка, рассматривает его как представителя исторической критики по существу (Sachkritik) и противополагает его Валле как представителю филологической критики. Вместе с тем Фютер оставляет почти без анализа другую, не менее, если не более важную сторону произведения Джустиниани,— проявление в нем исторической мысли автора, ограничиваясь лишь указанием, что в противоположность историкам школы Бруни, которые подходили к историческим событиям «с реторико-театральной точки зрения», Джустиниани был историком-реалистом. См. «Geschichte der neueren Historiographie», 2 Auflage 1925, S. 113—115.

[3] «Характер народов является необходимым созданием природы и особенностей людей и мест». «*Graevius*. Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae, t. V, p.I. *Bernardi Giustiniani* de origine urbis Venetiarum rebusque gestis a Venetis libri XV», p. 35.

[4] Там же, стр. 1.

[5] «Впрочем, между тем растущая Венецианская община привлекала к себе почти все мореходство и торговлю. В особенности вследствие того, что она была более удобно, чем Равенна, расположена для перевозки восточных пряностей в Паннонию и Германию». Там же, стр. 57.

В лице Бруни и Джустиниани историческая мысль итальянских гуманистов XV в. достигла своего наивысшего развития. Уровень подавляющего большинства исторических произведений эпохи был значительно ниже.

Итальянские историки-гуманисты XV в. рассматривали исторические сочинения прежде всего как произведения литературные. Вопросы формы имели для литераторов того времени исключительно большое значение. «Fu quello veramente il tempo dell' omnipotenza della forma», говорит о XV столетии в Италии Саббадини, один из лучших знатоков стиля гуманистов XV в.[1] Историческое сочинение, написанное плохим стилем, хотя бы оно было и выдающимся по содержанию, считалось в лучшем случае лишь собранием фактов, могущих послужить опытному стилисту материалом для исторического произведения, которое может принести пользу потомству и прославить имя того, кто изящным стилем изложил эти факты.

В этом отношении показателен отзыв Энея Сильвия Пикколомини о «Декадах» Биондо. Он называет сочинение Биондо — opus certe laboriosum et utile verum expolitore emendatoreque dignum[2].

Само собою разумеется, что единственным достойным языком для исторических произведений признавался латинский язык.

Итальянские историки-гуманисты XV в. стремились писать классическим цицероновским языком. Отсюда их стремление к пользованию исключительно классической латинской терминологией и к изгнанию из своего языка всех тех многочисленных технических терминов, которые выработало средневековье для обозначения новых явлений, отсутствовавших в древности. Этот «пуризм» латинской терминологии гуманистических историков естественно делал ее иногда недостаточно ясной и четкой.

По стилю и общей композиции своих произведений итальянские историки-гуманисты XV в. стремились подражать Ливию. Признать историческое произведение удачным подражанием Ливию значило тогда назвать его образцовым, так, например, Кортези, дающий высокую оценку Бруни как историку, пишет о нем: «consectatur in historia quiddam livianum, non ausim dicere ciceronianum»[3].

На общей композиции исторических произведений гуманистов XV в., посвященных истории событий, подражание античным образцам отразилось в основном в четырех отношениях:

Во-первых, гуманисты усвоили строго анналистическую форму изложения. Усвоить эту форму изложения было нетрудно, потому что и для средневековых хроник она была весьма обычной, хотя и не проводилась так систематически строго, как это стали делать гуманисты.

Во-вторых, историки-гуманисты старались подчеркнуть драматическую сторону событий. При этом они руководствовались примерами риторической трагедии и реальные переживания исторических лиц заменяли искусственной театральной психологией, могли выпустить характерные детали и присочинить драматические подробности.

В-третьих, гуманисты XV в. вкладывали в уста исторических деятелей вымышленные речи, иногда очень длинные Этот искусственный прием

---

[1] «Это время в самом деле было временем всемогущества формы» — *Sabbadini*. Storia del ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell' età della rinascenza, p. 1.

[2] «Сочинение, конечно, потребовавшее большого труда и полезное, в самом деле достойное человека, который его отделает и исправит». Цит. по: *Vossius*. De historicis latinis libri III. Lugduni Batavorum, 1651, p. 585.

[3] «В его истории неизменно чувствуется что-то ливиевское, я не осмелюсь сказать цицероновское». *Pauli Cortesii* De hominibus doctis. Интересно отметить, что в XVI в. Эразм писал о Бруни: «Leonardus Aretinus mihi videtur esse alter Cicero». (Леонардо Аретино мне кажется вторым Цицероном). «Ciceronianus sive de optimo dicendi genere dialogus». Opera, t. 1, p. 1009.

получил весьма широкое распространение. Гуманисты стремились выявить в этих речах весь блеск своего красноречия.

В-четвертых, и это уже является положительной чертой — в противоположность чисто аморфным в композиционном отношении хроникам сочинения гуманистов являлись гораздо более стройными по своему построению.

Три первых из указанных сторон стиля историков-гуманистов XV в. с достаточной полнотой и с конкретными примерами, главным образом из «Флорентийской истории» Бруни, описаны Фютером. Однако Фютер напрасно приписывал гуманистам этого времени возрождение в историографии античной риторической формы[1]. Описанные стороны стиля гуманистических исторических произведений XV в. были в основном воскрешены в историографии столетием раньше так называемыми прегуманистами, о которых речь шла выше. Гуманисты лишь значительно усовершенствовали стиль прегуманистов.

Стиль историков-гуманистов XV в., конечно, вредил им как историкам. В противоположность мнению Бруни о необходимости изящного стиля для увековечения событий в памяти потомства, современные ученые выше ценят как исторические источники безыскусственные рассказы средневековых хронистов по сравнению со стилистически выдержанными произведениями историков-гуманистов XV в. Стиль Биондо, Калько и в особенности Лета является исключением по сравнению с приемами исторического изложения современных им историков. Для Биондо это, повидимому, является простым следствием отсутствия у него уменья подражать стилю древних. Лет, который по своим методам использования письменных источников не похож на Биондо и Калько и по существу не отличается от большинства историков своего времени[2], в вопросах стиля принципиально стоит на иной позиции, чем его современники. Он находит у Ливия слишком много риторики, подчеркивает, что в истории факты важнее красноречия[3]. Речей у Лета нет.

Подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать следующие выводы.

Итальянские историки-гуманисты XV в. в весьма значительной мере являются продолжателями средневековых хронистов. Подобно этим последним, они стремятся увековечить в памяти потомства события своего времени или недавнего прошлого. Как и средневековые хронисты, они считают историческими фактами события военной и дипломатической истории (проявляя при этом особое внимание не только к общественной деятельности, но и к личной жизни правителей), а также всякого рода необычные и стихийные явления природы (появление кометы, неурожаи, эпидемии и т. п.), которые они обыкновенно отмечают, не уделяя им, однако, много места. Событиями внутренней истории они занимаются мало. Характеристики исторических деятелей, не чуждые предшествующей литературе, встречаются также и у итальянских историков-гуманистов XV в. Источники, которыми пользуются эти историки, и их методы использования этих источников в значительной мере те же, что и средневековых хронистов.

Но в то же время в деятельности итальянских историков-гуманистов XV в. резко выступает ряд моментов, принципиально настолько важных, что именно с работ гуманистов XV в. принято начинать историю исторической науки нового времени.

---

[1] *Fueter*. Указ. соч., стр. 10—11.

[2] *Вл. Забугин*. Указ. соч., см. также статью Саббадини о Лете в «Enciclopedia Italiana». Положительной стороной Лета с источниковедческой точки зрения является использование им надписей и монет в качестве исторических источников.

[3] *Вл. Забугин*. Указ. соч., стр. 157.

Первым и наиболее важным из таких моментов является «секуляризация истории» — смена феодально-церковного мировоззрения буржуазно-светским. Следствием этой смены мировоззрения был рационалистический подход к событиям и почти полное удаление из исторического повествования всякого рода легенд. Эта же смена мировоззрения породила и те элементы исторической критики, которые появляются в сочинениях некоторых итальянских историков-гуманистов в XV в.

Эти элементы критики различны. Здесь и стремление различать достоверные источники от недостоверных и сопоставление показаний источников, что характерно для Биондо и Калько. Здесь и критика самих источников, отчасти свойственная Бруни, но ярко проявившаяся только у Валлы. Эта вторая черта итальянской гуманистической историографии XV в. — зарождение в ней элементов исторической критики — свойственна сравнительно немногим историкам-гуманистам этой эпохи.

Это вполне естественно, так как историческая критика только еще зарождается в XV столетии. Младенческим возрастом исторической критики в эту эпоху объясняется и исключительное доверие историков-гуманистов к древним авторам.

Третья черта итальянской гуманистической историографии XV в.— зарождение в ней элементов исторического мышления, черта, наиболее ярко сказавшаяся у Джустиниани и отчасти у Бруни, тоже по существу явилась следствием «секуляризации истории». Вполне естественно, что и эта черта свойственна далеко не всем историкам-гуманистам этого времени. Но одно проявление ее — новая периодизация истории — получила широкое распространение, хотя эта новая периодизация и не приняла еще законченного вида.

Историки-гуманисты XV в. значительно расширили содержание исторической науки. В это время в форме сборников биографий деятелей литературы и биографий отдельных деятелей искусства появляются элементы будущей истории литературы и искусства.

Попытки изучения государственных учреждений и быта древнего Рима представляют собою первые шаги будущей истории учреждений. Чрезвычайно характерно, как это было подчеркнуто выше, что эти элементы будущей истории культуры зарождаются вне рамок общей истории.

Интерес к вещественным памятникам античности побудил итальянских гуманистов и деятелей искусства этой эпохи положить начало классической археологии. А из классической археологии впоследствии развилась археология вообще.

Характерно также, что и археология не только на первых шагах, но и долгое время позже имела мало соприкосновения с исторической наукой, и историки не пользовались в своей работе данными археологии. Перелом в этом отношении наступил очень поздно.

Итальянские гуманисты XV в. развили весьма энергичную деятельность по собиранию трудов античных историков, по переводу греческих историков на латинский язык, по изданию античных историков. Этим они положили начало собиранию и изданию исторических источников.

Как уже было указано выше, всех итальянских историков-гуманистов XV столетия можно разделить на две неравные по количеству лиц группы. Первую из этих групп, к которой в той или иной мере можно причислить большинство авторов, писавших сочинения о событиях политической истории, принято обычно называть гуманистической риторической школой.

По форме произведения этих писателей отличаются всеми особенностями риторического стиля гуманистов, описанного выше. По содержанию своих произведений и по отношению к источникам эти историки являются

ближайшими продолжателями средневековых хронистов. Их, однако, отличает от последних светское рационалистическое отношение к событиям и в связи с этим почти полное отсутствие легендарных рассказов. Историкам этой школы обычно присуща политическая тенденция — прославить город или династию. В связи с этим в работах Бруни ярко сказываются его республиканские убеждения. Основатель школы, Бруни, как историк стоит выше своих последователей. Это признавали еще сами гуманисты XV в. Так, Кортези писал, что Бруни «omnibus mea sententia qui post eum fuerunt facile praestiterit»[1].

Именно у Бруни и в некоторой мере у Джустиниани[2], отчасти принадлежащего к этой школе, наиболее отчетливо проявились зачатки исторического мышления.

Биондо, Калько и отчасти Лет отличаются от большинства историков гуманистической школы по приемам работы и по приемам изложения.

Хотя Биондо и усвоил гуманистическую периодизацию истории, однако историки нового времени[3] совершенно справедливо подчеркивают, что Биондо ни в коем случае нельзя назвать историком-мыслителем[4]. Его сочинения в значительной мере являются не историческими исследованиями, а собранием исторических материалов. Но в сочинениях Биондо есть два основных достоинства: он старается изучить прошлое, он историк, а не хронист; кроме того, изучая прошлое, он сопоставляет источники, стремится использовать лучшие из них. Таким образом, Биондо является первым среди гуманистов историком-исследователем, посвятившим изучению истории всю свою жизнь[5], и в этом заключается его историческая роль. Современники-гуманисты часто, хотя и не всегда[6], относились к Биондо свысока за его стиль, совершенно неудовлетворительный с их точки зрения. Отзвук этого отношения чувствуется и у историков нового времени, невысоко оценивающих Биондо за аморфный, необработанный характер его трудов, за наивность политической мысли. В частности, Фютер считает его посредственностью[7]. Мне кажется такая оценка исторически неправильной и несправедливой. В самом деле, Биондо ведь является автором крупных работ в нескольких областях исторического знания. Написав «Декады», он стал первым в истории историком медиевистом; составив «Roma triumphans», Биондо дал лучший для своего времени очерк государственного устройства, общественной жизни и быта древнего Рима; его «Roma Instaurata» является лучшим трудом XV в. по топографии античного Рима; наконец, его «Italia Illustrata» представляет собою произведение большого значения для истории развития исторической геогра-

---

[1] «По моему мнению, безусловно выше всех бывших после него» («De hominibus doctis» dialogus. Florentiae 1734, p. 225).

[2] С риторической школой Джустиниани сближает стиль, которым написано его сочинение.

[3] *Masius*. Указ. соч., стр. 45 и сл. *Fueter*. Указ. соч., стр. 107.

[4] Но с оценкой предисловия Биондо к «Roma triumphans», которую дает Фютер, тем не менее нельзя согласиться.

[5] Интересно отметить, что Биондо работал в противоположность весьма многим гуманистам-историкам его времени без всякой надежды на материальное поощрение со стороны меценатов. Он сам писал об этом Брачелли: «credas me qui nulla ad scribendum re pecuniaria sim adductus». Цит. по Мазиусу. Указ. соч., стр. 30.

[6] Например, Кортези, отмечая недостатки его стиля, подчеркивает ценность содержания его работ: in excogitando tamen quid scriberet omnibus his viris qui fuerunt fere eius aequales meo quidem iudicio praestitit (De hominibus doctis, p. 230).

[7] Фютер пишет: «Es war kein bedeutender Mann und kein grosser Historiker der hier zum ersten Male Wandel schaffte. Blondus war ein fleissiger, gewissenhafter Gelehrter, aber kein historischer Denker und kein Geschichtschreiber. Nicht mit Unrecht haben neuere Forscher seinen Werken das Prädikat *mittelmässig* (курсив мой.— *В. Я.*) erteilt». Указ. соч., стр. 107.

фии. Вряд ли правильно автора таких работ и во многих отношениях пионера представлять как посредственность.

Более верной, мне кажется, в данном случае оценка Виллари, который называет Биондо весьма одаренным ученым[1].

§ 6. СОСТОЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ИТАЛИИ В XV ВЕКЕ

Как уже было указано в первой главе настоящей работы, из двух основных разделов истории географических знаний для исследователя, изучающего возникновение и развитие исторической географии, представляет интерес главным образом история географической мысли в широком смысле слова, а история путешествий и открытий имеет для него значение лишь с точки зрения влияния этих экспедиций на географическую мысль. Итальянцы были первыми мореплавателями в XV в. Корабли Венеции и Генуи господствовали на Средиземном море. Но не они, а португальцы начали в XV в. то продвижение вдоль берегов Африки, которое можно считать за начало эпохи великих открытий[2]. Это продвижение началось в начале XV в. непосредственно за вытеснением мавров с территории Португалии. Цель — найти морской путь в Индию — была поставлена далеко не сразу. Самое продвижение было медленным. От первых захватов в Африке до прибытия Васко да Гама в Индию прошло немногим менее столетия. В этом продвижении португальцев вдоль Африки на ее первом наиболее трудном этапе большую роль сыграла деятельность принца Генриха Мореплавателя.

Плавания португальцев, конечно, оказывали некоторое влияние на европейскую географическую мысль. В одной из их экспедиций участвовал нюренбергский математик Мартин Бехайм, конструктор первого глобуса XV в.[3]. В сношениях с португальцами был известный итальянский астроном того времени Тосканелли[4]. Но самое открытие морского пути в Индию, как и открытие Америки Колумбом имели место в последнем десятилетии XV столетия. Влияние великих открытий на географическую мысль, следовательно, могло проявиться лишь в шестнадцатом веке.

Более кратким, но с торгово-транспортной точки зрения мало эффективным путем через страны Ближнего Востока, как известно, европейцы проникали в Индию и много раньше, чем Васко да Гама. Из таких путешествий особенно интересно путешествие тверского купца Афанасия Никитина, совершенное им в 1466—1472 гг. По компетентному мнению И. П. Минаева[5], посвятившего «Хожению» Никитина специальное исследование, записки Никитина дают лучшие сведения об Индии, чем рассказ венецианца Николо Конти, бывшего в Индии раньше тверского купца. Записки Никитина не были известны в Западной Европе. Но рассказ Конти был записан Поджио. Известия такого рода, конечно, тоже возбуждали интерес к далеким странам. Но серьезного влияния на географическую мысль XV в. они оказать не могли.

---

[1] *Villari*. Niccolò Machiavelli e i suoi tempi, Firenze 1877, t. 1, p. 142 (есть русский перевод).

[2] Хороший очерк продвижения португальцев вдоль Африки дан в книге Зупана (*Supan* «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien», 1907). Эту книгу использовал В. И. Ленин в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма».

[3] *Gallois*. «Géographes allemands de la Renaissance». Paris, 1890, p. 26.

[4] *Uzielli*. «Paolo dal Pozzo Toscanelli, iniziatore della scoperta d'America». Firenze, 1892, pp. 91, 214, 215.

[5] *И. П. Минаев*. Старая Индия. СПб., 1881 г. К мнению Минаева присоединяется и советский историк В. В. Бартольд — см. его «Историю изучения Востока в Европе и России». Л., 1925, стр. 174. «Хожение за три моря» в 1948 г. переиздано АН СССР, под ред. С. Д. Грекова и В. П. Андриановой-Перетц.

Таким образом, морские и сухопутные путешествия того времени еще не могли быть сильным толчком для прогресса географической мысли.

Но торговля итальянских республик XIV—XV вв., развивавшаяся главным образом на Средиземном море, некоторое конкретное влияние на географическую мысль эпохи все же оказывала. Это влияние сказалось еще сравнительно задолго до XV в. Оно прежде всего проявилось в картографии.

Непосредственным порождением итальянского мореходства XIII—XIV столетий были так называемые компасные карты, или портоланы[1]. Это карты берегов Средиземного моря и связанных с ним водных пространств. На них нет градусной сетки, но имеются так называемые розы ветров и компасные сетки, указывающие страны света и промежуточные румбы. Компасные карты с большой точностью передавали очертания берегов и удовлетворяли практические нужды мореплавателей того времени. Портоланы, повидимому, послужили одним из источников мировой карты, вычерченной в 1459 г. в Венеции монахом фра Мауро. По своему оформлению это чисто средневековая карта: на ней нет градусной сетки, Иерусалим является на ней центром мира. Но на этой карте очертания берегов Средиземного и Черного морей даны, повидимому, по портоланам и поэтому они ближе к действительности, чем у Птолемея.

Торговые интересы итальянских городов XIV—XV вв. вызвали также появление первых элементов того, что впоследствии получило наименование коммерческой географии.

К 1333 г. относится составление руководства по ведению торговли — «La pratica della mercatura» Пеголотти[2]. Автор долгое время находился на службе у одной из виднейших флорентийских фирм того времени — Барди и по делам фирмы совершал торговые путешествия в Англию, Нидерланды, Кипр и Армению.

В книге содержится много данных о качестве и происхождении важнейших товаров, обращавшихся в тогдашней торговле, а также указания на единицы меры и веса, монеты, употреблявшиеся в различных торговых городах Европы и Востока, и пошлины и транспортные издержки, которые приходится нести купцу. В книге дано также описание караванной торговой дороги с берегов Азовского моря в Китай.

Аналогичное содержание имеет «La pratica della mercatura» Антония Уццано (Uzzano[3]), написанная в следующем XV в.— в 1427 г. Уццано сообщает, между прочим, какие товары можно купить и продать в Александрии, Дамаске и Лондоне. К книге приложен портолан, охватывающий бо́льшую часть Средиземного моря.

В XV столетии географическая мысль в Италии подпадает под влияние гуманизма. Но, к сожалению, его роль в развитии географии в XV в. выяснена в научной литературе далеко не с исчерпывающей полнотой. Еще на VII международном географическом конгрессе в Берлине в 1899 г. Гюнтер указывал на необходимость изучения роли гуманизма в развитии геогра-

---

[1] Эти карты появились в конце XIII в. О них имеется значительная литература. Перечень главнейших работ см. у *A. Wolckenhauer*. Aus der Geschichte der Kartographie («Deutsche Geographische Blätter», 1912) и у *Зондерванна*. Географическая карта, ее история, составление, воспроизведение, пер. под ред. Ю. М. Шокальского. К указанной там литературе можно добавить интересную работу польского ученого Буяка «O średniowiecznych mapach żeglarskich». Напечатана в сборнике статей Буяка «Studja Geograficzno-Historyczne», Warszawa, 1925.

[2] Это сочинение издано в составе третьего тома интересного исследования экономиста XVIII в. Паньини (*Pagnini*) Della decima e di varie altre gravezze imposte dal comune di Firenze, della moneta e della mercatura de' fiorentini fino al secolo XVI. Lisbona e Lucca, 1765.

[3] Напечатано тем же Паньини в качестве т. IV исследования.

фии. Его собственный доклад на конгрессе на эту тему[1] посвящен, главным образом роли германских гуманистов XVI в. в развитии географии в Германии. Нельзя сказать, чтобы и эта задача была им разрешена во всех отношениях. Что же касается роли итальянского гуманизма в развитии географии, то этому вопросу Гюнтер уделяет совсем мало внимания в своем докладе.

Со времени VII международного географического конгресса прошло более полувека, и с тех пор кое-что сделано в указанном направлении, например, появились две небольшие работы Берга[2] и Мюллера[3] о Пикколомини как географе, работа Рамбальди о Петрарке как географе[4]. Но все же влияние гуманизма на развитие географии еще нельзя считать изученным с достаточной полнотой. Однако некоторые направления этого влияния давно уже установлены с достаточной определенностью. Подобно тому, как в области истории гуманизм прежде всего повлек за собою внимательное изучение античных историков, в области географии труды античных географов стали для гуманистов предметом тщательного изучения. Изучали не только римских географов Помпония Мелу, Солина и Плиния, но и греческих — Птолемея и Страбона. Как уже было указано выше, в XV столетии итальянские гуманисты развили энергичную деятельность по переводу греческих писателей на латинский язык. В числе переведенных книг были и труды классиков греческой географической науки. В 1410 г. Джакопо д'Анджело да Скарпариа, ездивший для изучения греческого языка в Византию, перевел на латинский язык «Географию» Птолемея. Перевод первоначально получил распространение в рукописи и без карт[5]. В 1475 г. вышло из печати первое издание Птолемея на латинском языке, без карт[6]. В 1478 г. было выпущено второе издание с картами. После этого Птолемей переиздавался в течение более ста лет десятки раз как в Италии, так и в других странах, в особенности в Германии. Немного позже, чем Птолемей, был переведен на латинский язык Страбон. Перевод был сделан известным гуманистом XV столетия Гуарино из Вероны[7] по заказу папы-мецената Николая V. Этот перевод был напечатан в 1470 г.[8]

Благодаря переводу на латинский язык сочинения Птолемея и Страбона стали доступны образованным людям эпохи и сделались популярными наряду с сочинениями Помпония Мелы, Солина и Плиния.

В этом отношении судьба Птолемея и Страбона в XV в. лучше, чем судьба Фукидида и Полибия, в ту же эпоху: историки того времени, подражавшие главным образом Ливию и отчасти Саллюстию, гораздо меньше читали и ценили великих греческих историков, чем географы читали и ценили

---

[1] *Günther*. Der Humanismus in seinem Einfluss auf die Entwicklung der Erdkunde. Verhandlungen des siebenten internationalen Geographenkongresses. T. II. Berl. 1901.

[2] *A. E. Berg*. Enea Silvio de'Piccolomini (Papst Pius II) in seiner Bedeutung als Geograph. Halle, 1901.

[3] *H. Müller*. Enea Silvio de'Piccolomini's literarische Tätigkeit auf dem Gebiete der Erdkunde und dessen Einfluss auf die Geographen der Folgezeit. Fürth 1903. Обе работы являются типичными немецкими докторскими диссертациями с обычными достоинствами и недостатками этого рода работ. Из старых авторов много внимания географическим трудам Пикколомини уделяет Фойгт в своей трехтомной монографии о нем «Enea Silvio de'Piccolomini als Pabst Pius II und sein Zeitalter».

[4] *Rambaldi*. Petrarca come geografo. К сожалению, вследствие отсутствия этой работы в книгохранилищах СССР я не смог ее использовать.

[5] *Lelewel*. La géographie du moyen âge, Bruxelles, 1852, v. II, §§ 178—183.

[6] Птолемей в греческом подлиннике был впервые напечатан лишь в следующем столетии, в 1533 г. Эразмом Роттердамским (см. *A. Wolckenhauer*. Aus der Geschichte der Kartographie.— «Deutsche Geographische Blätter», Bd. XVII, 1904).

[7] О Гуарино см. *М. С. Корелин*. Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. IV, стр. 362—373.

[8] *Firmin-Didot*. Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875, p. XLIII.

великих греческих географов. Птолемей сделался основным авторитетом не только для XV, но и для почти всего XVI в.

Не ограничиваясь только изучением античного наследства, итальянские гуманисты XV в. выступили и в качестве авторов географических работ. Естественно, что в этих работах они старались подражать античным географам.

Немногочисленные географические работы, появлявшиеся в Италии в XV в., могут быть разбиты на две группы. Это, с одной стороны, карты, с другой стороны — сочинения на географические темы или географические описания в исторических произведениях (об этих последних уже шла речь выше в параграфе, посвященном историческим работам гуманистов XV в.).

В издание Птолемея, выпущенное итальянским гуманистом Берлингьери (Berlinghieri Francesco, 1440—1500), были включены четыре новые карты в добавление к картам Птолемея — карты Италии, Испании, Франции и Палестины.

Этим было положено начало включению в издания Птолемея новых карт, что особенно развилось в XVI в. В римском издании Птолемея 1490 г. была напечатана карта Германии кардинала Николая Кузанского[1]. Это была первая печатная карта Германии.

Печатались карты и вне изданий Птолемея. Из карт, составленных в Италии в XV веке, наибольшее значение имеет известная «Carta navigationis» Тосканелли (1397—1482). Карта эта до нас не дошла. Попытка ее реконструкции была сделана немецким географом конца XIX — начала XX в. Вагнером. По Вагнеру, эта карта является древнейшей попыткой построить морскою карту с градусной сеткой. Тосканелли впервые научно обосновал идею путем путешествия на запад объехать земной шар кругом и достигнуть Азии.

Надо отметить также глобус Мартина Бехайма 1492 г. Америки у Бехайма еще нет. На месте ее показано водное пространство.

Из географических сочинений итальянских гуманистов XV в. наибольший интерес представляют труды Биондо и Энея Сильвия Пикколомини (1405—1464), под конец жизни избранного папой под именем Пия II. Как в работе Биондо «Italia Illustrata», так и у Пикколомини географические моменты сочетаются с историческими и историко-географическими, но сочетаются в различных пропорциях. У Биондо историко-географические элементы представлены значительно ярче. Его труд является основным историко-географическим произведением итальянской гуманистической литературы XV столетия. Поэтому уместно будет подвергнуть его подробному разбору в соответствующем месте ниже, а сейчас остановиться на характеристике географических работ Пикколомини. Умственные интересы Энея Сильвия Пикколомини были весьма широкими. В своих сочинениях он выступает не только в роли историка и в роли географа[2], но также и в роли педагога[3] и новеллиста в стиле Боккаччио.

Пикколомини оставил два основых географических труда «Космографию» и «Описание Германии» («De ritu, situ, moribus et conditione Germaniae descriptio»). Географические элементы имеются и в других его

---

[1] Николай Кузанский (1401—1464) — известный философ XV в. Карта его, как видно из даты его смерти, была напечатана несколько десятилетий спустя после смерти автора.

[2] Сочетание в одном лице историка и географа — явление нередкое в XV и XVI вв. и даже позже, до XVIII в. включительно. В качестве примеров для XVI в. можно назвать Авентина в Германии, Ватта (Vadianus) в Швейцарии, Овиедо и Акоста в Испании, в XVIII в.— Фрере во Франции.

[3] Ему принадлежит трактат — «De liberorum educatione».

сочинениях, в частности в его «Истории Чехии» («De ortu et historia Bohemorum»), о которой уже говорилось выше. «Космография» Пикколомини состоит из трех частей, написанных в разное время[1]. Первая, наиболее краткая по содержанию, говорит о мире в целом, вторая посвящена Азии, третья — Европе. Вторая и третья части остались неоконченными.

Взаимную связь этих частей сам автор объясняет в предисловии, носящем очень характерное заглавие — «Aeneae Sylvii Pii II Pontificis Maximi in historiam rerum ubique gestarum locorumque descriptionem praefatio»[2].

В этом предисловии Пикколомини намечает порядок своего изложения. Он собирается изложить события своего времени начиная с восточных стран и кончая западными, сообщив при этом необходимые сведения о географическом положении и природе местностей и народов и предпослав всему изложению несколько слов о земном шаре в целом[3].

Таким образом, географические сведения должны играть роль введения по отношению к фактам исторического порядка. Источниками географических сведений для Пикколомини были сочинения римских географов, а также Страбона и Птолемея, которыми он пользовался в латинских переводах[4]. Он использовал также переводы Геродота и Диодора Сицилийского. Из средневековых авторов он использовал Альберта Великого. Из произведения Поджио «De varietate fortunae» Пикколомини знал о путешествии на восток венецианца Николо Конти. Он использовал также донесения миссионеров и личные наблюдения от своих путешествий по Европе.

Первую, очень небольшую по объему часть своего труда, озаглавленную «De mundo in universo forma eiusque plagis terrae», Пикколомини начинает с определения формы земли, признавая ее шарообразной. «Mundi formam omnes fere consentiunt rotundam esse»[5], пишет он. Дальше он рассуждает о распределении моря и суши, потом говорит о климатических поясах земли и о их населенности. После этого Пикколомини, указав на деление земли на три части света — Европу, Азию и Африку, говорит о границах между ними.

Сказанным исчерпывается содержание первой, вводной части. Ни чертежей, ни цифр за исключением размеров ойкумены[6] и размеров земной поверхности в этой части нет.

Описание Азии и Европы в «Космографии» по своему построению имеет много общих черт с описанием Германии в специальном о ней сочинении и с описанием Чехии в «Истории Чехии». Поэтому удобнее дать общую краткую характеристику тех приемов, при помощи которых Пикколомини строит свои описания стран. Описание страны обычно начинается с харак-

---

[1] О времени написания см. *Voigt*. «Enea Silvio de'Piccolomini».

[2] Предисловие Энея Сильвия, папы Пия II к истории событий, везде происходивших и к описанию местностей.

[3] «Scribendi ordo sic erit: Quae propter nostrum aevum gesta sunt memoratu digna (quantum cognovimus), enarrare curabimus, prisca nonnulla praemittentes, quae vel cognitionem maiorem rerum, vel ornatum afferant. Digeremusque singula per sua loca et ab orientali plaga facientes initium, per medias provincias narratione deducta ad occiduas nostrasque oras remeabimus. De locorum gentiumque natura et situ quae videbantur necessaria inserentes. Et quoniam rerum, quas scribimus quasque mortales agitant campus est ipse terrarum orbis quatenus colitur cum interiectis et circumfusis aquis, pauca de ipso in communi attigenda sunt priusquam parteis eius et locorum historiam aggridiamur». Цит. по базельскому изданию 1571 г. сочинений Пикколомини («Aeneae Sylvii Piccolominei... Opera quae extant omnia...» p. 282).

[4] При составлении специальной работы о Германии им использованы также Цезарь и Тацит.

[5] «Opera», p. 282. По базельскому изданию 1571 г.

[6] Ойкумена — по представлению античных авторов, часть земной поверхности, заселенная людьми.

теристики ее географического положения. В самом описании характерно резкое преобладание географии человека над географией природы. Пикколомини в географии природы отмечает направление некоторых горных хребтов, перечисляет реки с указанием направления их течения. Иногда имеются очень краткие характеристики гор и рек. Для некоторых стран отмечается характер их климата. Климатические характеристики соответственно уровню знаний того времени коротки и элементарны. Обычно они сводятся к указанию, что климат жаркий или прохладный, сухой или влажный.

В связи с физической географией иногда имеется упоминание о природных богатствах и хозяйстве страны, о почвах, о разводимых растениях, о лесах и дичи, о рыбной ловле, об ископаемых, например, описывая Кавказскую Албанию[1], Пикколомини говорит о ее богатстве хлебом, вином и пастбищами, описывая Германию, он упоминает о пивоварении в Баварии и Вестфалии.

Слабость физико-географических моментов является естественным следствием низкого уровня физико-географических знаний того времени.

Вторая характерная черта описания стран у Пикколомини — это большая роль в этом описании, если можно так выразиться, перечнево-номенклатурного момента. Географических названий автор приводит много. О многих из них сказано очень немного, часто дело ограничивается лишь перечнем названий.

Пикколомини в одних случаях излагает античную географию описываемых им стран, в других — современную. Иногда оба эти элемента стоят рядом и далеко не всегда с достаточной четкостью разграничиваются. В некоторых случаях имеет место сравнение античного прошлого с современностью, например, Пикколомини сравнивает территорию древней Германии с современной ему ее территорией. Характеризуя по Цезарю и Тациту дикость древних германцев, он противополагает их прежнюю дикость современному уровню их культуры.

Подобно тому как в исторических произведениях гуманисты XV в. старались избегать баснословных рассказов, Пикколомини пытается не вводить их в свои географические описания. Однако это удается ему в меньшей мере. Например, он рисует фантастическими чертами легендарный народ гиперборейцев, питающихся фруктами, не знающих ни войн, ни болезней.

Иногда Пикколомини сообщает нелепые сведения просто по неосведомленности, например, в кратком отрывке, посвященном Новгороду, он, наряду с верными сведениями о поездках в Новгород ганзейских купцов для покупки мехов, сообщает о наличии в Новгороде на городской площади квадратного камня, на который взбираются претенденты на власть в городе. Кому это удается сделать, не будучи сброшенным, тот получает звание главы города. Из-за этого происходят вооруженные столкновения и, как говорят, часто в один день на камень восходят многие, вследствие чего возникают мятежи в народе[2]. В этом нелепом рассказе отразились сообщения о тех столкновениях, которые иногда имели место на вече, а «степень», с которой обращались к вечу должностные лица новгородской республики, у Пикколомини превратилась в камень, восхождение на который дает власть.

---

[1] Так называли тогда Азербайджан.

[2] «Lapis in medio fori quadratus est quem qui ascendere potuerit neque deiectus fuerit principatum urbis assequitur. Pro ea re in armis dimicant saepeque una die plures conscendisse ferunt unde saepe seditiones in populo emersere». *Aeneae Sylvii Piccolominei* Opera omnia quae exstant, p. 419. По Базельскому изданию 1571 г.

Описание часто сопровождается разного рода историческими экскурсами, иногда занимающими немало места. Сочетание географических (античных и современных) и исторических в непосредственном смысле этого слова моментов также является характерной чертой географических сочинений Пикколомини.

Пикколомини стремится описать быт и нравы народов. Иногда он указывает на различие в языках, существующее между отдельными группами народностей, напр., на территории Германии он различает две группы народностей — славянскую и германскую.

Пикколомини иногда пытается истолковывать географические названия. Толкования эти очень произвольны, вследствие полного отсутствия у автора той научной базы, которой требует это дело. Эта черта тоже является весьма характерной и произвольные толкования географических названий надолго станут одним из любимых занятий географов.

Географические работы Пикколомини — об этом подробнее будет сказано ниже — оказали заметное влияние на страноведческие работы следующего, шестнадцатого столетия.

§ 7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XV ВЕКЕ

В XV столетии основная и притом почти единственная работа, в которой ярко выражены элементы исторической географии, принадлежит Биондо.

Полное заглавие этого труда Биондо «Italia Illustrata sive Lustrata (nam uterque titulus doctis placet) in regiones seu provincias divisa XVIII».

Для составления этой работы Биондо, не ограничиваясь собиранием письменных источников, объездил большую часть Италии. Во введении Биондо сначала указывает, что после разрушения варварами Римской империи создалось вследствие упадка изящных искусств и историографии такое положение, что в силу отсутствия историков, которые в своих литературных произведениях сохранили бы для потомства память о прошлом, его современники не только не знают минувших событий, но даже по большей части не имеют сведений о местонахождении тех местностей, городов, озер, рек и гор Италии, имена которых часто упоминаются древними писателями[1], и, что особенно удивительно, им остаются неизвестными время основания и сами основатели многих городов и могущественных государств, которые выросли и приобрели значительные территории в течение этого времени.

Биондо указывает далее, что в его время возродились занятия искусствами и, в особенности, красноречием и благодаря этому «historiarum diligentius noscendarum amor nostros cepit homines»[2].

Эти предварительные указания являются для Биондо мотивировкой предпринятого им труда, самые задачи которого он сперва определяет в следующих выражениях: «tentare solui,— пишет он, — si per eam quam iam nactus Italiae rerum peritiam[3], vetustioribus locis eius et populis nominum novitatem, novis auctoritatem, deletis vitam memoriae dare denique rerum Italiae obscuritatem illustrare potero»[4].

---

[1] «Sed Italiae regiones, urbes, oppida lacus, flumina montesque quorum nomina a vetustis frequentantur scriptoribus ubi sint magna ex parte ignoremus».

[2] «Любовь к тщательному изучению истории охватила наших людей».

[3] Биондо имеет в данном случае в виду знания, приобретенные им благодаря работе над своими историческими трудами.

[4] «Я хочу попытаться, не смогу ли благодаря приобретенному мною знанию истории Италии определить новые названия ее древнейших мест и народов, значение новых мест и воскресить память о разрушенных и, наконец, объяснить неясное в истории Италии».

Несколько ниже, заканчивая введение, Биондо еще раз формулирует задачи своей работы:

«Posteaque vero omnem Italiam peragratus ero, viros praestantiores qui singulis in urbibus et locis pridem geniti fuerunt eosque, qui sunt superstites praesertim litterarum aut cuiuspiam virtutis gloria claros, enumerabo atque res in singulis locis scribi dignas breviter narrabo; ut non magis haec Italiae sit descriptio, virorum eius illustrium praestantiumque catalogus ac non parvae partis historiarum Italiae breviarium»[1].

Как видно из этих формулировок самого автора, Биондо ставит перед собою три задачи. Во-первых, он хочет дать географическое описание местностей и городов Италии, устанавливая при этом соответствие между древними и современными ему географическими названиями, определяя, к каким местам относятся исчезнувшие древние названия, не имеющие эквивалента в современности, а также не забывая дать характеристику географических единиц, возникших в средние века и не имеющих эквивалента в древности.

При описании каждой местности он хочет также упомянуть тех ее уроженцев, которые получили известность в прошлом или в настоящем, в особенности отмечая собратьев по занятиям — гуманистов. Это — его вторая задача.

Третьей его задачей является краткое упоминание о важнейших исторических событиях, имевших место в описываемых им областях Италии.

Самое описание Италии начинается краткой характеристикой страны в целом. В этой характеристике Биондо начинает с происхождения названия Италии. Далее он говорит о морях, омывающих берега Италии, об Альпах и Апеннинах, о размерах страны.

Приступая к порайонному описанию Италии, Биондо ставит вопрос о районировании страны в целях ее изучения. Он указывает, что на протяжении истории как границы, так и названия территориальных единиц, на которые распадалась Италия, неоднократно менялись. Одна лишь Этрурия была в этом отношении исключением. Он считает наиболее целесообразным положить в основу своего описания те исторические области, на которые распадалась Италия во времена процветания Римской республики, приспособив это деление к своему времени (satis fore tenemus si divisionem Italiae quae Romana republica florente fuit nostris temporibus accommodare poterimus). Он указывает при этом, что будет пользоваться теми названиями областей, которые более известны его современникам и являются более удобными для использования при описании (illa ex multis sequemur vocabula quae cum in aetate nostra sint notiora, tum nostrae interpretationi accommodatiora videbuntur).

Описание Биондо ведет по следующим восемнадцати областям Италии:

Italiae regiones seu provinciae XVIII: Liguria sive Genuensis, Etruria, Latina sive Campania, Umbria sive ducatus Spoletanus, Picenum sive Marchia Anconitana, Romandiola sive Flaminia et Aemilia, Gallia Cisalpina sive Lombardia, Venetiae, Italia transpadana sive Marchia Tarvisina, Aquileiensis sive Foroiuliana, Istria, Samnium sive Aprutium, Terra laboris sive Campania vetus, Lucania, Apulia, Salentini sive terra Hydrunti, Calabria, Brutii.

---

[1] «После обзора всей Италии я перечислю выдающихся мужей, тех, которые в прежние времена были уроженцами каждого города и местности, и тех, которые в настоящее время там прославились, в особенности литературными трудами или какой-либо доблестью, и коротко расскажу о событиях, происшедших в каждой местности и достойных записи: таким образом это будет описание Италии, перечень ее знаменитых и выдающихся мужей и краткий обзор не малой части истории Италии».

Как видно из этого перечня, Биондо хотел ограничиться описанием лишь материковой Италии, не включая островов. Фактически всей программы Биондо не выполнил. Четыре области юга Италии — Lucania, Salentini, Calabria, а также Brutii остались неописанными.

Кроме того, Биондо не включил в «Italia Illustrata» описание Рима, так как таковое уже было сделано в специальном сочинении «Roma Instaurata».

Чтобы дать представление о характере изложения «Italia Illustrata», нет надобности, конечно, пересказывать содержание всей работы. Достаточно остановиться на описании какого-либо одного района, например, Этрурии. Описание Этрурии начинается с указания, что она является наиболее известной из областей Италии, так как всегда сохраняла свое древнее имя. Ее границами являются реки Макра и Тибр, отстоящие одна от другой на сто семьдесят четыре мили. Через Этрурию проходят Апеннинские горы. Ее берег омывается морем, которое иногда называлось Этрусским (Tuscum), иногда—Тирренским. Биондо довольно подробно останавливается на происхождении этрусков. Он приводит при этом мнения древних авторов, а также своего современника Бруни. Он перечисляет двенадцать городов античной Этрурии и говорит об управлении ими, указывая при этом, что только четыре из них сохранились и до его времени. Биондо считает древних этрусков народом, стоявшим на значительном культурном уровне (Etruscorum vero dignitatem fuisse maximam). Это свое мнение он обосновывает ссылкой на сообщение Ливия, что от этрусков римляне заимствовали многое в быту и государственной жизни (формы одежды, триумфальные колесницы, fasces, курульные кресла) и что римляне отправляли мальчиков для учения в Этрурию, подобно тому, как потом стали отправлять в Грецию.

Далее он рассказывает об отношениях между этрусками и Римом, о покорениях этрусков Римом и об их восстаниях против римского владычества. Биондо отмечает, что после второго восстания, имевшего место в годы союзнической войны в Этрурии царил мир вплоть до падения Римской империи. Указывая далее на жестокость, проявленную в Этрурии лангобардами, он ссылается при этом на свои «Декады» (sicut libro historiarum octavo ostendimus).

Упомянув затем коротко о переменах власти в Этрурии после изгнания лангобардов, Биондо несколько подробнее рассказывает о набеге венгров в 940 г.

После этого краткого очерка Этрурии в целом Биондо переходит к описанию ее отдельных городов и местностей, замечательных в прошлом или в настоящем. Это описание занимает гораздо большее число страниц, чем краткий очерк Этрурии в целом, являющийся как бы введением к описанию ее городов и отдельных местностей.

Биондо ведет описание в определенном географическом порядке. Он начинает с северо-запада — с того места, где Этрурия граничит с Лигурией, описание которой у Биондо предшествует описанию Этрурии. Сначала Биондо описывает местности, лежавшие вдоль морского побережья от границы Этрурии с Лигурией до границ ее с Лациумом. Потом, возвращаясь опять на север, описывает, следуя с северо-запада на юго-восток и юг, внутренние местности Этрурии. Как при описании побережья, так и при описании внутренних частей Этрурии Биондо следует топографическому принципу в расположении материала, т. е. описывает города как исчезнувшие, так и сохранившиеся, руководствуясь лишь географическим размещением городов или мест, где они некогда были расположены. Таким образом, исчезнувшие города он описывает вперемежку с существующими. Оба раза Биондо ведет описание по бассейнам рек. Он пользуется при этом

античными названиями рек. В тех случаях, когда античные названия сходны с итальянскими названиями рек, он совсем не приводит итальянских названий[1], например, так он поступает по отношению к рекам Macra (итальянское Magra), Umbro (итальянское Ombrone), Minio (итальянское Minione). Если же итальянское название резко отличается от античного, Биондо, кроме античного названия, приводит и итальянское, но дает его в латинизированной форме, например, о реке Серкио (Serchio) он пишет, что эту реку «некоторые древние авторы называют Ауксерис (Auxeris), Ливий называет Мера (Mera), а теперь она носит название Серклум (Serclum)».

При описании побережья Биондо из античных городов, не сохранившихся в его время, останавливается на Луне, Популониуме[2], Грависках, Тарквиниях, Центумцеллах, Пиргах и некоторых других.

Биондо указывает, что Луна, лежавшая на р. Магре, принадлежала к числу главных городов древней Этрурии. Он приводит две цитаты из латинских поэтов Лукана и Марциала, в которых упоминается об этом городе. Биондо отмечает, что местность, где находился город Луна, сохранила его имя — называется regio Lunensis и большая часть этой территории входит во владения Генуи. О Популониуме Биондо говорит, что город был расположен у устья р. Умбро, куда могут заходить небольшие суда. Он приводит цитату из Ливия, в которой упоминается Популониум и указывает, что этот город упоминается также у Виргилия. Биондо кратко рассказывает о разрушении Популониума византийцами, «так что ныне видны только незначительные следы самого города».

Указывая местоположение древнего города Граविски, Биондо отмечает, что близ этого места родился жемчуг и что и в его время там происходит ловля жемчуга.

При описании современного ему города Корнето Биондо указывает, что согласно преданию недалеко от этого города некогда находились развалины древнего города Тарквинии, из которого вели свое происхождение последние римские цари — Тарквиний Приск и Тарквиний Гордый.

В десяти милях от Корнето, по мнению Биондо, в древности находился город Центумцеллы, разрушенный впоследствии сарацинами. Ссылаясь на письма Плиния Младшего, Биондо рассказывает, что в этом месте император Адриан построил сто келий[3], где должны вершить суд сто судей. К этому рассказу Биондо добавляет сообщение о том, что в этом месте блаженный Августин написал книгу «De trinitate».

О Пиргах Биондо ограничивается двумя краткими замечаниями: он указывает, что на том месте, где в древности был город Пирги, сохранилось много фундаментов античных зданий и что о Пиргах упоминает Виргилий. Чтобы показать, как Биондо характеризует те древние города Этрурии, которые продолжали существовать и в его время, остановимся на его характеристике Пизы, на побережье и Лукки Пистойи и Флоренции внутри страны.

Перед тем как приступить к характеристике Пизы, Биондо указывает, что недалеко от устья р. Арно на побережье лежит Либурниум (т. е. Ливорно) — «Pisani portus munitissima arx». Перед городом на скале устроен маяк, показывающий ночью путь мореплавателям. Пизу Биондо называет очень древним и славным городом. Он приводит высказывания Виргилия, Плиния и Юстина об основании Пизы и цитаты из Лукана и Ли-

---

[1] При определении транскрипции итальянских названий я руководствовался атласом — «Grande Atlante Internazionale del Touring — Club Italiano».

[2] Биондо пишет Populonia. В написании Populonium я следую *Киперту* («Formae orbis Antiqui». Karte XX. Italiae pars media. Berlin s. a.).

[3] Centumcellae в переводе означает сто келий.

вия, в которых Пиза упоминается. Кратко рассказав о дальнейших судьбах Пизы, Биондо говорит о подчинении города Флоренции и об его упадке.

Описывая Лукку, Биондо указывает ее местоположение на р. Серкио и наличие холмов направо от города. Он приводит цитату из Ливия, в которой упоминается Лукка. Основную часть описания Лукки составляет краткое изложение нескольких эпизодов из политической истории этого города. Биондо говорит здесь о семимесячной осаде в VI в. византийским полководцем евнухом Нарсесом Лукки, занятой готами, о захвате власти в Лукке местным богачом Павлом Генизи в 1350 г. и о последующей потере им и его сыновьями богатства и жизни, он упоминает о бедствиях, пережитых Луккой и Флоренцией после изгнания этой семьи, рассказывает о поражении, которое нанес флорентийцам Пиччинино, полководец властителя Милана Висконти, и о больших потерях флорентийцев. Рассказывая о событиях из истории Лукки, Биондо дважды ссылается на свои «Декады», в которых эти события «пространно» (diffuse) изложены, ссылается он также на «Флорентийскую историю» Бруни. Биондо называет имена пап, уроженцев Лукки, и отмечает как украшение Лукки Янипетра, знатока греческого и латинского языков, похожего по характеру на Витторино да Фельтре, который был его учителем[1]. Биондо не забывает отметить и торгового значения Лукки в прошлом, хотя вообще он редко и мало касается фактов экономического порядка: он пишет, что «прежде Лукку часто посещали почтенные купцы».

О Пистойе, кроме указания на ее географическое положение и названий, находящихся вблизи города рек и гор, Биондо ограничивается двумя краткими замечаниями. Он говорит, что на полях этого города в древности было разбито войско Катилины, как об этом «писали многие античные писатели», и что согласно «Флорентийской истории» Бруни («Sicut Aretino placet») Пистойя была первым из городов Этрурии, которую подчинил себе флорентийский народ.

Флоренции в силу ее роли в тогдашней Италии Биондо дает сравнительно подробную характеристику.

Он рассказывает об основании Флоренции, об ее истории при готах и при Карле Великом, говорит о доблестях Фаринаты дельи Уберти, о построении церкви С. Миньято, о двух больших пожарах Флоренции в XII в., о возникновении тех государственных органов, которые существовали во Флоренции в его время, о флорентийском церковном соборе, о Медичи. Кроме краткого рассказа о важнейших эпизодах истории Флоренции, Биондо дает краткие сведения о знаменитых людях Флоренции в области литературы и искусства.

Он говорит, что Флоренция была родиной двух поэтов — Данте и Петрарки, что она имела знаменитого художника Джотто; Биондо рассказывает о построении Филиппом Брунелески купола Флорентийского собора.

Биондо подчеркивает роль Салютати в усвоении итальянцами цицероновского красноречия, упоминает он и о Никколи. Он не забывает назвать и Аккурсия, «первого среди юристов».

Говоря о монастыре св. Марка, Биондо подчеркивает богатство его библиотеки, которая, по его словам, превосходит все библиотеки, которые есть в Италии.

Приводя цитаты из древних авторов об описываемых им городах и местностях, Биондо приводит не только те места античных писателей, в которых описываемое место характеризуется с той или иной стороны, но также и те места, где данный город или местность только упоминаются. В этом

---

[1] Витторино да Фельтре — известный педагог-гуманист XV в. См. *М. С. Корелин.* Очерки итальянского Возрождения. М. 1910. Очерк «Casa gioiosa».

проявляется свойственная гуманистам XV века любовь к цитированию античных авторов.

О городах своего времени, не существовавших в древности, Биондо обычно говорит коротко, тем более, что чаще всего они принадлежали к числу незначительных городов. Нередко Биондо ограничивается одним лишь упоминанием их названий с указанием местоположения. Более значительным он дает краткие характеристики.

Внимание Биондо главным образом сосредоточено на городах и других населенных пунктах. Это — характерная черта «Italia Illustrata». Но не нужно думать, что Биондо описывает только одни города. Он перечисляет также реки и горы и иногда делает те или иные замечания о характере местности, напр., описывая Каррарский район, он указывает, что огромное количество мрамора в древности доставлялось отсюда в Рим и что в его время каррарский мрамор идет во Флоренцию, Рим и Геную, при этом он приводит слова Ювенала и Плиния о добыче мрамора в данном районе. Биондо говорит о плодородии полей Этрурии. Он отмечает, что побережье Этрурии между рр. Серкио и Тибром всегда было лесистым.

Сопоставляя приведенные мною примеры из описания Этрурии с задачами, которые поставил себе Биондо во введении к своему труду, нельзя не признать, что он выполнил поставленную себе задачу. Стиль изложения в данной работе Биондо не отличается существенно от стиля других его трудов. «Italia Illustrata» написана простым языком без риторических красот. Топографический принцип в изложении Биондо в основном выдерживает, но в остальном изложение носит тот же несколько аморфный характер, что и в его «Декадах».

Карты у Биондо отсутствуют.

Как видно из только что сделанного краткого обзора содержания данного труда Биондо, «Italia Illustrata» является работой смешанного содержания. По своему построению, по расположению материала — это работа географическая. При этом наряду с современной автору географией Италии здесь дана и ее античная география. Эта античная география дана не отдельно, а вместе с географией Италии XV столетия. Но поскольку, с одной стороны, описывая исчезнувшие города Италии, автор всегда указывает, что в его время уже они не существуют, а с другой стороны, относительно тех современных Биондо городов, которые существовали в древности, обычно сделаны нужные указания, не представляет труда отделить в «Italia Illustrata античную географию от современной.

На географической основе в «Italia Illustrata» даны элементы местной истории как политической в виде кратких эпизодов, политической истории отдельных городов и областей Италии, так отчасти и элементы культурной истории в виде указаний по многим городам имен деятелей итальянской культуры, вышедших из данных городов.

Эта вторая, если можно так выразиться, чисто историческая часть «Italia Illustrata» занимает в ней весьма значительное место.

Таким образом, на долю исторической географии в прямом смысле слова приходится гораздо меньше места в «Italia Illustrata», чем на долю остальных частей работы.

Но несмотря на то, что историческая география дана в «Italia Illustrata» не как самостоятельная отдельная часть ее, а на фоне других элементов этой работы Биондо, все же в формировании исторической географии как научной дисциплины этому труду Биондо принадлежит весьма видная роль.

Петрарка в своих заметках на полях рукописей Виргилия и Тита Ливия пытался определить местонахождение тех географических объектов, которые в этих рукописях упоминались. Здесь еще нет никакой географической

системы. В «Itinerarium Syriacum» уже есть определенная географическая система: географическим стержнем здесь служит маршрут путешествия из Италии в Палестину.

Между «Itinerarium Syriacum» Петрарки и «Italia Illustrata» Биондо есть довольно много общего. В обоих сочинениях античная география дана вместе с современной. Самый способ географического описания в значительной мере сходен. У обоих авторов описание сводится к перечню в географическом порядке описываемых объектов с краткими указаниями, чем данный объект замечателен. Такой же характер описания был естественным следствием состояния географической науки того времени. Дать физико-географическую характеристику описываемой местности географы той эпохи, естественно, еще не могли. Любовь к античности, свойственная гуманистам, побуждала тщательно отмечать места, интересные в историческом отношении. Широкое использование географических сочинений древности толкало тоже в сторону смешения древней географии с современной.

Но имея много общего с «Itinerarium Syriacum», «Italia Illustrata» в то же время представляет собою и значительный шаг вперед в деле формирования исторической географии.

Биондо дал в «Italia Illustrata» уже не эскизный набросок исторической географии узкой полосы западного побережья Италии, как то было сделано Петраркой в «Itinerarium Syriacum», а сравнительно подробную историческую географию почти всей Италии. Правда, как и у Петрарки, эта историческая география дана в смешении в современной автору географией, но все же в этом труде Биондо впервые дана — пусть весьма еще примитивно — историческая география большой страны.

Биондо пришлось тем самым поставить и вопрос об историко-географическом районировании Италии.

Как уже указано выше, в «Italia Illustrata» на географической основе даны также элементы местной истории Италии. В своих кратких рассказах об отдельных эпизодах этой истории Биондо очень часто за подробностями отсылает читателя к своим «Декадам». Таким образом, между этими последними и «Italia Illustrata» существует определенная внутренняя связь. Биондо и сам отмечает эту связь, когда он говорит во введении к работе о том, что его знание истории Италии помогло ему составить «Italia Illustrata» и что этим своим трудом он надеется внести ясность в историю Италии. В этой взаимной связи «Декад» и «Italia Illustrata», мне кажется, можно видеть понимание со стороны Биондо необходимости историко-географических знаний для историка. Он был, таким образом, первым историком, осознавшим, может быть не вполне ясно, будущую роль исторической географии как вспомогательной исторической дисциплины.

«Italia Illustrata» произвела большое впечатление на современников и потомство. Ее влияние можно обнаружить на ряде последующих произведений, вплоть до XVIII в.

Из произведений XV в. в некоторой внутренней связи с идеями Биондо находится небольшое сочинение генуэзского гуманиста и общественного деятеля Якопо Брачелли «Orae Ligusticae descriptio»[1].

Этому сочинению автор предпослал краткое обращение «к апостолическому секретарю Флавио Биондо», в котором указывает, что принялся

---

[1] *Jacobi Bracellii genuensis* Orae Ligusticae Descriptio напечатано в Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Italiae, изданном в 1704 г. в Лейдене голландским эрудитом того времени Graevius'ом (v. 1, pars 1).

Биондо состоял в переписке с Брачелли. В «Italia Illustrata» он упоминает о нем, говоря о немногочисленности генуэзских гуманистов и называя его noster Jacobus Bracellus.

за составление описания Лигурийского побережья согласно желанию Биондо, «чтобы Лигурию с точностью (exacte) описал кто-либо хорошо знающий данный район».

От описания Лигурии в «Italia Illustrata» описание Лигурийского побережья Брачелли отличается отсутствием общего очерка истории Лигурии и слабостью исторического элемента в описании. Это, главным образом, описание современной автору географии Лигурийского побережья. С особенным вниманием и любовью Брачелли останавливается на сельскохозяйственных культурах (виноград, маслина, цитрусовые) родного края.

Исторический элемент в «Описании Лигурийского побережья» сводится к систематическому указанию наряду с современными автору также и античных географических названий, к указанию степени древности городов и немногим коротким экскурсам в прошлое в связи с характеристикой некоторых городов.

Интересно сопоставить отзыв генуэзца Брачелли о Генуе с тем, что говорит о ней Биондо. Последний пишет о ней: Ornatur vero nunc civibus navigatione ac mercatura toto orbe notissimis: sed paucos habet egregie literatos»[1]. Брачелли отмечает, что Генуя «negotio tamen quam otio felicior»[2].

В XVI в. влияние «Italia Illustrata» Биондо можно обнаружить на многих составленных в этом столетии географических описаниях стран, например, лучшее из географических описаний Италии XVI в., «Discrittione di tutta l'Italia»[3] Леандро Альберти носит на себе яркие следы влияния Биондо. Написанное в конце XVI в. известное произведение английского историка Кемдена «Britannia» написано по расширенной и улучшенной схеме сочинения Биондо[4]. Его труд представляет собою уже значительный шаг вперед в развитии исторической географии. Но отправным пунктом для Кемдена была, безусловно, схема книги Биондо.

В том же XVI в. в Германии были предприняты окончившиеся неудачей попытки составить в подражание Биондо «Germania Illustrata».

Еще в середине XVIII в. эльзасский ученый Шёпфлин (Schoepflin) составил по схеме, сходной со схемой Кемдена, двухтомный труд «Alsatia Illustrata».

---

[1] «Украшением Генуи теперь являются граждане весьма известные во всем мире как мореплаватели и купцы, но у нее мало выдающихся ученых».

[2] «Счастливее в делах, чем в литературных занятиях».

[3] «Описание всей Италии», первое издание 1550 г., потом неоднократно переиздавалось.

[4] «Britannia» написана не только под влиянием Биондо, но и под влиянием фламандского географа XVI в. Ортелия. Об этом сочинении см. ниже, в главе, посвященной XVI в.

Глава третья

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ

§ 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XVI ВЕКЕ

Как известно, то разложение феодальной формации, которое стало проявляться еще до XVI в. в передовых странах Западной Европы, в XVI в. значительно усилилось. Если в XIV—XV вв. в городах Италии появились «первые зачатки капиталистического производства»[1], то со второй половины XVI столетия в Западной Европе мануфактура становится характерной формой зарождающегося капиталистического производства[2].

Начало формирования в XVI в. в рамках феодальной формации элементов капитализма, конечно, не могло не оказать влияния на общественную мысль, а, следовательно, и на историографию, состояние которой всегда находится в тесной связи с состоянием общественной идеологии.

Естественно, что гуманизм, выросший на почве городов Италии и начавший еще в XV столетии свой «переход через Альпы», в XVI в. получает широкое распространение во всей Западной Европе от Португалии до Польши.

Вместе с гуманизмом получила распространение и гуманистическая историография. Англия, Франция, Испания, Польша и Венгрия прибегли даже к импорту итальянских гуманистов, чтобы положить у себя начало гуманистической историографии.

Конечно,— и это будет показано в последующем изложении,— гуманистическая историография XVI в., будучи продолжением гуманистической историографии предшествующего столетия, в то же время в передовых странах сделала значительный шаг вперед. Но, кроме влияния гуманизма, историография XVI в. испытала на себе также ряд других влияний. Самым значительным из них было влияние реформации и контрреформации[3].

Это влияние сказалось, во-первых, на содержании исторических произведений: итальянские гуманисты XV в. *воздерживались от включения* в свои исторические произведения подробного изложения событий церковной истории, ограничиваясь кратким упоминанием о некоторых из них; в XVI столетии факты церковной истории пользуются большим вниманием историков. Во-вторых, влияние реформации и контрреформации сказалось на истолковании историками исторических фактов.

---

[1] *Маркс.* Капитал, т. 1, М. 1952, стр. 720.

[2] См. там же, стр. 343.

[3] Термин «контрреформация» впервые применил Ранке. См. *Elkan.* Entstehung und Entwicklung des Begriffs «Gegenreformation. «Historische Zeitschrift», CXII, 1914.

Великие географические открытия, а также усиление связей с Ближним Востоком также оказали уже в XVI в. некоторое влияние на расширение содержания исторических произведений.

Наконец, следует принимать во внимание и влияние на историографию отдельных стран политической жизни этих стран, например, события итальянской истории после 1494 г., безусловно, оказали серьезное влияние на историческое мышление Макиавелли.

Таким образом, обстановка, под влиянием которой складывались исторические произведения в XVI столетии, была более сложной, чем те условия, в которых развивалась гуманистическая историография XV в.

Ведущая роль в развитии историографии в XVI столетии принадлежала Италии, весьма крупное значение имели труды французских и испанских историков. Исторические произведения других стран были менее значительными.

Историки XVI столетия были по преимуществу гуманистами. Но, с одной стороны, мировоззрение многих из этих гуманистов, в особенности это относится к гуманистам вне Италии, носило в той или иной степени религиозную окраску. С другой стороны, гуманистическая историография в XVI столетии ни в Италии, ни вне ее не занимала такого исключительного положения, какое она занимала в Италии предшествующего века. Рядом с нею существовали в значительном количестве историки, которых нельзя причислить к гуманистам. Таковыми были прежде всего представители новой отрасли историографии, возникшей в XVI в.— истории церкви, а также и ряд других историков, как, например, большинство испанских историков Америки[1].

Содержание исторических произведений в XVI в. несколько расширяется под влиянием новых запросов общественной жизни. Но это расширение содержания, очень интересное с точки зрения истории исторической науки, затронуло существенным образом значительное количество исторических произведений лишь в одном отношении: вопросы истории церкви не только стали предметом специальных работ историков, но и завоевали внимание авторов произведений общеисторического характера. В остальном расширение содержания исторических произведений проявилось лишь в изучении с исторической точки зрения таких объектов, как искусство и право, которые прежде не были предметом исторического интереса. Но изучение этих проблем осуществлялось не историками, а деятелями соответствующих отраслей культуры. На произведениях общеисторического характера оно не отразилось.

Как и раньше, основным объектом исторического изучения в XVI в. были события. Как и раньше, историческими событиями, достойными внимания историка, признаются в XVI в. прежде всего события военной и дипломатической истории.

События внутренней политической истории попрежнему на заднем плане, хотя в отдельных произведениях им иногда уделяется очень большое внимание. В качестве примера такого внимания можно привести «Историю Флоренции» («Istorie fiorentine») Макиавелли. События личной жизни правителей также признаются, как и в XV столетии, историческими событиями, заслуживающими пристального внимания историка.

---

[1] Фютер выделяет испанских историков Америки в особое «этнографическое направление», не зависимое от гуманизма, и утверждает, что до 1492 г. в гуманистической историографии этнографический элемент совершенно отсутствовал (стр. 293 издания 1911 г.). Как можно видеть из сказанного мною выше о Пикколомини и Петре Корсиканце (см. стр. 40—41), это утверждение Фютера неправильно. Но, действительно, среди испанских историков XVI в. интерес к этнографии весьма значителен. Этот интерес проявляется как у историков-гуманистов, так и у не гуманистов.

Кроме рассказа о событиях, встречаются также и характеристики исторических деятелей, подобно тому как это было у историков-гуманистов XV в. Описание быта и нравов страны в качестве введения к изучению ее истории в итальянской историографии XV в. встречалось редко. В XVI в. это описание быта и нравов получило широкие права гражданства, главным образом, в исторических произведениях испанских историков завоевания Америки и отчасти в сочинениях португальских историков, рассказывающих о португальских захватах в Ост-Индии. Первым историком испанских открытий и завоеваний в Новом свете был итальянский гуманист Петр Мартир де Ангиерра (Petrus Martyr de Anguierra, 1457—1526), состоявший на испанской службе. В своем сочинении «Decades de Orbe novo»[1] он, кроме рассказа о путешествиях Колумба и о первом этапе испанского завоевания Америки, дает также описание природы Антильских островов и быта, нравов, религиозных верований и общественного строя туземцев. Следующий шаг вперед сделал в данном отношении испанец Овиедо (Oviedo, 1478—1557). Овиедо был военным и государственным деятелем Испании, проведшим ряд лет на королевской службе в Вест-Индии. Он не имел гуманистического образования и писал не только на родном языке, но и без литературных приемов гуманистов. В своем сочинении «Historia general y natural de las Indias»[2] Овиедо был прежде всего этнографом и естествоиспытателем и потом только историком. Целый ряд других испанских историков, писавших об открытиях и завоеваниях Испания в Америке, дали в своих сочинениях вместе с историческим рассказом также и описания природы и быта туземцев Америки. Некоторые из этих описаний природы высоко оцениваются современными нам географами, знатоками природы этих стран. В этом отношении интересен отзыв крупного немецкого географа XX в. Геттнера, много путешествовавшего по Латинской Америке, о сочинении испанца Хосе Акоста (Jose Acosta) «Historia natural y moral de las Indias». Геттнер пишет о своем невольном удивлении «обильным и умелым, истинно географическим наблюдениям климата и всей природы, а также и культурных условий»[3].

Португальский историк Барруш (João de Barros), пользующийся в португальской историографии репутацией «португальского Ливия»[4], в своем труде «Asia. Dos feitos que os portugueses fizeram no descombrimento e conquista dos mares e terras do Oriente» («Азия. О деяниях, совершенных португальцами при открытии и завоевании морей и стран Востока») ряд параграфов посвящает описанию Индии и некоторых мест африканского побережья, лежащих на пути в Индию.

Итальянские гуманисты XV столетия положили первый камень в деле создания истории культуры в виде сборников биографий выдающихся деятелей литературы.

Как уже было отмечено выше в предыдущей главе, этот зародыш будущей истории культуры создан гуманистами как деятелями литературы, вне рамок общей истории. В свои исторические произведения гуманисты почти не вносили фактов из истории литературы. В XVI столетии аналогичным путем в форме сборников биографий кладется первый камень будущего здания истории искусства.

Художник и архитектор Дж. Вазари (Giorgio Vasari, 1511—1574), строитель здания Уффици во Флоренции, ныне служащего помещением для известной картинной галереи, автор фресок во Флорентийском «Palazzo

---

[1] «Alcala», 1530.

[2] Первая часть опубликована в Севилье в 1535 г., все сочинение — только в 1851—1855 гг.

[3] *Геттнер*. География, ее история, сущность и методы. М., 1930, стр. 58.

[4] См. предисловие редактора к последнему изданию книги (Lisboa, 1945), стр. VII.

Vecchio», выпустил получившее широкую известность собрание биографий выдающихся деятелей итальянского искусства эпохи Возрождения под заглавием «Le vite de'piu eccelenti pittori, scultori et architetti».

Первое издание вышло в свет в 1550 г., второе значительно переработанное и дополненное издание было выпущено в 1564—1568 гг. Вазари дает в форме биографий историю искусства итальянского Ренессанса от Чимабуэ до Тициана. Биографии расположены хронологически. У Вазари имеется руководящая историческая идея, которую он систематически проводит через свое изложение. Эта идея отражает взгляды деятелей искусства его времени на возникновение и развитие искусства итальянского Ренессанса. Вазари показывает три этапа в истории итальянского искусства, «возродившегося после средневекового варварства»: первый этап робкого начала в четырнадцатом столетии, второй этап сознательного изучения природы и античных памятников искусства в пятнадцатом веке и третий, завершающий этап — творчество великих мастеров шестнадцатого столетия во главе с Микель Анджело. Творчество последнего является для Вазари исключительным, непревзойденным совершенством. Это сочинение, а не картины и постройки доставило Вазари мировую славу[1].

Таким образом, первым историком искусства был деятель искусства. Возникнув вне рамок общей истории, история искусства и в своем дальнейшем развитии будет в последующее время разрабатываться отдельно от общей истории и попадет в общеисторические сочинения очень поздно.

Итальянские гуманисты XV в. положили начало изучению государственного устройства и общественной жизни древнего Рима. Как уже было указано в предыдущей главе, им была чужда мысль о динамических изменениях общественного и государственного строя древности. Они изучали государственное и общественное устройство древнего Рима, так сказать, в статике, не представляя себе, что это устройство имело свою динамику. Но все же они пытались исследовать общественные учреждения прошлого и поэтому, как об этом уже говорилось в предыдущей главе, в их работах можно видеть зародыш истории учреждений. Гуманисты XVI столетия не только продолжили эту работу, но пошли гораздо дальше гуманистов предшествующего века в деле изучения истории учреждений и, кроме того, положили начало изучению истории права.

Главная заслуга в этом отношении принадлежит французским юристам, которые выдвинули целый ряд историков права и учреждений. Видную роль сыграли также работы испанца Агустина (Agustin, 1517—1586) и итальянца Альчато (Alciato, 1492—1550), обычно именуемого в историко-юридической литературе других стран Альциатом по латинизированной форме его фамилии. Деятельность Альчато протекала частично во Франции, частично в Италии. Из германских юристов XVI столетия вопросами истории права занимался Цазиус (1461—1535).

В шестнадцатом веке в Западной Европе имела место так называемая рецепция римского права, т. е. усиление влияния римского права на законодательство и юридическую практику. Эта рецепция римского права обусловливалась в первую очередь экономическими потребностями западноевропейских стран того времени. Развивающееся товарное хозяйство

---

[1] Для историков искусства позднейшего времени труд Вазари сделался важным источником для изучения искусства итальянского Ренессанса. Живость изложения, обилие конкретных фактов из жизни художников сделали сочинение Вазари полным интереса произведением для всех интересующихся историей итальянского Возрождения. Поэтому в XIX и XX вв. труд Вазари был переведен на иностранные языки. Есть два русских перевода. Один, вышедший в 60-х годах, и другой — в советское время (сокр. перевод). Имеются переводы на французский, английский и немецкий языки.

находило в римском праве готовые формулы для юридического выражения своих производственных отношений. Энгельс характеризует римское право как «почти совершенное выражение юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством»»[1].

Государственная власть также поддерживала римское право, так как монархи находили в государственном праве поздней Римской империи и в высказываниях римских юристов о неограниченном характере власти императора обоснование своих претензий на неограниченную власть и юридическую опору в своей борьбе с притязаниями церкви и крупных феодалов.

Римское право оказывало некоторое влияние на правовые нормы и юридическую практику и до XVI в. Поэтому оно преподавалось издавна в университетах, и в Италии давно уже сложились методы толкования римского права. Эти методы толкования права были схоластическими. В век гуманизма эти методы не могли удовлетворить гуманистически образованных юристов. Был выдвинут новый исторический метод толкования римского права. Смысл отдельных положений римского права юристы-гуманисты старались истолковать, исходя из исторических условий их возникновения в римском праве.

Первым крупным представителем этого нового метода толкования римского права был уже названный выше Альчато[2]. Наибольшей славой из юристов этого направления пользовался француз Кюжа[3] (Cujas, 1522—1590), именуемый обычно в литературе других стран Куяцием по латинизированной форме его фамилии (Cujacius).

Для такого метода толкования римского права необходимо было серьезное изучение античной истории и литературы. Гуманистическое образование выдвигается поэтому как непременное условие для занятий юриспруденцией. Это требование выставляют прежде всего сами юристы нового направления. Паскье, один из крупных юристов этой школы, высказывает мнение, что для подготовки юриста необходим «un mariage de l'estude du droit avec les lettres humaines par un language net et polis»[4].

Другой выдающийся представитель этого направления Бодуэн (Baudouin, в латинизированной форме Balduinus, 1520—1573) подчеркивает необходимость использования данных истории при занятиях юриспруденцией (sine historia caecam esse jurisprudentiam).

В еще более резкой форме это требование высказал Рабле в своем знаменитом романе. Давая устами своего героя Пантагрюэля резко отрицательную характеристику невежественных юристов, лишенных гуманистического образования, Рабле писал о них: «Au regard des lettres de humanité et connoissance des antiquitez et histoire, ilz en estoient chargez comme

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 300.

[2] На это указывают авторы XVI столетия, например, французский историк де Ту (de Thou, в латинизированной форме Thuanus) в «Historiae sui temporis» и итальянский юрист Panciroli в книге «De claris legum interpretibus» (lib. 2, cap. 169).

[3] Тот же де Ту называл Кюжа первым после античных юристов. Ряд аналогичных оценок высказан юристами семнадцатого столетия. В XVIII в.— в 1754 г. немецкий юрист Бах писал о нем: «Neque ante eum, neque post eum fuit neque futurus sit quisquam qui non dicam superare sed aequare eius doctrinam et merita possit» («Historia jurisprudentiae Romanae» juris», lib. 4, cap. 3, § 10, p. 705).

По словам Папира Массона, автора первой биографии Кюжа, написанной вскоре после смерти знаменитого юриста, слушать Кюжа приезжали студенты из Германии и других стран Европы.

Сочинения Кюжа переиздавались не только в следующем, XVII в., но даже и в XVIII в.

[4] «Сочетание изучения права и гуманитарных наук при помощи чистой и изящной речи».— «Recherches de la France», IX, p. 39 (по парижскому изданию 1643 г.).

un crapaud de plumes dont toutesfoys les droictz sont tous pleins et sans cene pevent estre entenduz»[1].

Исторический метод толкования римского права естественно вызвал изучение истории римского права и его отдельных памятников. Наиболее ранней попыткой такого рода во Франции является сочинение Эймара дю Ривайля (Aymar du Rivail) — «Civilis historiae juris sive in XII Tab. Leges commentariorum libri quinque, Historiae item Juris Ponticii liber singularis», впервые напечатанное в 1515 г. Согласно указанию Савиньи[2], эта книга заслуживает внимания как первая попытка истории права, хотя попытку эту и нельзя признать удавшейся. Гораздо больше значения имели более поздние работы, как, например, исследование Бодуэна о законах двенадцати таблиц («Balduini jurisconsulti libri duo ad leges Romuli et leges XII tabularum». Parisiis, 1554).

Работы французских юристов-гуманистов положили начало изучению истории римского права. Испанский гуманист Антонио Агустин (1517—1586) не только работал по вопросам истории римского права, но и положил начало изучению истории канонического права своим сочинением «De emendazione Graziani dialogorum libri II».

Его продолжателями были нидерландский юрист Боэциус (Boëtius, 1529—1599), учившийся не только в Нидерландах (Лувен), но и во Франции, автор сочинения «De jure sacro», и французский ученый Петр Питу[3] (Pierre Pithou, 1539—1596), ученик Кюжа.

Французские юристы-гуманисты XVI в. были авторами крупных трудов по истории государственного строя Франции. Эти сочинения были непосредственным результатом социальной борьбы во Франции того времени. Они составлялись их авторами для исторического обоснования своих политических взглядов. Наиболее выдающимся из этих произведений был труд Этьена Паскье (Etienne Pasquier, 1529—1615) «Recherches de la France», в девяти книгах[4]. Содержание этого труда очень широкое. Это не только история государственных учреждений Франции, но и история французской культуры.

Во второй книге автор рассматривает историческое развитие государственных учреждений Франции и формирование различных категорий французского феодального сословия. Между прочим, в этой главе Паскье обосновывает исторически притязания парламентов на руководящую роль во французском государственном механизме[5].

В довольно пестрой по содержанию четвертой книге есть элементы истории уголовного процесса во Франции и элементы истории серважа.

В девятой книге, посвященной в основном проблемам истории культуры, Паскье, между прочим, говорит об истории римского права во Франции, а отчасти и за ее пределами.

---

[1] «Что же касается гуманитарных наук, знания древностей и истории, то они украшены ими не более чем жаба перьями, в то время как право имеет в своей основе такого рода знания и без них не может быть понято». «Deuxième livre de F. Rabelais. Pantagruel». Edition Jonaust. Paris, 1876, p. 63.

[2] См. «Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter» von Fr. Carl von *Savigny*. Bd. VI, 2 Aufl., 1850, S. 451.

[3] О возникновении истории канонического права. См. *Maassen*. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande. I Band, Gratz, 1870.

[4] В заглавии книги отразилось употребление предлогов, свойственное французскому языку XVI в. Современный французский язык требует иной конструкции — «Recherches sur la France».

[5] В русской дореволюционной историко-юридической литературе взгляды Паскье и Отмана на историческое развитие парламентов рассматриваются в кн.: *Ф. В. Тарановский*. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911.

Другим, получившим большую известность трудом по истории государственных учреждений была «Franco-Gallia» Отмана (Francois Hotman, 1524—1590). Гугенот Отман обосновывал исторически в своем труде политические притязания гугенотской феодальной аристократии. По вопросу об истории парламентов Отман развивает взгляды, резко противоположные воззрениям Паскье.

Таким образом, начало изучению истории права и правовых учреждений было положено юристами. Они и впоследствии будут основными работниками на этом поприще. Историки XVI в. не вводили в свои работы историко-правовых тем и не занимались историей права. В общеисторические работы историко-правовые моменты тоже будут внесены не скоро. Но все же, как будет указано ниже, из всех проблем истории культуры история права впоследствии будет едва ли не ближе всего к сердцу историков.

Впрочем, среди историков XVI в. был выдающийся работник, не чуждый истории права — итальянский историк Карло Сигонио (Carlo Sigonio, 1520—1584).

Вещественные памятники классической древности, надписи и монеты продолжали привлекать внимание историков. Успехи, достигнутые в этом отношении, сводились главным образом к собиранию материалов. На них удобнее будет вкратце остановиться несколько ниже.

Реформация и контрреформация XVI в. ввела в поле зрения историков события церковной истории, которые не включали в свои сочинения итальянские историки-гуманисты XV в.

В руках как протестантов, так и католиков история церкви стала орудием идеологической борьбы. Уже «Ecclesiastica Historia, integram Ecclesiae Christi ideam... secundum singulas centurias perspicuo ordine complectens», которую выпускали протестанты во главе с Власичем, а также «Annales Ecclesiastici» кардинала Бароция были работами по церковной истории. Обе стороны стремились исторически обосновать свою правоту в религиозном споре.

Полемика протестантов и католиков не только способствовала разработке истории церкви, но и ввела церковные вопросы в общеисторические произведения. В этом заключалось весьма существенное различие между вопросами истории права и истории искусства, с одной стороны, и вопросами истории церкви — с другой. Вопросы истории права и истории искусства включаются в проблематику общеисторических произведений гораздо позже шестнадцатого столетия.

Причина этого различия вполне понятна. Роль религии в общественной идеологии людей XVI и XVII вв. была, как это хорошо известно, чрезвычайно велика.

В характере источников, которыми пользовались историки XVI в., нет резкой разницы по сравнению с предшествующим столетием.

В сочинениях, посвященных событиям, имевшим место в годы жизни описывающего их историка, естественно, как и в XV в., широко использовались личные наблюдения авторов.

Попрежнему имело место широкое использование сочинений предшествующих историков, часто сводящееся к простому пересказу, а иногда и буквальному повторению их изложения.

В этом отношении типичен Макиавелли. В первой книге своих «Istorie fiorentine»[1] он кладет в основу своего изложения «Декады» Биондо, во второй—хронику Джованни Виллани, для пятой и шестой книг Макиавелли широко использовал сочинения Симонетты» Rerum gestarum Fracisci Sfortiae libri XXI».

---

[1] Впервые напечатаны во Флоренции в 1532 г. Потом много раз переиздавались.

Но использовались также и разного рода архивные документы. Для времени, близкого к жизни историка, это имело место нередко. Для более отдаленного времени к использованию этого рода материалов прибегали только очень немногие историки, как, напр., испанский историк Сурита (Zurita, 1512—1580), который в своей работе «Anales de la corona de Aragòn», как справедливо отмечает испанский историк XX в. Баллестерос и Беретта (Ballesteros y Beretta), «consultò miles de documentos»[1].

Грамоты, законодательные акты и другие источники неповествовательного характера употребляли французские юристы в своих работах о происхождении учреждений и по истории права. Этого рода источники широко использует Паскье в названном выше труде. Клод Фоше (Fauchet) пользуется данными хроник и грамотами в своих «Antiquités gauloises et françoises». Еще шире Фоше пользуется грамотами в другой своей работе «Origine des dignitez et magistrats de France».

Живший еще в первой половине XVI в., т. е. несколько ранее названных авторов, швейцарский историк Иоахим Ватт (в латинизированной форме Vadianus, 1484—1551), предпринял любопытную попытку истолкования технических терминов грамот в «De obscuris Alamanicorum verborum significationibus epistola». Его рукопись опубликовал впоследствии немецкий юрист Гольдаст в сборнике «Rerum Alamanicarum Scriptores», вышедшем в свет в первом десятилетии XVII в.

Собирание и издание исторических источников в XVI в. делает весьма значительные успехи по сравнению с тем, что было сделано итальянскими гуманистами предшествующего века. Прежде всего надо отметить широко развернувшееся издание античных авторов. Попрежнему это не было изданием специально историков; издавались античные авторы вообще, в том числе и историки.

Гуманисты XV в. издавали латинских авторов и некоторых греческих писателей в латинских переводах. В XVI в. широко развертывается издание греческих авторов в подлинниках. Конечно, продолжается и работа по изданию латинских классиков. Эта издательская работа, сопровождавшаяся хотя и довольно несовершенной еще критикой текстов, была тесно связана прежде всего с развитием классической филологии, которая в XVI в. делает особенно значительные успехи во Франции.

Историки классической филологии при разделении ее развития на периоды обычно выделяют время с XVI по середину XVII в., как особый «французский период» ее истории[2].

Издание античных авторов в XVI в. отчасти обусловлено также и весьма заметными успехами типографского дела. В связи с этим нельзя не вспомнить деятельности хорошо известных каждому любителю истории книги знаменитых издательских фирм XVI в.— Альдов в Венеции, начавших свою деятельность еще в самом конце XV в.[3], и Этьенов во Франции[4]. Обе эти фирмы, владельцы которых сочетали научную деятельность с коммерческой, много сделали для издания античных историков.

В XVI в. довольно широко развертывается собирание и издание исторических источников средневековья. Этим занимаются по преимуществу вне Италии. Появляются энтузиасты собиратели самых разнообразных памятников родной старины. В этом отношении очень интересна фигура

---

[1] «Использовал тысячи документов». См. «Historia de Espana y su influencia en la historia universal» por D. *Antonio Ballesteros y Beretta*, tomo cuarto, secunda parte. Barcelona, 1927, p. 321.

[2] См. *Gudeman*. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie, Leipzig, 1909, 2-е изд., а также *Wilamowitz-Möllendorf*. Geschichte der Philologie, 1921.

[3] См. *Firmin Didot*. Alde Manuce et l'hellénisme à Venice. Paris, 1875.

[4] См. *Renouard*. Annales de l'imprimerie des Estiennes, t. I—II, Paris, 1843—1846. *E. Egger*. L'Hellénisme en France, t. 1, Paris, 1869, p. 196—221.

одного из пионеров этого дела англичанина Леланда, объездившего всю Англию и собиравшего материалы, характеризующие настоящее и прошлое страны. Труды Леланда использовались впоследствии в рукописи другими авторами. Изданы они были очень поздно, лишь в начале XVIII в.

В Испании в аналогичной роли собирателя исторических материалов выступил Амбросио де Моралес (1513—1591), автор выдающегося труда «Las antiguedades de las ciudades de España»[1], вышедшего в свет в 1575 г.

В XVI в. было напечатано довольно значительное количество средневековых исторических памятников. Печатались по преимуществу памятники повествовательного характера, например, «De rebus Gothorum» Иордана, «De gestis Langobardorum» Павла Диакона и т. п. Это внимание в первую очередь к повествовательным источникам определялось как взглядом того времени на содержание исторических произведений, задачу которых видели в рассказе о событиях прошлого, так и взглядом на исторические источники, каковыми признавались прежде всего труды историков прошлого.

Но при резком преобладании среди изданий средневековых исторических памятников произведений повествовательного характера все же были опубликованы и важные памятники иного рода, например, некоторые из варварских правд.

В конце XVI в. начинают уже выходить собрания исторических источников отдельных стран. В эти собрания обычно включаются произведения средневековых хронистов этих стран с добавлением иногда и памятников иного характера. Поэтому эти собрания обычно получают названия «Scriptores rerum»[2] такой-то страны или народа.

Во Франции Пьер Питу (в латинизированной форме Petrus Pithoeus) издал в 1588 г. «Annalium et historiae Francorum ab anno Christi 708 ad annum 990 scriptores coaetanei».

Немецкий историк Беккер, известный под латинизированной фамилией Pistorius, напечатал в 1582 г. в Базеле «Polonicae historiae corpus: hoc est Polonicarum rerum latini recentiores et veteres scriptores quotquot extant uno volumine compraehensi omnes et in aliquot distributi tomos».

Он же выпустил в 1583—1607 гг. во Франкфурте на Майне, городе, который был в XVI и начале XVII в. подобно Базелю значительным центром книгопечатания, трехтомное собрание — «Rerum Germanicarum Scriptores».

Внимание к вещественным памятникам древности и, в частности, к надписям в XVI в. усилилось. Интерес к надписям проявляли, в частности, такие историки, как Сигонио и Панвинио. В XVI в. появилось несколько изданий сборников надписей. Самыми значительными из этих сборников были сборник Сметиуса, опубликованный после смерти собирателя Липсием в 1588 г., а в особенности обширное собрание Грутера «Inscriptiones antiquae totius orbis Romani in corpus absolutissimum redactae», изданное в самом начале следующего XVII в., в 1602—1603 гг. Грутер, голландец по происхождению, был библиотекарем в Гейдельберге. Свое собрание он составил под влиянием одного из крупнейших знатоков античности того времени — Скалигера (1540—1609), бывшего под конец жизни профессором Лейденского университета, центра голландской науки. Скалигер составил указатель к этому собранию. Собрание Грутера широко использовалось впоследствии историками XVII—XVIII вв. в качестве историческо-

---

[1] «Древности городов Испании».

[2] Этот тип заглавия стал с той поры надолго традиционным для издания собраний исторических источников. Еще в XVIII в. Муратори назвал свое собрание источников по истории Италии — «Rerum Italicarum Scriptores». В XIX в. издатели знаменитого собрания памятников германской истории вводят новый термин «Monumenta Germaniae Historica». В этом издании первый раздел получил заглавие «Scriptores».

го источника. Ссылки на это собрание встречаются, в частности, весьма часто в историко-географических произведениях эрудитской школы XVII—XVIII вв., как это будет показано ниже в соответствующей главе.

Религиозная борьба протестантов и католиков оказала на использование исторических документов историками противоречивое влияние. С одной стороны, обе стороны, стремясь исторически обосновать свою правоту, прибегали довольно широко к такой критике документов, которая подрывала позиции противника. С другой стороны, религиозная точка зрения на исторические события, свойственная в равной мере и протестантам и католикам, не была хорошей почвой для развития исторической критики.

В качестве критиков как авторы протестантской «Ecclesiastica Historia», так и кардинал Бароний стоят на более низком уровне, чем гуманисты.

К шестнадцатому столетию можно отнести и первые шаги в формировании некоторых вспомогательных исторических дисциплин, тесно связанных в своем развитии с изучением исторических памятников.

Крупнейшим явлением в этой области надо признать появление в 1583 г. выдающегося труда Скалигера «De Emendatione temporum». Скалигер в этой работе дает обзор различных систем летоисчисления и определяет даты главнейших событий древней и библейской истории. Этим трудом было положено начало хронологии, как вспомогательной исторической дисциплины.

В шестнадцатом столетии начинает складываться нумизматика в работах итальянских исследователей Страда, Вико, Эриццо и Ланди. Собирание надписей накопляет некоторый запас наблюдений в области эпиграфики.

В XVI в. Ортелий составляет первый в мире исторический атлас и объявляет историческую географию вспомогательной исторической дисциплиной[1]. Таким образом, работа над историческими источниками безусловно сделала в XVI в. весьма заметные успехи.

Историческая мысль делает в XVI в. довольно явственный шаг вперед. В лице Макиавелли (Machiavelli, 1469—1527) XVI в. выдвинул историка-мыслителя, который в своей «Флорентинской истории» («Istorie fiorentine»), во-первых, показал тесную взаимосвязь исторических фактов между собою, во-вторых, дал картину закономерного развития исторических событий, не зависящих в своей совокупности от сознательной воли отдельных исторических деятелей.

Французский юрист и общественный деятель Жан Боден в своих сочинениях «Methodus ad facilem historiarum cognitionem» и «Les six livres de la république» выступил в качестве теоретика истории. Он, не ограничиваясь изложением своих взглядов на сущность и задачи истории (кроме него на эту тему писал ряд авторов XVI в.), выдвинул стройную теорию о зависимости хода истории народов от той географической среды, в которой эти народы живут[2].

Боден выступил также против «историко-философских» предрассудков своего времени — против учения о четырех мировых монархиях, которое он назвал «inveteratus error de quatuor imperiis»[3], и против легенды о золотом веке. Он выдвинул также ряд положений о ходе исторического развития, в которых некоторые историки нашего времени усматривают элементы теории прогресса.

Историки в XVI в. гораздо чаще, чем это имело место в предшествующем столетии, задумываются над сущностью и задачами исторических произведений.

---

[1] Об Ортелии и состоянии исторической географии в XVI в. см. ниже.
[2] О Бодене см. ниже.
[3] «Methodus», p. 417.

Вольф, советник Филиппа-Людвига графа Пфальцского и Карла маркграфа Баденского, издал в Базеле сборник высказываний различных авторов о сущности и задачах истории под заглавием «Artis historicae penus ex octodecim scriptorum tam veterum quam recentiorum monumentis». Характерно, что сборник выдержал два издания. Во втором издании 1579 г. были собраны рассуждения об истории восемнадцати авторов, из них пятнадцать были[1] авторы XVI в.

Историк XVIII в. аббат Лангле дю Френуа (Lenglet du Fresnoy, 1674—1755) в сочинении «Méthode pour étudier l'histoire avec un catalogue des principaux historiens» насчитал сверх того еще восемь авторов, писавших в XVI в. о сущности или задачах истории после выхода в свет второго издания названного сборника (их сочинения датируются 1583—1599 гг.), и одного автора, рассуждение которого, вышедшее в 1563 г., не было включено в сборник.

Я не имею возможности подвергнуть здесь анализу многочисленные рассуждения об истории историков XVI в. Ограничусь лишь указанием, что в этом столетии впервые были высказаны суждения о необходимости расширения содержания исторических произведений. Уже упоминавшийся выше французский юрист-гуманист Бодуен высказывал пожелание, чтобы историки изучали развитие законов и учреждений, не ограничиваясь только военной историей[2]. Сходного характера мнение высказал испанский педагог Луис Вивес (Luis Vives, 1492—1540), один из выдающихся гуманистов Европы XVI в., в своем сочинении «De tradendis disciplinis», где он настаивал на необходимости обращать преимущественное внимание на внутреннюю историю народа[3]. Испанский историк Паэс де Кастро (Paez de Castro) считал, что историк должен рассматривать географическое положение и природные ресурсы страны, ее законы, обычаи, религию, социальные классы, литературу, искусство и науку[4].

Но авторы таких суждений не реализовали своих предложений на практике. Эти высказывания представляют, таким образом, интерес лишь как первые проблески критического отношения к традиционному содержанию исторических произведений.

Но можно указать сочинение, автор которого, не ставя вопроса о содержании истории, фактически сделал попытку дать довольно развернутый обзор истории культуры. Этим сочинением является упоминавшийся выше труд французского юриста Паскье «Recherches de la France».

В первой книге своей работы Паскье говорит о первоначальных временах французской истории, о галлах, о вторжении франков и бургундов, о норманах и т. п. Вторая книга посвящена истории французских государственных учреждений и разных категорий французского дворянства. В третьей книге Паскье останавливается на основных этапах истории французской церкви, ведя изложение в галликанском духе и отрицательно относясь к иезуитам. Четвертая книга дает кое-какие сведения по истории французского права и некоторые материалы о нравах и обычаях страны. Здесь же автор говорит об изобретении артиллерии и книгопечатания. Пятая и шестая книги заполнены различными эпизодами из прошлого Франции. Седьмая и восьмая книги посвящены истории французской поэзии и французскому языку.

---

[1] Из остальных трех авторов двое (Лукиан и Дионисий Галикарнасский) были античными писателями и один (Понтано) принадлежал к числу гуманистов XV в.

[2] «De historia universa et eius cum jurisprudentia conjunctione», впервые издано в 1557 г. в Париже, перепечатано в названном сборнике.

[3] *Rafael Altamira*. La enseñanza de la historia. Madrid, 1895, p. 117.

[4] «Historia de España y de la civilización española» por *Rafael Altamira y Crevea*, t. III, 2 edición corregida. Barcelona», 1911, p. 565.

Последняя, девятая книга представляет собою интересный очерк истории некоторых сторон французской, а отчасти и европейской культуры. Автор дает здесь историю Парижского университета, говорит об историческом значении изобретений артиллерии и книгопечатания, об истории французской медицины, об истории итальянского и французского гуманизма, об истории римского права в Италии и Франции.

Из общеисторических произведений историков XVI в. наиболее широким по содержанию является сочинение швейцарского гуманиста Ватта «Chronik der Abte von St. Gallen», где автор, кроме истории аббатов С. Галленского монастыря, останавливается на языке, литературе, музыке, организации управления и постройках.

На историческую мысль второй половины XVI в. лег тяжелый груз религиозной нетерпимости и церковного гнета. Это давление с той или иной степенью силы стало проявляться во всех странах Европы.

Латинский язык в XVI в. был языком большинства исторических произведений. Но он все же не имел того почти безраздельного господства, как это было в итальянской гуманистической историографии предшествующего столетия. Ряд крупных исторических сочинений, в том числе и сочинений гуманистической историографии, как, например, труды Макиавелли и Гвиччардини, были написаны на национальных языках.

Гуманистический стиль со всеми его особенностями, о которых шла речь в предшествующей главе, применялся многими авторами XVI в.[1]. Но наряду с этим было значительное количество историков, которые его не придерживались.

Резюмируя все сказанное выше о развитии историографии в XVI в., можно сделать такие выводы. Историография XVI в. в значительной мере является дальнейшим продолжением в западноевропейском масштабе итальянской гуманистической историографии предшествующего века.

Но вместе с продолжением старого в ней имеются также и новые явления.

По сравнению с предшествующим столетием историография сделала в XVI в. довольно заметный шаг вперед. Этот прогресс проявился не только в появлении нового, но и дальнейшем развитии старого. Чтобы убедиться, достаточно сравнить между собою уровень трудов Бруни и Макиавелли.

Разложение феодализма и формирование элементов капитализма в рамках разлагающейся феодальной формации, равно как и тесно связанные с этим процессом великие географические открытия, оказали безусловно прогрессивное влияние на историографию. Но, с другой стороны, религиозная борьба била по светскому мировоззрению и делала церковные и светские власти нетерпимыми и подозрительными по отношению к свободной мысли. Гуманистическая школа продолжала занимать центральное место в историографии и в XVI веке. Но, конечно, к ней можно отнести далеко не всех историков этого столетия.

Надо отметить весьма заметные успехи техники исторического исследования в XVI в. Эти успехи выразились в целом ряде фактов.

Во-первых, надо отметить, достижения в деле собирания и издания исторических источников, особенно значительные в конце века, когда издаются первые сводные довольно значительные по объему сборники исторических источников.

В этом отношении работа историков конца XVI в. имеет большое сходство с работой историков первой половины XVII в., когда центр тяжести

[1] Среди самих гуманистов XVI в. была реакция против рабского подражания стилю Цицерона. Проявлением этой реакции является «Ciceronianus» Эразма, где осмеивается мелочное подражание Цицерону.

тоже лежал в собирании. От сборников Питу и Писториуса через опубликованные в самом начале XVII в. сборники[1] Маркварда Фрехерра[2] и Гольдаста[3] и изданные немного позже сборники бельгийца Мира[4] идет прямая цепь к известному собранию Дюшена[5].

Во-вторых, в XVI в. заметно некоторое увеличение внимания к грамотам,— документу, который станет потом во второй половине XVII в. главным объектом, на основе изучения которого произойдет формирование дипломатики.

Как указывает крупный специалист по дипломатике конца XIX в. Жири, этим увеличением внимания к грамотам историография обязана в значительной степени юристам[6], которые пользовались подобного рода документами в своих работах по истории учреждений и права и были в этом отношении первыми учителями историков.

В-третьих, прогресс техники исторического исследования выразился в XVI в. в зарождении элементов будущих вспомогательных исторических дисциплин. Факт весьма существенный. В мировой историографической литературе не существует ни одной работы, которая давала бы с достаточной полнотой историю собирания исторических источников и развития приемов исторического исследования.

Между тем для истории формирования исторической географии именно эта сторона в развитии историографии имеет особенно большое значение. Как будет показано ниже, приемы работы Ортелия, автора первого в мире исторического атласа, над источниками типичны именно для собирателей исторических источников конца XVI в.

§ 2. РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XVI ВЕКЕ

Шестнадцатый век,— это век великих географических открытий. Открытие Америки и морского пути в Индию кругом Африки, правда, имело место еще в девяностых годах пятнадцатого столетия. Но их влияние на жизнь европейцев и туземцев, равно как и их влияние на географическую мысль Европы, конечно, начинает проявляться лишь в шестнадцатом веке. В XVI в., в развитие великих плаваний Колумба и Васко да Гамы был предпринят целый ряд других путешествий, чрезвычайно раздвинувших географический горизонт европейцев. В центре этих путешествий стоит знаменитое плавание Магеллана. В конце XVI в. начинается быстрое и систематическое продвижение русских в Сибири[7].

Естественно, история географических знаний XVI в.—это прежде всего история великих географических открытий. На географическую мысль европейцев XVI в. великие географические открытия, которые сами, конечно, были порождены развитием производительных сил своего времени, оказали весьма значительное влияние. Но социально-экономическое развитие Европы в XVI в. оказало на географическую мысль эпохи и непосред-

---

[1] Об этих сборниках см. в следующей главе.

[2] Издал три сборника: a) Germanicarum rerum scriptores aliquot insignes, 3 tt. Francof., 1600—1611, b) «Rerum Bohemicarum antiqui scriptores aliquot». Han. 1602, c) «Corpus historiae Francicae veteris et sincerae». Han. 1613.

[3] Издал два сборника: a) «Alamanicarum rerum scriptores», 3 tt. Francof., 1606, b) Collectio consuetudinum et legum imperialium. Francof. 1613.

[4] Издал с 1624 по 1630 г. четыре сборника: a) «Codex donationum piarum», b) «Diplomata Belgica», c) «Donationes Belgicae», d) «Notitia ecclesiarum Belgii».

[5] *Du Chesne.* Historiae Francorum scriptores coaetanei, 5 tt. Parisiis, 1636—1649.

[6] *Giry.* Manuel de diplomatique. Paris. 1894, p. 56.

[7] Первые шаги русского продвижения в Сибирь относятся к более раннему времени, см. *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 143—147.

ственное влияние, помимо влияния через великие географические открытия. В наиболее явственной форме оно проявилось в передовой стране Европы XVI в.— в Италии, где потребности государственной жизни многочисленных малых государств вызвали зарождение описаний стран с точки зрения государственных людей того времени. Государственный человек на итальянском языке обозначается словом statista. Поэтому такого рода описательное страноведение получило название статистики. Свое современное значение термин «статистика» получил только в XIX в.— после работ Кетле. Отзвуки старого смысла термина сказываются до сих пор в научной литературе[1].

Гуманизм, побуждавший образованных людей XV—XVI столетий искать у античных писателей ответа на вопросы современности, конечно, продолжал в XVI в. оказывать влияние на понимание и разработку географических проблем географами того времени. Сочинения Птолемея, Страбона, Помпония Мелы и других античных авторов, бывшие непререкаемым авторитетом для итальянских гуманистов XV в., высоко ценились и в XVI в., несмотря на то, что великие открытия наглядно показали различие между миром, известным древним, и миром, известным людям XVI в.

Литература о великих географических открытиях начинается с произведений их руководителей и участников. Колумб писал о своих открытиях[2]. Пигафетта описал путешествие Магеллана, участником которого он был[3]. Уже в XVI в. появляются сводные работы о путешествиях. В середине века венецианский государственный деятель и географ Рамуссио (Ramussio, 1485—1557) выпустил трехтомное собрание описаний путешествий с древности до своего времени — «Delle navigazioni e viaggi»[4]. Издание представляет собою собранные Рамуссио описания путешествий, написанные различными авторами, с рассуждениями (discorsi) самого составителя. Рамуссио можно, таким образом, считать первым историком географии. В конце века англичанин Хаклюйт (Hakluyt, 1553—1616) издал аналогичного рода сборник тоже в трех томах, в котором собраны описания путешествий, совершенных англичанами — «The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation made by Sea or over Land within the Compass of these 1500 years»[5].

С той поры о великих географических открытиях накопилась огромная литература. Они изучены сравнительно хорошо, хотя, конечно, и до сих пор остается ряд спорных и невыясненных вопросов[6].

---

[1] Историки статистики обычно указывают два исторических корня своей дисциплины — только что названное описательное государствоведение, ведущее свое начало от итальянских работ XVI в. и особенно развернувшееся в немецких работах XVIII в., и английскую политическую арифметику XVII в. В силу того, что по своей внутренней сущности политическая арифметика имеет общее с современной статистикой, а описательное государствоведение связано с современной статистикой лишь общностью термина, некоторые историки статистики, как, например, М. В. Птуха, признают историческим корнем статистической науки только политическую арифметику. См. *М. Птуха*. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945, стр. 19.

[2] Написанное Колумбом опубликовано у Наваррете — «Colleccíón de los viages y descubrimientos».

[3] Имеется русский перевод под заглавием «Впервые вокруг света» (Путешествие Магеллана). Л., 1928.

[4] I том посвящен Африке, II том — Азии и III том — Америке.

[5] В 1846 г. в Англии в память Хаклюйта была основана специальная организация «Hakluyt Society», издающая описания путешествий.

[6] В качестве примера крупных разногласий в исторической литературе по вопросам, связанным с великими открытиями, можно привести так называемую скептическую школу, основателем которой является американский ученый Виньо. Виньо выдвинул мысль, что знаменитое письмо Тосканелли 1474 г. о возможности достигнуть Индии, продвигаясь морем в западном направлении, является подделкой.

Гораздо хуже изучено развитие географической мысли в XVI в. Между тем для моей задачи именно эта сторона дела имеет весьма существенное значение.

Проблемы, над которыми работали географы XVI в., не отличались принципиально по своему содержанию от тех вопросов, которыми занимались итальянские географы предшествующего столетия. Различие заключается в масштабе проделанной работы и в ее научном уровне. В обоих этих отношениях был сделан очень значительный шаг вперед.

Географические работы XVI в. можно разделить в основном на три основные группы: описания путешествий, так называемые «космографии», и описания отдельных стран (их можно объединить в одну группу страноведческих работ) и картографические работы. Для истории географической мысли характерны главным образом две вторые группы географических произведений.

Историками географии эти две группы географических работ XVI в. изучены далеко не в одинаковой мере.

История картографии XVI в. изучена довольно хорошо. Старые труды португальского ученого Сантарема [1], польского историка Лелевеля [2], французского исследователя Жомара [3], а в особенности тщательные исследования известного шведского путешественника конца XIX в. и одновременно авторитетного историка картографии Норденшельда [4], а также работы Воверманса [5], Багрова [6] и Кордта [7] и целый ряд других частных исследований дают ясную картину развития картографии в XVI в.

Гораздо хуже обстоит дело с историей страноведения в XVI в.

Исследовательских трудов по истории страноведения как в XVI в., так, впрочем, и в последующих столетиях, аналогичных трудам по истории картографии, не существует. В сочинениях по истории географии вообще история страноведения затрагивается мимоходом. Цельной картины развития страноведения в XVI в. в них не дается. Хорошей иллюстрацией очень слабой изученности состояния географического страноведения в XVI в. может служить тот факт, что историкам географии, за исключением Воверманса, осталось совершенно неизвестным такое выдающееся и притом хорошо известное историкам географическое произведение, выдержавшее в XVI в. массу изданий, как «Descrittione di tutti i paesi bassi» Людовико Гвиччардини [8]. Естественно, что мой настоящий краткий очерк истории географических знаний XVI в., очерк, имеющий лишь вспомогательное значение, хотя он и основан в своей страноведческой части на самостоятельном знакомстве со страноведческими произведениями эпохи, конечно, не может претендовать в этой части на сколько-нибудь полное освещение

---

[1] *Santarem*. Atlas composé de mappemondes et de portulans et d'autres monuments géographiques depuis le VI siècle de notre ère jusqu'au XVII-me. Paris, 1842—1853.

[2] *Lelewel*. Géographie du moyen âge, 4 t. Bruxelles, 1852.

[3] *Jomard*. Les monuments de la géographie. Paris 1842—1862.

[4] *A. E. Nordenskiöld*. Facsimile-Atlas to the Early History of Cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Stockholm, 1889. *Его же*. Periplus, an Essay on the History of Charts and Sailing Directions. Stockholm, 1897.

[5] *Wauwermans*. Histoire de l'école cartographique belge et anveroise du XVI siècle, 2 t. Bruxelles, 1895.

[6] *A. Bagrow*. Ortelii catalogus geographorum. Gotha, 1928. Ergänzungsheft 199 zu Petermanns Mitteilungen.

Его же. История географической карты. Пг., 1917.

[7] *В. А. Кордт*. Материалы по истории русской картографии. Три выпуска, вышедшие в 1899, 1906 и 1910 гг. и *его же*: Матеріяли по історії картографії України, 1931.

[8] Об этой замечательной книге см. мою статью «Людовико Гвиччардини — экономист-географ XVI века». «Известия Всесоюзного географического общества», 1944, т. 76, вып. 4.

развития географического страноведения в XVI в. Разработка истории страноведения как в XVI, так и в последующих столетиях является одной из очередных проблем, стоящих перед историками географии.

Роль отдельных стран в развитии в XVI в. как картографии, так и страноведения была неодинаковой. В первой половине века ведущую роль играли Италия и Германия[1], во второй половине столетия она переходит к фламандским географам. Роль французской и английской географии в эту эпоху была значительно более скромной. Испанские и отчасти португальские исследователи, очень много сделавшие в деле географических открытий, в области картографии сделали значительно меньше, хотя и дали несколько очень интересных карт. Исторические работы испанцев, посвященные Америке, богаты географическим материалом[2], в несколько меньшей степени это относится к португальским историкам Индии. Специально страноведческих описаний испанские и португальские авторы XVI в. оставили немного, но некоторые из них, как, напр., описание Африки Мармоля (Marmol) «Descripción general de Africa» (1-е изд. 1573 г.) и в особенности «Hispania», а также «Pro Hispania adversus Munsterum defensio» крупнейшего португальского историка XVI в. и переводчика Цицерона Дамиана де Гоэс (Damian de Goes, 1501—1573) представляют значительный интерес для историка географии.

Нельзя не отметить появления в это время географических работ у славянских народов — поляков, чехов и русских. В Польше центром просвещения в конце XV и в XVI в. был Краковский университет, где география стала предметом преподавания[3]. В Польше в XVI в. было выпущено несколько географических работ. На Руси в конце XVI в. была составлена карта «Большой чертеж». Как указывает К. Н. Сербина, этой карте предшествовал целый ряд карт отдельных районов Русского государства, составлявшихся в течение всего XVI века[4].

Ведущая роль итальянских, немецких и фламандских географов видна прежде всего из национальной принадлежности авторов крупнейших географических работ XVI в.; для картографии аналогичный вывод получается, кроме того, из рассмотрения списка картографов, карты которых Ортелий использовал для своего «Theatrum Orbis Terrarum».

Развитие картографии в XVI в. шло под влиянием новых потребностей в картах, потребностей, выдвинутых как великими открытиями и ростом международной торговли, так и нуждами крепнувшей государственной власти. Картография XVI в. широко использовала античное наследство в виде карт, приложенных к труду Птолемея, авторитет которого стоял чрезвычайно высоко у картографов того времени. По выражению историка фламандской картографической школы Воверманса[5], труд Птолемея был «библией географов» того времени.

Это влияние Птолемея имело в начале века, как и в XV в., положительное значение, так как с картографической стороны труд Птолемея стоял гораздо выше не только типичных средневековых, но и компасных карт, которыми пользовались для плавания по Средиземному морю в XIV в.

---

[1] См. *Gallois*. Géographes allemands de la Renaissance. Paris. 1890.

[2] Об этом см. выше в § 1. «Европейская историография XVI века».

[3] О польской географии XVI в. см. *Bujak*. Studja Geograficzno-Historyczne. Warszawa, 1925, стр. 1—113.

[4] «Книга Большому чертежу», служившая комментарием к карте, составлена в XVII в. См. *К. Н. Сербина*. Книга Большому чертежу и ее редакции. «Исторические записки» № 14 и введение к изданному под ред. К. Н. Сербиной тексту книги (Книга большому чертежу. М.— Л., 1950).

[5] *Wauwermans*. Histoire de l'école cartographique belge et anveroise du XVI siècle. Bruxelles, 1895, t. I, p. 146.

Компасные карты[1] не учитывали шарообразности земли. Они были хороши для плавания по Средиземному морю, так как давали довольно точные очертания берегов. Но по этому методу нельзя было строить карты для изображения обширных земных пространств. Правда, в одном отношении пользование картами Птолемея с самого начала оказало отрицательное влияние. У Птолемея весьма значительно преувеличена протяженность Средиземного моря с запада на восток. Компасные карты в этом отношении значительно лучше отражали действительность. Так как в XVI в. древние авторы пользовались авторитетом непогрешимости, то по мере развития картографической мысли в XVI в. труд Птолемея стал оказывать на нее тормозящее влияние. Историки географии обычно отмечают как положительный факт для роста картографии в XVI в. развитие искусства гравюры и развитие книгопечатания[2]. Иногда за гравировку карт брались крупные художники, напр., в 1515 г. Дюрер в Нюрнберге гравировал карту, составленную Иоганном Штабом (Stabius), профессором в Ингольштадтском университете.

Великие открытия чрезвычайно раздвинули пределы известного европейцам мира. Понадобились мировые карты, включающие Новый свет. Первой картой мира, содержащей картографическое изображение Америки, была карта, составленная в 1500 г. Хуаном де ля Коса, штурманом Колумба. Впервые термин «Америка» для обозначения новой части света, открытой Колумбом, был введен, как известно, лотарингским географом Вальдзеемюллером (в латинизированной форме Hylacomylus). Первая мировая карта с этим названием напечатана в 1507 г. в «Cosmographiae introductio», составленном этим географом.

Польский географ, профессор Краковского университета Ян Стобничка в 1512 г. выпустил учебник географии «Introductio in Ptolomei cosmographiam cum longitudinibus et latitudinibus regionum et civitatum celebriorum». В этой книге была карта мира, на которой Америка впервые изображена в виде непрерывного куска суши. Мировых карт, включающих Новый свет, было издано в XVI в. довольно значительное количество. Очертания Америки на них постепенно улучшаются. Но, с другой стороны, начиная с карты мира крупного французского географа того времени Оронтия Фине (Oronce Finée, в латинизированной форме Orontius Finaeus, 1494—1555), выпущенной автором в 1531 г. под названием «Nova et integra universi orbis descriptio», на мировых картах появляется огромная и таинственная «Terra australis» — проблема для мореплавателей, разрешенная, да и то не полностью, лишь известным английским мореплавателем второй половины XVIII в. Джемсом Куком.

В XVI в. сильное распространение получает составление карт отдельных стран и их частей. Появляются не только карты отдельных государств, но иногда и карты отдельных провинций, например, карта Фландрии Меркатора, отпечатанная в 1540 г.

Из довольно многочисленных карт стран и их частей, составленных в этом веке, для историка картографии особенный интерес представляют карта Баварии Филиппа Апиана, карты графств Англии и Уэлса Секстона и карты курфюршества Саксонии Эдера, так как эти карты получены путем

---

[1] Литературу о компасных картах см. в работе *A. Wolckenhauer*. Aus der Geschichte der Kartographie. «Deutsche Geographische Blätter», 1912 и *Зондеран*. Географическая карта, ее история, составление, воспроизведение. Пер. под ред. Ю. М. Шокальского. СПб, 1909. К указанной там литературе можно добавить интересную работу польского ученого Буяка «O średniowiechnych mapach żeglarskich», напечатанную в сборнике статей Буяка «Studja Geograficzno-Historyczne», Warszawa, 1925.

[2] См. *Peschel*. Geschichte der Erdkunde.

довольно детальных съемок на местности, т. е. таким методом, каким до XVI в. в Европе не составляли карт.

Филипп Апиан (Bienewitz, в латинизированной форме Apianus, 1531—1589), сын известного математика и географа первой половины века Петра Апиана[1], в 1554 г. получил от баварского герцога Альберта V поручение составить карту Баварии при помощи съемки на местности. В течение семи лет он каждое лето с тремя помощниками путешествовал по Баварии и занимался съемочными работами. В 1561 г. съемка была закончена. В 1563г. было окончено вычерчивание карты. Ее масштаб был 1 : 50 000 и поэтому ее размеры были огромны — 484 квадратных фута. Для опубликования по распоряжению герцога Апиан составил копию карты в уменьшенном масштабе (1 : 144 000), и она была в 1568 г. издана на 24 листах. Все последующие карты Баварии XVI—XVIII вв. были копиями с карты Апиана. Когда в 1766 г., т. е. через двести лет, Берлинская академия наук решила издать карту Баварии, она воспользовалась картой Апиана, лишь внеся в нее исправления в астрономическом определении мест на основании наблюдений Кассини де Тюри.

В семидесятых годах Секстон (Christopher Saxton) по поручению английского правительства произвел съемку графств Англии и Уэлса. Было издано 35 карт[2]. Эдер (Oeder) в конце века произвел съемку территории курфюршества Саксония при помощи мерного шнура, квадранта и буссоли.

Следует отметить также появление в славянских странах в XVI в. карт территории этих стран. Выше уже упоминалась московская карта «Большой Чертеж». Кроме него по московским источникам в XVI в., составили карты Московского государства несколько иностранцев, как Баттиста Аньезе[3] (Agnese), Антоний Вид, Герберштейн, Дженкинсон и др.

В Польше в начале второй четверти XVI в. Ваповским были опубликованы три карты: 1) Nonnulla loca regni Poloniae et etiam Hungariae ac Vallachiae, Turciae, Tartatiae et Masoviae, 2) Ducatus Prussiae, Pomeraniae, Samogitiae et magnus ducatus Lithuaniae, 3) Universalis tabula seu mappa totum regnum et Moscoviam et pleraque alia loca complectens. В Польше занимался картографией также знаменитый астроном XVI в. Коперник. В 1529 г. он вместе с Ваповским выпустил карту так называемых Инфлянт (mappa sive descriptio terrae Livoniensis). Названные мною польские карты до нас не дошли. Но сохранилась карта Польши — «Descriptio Poloniae» Вацлава Гродецкого, изданная в 1558 г. в Базеле. Эта карта получила широкое распространение и ее поместил Ортелий в своем «Theatrum Orbis Terrarum».

Польский ученый Л. А. Биркенмайер выяснил[4], что Коперник и Ваповский помогали Беневентано, редактору римского издания Птолемея 1508 г.,

---

[1] Довольно характерный пример латинизации своих фамилий гуманистами: Biene по-немецки значит пчела, по-латыни пчела — apis. Так Bienewitz превратился в Apianus.

[2] Интересно предписание правительства о содействии Секстону при его работе в Уэлсе в 1576 г. Было послано предписание: «to see him conducted unto any towne castle, highe place or hill to view that countrey and that he may be accompanied with 2 or 3 honest men such as do best know the countrey for the better accomplishment of that service and that at his departure from any towne or place, that he hath taken the view of, the said towne do set forth a horseman, that can speke both Welshe and Englishe, to safe conduct him to the next market towne (Acts of the Privy Council 1575—1577)». Цит. по «Dictionary of National Biography», слово «Saxton».

[3] В русских сочинениях по истории картографии эту фамилию обычно пишут Агнезе, что противоречит итальянскому произношению. См. *Н. М. Быковский*. Картография. Исторический очерк. М., 1923, стр. 147; *К. А. Салищев*. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943, стр. 130, 138 и др.

[4] *L. A. Birkenmajer*. Marco Benventano, Kopernik, Wapowski a najstarsza karta geograficzna Polski. (Rozprawy Wydz. mat.-przyr. Akademii Umiejętnosci», t. 41, Kraków, 1901).

в составлении карты Польши, приложенной к этому изданию и являющейся наиболее старинной картой этой страны.

В Праге в 1568 г. Иоанн Кригингер издал карту Чехии.

Ортелий поместил эту карту в свой названный выше атлас.

Таким образом, вполне можно говорить о большом количественном росте картографии в XVI в.

Наряду с количественным ростом в картографии имел место значительный шаг вперед и в качественном отношении.

Во всякой карте имеются два основных элемента. Первый из них — проекция данной карты; т. е. тот математический способ, при помощи которого на данной карте изображена на плоскости или вся сферическая поверхность земного шара или какая-либо ее часть.

Второй элемент — географическое содержание данной карты, т. е. природные и общественные явления, которые нанесены на данной карте, и способ, каким это сделано[1]. В XV в. в области картографических проекций еще не было самостоятельного творчества. Дело ограничивалось лишь освоением античного картографического наследства. Новых проекций не было создано. Квадратная цилиндрическая проекция Генриха Мореплавателя является лишь исключением, подтверждающим правило.

В XVI в. развертывается самостоятельное творчество в области картографических проекций. «Das erste Viertel des XVI Jahrhunderts ist die erste Sturm und Drangperiode der neuen Kartographie»[2],— так характеризует эту сторону картографии XVI в. один из специалистов по картографии XX в. Макс Эккерт, сам автор одной из интересных современных проекций[3].

Исходным моментом этого творчества были проекции Птолемея. Вторая из них, псевдоконическая, была под влиянием расширения географического кругозора, вызванного открытием Америки, переработана в так называемую сердцевидную проекцию.

Уже в 1502 г. профессор математики в Ингольштадте Иоганн Штаб (в латинизированной форме Stabius) выдвинул идею этой проекции. В 1514 г. Иоганн Вернер (1468—1528) опубликовал в Нюрнберге в качестве приложения к первой книге латинского перевода Птолемея — «Libellus de quatuor terrarum orbis in plano figurationibus», где, развивая далее идею Стабиуса, он изложил метод изображения на плоскости сферической поверхности путем применения сердцевидной проекции. Историк картографии Волькенхауер называет Вернера поэтому «наиболее ранним самостоятельным картографом нового времени»[4].

Сердцевидная проекция часто применялась в XVI в.[5] Картографы XVI в. выдвинули и вполне оригинальные картографические проекции. Из числа этих последних проекций наиболее заслуживают внимания: овальная проекция, азимутальная равнопромежуточная проекция французского математика Постеля (1510—1581) и наиболее известная из всех равноугольная цилиндрическая проекция Меркатора. Овальная проекция, изображающая поверхность земного сфероида в виде овала,

---

[1] В советской картографической литературе нет единого определения географической карты. Мое определение ближе всего примыкает к определению К. А. Салищева. См. его «Основы картоведения. Общая часть». М., 1939, стр. 5—10.

[2] Первая четверть XVI в. является первым периодом бури и натиска новой картографии. *Max Eckert*. Die Kartenwissenschaft, Bd. 1, 1921, S. 119.

[3] Проекция Эккерта нашла широкое применение в т. 1 Большого советского атласа мира.

[4] *A. Wolckenhauer*. Aus der Geschichte der Kartographie. Deutsche geographishe Blätter. Hrsg. von der Geogr. Gesellschaft in Bremen. Bd. XXVII, 1904.

[5] Между прочим, в этой проекции была составлена карта мира Меркатора 1538 г., самая ранняя из сохранившихся карт Меркатора.

у которого малая ось равна половине большой оси, была весьма популярна в XVI в., но вышла из употребления впоследствии. У историков картографии имеется разногласие относительно ее автора. Норденшельд считает ее автором итальянского географа Бордоне, Эккерт объявляет таковым Петра Апиана, отца Филиппа Апиана, составителя карты Баварии.

Проекция Постеля применяется и в настоящее время на некоторых авиационных и сейсмических картах. Она излагается едва ли не во всех учебниках картографии, в том числе и в элементарных[1].

На проекции Меркатора удобнее будет остановиться несколько ниже в связи с общей характеристикой этого крупнейшего деятеля картографии XVI в.

В географическом содержании карты прогресс был значительно меньше. Обычно на картах отмечались границы моря и суши, на суше наносились реки, горы, иногда леса, населенные пункты и границы государств. Направление течения рек наносилось очень неточно. Горы наносили, рисуя на карте цепи маленьких холмиков. Высот обозначать не умели. Единственно, что на карте XVI в. можно было прочесть о рельефе, это — положение гор и их приблизительное направление. Напечатанные типографским способом карты раскрашивали от руки. Знаменитый фламандский картограф второй половины XVI в. Ортелий начинал свою картографическую деятельность с должности «раскрашивателя карт» (afsetter van karten, по-фламандски).

Приемы, при помощи которых Филипп Апиан и другие картографы производили съемки карт, а равно и инструменты были довольно примитивными. Съемщики пользовались компасом, квадрантом, мерным шнуром и мерным колесом. Съемщики двигались по дорогам, измеряя расстояния и направление пути.

Иоахим Ретик, ученик Коперника, в 1540 г. составил первое руководство по съемке карт при помощи мерного шнура и буссоли. В конце века в 1590 г. Преториус изобрел мензулу, что было залогом дальнейшего прогресса полевой картографии.

В 1533 г. учитель Меркатора Гемма Фризиус (1508—1555), профессор математики и медицины в Лувенском университете, в сочинении «Libellus de locorum describendorum ratione» впервые развил идеи триангуляции[2]. Дальнейшее развитие и практическое применение метода триангуляции относится уже к XVII в.

Как уже было выше указано, географы XV и XVI вв. пользовались картами Птолемея не для географии прошлого, а для географии современной им эпохи. До появления в 1570 г. «Theatrum Orbis Terrarum» Ортелия географы не разграничивали четко античной и новой географии. Начатое еще в XV в. включение новых карт в издания Птолемея приобрело в XVI в. очень большой размах. В римское издание Птолемея 1508 г. Марка Беневентано (об этом издании уже говорилось выше) была включена «Nova et universalior orbis cogniti tubula a Johanno Ruysch Germano elaborata». На этой карте уже есть изображение Америки. В страсбургском издании Птолемея, выпущенном в 1513 г. Вальдзеемюллером, было уже около двадцати новых карт. Норденшельд называет это издание первым новым атласом. Джироламо Рушеллаи выпустил в 1561 г. итальянский перевод Птолемея. В этом издании было 27 карт Птолемея и 37 новых.

Присоединение к изданиям Птолемея новых карт могло лишь содей-

---

[1] Например, в учебниках Лиодта и Старостина. В Большом советском атласе мира в проекции Постеля даны карты Арктики и Антарктики.

[2] *M. Cantor*. Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik. Bd. II, S. 377.

ствовать тому смешению античной и новой географии, которое было так характерно для гуманистов.

Наибольшее значение для развития картографии в XVI в. имела деятельность двух наиболее крупных представителей фламандской картографической школы — Ортелия и Меркатора.

Ортелий своим «Theatrum Orbis Terrarum», который был опубликован первым изданием в 1570 г., подвел итоги всему предшествующему развитию картографии в XVI в. «Theatrum Orbis Terrarum» представлял собой первый атлас земного шара в подлинном смысле этого слова. Предшествующие ему собрания карт в изданиях Птолемея, равно как и атласы Аньезе[1] и Лафрери[2], не могут идти с ним в сравнение ни по охвату территории, ни по картографическому уровню.

Ортелий собрал в своем атласе лучшие из карт, составленных картографами XVI в. Таким образом, он, во-первых, положил конец смешению античной и современной географии и, во-вторых, подвел итоги всей работе картографов XVI в. тем, что отобрал лучшие новые карты и систематизировал их в едином атласе[3].

Величайшим картографом не только фламандской школы, но и XVI в. вообще, был Герард Кремер (1512—1594), известный под латинизированной фамилией Меркатора. Уроженец Нидерландов, получивший образование в Лувенском университете, Меркатор вторую половину своей жизни провел в германском городе Дуисбурге, вынужденный бежать от инквизиции.

Основная заслуга Меркатора заключается в том, что он поднял картографию на более высокий научный уровень. Меркатор был лучшим знатоком XVI в. в области теории картографических проекций. Проекция мировой карты, предложенная им в 1569 г. и известная в картографии под именем равноугольной цилиндрической проекции Меркатора, оказалась чрезвычайно удобной для мореплавателей[4]. Мировые карты в этой проекции часто употребляются в наших современных атласах[5]. Она известна каждому школьному учителю географии. Меркатор первый в истории картографии умел оценить пригодность той или иной проекции, в зависимости от конфигурации изображаемой территории и назначения карты.

Меркатор был самостоятельным автором весьма значительного количества карт. При составлении их он перерабатывал материал согласно своим картографическим идеям. Собрание его карт составило атлас мира, изданный вскоре после смерти Меркатора его сыном в 1595 г. под заглавием «Gerardi Mercatoris Atlas sive cosmographiae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura».

С выходом в свет этого атласа термин «атлас» вошел в употребление. Меркатору принадлежит критическое издание Птолемея, выпущенное им в свет в 1578 г. В этом издании карты были вычерчены самим Мерка-

---

[1] Судя по рукописному экземпляру атласа Аньезе, хранящемуся в отделе рукописей Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в атласе всего 13 карт, преимущественно морских. Есть карта мира в овальной проекции.

[2] Лафрери, работавший в Риме, составил сборник карт, авторами которых были как он лично, так и итальянские картографы третьей четверти XVI в.

[3] Ортелий сыграл очень крупную роль в развитии исторической географии, и о нем подробно говорится ниже. Чтобы не разрывать очерка о нем на две части, там же я говорю о нем и как о картографе, ограничившись здесь лишь кратким упоминанием, необходимым для цельности изложения.

[4] Локсодромия (линия, пересекающая на сфероиде меридианы под одним и тем же углом) на проекции Меркатора изображается прямой линией, что очень важно для морской карты.

[5] См., например, карту часовых поясов в «Карманном атласе мира», изд. в 1940 г. Главным управлением геодезии и картографии при СНК СССР.

тором, но по принципам птолемеевской картографии (ad mentem autoris, по выражению Меркатора). Никаких современных карт Меркатор в это издание не включал. Для Меркатора труд Птолемея имел уже только историческую ценность. Птолемей перестал быть непогрешимым авторитетом в вопросах современной географии. «Le règne du géographe grec est terminé», говорит по этому поводу французский историк географии Галлуа[1].

Шестнадцатое столетие было временем весьма значительного развития страноведческой литературы. Великие открытия, усилившиеся связи с Восточной Европой и Ближним Востоком, рост международной торговли, равно как и хозяйственный рост Европы,—все это не могло не стимулировать бурного развития этого рода литературы.

Развитие страноведческой литературы шло параллельно с развитием картографии, поскольку и то и другое порождалось одними и теми же причинами. Нередко страноведческие сочинения сопровождаются картами. Мысль, что карта является необходимым средством познания в географии, прочно усваивается географами XVI в.

При составлении описаний стран авторы XVI в. в качестве образцов имели, конечно, пред собою прежде всего сочинения географов древности. Некоторое влияние безусловно оказали и географические работы Биондо и Пикколомини, писателей предшествующего, XV столетия. Мюллер и Берг[2], авторы специальных исследований о Пикколомини как географе, подчеркивают влияние Пикколомини на немецких географов XVI в. — Себастьяна Франка и Себастьяна Мюнстера. Влияние Биондо на «Описание всей Италии» Леандро Альберти также весьма значительно. Но во всяком случае географы XVI в. были продолжателями, а отнюдь не подражателями, только авторов XV в.

Образцом для сочинений итальянских статистиков послужили донесения венецианских дипломатов своему правительству о посещенных ими странах.

Довольно значительная по количеству чисто страноведческая литература XVI в. (я оставляю в стороне географические экскурсы в сочинениях испанских и португальских историков, о которых шла речь в предыдущем параграфе), не является однородной ни по размерам описываемых территорий, ни по методам описания, ни, наконец, по целевой установке. По размерам описываемых территорий страноведческие произведения можно разделить на две неравных по числу сочинений группы — на географические описания всего земного шара или его большей части и на описания отдельных стран. Некоторые из описаний всего земного шара носят названия космографий, например, «Cosmographicus Liber» Петра Апиана 1524 г., или «Cosmographey» Себастьяна Мюнстера, впервые опубликованная в 1544 г. и потом много раз переиздававшаяся. Небольшая книжка такого рода швейцарского географа и историка Лорити, известного под латинизированной фамилией Glareanus, называется «De geographia»[3].

В таких сочинениях обычно две части. Первая из них представляет собою общий очерк математической географии в духе первой книги Птолемея. Вторая часть или напоминает по своей структуре остальные книги Птолемея, или является описанием стран земного шара в духе Страбона. Америка в большинстве случаев включается в описание. Любопытна структура второй части у Глареануса. Эта часть у него в свою очередь распадается на две. Сначала он дает описание Европы, Африки и Азии

[1] *Gallois*. Les géographes allemands de la Renaissance, Paris, 1890, p. 244.
[2] О Мюллере и Берге см. § 6 предыдущей главы.
[3] Вышла в Базеле в 1527 г.

в духе Птолемея, но с прибавлением некоторых новых фактов, например, говоря о Великобритании (он называет ее Альбион), Глареанус замечает, что в настоящее время остров разделен на два королевства — Англию и Шотландию, причем граница между ними не вполне соответствует границе между этими народами. Англия в настоящее время не блещет никакими выдающимися талантливыми людьми, но управляется (это редко бывает, по словам автора) ученым королем Генрихом восьмым, пример которого многих побуждает предаваться достойным занятиям. Покончив с кратким описанием стран, известных Птолемею, Глареанус переходит к описанию стран, не известных Птолемею. Этот раздел озаглавлен «De regionibus extra Ptolemaeum». Здесь говорится прежде всего об Америке, которую, по мнению автора, открыли Колумб и Веспуччи, а также об Исландии и Мадагаскаре и некоторых других территориях, не известных Птолемею. Очерк математической географии земного шара встречается в сочинениях, посвященных описанию всей земли, не всегда.

В известном описании нравов, обычаев и законов всех народов немецкого автора Иоанна Боэма («Omnium gentium mores, leges et ritus ex multis clarissimis rerum scriptoribus a Joanne Boëmo. Aubano Teutonico nuper collecti», впервые напечатано в 1520 г.) в качестве введения к книге помещены лишь рассуждения о происхождении человека и о положении земли и ее делении на части. Совершенно отсутствует какая бы то ни было общая часть в сочинениях итальянских статистиков XVI в. Сансовино («Del Governo dei Regni et delle republiche antiche et moderne») и Ботеро («Relationi universali»). Их очерки являются только страноведческими. При этом Сансовино дает описание лишь выбранного им двадцать одного государства, а Ботеро стремится дать описание всего земного шара.

Сочинения, посвященные описанию отдельных стран, естественно, являются наиболее многочисленной категорией страноведческих работ XVI в. Часть этих сочинений написана жителями описываемых стран, часть иностранцами.

Описания стран отдельных авторов XVI в. по структуре часто довольно значительно отличаются друг от друга. В частности, особую группу среди них составляют работы статистиков, главное внимание которых сосредоточено на рассказе о государственном устройстве описываемых стран.

По целевой установке большинство страноведческих произведений XVI в. предназначалось для чтения образованных людей того времени. Многие из них, изданные для широкого круга читателей какой-либо страны, написаны на национальных языках, например, Гаррисон написал свое «Описание Англии» на английском языке (Description of England, опубликованное в 1577 г.), Леандро Альберти написал по-итальянски свое «Описание всей Италии» (Descritione di tutta l'Italia, первое издание вышло в Венеции в 1547 г.). Мармоль на испанском языке написал «Описание Африки» (Descripción general de Africa), Себастьян Франк по-немецки написал свой «Weltbuch». С другой стороны, латынь была не только научным языком того времени, но и играла роль интернационального языка, понятного образованным людям всей Западной Европы. Поэтому не только некоторые страноведческие произведения писались по-латыни, как, напр., «Трактат о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского (Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana er Europiana et de contentis in eis), «Записки о московитских делах» (Rerum Moscoviticarum commentarii) Сигизмунда Герберштейна или «Испания» португальца Гоэса, но нередко описания, написанные первоначально на национальном языке, впоследствии выходили в латинских переводах, как, например, «Космография» Себастьяна Мюнстера.

Среди географических сочинений XVI в. были и школьные учебники. В качестве примеров можно привести названные выше книги Апиана и Глареануса. Обе эти небольшие по объему книжки написаны в своей страноведческой части очень сухо. Эта сухость страноведческих страниц учебников географии утвердилась с XVI в. на ряд столетий.

Несмотря на довольно значительное разнообразие содержания страноведческих сочинений XVI в., все же в этом содержании можно найти ряд общих черт, свойственных в той или иной степени большинству этих произведений.

Почти каждое из описаний стран начинается с рассуждения о происхождении названия данной страны. В этих рассуждениях нередки высказывания фантастического порядка. Весьма обычны указания на географическое положение страны. Иногда встречается также и оценка этого положения с экономической и военной точек зрения. В «Описании Нидерландов» Гвиччардини оценка географического положения страны с хозяйственной точки зрения поражает своей продуманностью.

География человека резко преобладает во всех описаниях над физической географией. В этом отношении XVI в. не внес крупных изменений в структуру страноведческих произведений по сравнению с XV в. Это объясняется весьма скромным прогрессом в уровне физико-географических знаний в XVI в. В этом столетии очень раздвинулся в силу великих открытий географический горизонт европейцев, но успехи в области познания самой сущности физико-географических процессов, происходящих в природе, были невелики. Как было указано еще Гумбольдтом[1], в начале XVI в. было замечено понижение температуры по мере подъема над уровнем моря и зависимость высоты снежной линии от географической широты. Было замечено, что истребление лесов понижает влажность воздуха и что по мере продвижения к западу в Европе понижается температура лета.

Соответственно малому прогрессу знаний о природе физическая география в страноведческих произведениях XVI в. сводится к перечню гор с указанием направления некоторых из них и иногда с очень краткой их характеристикой, перечню рек с указанием направления их течения и отрывочным замечаниям о климате, плодородии почвы, растительности и животном мире.

Данные древних авторов, в особенности Страбона, в описаниях стран XVI в. используются очень широко. Иногда древние и новые данные стоят рядом и при этом сопоставляется античность и современность. Чаще сообщаются либо античные, либо современные данные. То смешение античных и современных данных, которое было свойственно картографии XVI в., до Ортелия, было свойственно и страноведческой литературе этого столетия.

Наряду с географическими данными античных писателей в страноведческих произведениях имеются весьма многочисленные экскурсы чисто исторического характера. Эти исторические экскурсы занимают обычно много места.

География населения резко преобладает в страноведческой литературе над географией хозяйства. Лишь некоторые авторы, как, например, Людовико Гвиччардини в своем «Описании Нидерландов», Гаррисон в «Описании Англии», Гоэс в «Испании», уделяют значительное внимание экономике. Обычно же сведения экономического порядка коротки и отрывочны.

---

[1] См. «Космос», ч. II, стр. 296 русского перевода Фролова, 2 изд. 1862 г.

При описании населения значительное внимание географы XVI в. обращали на быт, нравы и обычаи. Иногда сообщаются данные о языке, на котором говорят в той или иной местности или стране. Особенно внимателен к данным о языке Мюнстер в своей «Космографии».

Сочинения статистиков Контарини (*Casparis Contareni patricii veneti* De magistratibus et republica Venetorum libri quinque, 1547), Сансовино (сочинение названо выше) основное внимание сосредоточивают на государственном устройстве описываемых государств. Ботеро, не ограничиваясь этим, дает также и географическое описание в духе страноведческих работ его времени.

В остальной страноведческой литературе XVI в. вопросы государственного строя обычно или затрагиваются бегло или совсем не освещаются.

Значительное место отводится в большинстве случаев городам и отчасти другим населенным пунктам. Иногда даются характеристики городов. Но чаще это простые перечни городов с краткими указаниями, в каком отношении замечателен данный город. Вообще номенклатурный элемент (перечни рек, городов и т. д.) во многих страноведческих сочинениях XVI в. представляет собой основной костяк сочинения, причем на этом костяке нередко сравнительно мало мяса и крови живого описания. Весьма нередки сообщения о фантастических явлениях разного рода, а также нелепые утверждения о нравах и обычаях отдаленных народов, в частности русских, являющиеся результатом неосведомленности и легковерия авторов.

В «Космографии» Мюнстера сообщений о фантастических явлениях довольно много, например, описывая Польшу, автор пишет, что в Кракове в феврале 1547 г. родился и жил три часа урод, у которого лицо не походило на лицо человека, на теле было несколько собачьих морд и вместо рук и ног перепонки. Описание урода дано в стихах, написанных от его имени, и сопровождается рисунком, изображающим этого урода. Даже Меховский, проявляющий в своем «Трактате о двух Сарматиях» весьма скептическое отношение ко всякого рода сообщениям о чудесах, содержащихся в сочинениях предшествующих писателей, все же иногда передает баснословные сообщения, например, в письме к Иоанну Галлеру (это письмо помещено в конце «Трактата»), опровергнув ряд нелепостей о северных странах, он тут же сообщает о проделках злых духов в этих странах.

В качестве примера нелепостей о нравах описываемых народов можно привести некоторые сообщения о русских Себастьяна Мюнстера.

Мюнстер заимствует у Пикколомини басню о камне в Новгороде, удачное восхождение на который дает власть. Только Мюнстер приписывает этот обычай не Новгороду, а Москве.

Для конкретизации только что изложенной общей характеристики страноведческой литературы XVI в. остановлюсь вкратце на нескольких наиболее выдающихся произведениях.

Из описаний всего земного шара наибольшей популярностью в ту эпоху пользовалась «Космография» Мюнстера (1489—1552). Она была переведена с немецкого оригинала, опубликованного в 1544 г., на латинский, французский, итальянский, английский и чешский языки. В общей сложности, на всех этих языках она выдержала, по подсчетам Ганцша (Hantzsch), автора специальной монографии о Мюнстере, 46 изданий[1]. Мюнстер получил у современников прозвище «Страбона Германии».

---

[1] *Hantzsch*. Sebastian Münster, Leben, Werke, wissenschaftliche Bedeutung. *Напечатано* в «Abhandlungen der philol.-hist. Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften» Bd. XVIII. Leipzig, 1898.

«Космография» Мюнстера представляет собою том объемом свыше тысячи страниц[1], разделенный на шесть весьма неравных по величине книг. Самой небольшой из них является первая книга, посвященная математической географии. Автор начинает эту книгу и с нею все свое изложение с рассказа о сотворении мира. Потом он останавливается на происхождении минералов и металлов, на географии месторождений металлов в Европе и приспособлениях, употребляемых при их добыче. После этого Мюнстер переходит к математической географии. В базельском латинском издании 1572 г. из общего количества 1333 страниц на первую книгу приходится всего 39 страниц.

Остальные пять книг посвящены описанию стран. Таким образом, труд Мюнстера является почти исключительно работой страноведческого характера. Вторая, третья и четвертая книги дают описание стран Европы. По объему они занимают свыше четырех пятых всей работы. Следовательно, внимание Мюнстера почти всецело поглощено Европой. Больше половины текста, посвященного Европе, занято описанием родины автора, Германии.

Третья книга, описывающая Германию, является самой обширной из всех и занимает немного менее половины всего сочинения (610 стр. в базельском латинском издании 1572 г.). Азии вместе с Америкой, описанным в пятой книге, отведено менее полутораста страниц, т. е. около одной десятой всей «Космографии» Мюнстера. Это показывает, что интерес к Новому свету у тогдашнего европейского читателя был еще сравнительно невелик. Шестая книга, где говорится об Африке, занимает всего лишь пятьдесят страниц, т. е. около одной двадцать седьмой всего обширного сочинения.

«Космография» Мюнстера снабжена весьма значительным количеством карт. Среди них имеются мировые карты, карты частей света и отдельных стран. Кроме карт, имеются планы городов. Карты и планы в совокупности могли бы составить целый атлас. В книге также много рисунков. Для характеристики страноведческих описаний в «Космографии» Мюнстера я остановлюсь вкратце на описаниях Англии, Франции и Италии.

Мюнстер в начале описания Англии говорит о происхождении названия страны. Он указывает, что имена рек и племен острова, приводимые Птолемеем, теперь изменились. Далее он останавливается на географическом положении страны, на ее природных ресурсах и, в частности, на каменном угле. Мюнстер рассказывает о завоевании острова англосаксами и сообщает далее, кроме того, целый ряд самых разнообразных фактов из истории Англии и Шотландии. Он говорит о первом знакомстве культурных народов древности с Британией, о высадке Цезаря в Британии, о столетней войне Англии с Францией и т. д. Рассказывая об истории Англии и Шотландии, Мюнстер излагает также генеалогию королей и дает их перечень.

Мюнстер со вниманием останавливается на языках населения острова. Он различает на острове три языка — английский, шотландский и валлийский. Он указывает, что английский язык смешанный — по своему словарному составу, причем главную роль в нем играют германский и французский элементы.

Внимание к языкам — характерная черта Мюнстера, сказывающаяся едва ли не на всем протяжении его «Космографии».

---

[1] Число страниц в различных изданиях неодинаково. В базельском латинском издании 1572 г., которым я пользовался, 1333 страницы. В первом издании было 600 страниц.

Значительное место он уделяет описанию нравов и обычаев англичан и шотландцев. Мюнстер дает перечень графств Англии, а также рек и городов Англии и Шотландии. Перечень городов сопровождается краткими характеристиками наиболее выдающихся из них. Мюнстер указывает, например, что Лондон является столицей и крупным торговым центром, что морские корабли доходят до него по Темзе, что второе место по значению среди городов Англии принадлежит Иорку, который, однако, имеет небольшое население. Мюнстер отмечает наличие в Англии двух архиепископств и двух университетов — Оксфордского и Кембриджского.

Описание Франции, более обстоятельное по сравнению с описанием Англии и Шотландии, состоит в основном из сходных элементов. Но здесь надо отметить большое внимание автора к древней Галлии, наряду с описанием современной ему Франции. Города и районы страны описаны более подробно, чем города и районы Англии и Шотландии. Иногда указаны бытовые особенности отдельных местностей, например, потребление сидра в Нормандии. Мюнстер рассказывает также о парижских парламенте и университете.

В качестве любопытной особенности в описании Франции в латинском издании Мюнстера следует отметить список городов и рек Франции на двух языках — латинском и французском, например, Bituriges — Bourges, Aquae Sextiae — Aix и т. п.

В описании Италии чрезвычайно большое место занимают разного рода исторические экскурсы. При этом исторический материал дается в значительной мере в форме разного рода справочных сведений, например, даны список римских пап, список венецианских дожей, список римских императоров с характеристиками некоторых из них.

По своей структуре и по четкости и ясности изложения материала большой интерес представляет сочинение итальянского статистика Джованни Ботеро (1540—1617) «Le ralazioni universali», опубликованное в 1596 г. в Венеции, выдержавшее много изданий и переведенное на латинский и ряд новых языков. Это произведение представляет собою сочетание географического страноведения с описанием стран в духе статистики того времени. Все сочинение состоит из четырех частей.

Первая содержит географическое описание частей света по странам. Во второй дана характеристика государственного устройства и могущества важнейших государств. Третья часть посвящена распространению по земному шару главных религий. В четвертой говорится об обращении в христианство индейцев Америки.

В первой части в описании стран характеристика природы обычно дается у Ботеро в связи с оценкой природных условий для хозяйственного развития страны, например, описывая реки Франции, он отмечает их хорошие судоходные качества и редкость наводнений.

При описании какой-либо страны, не довольствуясь ее общим очерком, Ботеро обычно дает также и характеристики отдельных ее районов.

Эти характеристики коротки, но автор умеет выбрать главное и четко его изложить. Часто при этом Ботеро, не ограничиваясь одной лишь передачей географических фактов, дает их объяснение; так, например, описывая Париж, Ботеро объясняет большие размеры столицы Франции, с одной стороны, ее географическим положением и природной обстановкой (плодородие почвы в районе и наличие судоходных рек), с другой стороны, политическими и культурными условиями (Париж — столица могущественного королевства, Парижский университет самый многолюдный в Европе).

Во второй части автор сначала рассуждает о причинах могущества государств. Такими причинами он считает многочисленность населения,

богатство страны, выгодность географического положения. Он принимает во внимание также разного рода исторические случайности.

Конкретные характеристики важнейших государств, описанных во второй части, Ботеро строит, исходя из указанных принципиальных предпосылок. Он также приводит данные о государственных доходах, о военных силах и государственном устройстве.

Из описаний отдельных стран наиболее выдающейся работой безусловно надо признать «Описание Нидерландов» Людовика Гвиччардини (1521—1589), племянника знаменитого итальянского историка XVI в. Франческо Гвиччардини.

Это замечательное произведение географической мысли XVI в. подвергнуто мною обстоятельному разбору в «Известиях Всесоюзного географического общества» (том 76, вып. 4 за 1944 г.). В данной работе я ограничусь лишь краткой его характеристикой. Людовико Гвиччардини еще в молодости поселился в Антверпене и прожил там до самой смерти. Он был в Антверпене представителем флорентийских торговых фирм и занимался литературной деятельностью на итальянском языке.

Свое «Описание Нидерландов»[1] Людовико Гвиччардини опубликовал в 1567 г. на итальянском языке под заглавием «Descrittione di M. Lodovico Guicciardini patritio Fiorentino di tutti i Paesi Bassi, altrimenti detti Germania inferiore».

Книга делится на две неравные части, которые, употребляя термины современной нашей экономической географии, можно назвать отраслевой и районной частями. По количеству страниц районная часть резко преобладает над отраслевой. По обычаю того времени Гвиччардини начинает свое описание с разбора названия страны. Далее он дает обстоятельную характеристику географического положения Нидерландов. За нею следует краткое описание климата, поверхности и плодородия почвы, а также характеристика сельского хозяйства страны.

Отдельная небольшая глава посвящена рекам. Следующая глава заключает в себе оценку роли моря в жизни Нидерландов. В этой оценке, как и в оценке географического положения страны, Гвиччардини обнаруживает значительно более высокий уровень экономико-географического мышления, чем другие авторы его времени.

Остановившись коротко на лесах Нидерландов, Гвиччардини следующую за этим сравнительно значительную по объему главу посвящает характеристике быта, нравов, а также ремесла и торговли Нидерландов. Заканчивается отраслевая часть главами, посвященными управлению страной.

Районное описание Нидерландов Гвиччардини ведет по тем семнадцати провинциям, на которые делилась тогда страна. Эти районные очерки весьма различны по объему, который определяется размерами и значением описываемого района.

Районные очерки Гвиччардини не являются шаблонными, но все же в их структуре есть ряд общих черт. Каждый очерк обычно начинается с вопроса о происхождении современного названия описываемой провинции. При этом автор обычно сообщает и те данные о состоянии описываемой провинции в древности, которые имеются у античных писателей. Иногда он прибавляет сведения из истории этой провинции за более позднее время.

Далее идут указания о местоположении, границах и размерах провинции и ее природных условиях.

---

[1] Гвиччардини описывает Нидерланды в границах своего времени, когда в их состав входили территории современных Бельгии, Голландии, Люксембурга и части северной Франции.

В связи с природными условиями автор в некоторых очерках (не во всех) останавливается на состоянии сельского хозяйства.

Иногда Гвиччардини дает характеристику нравов и обычаев населения провинции, при этом, так же как и в первой части, попутно говорит о занятиях жителей.

Общей характеристике каждой провинции Гвиччардини уделяет немного места. Центр тяжести работы лежит, если пользоваться современной терминологией, в характеристике микрорайонов, т. е. отчасти в характеристике тех отдельных территорий (бароний и т. п.), на которые распадались провинции, а в особенности в характеристике городов и других населенных пунктов. Место, отводимое Гвиччардини для характеристики отдельных городов, определяется значением данного пункта в жизни страны. Крупным городам, как, например, Брюгге, Брюсселю, Генту, посвящены очерки по нескольку страниц каждый, для остальных — от $2^1/_2$ страниц до полустраницы и даже еще меньше. Особое внимание занимает описание Антверпена, которому отведено в первом издании 64 страницы, т. е. немного более пятой части всего труда.

Гвиччардини обычно начинает описание города с истолкования его названия и описания его местоположения, иногда при этом он приводит географические координаты данного города. Гвиччардини обязательно останавливается на описании внешнего вида города — его площадей, улиц, церквей и других замечательных зданий, а также городских укреплений. Большое внимание уделяет Гвиччардини перечню, а в некоторых случаях краткой характеристике выдающихся людей города, с особым вниманием останавливаясь на ученых (в том числе и географах, как, например, Меркатор, Ортелий) и художниках, не забывая в то же время крупных представителей местной буржуазии и аристократии.

В описании многих городов Гвиччардини ограничивается немногими словами о состоянии в них торговли и промышленности. При описании городов с развитыми торговлей и ремеслом, как, например, Брюгге, Гент, а в особенности Антверпен, Гвиччардини говорит об этом подробно. При характеристике Брюгге он рассказывает о былом хозяйственном расцвете города и значительном упадке его торговли в XVI в.

Подробная характеристика Антверпена насыщена экономико-географическим материалом в большей степени, чем характеристики других городов. Наряду с данными о происхождении названия города, о его местоположении, укреплениях, внешнем виде, с описанием его церквей и других общественных зданий, дается перечень выдающихся жителей города с их краткими характеристиками. Интересно отметить, что среди выдающихся граждан Антверпена Гвиччардини с особым вниманием характеризует знаменитого фламандского географа Ортелия, указывая на значение составленных им атласа мира и историко-географического словаря.

Особенное внимание Гвиччардини обращает на характеристику экономики Антверпена и его роли в народном хозяйстве Нидерландов и всей Европы. Он разбирает подробно географическое положение Антверпена, удобство его гавани, дает историю его хозяйственного роста и указывает причины, которыми этот рост был вызван.

Уже в первом издании своей книги Гвиччардини позаботился о ее хорошем картографическом оформлении. К книге были приложены карта Нидерландов и четыре карты важнейших провинций страны. Кроме карт были даны планы ряда городов. В последующих изданиях число карт, а в особенности планов городов, значительно увеличилось.

Как географическое произведение «Описание Нидерландов» Людовико Гвиччардини, с одной стороны, продолжает старую традицию географических описаний того времени, с другой стороны, отличается

некоторыми особенностями, выделяющими его из ряда этих описаний. На отраслевой части книги сказалось также влияние складывавшейся тогда в Италии описательной статистики.

Основное отличие книги Гвиччардини от страноведческой литературы его времени заключается, во-первых, в том, что у Гвиччардини как в отраслевой, так и в районной части очень большое внимание обращено на факты экономического порядка (при наличии, конечно, большого количества и иных данных), а в современной ему географической и статистической литературе эти факты обычно находятся на заднем плане или даже почти отсутствуют. Во-вторых, в своих суждениях по поводу сообщаемых им фактов (рассуждение о роли моря в жизни Нидерландов, о причинах хозяйственного роста Антверпена и т. п.) Гвиччардини обнаруживает несравненно более высокий уровень экономико-географического мышления, чем другие авторы его времени.

Эти особенности книги Гвиччардини объясняются, с одной стороны, его личными качествами, с другой стороны, самым объектом изучения. Воспоминаниями старины, в особенности воспоминаниями античности,— а именно античная старина тогда особенно ценилась,— Нидерланды не были богаты. В этом отношении они совсем не были похожи на Италию.

Но Нидерланды XVI в. были передовой в хозяйственном отношении страной Европы, где на небольшом пространстве было сосредоточено много экономических центров. Нидерланды, кроме того, имели дробное административное деление и развитые местные общественные учреждения.

При жизни и после смерти Людовико Гвиччардини книга его высоко ценилась. Она была переведена на французский, латинский, немецкий, голландский, испанский и английский языки и издавалась в течение ста лет. Всего вышло 27 изданий полных и 8 сокращенных, главным образом на французском и латинском языках. В XVI и XVII вв. не было ни одного описания какой-либо страны, которое бы выдержало столько изданий.

Управление г. Антверпена наградило автора золотой цепью[1], а после его смерти отвело место для его могилы в кафедральном соборе и заказало одному из крупных местных гуманистов сочинить надгробную эпитафию. Эпитафия эта по распоряжению городского управления дважды подновлялась: в 1619 г. и через сто лет в 1719 г. В ней было сказано, что Людовико Гвиччардини «universam Belgicam eleganti studio descripsit»[2].

Как экономико-географическое произведение книга Гвиччардини слишком опередила свою эпоху. Поэтому она осталась одиноким явлением в истории географии. Дальнейшее развитие экономической географии пошло по пути, впоследствии получившему название «отраслевого».

§ 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XVI ВЕКЕ

Из работ XVI в., посвященных проблемам исторической географии, крупнейшее значение для ее развития имели труды Ортелия, знаменитого фламандского географа XVI в. (1527—1598).

Историко-географические труды Ортелия, пользовавшиеся большим авторитетом в XVI—XVII вв., впоследствии были забыты, но его основной

---

[1] *Boele van Hensbrock*. Lodovico Guicciardini. Descrittione di tutti i paesi bassi, de oudste beschrijving der Nederlanden in hare verschillende uitgaven en vertalingen beschouwd bibliographische Studie. Utrecht 1878 Bijlage A.

[2] *Van Even*. Lodovico Guicciardini. Annales de l'Academie d'Archeologie de Belgique XXXIII, 3-ème serie, tome III. Anvers 1876.

географический труд — «Theatrum Orbis Terrarum»— хорошо известен историкам географии[1].

Фламандская картографическая школа XVI в., наиболее выдающимися представителями которой были Ортелий и в особенности Меркатор, сыграла крупную роль в истории картографии. Центром, где она возникла и развилась, был г. Антверпен. Ее развитие именно здесь связано с тем значением, которое имел этот город в международной торговле второй половины XVI в.[2].

Как известно, в это время Антверпен был крупнейшим центром торговли колониальными товарами. Как указывает историк фламандской картографической школы бельгийский ученый Воверманс (Wauwermans)[3], Антверпен не был городом ученых. Картография возникла там из практических нужд, из потребности в картах для торговых путешествий.

Ее росту в этом городе весьма способствовал также тот факт, что во второй половине XVI в. Антверпен сделался крупнейшим центром книгопечатания.

Особенно значительную роль в книжном деле Антверпена этой эпохи играла фирма Плантена, деятельность которой имела общеевропейское значение.

Плантен был самым крупным из книгоиздателей XVI в. Его предприятие было значительно больше, чем предприятия двух других знаменитых издательских фирм — Альда Мануция и его преемников в Венеции[4] и фирмы Этьеннов во Франции[5]. Предприятие Плантена[6] было типичной мануфактурой значительных размеров с весьма мощным по тому времени типографским оборудованием. В годы расцвета фирмы на нее работало одновременно около 160 человек, частично в помещении фирмы, частично на дому. Кроме того, по заказам Плантена работали типографии и других владельцев и притом не только в Антверпене, но и в Лувене, в Генте[7].

Издание карт, а в сообенности такого крупного их собрания, каким был «Theatrum Orbis Terrarum» Ортелия, требовало значительных средств и мощной полиграфической базы. Поэтому не случайно, что Ортелий и другие представители фламандской картографической школы пользовались услугами Плантена для издания своих произведений[8].

---

[1] Литературу об Ортелии см. у Багрова «A. Ortelii catalogus cartographorum» («Petermanns Mitteilungen Ergänzungsheft», № 199, Gotha, 1928). Из наших историков картографии некоторое внимание Ортелию уделяет К. А. Салищев («Основы картоведения. Историческая часть.» М., 1943).

[2] Лучшим источником для характеристики Антверпена второй половины XVI в. является описание Нидерландов автора того времени Людовико Гвиччардини «Descrittione di tutti i Paesi Bassi», о котором уже говорилось выше. В исторической литературе характеристику экономики Нидерландов XVI в. см. в трудах Пиренна «Histoire de la Belgique». t. III. Bruxelles, 1907 и Эренберга «Das Zeitalter der Fugger». Jena, 1922.

[3] «Histoire de l'école cartographique belge et anveroise du XVI siècle», Bruxelles, 1895.

[4] Об Альде Мануции см. *Firmin Didot*. Alde Manuce et l'hellénisme a Venise. Paris, 1875.

[5] Об Этьеннах см. *Renouard*. Annales de l'imprimerie des Estienne. Paris, 1843.

[6] Фирма, основанная Плантеном, просуществовала три столетия. В 1876 г. типография вместе с коллекцией старинных орудий производства и архивом была за 1200 тыс. франков приобретена совместно управлением Антверпена и бельгийским правительством и превращена в музей. *Rooses*. Christophe Plantin Imprimeur anverois. Anvers, 1890, p. 378.

[7] См. *Rooses* Christophe Plantin Imprimeur anverois. Anvers. 1890, p. 239, 242—243.

[8] Взаимоотношения между Плантеном и современными ему фламандскими картографами подробно изучены на основании архива Плантена хранителем музея Плантена Денюсе в двухтомной монографии *Denucé*. Oud nederlandsche Kaartmakers in betrekking met Plantijn, t. I, 1912, t. II, 1913, Antwerpen en 's Gravenhage.

Как уже было указано выше, Ортелий положил конец тому смешению древней и новой географии, которое было свойственно географии XV—XVI вв.

«Ортелий был,— говорит автор выдающегося из старых буржуазных трудов по истории географической науки Вивьен де Сен-Мартен,— одним из первых, кто возымел мысль — еще нельзя сказать реализовал, но по крайней мере возымел мысль о радикальной реформе птолемеевской географии[1]. В качестве первого шага (comme point de départ) он отделил совершенно древнюю географию от географии современной, вполне понимая их связь и необходимую взаимозависимость»[2].

Это отделение древней географии от современной ему Ортелий совершил изданием атласа современной ему географии, который он назвал «Theatrum Orbis Terrarum»[3].

Возникновение атласа Ортелия было не только назревшим этапом в развитии географии, этапом, вызванным великими географическими открытиями, но и было связано с практическими экономическими потребностями эпохи.

Архив Ортелия и его племянника, принявшего в честь дяди фамилию Ortelianus, сохранился в Лондоне, куда Ортелиан эмигрировал, спасаясь от испанской инквизиции. Материалы этого архива, опубликованные Хессельсом в Кембридже[4], дают возможность выяснить, как у Ортелия возникла мысль составить «Theatrum Orbis Terrarum». В письмах к Ортелиану, интересовавшемуся историей возникновения атласа своего дяди, старый друг Ортелия Радемакер, служивший долго в антверпенской торговой фирме Гоофтмана, рассказывает, что его хозяин Гоофтман собирал отовсюду карты для составления маршрутов для своих приказчиков, которых он посылал по торговым делам. Для удобства пользования Радемакер посоветовал хозяину, подобрав карты сходных размеров, переплести их вместе. «Для этой цели,— писал Радемакер,— он мне поручил достать ему через Ортелия все карты Франции и Италии, которые можно достать размером не больше листа бумаги, и собрал таким образом том, составленный приблизительно из тридцати карт, который находится до сих пор у наследников Гоофтмана»[5].

В другом письме Радемакер сообщает Ортелиану, что он получил том карт Гоофтмана, «который послужил образцом для Theatrum Ортелия». В этом томе было 38 карт, главным образом напечатанных в Риме, но восемь карт было нидерландских. К сожалению, этот прототип атласа, натолкнувший Ортелия на мысль составить его «Theatrum Orbis Terrarum», не сохранился.

Прежде чем взяться за дело, Ортелий советовался с рядом лиц, в том числе с Меркатором, который, одобрив его намерение, разрешил ему напечатать свои карты Европы и Фландрии. «Theatrum Orbis Terrarum» вышел в свет 20 мая 1570 г. и был посвящен испанскому королю Филиппу II, под властью которого находились тогда Нидерланды.

Ортелий не был автором карт, включенных им в свой атлас. Его работа состояла в подборе карт, которые он считал лучшими, и в их редактировании. Географы конца XIX в. высоко оценивали редакторскую

---

[1] Самую реформу картографии осуществил другой знаменитый фламандский географ XVI в., друг Ортелия, Герард Меркатор.

[2] *Vivient de Saint Martin.* Histoire de la géographie et des decouvertes géographiques depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1873.

[3] Термин «атлас» введен позднее Меркатором.

[4] «Ortelii Abrahami et virorum eruditorum ad eundem et ad Jacobum Coelium Ortelianum epistolae». Edidit H. *Hessels.* Cantabrigae, 1887.

[5] Письмо от 25 июля 1603 г. (№ 330), цит. по *Wauwermans.* Histoire de l'école cartographique belge et anveroise du XVI siècle. Bruxelles, 1895.

Титульный лист исторического атласа Ортелия.

работу Ортелия. Так, один из основоположников геоморфологии, Рихтгофен, указывал, что Ортелий умел выбрать наиболее достоверные карты[1].

На каждой карте, из числа вошедших в атлас, Ортелий указал ее автора. Кроме того, к атласу был приложен список географов, карты которых были использованы Ортелием при составлении атласа.

Этот Catalogus auctorum tabularum geographicarum[2] Ортелия является ценным источником для истории географической науки[3].

«Theatrum Orbis Terrarum» Ортелия имел огромный успех. Он удовлетворял как практическим нуждам, так и культурным потребностям общества того времени. Уже в том же 1570 г. потребовалось три новых издания, и потом атлас переиздавался десятки раз.

Первое издание было выпущено на латинском языке. Уже в следующем после выхода в свет первого издания 1571 году атлас Ортелия был издан на фламандском языке, в 1572 г. он был переведен на французский и на немецкий языки, позднее на испанский (в 1588 г.), английский (в 1606 г., уже после смерти автора) и итальянский (в 1608 г.) языки.

На этих языках атлас неоднократно переиздавался.

Всего до сих пор известно 21 издание на латинском языке (в 1570 г.— четыре издания, по одному в 1571, 1573, 1574, 1575, 1578, 1579 гг., в 1584 — два издания, по одному в 1589, 1591, 1592, 1595, 1601, 1603, 1607, 1609, 1612 гг.), шесть французских изданий (в 1572, 1574, 1578, 1581, 1587, 1598 гг.), пять немецких (два в 1572 г. и по одному в 1573, 1580 и 1602 гг.), четыре испанских (в 1588, 1600, 1602 и 1612 гг.), два фламандских (в 1571 и 1598 гг.), два итальянских (в 1608 и 1612 гг.) и одно английское (в 1606 г.).

Кроме изданий in folio, издавалось также много раз как на латинском, так и на новых языках так называемое «Epitome Theatri Orbis Terrarum», т. е. издание атласа Ортелия малого формата.

Ортелий всю жизнь не переставал работать над своим атласом. Многочисленные издания «Theatrum Orbis Terrarum» не были простой перепечаткой первого издания. Карты атласа перерабатывались Ортелием. К ранее опубликованным картам прибавлялись новые, и объем атласа увеличивался.

В первом издании «Theatrum Orbis Terrarum» было 70 карт, напечатанных на 53 листах. Посмертное издание 1603 г. состоит уже из 107 карт на 118 листах. Список географов возрос с 87 до 183 имен.

Первой в атласе Ортелия была помещена карта земного шара («Typus orbis terrarum»). За нею следовали карты частей света и отдельных стран. Основное место было отведено странам Европы. Некоторым из них был посвящен целый ряд карт. Так, в посмертном издании 1603 г. Италии было отведено 20 листов (в первом издании 6), Нидерландам 14 (в первом издании 7), Франции 15 (в первом издании 4).

Среди карт Европы была и карта России. Ортелий воспользовался для этого картой Дженкинсона, которую он перепечатал под заглавием «Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio Auctore Jenkinsono Anglo, edita Londini anno 1562».

Ученые современники Ортелия встретили «Theatrum Orbis Terrarum» с одобрением, в том числе и Меркатор, которому Ортелий послал атлас и чьим мнением он особенно дорожил. В списке географов, карты

---

[1] См. *Richthofen*. China, Bd. 1, Berlin, 1877, S. 644.

[2] Его полное название — «Catalogus auctorum tabularum geographicarum quot-quot ad nostram cognitionem hactenus pervenere; quibus addidimus ubi locorum, quando et a quibus excusi sunt».

[3] См. работу Багрова «A. Ortelii catalogus cartographorum», опубликованную в «Petermanns Mitteilungen» (Ergänzungsheft, № 199, Gotha, 1928).

Портрет Ортелия.

которых использованы для «Theatrum Orbis Terrarum», Ортелий прилагает к имени Меркатора эпитет — nostri saeculi Ptolemaeus[1], что в глазах ученых той эпохи было высшей похвалой для географа.

Письмо Меркатора, в котором он дает высокую оценку «Theatrum Orbis Terrarum» Ортелия, последний систематически перепечатывал в последующих изданиях атласа.

Успех атласа доставил Ортелию почетное звание королевского географа. Сам кровавый герцог Альба, беспощадный, но безуспешный усмиритель Нидерландской революции, лично вручил ему в 1573 г. приказ о награде испанского короля Филиппа II, которому Ортелий посвятил атлас. Это было, как замечает Воверманс, исключительной честью[2].

Под конец жизни Ортелия, в 1596 г., его заслуги были отмечены и гражданами его родного города Антверпена: управление города поднесло ему роскошную серебряную вызолоченную вазу, подобную той, что несколько лет спустя получил от своих сограждан знаменитый фламандский художник Рубенс. Спустя сотни лет, в 1890 г., город Брюссель почтил память Ортелия, поставив его статую рядом со статуей Меркатора в национальном пантеоне.

Работа над «Theatrum Orbis Terrarum» натолкнула Ортелия на занятия исторической географией.

Предисловие к атласу он начинает, называя географию «глазами истории», с указания на необходимость знания географии для правильного понимания исторических событий[3].

Таким образом, уже при выпуске в свет «Theatrum Orbis Terrarum» первое, на что он хочет обратить внимание читателя, это — на помощь, которую может принести его труд при занятии историей.

Естественно, что, отделив современную географию от древней и выпуская атлас современной географии, Ортелий должен был ясно сознавать, что при занятиях историей нужнее карта историческая, чем современная. В том же направлении Ортелия толкали и его собственные исторические интересы.

Свою первую историческую карту, а именно карту Римской империи, Ортелий издал уже в следующем за выходом в свет «Theatrum Orbis Terrarum» 1571 г. Карта была выпущена отдельным изданием под заглавием «Romani imperii imago». Карта была посвящена Франциску Узодимаро, генуэзскому патрицию. Посвящение подписано — Abrahamus Ortelius Antverpianus.

В 1579 г. карта Римской империи была включена в «Theatrum Orbis Terrarum». Кроме нее были включены еще две исторические карты — карта древней Греции и карта путешествия апостола Павла. Обе карты имели подпись Ортелия, как автора.

Эти три карты составили особую часть атласа под названием «Parergon Theatri Orbis Terrarum».

Этот «Parergon» (т. е. дополнение) впоследствии постепенно развился в самостоятельный исторический атлас.

---

[1] Птолемей нашего века.

[2] *Wauwermans*. Histoire de l'école cartographique belge et anveroise du XVI siècle, Bruxelles, 1895.

[3] Ортелий оценивает значение географии для правильного понимания истории в следующих выражениях: «Cum omnibus perspectum satis esse credam, quanta sit cognitionis historarum utilitas, benigne lector; equidem mihi persuadeo neminem paene esse modo historias primis (quod aiunt) labris gustarit, qui nesciat, quam necessaria sit ad eas recte intelligendas geographiae (quae merito a quibusdam historiae oculus appellata est) cognitio. Multa enim in historiis occurrunt, ne dicam paene omnia, quae nisi aliqua locorum cognitione polleas non solum intelligi bene non possunt, verum etiam contra quam debeant nonnunquam intelliguntur».

В издании «Theatrum Orbis Terrarum» 1584 г. было прибавлено еще десять исторических карт, размещенных на семи листах. Это были карты древней Бельгии, древней Италии, Этрурии, древней Сицилии, древних Корсики, островов Ионического моря, Сардинии и Крита (последние четыре карты островов Средиземного моря были размещены на одном листе), островов Эгейского моря и древнего Египта. На всех этих картах стоит подпись Ортелия (обычно в форме — ex conatibus geographicis Abrahami Ortelii)[1].

В издании 1590 г. добавлен еще ряд исторических карт, причем по датам, на них обозначенным, карты эти составлены: в 1585 г.— карта древней Фракии, в 1586 — карта древней Испании, карта странствования патриарха Авраама и карта замечательных мест в царствах Израильском и Иудейском, в 1587 г.— карта древней Германии, в 1590 г.— обзорная карта древнего мира, карта Галлии по запискам Цезаря, карта Британских островов в древности, карта Паннонии и Иллирии, карта Понта Эвксинского, карта Цизальпинской Галлии, карта северной Африки в древности (без Египта), и легендарный пейзаж Темпе в Фессалии.

Из этих карт лишь одна карта Израильского и Иудейского царств показана как составленная Тилеманом, все остальные подписаны Ортелием.

В издании «Theatrum Orbis Terrarum» 1595 г. добавлено в состав «Parergon» еще несколько карт, причем датированы 1594 г.: карта Галлии эпохи Страбона, карта древней Бельгии (переработанная карта 1584 г.) и карта плавания Энея по Энеиде Виргилия; 1595 г. датированы: обзорная карта древней Европы, карта Лациума, карта Великой Греции, карта Дакии и Мезии, карта Британских островов (уменьшенная копия карты 1584 г.), карта древнего Египта (переработка прежней карты), карта походов Александра Македонского и легендарный пейзаж Daphne. Все карты подписаны Ортелием.

В посмертном издании 1601 г. включены еще «Erythraei sive Rubri Maris periplus», датированный 1597 г.; «Geographia sacra» — обзорная карта, датированная 1598 г., и «Argonautica» — датированная тоже 1598 г. Все три имеют подпись Ортелия. В издании 1603 г. в состав «Parergon» включен еще план эскуриала.

В 1612 г. издатель Moretus, преемник Плантена, включил в «Parergon» так называемую «Tabula Peutingeriana»[2]. Над подготовкой этой карты к изданию Ортелий начал работать незадолго до смерти, но она вышла в свет отдельным изданием лишь 1 декабря 1598 г., т. е. уже после того, как он умер.

Таким образом, над составлением исторических карт Ортелий начал работать с момента выхода в свет его «Theatrum Orbis Terrarum» и работал до самой смерти. Так как до 1579 г. им была выпущена только одна карта Римской империи, то в основном труд по составлению исторических карт падает на последние двадцать лет жизни Ортелия.

При составлении «Theatrum Orbis Terrarum», как уже было указано, работа Ортелия состояла почти исключительно в подборе и редактировании карт. Указание на его личное авторство там встречается редко.

В противоположность этому, «Parergon» является почти всецело оригинальным трудом Ортелия. Как видно из приведенного перечня карт, почти все карты, вошедшие в «Parergon», составлены лично Ортелием на основании текстов античных писателей.

---

[1] Из географических опытов Авраама Ортелия.

[2] «Tabula Peutingeriana» — дошедшая до нас древнеримская карта IV в. н. э. О работе над нею Ортелия см. ниже.

Карты размещались в Parergon'е не в хронологическом порядке их составления автором, а в определенной логической системе. Посмертное издание 1603 г. разделено на две неравные части. Первая, меньшая часть посвящена библейской истории, вторая, основная часть отведена античности.

Включение в атлас карт библейской истории и помещение их в начале атласа являются следствием того внимания к религиозным вопросам, которое было свойственно XVI столетию.

Гуманисты XV в. в своих исторических произведениях или совсем не затрагивали, или лишь бегло касались событий церковной истории. Реформация и борьба с нею католической церкви создали церковно-историческую литературу как у протестантов, так и у католиков. Естественно, что, создавая свой первый в мировой истории исторический атлас, Ортелий счел нужным включить в него карты по библейской истории. Естественно также, что он поставил эту часть на первое место в атласе. Но внимание Ортелия поглощено в основном проблемами античной географии.

Каждая карта на обратной стороне снабжена текстом, относящимся к изображенной на карте территории. В этом тексте, более пространном, чем текст на обратной стороне карт в «Theatrum Orbis Terrarum», Ортелий обычно прежде всего останавливается на названии данной страны в древности и у древних авторов, на ее границах и на населявших ее народах, уделяя этому много внимания. Здесь же обычно даются краткие указания об административном делении страны. Далее приводятся высказывания древних авторов о данной стране.

Иногда при этом дается значительное количество цитат из древних авторов, так что получается нечто вроде маленького собрания отрывков из античных писателей, относящихся к данной стране, например, так сделано по отношению к родной Ортелию Бельгии. При подборе этих высказываний античных писателей автор часто стремится подобрать преимущественно суждения — оценки древних авторов, иногда даже лишь краткие эпитеты, характерные для взглядов античности на значение данной страны, например, для Италии приводится такой материал: «Caelestem Italiam et Reginam mundi vocat hanc regionem Aeticus; Rerum Dominam—Rutilius; Gentium Dominam—Mamertinus; Beatissimam totius Europae—Dion Prusaeus. Totius Orbis optimam esse docet lib. I. Halicarnasseus multis de causis. Strabo ait huius praestantiam neminem posse pro dignitate verbis explicare»[1].

Далее приводится более пространное суждение Плиния подобного же содержания и делается ссылка на аналогичные высказывания Полибия, Варрона, Страбона и Виргилия. Для Рима выписано более сотни эпитетов нескольких десятков авторов («domina terrarum, orbis caput, patria libertatis, aeterna, magna»[2] и т. п.).

Затем часто приводится краткая сводка суждений античных авторов о природе страны и о быте и нравах ее обитателей.

Эти сводки составлены более подробно для Галлии, где Ортелий уделил особое внимание друидам, которыми он специально занимался, и для Германии. Для этих стран пришлось, кроме использования оборотной стороны карт, ввести также специальные дополнительные листы, занятые одним лишь текстом. Чтобы дать представление о характере построения

---

[1] «Небесной Италией и царицей мира называет эту страну Этик, госпожей истории — Рутил, госпожей народов — Мамертин, богатейшей во всей Европе — Дион Прусей; Дионисий Галикарнасский доказывает, что в силу многих причин она является лучшей во всем мире. Страбон говорит, что никто не может выразить надлежащими словами ее превосходство».

[2] «Господин земель, глава мира, отечество свободы, вечный, великий».

Ортелием этих сводок высказываний античных авторов о природе и населении страны, для которых им составлены исторические карты, остановлюсь в нескольких словах на соответствующем месте текста по Германии.

Ортелий приводит отзывы древних о климате, почвах и растительности Германии, особенно подчеркивает ее лесистость, приводя указания Цезаря о размерах Герцинского леса. Он говорит о ее животном мире, тщательно отмечает также указания античных авторов на наличие в Германии залежей металлов. Описывая древних германцев, Ортелий приводит указания античных писателей об их наружности (рост, цвет глаз и волос), одежде и пище, причем на одежде и пище останавливается сравнительно подробно, связывая это с занятиями населения страны.

Много внимания уделяет Ортелий указаниям на отсутствие у германцев городов, отмечает разбросанность жилищ и редкость построек из камня и кирпича.

Особенно тщательно собирает Ортелий рассказы классических писателей о религии германцев, об их воинственности, предметах вооружения.

Он пробует также собрать отзывы древних о нравах германцев, их добродетелях и пороках. Здесь он попадает в затруднительное положение, приводя суждения, противоречащие одно другому. Он пытается выйти из затруднения, отдавая предпочтение отзывам Тацита, как наиболее компетентного автора.

Но, опровергая ссылкой на Тацита утверждение Секста Эмпира о половой распущенности германцев (mentiri Sextum Empyrum palam est aut saltem eius interpretem Gent. Heruetum ubi scribit apud Germanos mascula Venere uti non turpe esse sed receptum), он, однако, оставляет рядом указания на лживость древних германцев и на их честность. Всего для характеристики природы и населения древней Германии Ортелий привлек свыше пятидесяти древних авторов. Но при стремлении использовать насколько только возможно высказывания всех древних авторов, написавших хотя бы лишь несколько слов о Германии (цитируются даже поэты, например, Гораций), Ортелий все же в основном опирается прежде всего на Тацита, компетентность которого он подчеркивает (Tacitus cui Germania exploratissima), и, кроме того, на Цезаря и Плиния, т. е. на авторов, у которых он мог найти более обильный и не случайный материал.

Германию Ортелий характеризует в целом, не пытаясь установить какие-либо пространственные или временные различия. Впрочем, некоторое представление об изменениях во времени и у него безусловно имеется; например, говоря о религии германцев, он при перечислении их богов выражается так: «Deorum numero eos solos ducunt (si Caesari creditur), quos cernunt; Solem, Lunam et Vulcanum. Postea tamen, ut patet ex Tacito, qui vixit sub Nerva Imp. sibi alios quoque Deos adscivere, ut Mercurium, Herculem (quem, si fides Luciano, ipsi Ogmion vocabant), Martem, Ysidem et Matrem deorum, item Alcim quendam»[1], т. е. Ортелий указывает на различия в составе божеств древних германцев во времена Цезаря и времена Тацита. Как видно из этой же цитаты, а также из других мест текста «Parergon», Ортелию не чуждо представление о различной степени достоверности приводимых им свидетельств древних авторов, однако приемы исторической критики ему совершенно чужды. Филологической критикой текста он сам не пытается заниматься, но иногда приводит мнения по

[1] Богами они считают только тех (если верить Цезарю), которых видят: солнце, луну, огонь. Потом, однако, как это видно из Тацита, который жил в правление императора Нервы, они признали также и других богов — Меркурия, Геркулеса (которого, если верить Лукиану, они сами называли Огмионом), Марса, Изиду и мать богов, а также некоего Альция.

поводу чтения текста современных ему знатоков древности, так, например, в этом же описании Германии Ортелий приводит одно исправление, предлагаемое Липсием в тексте Тацита.

Перехожу к характеристике отдельных карт исторического атласа Ортелия.

Отдел «Geographia sacra» состоит из следующих карт:

1. «Geographia sacra» (дословно — священная география). Карта дает общий обзор Передней Азии, Зап. Европы и Северной Африки, т. е. территорий, в той или иной мере бывших ареною излагаемых в писании событий. Основная нагрузка карты сосредоточена в Передней Азии и в Египте, в особенности же в Палестине. Отдельной врезкой дана маленькая карта земного шара, на которой указаны те места, где, по мнению богословов того времени, могла находиться так называемая страна Офир.

2. «Palaestinae sive totius terrae promissionis nova descriptio» (Новое описание Палестины или всей земли обетованной). На карте дана Палестина с Синайским перешейком и нижним Египтом.

3. «Typus chorographicus celebrium locorum in regno Iudae et Israhel artefactus a Tilemanno Stella Sigenensi» (Географический обзор знаменитых мест в царстве Иудейском и Израильском). Карта представляет собою в увеличенном масштабе часть предыдущей карты, а именно карту Палестины. Любопытны условные обозначения к карте. Ортелий различает здесь: 1) столицы и значительные города, 2) менее значительные города, 3) округа, деревни и поместья (villae), 4) жреческие общины и убежища, 5) города филистимлян, 6) места, относящиеся к колену Ефремову, 7) места, относящиеся к колену Симеонову.

4. «Peregrinatio Divi Pauli. Typus chorographicus» (Путешествие святого Павла. Карта).

Ортелий дает здесь карту Передней Азии, южной части Балканского полуострова, южной и средней Италии и части северной Африки, как территорий, в пределах которых, согласно указаниям христианского священного писания, происходило путешествие апостола Павла.

5. Abrahami patriarchae peregrinatio et vita (Путешествие и жизнь патриарха Авраама). Ортелий дает здесь карту Палестины, которая должна служить пособием при чтении соответствующих мест библии. Кроме основной карты дана врезка, на которой обозначен пунктиром путь (iter) патриарха Авраама. Карта датирована 1586 г. На оборотной стороне карты крупным шрифтом сделана надпись: «Sacris absolutis profana nunc aggrediamur»[1].

Со следующего листа начинается основной в Parergon'е атлас античной истории, состоящий из следующих карт:

1. «Aevi veteris typus chorographicus» (Обзорная карта древнего мира). На карте изображены: Европа, Азия (кроме севера обеих) и Африка (кроме юга), обозначены полярные круги, тропики и экватор. Оба умеренных пояса названы зоной умеренной и обитаемой (несмотря на то, что в южном умеренном поясе суши не показано), тропический пояс назван жаркой зоной, которую древние считали необитаемой вследствие чрезмерной солнечной жары (ob solis nimium fervorem). На местах карты, обозначающих холодные пояса, отмечено — «зона холодная и необитаемая».

Задача карты, таким образом,— показать известную древним часть земного шара, а также их представление о влиянии климата на обитаемость земли. В тексте на обороте карты приведены «Veterum testimonia quaedam de tabulis geographicis».

---

[1] Закончив с религиозной тематикой, приступаем теперь к светской.

2. «Romani imperii imago» (Изображение римской империи). Особыми врезками даны генеалогия римских царей и краткий перечень римских завоеваний. В конце этого перечня указаны в качестве границ Римской империи «на западе Океан, на севере Рейн и Дунай, на востоке Тигр, на юге горы Атлас».

Указаний, на какую именно дату дана карта Римской империи, на карте нет. В состав империи включены полностью Британские острова, на Кавказе включены Армения и Иберия (древнее название восточной Грузии), не включена Албания (древнее название нынешнего Азербайджана).

В кратком тексте на оборотной стороне карты нет никаких указаний на источники, на основании которых автором составлена номенклатура карты и установлено ее размещение по карте. Есть лишь общее указание на кн. XIV Аммиана Марцеллина.

Это отсутствие ссылок на источники, на основании которых построена карта, является типичным и для всех последующих и предыдущих карт.

3. «Europam sive Celticam sic describere conabar Abrah. Ortelius». (Европу или Кельтику так пытался изобразить Авраам Ортелий). Задача карты дать общий обзор Европы в древности. Каких-либо политических границ на карте нет. Нанесены названия стран (Италия, Великая Греция, Галлия Цизальпинская, Германия, Дакия, Скифия и т. п.). Для территории, не входившей в состав Римской империи (о ней на карте нет упоминаний), даны названия некоторых из проживавших там в древности народов, например, свевы, кимвры, саксы и т. п., в числе их названы между прочим анты, помещенные Ортелием между Днепром и Бугом, и венеды — по Балтийскому побережью на правом берегу Вислы. Нанесены также важнейшие города, например, Рим, Равенна, Генуя, Пиза, Кремона, Аугуста-Претория, Медиолан (Милан), Верона, Анкона, Партенопе (Неаполь), Брундизий, Тарент в Италии.

Кроме этого, показан еще Герцинский лес, занимающий на карте огромное пространство от Рейна до Оби.

4. «Britannicarum insularum typus» (Изображение Британских островов). На карте нанесены названия народов, населявших в древности Британские острова, и многочисленные населенные пункты. Показаны Hadriani murus и Severi murus[1], показано место высадки Цезаря и место его переправы через Темзу. Сделана попытка указать места расположения римских легионов.

5. «Hispaniae veteris descriptio» (Описание древней Испании). Красками дано деление страны на три части: Hispania terraconensis, Baetica и Lusitania. Как и на карте Британских островов, даны названия племен и населенных мест.

Имеется врезка, изображающая Gades insula et urbs с прилегающими частями побережья в увеличенном, по сравнению с главной картой, масштабе.

6. «Galliae veteris typus» (Изображение древней Галлии). Составлено по типу предыдущей карты. Красками Галлия разделена на Narbonensis, Aquitanica, Lugdunensis, Belgica. Имеется указание — Nomenclaturae et positionis locorum huius tabulae testimonia pete ex Thasauro nostro Geographico[2].

7. «Gallia Vetus. Ad Julii Caesaris commentaria» (Древняя Галлия. Карта к Запискам о Галльской войне Юлия Цезаря).

---

[1] Линии укреплений, построенные римлянами в Британии, названы по именам императоров.

[2] Обоснование номенклатуры и размещения мест на этой карте смотри в нашем «Географическом словаре» (о «Географическом словаре» Ортелия см. ниже).

Как указано в тексте на обороте карты, она составлена Ортелием, специально к Запискам о Галльской войне Цезаря и содержит только географические названия, встречающиеся у Цезаря. На полях карты приведены перечень галльских вождей, упоминаемых Цезарем, и краткая характеристика некоторых галльских племен, сделанная Цезарем в названном выше сочинении.

8. «Belgii veteris typus» (Изображение древней Бельгии). Составлена по образцу предыдущих. Все географические названия на карте разделены на четыре категории по степени древности: vetustiora (древнейшие), paulo recentiora (немного более поздние по отношению к первым), nulla autem antiquitate illustria (не отличающиеся древностью) и recentissima (новейшие).

Для каждой категории названий употреблен особый шрифт.

Обозначены места расположения римских легионов. Отмечены место моста через Рейн, построенного Цезарем при его походе в Германию, и pons Juliano apostata et Carolo magno factus («мост, сделанный Юлианом Отступником и Карлом Великим»).

Залив Зейдерзее, образовавшийся в XIII в. н. э., на карте отсутствует, между тем как на картах XVI в. в «Theatrum Orbis Terrarum» этот залив показан. Это показывает, что Ортелий учитывал изменения природы, происшедшие за историческое время. Подчеркивается лесистость Бельгии обозначением многочисленных лесных массивов.

9. «Germaniae veteris typus» (Изображение древней Германии). Ортелий указывает в особой надписи в углу карты, что географические названия, возникшие во времена Карла Великого, он не включает в число древних и поэтому не отмечает их на карте. Показано расположение римских легионов на Дунае. Отмечены: catarrhactes Danubii, qui hinc Orientem versus Ister vocatur (пороги Дуная, который отсюда по направлению к востоку называется Истром).

Вся средняя Германия показана занятой Герцинским лесом, в пределах которого отмечены Cesia silva и Тевтобургский лес. По Балтийскому побережью и на юге лесов не показано. По левому берегу Средней Эльбы показаны Suesia Mesia et Melsiadum paludes.

10. «De institutione et ordine imperii Germanici tabula I» (Таблица о структуре Германской империи).

11. «De institutione et ordnine imperii germanici tabula» II.

Обе таблицы представляют собою не карты, а рисунки, поясняющие государственное устройство средневековой Германской империи времен Оттона IV.

12. «Pannoniae et Illyrici veteris tabula» (Карта древних Паннонии и Иллирии). Красками карта разделена на Иллирию и Паннонию, причем последняя пунктиром и тонами одной и той же желтой краски, которой она закрашена, в свою очередь разделена на верхнюю и нижнюю Паннонию. На территории нижней Паннонии надписями обозначены ее отдельные части — Pannonia Bubalia, Pannonia Savia, Pannonia Amantina, Pannonia Cibalienis. На территории последней отмечено Hiulca Palus (болото). Кое-где по Дунаю показано расположение римских легионов.

13. «Italiae veteris specimen» (Изображение древней Италии).

Ортелий дает здесь обзорную карту всей Италии (материковой и полуостровной) в древности, вместе с прилегающими мелкими островами. Вся карта окрашена одним цветом. Исторические области страны и территории населявших ее в древности народов обозначены лишь надписями без указания границ. Таким способом отмечены Цизальпинская Галлия, Лигурия, Этрурия, Лациум, Калабрия, Великая Греция, Сабины, Самниты, Умбры и т. д. Надписями же показаны undecim regiones (одинна-

дцать областей), на которые, согласно свидетельству Плиния, Италия была разделена Октавианом Августом.

14 «Italia Gallica sive Gallia Cisalpina» (Галльская Италия или Галлия Цизальпинская). Задача этой и последующих трех карт возможно подробнее дать географию важнейших частей древней Италии. Красками представленная на карте территория разделена на две части: Лигурию и Цизальпинскую Галлию в собственном смысле слова. На части карты, посвященной последней, надписями обозначены прежде всего две ее основные части — Циспаданская и Транспаданская Галлия и далее тем же способом даны более мелкие подразделения, например, Ретия.

Названия народов и населенных пунктов как на этой, так и на следующих картах, посвященных частям Италии, приведены с возможной полнотой, причем здесь Ортелий особенно часто прибегает к приему, употребляемому им на большинстве его исторических карт, а именно к указанию непосредственно на самой карте различий в наименовании тех или иных географических объектов у разных авторов древности, а также к предположительной локализации того или иного географического названия на карте. Ортелий тщательно отмечает колонии, выведенные римлянами в Цизальпинскую Галлию. Относительно некоторых населенных пунктов, замечательных в истории римской литературы, сделаны указания об этом непосредственно на карте, а именно отмечены места, где родились Виргилий и Катулл.

Указаны римские дороги. Отмечено местонахождение упоминаемых у древних лесов — Padaneae silvae в низовьях По, Castorum lucus, urbs sylva.

Тщательно обозначена география болот в низовьях По и даны их названия (Равеннские болота, Atrianorum paludes quae et septem maria).

15. «Tusciae antiquae typus» (Изображение древней Этрурии). Карта такого же типа, как и предыдущая. Деление Этрурии на части дано надписями (Etruria maritima, Etruria transciminia, Etruria Lartheniana). Тем же методом указано размещение племен. Как и на предыдущей карте, отмечены римские колонии, даны римские дороги.

Непосредственно на карте указаны три места, замечательные в историческом отношении.

16. «Latium» (Лациум). Карта составлена аналогично двум предыдущим. Надписями указаны Latium vetus и Latium novum, а также названия племен. Кроме населенных пунктов, указаны виллы Плиния и Лукулла, могилы Сципиона, Энния и Галлиена и храм Доброй надежды, помечены мосты через Тибр и Арно — Milvius (он помещен также и на карте Этрурии), Numentannus, Mammeus, Lucanus.

Даны римские дороги и обозначены леса и священные рощи.

Отмечена площадь, занятая Понтийскими болотами, с указанием их названий у разных авторов.

Указан на берегу Тирренского моря мыс Цирцейский и на нем город Цирцеи, где некогда был дом Цирцеи.

Это место изображено также отдельно в виде врезки.

В тексте на обороте карты, разбирая свидетельства античных авторов об этом месте, Ортелий отмечает также и наличие в данной местности античной надписи, указывавшей, что здесь было жилище легендарной Цирцеи.

17. «Itala nam tellus Graecia maior erat. Ovid. 4 Fast.». (Карта южной Италии, называвшейся Великой Грецией). Карта построена по образцу предыдущих. На карте около значка, указывающего местоположение Канн, сделана надпись: Cannae locus clade Romanorum nobilis (Канны —, место, известное поражением римлян).

Кроме населенных пунктов, отмечены источник Аретуса и храм Минервы.

Римские дороги на карте не указаны. Имеется отдельная врезка — острова Диомеда.

18. «Siciliae veteris typus» (Изображение древней Сицилии). Составлена аналогично картам Италии. Указана Valeria via, причем пунктир, ее обозначающий, проведен по прямой между Lilybaeum на западном берегу и Massana на восточном, т. е. указаны не дорога, а лишь пункты, которые она соединяла. Отмечена Pergus lacus et Vinbilicus Siciliae. Hic Proserpinam a Plutone raptam ferunt (т. е. здесь, по преданию, Прозерпина была похищена Плутоном). Показаны Сцилла и Харибда.

На северо-восточном берегу Сицилии сделана надпись: Solis boves in hoc littore stabulari credidit antiquitas. (Древние думали, что на этом берегу был хлев быков солнца).

Отдельной врезкой даны в большом масштабе Сиракузы с окрестностями.

19. «Daciarum Moesiarumque vetus descriptio» (Описание древних Дакии и Мезии).

Красками карта разделена на пять частей: Moesia superior, Moesia inferior, Дакию, территория которой не отмечена одной общей надписью, а делится надписями на Dacia mediterranea, Dacia ripens, Dacia alpestris, территорию между Тиссой и Дунаем, помеченную именем народа Iazyges Metanastae, и территорию между нижним течением Дуная, Прута и Днестра, не имеющую относящейся к ней в целом надписи.

Более мелкие подразделения указаны надписями на карте. Крупным шрифтом отмечены геты. Кроме обычной на исторических картах Ортелия географической номенклатуры, отмечено место ссылки Овидия, а также место погребения императора Галерия, река, в которой царь Децебал скрыл свои сокровища, и Золотая гора, которую император Проб засадил виноградниками.

В горах показаны проходы из Мезии в Дакию. Указана колония римлян в Дакии — Ulpia Traiana. Внизу в особой виньетке приведен отрывок из Овидия:

Praefuit his Gracine locis modo Flaccus, et illo
Ripa ferox Istri sub duce tuta fuit.
Hic tenuit Mysas gentes in pace fideli,
Hic ara fisos terruit ense Getas.

Ovid. 4 de Ponto Eleg. 9.

20. «Pontus Euxinus. Aequor Jasonio pulsatum remige primum». (Понт Эвксинский, море, по которому впервые плыли гребцы Язона).

Карта дает Черное море и его берега. Красками выделены Scythiae sive Sarmatiae Europaeae pars (от Днестра до Дона), Sarmatiae Asiaticae pars (до Колхиды включительно) и Taurica, quae et scythica Chersonesus — на северном побережье Черного моря. Река Танаис (Дон) принята как граница между Европой и Азией.

На южном берегу красками выделены побережье Малой Азии (без обобщающей надписи), Thraciae pars (сюда включена и Мезия предыдущей карты) и Daciae pars (так в данном случае названо пространство между нижними течениями Дуная и Днестра). Азовское море названо Меотидским болотом (Maeotis palus).

В Скифии обозначены по берегам Черного и Азовского морей греческие колонии и размещены скифские племена. В Крыму по Яйле показан лес, на Кавказе его не показано, за исключением небольшого lucus Martis в Колхиде.

В европейской Скифии помещены Рипейские горы; около них на карте показаны леса. Данная карта представляет собою первую историческую карту части территории нашей страны, вычерченную именно как карта прошлого данной территории, а не как карта ее настоящего, каковой была карта этой территории, приложенная к труду Птолемея.

21. «Thraciae veteris» typus (Изображение древней Фракии). По характеру построения ничем не разнится от остальных исторических карт Ортелия. Краской выделен Галлипольский полуостров под названием Hersonesus.

22. ἑλλὰς Graecia». На карте даны как европейская Греция с островами, так и значительная часть Малой Азии. В европейской Греции красками выделены Пелопоннес, Средняя Греция, Эпир, Македония; Фессалия окрашена тем же цветом, что и Македония. Исторические области Греции (Аттика, Лакония и т. п.) отделены друг от друга пунктиром и на их территории сделаны соответствующие надписи. Географическая основа карты европейской Греции и островов является самой несовершенной из основ всех исторических карт Ортелия, посвященных европейским странам. Македония показана простирающейся до Адриатического моря. Вообще неправильности в распределении территории Греции между ее историческими областями резко бросаются в глаза и в значительной степени объясняются искажением географической основы. Карта Малой Азии красками разделена на Pontus et Bithinia, Asia propria, Lycia и прилегающие к ним с востока Galatiae pars и Pamphiliae pars. При названиях географических пунктов нет пометок об исторических событиях, доставивших известность данному месту, подобно тому, как это было сделано на картах Италии.

23. «Insularum aliquot Aegaei maris antiqua descriptio» (Описание некоторых островов Эгейского моря в древности).

Лист состоит из десяти отдельных карт островов разных размеров, каждая в особой рамке.

В центре карта Кипра под заглавием — Cyprus insula laeta choris blandorum et mater amoris. (Кипр, остров славный соблазнительными хороводами и мать любви).

Кроме населенных пунктов, на ней отмечены два храма Венеры, Холм Венеры и жертвенник (fanum) Венеры и храм Изиды. Указан также promontorium unde proiciuntur qui Apollinis aram attigerunt. (Мыс, откуда сбрасываются те, кто коснется жертвенника Аполлона).

Показаны не отмеченные в Греции рощи: Apollinis lucus, Iovis lucus, Idasium nemus; а также леса на горе Акатаманта и на горе Олимп.

24. Сборный лист без общего заглавия. Больше половины его занято картой Крита под заглавием «Creta Iovis magni medio iacet insula ponto». (Крит, остров великого Юпитера, лежит по середине моря).

Кроме населенных пунктов на карте отмечено несколько мест, связанных с греческой мифологией, а именно: Ida mons, qui et Chrysomallus, Iovis cunabula (гора Ида, она же Хризомал, колыбель Юпитера), Aegiochus, locus educationis Iovis (Эгиох, место воспитания Юпитера) и лабиринт, обозначенный особого рода небольшим чертежом, напоминающим идею знаменитого критского лабиринта. Подобно тому как и на Кипре, отмечены горы и рощи. Кроме карты Крита, на данном листе помещены еще три значительно меньшего размера карты, а именно карты Корсики, Сардинии и островов Ионического моря.

25. «Africae propriae tabula, in qua Punica regna vides; Tyrios et Agenoris urbem» (Карта собственно Африки, на которой видны пунические царства, место обитания карфагенян и город Агенора).

На карте представлена территория, соответствующая примерно пространству, входившему в состав римской провинции Африки с прилегающей частью Нумидии. На карте этих названий нет, в объяснительном тексте на обороте карты имеются соответствующие указания.

Вся карта окрашена одинаково, но пунктиром и полосою более густого тона выделена Numidia nova. В остальном деление страны на части обозначено надписями. Отмечены римские колонии. Кроме названий народов и населенных пунктов, на карте имеются также указания на местоположение Charitum sive Gratiarum collis (холма Харит или Граций) и садов Гесперид. Внизу отдельной врезкой дан Sinus Carthaginensis ipsaeque urbis atque locorum aliquot vicinorum plenior descriptio, т. е. карта Карфагенского залива и самого города Карфагена и его окрестностей.

26. «Aegyptus antiqua» (Древний Египет).

Красками территория, представленная на карте, разбита на Aegyptus inferior, Heptanomia, Aegyptus superior. Территория Египта на карте дана до большого Катаракта (Cataracter maior): расположение номов указано надписями.

Содержание карты Ортелий в тексте характеризует так: Regionis situm, flumina, montes, urbes, miracula aliaque pro paginae capacitate descripsimus[1]. Среди замечательных мест указана гробница Помпея. Особой врезкой дан Alexandrinorum nomus. Объяснительный текст к карте начинается с указания, что Египет—дар Нила и что древние думали, что его территория была некогда заливом Средиземного моря, заполненным потом отложениями Нила.

В тексте Ортелий подчеркивает также плодородие Нильской долины и роль Египта в истории культуры — «Gentem ingeniosam esse ex Historia cognoscitur: in artibus reperiendis sollertes et in cognitione rerum indaganda sagaces esse annotatum est a Gellio; compotem divinarum omnium disciplinarum a Macrobio, qui Aegyptum artium matrem vocat»[2].

27. «Alexandri Magni Macedonis expeditio» (Поход Александра Великого Македонского).

Карта представляет собою не изображение маршрутов, по которым совершал свои походы Александр Македонский, а карту территорий, по которым эти походы совершались. Между прочим на карте изображена и территория нашей Средней Азии, завоеванная Александром. В числе городов на ней отмечены и Мараканды, предположительно принимаемые историками за «предка» нынешнего Самарканда[3]. Окс и Яксарт[4] (у Ортелия Orxantes) показаны впадающими в Каспийское море, Аральское море совсем не показано. Вообще географическая основа карты, как это вполне понятно из состояния географических знаний в ту эпоху, гораздо несовершеннее, чем для стран Европы.

Карта украшена рисунком, который должен изображать Iovis Ammonis oraculum, и изображением монет Александра Македонского. На море у южного берега Персии нарисованы семь кораблей, около которых сделана надпись — «Classis Alexandri Magni sub praefecto Nearcho»[5].

28. «Aeneae Troiani navigatio. Ad Virgilii sex priores Aeneidas» (Плавание троянца Энея. К первым шести песням Энеиды Виргилия).

---

[1] Мы изобразили местоположение страны, реки, горы, города и другие достопримечательности, насколько могла вместить страница карты.

[2] «Из истории известна одаренность народа; Геллий указывает, что египтяне изобретательны в искусствах и проницательны в познании природы; Макробий считает Египет обладающим всеми божественными знаниями и называет его матерью искусств».

[3] См. *В. В. Бартольд*. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 2.

[4] Античные названия современных рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

[5] Флот Александра Великого под начальством Неарха.

Карта вычерчена Ортелием в качестве пособия при чтении Энеиды Виргилия. На карте изображена восточная и средняя части Средиземного моря с прилегающими берегами Северной Африки и Малой Азии, а также Италия и Балканский полуостров. Географическая номенклатура соответствует целевой установке карты. Ортелий не сделал попытки обозначить самый путь следования кораблей Энея.

29. «Erythraei sive Rubri maris periplus, olim ab Arriano descriptus nunc vero ab Abrahamo Ortelio ex eodem delineatus». (Перипл Эритрейского или Красного моря, некогда описанный Аррианом, теперь по его описанию вычерченный Авраамом Ортелием). На карте дан Индийский океан с берегами Африки (к северу от Мадагаскара) и Азии. На берегах нанесены названия прибрежных пунктов. Термином «Эритрейское море» Ортелий обозначает Индийский океан, современное Красное море у него названо Арабским заливом.

Внизу особой врезкой дана небольшая карта под заглавием: Ulissis errores (т. е. Скитания Одиссея). Задача этой небольшой карты помочь читателю Одиссеи Гомера. На карте изображены территории Греции, западного побережья Малой Азии и Южной Италии с омывающими их морями. Таким образом, назначение данной небольшой карты аналогично задачам предшествующей большой карты путешествия Энея. Небольшие размеры карты наглядно демонстрируют хорошо известный факт значительно меньшей популярности среди образованных людей XVI в. греческих классиков по сравнению с латинскими писателями.

Вверху маленькими врезками даны побережье, описанное в перипле Ганнона, и карта Арктики. На последней карте в середине изображен большой остров, на котором имеется надпись «Hyperborei». В центре этого острова помещен Polus Arcticus. Помещение этой маленькой карты, не имеющей непосредственного отношения к античной древности, Ортелий в тексте мотивирует главным образом соображениями эстетического порядка — желанием сохранить симметрию в компановке всего листа (Huius delinationem adiunximus corollarii et proportionis decorisque huius Tabulae gratia, ut haberet nempe qua responderet formae Hannonis Peripli).

Последние три листа исторического атласа Ортелия заняты не картами, а рисунками. Первый из этих рисунков изображает легендарный пейзаж Темпе в Фессалии, внизу рисунка помещена цитата из Метаморфоз Овидия, где поэт упоминает о Темпе. На втором листе нарисован Daphne Antiochiae Suburbium. Третий, последний, в посмертном издании 1603 г. лист занят изображением Эскуриала, о котором уже говорилось выше.

В качестве приложения к Parergon'у, присоединен Nomenclator Ptolemaicus; Omnia locorum vocabula, quae im tota Ptolemaei Geographia occurrunt continens: ad fidem Graeci codicis purgatus; in ordinem non minus utilem quam elegantem digestus, т. е. указатель географических названий, встречающихся у Птолемея.

Вторым историко-географическим трудом Ортелия, трудом, возникшим в связи с работой над атласом, был историко-географический словарь. Первоначально этот словарь входил в состав «Theatrum Orbis Terrarum» под заглавием: «Synonymia locorum». В 1578 г. Ортелий выпустил этот словарь отдельной книгой в издательстве того же самого Плантена, который издавал атлас Ортелия. Книга имела, соответственно обычаю того времени, длинное заглавие — Abrahami Ortelii Antverpiani Synonymia Geographica sive Populorum, Regionum, Insularum, Urbium, Opidorum, Montium, Promontoriorum, Silvarum, Pontium, Mariùm, Sinuum, Lacuum, Paludum, Fluviorum, Fontium etc. variae, pro Auctorum

traditionibus, saeculorum intervallis, Gentiumque idiomatis et migrationibus, appellationes et nomina[1].

На титульном листе указывалось, что данный труд полезен и необходим не только географам, но и лицам, изучающим историю и поэзию.

В 1587 г. Ортелий пересмотрел и дополнил книгу, и она вышла вторым изданием под новым заглавием — «Thesaurus Geographicus recognitus et auctus»[2].

В обращении к читателю, которое в книгах того времени играло роль современного предисловия, Ортелий прежде всего указывает, что его словарь не является трудом на новую неизвестную ранее тему[3]. Он дает затем краткий обзор географических словарей, опубликованных до выхода в свет его труда. Он между прочим упоминает здесь и о географическом словаре Боккаччио, отмечая его зависимость от работы Секвестра. Говорит он и о сочинении на ту же тему Захария Лилия «Orbis breviarium», вышедшем в конце XV в., и об аналогичных работах XVI в.

После краткого обзора предшествующих работ Ортелий излагает методологические основы своего труда.

Он указывает, что прежде всего были просмотрены произведения всякого рода древних писателей как светских, так и духовных (в том числе не только напечатанные, но и некоторые рукописные сочинения), затем работы средневековых авторов и после этого многие новейшие сочинения на различных языках. Он отмечает далее, что из сочинений древних авторов включены в словарь полностью все географические названия, из средневековых — значительное количество, а из новейших сочинений — только те географические названия, которые служат объяснением древних названий. Включены также географические названия, известные Ортелию из античных надписей и монет.

Печатные издания нередко приходилось сличать с рукописями и таким образом исправлять испорченные места. Тем не менее многие испорченные и странные (monstrosa) названия включены в словарь, так как автор предпочитал представить вниманию ученых эти названия в том виде, как они сохранились, чем исправлять их, руководствуясь лишь произвольными догадками. Таким образом, осторожность и часто робость критического суждения, столь ярко проявленная Ортелием при составлении его исторического атласа, проявились также и при составлении историко-географического словаря.

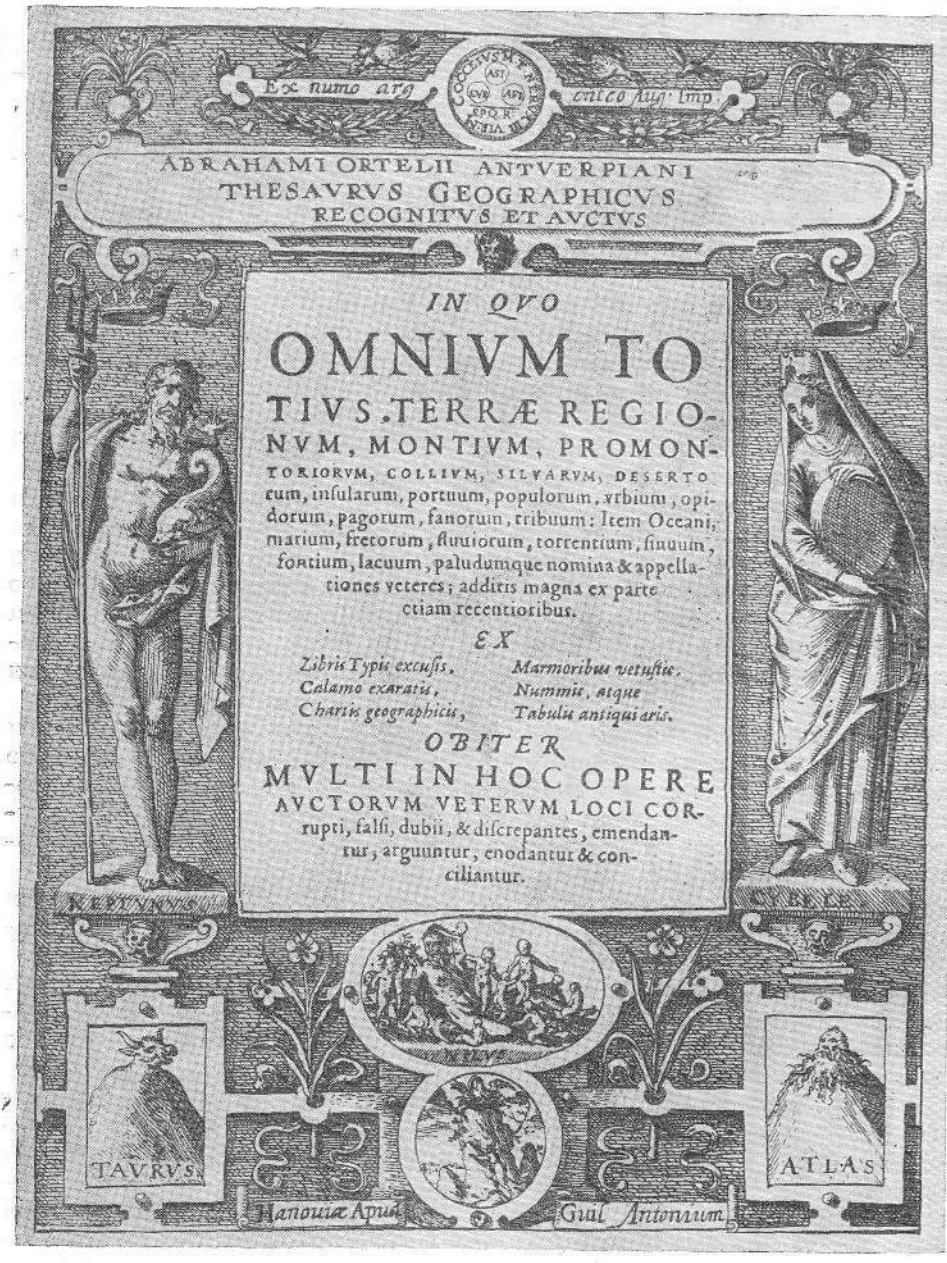
В тех случаях, когда это позволяли сделать печатные источники (Ортелий отмечает, что он испытывал недостаток в греческих рукописях), к латинским названиям присоединены греческие. Это, по мнению Ортелия, должно помочь установлению правильной орфографии географических названий. Эпитеты и всякого рода метафорические наименования мест, часто встречающиеся у поэтов и ораторов, Ортелий умышленно не включил в свой словарь, так как такого рода наименования он относил к кругу вопросов, изучаемых не географами, а специалистами по

---

[1] Авраама Ортелия антверпенца Географические синонимы или названия и имена народов, стран, островов, больших и малых городов, гор, мысов, лесов, мостов, морей, заливов, озер, болот, рек, источников и т. д., названия и имена различные вследствие неодинаковых рассказов писателей, вследствие перемен, внесенных временем и перемещениями народов и изменениями в их языках.

[2] «Географическое сокровище, сочинение, переработанное и дополненное автором». Вторую часть заглавия я не привожу вследствие ее длины, тем более, что она похожа на вторую часть заглавия первого издания. Разница лишь в том, что в заглавии второго издания Ортелий говорит о древних названиях с присоединением к ним в большинстве случаев также и более поздних.

[3] «Neque novum neque meum exemplum est, sed a pluribus olim et nuper tentatum, quod hoc opere nostro molimur».



Титульный лист историко-географического словаря Ортелия.

грамматике. Географические названия расположены Ортелием в общем алфавитном порядке, независимо от того, к какому отделу географии они относятся. При этом сначала всегда приводится античное название места (латинское), а потом уже наряду с другими объяснениями дается и его название в современную Ортелию эпоху.

Внимание, уделяемое Ортелием отдельным географическим названиям, весьма различно: оно определяется историческим значением данного места, состоянием источников и т. п. В Thesaurus Geographicus, который, как уже было указано, является вторым изданием словаря, толкования значения многих географических названий даны подробнее, чем в Synonymia Geographica.

Характер указаний, которые делает Ортелий относительно комментируемых им географических названий, можно видеть из примеров. Напр., Александрии отведена целая страница в две колонки сравнительно убористого шрифта. Сначала стоит античное название города по-латыни и по-гречески (Alexandria, ἀλεξάνδρεια). Далее сказано, что Евстафий и Стефан насчитывали восемнадцать городов с таким названием и дан перечень этих городов, начиная с Александрии египетской; в этом перечне семнадцатой стоит Александрия в Согдиане. Относительно фракийской Александрии Ортелий приводит надпись на греческом языке на древней монете —ἀλεξάνδρεια φ. ι. κοινῶν θρακῶν.

После перечня следует более подробное описание Александрии в Египте. Прежде всего подчеркивается ее торговое значение во все эпохи ее истории (celebre ab omni aevo emporium), потом указано, что Гален называл ее великой, затем, ссылаясь на целый ряд античных авторов (в ссылках на авторов Ортелий кроме имени автора обычно приводит и название сочинения, а иногда указывает и книгу и главу), Ортелий доказывает, что до того, как город получил имя Александрии, он назывался Ракаста.

Далее, ссылаясь на Иеронима, Ортелий указывает, что евреи называют его Ноо и что теперь город носит название Скандерия, как это утверждает Буоначиоли в своем переводе Страбона с греческого на итальянский язык. Заканчиваются сведения об Александрии египетской указанием со ссылкой на ряд античных авторов, что город делился в древности на пять частей.

После описания Александрии в Египте Ортелий останавливается на Александрии в Киликии, которую в его время называли Александретта (Hanc nostra aetate Alexandreta vocari scribit Marius Niger).

В заключение Ортелий, ссылаясь на древних писателей, насчитывает еще несколько Александрий и заканчивает выводом, что всего у достойных доверия авторов насчитывается двадцать шесть городов, носящих это имя.

В качестве второго примера комментария Ортелия для названия крупного центра можно привести данные словаря относительно Лиона. Ортелий начинает с указания, что в местных античных надписях город чаще называется Lugudunum, а Тацит, Плиний и другие древние авторы называют его Lugdunum, Птолемей также всегда пишет, λυγδούνον. Дион же пишет сначала Lugudunum, а потом Lugdunum, Стефан — Lugduna — λυγδούνα.

Далее Ортелий указывает, что этот город является известным торговым центром Галлии, расположенным при слиянии рек Rhodanus (античное название Роны) и Arar (античное название Соны) и теперь называется Лион. Параден в своей истории Лиона, написанной на французском языке (Ортелий по обычаю писателей своего времени для передачи понятия «французский» пользуется термином — галльский), говорит, что Ливий

и Плутарх называют город Островом (Insula) и что в древних надписях он называется городом секванов (Sequani — галльское племя). Тот же автор говорит, что Сидоний называет город Роданузия (Rhodanusia), а в истории св. Лупа, архиепископа лионского, город носит имя Арария (Araria),— соответственно названиям рек, омывающих город. Григорий Турский в первой книге своего сочинения рассказывает, что к городу прилагался также эпитет «знаменитый», так как он прославлен кровью мучеников.

Приведя еще две ссылки на авторов, которые называли Лион Раданузией, Ортелий заканчивает свой комментарий географического названия Lugudunum двумя замечаниями. Ортелий указывает, что в небольшой книжке Плутарха «О реках и горах» город назван Lugdolum, а гора, на которой он расположен,— Lugdunum. Соображения, которыми автор мотивирует свои названия, Ортелий считает совершенно необоснованными. Во втором замечании Ортелий говорит, что Плиний в своих письмах назвал этот город украшением провинций.

Вот примеры более коротких комментариев, преобладающих в словаре.

О Турине, помещенном в словаре под его античным названием Augusta Taurinorum, сказано, что это город, который Птолемей помещает в Италии в области народа салассиев[1] и который ныне называется Турин и находится в Пьемонте, и что Аппиан называет этот город Taurasia.

О Лейдене сказано так: «Lugodinum λογόδεινον по Птолемею, город батавов в бельгийской части Галлии. Слефлерин переводит — Утрехт, я полагаю, что это — Лейден[2]. Антонин называет его главным городом Германии, может быть по той причине, что, по Плинию, там находился лагерь римских легионов. Это не тот город, который Стефан называет Lugduna, хотя Г. Юнию это кажется именно так».

Или вот, например, что сказано об одной речке на Корсике: «Локра — по Птолемею, река на острове Корсика. Леандро[3] называет ее Талабо».

Античные города, впоследствии исчезнувшие, включены Ортелием в словарь; при этом он стремится указать ближайший к уже несуществующему античному городу город своего времени, например, указав, что Луна была городом и портом этрусков, и, отметив, у каких древних авторов встречается упоминание об этом городе, Ортелий заканчивает замечанием: «Volaterranus (итальянский автор XVI в.) думает, что соседний город Сарцана построен из материала его развалин».

Третьим историко-географическим трудом Ортелия, трудом, который он начал незадолго до смерти и не успел окончить, была подготовка к изданию древнеримской карты, получившей впоследствии название «Tabula Peutingeriana».

Эту карту нашел в библиотеке немецкого гуманиста историка Пейтингера Марк Вельзер, член известной аугсбургской купеческой фамилии и одновременно ученый-гуманист[4]. Вельзер послал карту в Антверпен Ортелию для изучения и издания. Под руководством Ортелия была выполнена

---

[1] Современные специалисты по античной географии помещают салассиев на карте несколько севернее Турина.

[2] В XVII в., как известно, многочисленные лейденские издания на латинском языке указывали место издания словами — Lugduni Batavorum.

[3] Очевидно, речь идет о Леандро Альберти (1479—1552), авторе «Descrittione di tutta l'Italia».

[4] Жена Пейтингера была из фамилии Вельзеров («Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. 25, «Peutinger»), и таким образом Пейтингер был тесно связан с Вельзерами. Марк Вельзер нашел карту много лет спустя после смерти Пейтингера, который умер в 1547 г.

гравировка карты на меди для ее издания[1], но вышла в свет «Tabula Peutingeriana» через несколько месяцев после смерти Ортелия.

Карта была отпечатана Моретусом, преемником известного издателя Плантена под заглавием «Tabula Itineraria ex illustri Peutingerorum bibliotheca quae Augustae Vendelicorum[2] est beneficio Marci Velseri septemviri Augustiani in lucem edita».

Под заголовком было помещено следующее интересное обращение к Вельзеру: «Благороднейшему мужу Марку Вельзеру септемвиру Аугсбургской республики шлет привет Иван Моретус антверпенский типограф. Эту карту, благороднейший муж, мы не посылаем к тебе, а возвращаем как воду из твоего источника. Ты послал ее, найденную твоими стараниями среди бумаг Пейтингера, Ортелию (недавно умершему к прискорбию ученых) для издания, следовательно, она возвращается к тебе по праву. Сам Ортелий незадолго до смерти так мне поручал, и, конечно, мое собственное желание и уважение к тебе побуждали к тому же. Итак, прими, если тебе был дорог покойный, последний от него подарок — эту карту, некогда принадлежавшую тебе лично, а ныне благодаря тебе являющуюся общим достоянием»[3].

До выхода в свет «Tabula Peutingeriana» в издании, подготовленном Ортелием, фрагменты ее были опубликованы с комментариями самим Вельзером в 1591 г. в издательстве Альда Мануция в Венеции.

В одно из посмертных изданий исторического атласа Ортелия — в издание 1624 г. была включена и «Tabula Peutingeriana».

С тех пор эта карта стала предметом изучения многих ученых и о ней накопилась огромная литература. С одной стороны, она является ценным источником для изучения античной географии и этим она привлекает внимание историков: например, у нас в СССР над ней работал акад. Я. А. Манандян, изучая торговые пути древней Армении. С другой стороны, внимание специалистов по картографии она до сих пор привлекает своей чисто картографической стороной, напр., на последнем перед второй мировой войной международном географическом конгрессе в Амстердаме в 1938 г. голландский ученый Фрейтаг Драббе (Frijtag Drabbe) представил доклад, в котором сделал новую попытку дать ее картографический анализ[4].

Географические карты прошлого принадлежат к категории исторических источников, которыми пользуется историческая география; можно сказать, они являются специфическим, свойственным именно исторической географии, видом исторических источников. Значение «Tabula Peutingeriana» для исторической географии античного мира очень велико. Еще в XVIII в. изучавший ее Шейб (Scheyb) считал, что без нее вся античная география делается как бы слепой. К этому мнению присоеди-

---

[1] См. *Denucé*. Oud nedelandsche Kaartmakers in betrekking met Plantijn, t. II, 1913.

[2] Augusta Vendelicorum — это Аугсбург, см. «Thesaurus Geographicus» Ортелия.

[3] «Nobilissimo viro Marco Velsero R. P. Augustanae Septemviro Joannes Moretus Typographus Antverp. S. P. D.— Hanc Tabulam, vir nobilissime, non mittimus ad te sed remittimus, aquam scillicet e tuo fonte. Tu eam ad Orlelium nostrum (heu, nuper cum dolore litteratorum defunctum) descriptam miseras tua cura inter Peutingeri schedas repertam et erutam: ideoque iure ad te rediit. Ipse Ortelius haud procul a fato ita mihi mandaverit: et mea sane voluntas et tui cultus eodem ducebant. Accipies igitur privatam olim tuam, nunc publicam per te omnium Tabulam: et si gratum carumque defunctum habuisti quaeso ut etiam, hoc postremum ab eo munus». Antverpiae e Typographeio nostro Kal. Decembr. MDXCVIII. Это издание очень редкое, см. *Denucé*. Указ. соч.

[4] См. «Union géographique internationale. Comptes rendus du congrès international de géographie. Amsterdam. 1938. Tome deuxième. Travaux de la section IV Géographie historique et histoire de la géographie. Leiden. 1938. *Frijtag Drabbe* ('s Gravenhage). Die Peutinger Karte in dem Lichte der neuesten Untersuchungen».

няется ученый XX в. — Кубичек[1]. Следовательно, вполне можно сказать, что изданием этой карты Ортелий вместе с Вельзером сделали один из первых шагов в деле историко-географического источниковедения.

Говоря о начале в XVI столетии историко-географического источниковедения, следует отметить также работы в этом направлении испанского историка Суриты и неоднократно упоминавшегося уже крупнейшего из картографов фламандской школы Герарда Меркатора.

Сурита (Zurita), крупный испанский историк XVI в., автор известных «Anales de la corona de Aragòn», подготовил к изданию и снабдил комментарием памятник античной географической литературы — Itinerarium Antonini.

Меркатор выпустил критическое издание латинского перевода Птолемея, текст которого он проверил по имевшимся в его распоряжении латинским и греческим рукописям и изданиям и снабдил примечаниями. Меркатор, бывший реформатором в картографии, издал Птолемея уже не в качестве руководства для современников, а в качестве крупнейшего памятника античной географии.

Как оценивать историко-географические труды Ортелия с научной точки зрения? В следующем, XVII столетии Клювер резко критиковал их[2]. Клювер упрекал Ортелия в том, что в своем историко-географическом словаре он обычно ограничивается главным образом сводкой упоминаний античных авторов о том или ином географическом названии и указанием соответствующего названия в современную ему эпоху, редко присоединяя к часто противоречивым суждениям античных авторов свое собственное мнение. Клювер подчеркивает, что Ортелий предпочитает собирать суждения других, чем высказать свое собственное, и тем ставит читателя в затруднительное положение, так как читателю приходится решать, какое из этих суждений правильное.

Между тем, по мнению Клювера, так поступать скорее прилично грамматику, чем географу, который должен опровергнуть ошибочные мнения и, опираясь на документы и свидетельства древних авторов, показать истину.

Не менее критически относится Клювер к историческому атласу Ортелия. Он считает, что на отдельных картах и, в частности, на карте той части Италии, которую Ортелий назвал картой Великой Греции, Ортелий допустил очень много ошибок.

В новой европейской научной литературе довольно значительное внимание посвящено оценке географического атласа («Theatrum Orbis Terrarum») Ортелия, но его историко-географические труды научному анализу не подвергались.

Рассматривая эти труды, теперь, через три с половиной столетия после их появления, рассматривая их, так сказать, с исторической точки зрения, вряд ли можно согласиться с той резкой критикой, какой подвергает их Клювер, историко-географические труды которого с научной точки зрения, конечно, представляют шаг вперед по сравнению с историко-географическими трудами Ортелия.

С научной точки зрения и исторический атлас и историко-географический словарь Ортелия вполне стояли на уровне своего времени.

Историкам XVI в., как уже было об этом сказано выше, более свойственно уменье собирать факты, чем уменье подвергать их критике, хотя,

---

[1] *Pauly*'s «Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung XX Halbband», статья «Karten».

[2] См. *Philippi Clüveri* Germaniae antiquae libri tres. Praefatio. Об историко-географических работах Клювера см. ниже.

конечно, последнее им вовсе не чуждо. В XVII в. критика сделала значительные успехи, и ученые XVII в. весьма заметно опередили в этом отношении своих предшественников. Правда, в основном эти успехи относятся больше ко второй половине столетия. Но Клювер, работавший в первой половине века, был в этом отношении передовым человеком. Ортелий — типичный ученый XVI в. Его начитанность в древних авторах огромна; труд, затраченный им на собирание материалов для своих атласов и словаря, исключительно велик. Вполне правильно тот же резко критикующий его Клювер называл его «Singularis industriae atque insignis laboris vir»[1].

Для каждого факта, который ему приходится устанавливать, а по характеру его трудов ему приходится устанавливать великое множество фактов историко-географического порядка, для каждого факта Ортелий стремится собрать как можно больше свидетельств авторов. Отдельные примеры этого уже были приведены мною выше при анализе содержания его исторического атласа. Но критик он робкий и, действительно,— примеры тоже были приведены выше,— нередко помещает противоречивые суждения, воздерживаясь от их оценки. Решительнее он в своих критических высказываниях по отношению к авторам своего времени, что нетрудно заметить при чтении его историко-географического словаря.

Что Ортелий в научном отношении стоял вполне на уровне своего времени, это видно из оценки его как ученого его современниками. Тот же Клювер пишет, что Ортелий пользовался репутацией великого ученого не только у широкой публики, но и у крупнейших специалистов[2].

Можно привести и конкретные оценки исторических карт и словаря Ортелия со стороны такого знатока античности того времени, как Липсий[3]. Получив от Ортелия «Thesaurus Geographicus», Липсий пишет ему, что его словарь является настоящим сокровищем[4], что ему нравится и содержание, и структура книги, которая является чрезвычайно полезной[5]. В другой раз, получив от Ортелия карту древней Испании, Липсий пишет ему, что этот подарок ему приятен и чрезвычайно полезен именно теперь, когда он комментирует своим слушателям Ливия и читает лекции о Пунических войнах, которые территориально были связаны также и с Испанией. Он вспоминает также с похвалой составленную Ортелием карту древней Германии и убеждает его составить также и карту Галлии[6].

Историко-географические труды Ортелия приобрели надолго характер руководящих трудов в области исторической географии. Клювер, работавший в конце первой четверти XVII столетия, писал, что до его времени не было ученого в области исторической географии крупнее и лучше Ортелия (cum maior eo seu melior hactenus non existerit) и что его преемники составляли свои книги путем компиляций из его историко-географического словаря и прославляли свое имя заимствованиями из его трудов, редко прибавляя что-либо свое к его данным за исключением тех случаев,

---

[1] «Муж необыкновенного прилежания и замечательного труда». «Germania Antiqua». Praefatio.

[2] «Hic tamen magnus non tantum vulgo, sed et magnis viris habetur, adeoque maximus nostri saeculi geographus»,— пишет о нем Клювер («Germania Antiqua». Praefatio).

[3] О Липсии см. *A. Nodrman.* Iustus Lipsius als Geschichtsforscher. Helsinki, 1932.

[4] Игра слов в латинском тексте письма Липсия: свой словарь во втором издании Ортелий назвал географическим сокровищем («Thesaurus Geographicus»), Липсий пишет Ортелию, что его географическое сокровище является истинным сокровищем.

[5] *Iusti Lipsii.* Opera omnia, t. II. Epistolarum selectarum centuria secunda miscellanea Epistola № 37. Antverpiae, 1637.

[6] Там же, Epistola № 59.

когда использовали отвергнутые Ортелием выдумки средневековых монахов[1].

Собственные труды Клювера по исторической географии касались лишь двух стран — древней Италии и древней Германии и, следовательно, хотя и стояли в научном отношении выше работ Ортелия, ни в коем случае не могли заменить последних, имевших своим объектом весь античный мир. Отмеченное Клювером использование трудов Ортелия, главным образом его исторического атласа, в историко-географических трудах других авторов иногда с указанием источника заимствования, а иногда и без такого указания, имело место в течение семнадцатого, а частично и в начале восемнадцатого столетия. Ниже это будет с нужной степенью детальности отмечено при анализе историко-географических работ XVII в. В данный момент достаточно ограничиться указанием, что, напр., в атласе античной географии Георга Хорна профессора Лейденского университета[2], изданном в 1654 г. в Амстердаме Янсоном, владельцем известной голландской картографической фирмы того времени, большинство карт античного мира были копиями из атласа Ортелия, причем на части из них есть пометка об авторстве Ортелия, а на части эта пометка отсутствует[3]. Кроме карт, заимствованных у Ортелия, есть в этом атласе и карты, заимствованные у других ученых, например, Клювера, дю-Валя и др., но этих карт меньшинство.

В историческом атласе Иоанна Клерикуса, выпущенном в Амстердаме в 1705 г.[4], составленном, как на это указывает сам автор, преимущественно из карт, взятых у Сансонов[5] и дю-Валя[5] несколько карт являются копиями карт из исторического атласа Ортелия, причем указания на это отсутствуют.

Но, с другой стороны, надо признать безусловно ошибочным мнение, высказанное в 1931 г. на международном географическом конгрессе в Париже бельгийским ученым ван дер Линденом[6], что исторический атлас Ортелия оставался единственным историческим атласом до появления во второй половине XVIII в. исторического атласа знаменитого французского картографа XVIII в. д'Анвиля. Вышедший во второй половине XVII в. атлас Сансонов, относящийся к тому же времени атлас дю-Валя, не являются перепечаткою карт Ортелия, а представляют собою оригинальные произведения, хотя, конечно, их авторы не могли не учитывать в своей работе достижения Ортелия. Больше того, карты Николая Сансона и его сыновей в соединении с картами его племянника и ученика дю-Валя стали вытеснять исторический атлас Ортелия. Выше названный исторический атлас Клерикуса может служить наглядным подтверждением этого факта: он главным образом составлен из карт Сансонов — отца и

---

[1] Клювер пишет об этом в следующих выражениях: «qui post eum (т. е. post Ortelium) eodem in studio aliquid operae et laboris posuisse videntur, ii ex ipsius thesauro geographico libros suos compilasse, atque ex eius laboribus laudem nomini suo libasse deprehenduntur de suo raro aliquid addiderunt: nisi sicubi quae ille praedicta monachorum figmenta repudiavit damnavitque ipsi ceu maxime proba egregiis suis operibus adfuderunt» (Germania Antiqua. Praefatio).

[2] Заглавие атласа Хорна: «Accuratissima Orbis Antiqui Delineato sive Geographia vetus sacra et profana... auctore Georgio Hornio».

[3] Обычно в этих случаях имеются незначительные переделки и при этом обычно переделана не карта, а сопровождающие ее виньетки и другие украшения.

[4] На титульном листе год издания не указан, предисловие составителя датировано 1705 г. Заглавие атласа: «Atlas Antiquus sacer ecclesiasticus et profanus... Collectus ex Tabulis Geographicis Nic. Sansonii eius Filiorum aliorumque celebrium geographorum. Tabulas ordine collocavit et emendavit Joannes Clericus. Amstelodami. Apud Petrum Mortiers».

[5] Сансоны и дю-Валь — французские географы XVII в. О них см. ниже.

[6] См. выше, стр. 5.

сыновей и дю-Валя, и на это автор указывает в заглавии, явно стремясь показать тем самым читателям, среди которых карты Сансонов уже приобрели популярность, ценность своей компиляции. Карты Ортелия занимают там подчиненное положение, и их наличие составитель не нашел нужным не только подчеркивать в заглавии, но и вообще сообщать о нем читателю.

Таким образом, мнение ван дер Линдена несомненно неправильно, и за пределами XVII в. труды Ортелия утратили руководящее положение в исторической географии, хотя ссылки на них еще и встречаются в историко-географической литературе[1]. В XVIII в. Франция заняла первое место в исторической географии, так же как она заняла его в географической науке и в значительной мере в исторической науке.

После анализа трудов Ортелия можно дать ясный и обоснованный ответ на спорный в исторической географии вопрос о времени, обстоятельствах и причинах ее возникновения.

Историческая география не создалась сразу трудами какого-либо одного историка или географа. Ее возникновение было не единовременным событием, а длительным процессом, растянувшимся на два столетия. Труды Петрарки, Биондо и Ортелия сыграли в этом процессе определяющую роль.

В работах Петрарки впервые появляется зародыш исторической географии. Петрарка, во-первых, пробует локализовать на карте географические названия прошлого, т. е. делает попытку разрешить самую элементарную задачу, которая прежде всего встает перед историком-географом, задачу определить, где на карте находились места, связанные с историческими событиями. Wo es eigentlich gewesen?— так можно определить, перефразируя известное выражение Ранке, эту задачу, которая, как показывают труды Петрарки, исторически встала раньше всех других перед исторической географией.

Петрарка лишь поставил, главным образом в своих заметках на полях рукописей, эту задачу, но не дал еще попытки ее решения. В «Itinerarium Syriacum» нельзя еще видеть «первый опыт древней географии», как думал М. С. Корелин. Древняя география смешана здесь с современной автору географией и с историческими реминисценциями и рассуждениями автора. Но все же элементы эскизной реконструкции античной географии на небольшой конкретной территории маршрута из Италии в Палестину в данном произведении имеются.

Биондо делает дальнейший шаг вперед. У него эти элементы даны для территории целой страны. Ему пришлось, хотя и в примитивной форме, поставить вопрос о географическом районировании страны. Биондо, хотя может быть и не вполне ясно, сознает уже значение исторической географии для работы историка.

Ортелий прежде всего отделил античную географию от современной ему географии. Он создал два атласа: «Theatrum Orbis Terrarum» — атлас географии своего времени и «Parergon Theatri orbis Terrarum» — атлас географии античного мира. Отделение исторической географии от современной было, конечно, необходимым предварительным условием для создания исторической географии.

В своих историческом атласе и историко-географическом словаре Ортелий собрал огромный материал для локализации на карте великого множества географических названий древности. Он не только собрал этот материал, но и составил на основании его как карты античного мира

---

[1] Например, у Шёпфлина в его «Alsatia Illustrata», напечатанной в середине XVIII в.

в целом и его главных частей, так и подробные карты отдельных стран, входивших в его состав.

Следовательно, в территориальном отношении он пошел неизмеримо дальше своих предшественников.

Исторические карты Ортелия не только определяют местонахождение упоминаемых у древних авторов гор, рек, морей, заливов, болот, лесов и т. п. элементов античного географического ландшафта, а также местонахождение античных городов и других пунктов, связанных с какими-либо историческими событиями, но и дают размещение древних народов и границы стран античного мира. Если мы будем сравнивать историко-географические труды Ортелия с работами по географии античного мира XIX в., когда историческая география давно была уже вполне сложившейся дисциплиной, например, с работами такого крупного специалиста, как Генрих Киперт, то мы найдем большое сходство при наличии, конечно, и весьма существенных различий. Сходство заключается в содержании работ. И у Ортелия, и у Киперта историческая география является прежде всего историко-политической географией. У обоих авторов основная задача состоит в локализации на карте выше перечисленных географических элементов.

Различие в основном сводится к двум пунктам: во-первых, у Ортелия нет четкой хронологии, на его картах представлен античный мир без указания того, на какую именно дату составлена данная карта и как датируются показанные на ней политические границы. Эта черта является следствием того представления об античном мире, какое было свойственно гуманистам XVI в. Они, конечно, представляли себе хронологию событий античной истории, но у них, как и у их предшественников — гуманистов XV в., почти отсутствовало представление об эволюции быта и культуры древних.

Вторым отличием работ Ортелия от работ Киперта является, конечно, их совершенно различный научный уровень: наука XIX в. далеко ушла вперед от науки XVI в.

Далее, не надо забывать, что к картам Ортелий дал текст с краткой характеристикой древней географии тех стран, которые были изображены на этих картах. Подготовкой к изданию «Tabula Peutingeriana» Ортелий положил начало историко-географическому источниковедению.

Наконец, Ортелий, поставив на своем атласе девиз — «Historiae oculus geographia»[1], впервые четко поставил историческую географию на службу истории, придал ей характер вспомогательной дисциплины, положение, в котором историческая география фактически пребывает до сих пор и из которого она стала выходить только в самое последнее время.

Все эти качества трудов Ортелия, мне кажется, вполне позволяют утверждать, что им заканчивается тот первоначальный период истории развития исторической географии, который можно назвать ее возникновением.

Ее дальнейшее развитие, как мы увидим ниже, довольно долго шло в направлении повышения ее научного уровня без существенного расширения ее содержания.

Какие причины вызвали к жизни историческую географию и определили ее первоначальное содержание? Легко видеть, что историческая география порождена в основном двумя ближайшими причинами. Первой причиной был гуманизм; благодаря гуманизму с его интересом к античности историческая география возникает как историческая география античного мира, а не как историческая география средних веков. Средними веками историческая география стала заниматься несколько позже.

---

[1] «География является глазами истории».

Второй из основных причин, непосредственно создавших историческую географию, были великие открытия. Благодаря великим открытиям стало чрезвычайно ясным различие между миром, известным древним, и тем миром, который, благодаря этим открытиям, стал известен людям XVI столетия.

Благодаря великим открытиям стала окончательно ясной непригодность карт Птолемея для географии XVI в. Это толкнуло Ортелия на издание его «Theatrum Orbis Terrarum», составленного из лучших карт его современников. Это побудило Меркатора составить атлас из карт его собственной работы. Отделение античной географии от современной было необходимой предпосылкой формирования исторической географии. Великие открытия были непосредственной причиной, вызвавшей это отделение.

У Петрарки и Биондо элементы церковной географии сравнительно незначительны и не отчетливо выражены. Это соответствует настроениям гуманистов XIV, а особенно XV в. В историческом атласе Ортелия библейской географии отведен, хотя и небольшой, по сравнению с античной географией, но все же самостоятельный отдел — «Geographia sacra». Это является следствием реформации, усилившей интерес к истории церкви как у протестантов, так и у католиков. В области общей истории порождением реформации были «Магдебургские центурии» Власича и «Церковные анналы» Бароция и некоторые другие сочинения, посвященные истории церкви. В области исторической географии реформация стимулировала появление на свет карт по библейской истории.

Наконец, не случайно Италия и Нидерланды сделались родиной исторической географии. Италия была родиной гуманизма,— естественно, что именно в ней появились первоначальные элементы исторической географии.

Великие открытия чрезвычайно усилили хозяйственное значение Нидерландов[1] и сделали их центром торговли Европы с колониями. Поэтому именно в Нидерландах и, в частности, в Антверпене во второй половине XVI в. особенно остро проявилась практическая потребность в картах, отражающих современную эпохе географию. А это, как уже было отмечено выше, явилось одной из причин, толкнувших Ортелия на создание его «Theatrum Orbis Terrarum» и отделение тем самым современной географии от античной. Для отпечатания такого большого географического атласа, каким был атлас Ортелия, требовалась мощная полиграфическая база. Типографии Антверпена и в особенности предприятия Плантена, владельца самой крупной издательской фирмы Европы XVI в., представляли собой такую базу. Таким образом, естественно, что именно в Антверпене произошло первоначальное оформление исторической географии как вспомогательной исторической дисциплины. Первыми деятелями на поприще исторической географии были как историки, так и географы. И в дальнейшем развитии исторической географии, как будет показано ниже, приняли участие и историки и географы. Как известно, Биондо, который, как мы видели, сыграл крупную роль в возникновении исторической географии, был историком. Ортелий был географом, а не историком, но его приемы работы над историческим материалом роднят его с историками XVI в.

Само собою разумеется, что указанные мною ближайшие причины формирования исторической географии в свою очередь являются следствием того процесса разложения феодальной формации и начала формиро-

[1] Речь в данном случае идет о Нидерландах XVI в., территория которых объединяла территории современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и части северной Франции.

вания в ее недрах новых капиталистических отношений, который характерен для эпохи Возрождения и великих открытий.

Работы Ортелия были основными, но, конечно, не единственными работами XVI века по исторической географии.

Наиболее значимые из историко-географических работ XVI в. сложились под непосредственным влиянием трудов Ортелия. Самой крупной из этих работ было сочинение английского историка Кемдена (William Camden, 1551—1623) «Britannia sive Florentissimorum Regnorum Angliae Scotiae, Hiberniae et Insularum adjacentium ex intima antiquitate Chorographica Descriptio».

Длинное заглавие соответствует обычаю эпохи. Впоследствии его обыкновенно называли кратко «Britannia».

«Britannia» вышла в свет впервые в 1586 г. и была первым крупным произведением Кемдена. Вторым его крупным трудом была «Летопись событий» в Англии и Ирландии в царствование Елизаветы» («Annales rerum Anglicarum regnante Elisabetha»). Это сочинение написано Кемденом уже в начале следующего XVII столетия.

Кемден, как историк, принадлежал к итальянской гуманистической школе. Причем как и основоположник гуманистической историографии в Англии итальянец Полидоро Верджилио, Кемден по приемам работы и манере изложения был последователем Биондо. В его «Летописи» есть ряд черт, общих с теми, которые характерны для «Декад» Биондо. «Летопись» основана на документальном материале. Но, с другой стороны, его сочинение является перечнем исторических фактов, а не историческим произведением, основанным на определенной исторической концепции, хотя, конечно, в передаче этих фактов отразились политические и религиозные взгляды автора. Стиль Кемдена лишен риторических красот. В этом отношении он идет даже дальше Биондо.

«Britannia» Кемдена находится в тесной генетической связи с «Italia Illustrata» Биондо. Но, кроме того, надо отметить и влияние Ортелия на Кемдена. В 1577 г. во время поездки Ортелия в Англию оба ученых завязали знакомство и потом поддерживали научную связь путем переписки. Как указывает сам Кемден, Ортелий советовал ему составить историко-географическое описание своей родины[1]. Кемден затратил огромное количество труда на собирание материалов для своей работы. Он объехал всю страну. Он изучил древних авторов, писавших о Британии. Он использовал материалы, собранные Леландом. Результатом ряда лет упорной работы была «Britannia».

Книга делится на две неравные по объему части. Первая часть, занимающая около одной пятой всего обширного труда Кемдена, посвящена Британии в целом, вторая, основная, часть[2] дает описание страны по районам.

Первая часть, как обычно в страноведческих произведениях XVI в., начинается с рассуждения о названии — Британия. Потом идет описание нравов бриттов. Обширная глава рассказывает о римлянах в Британии.

---

[1] В предисловии к «Британии» Кемден писал об этом так: «Eximius veteris Geographiae restaurator Abrahamus Ortelius ante annum tricesium mecum pluribus egit ut Britanniam nostram antiquam illam illustrarem: hoc est ut Britanniae suam antiquitatem ut suae antiquitati Britanniam restituerem ut vetustis novitatem, obscuris lucem, dubiis fidem adderem; et ut veritatem in rebus nostris quam vel scriptorum securitas, vel vulgi credulitas proscipserant quoad fieri posset, postliminio revocarem». Цит. по сокращенному изданию, вышедшему в 1617 г.

[2] В английском переводе 1722 г., которым я пользовался за неимением в Москве латинского подлинника, первая часть занимает 267, а вторая — 1113 страниц, правда, это издание включает дополнения редактора.

Далее автор говорит о британских и римских монетах в античной Британии.

Переходя к средним векам, Кемден рассказывает об англосаксах, датчанах, норманах в Британии.

Районное описание построено по такой схеме. В основу деления на районы положены племена бриттов в античной Британии. После характеристики племени Кемден указывает английские графства, сложившиеся на территории племени, и дает историко-географический очерк каждого графства. Эти очерки построены следующим образом: сначала излагается общая история данного графства, потом идет описание его населенных пунктов, которые описываются в географическом порядке. В этом описании также дан очерк истории данного пункта, если позволяют источники со времен римского владычества. В конце описания каждого графства автор говорит о произрастающих на его территории растениях. В шестом издании «Британии» 1607 г. были приложены карты графств.

Сопоставляя «Британию» Кемдена с «Italia Illustrata» Биондо, можно заметить, кроме значительного сходства в построении обоих авторов, в то же время и существенное различие. Это различие заключается в том, что у Биондо стоят рядом античные и современные ему данные, между тем как Кемден излагает свой материал в исторической последовательности.

«Британия» Кемдена имела значительный успех у соотечественников автора как при его жизни, так и значительно позже.

При жизни автора было выпущено шесть изданий этого труда на латинском языке в 1586, 1587, 1590, 1594, 1600 и 1607 гг. Кроме того, вышло два латинских издания «Britannia» в сокращенном виде (так называемое — epitome) в 1617 г. и второй раз уже после смерти автора, в 1639 г. Сокращенные издания были выпущены в Голландии. Повидимому, их задачей было удовлетворение спроса континентального читателя, для которого объем книги был слишком громоздким. Первый перевод книги на английский язык был сделан под редакцией автора. Он был издан дважды, в 1610 и в 1637 гг.

Кроме того, труд Кемдена еще два раза был переведен на английский язык—один раз в 1695 г. и другой раз в 1789 г. Эти два перевода вместе выдержали шесть изданий. Современники Кемдена и их ближайшие потомки называли его Варроном, Страбоном и Павсанием Британии[1].

Английские историки нашего времени Коллингуд (Collingwood) и Майрс (Myres) считают «Британию» Кемдена «the greatest work of this kind»[2].

Иосиф Скалигер, о котором уже говорилось выше как об основоположнике хронологии, как вспомогательной исторической дисциплины, под конец жизни занимался также и проблемами исторической географии. Его перу принадлежит небольшое исследование о локализации некоторых географических объектов, упоминаемых Цезарем в его «Записках о Галльской войне», относительно местонахождения которых были разногласия среди ученых его времени («Quaedam loca in C. Julii Caesaris commentariis discussa»). Это исследование было опубликовано после смерти автора в сборнике его неизданных работ, выпущенных крупным знатоком античности того времени Казобоном («Justi Scaligeri Julii Caesaris Opuscula varia ante hac non edita». Parisiis, 1610). В литературе XVII в. ссылки на него нередки.

---

[1] См. «Britannia or a chorographical discription of Great Britain and Ireland written in latin by William Camden», vol. I. Life of Mr. Camden.

[2] «Roman Britain and the English Settlements by R. G. *Collingwood* and I. N. L. *Myres*. Second edition, Oxford, 1937, p. 466.

Повидимому, Скалигер привил вкус к исторической географии своему ученику по Лейденскому университету Филиппу Клюверу, автору выдающихся историко-географических трудов первой четверти XVII в.

Можно еще отметить несколько более раннюю и независимую от Ортелия попытку португальского историка Андрея Резендия (1493—1573) дать что-то вроде исторической географии своей родины. В сочинении «Antiquitates Lusitaniae» этот автор дает описание древней Лузитании, не смешивая античных данных с современными. Сочинение основано на древних авторах и античных надписях, причем надписи используются довольно широко.

«Antiquitates Lusitaniae» состоят из четырех книг. Первая из них называется «De populis Lusitaniae». Здесь автор сначала выясняет различие между границами территории, которую занимала древняя Лузитания, по сравнению с границами современной автору Португалии. После этого он дает перечень племен, населявших древнюю Лузитанию, с указанием их размещения по территории. Далее следует характеристика нравов и быта древних лузитанцев. Заканчивается первая книга кратким описанием гор страны.

Вторая книга, имеющая заглавие «De fluminibus Lusitaniae», посвящена рекам. В конце книги кратко говорится о плодородии почвы.

Третья книга, заглавие которой «Quinam rerum in Lusitania potiti olim sint», чисто исторического содержания.

Четвертая книга называется «De urbibus Lusitaniae». В этой главе дано описание городов древней Лузитании. Автор излагает по каждому из описываемых им городов только античные данные, принципиально не приводя современных ему сведений. В тех случаях, когда по какому-либо городу автор не располагал античными данными, он ограничивается лишь указанием на отсутствие у него материалов о состоянии данного города в древности, например, «Ac de Oliventia urbe nihil quod ad antiquitatem faciat adhuc habeo nisi cippi ibi inventi inscriptionem ad me illinc missam»[1].

По описываемым городам Резендий приводит как античные, так и современные ему названия.

Отделение античной географии от современной, произведенное Ортелием в его атласах, сказалось и на структуре последующей страноведческой литературы популярного характера: авторы начинают давать два описания — одно для античной, другое для современной им эпохи. На родине Ортелия, в испанских Нидерландах, в 1599 г. историк Гевтер (Hevterus) написал небольшое по объему сочинение «О Бельгии древних и своего времени» («De veterum ac sui saeculi Belgio libri duo»). В первой книге автор дает географическое описание Бельгии во времена римского владычества, во второй — географическое описание Бельгии конца XVI в. (по состоянию к 1600 г., по определению самого автора). По содержанию работа не представляет ничего выдающегося, хотя автор гордо противопоставляет ее знаменитому «Описанию Нидерландов» Людовико Гвиччардини[2]. Но самое построение работы с принципиальным отделением античной географии от современной безусловно знаменует шаг вперед в формировании исторической географии.

---

[1] «До сих пор я не имею о городе Оливенции ничего, относящегося к древности, кроме присланной мне оттуда надписи на найденной там колонне». (*Andreae Resendii Eborensis* Antiquitatum Lusitaniae et de municipio Eborensi libri V. Coloniae Agrippinae, 1600, p. 191). Надпись эту автор приводит.

[2] В начале второй книги автор пишет, что он задумал свое сочинение «alia ratione quam meo fecit tempore Ludovicus Giucciardinus Italus, qui protius suo saeculo placere, quam posteritati consulere maluit». *Ponti Hevteri Delfii* Opera historica omnia Lovani, 1643, p. 43.

В качестве второго примера можно привести сочинение итальянского математика и географа Маджини (Magini Giovanni Antonio, 1555—1617) «Geographiae universae tum veteris tum novae absolutissimum opus», опубликованное в 1597 г.

Первая часть этого довольно обширного труда представляет собою переиздание Птолемея с комментариями Маджини. Вторая часть начинается картами Птолемея, после которых следуют сначала «tabulae XXXVII recentiores», представляющие собою атлас мира эпохи Маджини и обширный по объему текст географического описания стран земного шара. Таким образом, в качестве пособия по античной географии Маджини дает со своими комментариями Птолемея, карты которого он называет в заглавии всей книги чрезвычайно необходимыми для понимания древней истории, в качестве пособия по современной ему географии — свое сочинение.

Как уже было указано выше, в XVI в. значительно усилился географический элемент в исторических произведениях. Этот географический элемент вводился главным образом в виде современных эпохе описаний природы, быта и нравов страны, история которой излагалась в данном историческом сочинении. Иногда, наряду с данными современной географии, вводились также и данные древней географии. В качестве примера можно привести собрание источников по польской истории Пистория[1], о котором уже упоминалось выше. Необходимость, так сказать, географического введения в историю сознается составителем этого собрания вполне отчетливо. Первому тому своего собрания он дал название «Polonicae Historiae Corporis Tomus primus, in quo omnia sunt, quae chorographicam Poloniae et subiectarum sub illius imperio provinciarum considerationem pertinent»[2].

Составитель собрал здесь самые разнообразные географические описания территории Польши XVI века. Преобладают современные эпохе описания как польских (например, Меховского), так и иностранных (Пикколомини, Гваньини[3], Герберштейна[4] и др.) авторов. Но вместе с ними включено и описание Сарматии древнего римского географа Помпония Мелы.

В конце XVI в. появляются исторические работы, в которых вместо современной географии введена уже география историческая.

Немецкий юрист и историк Марквард Фрехер[5] (1565—1614), учившийся во Франции у знаменитого Куяция и бывший профессором в Гейдельберге и советником курфюрста Пфальцского, известный своими изданиями исторических источников, выпустил в 1599 г. сочинение по истории Пфальца и правившей в нем династии, на службе которой он состоял— «Originum palatinarum commentarius. De gentis et dignitate eius primordiis tum Heidelbergae et vicini tractus antiquitate».

В этой работе есть главы, посвященные исторической географии территории, на которой был расположен Пфальц, а отчасти и исторической географии Германии. В главах III и IV автор дает характеристику Рейна и Неккара, как рубежей между Римской империей и Германией.

---

[1] «Polonicarum rerum latini recentiores et veteres scriptores quotquot extant», 1582.

[2] «Первый том свода польской истории, в котором содержится все, что относится к географии Польши и подвластных ей провинций».

[3] Гваньини, итальянец по происхождению, долго жил в Польше и там умер.

[4] Из Герберштейна взято описание Литвы.

[5] О Фрехере см. очерки Вегеле в «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. VII и в «Geschichte der deutschen Historiographie». Об его изданиях источников было сказано выше.

В пятой главе говорится о делении древней Германии на округа (pagi) и сотни (centenae). Главы шестая и седьмая дают историко-географическое описание тех трех округов, на территории которых впоследствии сложился Пфальц. В этом описании Фрехер делает попытку установить географическую номенклатуру (главным образом названия населенных пунктов) этих округов во времена Каролингов. Свою работу по исторической географии этих округов Фрехер считает своей заслугой перед родиной — Германией[1], подчеркивая свой приоритет в данной области. «Origines Palatinae» основано на документальном материале. Историк немецкой историографии Вегеле считает эту работу выдающимся для своего времени историческим произведением (ein für seine Zeit wichtiges geschichtliches Werk).

В качестве другого примера можно сослаться на несколько более раннюю работу крупного итальянского юриста XVI в. Панчироли (Guido Panciroli, 1523—1593). Панчироли, ученик Альчато, был профессором права в Падуе. Панчироли издал с обширным комментарием важный исторический источник эпохи поздней римской империи «Notitia dignitatum utriusque imperii»[2].

Этот документ в основном содержит материал об организации управления Римской империей. Соответственным образом и комментарий Панчироли посвящен главным образом этому вопросу. Но в «Notitia dignitatum utriusque imperii» имеется и некоторый историко-географический элемент, а именно данные об административном делении Римской империи. В силу этого историко-географический элемент появился и в комментарии Панчироли. Панчироли, основываясь не только на комментируемом документе, но и на древних авторах, указывает границы провинций и дает их краткое описание, упоминая, например, о плодородии почвы Кампании, о вале Адриана в Британии и т. д. Таким образом, в конце XVI в. историческая география начинает появляться, так сказать, уже в чистом виде, а не в смешении с современной географией в работах на исторические темы. Их почти непременной принадлежностью она сделается позднее в трудах историков XVII—XVIII вв.

§ 4. ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В XVI ВЕКЕ

В XVI в. европейской мыслью была опять поставлена известная еще античному миру проблема роли географической среды в истории человеческого общества. Влияние географической среды на развитие общества — это по своей сущности скорее социологическая, чем историко-географическая проблема. Но в то же время эта проблема на более поздних стадиях развития исторической географии (в основном с конца XIX в.) оказывается в довольно тесной связи с проблемами исторической географии.

Поэтому в работе, имеющей своею целью изучение истории развития исторической географии, история взглядов на роль географической среды в развитии общества не может быть оставлена вне исследования.

Вопрос о роли географической среды в развитии общества, как об этом уже было отмечено во вводной главе, был поставлен еще античными

---

[1] Он пишет об этом в таких выражениях «Bonum factum a nobis praestitum, bonamque gratiam almae patriae Germaniae relatam existimo, dum ei pagos suos (quod a nullo ante nos tentatum scio) quatenus licuit restituere conati sumus».

[2] Сочинение Панчироли издано в 1593 г. в Венеции. Впоследствии оно было перепечатано в известном собрании памятников римской истории голландского эрудита конца XVII — начала XVIII в. Гревиуса «Thesaurus Antiquitatum Romanarum», t. VII, 1698; этим изданием я пользовался в настоящей работе.

писателями. Высказывания на эту тему, иногда довольно значительные по объему, мы найдем у ряда авторов, начиная с Гиппократа (460—377 гг. до н. э.), основоположника научной медицины[1]. В сочинении Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων[2] (О воздухе, воде и суше) Гиппократ говорит о влиянии природы — главным образом климата, отчасти почвы—на организм человека и его психику. Гиппократ считает, что жаркий климат делает население ленивым, а изменчивый климат возбуждает энергию. Указывая, что климат Малой Азии отличается мягкостью по сравнению с климатом Европы, Гиппократ объясняет этим большую мягкость характера жителей Малой Азии по сравнению с населением Европы.

В воззрениях Гиппократа по существу уже содержится основная идея о характере влияния природы на человеческое общество, свойственная всем последующим мыслителям древности, идея, воспринятая от античности и подвергшаяся дальнейшему развитию в сочинениях авторов XVI—XVIII вв. Античные авторы и их продолжатели в XVI—XVIII вв. в своих общих суждениях о роли природы в развитии общества обычно стараются определить влияние природных условий (главным образом климата, остальные природные моменты остаются на заднем плане или даже вне внимания) непосредственно на психику человека и через это на характер народов. Различия в характере народов сказываются, по их мнению, как на быте, так и на истории этих народов.

Построения такого рода имеются у нескольких античных авторов. Вот что говорит на эту тему самый авторитетный из них как в глазах древних, так и в глазах людей XVI в. Аристотель (384—322 гг. до н. э.) в своем трактате «Политика».

«Народности, обитающие в странах с холодным климатом на севере Европы, преисполнены мужественного характера, но интеллектуальная жизнь и художественные интересы у них менее развиты. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Наоборот, народности, населяющие Азию, очень интеллигентны и обладают художественным вкусом, зато им не хватает мужества; поэтому они живут в подчиненном и рабском состоянии. Эллинская народность, занимающая в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства тех и других; она обладает и мужественным характером и развитым интеллектом; поэтому она сохраняет свою свободу, пользуется наилучшей государственной организацией и была бы способна властвовать над всеми, если бы только была объединена одним государственным строем»[3].

Интересно отметить, что народом, сочетающим, благодаря своему географическому положению, хорошие качества народов северной Европы и Азии без свойственных этим народам недостатков, у Аристотеля оказываются греки, т. е. народность, к которой принадлежал он сам. Эта черта — приписывать при построении теорий, устанавливающих зависимость умственных и моральных качеств народов от географической среды стран, где эти народы живут, лучшие качества своему народу—будет впоследствии чрезвычайно характерной чертой для авторов, едва ли не всех теорий

---

[1] О Гиппократе см. *С. Ковнер*. История медицины, вып. II. Гиппократ. Киев, 1882. Более новая работа — *Much* Hippocrates der Grosse. Stuttgart, 1926.

[2] См. «Corpus medicorum graecorum auspiciis academiarum associatarum ediderunt Academiae Berolinensis, Hauniensis, Lipsiensis. *Hippocratis* opera, vol. I, edidit I. L. Heiberg, Lipsiae et Berolini in aedibus B. G Teubneri», 1927, p. 56—78.

[3] *Аристотель*. Политика, пер. Жебелева, СПб., 1912, стр. 314.

подобного рода[1]. После Аристотеля на данную тему писали и другие античные писатели, но ничего существенно нового не внесли.

В конкретных географических сочинениях античных авторов и прежде всего у Страбона мы найдем много очень интересных конкретных указаний на роль географического положения и конкретных географических условий отдельных стран в конкретном историческом развитии народов этих стран, указаний, в которых отсутствуют рассуждения о роли данных природных условий в формировании народного характера. Но каких-либо обобщений этих отдельных наблюдений античными географами сделано не было.

В средние века общий упадок культуры в Европе исключал дальнейшую разработку проблемы влияния географической среды на историческое развитие общества. Лишь в арабской литературе крупный историк XIV в. Ибн-Халдун (1332—1406) в обширном предисловии к своему главному труду — «Книга примеров... по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле»[2]— сделал попытку создать целую теорию географической обусловленности исторического процесса. Европейским авторам эта теория оставалась неизвестной до XIX в. На европейскую социологическую мысль она оказать влияния вследствие этого не могла. Поэтому я не буду здесь на ней останавливаться[3].

В XVI столетии в страноведческой литературе можно найти много отдельных конкретных указаний на роль географической среды и географического положения в жизни отдельных стран и городов. С другой стороны, у некоторых авторов XVI в. появляются рассуждения о роли географической среды в развитии общества. В наиболее развернутом виде эти суждения высказаны известным французским юристом, политическим мыслителем и общественным деятелем XVI в., идеологом третьего сословия Жаном Боденом (1530—1596). Боден развил мысли античных авторов о влиянии географической среды на историческое развитие общества в целую теорию. Эта теория им изложена в его книге «Methodus ad facilem historiarum cognitionem», впервые изданой в 1566 г. и потом неоднократно переиздававшейся. В более сжатом виде она повторена Боденом в первой главе пятой книги его основного труда «Six livres de la republique», вышедшем в свет одиннадцатью годами позже. В этом труде Боден выступил как крупный политический мыслитель своего времени. Этот труд имел большой успех. Он был переведен на латинский, итальянский, испанский, немецкий и английский языки и выдержал много изданий. О Бодене имеется обширная литература на различных языках[4]. В сводных работах по истории политической мысли его имя, подобно имени Макиавелли, обычно не обходится молчанием.

---

[1] В том числе и для авторов нашей эпохи, см. *Huntington*. Civilization and Climate. N.-H., 1915.

[2] Это предисловие имеется во французском переводе: *De Slane*. Les prolegomènes d'Ibn Khaldoun (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale, vol. XIX—XXI. Paris, 1863—68).

[3] О теории Ибн-Халдуна см. статью Беляева в журнале «Историк-марксист», 1940, № 4—5 — «Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна».

[4] Из старой литературы более значительной является книга *Baudrillart*. Jean Bodin et son temps. Paris, 1853. *Fournol*. «Bodin — prédécesseur de Montesquieu», Paris, 1896. Из более новой: *Chauviré*. Jean Bodin — auteur de la «Republique». Paris, 1914; *Moreau Reibel*. Jean Bodin et le droit public comparé, 1933; *Garosci*. Jean Bodin. Politica e diritto nel Rinascimento francese. Milano. 1934. Имеется специальная работа о теории Бодена о влиянии географической среды на человеческое общество — *Meuten*. Bodins Theorie von Beeinflussung der politischen Lebens der Staaten durch ihre geographische Lage, Bonn, 1904. К сожалению, эта работа осталась для меня недоступной. В советской науке Бодену посвящена докторская диссертация *Ф. А. Коган-Бернштейн* «Жан Боден. Жизнь и творчество», из которой

В «Методе легко познать историю» Боден излагает свое учение о влиянии географической среды на историческое развитие человеческого общества в пятой главе, носящей заглавие «De recto historiarum iudicio». Боден начинает эту главу с указания на свое намерение установить вообще, каковы природные качества всех или хотя бы наиболее значительных народов, чтобы тем самым получить правильное мерило для проверки исторического повествования и иметь возможность вернее судить об отдельных фактах[1].

Боден заявляет далее, что он хочет сделать это немного иначе, чем делали предшествующие ему авторы[2], которые весьма поверхностно писали о различных законах, религии и учреждениях народов.

Боден стремится исследовать устойчивые качества народов, зависящие не от человеческих установлений, а от самой природы[3]. Такого рода исследования, по мнению Бодена, нельзя искать в сочинениях древних, так как они не знали теперешнего состояния стран и местностей. В этих словах Бодена видно не только подчеркивание им оригинальности своей концепции, но четкое сознание им различия между древней и современной ему географией.

Далее Боден указывает порядок своего исследования, перечисляя при этом основные причины, которые, по его мнению, определяют основные свойства народов. Прежде всего Боден хочет остановиться на характеристике народов, живущих в северных и южных широтах, потом перейти к качествам обитателей восточных и западных стран. Таким образом, он на первый план ставит различия, порождаемые климатом. В дальнейшем изложении описание именно этих различий занимает его главное внимание. Но Боден ни в плане работы, ни фактически отнюдь не игнорирует и других сторон географической среды. В плане работы он указывает на свое намерение, закончив рассмотрение роли климата, перейти к учету влияния гор, болот и ветров, и он делает это в дальнейшем изложении.

После рассмотрения зависимости качеств народов от географической обстановки, в которой эти народы живут, Боден намечает установление того, насколько воспитание может изменить человеческую природу[4]. В качестве последнего пункта своего плана Боден ставит себе задачу опровергнуть ошибки Птолемея и других авторов, которые объясняли нравы народов влиянием созвездий Зодиака. Этим Боден как бы еще раз подчеркивает самостоятельность своей концепции.

Перед тем как перейти к выполнению своего плана, Боден находит нужным подчеркнуть, что влияние географической среды нельзя рассматривать как совершенно непреодолимое. Даже думать так является нечестивым, замечает он при этом в скобках. Во влиянии географической среды Боден видит проявление закона природы, который люди могут преодолеть только при божественной помощи или путем длительного

опубликована только одна глава об экономических взглядах Бодена в сборнике «Средние века», т. II. В работах по истории политических учений взгляды Бодена излагаются часто. См., например. *Виппер*. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. СПб., 1896.

[1] «Statuendum nobis est in universum, quae qualisque sit omnium aut maxime illustrium populorum natura, ut historiarum veritatem iustis ponderibus examinare ac de rebus singulis rectius iudicare possimus». *Jo. Bodini* Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Accurate denuo recusa. Apud heredes Joannis Mareschalli Lungdunensis, 1591, p. 106. В дальнейшем цитируется это издание.

[2] Боден называет несколько имен древних писателей и гуманистов XV—XVI вв.

[3] «Quaeramus igitur illa, quae non ab hominum institutis, sed a natura ducuntur, quaeque stabilia sunt.— «Methodus», p. 106.

[4] «Quanta vis inest in disciplina ad immutandam hominum naturam».—«Methodus», p. 106.

воспитания. Боден называет здесь ложным утверждение Галена[1] и Полибия, что климат неизбежно изменяет природу человека. Климат, по мнению Бодена, оказывает большое влияние, однако это влияние не является непреодолимым[2].

Эта оговорка Бодена, так четко им сформулированная и резко подчеркнутая, если принять во внимание его указание, что влияние устанавливаемого им закона природы может быть преодолено не только божественной помощью (это вполне естественно под пером человека XVI в.), но и путем воспитания, очень интересна. В этом утверждении можно видеть зародыш признаний той относительности влияния географической среды на человеческое общество, подробная и четкая формулировка которого была дана в буржуазной науке лишь школой французского географа XX в. Видаль де ла Блаш.

Подобно древним Боден полагал, что географическая среда влияет на историческое развитие человеческого общества тем, что она определяет психические свойства народов, живущих в той или иной природной обстановке.

Используя как данные древних авторов, так и сочинения современников, Боден дает описание психического склада северных и южных народов и народов, живущих в средней полосе между ними.

Эти характеристики строятся Боденом в виде противопоставлений характера южных и северных народов. Не задаваясь целью исчерпать все сказанное Боденом о характере южных и северных народов, приведу наиболее интересные из таких его противопоставлений. Жители юга выделяются своим интеллектом, скифы — размерами тела, будучи сильными и смелыми, они зато отличаются меньшей силой ума и меньшим уменьем правильно управлять государством. Жители же Африки имеют более чем достаточно ума, но не имеют достаточно сил, необходимых, однако, как для отражения врагов, так и для охраны граждан[3].

Народы юга предаются созерцанию; они были основоположниками изящных наук, открывателями тайн природы, изобрели математику, они первые исследовали силу и природу религии и небесных светил[4].

С севера идут механика, военные машины, ремесла, типографское искусство, выплавка металлов[5].

Народы территории, расположенной между севером и югом, в число которых Боден включает французов, не обладая такими способностями к оккультным знаниям, как южане, и не будучи столь преданными ремеслам, как северяне, зато способнее всех в общественных делах: если собрать все написанное историками, то надо будет признать, что от этих людей впер-

---

[1] Гален — знаменитый врач античного мира.

[2] «Sed in primis illud statuo, nullam esse locorum aut caelestium siderum tantam vim quae necessitatem sit allatura (quod ne cogitare quidem fas est) ab iis tamen homines sic affici ut naturae legem, nisi ope divina aut diuturna disciplina superare non possint. Falsum est enim quod Galenus et Polybius affirmant, aeris temperiem necessario nos immutare. Magnam quidem vim ad immutandos animos habere, necessitatem tamen non adferre».— «Methodus», p. 107.

[3] «Planum est Australes intellectu, Scythas corpore praestare... id enim Aristoteles libr. 7 de Republica innuit; homines robustos et animosos minus ingenio valere nec Rempublicam recte moderari. Afri vero plus satis habent consilii, virium non item: quae tamen necessariae sunt tum ad hostes repellendos tum etiam ad cives tuendos». — «Methodus», p. 125.

[4] «Nam Australes populi diuturno contemplandi studio, quod atrae bibi congruit pulcherrimarum scientiarum autores ac principes fuerunt, naturae arcana detexerunt, mathematicas disciplinas invenerunt, denique religionis caelestiumque siderum vim et naturam primi perspexerunt».— «Methodus»., p. 146.

[5] «A Septemtrionibus ea quae mechanica dicuntur, belli tormenta, fusoriae artes, typographia quaeque pertinent ad metallicam disciplinam». Там же.

вые пошли учреждения, законы и лучшее управление государством, а также торговля, морское дело, ораторское искусство, диалектика и, наконец, воинская дисциплина[1].

Несколько ниже он добавляет к ранее сказанному, что, как известно из чтения произведений историков, в Малой Азии, Греции, Ассирии, Италии, Франции, верхней Германии, странах, лежащих между сороковым и пятидесятым градусом северной широты, всегда процветали величайшие государства; из этих стран происходили величайшие полководцы, лучшие законодатели, справедливейшие судьи, мудрые юрисконсульты, красноречивые ораторы, умелые купцы, наконец, знаменитейшие актеры[2].

С меньшей подробностью Боден останавливается на влиянии других сторон природы — рельефа, болот, плодородия почвы.

Рассмотрение психических качеств жителей гор Боден начинает с указания, что между жителями равнин и гор существует в этом отношении то же различие, что между южанами и северянами[3]. Поэтому он считает неприменимым все сказанное им о характере жителей средней области к жителям Альп, Пиренеев, Балкан, Карпат, Кавказа и других гор этой территории. Из числа южан он исключает жителей Атласа, горной Аравии и других горных стран юга.

К этим общим соображениям Боден добавляет специальную характеристику горцев, которых он считает людьми грубыми, невежественными воинственными, терпеливыми в труде и мало одаренными в умственном отношении[4].

Далее, ссылаясь на многочисленные примеры из современности и из античного прошлого, он подчеркивает любовь горцев к свободе и их уменье отстоять ее[5].

Несколько ниже он говорит о зобе (struma) и других болезнях жителей горных долин[6].

Говоря о жителях болотистых стран, Боден отмечает болезни, свойственные населению болотистых мест в странах с теплым климатом[7]. Напротив, население сухих стран отличается здоровьем и бодростью.

Плодородие почвы Боден не считал особо благоприятным фактором для обрабатывающего плодородную почву народа, так как обильные урожаи приучают к роскоши. Напротив, скудость почвы наделяет жителей рядом полезных качеств. Обитатели этих мест являются на войне смелыми солдатами, в мирное время — талантливыми ремесленниками и расчетливыми купцами. Скудная почва Аттики сделала афинян основоположниками искусств, и, как рассказывают, праздность считалась у них преступлением.

---

[1] «At mediae regionis homines neque ad occultas scientias ita nati ut Australes; neque opificiis ita dediti sunt ut Septentrionales, sed ad res agendas omnium aptissimi. Nam si quis omnia historicorum scripta collegerit, iudicabit ab eiusmodi hominibus primum profecta esse instituta, leges, mores atque optimam Reipublicae moderandae rationem tum etiam mercaturam, gubernatoriam, oratoriam, dialecticam, imperatoriam denique disciplinam». «Methodus», p. 147.

[2] «E quidem constat ex historiarum lectione in Asia, Graecia, Assyria, Italia, Gallia, Germania superiore, quae Polum inter et Aequatorem a quadragesimo ad quinquagesimum gradum interiacent, maxime imperia semper floruisse: et ad illis regionibus summos imperatores, optimos legumlatores, aequissimos iudices, prudentes iurisconsultos, disertos oratores, sagaces mercatores, clarissimos denique historiones et fabularum actores ortum habuisse». Там же.

[3] «Hoc igitur inter plana et montana interest in hominum naturis, quod inter Austrum et Septentrionem». «Methodus», p. 185.

[4] Там же, стр. 186.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 191.

[7] Там же, стр. 188.

Боден отмечает, что аналогичным образом в его время в Италии выделялись тенуэзцы, во Франции — жители Лимузена, в Германии — Нюрнберга.

Обильная жатва, свойственная плодородным землям, по мнению Бодена, компенсируется для местностей со скудными почвами развитием умственных способностей населения[1].

Последним свойством природы, влияние которого на человеческое общество разбирает Боден в своем «Методе легко изучить историю», является ветер.

Боден считает, что местности с сильными ветрами делают население надменным и непостоянным, а в местностях, где господствует тихая погода, население отличается заметной вежливостью[2]. В подтверждение этой мысли он приводит несколько примеров.

Переселение народа в новые природные условия влечет за собой, по мнению Бодена, изменение его национального характера[3]. Галльские племена, поселившиеся в Германии, усвоили, по словам Цезаря, нравы и образ жизни германцев. Галаты в мягком климате Малой Азии изнежились, перестали быть галлами[4] и потеряли храбрость. Турки на новых местах постепенно потеряли прежнюю отвагу, и если бы они не занимались с большим старанием военным делом, то были бы легко сломлены московитами и поляками.

Подчеркнув в начале главы отсутствие непреодолимого влияния природной обстановки на характер живущего в этой обстановке народа, Боден в конце главы опять возвращается к этому вопросу.

Он указывает, что смешение народов между собой может менять их природные свойства[5]. Это смешение, по его мнению, происходило в истории преимущественно в средней области и мало затронуло север и юг[6]. Именно в эту область выводили свои колонии римляне, между тем как в Скифии и Эфиопии римских колоний не было основано. В среднюю область вторглись германцы, из которых лишь вандалы переправились в Африку, откуда они вскоре были выброшены. В этой же области основывали свои поселения арабы, которые не проникли на север. Средняя область оказалась местом вторжения турок и татар.

Поэтому в средней области наблюдается значительное разнообразие в физическом типе и психическом складе населения, какого нет на севере и юге, где состав жителей гораздо более однороден. При смешении народы передают друг другу свои свойства. Смешение англосаксов и датчан с бриттами сделало последних отважнее, а первых более мягкими[7].

Воспитание, под которым Боден разумеет историческую обстановку, в которой живет народ, имеет, по его мнению, большую силу и может менять природные качества народа[8]. Дикий народ может усвоить культуру, и культурный народ, пренебрегая образованием, может выродиться в варварский.

---

[1] «Sunt igitur luxui dediti qui fertiles eius modi convalles habitant, contra quam accidit iis qui loca sterilia colunt. Sunt enim in bello strenui milites, in pace ingeniosi opifices aut diligenter mercaturam exercent. Eam ob rem Atticus ager sterilis Athenienses habuit artium inventores (apud quos otium capitale fuisse memoratur), ut Genuenses apud Italos, Lemovices apud nos, Norimbergenses apud Germanos: beatiores igitur illi frugum copia, hi vero ingenio».— «Methodus», p. 190—191.

[2] «Singulare tamen est quod ventosa loca ferociores homines ac mobiliores reddunt, quieta vero humaniores et constatiores ratio perspicua est».— «Methodus», p. 191.

[3] Там же, стр. 195.

[4] Галаты считались галльского происхождения.

[5] «Non parum etiam mores hominum et naturam immutant confusiones populorum». «Methodus», p. 192—193.

[6] Там же, стр. 193.

[7] Там же, стр. 195.

[8] Там же, стр. 196.

Примеров, подтверждающих это, как полагает Боден, очень много. Наиболее ярким подтверждением этого положения Боден считает историческую судьбу германцев, которые некогда были дикарями, недалеко ушедшими от зверей, с отвращением относились к письменности, а в его время, далеко продвинувшись по пути образования, стали народом высокой и разносторонней культуры[1].

Свою теорию о влиянии природной среды на человеческое общество Боден стремился подкрепить большим количеством примеров из античных и современных ему авторов. Его начитанность поразительна. Если основная идея его теории заимствована у древних, то вся концепция, им развернутая, наглядно показывает самостоятельность его мысли. В течение двух столетий не было создано теории, которая существенно продвинула бы разрешение проблемы. Как мы увидим позже, Монтескьё в XVIII столетии почти ничего нового не внес в данном вопросе по сравнению с Боденом.

Испанский врач и философ-материалист Хуан Уарте (Juan Huarte, род. между 1530 и 1535, ум. 1592 г.) в своем знаменитом[2], впервые напечатанном в 1575 г. произведении «Examen de ingenios para las ciencias» (Исследование умов по отношению к наукам), произведении, в основном посвященном проблемам психологии и философии, попутно бегло затрагивает также и проблему влияния географической среды на психику народов. Говоря о разных типах ума, Уарте касается причин, определяющих их формирование. В связи с этим он отмечает, что некоторым народам свойственны определенные черты ума, являющиеся результатом влияния той географической среды, в которой эти народы живут. Но свое исследование Уарте строит в психо-физиологическом и философском плане. Замечания географического порядка у него отрывочны и не систематизированы. В этих своих замечаниях Уарте исходит из той же античной идеи о влиянии географической среды на характер народов, на основе которой Боден построил свою концепцию.

---

[1] «Methodus», p. 196.

[2] На популярность этого труда Уарте указывает его перевод на латинский, французский, итальянский, английский и немецкий языки и число изданий. На языке оригинала и в переводах труд Уарте выдержал в общей сложности 46 изданий, в том числе 14 изданий в XVI и 25 — в XVII столетии («Enciclopedia universal ilustrada Europeo-Americana, tomo XXVIII, primera parte», Barcelona, 1925).

Глава четвертая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XVII—XVIII ВЕКАХ

§ 1. РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ (до эпохи «Просвещения»)

В XVII—XVIII вв. в передовых странах Западной Европы продолжался со все нараставшей интенсивностью тот процесс разложения феодального строя и формирования в его недрах новой, капиталистической формации, который начался еще в XVI столетии. В Англии, выдвинувшейся на первое место в этом отношении, союз буржуазии со значительнейшей частью крупных землевладельцев оказался в состоянии, использовав силу народных масс, произвести в середине XVII в. революцию. Хотя в этой революции крупную роль играли вопросы религии, и для своих социальных требований деятели революции искали обоснования в религии, тем не менее вопреки мнению буржуазных историков это была буржуазная революция[1], давшая сильный толчок дальнейшему капиталистическому развитию страны. В XVIII столетии Англия обогнала в экономическом отношении Голландию, эту, по выражению Маркса, образцовую капиталистическую страну XVII столетия, Голландию, на уровень экономического развития которой английские правящие классы с завистью смотрели еще в конце XVII в.[2].

Во Франции экономическое развитие было более медленным, но шло в том же направлении, что и в Англии.

Перемещение основных путей международной торговли со Средиземного моря на Атлантический океан повлекло за собой экономический упадок Италии — упадок, усугублявшийся политической раздробленностью страны. Темпы упадка в Италии в культурном отношении были более медленными. Потеряв положение лидера европейской культуры, Италия XVII—XVIII вв. оказывалась все же еще в состоянии делать очень

---

[1] Мысль о буржуазном характере английской революции, впервые высказанная Марксом и развитая советскими историками, ныне воспринята молодыми историками-марксистами в самой Англии. См. недавно переведенную на русский язык интересную книжку Хилла (*Hill*. The English Revolution. London, 1941; русский перевод под ред. В. Ф. Семенова. М., 1947).

[2] Во второй половине XVII в. в Англии возникают произведения, авторы которых ставят себе целью выяснить причины хозяйственных успехов Голландии и извлечь из этого полезные для Англии указания. См., например, *William Temple*. Observations upon the United Provinces of the Netherlands, 1672. Эта книга через два года вышла во французском переводе. См. Remarque sur l'estat des provinces Unis des Pais-bas (издано в Гааге). Во Франции описание голландской торговли было составлено Гюэ (*Huet*. Memoires sur le commerce des Hollandois. На титульном листе книги она названа «Ouvrage aussi curieux que nécessaire à tous les négocians».

крупные вклады в развитие европейской науки. Достаточно назвать имена Галилея, Торричелли, Вольта, Гальвани.

Глубокий хозяйственный и культурный упадок переживали Испания, истощенная войнами XVI столетия и задавленная инквизицией, и Германия, разоренная Тридцатилетней войной. На востоке Европы разложение феодальной формации едва начиналось, ростки капитализма были еще незначительными.

В политическом отношении эпоха XVII—XVIII вв. была временем господства абсолютизма в большинстве стран Европы. Королевская власть правила прежде всего в интересах землевладельческого класса, хотя и проводила ряд мероприятий, способствовавших росту капитализма. Абсолютизм сурово подавлял все проявления политического вольномыслия.

Католическая и протестантская церковь одинаково преследовали любые литературные и научные произведения, которые казались им вредными для дела их религий.

В одной Голландии была значительная по тому времени веротерпимость.

Отсутствие политической свободы и религиозная нетерпимость чрезвычайно затрудняли в XVII—XVIII вв. развитие исторической мысли, препятствовали постановке и разработке широких историографических проблем. С другой стороны, в общественной жизни XVII—XVIII столетий был ряд моментов, способствовавших разработке частных исторических тем и улучшению методов исторического исследования.

Экономический рост Западной Европы усиливал внимание к правовым вопросам, в том числе и к историко-юридическим проблемам. Развитие капитализма дало значительный толчок к развитию экономической мысли. Размышляя над экономическими проблемами современности, экономисты не могли не заинтересоваться состоянием народного хозяйства в прошлом.

Деятели церкви, обратившиеся к изучению истории церкви еще в XVI в., не только продолжали, но и усилили эту работу в XVII—XVIII вв. Этой работой католики стремились укрепить свою церковь, защитить ее от протестантизма. В этой работе им приходилось опираться на документы, доказывать подлинность одних и подложность других документов. Духовным и светским феодалам приходилось отстаивать свои привилегии перед государственной властью. К старинным документам принуждены были прибегать представители аристократии для доказательства древности рода. Земельные споры приходилось разрешать в судах, во многих случаях представляя в качестве доказательств старинные документы. Юристы, которые вели процессы, нередко оспаривали подлинность предъявляемых документов. Таким образом, юридическая практика побуждала к выработке приемов анализа документов. Эту роль юристов подчеркивают специалисты по дипломатике[1]. Как мы увидим ниже, знаменитое произведение основоположника дипломатики Мабильона «De re diplomatica» возникло в значительной мере в связи с практическими потребностями бенедиктинцев, к которым он принадлежал.

Благоприятным моментом для критического анализа исторических документов послужило также развитие научного естествознания в XVII в. На связь этих двух моментов указал еще Лейбниц[2], бывший, как известно,

---

[1] См. *Giry*. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, p. 58.
[2] *Fueter*. Указ. соч., стр. 312 (изд. 1911 г.).

одновременно крупнейшим деятелем в области точных наук и историком.

Первое место в европейской историографии в XVII—XVIII вв. безусловно занимала Франция.

Италия в XVII—XVIII вв., наряду с крупными трудами эрудитской школы, дала ряд весьма интересных исторических работ юристов и экономистов и выдвинула такого оригинального историка-мыслителя, как Вико.

Историки эрудитской школы в Англии дали гораздо меньше публикаций источников, чем французы. Но в английских публикациях больше внимания, чем во французских, было уделено источникам актового характера. Это было отмечено еще французским эрудитом XVIII столетия Брекиньи (Bréquigny, 1714—1794 гг.)[1].

Аналогичное замечание можно найти в предисловии ко второму изданию известного библиографического указателя литературы по истории Франции Лелона («Bibliothèque historique de la France par feu Jacques Lelong. Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée par M. Fevret de Fontette»), опубликованному в 1768 г., где подчеркивается отсутствие во Франции издания актов, подобного английской коллекции Раймера[2].

Английские авторы XVIII в. сделали наибольший вклад в дело формирования экономической историографии. Наконец, нельзя оставить без внимания влияние английской революции на английскую историческую мысль.

Небольшая по размерам территории и населения, Голландия была в XVII и начале XVIII в. ареной весьма оживленной научной деятельности. Лейденский университет, о котором голландская республика проявляла большую заботу, имел в XVII столетии международное значение, привлекая значительное число иностранных студентов[3].

Из гуманитарных наук в Голландии особенно процветала классическая филология[4].

Крупные заслуги принадлежат голландским ученым XVII—XVII вв. также и в области арабской филологии[5].

В области истории достижения голландцев не столь значительны, но и здесь можно отметить, с одной стороны, издания источников[6], в особенности по античной истории, и несколько крупных исследовательских работ, с другой стороны, работы по экономической истории и по истории права.

В Германии в XVII и в первой половине XVIII в. вместе с общим упадком культуры во время и после Тридцатилетней войны[7] историография тоже находилась в состоянии упадка. Чрезвычайно характерным является в этом отношении мнение Лейбница о германской науке и германских

---

[1] Table chronologique des diplomes, chartes, titres et actes imprimés] concernant l'histoire de France par M. de Bréquigny de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres. Paris, 1769, t. I, Préface.

[2] О публикации Раймера см. ниже.

[3] См. *Ornstein*. The Rôle of the Scientific Societies in the seventeenth century. N. Y., 1913, p. 292, а также *d'Irsey*. Histoire des universités, vol. II, pp. 10—15, Paris, 1935.

[4] См. *Gudeman*. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie. 2 Aufl., 1909.

[5] *В. В. Бартольд*. История изучения востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925, стр. 106.

[6] В особенности надо отметить обширную деятельность по изданию источников по истории древнего Рима и средневековой Италии голландского эрудита Греффе (в латинизированной форме Graevius, 1632—1703).

[7] Интересные факты для иллюстрации культурного упадка Германии в эту эпоху приводит *Паульсен*. «Германские университеты», СПб., 1904, стр. 36—37.

ученых его времени. Лейбниц признавал за германскими учеными лишь одно положительное качество — трудолюбие[1].

Перечисленные страны, конечно, не были в XVII—XVIII вв. единственными носительницами исторической науки в Европе. Исторические произведения в XVII—XVIII вв., как и в предыдущую эпоху, создавались и в других странах Западной Европы. В это время историография возникает также и в Соединенных Штатах Америки[2]. Но роль всех этих стран в общем развитии историографии XVII—XVIII вв. была меньшей, чем роль Франции, Италии, Англии, Голландии, Германии и Испании.

Надо указать также на переход от летописи средневекового типа к историографии современного эпохе западноевропейского образца в России XVIII столетия. Элементы такого перехода имеются еще в конце XVII в. в сочинении Сильвестра Медведева «Содержание краткое лет 7190, 7191, 7192 в них же что содеяся во гражданстве». У Сильвестра Медведева есть попытка определить смысл и значение исторических произведений. Он использует в своем связном рассказе подлинные документы для аргументации своих утверждений[3]. Этот переход, конечно, нельзя объяснять одним лишь западным влиянием. Наш первый выдающийся историк XVIII в. В. Н. Татищев выработал свои исторические взгляды и создавал свои исторические труды прежде всего под влиянием той исторической обстановки, в которой он жил, и под влиянием практической административно-хозяйственной деятельности, которой он занимался и которой уделял большую часть своего внимания и своего времени. С конкретной русской действительностью XVIII столетия связано формирование исторических воззрений и других крупных наших историков XVIII в.

Но, конечно, было бы неправильно отрицать усвоение нашими историками XVIII в. западноевропейской культуры и влияния этой культуры на их исторические произведения.

Центральное место в историографии XVII—XVIII вв. заняло направление, получившее у историков исторической науки название эрудитской школы. Наиболее широкую деятельность она развернула во Франции, где в качестве ее представителей выступали преимущественно монашеские ордена, в особенности мавристы, и в значительно меньшей степени светские лица.

Монашеские ордена и в первую очередь мавристы взяли на себя в области историографии выполнение тех задач, которые в XX в. разрешают научно-исследовательские институты. Они придали работе организованный характер, обеспечили ее непрерывность, выдвигая на смену умиравшим ученым продолжателей их дела из той же среды. Они организовали коллективную работу по историографии и обеспечивали в материальном отношении своих работников.

Некоторую роль в организации исторических исследований сыграли также и академии, как, например, основанная Кольбером «Académie des Inscription et des Belles Lettres» или Петербургская академия у нас.

Социальной базой эрудитской школы XVII—XVIII вв. был господствующий класс той эпохи, т. е. феодальный класс. Идеологически она

---

[1] Лейбниц писал об ученых немецкой национальности: «cui nationi, inter animi dotes sola laboriositas concessa esse videtur». Цит. по *Flint*. The Philosophy of History in France and Germany. London, 1874, p. 337—338.

[2] См. статью автора этих строк «Развитие исторической науки в США». «Исторический журнал», 1944, № 12.

[3] Сочинение это, написанное около 1684 г., впервые было напечатано в 1787 г. Ф. В. Туманским. Научное издание текста осуществлено А. А. Прозоровским в «Чтениях Общества истории и древностей российских» за 1894 г., кн. 4.

была теснейшим образом связана с церковью, органами которой были монашеские ордена.

Провиденциализм был характерной чертой исторического мировоззрения деятелей этого направления.

По характеру и методам своей работы историки-эрудиты XVII—XVIII вв. были непосредственно продолжателями таких историков второй половины XVI столетия, как Сурита или Кемден. Их деятельность в первой половине XVII в. в значительной мере походит на работу их непосредственных предшественников, хотя методы работы все же несколько улучшаются. Во второй половине XVII и в XVIII в. это улучшение становится настолько значительным, что можно говорить о новом этапе в развитии эрудитской школы.

Историки-эрудиты XVII—XVIII вв. выступили прежде всего в качестве собирателей и издателей исторических источников. Продолжая в этом отношении дело историков предшествующего периода, они, во-первых, значительно подняли научную сторону издания исторических источников, стремясь собрать больше рукописей издаваемого памятника и подвергая эти рукописи сопоставлению, сверке и исправлению текста. Во-вторых, они стремились к полному собранию и систематизации источников за определенный исторический период.

В количественном отношении они развернули работу очень широко. Собирая и издавая исторические источники, историки-эрудиты XVII—XVIII столетий работали над определением их подлинности и над способами их анализа. Это повлекло за собой значительные успехи в области вспомогательных наук. Первые шаги некоторые из них (хронология, нумизматика) сделали еще в XVI в. Расцвет же вспомогательных исторических наук начинается в последней четверти XVII в. Знаменитый труд Мабильона «De re diplomatica», впервые опубликованный в 1681 г., был работой, составившей эпоху в этом отношении. Вместе с близкими к нему по времени трудами французов же Монфокона и Дюканжа и англичанина Бентлея, произведение Мабильона знаменует тот новый этап в развитии эрудитской школы, о котором упомянуто выше.

В собственных трудах историков-эрудитов XVII—XVIII вв. внимание авторов направлено на узко фактическую сторону. Их утверждения основываются на первоисточниках. При этом они приводят точные выдержки из своих источников, указывая, откуда взято цитируемое место.

Стиль историков-эрудитов XVII—XVIII вв. обычно совершенно лишен тех реторических красот, которые были свойственны гуманистической историографии. В XVII столетии эрудиты пользуются преимущественно латинским языком. В XVIII в. преобладание получают национальные языки, в особенности у историков Франции. Дольше всего сохраняется роль латинского языка как языка науки у немецких ученых. Историки-эрудиты XVII—XVIII вв. отличались слабостью исторической мысли. Они излагали события в чисто внешней исторической последовательности, не умея вскрыть их причины и их взаимную связь между собой.

Лишь в виде очень редкого исключения появлялись среди них историки и мыслители, авторы оригинальных исторических концепций, как известный аббат Дюбо, о котором будет идти речь ниже.

Часто исторические произведения эрудитов XVII—XVIII вв. представляют собою скорее исторические справочники, чем объединенные внутренней логической связью повествования о событиях прошлого.

Типичным в этом отношении является коллективный труд монахов конгрегации св. Мавра по истории французской церкви «Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa». Такого рода труд был впервые

выпущен еще в XVII в.[1]. Новое, совершенно переработанное и расширенное издание этого труда мавристы стали выпускать с 1715 г.[2]. Издание было прервано французской революцией и закончено только в XIX столетии.

О построении всего издания можно судить по структуре первого тома, которая является типичной.

Структура первого тома этого труда такова: в начале тома напечатаны исторический документ времен римских императоров Аркадия и Гонория «Notitia provinciarum et civitatum Galliae», за ним следует список архиепископств и епископов современной авторам Франции. За этими двумя перечнями древних административных и современных церковных единиц Франции следуют карты[3]. Остальное изложение идет по провинциям. Церковная история каждой провинции построена по такой схеме: после краткого введения идет хронологический перечень архиепископов и епископов с данными о деятельности каждого, далее следует список так называемых praepositi, построенный по тому же образцу; после этого идет история аббатств, причем сначала рассказывается история самого аббатства, а за нею следует хронологический перечень настоятелей данного аббатства с данными о деятельности каждого. История не существовавших в момент составления тома монастырей помещена раньше истории существующих монастырей. В общих очерках истории отдельных монастырей излагается история пожертвования данному аббатству земельных угодий. В конце тома приложены многочисленные документы (обычай помещать в исторических сочинениях в качестве приложения исторические документы ведет свое начало с этого времени). Кроме того, приложены словарь испорченных слов, списки пап, императоров и королей.

Количество документов, напечатанных в виде приложений к томам «Gallia Christiana», настолько значительно, что в исторических справочниках XIX в. это произведение иногда рассматривается просто как сборник исторических источников: так, например, в известном справочнике Эстерлея об изданиях исторических источников[4] «Gallia Christiana» без каких-либо оговорок включена в один перечень вместе с собраниями Дюшена и Буке.

Для истории исторической мысли роль эрудитской школы XVII—XVIII вв. весьма невелика. Но для истории исторического исследования ее публикация источников и разработанные ею вспомогательные исторические дисциплины имели очень большое значение. Историческая наука XIX в. широко использовала эти достижения. Поэтому роль эрудитской школы XVII—XVIII вв. в развитии исторической науки не следует оценивать низко. Семнадцатый век, бывший важной эпохой в истории естествознания, сыграл серьезную роль и в истории исторической науки изданием источников и разработкой техники исторического исследования. Литературная гуманистическая школа историков была представлена в XVII столетии лишь эпигонами, как, например, Гуго Гроций (Huig de Groot, в латинизированной форме Grotius, 1583—1645), знаменитый голландский юрист, подражавший в своих исторических произведениях стилю Тацита.

---

[1] История труда рассказана в предисловии в I т. издания 1715 г.

[2] «Nouvelle édition ne contient plus que le titre de la première»,— говорит бенедиктинец Ле Серф (Le Cerf) в своем обзоре литературной деятельности мавристов. См. «Bibliothèque historique et critique des auteurs de la congregation de Saint Maur», La Haye, 1726, p. 465.

[3] О картах см. ниже.

[4] *Oesterley*. Wegweiser durch die Literatur der Urkundensammlungen. Theil II, Berlin, 1886.

Упадок литературной гуманистической школы в историографии связан с значительным уменьшением авторитета античности в глазах деятелей культуры XVII—XVIII вв., что особенно ярко выразилось еще в конце XVII в. в опубликованном в 1688 г. известном трактате «Parallèle des anciens et des modernes en ce qui regarde les arts et les sciences»[1] Перро (Perrault, 1628—1703), знаменитого в истории мировой литературы своими сказками[2].

Это уменьшение авторитета античности было естественным следствием хозяйственного и культурного роста Европы в XVII—XVIII вв.

Переходя к обзору содержания исторических работ XVII—XVIII вв., надо прежде всего подчеркнуть, что содержание общеисторических сочинений сводится к рассказу о событиях политической и церковной истории с большим вниманием к личной жизни монархов.

Возникшая в религиозной борьбе XVI в. и ею введенная в общеисторические сочинения церковная история прочно внедряется в общеисторические работы. Еще Кемден, историк, работавший в конце XVI и в начале XVII в., о котором речь шла в предыдущей главе настоящего исследования, в предисловии к своему труду «Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elisabetha» (опубликованном в 1615 г.), писал о невозможности для него оставить без внимания факты церковной истории, так как «между религией и государством не может быть разрыва» (inter Religionem enim et Rempublicam divortium esse non potest).

Но XVII и XVIII века чрезвычайно богаты также специальными исследованиями по истории церкви. Монахи—историки этого времени—начали деятельность по публикации исторических источников с публикации прежде всего памятников церковной истории. Иезуит Сирмон (Sirmond) уже в 1629 г. выпустил трехтомное собрание документов по истории церковных соборов средневековой Франции «Concilia antiqua Galliae». После Сирмона эта работа была продолжена, начиная с 1644 г., рядом сменявшихся французских историков-иезуитов. В XVIII в. издание было перенесено в Италию. Тридцать первый том его был закончен печатанием в Венеции в 1798 г. Иезуиты под руководством Болланда (1596—1665) организовали издание житий святых («Acta Sanctorum»). Издание начало выходить в Антверпене с 1643 г., было прервано французской революцией в 1794 г. и возобновлено затем в 1837 г. в Брюсселе. Мавристы тоже занимались изданием документов по истории церкви. Мабильон в 1668—1701 гг. выпустил девять томов житий святых, принадлежавших ордену бенедиктинцев — «Acta sanctorum ordinis st. Benedicti». Самый подбор житий был плодом коллективной работы под руководством Мабильона.

В противоположность иезуитам, располагавшим жития по дням празднования памяти святых, Мабильон расположил их в хронологическом порядке. К каждому тому, включавшему жития святых за столетие, Мабильон написал предисловие. В этих предисловиях он излагал основные исторические события этого столетия, давал таблицы годов правления пап и королей и сообщал данные о состоянии монастырей и папства. Таким образом получилось справочного характера введение к собранию документов. Введения такого рода были довольно обычными в публикациях исторических источников, издававшихся в XVII—XVIII вв.

---

[1] Историю этой проблемы дает старая работа Риго (*Rigault*). Histoire de la querelle des anciens et des modernes. Paris, 1856.

[2] Сказки Перро давно уже имеются в русских переводах. Полное их издание в русском переводе выпущено издательством «Academia» в 1936 г.

Не ограничиваясь изданием исторических источников по истории церкви, монахи были также авторами обширных исследовательских работ по истории церкви, например, Мабильон составил историю своего ордена «Annales ordinis Sancti Benedicti».

Из такого рода работ наиболее крупным был коллективный труд мавристов «Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa», о котором речь уже была выше. Работы по церковной истории монахи организовывали не только для удовлетворения познавательного интереса, но главным образом в пропагандистских и апологетических целях.

Историки эрудитской школы в XVIII столетии дали крупные специальные труды по истории литературы. Мавристы в 1733 г. начали выпускать «Histoire littéraire de la France». Это издание было подобно «Gallia Christiana» прервано французской революцией. В XIX в. его продолжение взяла на себя Академия надписей Французского института.

В Италии аналогичную работу единолично предпринял несколькими десятилетиями позже Джироламо Тирабоски (*Tiraboschi*, 1731—1794), напечатавший «Storia della letteratura italiana» от эпохи императора Августа до начала XVIII столетия). Обе работы по своей структуре и трактовке материала резко отличаются от современных нам работ по истории литературы, во-первых, тем, что они включают в себя не только историю художественной литературы, но историю всего написанного в стране, включая научную и другую специальную литературу; во-вторых, изложение носит по преимуществу справочный биобиблиографический характер. Оценки авторов и произведений даются, но отсутствует анализ как творческой деятельности отдельных авторов, так и отдельных произведений, нет характеристики школ и направлений.

Труды эти ближе к аналогичным гуманистическим произведениям. В частности, можно констатировать довольно значительное сходство в структуре и отчасти трактовке материала между трудом Тирабоски и произведением гуманиста XV в. Сикко Полентона «Scriptorum illustrium latinae linguae libri XVIII». Разница заключается, во-первых, в том, что Тирабоски критически относится к материалу, выступая в этом отношении со всеми качествами эрудита XVIII в., между тем как Сикко Полентон такими качествами не обладает; во-вторых, в количестве рассмотренных писателей. Труд Тирабоски с этой точки зрения поражает объемом проделанной работы. Подобно Сикко Полентону, Тирабоски отдельно рассматривает историков. В этой части его труда, отличающейся привлечением весьма значительного количества имен, можно видеть один из первоначальных этапов в изучении истории историографии.

Столетием раньше голландский эрудит Фосс в 1651 г. опубликовал специальное отдельное сочинение по истории историографии «De historicis latinis libri tres», в котором он дал обзор деятельности историков, писавших на латинском языке. Он же был автором книги «De historicis graecis».

«Histoire littéraire de la France» имеет одну особенность, делающую этот труд крупным явлением в развитии историографии. Материал расположен авторами по столетиям. В начале каждого отдела, посвященного истории литературы в течение данного столетия, авторы помещают вводный очерк, в котором описывается состояние литературы во Франции в данном столетии. Как уже было указано, под литературой авторы понимают не только художественную литературу, но и всю письменность вообще. Таким образом, эти вводные очерки являются очерками о состоянии нематериальной культуры Франции в течение каждого из рассматриваемых в данном труде столетий, и, следовательно, эти очерки можно рассматривать как первый шаг к созданию эрудитской истории культуры.

Как уже было указано в предыдущей главе, в XVI столетии были сделаны первые шаги в деле формирования истории права как особой ветви историографии. Как в той же главе было отмечено, эти первые шаги были сделаны юристами, а не историками. В XVII—XVIII вв. юристы продолжали энергично разрабатывать проблемы истории права и достигли в этом отношении значительных успехов.

В XVI столетии юристы-гуманисты интересовались историей права как средством для истолкования права. Сама по себе история права как таковая еще не была предметом их интереса. В XVII—XVIII вв. этот мотив остается. Но рядом с ним развивается и чисто исторический интерес.

В области истории римского права продолжалась работа по реконструкции источников права. Здесь, как это подчеркивали еще историки римского права XVIII в., особенно велики заслуги представителя «династии» французских юристов Годфруа, женевского профессора Жака Годфруа (Godefroy, в латинизированной форме Gothofredus, 1587—1652), сына Дионисия Годфруа, издавшего в 1583 г. «Corpus juris civilis». Жак Годфруа издал «Codex Theodosianus», снабдив его комментариями, и много сделал для реконструкции текста законов двенадцати таблиц[1]. Установленный Жаком Годфруа текст двенадцати таблиц пользовался авторитетом у историков римского права вплоть до XIX столетия.

Много было сделано для установления текста «Edictum perpetuum». Работа над ним, начатая еще в XVI в., продолжалась в XVII—XVIII вв. Особенно много сделал в этом отношении немецкий юрист начала XVIII в. Гейнеке (Heineccius, 1681—1741).

Дело не ограничивалось только лишь историческим изучением важнейших источников римского права. Создаются также сводные труды, дающие историю римского права. Большим авторитетом пользовались две работы: «Originum juris civilis libri III» итальянца Гравины (Gravina Gian Vincenzo, 1664—1718), опубликованная в самом начале XVIII в. (первая книга вышла в 1701 г.), и «Historia juris civilis» немецкого юриста Гейнеке, которая вышла в свет в 1733 г. Обе работы неоднократно переиздавались. Труд Гравины был переведен на французский язык в 1822 г., т. е. более чем через сто лет после его выхода в свет.

Продолжалась в XVII—XVIII вв. также разработка истории канонического права.

В XVII в. получила развитие работа над историей национального права. К этой работе юристов толкала практическая нужда — стремление использовать историческое изучение правовых норм для их истолкования и применения на практике. В этом отношении имеется аналогия с изучением истории римского права. Уже в XVII в. историческое изучение национального права сделало возможным появление общего характера работ по истории национального права и сводных обзоров истории его развития. В качестве примера можно назвать «Histoire du droit français» аббата Флери (Fleury), вышедшую первым изданием в 1674 г. Германские историки права обычно подчеркивают значение сочинения Германа Конринга «De origine juris germanici», которое было опубликовано в 1643 г. и доставило автору впоследствии почетное имя «отца немецкой истории права»[2]. Развитие истории права сделало возможным появление в 1723 г.

[1] Крупный историк права начала XVIII в. Гейнеке писал о его работе «Sed nemo paria fecit Gothofredo, qui non contentus collegisse fragmenta eaque qualicumque ordine explicasse ipsae XII Tabulas ordini integritatique suae restituere primus conatus est». *Heineccii*. Historia juris civilis. Argentorati, 1751, p. 57.

[2] «Man nennt ihn den Vater der deutschen Rechtsgeschichte»,— пишет о Конринге историк немецкой юридической науки Штинцинг. (*Stintzing*. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft. Abteil. II. München und Leipzig, 1884, S. 3).

такого произведения, как известная «Istoria civile del regno di Napoli» неаполитанского адвоката Пьетро Джанноне (Giannone, 1676—1748). В предисловии автор пишет, что в своем сочинении он не будет заниматься шумом битв и звоном оружия, что его работа является всецело гражданской (tutta civile) историей Неаполитанского королевства.

Соответственно с этой своей установкой Джанноне детально излагает историю государственного устройства и управления Неаполя, историю законодательства. Он уделяет также значительное внимание деятельности церкви в Неаполе. О военных событиях говорится очень немного. Джанноне широко использовал в своем сочинении работы юристов по истории права. Его труд является первым систематическим трудом по истории общественного устройства и права определенной исторической территории.

В семнадцатом столетии появляются первые ростки экономической историографии. Несмотря на огромное развитие в конце XIX и в XX в. изучения экономической истории, вопрос о том, когда, в силу каких причин возникла экономическая историография, каковы были ее первые шаги, изучен очень слабо.

Из весьма скудной, чтобы не сказать больше, литературы на эту тему некоторый материал для ответа на вопрос дают лишь две небольшие работы — статья американца Граса, автора интересной книги о развитии английского хлебного рынка[1]— «The Rise and Development of Economic History», помещенная в «Economis History Review» (1927, № 1), и книга итальянского экономиста Фанфани «Introduzione allo studio della storia economica» (Milano, 1941).

Обе работы почти не дают научного анализа проблемы. Их значение сводится по существу только к указаниям библиографического характера относительно историко-экономических сочинений XVIII и отчасти XVII в., у Граса главным образом английских, у Фанфани преимущественно итальянских. Автор этих строк сделал попытку исследования проблемы возникновения экономической историографии[2]. На последующих страницах использована небольшая часть собранного им материала.

Отдельные упоминания об исторических фактах экономического порядка встречаются как у античных историков, так и в средневековых хрониках. Но говорить только на этом основании о наличии уже тогда экономической историографии, конечно, не приходится. Первым историческим произведением, в котором данные экономического характера занимают значительное место, является флорентийская хроника Виллани. Связь между экономическим развитием Флоренции и указанной сейчас чертой хроники Виллани не вызывает сомнений. Как уже было выяснено выше, в первой главе, почин Виллани остался без продолжения. Гуманистическая историография XV—XVI вв. не уделяла внимания фактам экономической истории.

Первые шаги экономической историографии относятся к XVII в. Она зарождается в двух формах — в форме историко-экономических глав в экономических сочинениях и в форме специальных историко-экономических и историко-статистических работ.

Странами, где зародилась экономическая историография, были Голландия, Франция и Англия. В Голландии Питер де ля Кур (De la Court,

---

[1] О книге Граса (Gras) «The Development of the English Corn Market», 1915, см. в труде Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII века». М.— Л., 1947.

[2] Доклад на эту тему был сделан автором на заседании Комиссии по истории исторических наук 18/X 1946 г. Доклад пока еще не напечатан.

1618—1685), владелец шерстяных мануфактур в Лейдене, писатель по экономическим вопросам, общественный деятель, отстаивающий интересы своего класса, в 1662 г. выпустил книгу «Interest van Holland», переизданную в 1669 г. под новым заглавием «Aanwysing der heilsame politike Gronden en Maximen van de Republike van Holland en West Vriesland». Написанная совместно с другим крупным общественным деятелем страны де Виттом, эта книга была посвящена проблемам экономической политики Голландии. В книге имеется глава, в которой дан очерк истории европейской торговли с X в. История была привлечена автором в связи с обоснованием им тех принципов экономической политики, которые он рекомендовал для Голландии.

Купец Нейкерке (Nykerke) опубликовал несколько брошюр с проектами мероприятий в области хлебной торговли. В одной из этих брошюр[1] он посвятил отдельную небольшую главу хлебной торговле у древних греков и римлян.

В том же XVII столетии в Голландии были опубликованы книга де Лаата по истории Вест-Индской[2] и книга по истории Ост-Индской[3] торговой компании.

Эрудит Исаак Фосс[4], знаток греческого языка и античных древностей, переселившийся под конец жизни в Англию, написал сочинение, в котором изучал динамику числа римских граждан с 508 г. до н. э. до 70 г. н. э. и сравнивал численность населения Европы в древности с населением Европы в его время[5].

Юрист, член городского управления Лейдена Виллем Гус (Goes, в латинизированной форме Goesius, 1612—1686), выпустивший в 1674 г. сборник источников по аграрной истории Рима — «Rei agrariae auctores legesque variae», опубликовал, кроме того, исследование о колониях, которые выводили римляне, и о распределении земли в них[6].

Во Франции по поручению Кольбера богослов и классик Гюэ (Huet, 1630—1721) написал очерк истории торговли и мореходства древних народов — Histoire du commerce et de la navigation des anciens,— изданный через много лет после его составления, в 1716 г. Другой автор, по поручению того же Кольбера, составил трактат о финансах древнего Рима[7], также выпущенный в свет гораздо позже его написания.

Интерес Кольбера к торговле и финансам древности, конечно, является следствием его практической деятельности. Значительно раньше этих работ, в 1620 г., Сципион де Грамон в книге «Le denier royal traicté curieux de l'or et de l'argent» дал историю денежного обращения. Современный французский ученый Арсен считает эту часть работы Грамона первой попыткой истории денежного обращения[8].

---

[1] «Naerder Bericht of Aenwysinge hoe en op wat maniere dat men altydt goedt koop Brood voor de Gemeynte sal veroorsaecken ende den uytvoor van't Cooren wederom vry stellen». Amsterdam, 1631.

[2] «Kort Verhael van den Diensten en Nuttigheden der W. I. C.», 1644.

[3] «Begin ende Voorgangh van de Oost Indische Compagnie», 1646.

[4] Сын Герларда Фосса, о котором речь шла выше.

[5] *Isaaci Vossii* De Antiquae Romae et Aliarum quarumdam Urbium Magnitudine. В сб. соч. Фосса «Variarum Observationum liber». London, 1685.

[6] «Antiquitatum agrariarum liber singularis».

[7] Traité des finances et de la fausse monnaie des Romains. Издано в 1740 г. без имени автора. В предисловии издатель говорит, что сочинение написано по поручению Кольбера. Историк политической экономии Бланки указывает фамилию автора — *Chassipol*. Бланки полагает, что Кольбер заказал это сочинение, желая ознакомиться с финансами Рима. См. *Blanqui*. Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours. Paris, 1837 (есть русск. перевод).

[8] *Harsin*. Les doctrines monetaires et financières en France du XVI au XVIII siècle. Paris, 1928, chap. III.

В Англии Вильям Петти в числе своих «опытов» по политической арифметике составил также «Опыт по политической арифметике, рассматривающий рост Лондона с указанием размеров, периодов, причин и последствий этого роста»[1].

В XVIII столетии, главным образом во второй его половине, экономическая историография делает весьма значительный шаг вперед, так что можно уже говорить о формировании экономической историографии в это время.

Круг стран, в которых создаются историко-экономические работы, значительно расширяется. Ведущую роль как по количеству произведений, так и по их качеству играет Англия, что является вполне понятным следствием уровня развития народного хозяйства Англии того времени по сравнению с народным хозяйством остальных стран Европы. За Англией следуют Франция и Италия. Голландия сохраняет свое значение. Развивается историко-экономическая литература в Германии, но от Франции и Италии, не говоря уже об Англии, Германия еще сильно отстает. Появляются очень интересные труды в России. Возникают историко-экономические произведения в Испании и историко-статистические в Швеции.

Создаются не только объемистые книги, но и многотомные произведения. Оставляя пока в стороне произведения, написанные под непосредственным влиянием французской просветительной философии, как, например, чрезвычайно популярное в свое время сочинение аббата Рейналя (Raynal, 1713—1796) «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Europeens dans les deux Indes», оставляя в стороне работы физиократов и Адама Смита, также связанные идеологически с идеями просветителей (всех этих работ придется коснуться в следующей главе), остановимся вкратце на сочинениях, авторы которых придерживались взглядов, характерных для времени, предшествующего эпохе Просвещения[2].

В этих сочинениях изучается как экономическая история родной страны авторов, так и античная экономическая история. В этом изучении экономической истории древности можно видеть, с одной стороны, проявление чисто исторического интереса авторов, а с другой — отзвук неизжитого еще вполне, вплоть до времени французской революции 1789 г., авторитета античности. Речи великих ораторов революции, полные ссылок на античность[3], равно как и высокая оценка многими из ораторов революции красноречия Цицерона[4], достаточно показательны в этом отношении.

Наибольшее внимание авторов историко-экономических работ привлекала история торговли. При этом в сочинениях по истории торговли часто излагается также и история мореходства и промышленности. Иными словами, термин «история торговли» иногда употребляется в этих работах в смысле «история народного хозяйства». Для эпохи меркантилизма такое понимание истории торговли вполне понятно.

---

[1] *Вильям Петти*. Экономические и статистические работы. М., 1940, стр. 218—235.

[2] Авторы рассматриваемых в данном параграфе историко-экономических сочинений были меркантилистами. Конечно, разграничить хронологически эпоху Просвещения от предшествующего ей времени можно лишь приблизительно, так как, с одной стороны, отдельные элементы идей эпохи Просвещения возникают очень рано, с другой стороны, старые направления не умирают вполне и тогда, когда идеи просветителей получают чрезвычайно широкое распространение. В частности, эрудитская школа XVII—XVIII вв. дожила до самой французской революции 1789 г.

[3] В этом отношении типична речь Робеспьера 30 мая 1791 г. против смертной казни. См. *Олар*. Ораторы революции, т. 1, М. 1907 стр. 343.

[4] См. *Zielinski*. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. 3 Aufl. Leipzig, 1912, SS. 257—267.

Вот несколько примеров работ по истории торговли. В 1763 г. Адам Андерсон (1692—1765), служащий «Компании южных морей», отнюдь не историк по профессии, опубликовал сочинение «An historical and chronological deduction of the origin of commerce from the carliest accounts». Это огромная компиляция по мировой экономической истории. Автор использует самые разнообразные источники, по преимуществу литературного характера, но частично и документальные,— например, он часто ссылается на известное английское издание источников Раймера[1].

Начиная с допотопных времен, признавая потоп за исторический факт, автор доходит до своего времени. Он занят исследованием мировой истории, но в особенности истории Европы, а в Европе — главным образом истории Англии. Экономический материал причудливо перемешан у Андерсона с общеполитическим. Но чем ближе к современности, тем более экономики. Есть попытки оценивать политические события с экономической точки зрения. Есть даже чисто синтетические характеристики хозяйственного развития за каждое столетие.

Из французских работ по истории торговли представляет интерес сочинение аббата Карлье (Carlier Claude, 1725—1787), одновременно крупного специалиста по овцеводству и автора нескольких исторических работ. Это сочинение называется «Dissertation sur l'état du commerce en France sous les rois de la première et de la seconde race». Оно было удостоено премии провинциальной Амьенской академией и напечатано в Амьене в 1753 г. Автор на основании источников исследует историю французской торговли при Меровингах и Каролингах.

Из итальянских авторов, писавших по истории торговли, следует отметить неомеркантилиста Менготти (1749—1830). Менготти был инженером-гидравликом и одновременно экономистом, сочетавшим практическую работу в области финансов с теоретической работой в области экономики. Его главным трудом было сочинение о Кольбере и его системе. Он первый употребил термин «кольбертизм»[2] (работа называлась «Il colbertismo»). В числе работ Менготти имеется книга по истории римской торговли — «Del commercio dei Romani della prima guerra punica a Constantino» (1787). Работа получила премию французской академии надписей. Автор рассматривает не только торговлю, но и историю народного хозяйства в целом.

Наиболее ценной из западноевропейских работ XVIII в. по истории торговли и в связи с нею всего народного хозяйства страны можно признать четырехтомный труд голландского юриста Люзака (Luzac, 1721—1796) «Hollands Rijkdom»[3], первоначально изданный в шестидесятых годах на французском языке и потом в расширенном и переработанном виде по-голландски в 1780—1783 гг.[4].

На мировоззрении автора сказалось влияние просветителей. Но названный труд его по своему построению и обилию документального материала близок к произведениям эрудитской школы. Кроме того, на нем ярко отразились нужды голландской экономики того времени. И, наконец, нельзя не отметить аналитической мысли автора, старающегося разо-

---

[1] *Rymer*. Foedera. Об этом издании см. ниже.

[2] См. *Ингрэм*. История политической экономии. 2-е изд., М., 1897, стр. 58.

[3] «Богатство Голландии». Полное заглавие труда по обычаю эпохи очень длинное: «Hollands Rijkdom behelzende den Oorsprong van den Koophandel en van de Magt van dezen Staat; de toeneemende Vermeerdering van deszelfs Koophandel en Scheepvaart; de oorzaken, welke tot derzelver aanwas medegewerkt hebben; de welke tegenwoordig tot derzelver verval strekken; mitsgaders de middelen, welke dezelven wederom zouden kunnen opbeuren, en tot bunnen voorigen bloei brengen».

[4] См. «Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek» onder redactie van Dr. *Molhuysen en Prof. Dr.* P. I. *Blok*. Leiden, 1911. Слово «Luzac».

браться в причинах экономического роста своей родины до XVIII в. и в особенности в причинах упадка голландской торговли в XVIII в. Этой последней проблеме посвящен весь четвертый том. Люзак прослеживает историю голландской торговли, рыболовства, мореходства и промышленности с древнейших времен до своей эпохи включительно. Опираясь в своих утверждениях на документы, автор дает большое количество их в приложениях.

В России М. Д. Чулков (1740—1793), литератор и этнограф, напечатал в 80-х годах XVIII в. многотомное «Историческое описание Российской коммерции». Как указывает сам автор в предисловии, он ставил себе задачу «показать древнее начало коммерции нашей», «показать самое начало ныне действующих у нас заводов», «наконец, показать ныне производимую торговлю». В этом огромном по объему (в семи томах 14 298 страниц!) труде, представляющем собою не столько описание торговли России, сколько собрание необработанных материалов для такого описания, основное внимание отведено материалам по русской торговле XVIII в., расположенном в порядке исторической последовательности. Но есть разделы о торговле древней Руси до монгольского нашествия, о торговле Новгорода с Ганзою, о торговле Русского государства через Архангельск с Западной Европой, через Астрахань, а также караванным путем со странами Востока, о торговле Сибири. Таким образом, труд М. Д. Чулкова, который, по мысли автора, должен принести пользу российскому купечеству, является экономической работой, в которой материал расположен в историческом порядке и снабжен значительными по объему экскурсами в историю торговли России до XVIII в. М. Д. Чулков служил в сенате и Коммерц-коллегии. Связь его труда с его служебной деятельностью самая непосредственная.

Архангельский историк и географ из местных посадских людей В. В. Крестинин (1729—1795) был автором двух небольших работ по истории торговли: «Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693—1719» (напечатана в «Месяцеслове» на 1795 г.) и «Исторические примечания о коммерческом кредите внешния торговли» (опубликована в «Новых ежемесячных сочинениях» за 1792 г.).

Кроме общих трудов по истории торговли и в связи с нею всего народного хозяйства, в XVIII столетии был написан ряд работ по истории отдельных отраслей народного хозяйства. В качестве примеров можно привести сочинения англичанина Смита, немца Антона и русского Крамаренкова.

Джон Смит[1] был священником. Но он вместе с тем занимался изучением шерстяной промышленности. В 1747 г. он опубликовал «Chronicon Rusticum Commerciale or Memoirs of Wool». Автор дает историю шерстяного дела в Англии с начала XVII в. и отстаивает рекомендуемые им мероприятия экономической политики по отношению к данной отрасли народного хозяйства. Во второй половине XVIII в. сочинение Джона Смита высоко ценилось, в частности, Артур Юнг отозвался о нем с похвалою.

Антон (Anton, 1751—1818) был юристом по образованию и адвокатом по профессии. Ему принадлежит несколько исторических работ. Среди них «Geschichte der teutschen Landwirtschaft von den ältesten Zeiten bis zu Ende des fünfzehnten Jahrhunderts»[2]. Работа основана на разнообразных источниках. Здесь и данные римских писателей и средневековых хро-

---

[1] Как указано в «Dictionary of national biography», Джон Смит родился около 1700 г., точный год смерти неизвестен, предположительно он умер в 1774 г.

[2] Как отмечает Рошер («Geschichte der National Oekonomik in Deutschland», München, 1874, S. 913), в этой работе Антон примыкает к Мезеру, автору известной «Osnabrückische Geschichte». Teutschen вместо deutschen — правописание XVIII в.

ник, варварских правд и «Capitulare de villis». Последнему источнику автор придает очень большое значение и прилагает свой перевод его на немецкий язык.

В. И. Крамаренков — обер-секретарь сената, переводчик и сотрудник «Трудов Вольно-экономического общества», связанный по службе с вопросами горнозаводской промышленности, составил около 1776 г. записку по истории горного дела в России. Записка Крамаренкова не была напечатана[1], лишь выдержка из нее уже в советское время была опубликована в «Архиве по истории труда в России» (кн. 1. Пг., 1921). Содержание записки состоит главным образом в изложении в историческом порядке мероприятий и распоряжений правительства по горному делу. К записке приложен значительный законодательный и историко-статистический материал. Записка Крамаренкова положила начало ряду работ по истории русской горной промышленности (Германа, Дерябина, Ярцова), написанных в начале следующего, XIX, столетия.

В XVIII в. несколько исследований было посвящено истории цен и покупательной способности денег. Первый, кого здесь можно отметить, это — английский епископ Флитвуд (Fleetwood, 1656—1723), работа которого получила впоследствии широкую известность, так как на нее ссылается Адам Смит. Сочинение Флитвуда называется «Chronicon preciosum». Оно было напечатано в 1707 г. Автор дал обзор истории английского денежного обращения и собрал данные за шестьсот лет о ценах на зерно, мясо, напитки, одежду, а также данные о заработной плате. Он сравнивает покупательную способность денег в 1450 г. и в свое время, учитывая содержание серебра в монете. Толчком к появлению труда Флитвуда была современная ему экономическая действительность и классовые интересы духовенства, одним из представителей которого он был. Рост цен, наблюдавшийся в его время, снижал покупательную способность доходов духовенства. Это обстоятельство привлекло к данной проблеме внимание Флитвуда.

Исследования на ту же тему экономистов Франции и Италии, живших несколько позже Флитвуда, дают уже зародыш будущей теории индексов, занимающей ныне такое видное место в современной статистической науке.

В России XVIII в. изучением истории цен занялся названный выше В. В. Крестинин. В очень интересной работе «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере», изданной Академией наук в 1779 г., он сначала дает краткую историю крестьянского рода Вахониных-Негодяевых, а потом помещает две составленные им историко-статистические таблицы: 1) таблицу цен на земельные участки в Двинском крае и 2) таблицу цен на хлеб в Архангельске в XVII в. К этой последней таблице для сравнения им прибавлены данные о ценах на хлеб в Архангельске в 1777 г. по данным архангельского магистрата. Весь «Опыт» написан на основании старинных актов, хранившихся в семьях местного крестьянства. В приложениях напечатаны три купчие на землю XV—XVI столетий.

Весьма большое внимание авторов XVIII в. привлекала история государственных финансов. Ею интересуются почти в той же мере, как историей торговли. В этой области имеются работы итальянские, французские, английские, голландские, немецкие.

Остановлюсь на двух работах в данной области. Одним из выдающихся произведений является сочинение Паньини (Pagnini, 1715—1789) «Della

---

[1] За предоставление возможности ознакомиться с копией текста записки приношу благодарность Н. И. Павленко.

decima e delle gravezze imposte dal comune di Firenze, della moneta e della mercatura de'fiorentini fino al secolo XVI» (Lisboa e Lucca, 1765). Автор, меркантилист, служивший в финансовой администрации Тосканы, в первом томе труда дал историю налогового обложения и денежного обращения Флоренции, во втором — историю ее торговли и промышленности. Таким образом, финансовая история Флоренции дана вместе с историей ее народного хозяйства в целом. В обоих томах напечатаны архивные документы. Третий том целиком занят сочинением автора XIV в. Пеголотти [1] «La practica della mercatura», четвертый — произведением автора XV в. Уццано под тем же заглавием.

В качестве примера менее значительной работы можно назвать книгу французского экономиста Форбонне (Forbonnais, 1722—1800) «Recherches et considérations sur les finances de la France depuis l'année 1595 jusqu'à 1721». (À Liège, 1758) [2]. Форбонне был главным инспектором денежного обращения французского правительства и автором нескольких экономических работ. Интересна мотивировка исходной даты исследования (1595), которую дает Форбонне. Он указывает, что начинать с более ранней даты было бы делом «более любопытным, чем необходимым» для практической политики [3]. Он не отрицает, что более ранняя отправная дата может представить интерес для историка, но считает изучение более раннего периода в истории французских финансов непосильным для себя и ненужным для своей цели делом. Цель же его заключается в учете опыта прошлого, чтобы дать возможность тем самым использовать этот опыт для практических целей своего времени. Он избрал 1595 г. в качестве начальной даты исследования по той причине, что с этого года начинается управление французскими финансами Сюлли, знаменитого министра Генриха IV, имевшего репутацию хорошего финансового политика. Периодизацию финансовой истории Франции он строит по министрам финансов [4]. Историю финансов Франции Форбонне излагает в связи с историей народного хозяйства страны, хотя, впрочем, уделяет последней сравнительно немного внимания.

Из краткого обзора тематики важнейших историко-экономических произведений XVII—XVIII вв. видно, что эта тематика тесно связана с проблемами, обсуждавшимися тогда в литературе по экономической политике. Эта тематика подсказана авторам экономической жизнью эпохи.

Большинство авторов историко-экономических произведений были людьми, соприкасавшимися так или иначе в своей практической деятельности с теми вопросами, историю которых они изучали. Многие из них были одновременно авторами сочинений по экономическим проблемам современности. Историков среди них очень мало.

Социальная сторона изучаемых явлений обычно остается вне поля зрения авторов историко-экономических сочинений XVII—XVIII вв. При изучении истории торговли, промышленности, земледелия, цен, финансов остается почти незатронутым или слабо затронутым вопрос, как динамика изучаемого явления отражается на положении трудящихся. Эта сторона как бы не существует для огромного большинства авторов. Исключе-

---

[1] О сочинения Пеголотти и Уццано см. выше.

[2] Фактически работа не доведена до 1721 г.

[3] «Remonter à des temps plus éloignés l'eût une recherche plus curieuse, que nécessaire aux politiques; la fortune de l'État n'a pas moins changé, que sa constitution. Ce n'est pas, que je ne croye cette matière digne des savants, qui s'occupent de notre histoire», p. 17.

[4] Повидимому, с Форбонне надо начинать эту традицию излагать финансовую историю по министрам финансов, традицию, дожившую до XX в. Известное исследование П. П. Мигулина «Русский государственный кредит», вышедшее в свет в начале XX столетия, построено именно по такой системе.

нием являются работы по истории бедных в Англии, где вопрос трактуется с точки зрения филантропически настроенного буржуа.

Такое отношение к социальным проблемам является естественным следствием, с одной стороны, классовых позиций авторов, а с другой — расстановки классовых сил: социальные проблемы еще не были поставлены перед господствующими классами с той степенью остроты, с какою социальные движения поставят их в XIX в.

Таким образом, экономическая историография зародилась не в рамках общей историографии. В этом отношении ее возникновение идентично с возникновением ранее сложившихся истории литературы, истории искусства, истории права.

Какое место занимали социально-экономические моменты в общеисторических произведениях XVII—XVIII вв.? В отдельных работах можно, конечно, найти упоминания об исторических фактах социально-экономического порядка, подобно тому, как это имело место и в историографии XV—XVI вв. Но в целом в общеисторических произведениях XVII—XVIII вв. социально-экономические моменты занимают самое незначительное место [1]. Никакого прогресса в этом отношении по сравнению с XV—XVI вв. отметить нельзя.

Интересно, что у историков эрудитской школы можно найти даже утверждения о ненужности в общеисторических произведениях деталей социально-экономического порядка. Lenglet du Fresnoy, эрудит XVIII в., в своем руководстве к изучению истории — «Méthode pour étudier l'histoire» считает недостатком «Истории царствования короля Генриха VII» Бэкона, что автор останавливается на всех указах Генриха VII, касающихся сельского хозяйства и других вопросов экономического порядка [2].

От содержания исторических произведений XVII—XVIII вв. перейдем к источникам, которыми пользовались их авторы. Историки XVII—XVIII вв. изучают главным образом прошлое. В этом отношении они значительно отличаются от историков-гуманистов XV—XVI вв., весьма значительная часть которых, подобно средневековым хронистам, пишет или о своем времени или о времени, близком к нему.

Конечно, в XVII—XVIII вв. существовали мемуаристы, стремившиеся сохранить для потомства воспоминания о своей эпохе, как, например, герцог Сен-Симон (1675—1755), написавший в 1739—1751 гг. свои «Мемуары» о двадцати последних годах царствования Людовика XIV и о времени регентства (до 1723 г.). Для них личные воспоминания играли роль источника, хотя и они, конечно, часто не ограничивались лишь одним этим источником [3].

Поскольку огромное большинство историков XVII—XVIII вв. изучало события прошлого и притом весьма часто отдаленного прошлого, то, естественно, основным и почти единственным видом источников для историков XVII—XVIII вв. были источники письменные.

Авторы произведений общеисторического характера, которые интересовались преимущественно, если не исключительно, событиями политической и отчасти церковной истории, пользовались главным образом

---

[1] У историков школы Вольтера внимание к экономическим проблемам несколько больше. О них говорится в следующей главе.

[2] Надо иметь в виду, что Бэкон рассматривает экономические проблемы только как объект регулирующих мероприятий государственной власти. Сама по себе хозяйственная жизнь не представляет для него никакого интереса.

[3] В частности, для Сен-Симона роль основного источника играл «Journal de la cour de Louis XIV» Данжо.

источниками нарративными, т. е. тем же видом источников, который был основным и почти единственным видом письменных источников и для историков предыдущей эпохи. Но все же использование источников актового характера обычно в качестве материалов для критики и дополнения источников нарративного характера имело место у авторов общеисторических произведений XVII—XVIII вв. в гораздо более значительной степени, чем у историков XV—XVI вв.

Это различие двух основных категорий письменных источников, равно как и слабое использование историками (за исключением, конечно, авторов специальных работ) источников второй категории, четко было выражено эрудитом XVIII в. и выдающимся издателем актов Брекиньи в предисловии к изданному им справочнику об опубликованных актах по истории Франции[1]. В этом предисловии Брекиньи писал, что те историки, которые хотят основательно изучить историю Франции, должны базировать это изучение на двух различных видах источников —источниках нарративных и источниках актового характера. Брекиньи подчеркивал, что историки очень долго ограничивались первой категорией источников вследствие большей легкости ее использования и вследствие малого знакомства с актовым материалом[2].

Авторы сочинений по истории права, естественно, должны были основывать свою работу на актовом материале, нарративные источники могли для них играть лишь вспомогательную роль.

Некоторое усиление в XVII—XVIII вв. использования источников актового характера в общеисторических произведениях в значительной степени является результатом влияния юристов: с одной стороны, некоторые историки (например, Балюз) были одновременно юристами, что, естественно, толкало их в сторону внимания к актовому материалу, с другой стороны, в опубликовании источников актового характера заметная роль принадлежала именно юристам (например, тому же Балюзу).

Авторы зарождавшейся в XVII—XVIII вв. экономической историографии в значительном числе случаев, если можно так выразиться, более слабые в источниковедческом отношении по сравнению с остальными историками, пользовались довольно разнообразными источниками. Они прежде всего стремились извлечь нужные им факты из источников нарративного характера, иногда даже брали эти факты не из самих источников, а у историков своей эпохи: так, например, Андерсон широко использует в своем сочинении упоминания об экономических фактах, встречающиеся в работах историков, но он не чужд и знакомства с напечатанными историческими источниками, в том числе и с актами, в частности, он довольно часто ссылается на «Feodera» Раймера.

Гюэ свою «Histoire du commerce et de la navigation des anciens» основывает на античных авторах, т. е. источниках нарративного и описательного порядка. Будучи знатоком классических авторов (в силу этого он и получил от Кольбера задание написать данную книгу), Гюэ привлек весьма обширный круг авторов, в особенности же широко использовал Страбона. Авторы более значимых с исследовательской точки зрения историко-

---

[1] «Table chronologique des diplomes, chartes, titres et actes imprimés concernant l'histoire de France par M. de Bréquigny de l'Académie Royale des Inscriptions et des Belles Lettres», t. I. Paris, 1769. Préface.

[2] «Ceux qui veulent étudier à fond notre histoire doivent puiser leur connoissances dans deux sources différentes: les écrits historiques, qui contiennent les récits des faits et les diplomes, les chartes et autres pièces authentiques, qui servent de preuve ou de supplément à ces récits. On s'est longtemps borné à la première de ces sources. Ce n'était pas la plus pure, mais c'était la plus accessible: elle paraissait d'ailleurs la plus abondante, parce que l'autre était peu connue». *Bréquigny.* Указ. соч. Préface.

экономических работ, как, например, Паньини, Люзак, опираются на обширный круг источников актового и нарративного характера, привлекая архивный материал.

Таким образом, среди письменных источников, которыми пользовались историки XVII—XVIII вв., преобладали источники нарративные. Но использование источников актового характера сделало заметный шаг вперед.

Источники вещественные и в первую очередь надписи и монеты, в гораздо меньшей степени археологические данные, использовались историками XVII—XVIII вв. значительно шире, чем историками предыдущей эпохи. Использованию надписей весьма содействовало собрание их, опубликованное в самом начале XVII в. ученым предыдущей эпохи де Грутером. Об этом собрании надписей уже говорилось в предыдущей главе. Ссылки на надписи можно найти во многих исторических работах XVII—XVIII вв. В некоторых из них надписи используются весьма широко.

В рассматриваемую эпоху очень большие успехи были достигнуты в области издания исторических источников, в разработке методов их критики и использования и в конкретном применении этих методов. Издания источников сделали легко доступными для изучения огромное количество памятников, ранее имевшихся лишь в рукописях. С другой стороны, издания источников в XIX в., в особенности в первой его половине, по своей структуре в значительной мере являются продолжением изданий XVII—XVIII столетий. Издавались прежде всего нарративные источники. В этом отношении в XVII—XVIII вв. продолжалось направление, начало которому было положено еще в XVI в., как об этом уже говорилось в предыдущей главе.

Но система расположения материала и самые приемы издания улучшились. Достаточно сравнить, например, собрания Писториуса и Шотта[1], с одной стороны, с собраниями Дюшена[2], Муратори[3] и Буке[4], с другой стороны, чтобы увидеть сделанный в эту эпоху шаг вперед.

Внимание прежде всего к нарративным источникам было следствием содержания исторических произведений того времени, в которых изложение в основном сводилось к рассказу о политических событиях и фактах из личной жизни монархов.

Актовый материал издавался в значительно меньших количествах. Он издавался в составе грандиозных коллекций нарративных источников. Некоторые отдельные памятники этого рода издавались самостоятельно. Но издавались и специальные сборники актового материала.

Наиболее значительными собраниями этого рода памятников были: «Capitularia regum Francorum» (Paris, 1677) Балюза (Etienne Baluze, 1630—1718), неутомимого издателя исторических источников[5], многотомное собрание договоров, заключенных Англией с другими государствами в течение 1101—1654 гг. («Foedera, conventiones, litterae et cuiuscunque

---

[1] Об изданиях Писториуса и Шотта см. в предыдущей главе.

[2] Historiae Francorum scriptores coaetanei opera ac studio *Andreae du Chesne* Geographi regii 5 vls 1636—49.

[3] Rerum Jtalicarum Scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum. Выходило в Милане с 1723 по 1751 г.

[4] Recueil des Historiens des Gaules et de la France par *Dom Martin Bouquet*. Издание начало выходить в 1738 г. После смерти Буке издание продолжалось другими членами конгрегации мавристов.

[5] Хорошо характеризует размах издательской деятельности Балюза и ее оценку современниками двустишие La Monnoye:

Qui mille auctores Baluzius edidit unus
Par ille auctorum milibus unus erat.

generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes vel communitates». London, 1704—1735 гг. Раймера [1] (Thomas Rymer, 1641—1713) и собрание ордонансов французских королей династии Капетингов «Ordonances des roys de France de la troisième race recueillies par l'ordre chronologique». Это издание было начато в 1723 г. под редакцией автора ряда юридических работ Лорьера (Laurière, 1659—1728) и было закончено после перерыва в годы великой французской революции только в XIX в. (в 1847 г.). Надо отметить еще начатое Брекиньи, крупнейшим знатоком актового материала, издание «Diplomata, chartae, epistolae et alia documenta ad res Francicas spectantia».

В XVIII в. собирание и публикация исторических источников началась и в России [2]. Уже в начале XVIII в. по распоряжению Петра I в Москву были собраны из архиерейских домов и больших монастырей рукописи летописей. В 1716г., узнав о наличии в Кенигсберге Радзивиловского списка начальной летописи, Петр I распорядился снять с него копию [3]. В 1722 г. было опять отдано распоряжение о присылке в Москву древних рукописей.

Издание летописей началось в России в 1767 г., когда была напечатана «Повесть временных лет» по Радзивиловскому[4] и одновременно по Никоновскому [5] спискам.

В. Н. Татищев в 1738 г. в одном из списков «Первой Новгородской летописи» обнаружил «Русскую Правду». Это был краткий список «Правды», известный теперь под наименованием Академического I. В 40-х годах В. Н. Татищев представил копию с найденного им текста в Академию наук [6]. В 1767 г. «Русская Правда» была впервые напечатана, но не по рукописи В. Н. Татищева, а с подлинника [7].

В. Н. Татищев же первый из историков обратил внимание на «Судебник 1550 г.» [8]. Копию с рукописи он передал в Академию наук. По этой копии Г. Ф. Миллер напечатал «Судебник» в 1768 г [9]. В том же 1768 г. вышло в свет другое издание «Судебника», подготовленное к печати Башиловым[10], по списку, который Академия наук получила в 1746 г. Таким образом, в 60-х годах XVIII в. в России началась публикация источников как нарративного характера, так и законодательных.

---

[1] Из двадцати томов «Foedera» четыре последних изданы Сандерсоном.

[2] См. *В. С. Иконников*. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1920.

[3] В 1758 г., когда Кенигсберг был занят русскими войсками, Радзивиловский список был привезен в Россию.

[4] Издание называлось «Библиотека Российская, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии Российской древних и средних времен», ч. 1. СПб., 1767.

[5] «Русская летопись по Никонову списку», изд. при Акад. наук, ч. 1 (в 1768 г.— ч. 2).

[6] «Правда Русская». Тексты. Под редакцией академика Б. Д. Грекова. М.— Л., 1940, стр. 5 и 12.

[7] «Правда русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. Издание Августа Шлецера. В Санктпетербурге при императорской Академии Наук 1767 года».

[8] «Судебники XV—XVI вв.». Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.— Л., 1952, стр. 111.

[9] «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». М., 1768. Второе издание, воспроизводящее первое без изменений.—М., 1786.

[10] «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича». СПб., 1768.

«Книга Большого Чертежа», введенная в круг исторических источников В. Н. Татищевым, в XVIII в. была издана два раза. Первое издание было в 1773 г. выпущено Н. И. Новиковым, второе вышло в 1792 г.[1].

В 1773 г. Н. И. Новиков начал издавать «Древнюю Российскую Вивлиофику». Этим изданием в России было положено начало публикации уже не отдельных только исторических источников, а собраний памятников русской истории.

Грандиозная работа по изданию исторических источников проводилась в XVII—XVIII вв. историками эрудитской школы. Им же принадлежат и достижения по выработке методов изучения исторических источников. Различные стороны этой методологии стали предметами отдельных специальных, так называемых вспомогательных, исторических дисциплин. Эти вспомогательные исторические дисциплины являются базой, на которой основывается техника исторического исследования.

Как уже было указано в предыдущей главе, в XVI столетии делают свои первые шаги хронология и нумизматика. В XVII—XVIII вв. завершается их формирование как вспомогательных исторических дисциплин. Дени Пето (Petau, в латинизированной форме Petavius, 1583—1652), теолог и историк, продолжил работу в области хронологии, начатую в конце XVI в. Скалигером. Пето выпустил по хронологии две работы: «De doctrina temporum» в 1627 г. и «Rationarium temporum» в 1633 г. После Пето вопросами хронологии занимался ряд авторов (Labbe «Chronologie française», Blondel «Histoire du calendier romain», Riccioli «Chronologia reformata»). Во второй половине XVIII столетия за эту работу взялись мавристы, создавшие обширный труд «L'Art de vérifier les dates», выдержавший три издания в XVIII в. и вышедший четвертым изданием в XIX в.[2].

В области нумизматики завершающей работой в XVII в. был восьмитомный труд Экеля (Eckhel) «Doctrina numorum veterum», напечатанный в Вене в 1792—1798 гг. Экель установил принципы классификации монет, принятые с тех пор в нумизматике.

Особенно крупное значение для выработки техники исторического исследования имело возникновение в XVII в. дипломатики и палеографии.

Как уже было упомянуто выше, возникновение дипломатики было подготовлено юридической практикой XVII в. Необходимость доказывать подлинность документов неизбежно толкала к выработке приемов доказательства.

Попытки выработать общие правила анализа дипломов были и до Мабильона. В Германии город и монастырь в Линдау вели земельную тяжбу. Конринг, выступавший со стороны города, составил в 1672 г. сочинение — «Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium Lindaviense», в котором он изложил правила определения подлинности документов[3]. Но это только несовершенная попытка. Основателем дипломатики и палеографии был бенедиктинец Мабильон (Jean Mabillon, 1632—1707). Его знаменитый труд «De re diplomatica» был тоже порождением конкретной житейской обстановки своего времени.

В 1675 г. иезуит Папеброк (Daniel Papebroch, 1628—1714), один из преемников Болланда по изданию «Acta Sanctorum», выпустил очередной

---

[1] Издатель не указан. К. Н. Сербина полагает, что им был А. А. Мусин-Пушкин. См. «Книга Большому Чертежу». М.— Л., 1950. Введение, стр. 37.

[2] Первоначальными составителями были d'Antine, Clemencet и Durand; потом книга была дополнена Клеманом (Clement). Первое издание вышло в 1750 г., второе, расширенное, в 1770 г., третье — в 1783—1787 гг.

[3] *Harry Breslau.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Bd. 1, 2 Aufl., 1912, S. 23.

том этого издания. В предисловии к тому под заглавием «Propylaeum Antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis» Папеброк остановился на вопросе о признаках подлинности старинных документов. Исходным положением для него был тезис английского эрудита Маршама, что документ тем менее достоин доверия, чем он древнее [1]. Папеброк поставил тем самым под сомнение достоверность богатых рукописных фондов бенедиктинцев. Сочинение Папеброка подрывало как методологические основы литературной деятельности бенедиктинцев, так и их земельные права. Мабильон получил поручение выступить против Папеброка. Мабильон вместо полемики опубликовал через шесть лет, в 1681 г., обширный труд «De re diplomatica libri VI» [2], в котором в числе основных положений дипломатики изложил и способы определения подлинности исторических документов. Папеброк в письме к Мабильону признал себя побежденным [3]. Данный труд Мабильона заложил прочные основы дипломатики, палеографии и сфрагистики. Это является общепризнанным в современной нашей [4] и зарубежной [5] науке.

Мабильон изучал документы, написанные на латинском языке. Его младший современник и коллега по ордену Бернар Монфокон (Montfaucon, 1655—1741) на другой год после смерти Мабильона, в 1708 г., опубликовал работу, заложившую основы греческой палеографии — «Palaeographia graeca sive de ortu et progressu literarum». Во введении Монфокон сам определяет как цель своего труда сделать в области греческой палеографии равное тому, что Мабильон сделал для изучения памятников, написанных на латинском языке [6].

Следующий крупный шаг в области палеографии сделал итальянский поэт и драматург Маффеи (Scipione Maffei, 1675—1755), изложивший свои весьма существенные поправки к положениям Мабильона в ряде работ.

Завершающим трудом по дипломатике и палеографии было обширное сочинение двух бенедиктинцев Тассена и Тустена, изданное в 1750—1765 гг. в шести томах без имени авторов: «Nouveau traité de diplomatique par deux Religieux Benédictins de la Congrégation de S. Maur».

Согласно мнению крупного специалиста по палеографии XX в. Людвига Траубе, в этом труде палеография достигла уровня, на котором она находилась в последующее время, вплоть до начала XX столетия [7].

---

[1] «Fidem habent eo minorem quo maiorem prae se habent antiquitatem». Пред. к 1 т. «Monasticon Anglicanum», изд. Dodsworth'ом и Dugdale'ом в 1655 г. (цит. по *Траубе*. Vorlesungen und Abhandlungen. Bd. I. München, 1909).

[2] 2-е изд. вышло в 1709 г., 3-е — в 1789 г. в Неаполе.

[3] Вот центральное место этого письма: «Initio quidem lectionis, fateor, patiebar humanum aliquid sed mox ita me rapuit ex utilissime solidissimeque tractato argumento proveniens oblectatio et gratus emicantis ubique veritatis fulgor cum admiratione tot rerum hactenus mihi ignotarum ut continere me non potuerim quin reperti boni participem statim facerem socium meum patrem Baertium».

[4] *Добиаш-Рождественская*. История письма в средние века, 2-е изд., 1936, стр. 101.

[5] См., например, общие работы по источниковедению и палеографии: *Giry*. Manuel de diplomatique, 62—66. *Traube*. Zur Paläographie und Handschriftenkunde (в т. I *его* Vorlesungen und Abhandlungen, Bd. I. München, 1909); *Bresslau* в своем «Handbuch der Urkundenlehre» писал о Мабильоне: «Sein Werk ist einmal eine allgemeine Diplomatik für alle Zeiten und alle Länder» (S. 27). Аналогичные отзывы см. также в специальной литературе о Мабильоне, например, у *Broglie*. Mabillon et la societé de Saint Germain des près à la fin du XVII siècle. Paris, 1888.

[6] Монфокон писал: «monebat enim laudatum a laudatis viris Mabillonii nostri τοῦ μακαρίτου († 1707) opus de re diplomatica latina paria in graecis literis posse praestari».

[7] Траубе так характеризовал труд Тассена и Тустена: «Das System der beiden Benedictiner ist kein anderes als das jetzt allgemein gelehrte». *Traube*. Vorlesungen und Abhandlungen. Erster Band. Zur Paläographie und Handschriftenkunde. München, 1909. S. 55.

В конце XVIII в. в Испании была опубликована Мерино (Merino) «Escuela paleographica o de leer letras antiguas desde la entrada de los Godos en España hasta nuestros tiempos»[1], давшая твердые основы палеографии латинских рукописей испанского средневековья. В Англии в 1703—1705 гг. Хикс (Hickes) и Уэнли (Wanley) издали «Thesaurus linguarum septentrionalium», в третьем томе которого дан каталог сохранившихся в Англии англосаксонских рукописей, причем составители сделали попытку датирования рукописей. Их датировки ценились еще в начале XX в. В 1783 г. Astle опубликовал «The origin and progress of writing». Эта книга, равно как названная выше работа испанца Мерино, по отзыву Траубе[2], в некоторых отношениях представляла шаг вперед по сравнению с трудом бенедиктинцев, в то время как немецкие работы XVIII в. по палеографии и дипломатике были лишь подражанием французским авторам.

Собирание античных надписей продолжалось в XVII—XVIII вв. Из числа сборников, опубликованных за это время, наибольшее значение имеет изданный в Милане в 1739—1743 гг. Муратори «Novus thesaurus veterum inscriptionum».

В XVIII столетии были сделаны серьезные шаги по пути формирования эпиграфики как вспомогательной исторической дисциплины. Вехами на этом пути были труды Маффеи «Ars critica lapidaria» (Lucca, 1775) и Марини «Gli atti e monumenti di fratelli arvali» (Roma, 1795).

Таким образом, XVII—XVIII в. были эпохой, когда в основном сформировались вспомогательные исторические дисциплины. Их образование именно в эту эпоху является естественным результатом деятельности главным образом историков эрудитской школы. Чуждая широких обобщений, сосредоточившая свое внимание на отдельных исторических фактах, часто не умевшая даже отличить мелких фактов от крупных, эрудитская школа, естественно, должна была провести грандиозную работу по созданию вспомогательных исторических дисциплин, так как именно эти дисциплины являются важнейшим орудием для изучения отдельных исторических фактов. Историческая география была для эрудитов одной из вспомогательных дисциплин, которой они придавали большое значение. Историко-философские взгляды эрудитов XVII—XVIII вв. представляют собою, если можно так выразиться, соединение провиденциализма с житейским здравым смыслом. Этот последний является для них логической основой для критики документов и установления отдельных исторических фактов.

Но провиденциализм препятствует им, в особенности в церковной истории, устранять рассказы о чудесах и прочих проявлениях вмешательства бога в земные дела человеческого общества. Сами эрудиты XVII—XVIII вв. не выдвинули какой-либо общей концепции исторического процесса. Но в церковных кругах Франции была создана провиденциалистского типа концепция исторического процесса. Ее автором был крупный церковный деятель и известный церковный оратор «века Людовика XIV» епископ Боссюэ (Bossuet, 1627—1704). Боссюэ развил свою концепцию в «Discours sur l'histoire universelle», книге, опубликованной в 1681 г. Боссюэ принимал участие в составлении знаменитой галликанской декларации французского духовенства 1682 г. Он — автор книги «Politique tirée de l'Ecriture Sainte», в которой он выступил в качестве идеолога королевского абсолютизма. Поэтому «Рассуждение о всеобщей

---

[1] «Школа палеографии или чтения древних письмен от вторжения готов в Испанию до нашего времени». Книга вышла в Мадриде в 1785 г.

[2] *Traube.* Указ. соч., стр. 52.

истории Боссюэ отражает идеологию не только католической церкви, но и французского королевского абсолютизма.

Исторический процесс, по мнению Боссюэ, представляет собою осуществление путей божественного провидения. Если сопоставить церковнофеодальное мировоззрение историков-эрудитов XVII—XVIII вв. со светским мировоззрением гуманистов предшествующей эпохи, если сопоставить уровень исторического мышления тех и других, то придется констатировать в XVII—XVIII вв. шаг назад в сторону средневековой феодально-церковной историографии. Этот шаг назад был естественным следствием абсолютистско-церковной реакции, господствовавшей в эту эпоху.

Но, конечно, этот шаг назад не был возвратом к уровню догуманистической феодальной историографии. Несмотря на слабость исторической мысли в XVII—XVIII вв., в эту эпоху все же были выдвинуты некоторые весьма важные для последующего развития исторической науки XIX столетия исторические концепции. Наибольшее значение здесь имела постановка двух проблем. Одна из них имела большое значение для последующей разработки римской истории, другая — для истории средних веков, а отчасти и для историографии вообще. Голландский филолог и историк Яков Форбрук (1651—1715), больше известный под грецизированной фамилией Перизоний (Perisonius), в своем сочинении «Animadversiones historicae», напечатанном в 1685 г., и в нескольких других своих работах высказал ряд чрезвычайно интересных критических замечаний по поводу данных римской традиции о ранней истории Рима. Бофор (Louis de Beaufort, умер в 1795 г.) в книге «Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire Romaine», опубликованной в 1738 г., дал систематический разбор источников римской истории первых пяти столетий и пришел к выводу о недостоверности данных об этой эпохе, сообщаемых античными историками. Таким образом была подготовлена почва для последующей работы Нибура и других историков девятнадцатого столетия в области ранней истории Рима. Этот критический подход к данным античной традиции стал возможным в XVII—XVIII вв., с одной стороны, в силу утраты древними авторами того непререкаемого авторитета, которым они пользовались у гуманистов, с другой стороны, вследствие развития в эту эпоху критической работы над источниками.

Вторая проблема, четко поставленная историографией XVII—XVIII вв., это — проблема истории общественного и государственного строя стран Западной Европы.

Еще в XVI в. юристы Отман (François Hotman, в латинизированной форме Hotomanus, 1524—1590) в своей «Franco-Gallia» и Паскье в «Recherches de la France» занимались вопросами истории государственного строя Франции. В первой половине XVIII столетия проблему взаимоотношений между королевской властью и дворянством в истории Франции, которую Отман решал с точки зрения интересов гугенотской аристократии, вновь поставил граф Буленвилье (Henri de Boulainvilliers, 1658—1722) в сочинении «Histoire de l'ancien gouvernement de la France» (la Haye, 1724). В основе концепции Буленвилье лежит факт завоевания Галлии франками. Опираясь на источники, он доказывает, что от завоевателей франков произошло французское дворянство, а покоренное галло-римское население было превращено в крепостных. Таким образом, привилегии дворянства основаны на праве завоевания. Короли франков, указывает Буленвилье, избирались ими, и их власть была ограничена. Лишь впоследствии короли присвоили себе абсолютную власть.

Концепция истории общественного и государственного строя Франции, выдвинутая графом Буленвилье, является чисто аристократической по своей классовой направленности. Она заострена и против притязаний

буржуазии и против королевской власти. Против этой дворянской концепции выступил аббат Дюбо, человек буржуазного происхождения. В сочинении «Histoire critique de l'établissement de la monarchie françoise dans les Gaules» (Paris, 1734 г.) Дюбо утверждал, что франки были поселены в Галлии римлянами, а короли франков состояли на службе у Римской империи, следовательно, франки не были завоевателями. Пришельцы постепенно смешались с местным населением и французское дворянство не представляет собою непосредственных потомков франков. Сословные привилегии знати ведут свое начало не со времени появления франков в Галлии, а с IX—X вв., когда сложились феодальные отношения. Таким образом, Дюбо своим исследованием не только опровергал концепцию Буленвилье, но и выдвинул идею непрерывного преемственного развития социального строя древней Франции, до некоторой степени предвосхитив концепцию крупнейшего французского историка второй половины XIX в. Фюстель де Куланжа. Среди французских эрудитов XVIII в. Дюбо является редкой фигурой историка-мыслителя.

Историей общественного строя и государственных учреждений занимались не только во Франции. Выше уже говорилось о выдающейся работе Джанноне «Istoria civile del regno di Napoli». Имелись подобного рода сочинения и в других странах, равно как и во Франции были произведения такого характера, помимо только что названных.

Нетрудно видеть благотворное влияние на историографию истории права и филологии, которые, возникнув в XVI в., значительно продвинулись вперед в своем развитии в XVII—XVIII вв. Экономическая наука, первые шаги которой относятся к этой эпохе, оказала влияние на историографию значительно позднее.

Глубоко положительная роль социальных наук в развитии историографии, несмотря на их классовый характер в условиях эксплуататорских общественных формаций, обычно оставляется без внимания буржуазными историками исторической науки.

§ 2. РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XVII—XVIII ВЕКАХ

После великих географических открытий XV—XVI вв. на карте земного шара оставалось еще очень много белых мест [1]. На долю путешественников XVII—XVIII вв. оставалось еще обширное поле деятельности. Открытия такого значения, как сделанные Колумбом, Васко да Гама, Магелланом, были, конечно, уже невозможны, но такие крупные проблемы, как проблема южного материка, этой загадочной Terra Australis атласов XVII в., проблема северо-западного прохода вдоль берегов Северной Америки, вопрос о наличии или отсутствии пролива между Азией и Америкой, равно как и задачи, хотя бы самого общего ознакомления с внутренними частями материков, стояли перед исследователями.

Основные географические открытия XVII—XVIII столетий сделаны голландцами, англичанами и русскими. Серьезное значение имели также исследования французских путешественников. Принимали участие в открытиях этой эпохи и испанцы. В рамках настоящей работы, имеющей своею задачей не изучение истории географии, а исследование развития исторической географии, автор, естественно, не имеет возможности остановиться на достижениях географии в России в XVII—XVIII вв.

[1] Хорошее представление о белых пятнах на мировой карте этой эпохи дают карты *Лаварева Н. И.* «Великие географические открытия и колониальные захваты XV—XVI вв.» и «Географические открытия и колониальные захваты XVII—XVIII вв.». Рецензия на эти карты автора этих строк напечатана в № 5 журнала «Вопросы истории» за 1948 г.

с достаточною полнотою. Для этой цели потребовалась бы специальная монография и притом весьма значительная по объему.

Англичане и голландцы действовали главным образом на морях мирового океана, русские много сделали и на море, и на суше, французские исследователи достигли крупных результатов в первоначальном ознакомлении с внутренними частями материка Северной Америки (особенно бассейн реки Миссисипи) и собрали довольно обстоятельные сведения по географии Китая, территорию которого они положили на карту [1]. Французы организовали также и морские экспедиции.

Русские исследования в Азии начались еще в конце XVI в. вместе с продвижением в Сибирь. В XVII в. русские достигли берегов Тихого океана и установили, что Азия отделена от Америки проливом. Но это открытие Семена Дежнева [2] осталось похороненным в Якутском архиве, и Берингу пришлось повторить его в следующем столетии. В XVII в. русские «землепроходцы» исследовали Сибирь, руководствуясь исключительно практическими задачами [3]. В XVIII столетии организуется целый ряд экспедиций чисто научного характера. Важнейшими из них были Великая северная экспедиция 1733—1743 гг. (экспедиция Беринга была одним из ее отрядов) и академические экспедиции 1768—1774 г. Из западно-европейских экспедиций наиболее значительными по своим результатам были три путешествия Кука.

Изложение истории географических открытий XVII—XVIII вв. и научных экспедиций не входит в задачи данной работы. В целях краткой характеристики их значения для развития географии остановлюсь лишь для примера в нескольких словах на Великой северной экспедиции 1733—1743 гг. и академических экспедициях 1768—1774 гг., которые принадлежали к числу наиболее выдающихся географических исследований XVIII столетия.

Великая северная экспедиция состояла из пяти отрядов. Первый из них вел работу на пространстве от устья Печоры до устья Оби, второй — от устья Оби до устья Енисея, третий и четвертый отряды работали на пространстве от устья Енисея до устья Лены, пятый — к востоку от устья Лены. Участникам экспедиции пришлось бороться с исключительными трудностями совершенно неосвоенной полярной природы и перенести много лишений. Часть персонала, в том числе двое из начальников отрядов: Прончищев и Ласиниус, умерли во время экспедиции от перенесенных лишений.

В результате работ Великой северной экспедиции было положено на карту Северное побережье Сибири. Очень большую ценность представляли также научные наблюдения участников экспедиции — измерения глубин, данные о приливах, о режиме льдов и т. п. Материалы экспедиции были собраны по единой программе, и это повышает их научное значение. Как указывает Г. В. Яников, автор последней сводной работы по истории экспе-

---

[1] Французские миссионеры-иезуиты подолгу жили в Китае и овладевали китайским языком. Они выпустили ряд географических описаний Китая, а также работы по истории и языку Китая. Иезуиты организовали в Китае картографические работы. Составленный ими географический атлас Китая был издан под ред. д'Анвиля. Об этом атласе см. ниже в следующем параграфе данной главы. Об изучении Китая русскими см. в кн.: *Д. М. Лебедева*. География в России XVII в.

[2] См. *В. А. Самойлов*. Семен Дежнев и его время. М., 1943 (к книге приложен указатель литературы).

[3] Сводный очерк русских путешествий XVII в. дан в кн.: *Д. М. Лебедев*. География в России XVII в. допетровской эпохи. М.— Л., 1949. Автор дает характеристику русских географических открытий и географических знаний в Московском государстве XVII в. См. также гл. III — «Заслуги русских «землепроходцев» и мореплавателей в расширении географических знаний до начала XVIII в.» в кн.: *А. В. Ефимов*. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

диции, «без всякого преувеличения можно сказать, что Великая северная экспедиция являлась образцом организации экспедиций в полярные страны»[1].

Академические экспедиции 1768—1774 гг. возникли в связи с организацией наблюдений над прохождением Венеры через диск солнца, которое ожидалось в мае 1769 г. Кроме экспедиций астрономических, снаряженных для этой цели, были организованы экспедиции, которые в документах того времени названы «физическими экспедициями Академии наук». Эти экспедиции ставили целью научное изучение России в естественно-историческом, этнографическом и экономическом отношениях. Было послано пять экспедиций. Три из них были направлены в Оренбургскую губернию и две — в Астраханскую. Оренбургские экспедиции объехали Поволжье, Урал, Сибирь и Север Европейской России. Астраханские экспедиции изучали юг Европейской России и Закавказье.

Маршруты экспедиций таким образом охватили огромное пространство в России и частично даже вышли за ее пределы.

Академия снабдила экспедиции инструкцией[2], в которой была дана программа работ и указания организационного порядка. При выработке этой инструкции Академия наук обращалась с запросами к Вольному экономическому обществу, к Берг-коллегии, к Коммерц-коллегии и к Медицинской коллегии[3]. Экспедиции собрали огромный материал. Их труды были изданы[4] Академией наук во многих томах и составили очень ценный источник для познания производительных сил России того времени. Академические экспедиции 1768—1774 гг. были, следовательно, не путешествиями для открытия новых земель, а экспедициями для изучения уже известных территорий.

По размерам охваченной территории и богатству собранных материалов наши академические экспедиции не имели себе равных в Европе того времени.

Исследования XVII—XVIII вв. значительно увеличили знания европейцев о территории земного шара. Современная географическая номенклатура наглядно показывает географические открытия той эпохи — достаточно вспомнить такие названия, как море Лаптевых, мыс Челюскин, мыс Дежнева, Берингов пролив и Берингово море, пролив Лаперуза, остров Тасмания, Торресов пролив, пролив Кука, Гудзонов залив, Баффинова земля и целый ряд других географических названий, увековечивших на карте имена исследователей XVII—XVIII столетий.

Физическая география сделала в XVII—XVIII вв. несколько бо́льшие успехи, чем в эпоху Возрождения. Но все же их нельзя назвать особенно значительными. С успехами математики и физики в XVII—XVIII вв., которые, как известно, были весьма крупными, их совершенно не приходится сравнивать. Тот прогресс, который был достигнут в области физической географии, является главным образом следствием успехов физики и других смежных отраслей естествознания. Изобретение барометра Торричелли в 1643 г. было впервые использовано Паскалем в 1648 г. для измерения высоты Пюи де Дом во Франции. Этим было положено начало правильным определениям высоты гор, о которой прежде господствовали преувеличенные представления. Изобретение термометра Фаренгейтом

---

[1] *Г. В. Яников*. Великая северная экспедиция. М., 1949, стр. 140. В книге приведена основная литература об этой экспедиции.

[2] Эта инструкция опубликована Н. Г. Фрадкиным в «Вопросах географии». Сб. 17. История географических знаний. Под ред. Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского. М., 1950.

[3] «Промемории» этих учреждений в ответ на обращение Академии наук напечатаны М. И. Сухомлиновым в «Истории Российской академии», вып. II, СПб., 1875.

[4] Их перечень см. в кн.: *В. Ф. Гнучева*. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.— Л., 1940.

и Реомюром в начале XVIII в. создало возможность измерения температур и было необходимой предпосылкой для последующего развития метеорологических наблюдений. Галлей в конце XVII в. измерил испарение и выяснил его роль в образовании морских течений. Он же объяснил пассаты разницей в степени нагревания на различных широтах и муссоны — разницей к степени нагревания моря и суши. Ньютон исследовал причины морских приливов и отливов.

Работы ботаников и, в частности, Линнея и Гмелина, из которых первый описал флору Швеции и флору Лифляндии, а второй в своем изданном в Петербурге в 1747—1749 гг. четырехтомном труде «Flora Sibirica» составил подробную характеристику растительности Сибири, дали первые элементы будущей географии растений.

В 1650 г. в Голландии было опубликовано сочинение Варения (Varenius, 1622—1650) — «Geographia Generalis in qua affectiones generales telluris explicantur» [1]. Это произведение представляет собою систему общего землеведения, построенную автором на основании физико-математических данных своего времени. В первой части труда Варений изучает те общие свойства суши, вод земного шара и атмосферы, которые он считает обусловленными природой самого земного шара. Вторая часть посвящена явлениям, которые автор считает результатом космических, внешних по отношению к земному шару, влияний, в частности, в этой части речь идет о тепловых зонах земного шара. В третьей части автор останавливается на сопоставлении между собою отдельных местностей земного шара. Ньютон два раза (в 1672 и в 1681 гг.) переиздавал труд Варения.

В 1718 г. по распоряжению Петра I книга Варения вышла в русском переводе под заглавием «География генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описующая». Впоследствии труд Варения высоко оценил крупнейший географ первой половины XIX в. Гумбольдт, который подчеркивал роль Варения в истории географии. Прогресс в области физической географии оказал слабое влияние на страноведческую литературу XVII—XVIII вв., за исключением лишь описаний научных путешествий ученых XVIII в. В этих последних физико-географические моменты занимают весьма заметное место и иногда играют ведущую роль. В качестве примеров можно привести описания путешествий наших академических экспедиций XVIII в., например, описание путешествия Палласа, первоначально опубликованное на немецком языке [2], а потом изданное в русском переводе [3].

Один из крупнейших натуралистов своего времени [4] Паллас, наряду с фактами этнографического порядка из жизни посещенных им народов Сибири и восточной части Европейской России, сообщает в своем сочинении массу сведений из жизни природы тех территорий, через которые проходил его путь. Историки географии [5] считают особенно ценными его

---

[1] О Варении имеется специальная монография *Гюнтера* «Varenius», Leipzig, 1905.

[2] *P. S. Pallas.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St. Petersbourg. 1773—76, 3 Bd.

[3] *Паллас.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. 3 т. СПб., 1773—1786.

[4] О Палласе как ученом существует довольно значительная литература: *Маракуев В.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877; *Кеппен Ф. П.* Ученые труды П. С. Палласа (ЖМНП. 1895 г., апрель); *Маркевич А.* Академик П. С. Паллас, его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды («Изв. Таврической ученой архивной комиссии 1912 г.», № 47); *Зеленецкий Н. М.* Петр Симон Паллас, его жизнь, научная деятельность и роль в изучении растительности России («Записки Новороссийского общества естествоиспытателей». Одесса. 1916, т. XLI).

[5] Например, *Г. Н. Танфильев.* География России, ч. 1. Введение. История исследования, учреждения и издания, картография. Одесса, 1916, стр. 106—112 и вслед

наблюдения над почвами и растительностью прикаспийских степей и над уровнем вод Каспийского моря.

Равным образом И. И. Лепехин в своих «Дневных записках» [1] наряду с комплексным описанием природы посещенных им районов, данными об их населении, хозяйстве, быте и отчасти фольклоре, сообщает о сделанных им наблюдениях в области геологического строения обследованной территории, выявления полезных ископаемых и происхождения рельефа; он дает также описания большого количества растений и животных [2].

Те страноведческие работы XVIII в., которые были результатом научных путешествий натуралистов в описанную страну, тоже содержат очень много данных о природе. Примером может служить известное «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, вышедшее в свет в 1755 г.

«Описание Земли Камчатки» состоит из четырех частей. В первой из них после краткого очерка географического положения Камчатки автор описывает реки Камчатки.

Вторая часть начинается с общей оценки природных ресурсов Камчатки. После этого автор говорит о камчатских вулканах, горячих ключах, ископаемых богатствах, растительности и животном мире. Описывая растения, зверей, птиц и рыб, С.П.Крашенинников подробно останавливается на их значении в хозяйстве населения Камчатки. Заканчивается вторая часть рассказом о морских приливах и отливах у берегов Камчатки. Вторая часть является самой обширной по числу страниц и составляет около трети всего «Описания Земли Камчатки».

Третья часть посвящена населению. Автор подробно описывает жилища, пищу, одежду, занятия, быт и обычаи населения, а также приводит обширный материал об языке ительменов.

В последней, четвертой, части труда автор рассказывает «о покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских островов».

«Описание Земли Камчатки» было переведено на английский, немецкий, французский и голландский языки [3].

Но авторы большинства страноведческих сочинений XVII—XVIII вв. не были натуралистами и по своему построению эти сочинения в большинстве случаев не разнятся принципиально от произведений XVI в. На первом плане в них география человека, как это было и раньше. Внимание, уделяемое географии природы, невелико, и часто описание природы дается лишь в качестве материала для объяснения особенностей быта и хозяйства населения описываемой территории.

Среди страноведческих сочинений XVII—XVIII вв. центральное место занимают работы статистиков. В XVIII в. статистическое описательное

за Танфильевым *М. С. Боднарский*. Очерки по истории русского землеведения, ч. 1, 1947, стр. 162—165.

[1] «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства». Первые три части впервые опубликованы в 1771—1780 гг. и переизданы в 1795—1814 гг. Четвертая часть вышла в свет в 1805 г. В ней И. И. Лепехину принадлежит только начало, остальное написано его учеником Н. Я. Озерецковским.

[2] *Д. М. Лебедев* и *Г. Д. Рихтер*. Основные черты биографии и научной деятельности академика И. И. Лепехина.— «Известия АН СССР. Серия географическая». 1952, № 4. Как подчеркивает Н. Г. Фрадкин, И. И. Лепехин, наряду с описанием природы, особенное внимание уделял данным экономического порядка и материалам о хозяйственном быте населения. См. *Н. Г. Фрадкин*. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 78—79 и 172—174.

[3] Эти переводы были изданы после выхода в свет первого русского издания 1755 г. Второе издание на русском языке вышло в 1786 г., третье в 1818 г. В четвертый раз «Описание» было издано в 1949 г. Изучение жизни и деятельности С. П. Крашенинникова по существу было начато лишь в 1939 г., когда в сборнике «Советский Север» № 2 был опубликован ряд статей о нем, в том числе краткая научная биография его, составленная на основе архивных материалов А. И. Андреевым.

страноведение достигает значительного развития, вырабатывает свою методологию.

В 60-х годах XVII в. в Германии Конринг предложил определенную систему описания стран. Конринг включал в описание данные о территории, населении, государственном устройстве, финансах, вооруженных силах. В немецкой литературе по истории статистики Конринг часто признавался основателем статистического страноведения или школы описательной статистики. Это мнение, некритически воспринятое также некоторыми русскими дореволюционными статистиками, например Н.А. Каблуковым[1], не может быть принято. Сопоставляя Конринга с Ботеро, мы у первого из них не найдем таких принципиально новых моментов, которые дали бы основание начинать историю описательной статистики с этого автора. Верно лишь то, что с Конринга надо начинать историю этой дисциплины в Германии.

В XVIII в. описательную статистику усовершенствовал немецкий ученый Ахенваль, автор двух статистико-описательных работ — «Vorbereitung zur Staatswissenchaft der europäischen Reiche» (Göttingen, 1748) и «Abriss der neuesten Staatswissenschaft der vornehmsten Europäischen Reiche und Republiken» (Göttingen, 1749). Основную задачу статистики Ахенваль видит в описании государственного строя изучаемых стран. Для лучшего понимания причин силы или слабости государства Ахенваль считает нужным изучать также территорию и население описываемых стран в географическом и хозяйственном отношении.

Таким образом, статистическое страноведение XVIII в. изучает страну в целом, описывая ее по категориям явлений (территория, население, хозяйство, государственный строй и т. д.), а не в географическом разрезе.

Статистическое описательное страноведение получило в XVIII в. развитие также и в России, где были написаны работы такого рода, представляющие большой интерес [2]. В 1727 г. И. К. Кирилов (1689—1737) написал книгу «Цветущее состояние всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» [3].

Кирилов описывает Россию не только в целом, но и по губерниям с входящими в них провинциями, уделяя значительное внимание городам.

В бумагах историка М. М. Щербатова (1733—1790) осталась неоконченная работа «Статистика в рассуждении России»[4], представляющая собою начало описания России по типу статистических описаний XVIII в.

Академик И. Ф. Герман (1755—1815) был, с одной стороны, крупным специалистом по минералогии и горнозаводскому делу — он одно время занимал должность начальника уральских заводов и был автором сочинений по металлургии. С другой стороны, ему принадлежит несколько произведений статистико-экономического характера, частью на русском, частью на немецком языке. Среди этих работ имеется опубликованное в 1790 г. в Петербурге «Статистическое описание России» [5].

---

[1] *Н. А. Каблуков.* Статистика. Изд. 3-е. М., 1918, стр. 218.

[2] Об описаниях России в XVIII в. см. в статье Н. П. Никитина «Зарождение экономической географии в России» («Вопросы географии», сб. 17, под ред. Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского).

[3] Напечатана только в 1831 г. М. П. Погодиным.

[4] Напечатана впервые в 1859 г. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», кн. III.

[5] Опубликовано на немецком языке под заглавием «Statistische Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Landesbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel».

Работы И. Ф. Германа по горнозаводской статистике России являются в настоящее время ценным источником для истории металлургии XVIII в.

Автор сначала дает обзор географического положения страны и ее границ, приводит данные о территории, населении и административном делении России. После этого следуют главы о «свойствах земли», под чем автор разумеет рельеф, климат, реки и т. п., об ископаемых, растительности и животном мире, о сельском хозяйстве, о горном деле, об обрабатывающей промышленности, о торговле внутренней и внешней. Изложение сопровождается, как и у Кирилова, рядом статистических таблиц.

Статистическое страноведение возникло и развивалось под влиянием нужды правительств и бюрократии в сведениях об управляемых ими странах и о других государствах. Потребность в знании ресурсов, путей сообщения и населенных пунктов отдельных частей государства вызвала к жизни описания отдельных местностей.

Эти описания, которые часто назывались топографическими, составлялись в XVII—XVIII вв. в ряде стран Европы. Большое развитие они получили во второй половине XVIII в. в России.

Истоки этой литературы в России восходят еще к XVII в., когда было составлено «Описание новые земли, сиречь Сибирского государства»[1]. В. Н. Татищев в 1736 г. составил «Общее географическое описание всея Сибири»[2]. Крупным явлением в развитии этой литературы был выход в свет в 1762 г.[3] работы П. И. Рычкова «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии». В первой части работы описывается Оренбургская губерния в целом по плану, близкому к схеме описания стран в статистическом страноведении. Вторая часть посвящена подробному описанию провинций, дистанций и городов Оренбургской губернии.

Труд П. И. Рычкова привлек к себе внимание за рубежом: в 1771 и 1772 гг. вышло два его немецких перевода.

Широкое развитие топографические описания получили в связи с губернской реформой 1775 г. в 80—90-х годах XVIII в., когда было организовано составление топографических описаний наместничеств. До недавнего времени эти описания наместничеств были своего рода белым пятном в наших знаниях по истории русской географической мысли. Лишь немногие из них были напечатаны. Большая часть описаний осталась в рукописи. При этом до последнего времени не было выяснено, какие наместничества были описаны и лишь некоторые из неопубликованных описаний были известны. В последнее время, благодаря работам советских историков А. И. Андреева[4], и Н. Л. Рубинштейна[5], а также благодаря поискам в Центральном военно-историческом архиве под руководством М. А. Цветкова и сведениям, присланным областными архивами по просьбе Московского филиала Всесоюзного географического общества, выяснилось, что были составлены топографические описания почти всех наместничеств. Это показывает огромный размах в России в конце XVIII в. работы по составлению местных географических описаний. Составление топографических описаний стояло в преемственной связи с правительствен-

---

[1] Как полагает А. И. Андреев, «Описание» составлено подъячим посольского приказа Никифором Венюковым в 1686 г. (Очерк по источниковедению Сибири. Л., 1940). Описание напечатано в сборнике А. А. Титова «Сибирь в XVII в.». М., 1890 и в «Сибирских летописях», изд. Археографической комиссией. СПб., 1907.

[2] См. *В. Н. Татищев*. Избранные труды по географии России под ред. А. И. Андреева. М., 1950.

[3] Книга П. И. Рычкова была переиздана в 1887 г. Оренбургским отделом Русского географического общества. О П. И. Рычкове см. *Ф. Н. Милькова*. «П. И. Рычков» М., 1953.

[4] См. «Вопросы географии». Сб. 17, под ред. Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского. М., 1950.

[5] См. «Вопросы географии». Сб. 31, под ред. Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского. М., 1953.

ными анкетами XVIII в.[1], при помощи которых неоднократно собирались с мест различные сведения, и в непосредственной связи с работами по генеральному межеванию, которое, как известно, сопровождалось составлением «Экономических примечаний». Топографические описания дают сведения о сельском хозяйстве, о фабриках и заводах, о ярмарках и торговых путях, о городах и других более значительных населенных пунктах. Приведены обычно также и краткие данные о природе (в особенности о реках). Иногда, как, например, в «Топографическом описании Черниговского наместничества» Шафонского[2], в описаниях наместничеств встречаются исторические очерки описываемой территории.

В Западной Европе немецкий ученый Бюшинг[3] (Büsching Anton Friedrich, 1724—1793) соединил статистическое страноведение с топографическим описанием отдельных местностей и населенных пунктов в многотомном сочинении «Neue Erdbeschreibung oder Universalgeographie». Десять томов этого издания, посвященные Европе, и 1-я часть XI тома, в котором начиналось описание Азии, вышли в 1754—1792 гг., т. е. еще при жизни автора. После смерти Бюшинга в качестве продолжателей его сочинения выступил ряд лиц, и издание было закончено только в начале XIX столетия[4].

«Новое землеописание или всеобщая география» Бюшинга имела большой успех у современников. Ее тома неоднократно переиздавались и были переведены на иностранные языки. На русском языке вышли в семидесятых годах XVIII в. описания Турции, Великобритании, Пруссии, Венгрии, Польши, Испании, Португалии, Швейцарии, Италии, Аравии.

Содержание страноведческих сочинений Бюшинга можно показать на примере описания Великобритании. Во вводной части, занимающей около четверти всей книги, автор указывает основные картографические работы по Великобритании, затем дает краткое описание страны в целом по схеме статистического страноведения. Он останавливается на климате и земледелии Великобритании, отмечает недостаток лесов и богатство каменным углем, говорит об овцеводстве, металлической промышленности и рыболовстве. Далее указывается число жителей, описывается деление общества на сословия, дается характеристика церковного управления и религии, состояния науки и университетов. Здесь же автор очень коротко останавливается на искусстве и мануфактурах. Торговле, которая описывается после мануфактур, уделено сравнительно больше места.

После характеристики населения и хозяйства автор переходит к описанию государственного строя Великобритании. Здесь говорится о короле и принцах, о законах страны, о парламенте и других государственных учреждениях Великобритании, об организации суда, о государственных финансах, армии и флоте.

В дальнейшем даются отдельные описания Англии, Шотландии и Ирландии. В каждом из этих описаний кратко говорится о данной территории в целом, а затем идет описание по графствам. В описании графств

---

[1] Об этих анкетах см. в работе *Б. Д. Грекова* «Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в.».—«Летопись занятий Археографической комиссии», XXXV. Л., 1929.

[2] Напечатано в 1851 г.

[3] Бюшинг в своей автобиографии «Anton Friedrich Büsching's eigene Lebensgeschichte», напечатанной в 1789 г., насчитывает 99 своих сочинений. Значительная часть их посвящена богословским вопросам: Бюшинг был пастором. Из его научных изданий, кроме названной мною в тексте «Erdbeschreibung oder Universalgeographie», большое значение имели выпускавшиеся им в 1767—1793 гг. сборники «Magazin für die neue Historie und Geographie». Среди статей разных авторов, напечатанных в 25 томах этих сборников, было много материалов, посвященных России. Четыре года своей жизни (1761—1765) Бюшинг провел в качестве пастора в Петербурге.

[4] Продолжателями XI тома, посвященного Азии, были Шпренгель и Валь, XII, где описывается Африка,— издал Гартман и XIII, посвященный Америке,— Эбелинг.

лежит центр тяжести всего труда. Оно занимает около трех четвертей всей книги. Обычно в начале описания каждого графства дается очень короткая общая его характеристика. В этой характеристике после обязательного указания местоположения графства, размеров его территории, числа приходов, числа городов и местечек, а также числа депутатов, посылаемых данным графством в парламент, рассказывается в самых кратких чертах об экономике данного графства. Например, относительно Норфолька автор говорит о качестве почвы, изобилии хлеба, торговле хлебом, медом и шафраном, он отмечает также слабое развитие в Норфольке мануфактур, работа которых здесь ограничивается только производством штофных материй и вязаных чулок. Главное внимание автора поглощено перечнем городов и других населенных пунктов с краткими указаниями об их достопримечательностях. Городов и других населенных пунктов названо очень много. Но о каждом из них сказано очень коротко. Исключением являются только описания более значительных городов, которым отводится страница или полторы. Лишь Лондону посвящено относительно больше места.

Таким образом, больше всего места занято в книге перечнем населенных пунктов с указанием их достопримечательностей. Все изложение носит сухой, справочный характер.

Насколько продвинулось вперед страноведение XVIII века по сравнению со страноведением XVI столетия?

Бюшинг в предисловии к одной из своих работ, подчеркивая отличие географии своего времени (он, очевидно, имел в виду свои труды) от географии предыдущей эпохи, писал: «В нынешнее время учат и учатся познанию земного шара гораздо с большей пользой, нежели прежде сего бывало. По сие время довольствовались одним только знанием наименований, положения и различия земель и находящихся в них знатнейших мест, напротив того, ныне, не оставляя сего знания, стараются исследовать, какие в каждой земле натуральные продукты, сколь велико число жителей, прилежно ли упражняются в мануфактурах, фабриках, купечестве, свободных художествах и науках, сколь велики доходы, число войск и какая форма правления и все, что служит к полезному знанию географического и политического состояния государств»[1]. Эту оценку прогресса, достигнутого в страноведении XVIII в., надо признать преувеличенной.

Как это уже было показано в предыдущей главе, в страноведческой литературе XVI в. далеко не всегда авторы ограничивались одной лишь номенклатурой и указанием географического положения описываемых стран и мест. В страноведческих произведениях XVI столетия мы найдем также внимание к хозяйству и государственному строю описываемых стран. Но безусловно отрицать прогресс не приходится. Во-первых, структура страноведческих сочинений стала более четкой. Сравнение «Нового землеописания» Бюшинга с «Космографией» Мюнстера показывает это очень наглядно. Во-вторых, — и это основное,— внимание к данным экономического порядка, несомненно, заметно усилилось. Развитие капиталистических элементов в хозяйстве Западной Европы XVII—XVIII вв., вызвавшее возникновение экономической историографии, было также причиной усиления внимания к экономическим явлениям у географов и статистиков.

Именно к XVIII в. относится формирование отраслевой экономической географии как отдельной ветви географии. Это формирование экономической географии, вызванное ростом интереса к экономическим вопросам

[1] «Vorbereitung zur gründlichen und nützlichen Kenntnis des geographischen Beschaffenheit und Staatsverfassung der europäischen Reiche und Republiken». Hamburg, 1758. Я цитирую по русскому переводу «Руководство к познанию географического и политического состояния европейских государств и республик», СПб., 1763.

во всех странах Европы[1], было связано также с практическими потребностями купечества и с нуждами возникающего в XVIII в. коммерческого образования[2]. Экономическая география формировалась также под непосредственным влиянием статистического страноведения.

Рост торговли и потребности образованного купечества в знании рынков и приемов торговли вызвали еще в XVII в. появление специальных руководств по торговле. Одним из первых руководств такого рода была книга Жака Савари «Le parfait négociant ou instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des étrangers», вышедшая в 1676 г. с посвящением Кольберу. Сын автора Жан Жак Савари в 1723 г. выпустил свой, получивший большую известность, коммерческий словарь — Dictionnaire universel de commerce, d'histoire naturelle et des arts et des métiers». Словарь Савари был целой коммерческой энциклопедией. В том же году Рикар (Jean Pierre Ricard) издал практическое руководство для купцов под заглавием «Le Négoce d'Amsterdam», так как голландцы пользовались тогда репутацией первоклассных коммерсантов.

Эти руководства, в особенности словарь Савари, включали элементы коммерческой географии.

В 1740 г. в Лилле, во Франции, была издана специальная книга по географии для купцов Панкука (Pankouka) «Les élements de géographie à l'usage des négociants». Во второй половине XVIII в. вышло несколько курсов коммерческой географии. Термин «коммерческая география» для обозначения экономической географии был принят отчасти вследствие того, что эта дисциплина возникла в связи с нуждами коммерческого образования, отчасти по той причине, что термин «торговля» (commerce) в XVIII в. употреблялся иногда для обозначения народного хозяйства в целом[3]. Впоследствии термин «коммерческая география» был постепенно вытеснен, хотя и не вполне, термином «экономическая география», причем в английской и американской географической литературе старая терминология не вышла из употребления до сих пор[4].

М. В. Ломоносов выработал чрезвычайно интересный по широте охвата и глубине мысли план экономико-географического обследования России. Этот план не был приведен в исполнение. Но он показывает, что в этом отношении М. В. Ломоносов опередил свое время.

В экономико-географических работах XVIII в., а в значительной мере и в более поздних по времени по существу очень немного географии. Эти работы дают очерк хозяйства страны по отраслям. Экономические районы обычно не выделяются и не описываются.

Такое отраслевое построение экономико-географических работ отчасти является следствием связи «коммерческой» географии с нуждами ком-

---

[1] Выдающийся интерес, который приобрели во второй половине XVIII в. хозяйственные вопросы в глазах русской власти и русского общества, хорошо показан в названной выше работе *Б. Д. Грекова*. «Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века». — «Летопись занятий Археографической комиссии, XXXV». Л., 1929.

[2] Связь возникновения экономической географии с нуждами коммерческого образования единодушно подчеркивают *Краус* («Versuch einer Geschichte der Handels- und Wirtschaftsgeographie, Frankfurt a. M., 1905, S. 10—14). *Беллемо* («Concetto e compiti della geografia economica», Milano, 1924, p. 20) и *Блинк* («De Economische Geographie naar haar beteekenis en historische Ontwikkeling, статья в журнале «Tijdschrift voor economische Geographie», 1910.)

[3] Соответственно этому словоупотреблению вместо «история народного хозяйства» в XVIII в. иногда писали «история торговли». Об этом см. выше, в предыдущем параграфе.

[4] В французской, итальянской, испанской, голландской, шведской литературе термин «коммерческая география» применяется сравнительно редко. В немецкой — несколько чаще, но все же значительно реже, чем в англо-саксонской.

мерческого образования, а главным образом объясняется тем обстоятельством, что экономическая география сложилась на базе статистического страноведения, которое описывало страны в целом по отдельным сторонам их жизни.

Картография продолжала в XVII—XVIII вв. быть чрезвычайно важной частью географии. Еще в XVIII столетии название «географ» очень часто прилагалось к специалистам, посвятившим себя всецело одной лишь картографии.

Французский астроном и географ первой половины XVIII в. Иосиф Николай Делиль, член Российской Академии наук, в представленном им в 1727 г. в Академию проекте об организации астрономических и географических работ в России писал, что «географом обычно называют всякое лицо, опубликовавшее карту от своего имени»[1].

«Географический департамент», существовавший при Академии в 1739—1799 гг., занимался главным образом картографией России. Лишь в годы работы в нем М.В. Ломоносова департамент пытался выйти за рамки картографии. Таким образом, в названии департамента географическим тоже несомненно отразилась роль картографии в географии эпохи. Крупнейший из французских географов нашего времени Мартонн в своем известном «Traité de géographie physique»[2], отмечая слабость успехов физической географии в XVII—XVIII вв., указывает, что в это время развивались только две отрасли географии — историческая география и география математическая, причем историческая география была теснейшим образом связана с картографией[3]. Под математической картографией Мартонн понимает измерения формы и величины земли, предпринятые в то время, эти измерения тоже были непосредственно связаны с картографией.

В картографии семнадцатое столетие было периодом больше количественного, чем качественного роста по сравнению с XVI в. Качественные успехи были достигнуты только в XVIII в.

Центром книгопечатания в XVII столетии сделалась Голландия. После разгрома Антверпена испанцами в 1576 г. издательскими центрами Европы стали Амстердам и Лейден.

Деятельность издательских фирм Голландии XVII—XVIII вв. носила интернациональный характер. Широкие торговые связи богатой купеческой республики и отсутствие тех тяжелых цензурных условий, которые существовали в других государствах Европы, дали возможность голландским издателям выступить в роли поставщиков печатной продукции для всей Европы.

Амстердам стал центром европейской картографии. В XVII столетии там работало несколько картографических фирм. Наиболее крупными из них были две фирмы: фирма Хондия (Jodocus Hondius), которая потом перешла в руки Янсона, и фирма Блау[4]. Хондий после смерти сына Мер-

---

[1] *В. Ф. Гнучева*. Географический департамент Академии наук XVIII в. Под ред. А. И. Андреева. М., 1946. Материалы и документы, стр. 120. Проект И. Н. Делиля об организации географических работ в России.

[2] Курс Мартонна считается лучшим в зарубежной литературе. Имеется русский перевод — *Мартонн*. Основы физической географии, т. I. М., 1939; т. II. М., 1945; т. III, М., 1940.

[3] «Traité de géographie physique», 1929, vol. I, p. 13.

[4] В наших работах по истории картографии (см., например, *К. А. Салищев*. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943, стр. 77) укоренилось неправильное правописание фамилии этого картографа — Блаё. Ошибка порождена незнакомством наших авторов с голландским правописанием XVII в., в котором долгое а, обозначаемое ныне через аа, обозначалось через ае. Фамилия «Блау» писалась в XVII в. по-голландски Blaeu и произносилась — Блау. Поэтому по-латыни он писал свою фамилию — Blavius.

катора Румольда, издателя атласа своего великого отца, приобрел все картографические материалы Меркатора. Эта фирма переиздавала атлас Меркатора со все более и более многочисленными дополнениями. Фирма Блау, основатель которой получил почетное звание «kaertenmaker»[1] Нидерландской республики, издавала атлас, составленный ее сотрудниками. Обе фирмы стремились к изданию возможно более обширных географических атласов. В результате получились многотомные атласы, огромные по объему, значительно более обширные, чем атласы нашего времени. Карты сопровождались текстом, в котором давалось описание стран, изображенных на картах. Этому обычаю положил начало еще Ортелий.

Атласы, издававшиеся в Голландии, печатались на латинском языке, а также на голландском и других новых языках и расходились по всей Европе. Во Франции уже в XVII столетии возникает самостоятельная картографическая фирма Сансонов, которая тоже выпускает атласы земного шара. Ее основатель — Николай Сансон, занимался также исторической географией. Поэтому, чтобы не разрывать очерка о нем на две части, обзор его картографической деятельности дан ниже, в следующем параграфе.

Кроме атласов, в XVII в. было составлено много отдельных карт стран и местностей. Многочисленные путешествия того времени давали для этого материал.

Говоря о картах отдельных стран, составленных в XVII в., следует остановиться на русских картах того времени. Кроме «Большого чертежа», возникшего еще в конце XVI в. и в XVII столетии частично вновь вычерченного, значительный интерес представляет ряд карт Сибири[2]. Самыми замечательными из последних были карты тобольского сына боярского С. У. Ремезова[3], составившего целый атлас Сибири. По технике русские карты XVII в., лишенные градусной сетки, стоят ниже западноевропейских. Но они очень интересны по полноте содержания. Об атласе Ремезова крупный исследователь Сибири середины XIX в. А. Ф. Миддендорф (1815—1894) писал в 1857 г.: «Многие частности обозначены в Атласе Ремизова так подробно, что мы и поныне не имеем лучших данных для некоторых мало посещенных мест Сибири»[4].

В области картографических проекций в XVII в. было сделано мало. Из немногочисленных проекций, предложенных в этом столетии, до нашего времени сохраняют свое значение псевдоцилиндрическая синусоидальная проекция Сансона[5] и шаровая проекция, предложенная в 1642 г. итальянцем Николози[6].

Для развития картографии имели значение дальнейшее развитие триангуляции, предложенной еще в XVI в. Геммой Фризиусом, и измерение формы и величины земли — дело, начало которому было положено еще в античной древности, прервано в средние века и возобновлено в XVII столетии. В обеих этих областях в XVII в. были сделаны только первые

---

[1] По современному голландскому правописанию — kaartenmaker,— т. е. картограф.

[2] Карты Сибири XVII в. подвергнуты источниковедческому анализу в ценном труде А. И. Андреева «Источниковедение Сибири». Л., 1940. А. И. Андреев также опубликовал в этой работе очень интересную найденную им карту Сибири Виниуса.

[3] Анализу работ Ремезова А. И. Андреев посвятил особую главу своей книги.

[4] «Вестник Русского географического общества», 1857; письмо в редакцию академика А. Ф. Миддендорфа.

[5] О проекции Сансона см. ниже в очерке о Сансоне.

[6] Шаровая проекция в начале XIX в. вновь была предложена английским картографом Арроусмитом. Эта проекция часто применяется для карт восточного и западного полушарий.

шаги, а в следующем, XVIII, столетии были достигнуты гораздо большие успехи. В 1615 г. голландец Снеллиус (1591—1626) произвел градусное измерение между городами Алькмаром и Бергеном в Голландии при помощи триангуляции. Свой способ он изложил в изданном им в 1617 г. сочинении «Eratosthenes Batavus»[1]. Метод триангуляции был также использован в последующее время для полевых съемок карт. Во второй половине XVII в. градусными измерениями занялась Французская академия наук. В конце шестидесятых годов XVII в. француз Пикар произвел градусное измерение между Парижем и Амьеном. Инструменты Пикара были значительно совершеннее тех, которыми пользовался Снеллиус, и его результаты оказались гораздо более точными. В конце века Кассини произвел измерение на всем протяжении Франции от Дюнкерка до Перпиньяна. Этим было положено начало для точной геодезической съемки Франции.

В XVIII в. картография сделала значительные успехи качественного порядка. Руководящую роль в европейской картографии этого времени играла Франция. Ее ученым в первую очередь картография обязана своими качественными успехами. Чрезвычайно большие результаты были в этом столетии достигнуты в России, овладевшей картографической наукой того времени. Продвинулась вперед картография и других стран Европы. Качественные сдвиги в первую очередь выразились в значительном уточнении карт благодаря новым методам работы, введенным Гийомом Делилем[2] и усовершенствованным д'Анвилем. Гийом Делиль, работавший в первой четверти века, внимательно использовал при составлении карт накопившиеся в XVII в. астрономические определения географических пунктов, которые чрезвычайно слабо использовались его предшественниками. Он также опирался при составлении карт на указания разного рода итинерариев (путеводителей), главным образом античных (таким путем историческая география оказывала у него помощь картографии), о расстояниях между отдельными пунктами. Это позволило ему достигнуть невиданной ранее точности карт и исправить много ошибок своих предшественников.

Д'Анвиль, работавший после Делиля, отличался чрезвычайным искусством в использовании итинерариев. Его карты отличались замечательной по тому времени точностью. Он пользовался чрезвычайным авторитетом у современников и потомства.

Французская академия наук продолжила организацию градусных измерений. Особенно большое значение имели в этом отношении работы двух посланных академией экспедиций в Перу (1735—1744) и в Лапландию (1736).

Выяснение формы и величины земного сфероида, конечно, способствовало прогрессу картографии. Применение триангуляции получило в XVIII в. распространение в ряде стран.

---

[1] Эратосфен в древности произвел довольно примитивным методом измерение земной дуги между Александрией и Сиеной (современный Ассуан) на верхнем течении Нила (*Martonne*. Traité de géographie physique, vol. 1, pp. 30—31). Поэтому Снеллиус, тоже измерявший земную дугу, по другим методом, назвал свое сочинение «Батавский Эратосфен». (Батавами по-латыни тогда называли голландцев).

[2] Гийом Делиль и д'Анвиль были крупными деятелями в области исторической картографии. Поэтому здесь я о них лишь кратко упоминаю, а общую характеристику всей деятельности как в области картографии вообще, так и в области исторической географии даю ниже. В наших работах по истории картографии (см. *К. А. Салищев*. Основы картоведения. Историческая часть, а также *Н. М. Быковский*. Картография. Исторический очерк) при подчеркивании роли Делиля и д'Анвиля конкретные указания о сущности их методов работы и того нового, что они внесли в картографию, очевидно, вследствие краткости изложения отсутствуют. В следующем параграфе я делаю попытку восполнить этот пробел.

Самыми замечательными из картосъемочных работ XVIII в. были работы по созданию топографической карты Франции, которые производились под руководством Цезаря Кассини[1] во второй половине XVIII в. Это была первая съемка целой страны, произведенная по единому строго продуманному научному плану и методу.

Чрезвычайно крупные успехи были достигнуты в XVIII столетии молодой русской картографией, усвоившей западно-европейскую научную технику своего времени. На необходимость картографической съемки наших обширных территорий обратил внимание еще Петр I, который сам был знатоком географии и старался организовать картографические работы в России[2].

Организацией картографических работ много занимался также такой крупный деятель русской культуры первой половины XVIII в., как историк и географ В. Н. Татищев.

Первой крупной инструментальной съемкой, выполненной в России с соблюдением основных научных приемов того времени, была съемка реки Дона от Воронежа до Азова и части Азовского моря, произведенная в 1699 г. адмиралом Крейсом при участии Петра I[3]. При Петре же была организована съемка Каспийского моря и была создана первая русская печатная карта Каспийского моря, по верному замечанию советского историка географии Д. М. Лебедева, «совершенно перевернувшая существовавшие до того понятия о нем»[4].

В 1715—1744 гг. были проведены первые инструментальные съемки территории России, охватившие огромную территорию[5]. Из 265 уездов Европейской России было заснято 164. Работы велись во всех 26 уездах Сибири. В течение четырнадцати лет, с 1720 по 1734, руководство этими работами было в руках И. К. Кирилова. Результаты той части этих съемок, которые были получены до 1734 г. (данные по 115 уездам Европейской России и по 16 уездам Сибири), были им положены в основу карт изданного им в 1734 г. атласа России[6].

В дальнейшем картографические работы были сосредоточены в Географическом департаменте Академии наук. Выдающейся работой этого учреждения был «Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям с приложенною при том генеральною картою великия сея империи,

---

[1] Кассини — это три поколения астрономов-геодезистов, итальянцев по происхождению, работавших во Франции: 1) Кассини Джованни Доменико (Жан Доменик), первый директор Парижской обсерватории (1625—1712); 2) его сын Жак Кассини (1677—1756), унаследовавший должность отца и бывший одним из руководителей измерения градуса парижского меридиана (1718) и 3) сын Жака и внук Жана Кассини Цезарь Франсуа Кассини (1714—1784), создатель топографической карты Франции в масштабе 1 : 86 400.

[2] См. *О. В. Струве*. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. «Записки Академии наук», т. XXI, кн. 1. СПб., 1872.

[3] См. «Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 г. и поднесенные царевичу Алексею Петровичу». «Отечественные записки», 1824, ч. 19, № 5, сентябрь. Составленный Крейсом атлас р. Дона был издан в Амстердаме.

[4] *Д. М. Лебедев*. География в России петровского времени. М.— Л., 1950, стр. 216.

[5] *С. Е. Фель*. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века. «Вопросы географии». Сб. 17. История географических знаний. Под ред. Н. Н. Баранского и В. К. Ядунского. М., 1950.

[6] В своей не опубликованной еще работе «Картография России XVIII в.» С. Е. Фель утверждает, что «Atlas Imperii Rossici» И. К. Кирилова заслуживает более высокой оценки, чем та, которая ему давалась прежде историками географии. См. автореферат докторской диссертации С. Е. Фель «Картография России XVIII в.». М., 1953, стр. 16.

стараниями и трудами Императорской Академии наук. В Санктпетербурге 1745 года».

Благодаря спешке при окончании работы над атласом не было использовано много материалов (например, материалы великой северной экспедиции), и в атласе оказались серьезные погрешности[1]. Но тем не менее выход в свет атласа, весьма значительно превосходившего по качеству атлас Кирилова, был крупным научным событием.

Авторитеты в картографии того времени высоко оценили академический атлас. Леонард Эйлер, бывший одно время одним из руководящих участников работы по составлению атласа, писал о картах академического атласа, что они «не токмо гораздо исправнее всех прежних русских карт, но еще многие немецкие карты далеко превосходят». Он считал, что «кроме Франции почти ни одной земли нет, которая б лучшие карты имела»[2].

Атлас был послан Академией на отзыв к знаменитому тогда картографу Франции д'Анвилю.

В своем весьма обстоятельном отзыве д'Анвиль предлагал ряд поправок к атласу, подчеркивая, что эти поправки не уменьшают крупных достоинств атласа, который «достигает значительного превосходства по сравнению с тем, что мы имели раньше»[3].

В. Н. Татищев, которому Академия тоже послала атлас на отзыв, оценил его положительно, предложив также ряд поправок к атласу.

В общем русская картография XVIII в., как это справедливо было отмечено В. И. Вернадским в общем собрании Академии Наук в феврале 1916 г. в речи «Об организации топографической съемки России», «стояла на уровне научных требований времени»[4].

В XVIII столетии, в особенности во второй его половине, оживилась работа по картографическим проекциям. Некоторые из предложенных в XVIII в. новых проекций прочно вошли в наш современный картографический обиход. Из них можно назвать предложенную для карты России названным выше И. Н. Делилем равнопромежуточную коническую проекцию на секущем конусе, псевдоконическую проекцию французского картографа Бонна, две равновеликие проекции известного немецкого математика, физика и астронома И. Г. Ламберта (1728—1777) — изоцилиндрическую и азимутальную и его же коническую равноугольную. Еще более крупным шагом в учении о картографических проекциях явилось создание в XVIII в. общей теории картографических проекций. В этой области главную роль сыграли труды великих математиков эпохи — Эйлера, Ламберта и Лагранжа.

В XVIII столетии значительный прогресс был достигнут в изображении рельефа на картах, которое раньше отличалось большой примитивностью. Введено было также изображение морских глубин.

Развитие картографии в XVII—XVIII вв. было связано, с одной стороны, с успехами точных наук и прежде всего математики, с другой стороны, с растущими потребностями государственной власти в картах своей территории для административных и военных целей.

---

[1] *И. И. Старостин.* К двухсотлетию географического атласа 1745 г. «Вопросы географии». Сб. 2. Под ред. И. А. Витвера, К. К. Маркова и Ю. Г. Саушкина. М., 1946.

[2] Цит. по *В. Ф. Гнучева.* Географический департамент Академии наук XVIII века, стр. 57.

[3] Отзыв д'Анвиля первый раз был напечатан К. Ф. Свенске в книге «Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного имп. Академией наук в 1745 г.», СПб., 1866 г. Второй раз отзыв напечатан В. Ф. Гнучевой в названной работе.

[4] «Очерки и речи акад. В. И. Вернадского», в. 1. П.,1922. Цит. по книге В. Ф. Гнучевой.

§ 3. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Два периода в истории исторической географии в XVII—XVIII веках

Развитие исторической географии в течение названных двух столетий можно разделить на два периода, приблизительно границей между которыми удобно принять начало XVIII столетия.

Основание для такого деления прежде всего лежит в развитии самой исторической географии. Ее разработка в XVIII в. усилилась и приемы работы углубились, причем в области исторической картографии были введены и новые методы работы. Трудом, подводящим итоги работам XVII в. в области исторической географии, можно считать сочинение Целлариуса «Notitia Orbis Antiqui», вышедшее в свет в 1703—1706 гг.

В развитии эрудитской школы историков, а также и в развитии географии, с которыми развитие исторической географии было тесно связано, XVIII столетие тоже можно считать новым этапом.

В работах эрудитской школы вехами, разделяющими два периода, можно считать появление сочинения Мабильона «De re diplomatica» в 1681 г. и произведения Монфокона «Palaeographia Graeca» в 1708 г.

В картографии, с которой историческая география была тесно связана, гранью нового этапа можно считать опубликование в 1700 г. карт частей света и карты мира Гийома Делиля. В других ветвях географии новый этап начинается несколько позже.

Резко противополагать указанные два периода в развитии исторической географии друг другу было бы неправильно. Во втором периоде историческая география в основном развивалась в том же направлении, какое она приняла в предыдущем периоде. Но ее развитие заметно продвинулось вперед в XVIII в., и это является главным основанием для отдельного рассмотрения истории исторической географии за XVII и XVIII столетия. Фактом, подкрепляющим необходимость указанной периодизации, является также огромный прогресс, достигнутый в XVIII в. исторической географией в России, в то время как в XVII столетии у нас были лишь слабые зачатки ее.

А. XVII век

а) Историко-географические исследования

Развитие исторической географии в XVII—XVIII вв., как и раньше, определялось развитием историографии и развитием географии. Из краткого обзора состояния историографии в XVII—XVIII вв. ясно, что из историков того времени исторической географией могли и должны были интересоваться историки-эрудиты. Их интересы в данной области определялись характерными чертами их школы. Их возможности ограничивались состоянием географических знаний в данную эпоху.

Уже в XVII столетии эрудиты выдвинули ряд крупных фигур в области исторической географии. Первой из них был Филипп Клювер (Philippus Cluverius,1580—1622), профессор Лейденского университета в Голландии, немец по происхождению, уроженец г. Гданьска, входившего в состав Польши. Кончив в родном городе среднюю школу, он по примеру многих юношей того времени отправился для получения высшего образования в Лейден. С этим университетом он впоследствии связал весь свой научный путь.

В Лейденском университете он стал учеником Скалигера, которого,

как он пишет в своих сочинениях, он всегда почитал как отца[1]. Скалигер, о научной деятельности которого уже говорилось выше, внушил Клюверу интерес к изучению географии античного мира.

Задаче изучения античной географии Клювер посвятил всю свою научную деятельность, обнаружив при этом крупное научное дарование и исключительное трудолюбие и упорство в преодолении трудностей. Несмотря на сравнительно раннюю смерть, в возрасте 42-х лет, и потерю нескольких лет, в течение которых Клювер не был в Лейдене и не занимался наукой, он успел создать по исторической географии труды не только весьма большие по количеству собранного материала, но и выдающиеся по своему значению в истории науки. Свои методологические воззрения Клювер изложил в первом из основных трудов — в работе, посвященной географии древней Германии — «Germaniae Antiquae libri tres». Этот труд впервые вышел в свет в 1616 г. в Лейдене в издании Эльзевиров, знаменитой книжной фирмы XVII столетия[2]. Предисловие к этому труду носит очень характерное заглавие «De geographia antiqua e tenebris, in quibus penitus obvoluta latet, eruenda»[3].

В этом предисловии Клювер ставит перед собой задачу вывести древнюю географию из той тьмы, которой она, по его мнению, была окутана в его время. Он хочет воссоздать географию всего античного мира, начав с Европы и потом перейдя к Азии и Африке.

А в самой Европе он начинает исследование с географии древней Германии. Это он мотивирует прежде всего своим национальным происхождением: «Germaniam natione Germanus primo hoc laborum meorum geographicorum opere illustrare volui»[4], пишет он. Кроме того, география древней Германии и сама по себе, по его мнению, заслуживает внимания[5].

Он также выражает надежду после окончания работы над воссозданием географии древнего мира перейти к изучению современной ему географии. Из этой грандиозной программы Клювер выполнил только небольшую часть. Кроме книги по географии древней Германии, он написал еще труды по географии древней Италии и древней Сицилии, а также учебник древней и новой географии — «Introductio in universam geographiam tam veteram quam novam»[6].

В названном предисловии Клювер дает характеристику знаний своего времени по географии античного мира и кратко останавливается на основных источниках и основных методологических предпосылках работы по реконструкции географии античного мира.

---

[1] В «Germania Antiqua» (p. 368—369), не соглашаясь с утверждением Скалигера относительно времени основания Страсбурга, Клювер пишет о нем: «Fallitur igitur quam vehementissime, magnus in aliis vir mihi quondam amicissimus quem in parentis loco (id amore suo evicit) semper colui, Iosephus Scaliger». Упоминая о Скалигере, Клювер обычно прилагает к его имени эпитет — «doctissimus»; см., например, «Italia Antiqua». p. 851.

[2] Второе издание вышло в свет в 1631 г. Я цитирую всегда по второму изданию. Кроме того, в 1663 г. Буноном было выпущено сокращенное издание.

[3] О необходимости извлечь древнюю географию из тьмы, которою она всецело окутана.

[4] «Немец по национальности, я хочу описать сначала Германию в этом моем сочинении» (Praefatio).

[5] Он формулирует это в следующих выражениях: «quamquam et ipsa per se haud postremum ordinem, ob antiquam rerum gestarum claritudinem mereatur» (Praefatio).

[6] Учебник выдержал очень много изданий, был переведен на французский и немецкий языки и служил учебным пособием около ста лет. Но теоретический уровень учебника в области физической географии не высок. Клювер стоит еще на доконерниковых позициях. Популярность учебника может служить наглядным показателем чрезвычайно медленного проникновения учения Коперника в школьное преподавание. См. *Partsch*. Указ. соч., стр. 36—37.

Степень изученности географии древнего мира в его время Клювер расценивает очень низко. О трудах Ортелия, который, по его словам, пользуется репутацией лучшего знатока античной географии не только у широкой публики, но и в кругу ученых, так как более знающих специалистов нет, Клювер отзывается резко. Разбора трудов Ортелия Клювер однако не дает, ограничиваясь лишь указанием, что Ортелий приводит в «Thesaurus Geographicus» различные мнения древних, не умея подвергнуть их критике и не имея собственного суждения, и заявлением, что в исторических картах Ортелия много ошибок.

Говоря о сочинениях древних авторов, могущих служить источниками для реконструкции античной географии, Клювер на первый план выдвигает Страбона, Птолемея, Дионисия, Мелу, Плиния и Солина. Он указывает также на значение итинерария Антонина и древних карт как исторического источника.

Клювер подчеркивает, что сочинения названных авторов нельзя считать за безусловный авторитет в вопросах древней географии, что в них имеется значительное количество ошибок. Указывая, что его современники особенно высоко ставят Птолемея и в случае расхождения его данных с данными других авторов считают эти последние подлежащими исправлению, Клювер признает эту оценку Птолемея как исторического источника для реконструкции античной географии совершенно неправильной.

Чтобы показать, как много ошибок имеется у Птолемея, Клювер приводит в качестве примера неправильные данные, имеющиеся у этого автора по географии древней Галлии.

Таким образом, Клювер низводит этот прославленный авторитет в вопросах античной географии с того пьедестала, на который его поставила двухвековая гуманистическая традиция. Более коротки его замечания об остальных из вышеназванных авторов, но, конечно, и среди них для него нет безусловных авторитетов. Выше других он ставит Страбона. Он единственный, по мнению Клювера, не ограничивается одним лишь перечнем географических названий, но и критически рассматривает данные предшествующих писателей, отбрасывая ошибочные и подтверждая верные их указания[1].

Большим достоинством Страбона Клювер считает также наличие у него, помимо географических данных номенклатурного характера, также и описания тех стран, о которых он говорит. Но, подчеркнув высокие качества Страбона, как географа, Клювер тут же оговаривается, что и у Страбона в некоторых случаях встречаются ошибки.

Клювер указывает на необходимость критического сопоставления данных разных авторов и сравнения их с указаниями итинерариев.

Однако и это он считает недостаточным для правильной реконструкции древней географии, так как одно лишь сопоставление историко-географических источников не всегда может дать правильную картину географии прошлого. Даже во всей своей совокупности в ряде случаев историко-географические материалы древних авторов могут представлять собою лишь загадку для исследователя, если он не сопоставит данные античных источников с данными современной географии и не объяснит неясности и ошибки первых при помощи вторых.

---

[1] Клювер так характеризует Страбона: «Namque hic unus non nuda tantum fluminum, montium, litorum, locorum ac regionum, incolarumque tradit vocabula sed quae vario ac diverse ab superioribus auctoribus prodita fuerunt ipse sedulus disputat, falsa discutit veraque adserit. Dein origines gentium, mores ac ritus, item regnorum rerumpubliearumque nobiliorum ortus, incrementa summa fastigia, mutationes atque interitus nec non res gestas et alia cognitu vel necessaria vel digna, ubique adnotat. «Germania Antiqua», Praefatio.

Клювер указывает, что до него никто не предпринял такого труда. Сам он до написания своих научных работ в 1607—1613 гг.[1] объехал ряд стран Европы, в том числе Германию и Италию. Когда после выхода в свет труда о древней Германии Клювер стал готовить географию древней Италии, он, собрав материал исторических источников, прежде чем приступить к самому написанию работы, сначала отправился в одиннадцатимесячное путешествие по Италии с целью сопоставить собранный материал с данными современной ему географии этой страны. В этой поездке он пользовался материальной поддержкой со стороны Лейденского университета т. е., говоря современным языком, был послан университетом в заграничную научную командировку.

Используя данные античных авторов для реконструкции античной географии, Клювер проводил строгое различие между тем, как древние представляли себе эту географию, и тем, какой она в действительности была. Ярким примером четкого понимания им этого различия могут служить две карты Европы, помещенные им перед текстом книги о географии древней Германии. Первая из них носит заглавие «Septemtrionalium in Europa et Asia terrarum descriptio, ad falsam veterum scriptorum mentem accommodata»[2]. На этой карте Европа и западная часть Азии даны с теми очертаниями, как их представляли себе древние; Скандинавия и Финляндия изображены островами, Каспийское море соединено с Северным Ледовитым океаном длинным и узким водным протоком, носящим название «Fauces sinus Caspii», нет Волги и ее притоков, Днепр и Дон изображены текущими с Гиперборейских гор, расположенных по побережью Северного Ледовитого океана, и т. п.

На второй карте под заглавием «Summa Europae antiquae descriptio» все подобного рода несообразности отсутствуют. Ее очертания соответствуют уровню картографических знаний Европы начала XVII в. Названия морей, островов, рек, народов на обеих картах даны античные, но размещены неодинаково. На первой карте их размещение дано таким, каким его представляли себе древние, на второй — таким, каким его представлял себе Клювер.

К сказанному можно добавить, что, не ограничиваясь критикой древних авторов с географической точки зрения, Клювер дает также в ряде случаев филологическую критику дошедших от античности текстов древних писателей, предлагая свое чтение этих текстов. Иногда Клювер использует также и античные надписи.

Таким образом, с научной точки зрения между методологическими приемами Ортелия и Клювера можно констатировать огромное различие. Современники считали критику Клювером древних авторов чрезмерной. В этом отношении интересен отзыв знаменитого голландского юриста того времени и автора ряда исторических трудов Гуго Гроция[3], который писал, что Клювер одержим зудом критики и что эту его болезнь современники должны переносить терпеливо, так как Клювер часто обвиняет в грубом невежестве Цезаря, Страбона и других выдающихся авторов. Получить упрек вместе с такими писателями, по мнению Гроция, равносильно получению похвалы[4]. Этот отзыв отчасти, может быть, вы-

---

[1] См. *Partsch*. Philipp Clüver der Begründer der historischen Länderkunde.— «Geographische Abhandlungen hrsg. von Prof. D-r Albrecht Penck in Wien. Bd. V, Hft. 2, 1891.

[2] Карта северных земель Европы и Азии, составленная согласно неверным представлениям древних писателей.

[3] Главным историческим трудом Гуго Гроция были «Annales et historiae de rebus belgicis».

[4] Deprehendendi quoque alios magna eum tenet prurigo. Quem morbum eo patientius in ipso, qui vivunt, ferre debent, quod Caesar, quod Strabo aliique praestantissimi

зван резким тоном, свойственным критике Клювера. Но, с другой стороны, он показывает, что как критик Клювер несколько опередил свое время.

Роль исторической географии для изучения истории Клювер оценивает очень высоко. Он называет историческую географию «светильником истории» (lumen historiae) и утверждает, что без нее вся история лежит в глубочайшей тьме (in obscuro et densissimis tenebris obsepta involutaque jacet).

Работа Клювера о географии древней Германии «Germaniae Antiquae libri tres» распадается на три части, которые автор по обычаю того времени называет книгами. В первой книге дана характеристика Германии в целом; вторая и третья книги посвящены порайонному описанию страны.

Первой книге предпослан текст «Германии» Тацита и небольшое введение источниковедческого характера. В этом введении Клювер утверждает, что древние римляне во времена Тацита могли иметь достаточно точные знания о Германии, как это видно из сочинений многих авторов и из многих документов (totius Germaniae cognitionem habere potuisse satis exactam multis auctoribus multisque documentis).

Лучшим источником по географии древней Германии Клювер считает Тацита. Данные этого писателя он считает необходимым положить в основу своего исследования (unum Cornelium Tacitum maxime sequendum mihi proposui). Клювер возражает против мнения «некоторых своих соотечественников даже весьма ученых», что Тацит, будучи римлянином и чуждым Германии человеком, многого в ней не знал и сообщил много неверных и вымышленных (fictitia) данных. Такое мнение Клювер считает проявлением собственного невежества тех, кто так думает, и приводит ряд соображений в обоснование своей точки зрения.

В силу этой высокой оценки Тацита Клювер и предпослал своему исследованию полный текст «Германии». При этом он напечатал параллельно два чтения текста Тацита: на левой стороне страницы — свое чтение, на правой — чтение Липсия, знатока классиков, жившего во второй половине XVI в. (ум. 1606 г.)[1].

Кроме данных Тацита, Клювер использует также сочинения ряда других авторов, в особенности Цезаря, Плиния, Страбона, Птолемея, Аммиана Марцелина. В этом же кратком введении Клювер останавливается на античных мерах расстояний — римских милях и греческих стадиях. При этом, как справедливо отметил Ниссен[2], Клювер допустил ошибку в определении длины древнеримской мили, преувеличив ее размеры на одну пятую.

Прежде чем приступить к описанию древней Германии, Клювер в ряде глав развивает выдвигаемое им положение, что Германия, Иллирия, Галлия, Испания и Британские острова были частями древней Кельтики (Celtica). Население этой территории, утверждает Клювер, произошло от Ашкеназа — правнука Ноя, который после потопа занял со своими детьми и внуками эту территорию.

Таким образом, будучи строгим критиком античных авторов и сделав в этом отношении крупный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, Клювер не только почтительно отступает перед автори-

---

auctores saepe ab illo supinae ignorantiae aguntur rei: cum quibus una culpari id vero mihi videtur esse laudari. Цит. по *Tomas Pope Blount*. Censura Celebrium Autorum. Londini. 1690, p. 654.

[1] О Липсии см. *Haeghen*. Bibliographie Lipsienne. I—III, Gand, 1886—1888.

[2] «Italische Landeskunde». Bd. 1, Berlin, 1883, S. 52.

тетом библии, но и строит на основании высказываний библии целую теорию о происхождении ряда европейских народов.

Немецкие ученые конца XIX в. Ниссен[1] и вслед за ним Парч[2], подчеркивающие критицизм «мужественного немца» Клювера по отношению к античным преданиям и гуманистической традиции, обходят молчанием только что указанный факт.

Иллирийцы, германцы, галлы, испанцы и британцы, по мнению Клювера, имели один язык, распадавшийся на различные диалекты[3]. В этом единстве языка Клювер видит одно из доказательств происхождения перечисленных народов от Ашкеназа, правнука Ноя.

Интересно отметить, что в числе приемов, которыми пользуется Клювер для доказательства общности языка древних иллирийцев, германцев, галлов, испанцев и британцев, имеется также и анализ названий городов и деревень той территории, на которой жили эти народы. Следовательно, мы находим у Клювера попытку использования данных топонимики в качестве исторического источника. Он находит на изучаемой территории названия городов с сходными окончаниями, например, dunum, обозначавшим, согласно его указанию, в кельтском языке холм, magus, что на языке кельтов означало город, briga и т. п., и на основании этого делает вывод, что предки народов, проживающих на данной территории, говорили одним языком.

Легко видеть, что как метод использования данных топонимики, так и самый вывод Клювера неправильны. Но самая попытка, пусть даже неудачная, использовать эти данные безусловно заслуживает внимания историка исторической географии.

Описание древней Германии Клювер начинает с указания ее границ и размеров территории. Установив путем ссылок на античных авторов, что древняя Германия занимала пространство между берегом Северного Ледовитого океана[4] (Клювер, таким образом, включает в состав древней Германии также всю территорию, которую современные наши физико-географы называют Фенно-Скандией), Дунаем, Рейном и Вислой, Клювер подчеркивает значительные размеры этого пространства, уступающего по своим размерам из всех стран древней Европы только Сарматии.

Далее он указывает, ссылаясь на Птолемея, Цезаря и Диона Кассия, причем дает далеко не бесспорные толкования текста этих писателей, что в Галлии по левому берегу Рейна тоже жили германские племена. Эту территорию он называет Germania Cisrhenana. Клювер заканчивает данную главу заявлением, что в его намерения входит дать описание не только тех германцев, которые населяли древнюю Германию, но также и всех народов германского происхождения, как живших к западу от Рейна в Галлии, так и тех, кто некогда занимал за Вислой часть Сарматии[5]. Таким образом, явно чувствуется тенденция приписать территории, занятой древними германцами, возможно большие размеры. Дав затем краткую характеристику климата и почв древней Германии, Клювер основное внимание посвящает описанию народов, ее населявших.

---

[1] *Nissen.* Указ. соч., стр. 51—52.

[2] *Partsch.* Указ. соч., стр. 33.

[3] «Germania Antiqua», lib. I, cap. V.

[4] Северный Ледовитый океан, согласно терминологии своего времени, Клювер называет просто Северным океаном (Oceanus Septemtrionalis).

[5] «Mihi igitur quoque in hoc opere non eorum modo Germanorum nationes exponere consilium est, qui intra verae germanaeque et antiquissimae Germaniae terminos ultra Rhenum incoluerunt; sed cunctos etiam Germanicae originis populos, cis Rhenum in Gallico solo sitos: item eos qui trans Vistulam Sarmaticorum agrorum partes quondam occuparent» (p. 79)

Он описывает жилища, внешний вид германцев, их одежду, пищу, рассказывает об их пирах, говорит об их ремеслах и мореплавании. Клювер указывает, что по своему социальному положению древние германцы распадались на четыре группы: знатных, свободных, отпущенников и рабов[1].

После описания материальной культуры германцев Клювер переходит к описанию их нравов. Здесь, сначала в главе о добродетелях и пороках германцев, отметив отсутствие у них письменности и писаных законов, он указывает, что они судятся согласно своим обычаям. Клювер приводит также указания Цезаря, что древние германцы не считали пороком производить грабежи (latrocinia) за пределами территории своего племени. Затем идет подкрепляемая цитатами из древних авторов характеристика добродетелей древних германцев — их верности, щедрости, гостеприимства, дружбы, отсутствия половой распущенности. В конце главы он описывает пороки древних германцев — пьянство, леность, заносчивость, хвастовство (superbia, jactantia, vanitas).

Специальные главы отведены описанию супружеской любви и верности, рождению и воспитанию детей, отношениям между родственниками и обычаям наследования.

Очень много внимания уделяет Клювер религии древних германцев. Он дает характеристику их верований, религиозных обрядов, жречества. Значительно меньше места Клювер отводит описанию общественной жизни германских племен.

Он считает, что у древних германцев было две формы общественного устройства — демократия в сочетании с принципатом и демократия без принципата. Принципатом Клювер называет выдающийся авторитет одного человека, ограниченный законами и властью всех (Principatus in democraticis Germanorum rebuspublicis erat eminens unius auctoritas, reliquorum omnium potestate atque legibus definita, p. 264). Специальную главу Клювер отводит описанию народных собраний и устройству суда у древних германцев.

Следующие десять глав из общего описания древней Германии посвящены состоянию военного дела, которому Клювер дает подробную характеристику. Он говорит о предметах вооружения, о сражениях на колесницах и в конном строю, о роли военачальников, о знаменах, боевых порядках, об осаде укрепленных мест. Заканчивается общее описание древней Германии рассказом о том, как древние германцы хоронили своих покойников.

Вторая книга посвящена описанию части Германии, расположенной по левому берегу Рейна (Germania Cisrhenana). Первые две главы этой книги играют роль вводных. В первой из них Клювер устанавливает, какие из племен, населявших описываемую им в этой книге территорию, являются галльскими, какие германскими; во второй он рассуждает о значении терминов «Belgium» и «Belgica».

Самое описание страны Клювер ведет по племенам. При этом он начинает с галльских племен. Включение галльских племен в описание он мотивирует тем, что зарейнские германцы некогда вели войны на их территории и, наконец, заняли их земли и владеют ими до сегодняшнего дня.

Характеристика племен построена Клювером по одному плану. Он начинает обычно с указания, какую территорию занимало данное племя,

---

[1] Ordines in universum fuisse reperio haud amplius IV, quorum primus Nobilium alter Ingenuorum sive Liberorum; tertius Liberterum cui admixtus Libertinorum; quartus Servorum (p. 98).

потом переходит к определению местоположения городов и других населенных пунктов, которые в древности находились на этой территории, стараясь при этом определить, каким современным ему названиям городов соответствуют древние названия. Это изучение географической номенклатуры древности занимает почти все его внимание при описании территории племен. Для определения местоположения изучаемых им географических названий он пользуется всеми теми методами, о которых говорилось выше. Кроме того, относительно многих племен Клювер приводит рассказы древних авторов об этих племенах.

Четыре последние главы второй книги посвящены подведению итогов о германских племенах, живших по левому берегу Рейна, описанию Арденнского леса (Arduenna Silva), описанию Вогезов, а также краткой характеристике рек, орошающих эту часть Германии. Эта характеристика сводится в большинстве случаев к установлению соответствия между античными и современными Клюверу названиями рек. Третья книга, посвященная описанию «Зарейнской Германии» (Germania Transrhenana), построена по тому же плану, что и вторая.

К своему труду о древней Германии Клювер составил ряд карт. Кроме уже названных выше карт Европы, помещенных в начале работы, в каждой из книг, на которые разделено все произведение, приложено по нескольку карт, изображающих изучаемую в данной книге территорию.

Ко второй книге приложено четыре карты. На первой из них Germaniae Cisrhenanae, ut circa Julii Caesaris fuit aetatem, descriptio — изображена территория между Сеной и Рейном во времена Юлия Цезаря. Вторая карта — Germaniae Cisrhenanae, ut inter J. Caesaris et Traiani fuit imperia, descriptio — дает ту же территорию для времени от Юлия Цезаря до Траяна.

На второй карте гораздо больше городов, чем на первой.

Третья карта — Helvetiae conterminarumque terrarum antiqua descriptio — посвящена территории Швейцарии и смежных с нею земель в древности. На четвертой карте — Scaldis, Mosae ac Rheni ostiorum, gentiumque accolarum antiqua descriptio — представлено нижнее течение Шельды, Мааса и Рейна и показаны народы, населявшие их берега в древности. На этой карте нет залива Зейдерзее[1], а показано озеро Флево.

К третьей книге приложено пять карт: Populorum Germaniae inter Rhenum et Albim, ut circa I. Caesaris aevum incoluerunt, на которой дано размещение германских племен между Рейном и Эльбой во времена Юлия Цезаря; Populorum Germaniae inter Rhenum et Albim, ut inter Caesaris et Trajani imperia incolerunt, на этой карте показано размещение германских племен на той же территории в эпоху от Цезаря до Траяна; Germaniae Populorum inter Rhenum et Albim amneis ut a Trajani imperio et circa Marcellini aetatem incoluerunt descriptio, здесь дано расселение германских племен на той же территории в эпоху от Траяна до Аммиана Марцеллина; Sveviae, quae cis Codanum fuit sinum, antiqua descriptio, на этой карте изображена территория древней Германии к югу от Балтийского моря; Antiquae Germaniae Septemtrionalis descriptio, здесь дана карта Фенно-Скандии с омывающими ее морями и их южным и восточным побережьем.

В качестве дополнения ко всему обширному труду географии древней Германии Клювер поместил краткое описание территории между верхним течением Дуная и Адриатическим морем (Vindelicia et Noricum). Он мотивирует включение этого приложения в свое сочинение тем, что эти земли,

---

[1] Как известно, залив Зейдерзее образовался в средние века. См. *Demangeon*. Belgique-Pays Bas-Luxemburg, Paris. 1927, p. 24.

не будучи германскими в древности, впоследствии были заняты германцами (Prooemium, стр. 719).

Второй из основных трудов Клювера — «Italia Antiqua» по объему значительно больше обширной «Germania Antiqua». Это произведение разделено на четыре книги и было издано в двух томах фирмой Эльзевиров под редакцией Гейнзиуса в 1624 г. уже после смерти автора. К этой работе примыкает изданное еще при жизни автора, в 1619 г., описание географии древней Сицилии[1]. «Italia Antiqua» подобно «Germania Antiqua» построена на основании весьма значительного круга источников, но при этом ни один из них не занимает такого ведущего места, как Тацит для «Germania Antiqua».

Больше всего для своей географии древней Италии Клювер пользуется данными Страбона и Плиния, очень часто он ссылается на Ливия, немного реже на Птолемея, итинерарии, Диодора Сицилийского, Дионисия Галикарнасского, еще реже на других древних авторов. Общее количество использованных авторов, естественно, гораздо больше, чем то, которое могло быть привлечено при составлении «Germania Antiqua».

Кроме авторов, нередко Клювер использует также надписи.

Общий план сочинения несколько отличается от плана, по которому написана «Germania Antiqua».

Общая характеристика страны в целом занимает лишь первые шесть глав перв й книги, т. е. всего 45 из общего количества 1338 страниц всего труда, между тем как в исследовании, посвященном реконструкции географии древней Германии, общей характеристике древней Германии была отведена одна книга из трех.

Клювер в этой характеристике ограничивается разбором различных наименований Италии в древности, указанием ее географического положения, очертания и величины территории, описанием границ, а также краткой характеристикой Апеннин, климата, почв и населения страны. О населении Италии он здесь говорит очень коротко, ограничиваясь лишь исследованием вопроса о древнейших народах, живших на территории Италии, и их делении по языку. Ничего похожего на ту характеристику быта и нравов, религии, культуры, общественного строя, состояния военного дела, которую Клювер дает для древней Германии, здесь нет. Таким образом, география древней Италии сведена Клювером почти исключительно к ее порайонному описанию.

Принципы принятого им деления Италии на районы Клювер изложил в конце VI главы первой книги «Italia Antiqua», перед тем как приступить в следующей VII главе к порайонному описанию страны. Что он ясно сознавал необходимость определенной системы при порайонном описании, видно из его собственных слов: «Nunc uti ad singulorum populorum descriptionem rite pergamus divisio ante totius Italiae facienda erit atque ordo quo populi inter se iuncti fuerunt ab Alpibus ad fretum usque Siculum, indicandus»[2].

Он указывает далее, что будет вести исследование по отдельным народностям, прослеживая для каждой ее происхождение, первоначальную территорию и последующие передвижения народности или изменения границ ее территории. Изучаемые народности он считает нужным соеди-

---

[1] «Sicilia antiqua cum minoribus insulis adjacentibus. Item Sardinia et Corsica· Lugduni Batavorum ex officina Elseviriana, 1619. Сокращенное издание выпущено в 1659 г. Буноном под заглавием: «Philippi Clüverii Sicilia Antiqua au toris methodo, verbis et tabulis geographicis retentis contracta opera Johannis Bunonis».

[2] Теперь, приступая к описанию отдельных народов, сначала надо будет разделить на районы всю Италию и указать порядок описания народов от Альп до Сицилийского пролива. «Italia Antiqua», p. 44.

нять в группы, следуя тому делению Италии на области, которое существовало при первых двенадцати императорах[1]. Он ссылается при этом на пример Плиния.

В первой книге он дает географию северной Италии, носившей у древних название «Gallia Cisalpina». Описание ее Клювер начинает с Лигурии, потом переходит к народам, населявшим Альпы, затем дает характеристику области венетов и соседних с ними племен. После этого Клювер переходит к описанию той части Цизальпийской Галлии, которая была заселена галльскими племенами в собственном смысле слова. Он считает, что галлы занимали в Северной Италии территорию по реке По (magnam Italiae partem circa Padum amnem occuparunt, p. 217) и что они были здесь пришельцами из-за Альп. Заканчивается первая книга описанием Альп и реки По вместе с ее притоками.

Описывая Альпы, Клювер подробно останавливается на путях через Альпы, которыми пользовались в древности, и подвергает специальному исследованию вопрос о пути, по которому перешли Альпы Ганнибал и Газдрубал.

Вторая книга начинается с описания Этрурии, которой Клювер уделяет большое внимание. После Этрурии более коротко, чем она, описаны: Умбрия, земля сабинов, река Тибр с притоками, Пиценум и территории народов, соседних с ними (вестинов, марруцинов, пелигнов, марсов и эквов).

Третья книга описывает древний Лациум. Здесь же дана краткая характеристика топографии античного Рима.

Последняя, четвертая, книга содержит описание Кампании и других областей древней Италии, лежавших к югу от Лациума.

Шестнадцатая, предпоследняя глава этой книги дает краткую характеристику Великой Греции. Заканчивается четвертая книга, а с нею и вся география древней Италии описанием морей, омывающих берега страны. Такова общая структура всего труда.

Районные описания Клювер обычно начинает с разбора тех названий, которые в древности употреблялись для обозначения данной территории и населявшего ее племени или племен. Потом он останавливается на происхождении данного народа или племени, его языке и границах описываемой территории. Иногда внимание именно к этим моментам получает отражение в самом заголовке главы, например, глава VIII второй книги носит заглавие «De Sabinorum nomine, genere ac finibus».

Общая характеристика данной территории и населявшего ее народа или племени часто ограничивается только этими моментами. В некоторых случаях, кроме того, сообщаются данные, характеризующие описываемую территорию или народ с той или иной стороны. Например, Клювер останавливается на воинственности самнитов, приводя высказывания о храбрости самнитов Ливия (этого автора он считает нужным процитировать прежде всего[2]), а также Флора, Страбона и Тацита.

Описывая Кампанию, он подчеркивает плодородие ее почвы в следующих выражениях: «Campania cuius mirandam fertilitatem amenitatemque prae omnibus aliis orbis terrarum nedum Italiae agris praedicarunt auctores antiqui»[3]. В качестве обоснования такого утверждения Клювер приводит

---

[1] Italia Antiqua, p. 44.

[2] «Bellicosissimam fuisse totius Italiae gentem et quae Romanis maxima facessiit negotia omnes Romanorum in primis vero Livii testantur historiae.— «Italia Antiqua», p. 1191.

[3] Древние авторы говорили об удивительном плодородии и прелести полей Кампании по сравнению со всеми другими странами мира, а не только Италии.— «Italia Antiqua», p. 1090.

цитаты из Страбона, Виргилия, Полибия, Проперция, Ливия, Колумеллы, Помпония Мелы, Солина, Марциана, Тацита, Цицерона, Флора, Марциала, Исидора, Плиния, Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Тибулла, Сидония Аполлинария, Сенеки, Филострата.

Более подробно он говорит об этрусках. Клювер говорит об их былом могуществе, о господствовавшей у них роскоши, повлекшей за собою изнеженность (mollities) этрусков, о половой распущенности этрусков, о значительном развитии у этрусков ремесла, театрального искусства. Среди приводимых Клювером выдержек из высказываний древних авторов об этрусках имеется длинная цитата из Диодора Сицилийского, в которой последний говорит о заимствовании римлянами некоторых форм общественной жизни (ликторов, курульного кресла, тоги с пурпурной каймой для должностных лиц и т. п.) у этрусков. Однако Клювер, приводя эту цитату в качестве доказательства развития роскоши у этрусков, оставляет без какого-либо комментария данное место. Следовательно, в противоположность Биондо, который со вниманием останавливается на культурном влиянии этрусков на римлян [1], Клювер проходит мимо этого вопроса. «Italia Illustrata» Биондо ему была хорошо известна, и в следующей главе он полемизирует с Биондо, которого, между прочим, относит к числу географов своего времени (huius saeculi), по поводу местоположения города Луна [2].

Таким образом, в районных описаниях общей характеристике описываемых народов и территорий тоже уделяется сравнительно немного места. Главное внимание автора в районных описаниях, а следовательно, и во всем труде сосредоточено на изучении размещения в древности в пределах изучаемой территории городов, гор, храмов, рек, озер, мест знаменитых с исторической точки зрения и прочих географических объектов, и установлении, где это нужно, соответствия между античной и современной автору географической номенклатурой.

В числе географических объектов древней Италии, определением местоположения которых занимается Клювер, имеются и такие, например, как Тускуланская вилла Цицерона [3] (о местонахождении ее мы находим у нашего автора целое небольшое исследование), виллы Помпея, Цезаря и Лукулла [4], место погребения легендарных Горациев и Куриациев [5] и т. п.

Обычно, касаясь того или другого географического объекта, Клювер ограничивается установлением его местоположения. Иногда он кратко отмечает, чем данное место замечательно в историческом отношении. Например, о Тразименском озере Клювер пишет: «Insignitus est ingenti illa clade, quam heic secundo bello Punico ab Hannibale acceperunt Romani» [6].

Канны он называет «nobilissimus clade Romanorum vicus» [7]. Говоря об острове Капри, он приводит цитаты [8] из Светония, Ювенала, Плиния, Тацита о пребывании на Капри императоров Августа и Тиберия. Описывая остров Эльбу, Клювер приводит свидетельства античных писателей об ее богатстве железной рудой [9]. Но самых событий, которые дали известность

---

[1] См. выше в главе второй настоящей работы.
[2] «Italia Antiqua», p. 456.
[3] Там же, стр. 944.
[4] Там же, стр. 1126.
[5] Там же, стр. 916.
[6] «Оно получило известность от тяжелого поражения, нанесенного здесь Ганнибалом римлянам во Вторую пуническую войну».— «Italia Antiqua», p. 578.
[7] «Деревня, весьма известная благодаря поражению римлян». Там же, стр. 1220.
[8] Там же, стр. 1168.
[9] Там же, стр. 502—503.

тому или иному месту, он обычно не описывает и экскурсов исторического характера в стиле Биондо не делает, кроме лишь тех случаев, когда по поводу данных событий Клювер предпринимает изыскания историко-географического или источниковедческого характера. Так, например, он подвергает обстоятельному исследованию вопрос о пути, каким двигался Ганнибал к Тразименскому озеру[1]. Полемизируя с Биондо и Леандро Альберти относительно Рубикона, Клювер приводит текст античной надписи с запрещением переходить Рубикон с оружием в руках, надписи, которую он лично видел на берегу реки, носившей в древности это имя[2].

Но Клювер приводит данную надпись не для анализа того исторического события — нарушения Цезарем этого запрещения, которое дало известность Рубикону. Клювера интересует лишь место, где он видел мрамор, на котором вырезана эта надпись, так как это служит ему одним из доказательств предлагаемого им отождествления античного Рубикона с итальянской речкой его времени, носившей название Ругоне.

Судеб в древности самих античных городов, местоположение которых он исследует, Клювер редко касается. В качестве примера можно привести его рассказ об уничтожении пожаром и последующем восстановлении Кремоны[3]. Таким образом, внимание Клювера как исследователя поглощено в «Italia Antiqua» почти всецело одной задачей — восстановить карту древней Италии. Характеристика народностей, населявших Италию, для него явно на заднем плане.

К исследованию приложено четырнадцать карт. В начале труда помещена карта всей древней Италии — Summa Italiae et adjacentium insularum descriptio.

Двенадцать карт посвящены основным районам страны в древности.

Четыре из них изображают части северной Италии: 1. Alpium Cottiarum Maritimarum incolarum, adcolarumque populorum descriptio; 2. Rhaetiae et Lepontiorum Eugarnorumque ac Orobiorum agri descriptio; 3. Venetiae, Histriae et Carnici agri descriptio; 4. Alpium Penninarum, Graicarum et Cottiarum incolarum adcolarumque populorum descriptio.

Пять карт посвящены средней Италии:
1. Etruriae descriptio. 2. Umbriae descriptio. 3. Sabinorum et Marsorum agri descriptio. 4. Piceni et Vestinorum, Pelignorum, ac Frentanorum agri descriptio. 5. Latii utriusque, antiqui scilicet et novi, in quo Aequi, Rutuli, Volsci, Hernici et Aurunci, descriptio.

Три карты дают районы южной Италии:
1. Samnii et Campaniae item Hirpinorum et Picentinorum agri descriptio.
2. Apuliae, Messapiae, in qua Calabri ac Salentini, et Lucaniae descriptio.
3. Brutii agri descriptio.

Кроме перечисленных карт, к исследованию приложен еще план древнего Рима — Romae antiquae descriptio.

На картах нанесены горы, реки, озера и болота Италии, обозначены города, храмы, жертвенники, священные рощи и некоторые другие замечательные места, как например, Канны[4], виллы Цицерона, Варрона, Горация и т. п. Границы описываемых территорий показаны пунктиром. Следовательно, по содержанию карты Клювера оказываются менее полными по сравнению с картами Ортелия, который нанес на свои карты Италии многие из римских дорог.

---

[1] «Italia Antiqua», p. 580.
[2] Там же, стр. 297.
[3] Там же, стр. 254.
[4] Клювер считает Канны деревней, так как из всех античных писателей только один Полибий называет Канны городом.— «Italia Antiqua», p 1220.

«Sicilia Antiqua» Клювера написана примерно по тому же плану и исходя из тех же методологических принципов, что и «Italia Antiqua». Поэтому нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на разборе этого сочинения. Отмечу лишь одну особенность данной работы. Клювер описывает здесь странствования Одиссея и касается пути Энея.

Современники, а также ученые, жившие после Клювера до XIX в. включительно, высоко оценивали его историко-географические труды.

Гуго Гроций (1583—1645), считавший, как уже было указано выше, критику Клювера чрезмерной, тем не менее с уважением отзывался о его труде. В уже цитированном выше письме он писал о Германии Клювера: «Quantum Germaniam Cluverianam inspexi, neque possum non probare diligentiam quae egregii aliquid solet parturire, ubi vires suas colligens uni operi affligitur»[1].

Другой современник, голландский ученый того времени Гергард Иосиф Фоссиус (1577—1649) указывает, что Клювер считался первым среди географов своего времени (Geographorum suae aetatis habitus est princeps). Фоссиус подчеркивал трудолюбие и эрудицию Клювера[2].

Крупный деятель немецкой науки XVII в. «полигистор»[3] Конринг (1609—1681), живший несколько позже Клювера, называет в 1661 г. Клювера первым среди изучающих древнюю географию. Он подчеркивает несравненное трудолюбие Клювера в его географических работах (industriam in geographico illo studio incomparabilem), обилие материала, остроту мысли и вместе с тем изящество формы в его произведениях (lectionem infinitam, judicium acre simul et elegans).

Конринг признает, что труды Клювера не свободны от ошибок. Но по сравнению с достоинствами его произведений эти ошибки не более чем «незначительные родимые пятна на прекрасном теле». По мнению Конринга, Клювер превосходит всех своих предшественников на поприще античной географии.

Еще позже, в начале XVIII столетия, Целлариус, автор сводного труда по географии древнего мира[4], во введении в своей работе, говоря о своих предшественниках, изучавших античную географию отдельных стран, на первое место ставит для Галлии труд Адриана Валуа, для древней Греции — работу Пальмериуса, для Германии, Италии и Сицилии — труды Клювера.

В XVIII столетии руководящим авторитетом в вопросах античной географии был французский картограф д'Анвиль. Труды Клювера отчасти стали уже достоянием истории науки. Но они продолжали еще высоко цениться. У самого д'Анвиля в его «Notice de l'ancienne Gaule» очень много ссылок на Клювера. Клювера высоко ценил Геерен[5].

В XIX в. такой крупный деятель в истории науки о древнем мире, как Нибур, в своих лекциях по античной географии и этнографии в Боннском университете в 1827/28 академическом году[6] подчеркивал большое значение трудов Клювера, называя их первыми выдающимися работами по реконструкции античной географии. Нибур утверждал, что труды Клювера

---

[1] Рассмотрев «Германию» Клювера, я не могу не одобрить прилежания, которое обычно рождает нечто выдающееся, когда все силы направлены на одно дело. См. выше, стр. 186, примечание 1.

[2] Nulli unquam laboris pepercit in evolvendis scriptoribus vel antiquis vel novis unde geographiam lucem capere posse arbitraretur, писал о Клювере Фоссиус.

[3] О Конринге см. выше, стр. 151, 163, 172.

[4] «Notitia Orbis Antiqui», t. 1. Cantabrigiae, 1703, Praefatio ad lectorem.

[5] О Валуа, д'Анвиле, Геерене см. ниже.

[6] Изданы в 1851 г. под заглавием «Vorträge über alte Länder und Völkerkunde an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. *Niebuhr*. Hrsg. von M. Isler. Berlin, 1851.

являются бессмертными и классическими и всегда будут считаться надежным справочным пособием по географии древнего мира [1].

Но в то же время Нибур отмечал неправильность взглядов Клювера на этнографию древнего мира и подчеркивал ошибочность исторических воззрений Клювера, считавшего историческими лишь те факты античной истории, о которых есть упоминания в сочинениях древних авторов. Подобно Целлариусу, Нибур наравне с трудами Клювера высоко ценил также работу Пальмериуса по географии древней Греции. Этого ученого Нибур называет «не менее выдающимся человеком» (ein nicht minder ausgezeichneter Mann), чем Клювер. Отмечает Нибур также заслуги братьев Валуа. Об оценке роли Клювера в развитии исторической географии в позднейшей немецкой научной литературе было уже сказано выше во вводной главе данной работы.

Как же надо оценивать в конечном итоге роль Клювера в истории развития исторической географии?

Ответ на этот вопрос вытекает из сопоставления всего сказанного выше в предыдущей главе об Ортелии и других ученых XVI в. с той характеристикой, какая в настоящей главе дана работам Клювера.

Содержание исторической географии Клювер не расширил по сравнению с Ортелием. Оба заняты разрешением одного и того же круга проблем. Оба изучают только античную географию и не касаются средневековой. У обоих на первом плане задача локализовать на карте античные географические названия и определить их соответствие современным названиям. Остальные проблемы, которые оба автора включают в круг ведения исторической географии, проблемы для обоих стоящие на втором плане, тоже по существу одинаковы.

Оба автора изучают названия, которые прилагались в древности к данной стране или части ее, границы ее, этнический состав населения, бегло касаются климата и почв. Клювер подробно описывает быт, нравы, религию древних германцев. Ортелий останавливается на этих вопросах очень коротко. Но и здесь самый круг изучаемых вопросов мало разнится. Пространственных различий в быте и нравах древней Германии оба автора в равной мере не касаются, т. е. географический подход к этому кругу проблем в нашем современном смысле им обоим одинаково чужд.

Но если Клювер не расширил содержания исторической географии, то он сделал очень крупный шаг вперед в методологическом отношении. Поэтому по научному уровню сочинения Клювера стоят гораздо выше работ Ортелия.

Указанное качественное различие отчасти объясняется тем, что Клювер резко сузил объект изучения. Ортелий изучал географию всего древнего мира, а Клювер только географию древних Германии и Италии. Но главная причина этого качественного различия состоит в различном научном уровне названных ученых.

Ортелий — типичный ученый XVI в., — он прежде всего собиратель источников и сообщаемых ими фактов.

Клювер является представителем следующего столетия, когда к собиранию источников присоединился их критический анализ. Эрудитская критика получила развитие во второй половине века. Клювер, ученик Скалигера, опередившего как критик свою эпоху, в свою очередь несколько опередил свое время.

---

[1] Нибур писал: «Sein Ruhm ist fest begründet, das Werk geniesst Unsterblichkeit unter den Philologen. Es wird immer gross und klassisch sein und eine ganz unbedeutende Nachlese dazu gehalten werden können». (Указ. соч., стр. 6).

Двухтомный труд Николая Бержье (Nicolas Bergier, 1557—1623) — «Histoire des Grands Chemins de l'Empire Romain»[1], не является специально историко-географической работой. Автор поставил перед собою широкую задачу дать всестороннюю историю римских дорог. Он рассказывает в своем труде об организации дорожного дела в Римской империи, об издержках на постройку дорог, подробно описывает техническую сторону дела, останавливаясь на внешнем виде дорог, на материалах, которые употреблялись римлянами для верхнего покрытия пути, он говорит о тех целях, ради которых римляне строили свои дороги, касаясь при этом как военных, так и гражданских нужд, которым должны были служить римские дороги. Изучая римские дороги, Бержье останавливается и на географии римских дорог, используя при этом также и историко-географические источники — так называемую карту Пейтингера (Tabula Peutingeriana) и Итинерарий Антонина. Из пяти книг, на которые распадается его труд, географии римских дорог посвящена третья книга. Эта часть сочинения Бержье представляет интерес для историка исторической географии. Бегло коснувшись размеров территории и границ Римской империи и указав, что римские дороги с искусственным покрытием пересекали Римскую империю с востока на запад и с юга на север, он само изучение географии римских дорог начинает с анализа источников, могущих служить для определения направления этих дорог — с анализа Итинерария Антонина и карты Пейтингера.

Подчеркнув, что эти два источника являются основными для данной цели, он сначала дает их общую характеристику[2]. Установив на основании трех рукописей заглавие Итинерария Антонина, он подвергает разбору различные мнения об авторе этого произведения и времени его составления. Воздерживаясь от четкой формулировки своей точки зрения, он высказывает мысль, что Итинерарий Антонина мог быть составленным не сразу и что наличие в нем упоминаний о Константинополе, Диоклетианополе, Максимианополе и Констанции доказывает, что его окончательная редакция относится к сравнительно позднему времени.

Рассмотрев высказывания Вельзера[3], Беата Рейнского[4], Бертиуса и других авторов XVI в. о карте Пейтингера, Бержье приходит к выводу, что карта составлена в эпоху императора Феодосия, что имя составителя

---

[1] Николай Бержье, уроженец Реймса и местный общественный деятель, кроме книги по истории римских дорог, которая была главным его литературным трудом, написал также оставшийся неоконченным очерк истории своего города, изданный после смерти автора его сыном; «Histoire des Grands Chemins de l'Empire Romain» в первый раз было напечатано в 1622 г. Лучшим считается второе издание, выпущенное через сто лет после выхода первого в 1728 г. в Брюсселе Хорном по рукописи, просмотренной и исправленной автором. К этому изданию приложена карта Пейтингера. Третье издание вышло в 1736 г. тоже в Брюсселе. Существует, кроме того, латинский перевод.

[2] «A cela nous peuvent servir beaucoup d'auteurs que nous metrons en oeuvre chacun en son lieu, mais il n'y en a point qui puisse mieux aider et promouvoir notre dessin que le livre que nous avons en main sous le titre de Itinerarium Antonini Augusti, d'autant qu'il contient les plus grands et plus renommez de tous ces chemins militaires, lesquels il conduit par les citez Bourgades, villages, gistes et postes de chacune Province tant de l'Europe, de l'Asie que de l'Afrique, sur lesquelles ledit Empire s'entendoit: adjoutants les distances qu'il y avait d'un lieu à l'autre, marquées par nombre de milliaires, de stades, ou de lieues Gauloises, selon la diversité des pais... A quoy nous adjoûterons la Carte vulgairement dite de Peutinger, qui nous represente par lignes et figures, ce que l'Itineraire nous represente par l'écriture» (p. 335).

[3] Гуманиста, впервые нашедшего карту Пейтингера.

[4] Бильд (*Bild*, 1485—1547), в латинизированной форме Rhenanus (от названия деревни Rheinau, откуда он был родом), видный немецкий гуманист XVI в., много занимался изданием древних и современных ему авторов. Ему принадлежит и первое издание Веллея Патеркула. Беат Рейнский был также крупным историком, последователем Биондо. Его основное историческое сочинение «Rerum Germanicarum libri tres». Basileae, 1531.

этой карты приходится признать неизвестным и что игнорирование составителем карты законов картографии доказывает лишь, что единственной целью составителя было дать сведения о дорогах и о расстояниях между городами и другими пунктами, через которые эти дороги проходили.

Бержье сопоставляет материал, который дают историку Итинерарий Антонина и карта Пейтингера, устанавливая черты сходства и черты различия этих двух исторических источников.

После анализа этих источников, Бержье исследует соотношение между теми мерами, которыми в древности измерялись расстояния, и между античными и современными ему французскими мерами расстояний. Таким образом, своему исследованию географии древних римских дорог Бержье предпосылает несколько глав источниковедческого характера.

Конкретное описание географии римских дорог Бержье начинает с данных о длине улиц города Рима. Потом он переходит к характеристике римских дорог в древней Италии. Он приводит данные о числе и протяженности этих дорог; указав, что каждая из дорог отходила от каких-либо ворот города, он приводит перечень ворот Рима по данным Плиния и Прокопия и затем описывает дороги, отходившие от каждых ворот. После описания дорог Италии, Бержье исследует дороги, которые шли из Италии через Альпы. Описание провинциальных дорог он начинает с Испании, потом переходит к Галлии и к остальным римским владениям на континенте Европы. Далее Бержье описывает дороги Британии, Малой Азии, Сицилии, Сардинии и Африки, указывая те порты, через которые эти дороги морем связывались с римскими дорогами континента Европы.

Как уже было указано выше, основными источниками для Бержье при изучении географии римских дорог были «Tabula Peutingeriana» и «Itinerarium Antonini». Он подчеркнул это даже на титульном листе своего труда. Кроме того, он использовал древних географов и историков, а также античные надписи. Надписи он брал из сборника Грутера и пользовался ими весьма широко.

* * *

География древней Греции — «Graeciae Antiquae Descriptio» — французского ученого Пальмериуса (Palmier de Grentemesnil) была издана уже после смерти автора в Лейдене в 1678 г. По своей структуре и по методу работы автора это произведение имеет сходство с сочинением Клювера о географии древней Италии.

В основу работы положены данные античных историков и географов как греческих, так и латинских. Использует автор и сочинения византийских писателей, например, в XIX главе первой книги он ссылается на сочинение Анны Комнен. Он принимает во внимание географические карты своего времени (карты Гастальдо, Бордоне, Меркатора), а также работы Ортелия. Пальмериус лично путешествовал по Греции с целью изучения ее географии на месте. Он сопоставляет данные своих источников и подвергает их критике.

Все сочинение делится на шесть книг. Первая книга представляет собою сочетание введения ко всей работе с географическим описанием древней Иллирии. Вторая книга посвящена Эпиру. В третьей описывается Акарнания, в четвертой — Этолия, в пятой — Локрида, в шестой — Фокида. Смерть помешала автору окончить работу. Большая и притом наиболее важная с исторической точки зрения часть древней Греции, включая Аттику и Пелопоннес, осталась не описанной.

Автор начинает свое исследование с указания границ изучаемой территории. Далее несколько глав посвящено разбору названий Греции и

греков в древности. Автор разбирает термины Эллада, эллины, Ахайя, пеласги, аргивяне, данаи, ахейцы, ионяне, доряне, эоляне. После этого автор останавливается на делении древней Греции на части и на древнейшем населении страны. Этим введение заканчивается, и далее автор занят изучением географии древней Греции по названным выше областям.

Это изучение проводится автором для всех областей по однотипному плану, сходному с тем планом, которому следует Клювер в «Italia Antiqua».

Опираясь на источники, автор устанавливает древние названия островов, мысов, гор и рек и иногда дает их краткие описания, отмечая, например, направление течения, а также ширину и глубину рек. Основное внимание автор уделяет размещению на изучаемой территории населявших ее племен, городов, а также других замечательных в историческом отношении мест. Таким образом, главной задачей автора является установление правильного размещения на изучаемой территории географических объектов.

Подобно другим ученым своего и предшествующего столетий автор дает также краткие указания, чем тот или иной географический объект был замечателен в историческом отношении. Говоря о мысе Акциум, автор отмечает, что Фукидид упоминает о наличии там храма Аполлона, и что этот мыс знаменит морской битвой около него между флотами Октавиана и Антония. При описании города Амракии он вспоминает о гибели большинства воинов города во время Пелопоннесской войны. Рассказывая об острове Итака, автор приводит цитаты из Гомера об этом острове.

* * *

Французскому историку Адриану Валуа (латинизированная форма фамилии — Valesius, 1607—1692), принадлежит одна из основных работ XVII в. по исторической географии Франции «Notitia Galliarum», опубликованная автором под конец жизни в 1675 г.

Адриан Валуа принадлежал по приемам своей работы к историкам эрудитам XVII столетия. Из его исторических трудов наиболее крупным, упрочившим репутацию автора как ученого, был «Gesta Francorum», в котором автор прослеживает историю своей страны в течение пяти столетий с середины третьего до середины восьмого века (за 254—752 гг.).

Как указывает сам автор в предисловии к «Notitia Galliarum», материалы для данного труда он собирал в течение почти сорока лет. В качестве своих источников он называет прежде всего писателей античных и средневековых, древнеримские итинерарии и «Tabula Peutingeriana», а также так называемую «Notitia Provinciarum ac Civitatum Galliae», составленную во времена императора Гонория и изданную известным французским историком XVII столетия Сирмоном (Sirmond). Этот источник Валуа предпослал своему труду подобно тому, как Клювер сделал это по отношению к «Германии» Тацита [1].

Кроме этих источников, Валуа называет также картулярии, жития святых и другие исторические материалы, опубликованные предшествующими историками, «в особенности же благочестивейшими и ученейшими мужами Лукой Ашери и Иоанном Мабильоном» (Praefatio, p. XXIII).

Валуа указывает, что на протяжении истории как административные границы, так и географические названия на территории Франции неоднократно менялись. Он делит географические названия по языку народа, их давшего, и по степени древности происхождения на четыре группы. Древнейшими он считает кельтские названия, за ними следуют греческие,

[1] См. выше, стр. 186.

принесенные греками колонистами, потом латинские и, наконец, германские названия.

Валуа в предисловии уделяет значительное внимание анализу терминов, употреблявшихся в античной Галлии и средневековой Франции для обозначения населенных пунктов и территорий (civitas, pagus, urbs, oppidum и т. п.).

«Notitia Galliarum» написана в форме словаря[1]. В этом словаре в алфавитном порядке помещены различного размера от нескольких строк до нескольких страниц статьи о географических названиях Франции. Включены как древние, так и средневековые, а также и более поздние географические названия. В предисловии автор указывает, что древними он считает названия, бывшие в употреблении со времени Юлия Цезаря до падения Западной Римской империи и появления франкских королей, средневековыми — те, которые стали входить в употребление в VIII или IX вв., новыми — те, которые возникли за двести или триста лет до его времени (т. е. примерно в XV в.).

В каждой из статей этого своего историко-географического словаря Валуа прежде всего указывает значение данного географического названия (город, монастырь, река, местность и т. п.) и его местонахождение, приводит цитаты из источников, где это название употребляется. Эти данные источников, располагаемые обычно в хронологическом порядке, Валуа подвергает критическому анализу. Критическое изучение показаний источников о географических названиях находится в центре внимания Валуа и занимает основное место в каждой статье. Разбирая данные источников, Валуа подвергает также критике мнения своих предшественников по поводу данного географического названия, например, в статье об Agedicum Senonum (ныне город Sens) он приводит показания источников, начиная с Цезаря и кончая Фредегером.

Валуа затем подвергает разбору мнения Марлиано, Скалигера, Массона и Сансона об этом пункте. Он прослеживает изменение античных названий на средневековые, например, отмечает, что реку Сону (он употребляет латинское название реки — Arar, лишь отмечая ее наименование по-французски) галлы незадолго до того времени, когда жил историк Аммиан Марцеллин, стали называть — Sauconna. Далее он прослеживает изменение названия реки в средние века, устанавливая, что в XII в. эту реку стали называть Sagonna, Sagunna, или Segonna, а из этого названия произошло французское название реки — la Saône.

Аналогичным образом он прослеживает как Lutetia Parisiorum стала называться Парижем (стр. 440), благодаря переносу на город названия племени, как таким же образом Caesarodunum Turonum получил имя Тур (Tours, стр. 112) и т. д.

Если речь идет о названии местности или края, Валуа приводит данные об изменении границ этой территории на протяжении истории. Внимание Валуа поглощено главным образом вопросами топографического и номенклатурного порядка. Но иногда он кратко отмечает, чем данный город или местность были известны в прошлом, например, в статье о городе Арле (латинское название Arelatum, французское — Arles) он отмечает, что в древности этот город был крупным торговым центром (стр. 38),

[1] Полное название книги Валуа отображает ее словарную форму — «Notitia Galliarum, ordine litterarum digesta. In qua situs, Gentes, Opida, Portus, Castella, Vici, Montes, Silvae, Maria, Flumina, Fontes, Lacus, Paludes, Insulae Maritimae et Amnicae, Paeninsulae, Pagi Provinciaeque Galliae illustrantur; locorum antiquitates, varia eorum nomina, vetera ac nova, Episcopatuum ac Monasteriorum origines, aliaque ad Historiam Francicam notantur; Geographi et Historici Graeci, Romani ac Nostri explicantur et emendantur».

что там был мост через реку Рону, о котором пишут многие авторы (стр. 39), что в этом городе были цирк и театр и город славился ими. Говоря об Арденнском лесе, он указывает, что, по данным старинных хроник, Карл Великий и Людовик Благочестивый имели обыкновение ежегодно осенью охотиться в Арденнском лесу и в Вогезах [1].

О племени эдуев Валуа отмечает, что они первые из всех галльских племен получили от римского сената наименование братьев римского народа (стр. 3).

Относительно городов, имевших крупное историческое значение, как Марсель или Лион, подобного рода указания являются более подробными (см. стр. 294—295 и стр. 321—322).

К своему труду Валуа приложил два алфавитных указателя географических названий Франции — «index nominum latino-gallicus» и «index nominum gallico-latinus», а также предметный указатель, но карт в книге нет.

Труд Валуа обладал двумя основными достоинствами. Во-первых, его автор привлек огромный материал источников, использовав при этом не только античные источники, которые привлекались и другими учеными как его времени, так и предшествующей эпохи, но и весьма широкий круг средневековых памятников. Все достижения французских эрудитов XVII в. по собиранию исторических материалов им тщательно учтены, как он сам на это указывает в предисловии [2].

Вторым достоинством работы Валуа является критика источников как античных, так и средневековых, а также установление зависимости одних источников от других. В качестве примера установления такой зависимости можно привести его неоднократные указания на тесную зависимость Страбона от Цезаря. В одном из таких отзывов он с целью подчеркнуть эту зависимость говорит, что Страбон имеет обыкновение следовать за Цезарем с закрытыми глазами и переписывать данные Цезаря (Caesarem autem Strabo clausis oculis sequi ac transscribere consuevit, стр. 78).

Современники Валуа высоко ценили его труд. Целлариус, автор сводной работы по географии античного мира («Geographia Orbis Antiqui», о нем см. ниже), вышедшей в свет через 28 лет после опубликования книги Валуа, ставит труд Валуа очень высоко, называя его, наряду с трудами Клювера и Кемдена, основными работами, на которые он, Целлариус, опирается в своей сводной работе.

Во второй половине XIX в. Дежарден, большой знаток географии античной Галлии, автор капитального труда — «Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine», вышедшего в свет через двести лет после напечатания книги Валуа, называл исследование Валуа по географии древней Галлии лучшим из всех, до сих пор опубликованных. Дежарден подчеркивал, что, благодаря блестящему знанию античности и средневековья и уменью понимать античные тексты, Валуа создал труд, который не имеет соперников в течение двух столетий после выхода в свет. Дежарден называет труд Валуа своим наиболее верным путеводителем и наиболее богатым конспектом информации [3].

---

[1] «Observo in veteribus Rerum Francicarum Annalibus Imperatores nostros Carolum Magnum et Ludovicum Pium in Arduenna aut in Vosago nec unquam fere alibi quotannis ex more autumnalem venationem peragere consuevisse», p. 39.

[2] См. выше.

[3] В обзоре литературы по исторической географии Франции Дежарден писал: «Enfin parut en 1675 l'ouvrage d'Adrien Valois de beaucoup le meilleur de tous qui ont été publiés sur la Gaule jusqu'à ce jour. Valois était un vrai savant et le seul jusqu'à présent qui ait su faire, par la double connaissance qu'il possedait de l'antiquité et du

* * *

Немецкому ученому Христофору Келлеру (латинизированная форма фамилии — Cellarius, 1638—1707), профессору университета в Галле, известному в истории исторической науки четкой формулировкой деления истории на древнюю, среднюю и новую, деления, впервые намеченного еще гуманистами[1], принадлежит попытка подвести итоги всему тому, что было сделано эрудитской школой в XVII в. в области исторической географии.

В своем сочинении «Notitia Orbis Antiqui»[2], первый том которого напечатан в 1703 г., а второй в 1706 г., Целлариус дал сводку географии всего античного мира, т. е. Европы, Западной Азии и Северной Африки. По территориальному охвату это примерно равно пространству, которое изучал Ортелий.

Кроме двух томов текста, сочинение Целлариуса содержит также тридцать четыре карты изучаемых автором территорий. Таким образом, Целлариус до некоторой степени соединяет в своем труде обе стороны работы своих предшественников — картографическую и описательно-текстовую. В предисловии[3] к первому и второму томам Целлариус кратко останавливается на источниках, на работах своих предшественников и на задачах своего труда.

В качестве источников он называет античных писателей, «Itinerarium Antonini» и «Tabula Peutingeriana». Критического очерка источников, подобного очерку Клювера, у него нет. Он ограничивается лишь беглыми замечаниями о достоверности географических сведений, сообщаемых источниками. На первое место он ставит Страбона, Помпония Мелу ценит выше Плиния. К данным Птолемея он относится гораздо лучше, чем Клювер. Отмечая, что данные, сообщаемые Птолемеем, часто вызывают подозрение в своей достоверности, Целлариус одновременно выражает удивление по поводу широкой осведомленности Птолемея в географии самых отдаленных мест[4].

В тексте Целлариус часто пользуется также надписями, которые он, подобно Бержье, заимствует преимущественно из сборника Грутера[5]. В предисловии он о надписях не упоминает. В качестве своих предшественников, которые облегчили ему изучение древней географии Европы, он называет Клювера, Адриана Валуа (Valesius), Кемдена и Пальмериуса (Palmerius). Он отмечает, что для Азии и Африки он не имел таких предшественников[6]. В соответствующих главах изложение основано на

---

moyen âge et par l'intelligence des textes classiques, une oeuvre, qui depuis deux siècles écoulés reste sans rivale en ce genre tant en France qu'à l'étranger. C'est notre guide le plus sûr et notre répertoire le plus riche».

[1] См. выше, стр. 52—53.

[2] Полное заглавие сочинения по обычаю того времени очень длинное: «Notitia Orbis Antiqui sive Geographia plenior. Ab ortu Rerum publicarum ad Constantini tempora Orbis terrarum faciem declarans Christophorus Cellarius ex vetustis probatisque monimentis collegit et novis tabulis geographicis singulari cura et studiis delineatis illustravit».

[3] В обращениях к читателю (Praefatio ad lectorem), игравших роль современного предисловия автора.

[4] «Mirari enim subit unde Aegyptius homo disiunctissimarum rerum tam certam, ut prodit notitiam acceperit. Aeque enim in remontissimis quo vixdum homines adierunt copiosus est nec dubius ut in propinquis et notissimis» (Praefatio ad lectorem, к 1 тому).

[5] «Instriptiones antiquae totius orbis Romanorum», 1603.

[6] «In Europa faciliores rationes erant, quod in illa explicanda non solum geographi veteres sed nostra etiam aetati viri summi laboraverant quemadmodum Philippus Cluverius in Italia et Germania; Hadrianus Valesius in Gallia, in Britania Guilielmus Camdenus; in Graeciae parte Jacobus Palmerius non exiguum labori lavementum attulerunt.

исследованиях названных ученых. Ссылки на них весьма часты. Поправки к их мнениям встречаются редко[1]. Он не находит равного им в научном отношении исследователя, который охватил бы в своем труде весь античный мир.

Об историческом атласе Ортелия он отзывается с уважением, как о первой попытке такого рода, называя Ортелия славным географом и отмечая, что его историческими картами многие пользовались. Одновременно он указывает, что сам Ортелий называл свои исторические карты географическими попытками, что их нельзя считать за абсолютно правильные, что они нуждаются в исправлении[2]. В самом сочинении Целлариуса ссылки на исторические карты Ортелия встречаются нередко.

Роль исторической географии Целлариус оценивает весьма высоко, называя ее «светильником истории и всей изящной словесности»[3]. Этим тезисом он начинает предисловие к своему труду. Задачей исторической географии он считает реконструкцию того вида, который некогда имел мир: на какие королевства и империи, провинции, республики и страны он делился, какими был украшен городами и укреплениями, какие названия носили горы, равнины, леса, реки, моря и острова, какие существовали источники, озера и болота. К этому перечню объектов, изучаемых исторической географией, Целлариус делает добавление общего характера об изучении данной дисциплиной также и других фактов, относящихся к географии[4].

В этой формулировке задач исторической географии для нас представляют интерес два момента.

Указанием, что историческая география должна реконструировать то лицо, которое некогда имел мир, что по отношению к древности она занимается тем же кругом вопросов, которыми по отношению к современности занимается современная география, Целлариус как бы перекликается с теми формулировками задач исторической географии, которые были выдвинуты в наше время, на основе которых начинается в наши дни перестройка содержания этой ветви научного знания. Эта формулировка соответствует фактическому положению дела во времена Целлариуса. Тогда действительно не было существенной разницы между тем кругом вопросов, которым занималась историческая география, и тем, которым занималась география современная в ее региональной части.

Другой момент — это сам перечень тех конкретных элементов, из которых, по мнению Целлариуса, складывается историческая география. Этот перечень показывает, что в основном он сводит свою задачу к локализации на карте географических названий прошлого и к размещению на

In Asia autem in Africa huius generis duces recensiores, qui viam per solitudines tantas per tot barbaras et inauditas gentes praemonstrarent, nobis defuere (Praefatio ad lectorem, ко II тому).

[1] В качестве примера поправки к положениям Клювера можно привести указание Целлариуса на ошибку Клювера в определении истоков Эльбы.

[2] «Patrum memoria geographus clarus Abraham Ortelius, antiqui Orbis tabulas delineavit, quem plerique sequuti sunt quibus curae adhuc vetus fuit geographia ut in iis adquiescerent quae ipse potuisset. Sed quidquid est huius operis non absolutum id habendum est, sed quod ipse Ortelius conatus tantum geographicos vocavit: cui si quis curam intenderit maiorem illico parspiciet, quae addi sane, vel immutari, vel abiici etiam postulent».

[3] «Geographia historiarum atque omnis elegantioris doctrinae lumen est».

[4] «Id enim munus est antiquari geographi, scire quae facies Orbis quonduam fuerit, in quae regna et imperia, in quas provincias, respublicas et regiones divisus, quibus ornatus oppidis et castellis, quae montium, quae camporum, quae silvarum atque fluminum; ac marium quoque et insularum nomina fuerint; qui fontes, qui lacus et paludes, et quae alia ad geographorum disciplinam pertinent».

карте существовавших в древности политических и административных единиц.

Хронологическими рамками своей работы Целлариус берет эпоху Римской империи до царствования Константина включительно[1].

Как осуществил автор свои задачи?

Весь труд делится на четыре книги. Первая, небольшая по объему (1—40 стр.), книга дает краткое изложение географических воззрений древних. Автор излагает их как нечто устойчивое, находящееся в статическом состоянии. Идея об эволюции географических представлений в древности ему совершенно чужда. Но все же самое наличие такой, хотя и очень краткой, главы нельзя не отметить.

Вторая книга, самая значительная по величине (41—862 стр.), посвящена географии античной Европы, третья (1—544 стр.) —Азии, четвертая (стр. 1—166) — Африке.

В пределах частей света изложение идет по странам, например, в Европе он начинает с Испании, потом переходит к Галлии, после нее к Бельгии, Британским островам, Германии, Сарматии и т. д. Больше всего внимания Целлариус естественно уделяет Италии, географическому описанию которой посвящено около трети всего числа страниц, отведенных автором на географию Европы (259 из 821). Много места отводит он также древней Греции (182 стр.).

Приступая к описанию страны, Целлариус обычно сначала говорит о ее названиях в древности, потом указывает ее границы. Самое описание начинается с краткой характеристики природы страны. Основой этой характеристики является описание рек. Это описание дается в виде перечня рек данной страны с указанием, откуда река вытекает, в каком направлении течет, куда впадает, какие принимает притоки, каково ее современное название[2].

Иногда, например, в описании древней Германии, после перечня рек дается краткое описание гор и наиболее известных лесов.

Общей характеристики населения, подобной той, которую Клювер дает древним германцам, у Целлариуса нет совершенно. Перечисленные моменты являются как бы введением к региональному описанию страны, которому посвящено главное внимание автора. Этому региональному описанию обычно предшествует указание на деление данной страны на исторические области и само описание ведется по этим областям. Региональное описание сводится преимущественно к указанию географического положения тех географических объектов, которые интересуют автора. Первыми из этих объектов, привлекающими главное внимание автора, являются античные города. Останавливается он также на размещении племен и народов, но какой-либо характеристики племени или народа мы обычно у него не находим. Целлариус отмечает также известные в древности местности, горы, озера и т. п. Для каждого географического объекта, если он существовал во времена автора, указывается также и его современное название на языке описываемой страны.

При описании Италии специальный параграф отведен дре внерим ским дорогам.

---

[1] Это соответствует его периодизации истории, так как время после Константина он относил уже к средним векам. В предисловии ко второму тому он писал о хронологических рамках своего труда: «Tandem etiam quod uterque Tomus prodit significatum monitumque volo iterum, me solam nunc antiquam Geographiam a principio imperiorum usque ad Constantini tempora exhibere. Sunt quidem ex medio etiam aevo nonnulla ei incerta, sed partim quod itinera ita ferebant, Antonini maxime partim quod oppidorum aetas incerta erat, quamquam ab antiquis non fuerant commemorata».

[2] Река, конечно, во всем изложении обозначается ее античным названием, ее современное название приводится только раз.

Для некоторых пунктов и местностей Целлариус в нескольких словах отмечает, чем они были известны в древности, например, говоря о Кампании, он упоминает о славном в древности фалернском вине[1], при описании острова Эльбы отмечает, что этот остров в древности славился своими залежами железной руды[2], относительно Массилии (теперешний Марсель) он говорит, что город славился не только своей торговлей, но и своей культурой[3].

О Лондоне Целлариус замечает, что он уже во времена римского владычества был крупным торговым центром[4] и является таковым и в настоящее время[5].

Напротив, говоря о Париже, Целлариус приводит свидетельства источников о небольших размерах города в эпоху римлян[6].

Он отмечает иногда места, связанные с историей римской литературы или с какими-либо историческими событиями. Он упоминает о Тускуланской вилле Цицерона[7], указывает, что близ Мантуи родился Виргилий[8], что Канны знамениты поражением римлян[9], что в Равенне император Август строил базу римского военного флота[10], что Фивы процветали при Эпаминонде[11]. Обычно подобного рода указания он делает бегло, но иногда он уделяет им некоторое внимание, например, Александрии он отводит около полутора страниц[12].

Тематика карт следующая. Две карты посвящены географическим представлениям древних. Из них одна, составленная главным образом на основании Страбона, дает климатические зоны согласно воззрениям древних, вторая является не картой, а схемой ветров. Из 19 карт, посвященных Европе, семь карт отведены древней Италии. На первой из них изображена вся Италия, пять посвящены отдельным частям страны (Цизальпинской Галлии, Средней Италии, Лациуму, Великой Греции, Сицилии) и одна карта показывает одиннадцать областей, на которые император Август разделил Италию, причем области на этой карте обозначены лишь надписями, границы между ними не показаны. Три карты отведены древней Греции. Из них одна дает Грецию в целом, а две остальные изображают основные части страны (на первой из последних даны Македония, Фессалия и Эпир, на второй — Греция в узком смысле слова). Девять карт посвящены прочим странам Европы: Испании, Галлии, Бельгии, Британским островам, Германии, Сарматии, Винделикии, Реции и Норику (три страны вместе), Паннонии, Мезии, Дакии, Иллирии (четыре страны на одной карте), Фракии.

По Азии дано семь карт. Шесть из них, а именно карты Малой Азии, Крыма и Кавказа с прилегающими землями, Сирии, Палестины, Аравии, Месопотамии, Ирана и Индии, дают географию тех стран, которым они посвящены. Седьмая под заглавием «Scythia et Serica» (Скифия и Китай) дает некоторое представление о древней географии Средней Азии. Терри-

---

[1] *Целлариус.* Указ. соч., т. I, стр. 541.
[2] Там же, стр. 605.
[3] «Massilia, Phocaensium, Iconiae civitas, colonia ab omnibus laudata, quia non tantum portu et commerciis aut munimentis suis verum maxime etiam morum humanitate et litterarum studiis fuit nobilissima», t. I, p. 149.
[4] «Jam tum Romanorum temporibus Londinium erat cognomento quidem coloniae non insigne, sed copia negotiatorum et commeatuum maxime celebre», t. I, p. 266.
[5] «Nunc quoque London vocatur, urbs regia et emporium celeberrimum». Там же.
[6] *Целлариус.* Указ. соч., т. I, стр. 132.
[7] Там же, стр. 507.
[8] Там же, стр. 434.
[9] Там же, стр. 566.
[10] Там же, стр. 427.
[11] Там же, стр. 730.
[12] Там же, т. II, Africa, стр. 10.

тории, расположенные к северу и востоку от Средней Азии, изображены с картографической точки зрения настолько плохо, что показывают лишь полное отсутствие у автора каких либо представлений о картографии этих территорий, что, впрочем, прекрасно сознавал и сам автор, указавший в предисловии ко второму тому, что за отсутствием других источников карта составлена по Птолемею, чтобы показать читателю характер знаний древних об этих территориях.

По Африке Целлариус составил пять карт: карту Египта и Киренаики, дельты Нила, «собственно Африки» (под этим названием дана карта современных Туниса и Триполитании в древности, т. е. римской провинции — Африка), Мавритании и Нумидии и «Внутренней Африки». На последней автор сделал попытку изобразить верхнее течение Нила и территорию к востоку от него. Как и карта Скифии и Китая, данная карта показывает почти полное отсутствие у автора картографических представлений о территории, которую он хочет изобразить. Лишь верхнее течение Нила дано с некоторым приближением к истине. Все карты — однокрасочные (черные). Границы между странами или частями одной и той же страны, описываемыми автором, не показаны на картах. Деление стран на части обозначено лишь приблизительным размещением на карте названий частей страны, например, на карте Испании крупным шрифтом расставлены надписи: Lusitania, Baetica, Terraconensis.

Подобным же образом показано и размещение народностей и племен.

б) Историко-картографические работы XVII века

Специальные историко-картографические работы XVII в. (не считая карт, приложенных к книгам историко-географического содержания) можно разделить на две основные группы: на работы оригинальные и на работы компилятивного характера.

Из оригинальных карт основными были карты французского географа Сансона и его школы.

Николай Сансон (Sanson, 1600—1667), как указывает французский историк XX столетия Жюллиан[1], был первой значительной фигурой в истории развития исторической географии во Франции. Его первой картографической работой была карта Галлии во времена Цезаря, составленная в 1627 г. и неоднократно издававшаяся. Сансон в 30—50 годах XVII в. выпустил ряд карт как исторических, так и изображающих страны его времени.

Он основал в Париже картографическую фирму, подобную нидерландским фирмам того времени. При этом Сансон совмещал функции автора и издателя.

Сансон развил широкую деятельность, получившую официальное признание,— он был удостоен звания королевского географа.

В картографии Сансон является автором оригинальной псевдоцилиндрической равновеликой проекции, предложенной им в 1650 г.[2] и до сих пор сохранившей значение[3].

---

[1] В предисловии к книге Миро (*Mirot*) «Géographie historique de la France», Paris, 1930.

[2] См. *К. А. Салищев*. Основы картоведения. Историческая часть, М. 1943, стр. 80.

[3] Она и в настоящее время «применяется иногда для составления мировых карт и очень часто для составления карты Африки» (*А. В. Граур*. Математическая картография. Л., 1938, стр. 99). Поэтому ее построение обычно излагается не только в таких подробных руководствах по картографии, как известный труд В. В. Витковского «Картография», удостоенный в 1903 г. Русским географическим обществом премии

Картографическую и картоиздательскую деятельность Николая Сансона продолжали его сыновья, из которых наибольшую активность проявил Гийом Сансон.

Учеником Сансона был также его племянник дю Валь, автор ряда интересных исторических карт.

Фирма Сансонов издавала географические атласы, имевшие распространение во Франции в течение почти столетия.

В этих атласах при преобладании карт современных эпохе в то же время имелся специальный отдел карт античного мира.

Для характеристики содержания исторического отдела атласа Сансонов можно воспользоваться его изданием 1677 г. Исторической географии в этом издании посвящена часть первого тома атласа, носящая заглавие «Cartes de la géographie ancienne». Всего здесь тридцать пять исторических карт, из которых двадцать девять посвящено античной истории и шесть — церковной, т. е. по объему эта часть атласа Сансонов примерно равна историческому атласу Ортелия. Но в тематике карт, наряду с чертами сходства, имеются и существенные отличия по сравнению с историческим атласом Ортелия. Так же, как и у Ортелия, в атласе Сансонов имеются вводная карта древнего мира и карты отдельных стран и отдельных материков. Но подбор стран не одинаков. Конечно, в обоих атласах имеются карты античных Италии, Греции, Галлии, Испании и т. п. Но в то время как у Ортелия по Италии дано несколько карт, у Сансонов—только одна, нет в атласе Сансонов карты Дакии и т. п. С другой стороны, у Сансонов есть карты, которых нет у Ортелия, как, например, карта Боспора Киммерийского и Боспорского царства, карта Скифии, карта гомеровской Греции и т. п. Вместо единой карты Римской империи, как то было у Ортелия, Сансоны поместили отдельно карту Западной и карту Восточной Римской империи.

Николай Сансон обратил особенное внимание на внутреннее политическое деление отдельных стран. Он уделил много внимания этому вопросу еще в своей первой историко-картографической работе — на карте древней Галлии. Он выдвинул ряд приемов, при помощи которых он считал возможным исследовать границы территорий народов, населявших древнюю Галлию[1]. В частности, он утверждал, что старинное церковное деление страны на диоцезы соответствует древнему делению на племенные территории. Особенное внимание к внутреннему политическому делению страны стало, начиная с Сансона, характерной чертой большинства работ по исторической географии во Франции, в особенности в учебниках, в том числе и в учебниках нашего времени. В качестве примера можно привести вышедший в 1930 г. учебник Миро — «Géographie Historique de la France». Из тридцати пяти исторических карт, помещенных в рассматриваемом издании атласа Сансонов, двадцать составлены Николаем Сансоном и пятнадцать — его сыном Гийомом.

Пьер дю-Валь также был автором ряда оригинальных исторических карт. Значительную часть их он объединил в атлас под выразительным заглавием «Географические карты, вычерченные для хорошего понимания историков, для ознакомления с территориями древних монархий и для

им. Литке, но и в учебниках по картографии, и при этом не только в учебниках для специалистов-картографов, как, например, книге М. Д. Соловьева «Картографические проекции», М., 1937 (стр. 142—144), В. В. Каврайского «Математическая картография». М., 1934 (стр. 231—232), но и в элементарных учебниках для студентов географов, например, учебнике Г. Н. Лиодта «Картоведение». М., 1938 (стр. 159—160) и И. И. Старостина «Картографические проекции в элементарном изложении», М., 1941 (стр. 101—103).

[1] См. «Remarques sur la carte de l'ancienne Gaule tirées des commentaires de Caesar par le S. Sanson. Geographe du roy». A Paris. 1657.

чтения с пользою жизнеописаний, путешествий, войн и завоеваний великих полководцев»[1]. Атлас был им выпущен в свет в 1660 г. Через пять лет, в 1665 г., дю Валь выпустил новое расширенное издание этого атласа, включив в него несколько новых исторических карт, а также несколько итинерариев путешественников в Азиатские страны XVI—XVII столетий. Таким образом, атлас получился смешанного содержания, что побудило автора соответствующим образом изменить заглавие[2]. От атласа Сансонов атлас дю Валя отличается и по содержанию и по оформлению.

Во-первых, за счет резкого сокращения карт по Европе введено несколько карт по древнему Востоку — карта Персидской монархии Дария Гистаспа с разделением на сатрапии, карта монархии Кира, карта Ассирии и Сирии, карты Египта и Ливии, которых нет в атласе Сансонов. Во-вторых, дю Валь стремится давать карты главным образом к сочинениям отдельных авторов. Предшествующие картографы, начиная с Ортелия, обычно для каждой карты стремились использовать побольше авторов и только для Галлии, кроме карты общей, вычерчивали специальную карту Галлии к «Запискам о Галльской войне» Цезаря, на которой имелась лишь номенклатура, упоминаемая Цезарем. Дю Валь дает четыре карты к сочинениям Цезаря: 1) карта Галлии к «Запискам о Галльской войне», 2) карта Римского государства (La carte de l'Etat de Rome), к запискам Цезаря о гражданской войне, 3) карта Африки к военным действиям Цезаря в Африке, 4) карта Испании к военным действиям Цезаря в Испании.

Четыре карты дано по Геродоту: 1) карта Греции, 2) карта Персии, 3) карта Ливии, 4) карта Египта. Две карты составлены по Ксенофонту: 1) карта походов спартанского царя Агесилая (фактически дана карта территории, где проходили походы Агесилая, а не карта походов, направление которых не указано) и 2) карта отступления десяти тысяч греков (путь отступления указан).

Специальные карты вычерчены дю-Валем к сочинениям Юстина, «Фарсалии» Лукана, к «Энеиде» Виргилия.

Третьей особенностью атласа дю Валя является значительное внимание автора к картам маршрутов исторических деятелей. Дю-Валь вычертил карту путей, по которым двигалось войско Александра Македонского, карту пути отступления десяти тысяч греков, описанного Ксенофонтом, он изобразил пути плавания Энея и Одиссея.

Дю Валь не был первым картографом, начавшим вычерчивать карты исторических маршрутов. Как уже было указано выше, впервые это сделано в рукописном атласе Аньезе 1546 г., где нанесен на карту путь Магеллана. После него Ортелий вычертил маршрут путешествия библейского патриарха Авраама. Но дю-Валь широко применил этот прием.

Четвертой особенностью атласа дю-Валя является наличие в нем, кроме карт по античной и церковной истории, также и карт по истории мусульманского средневековья, а именно в издании 1665 г. имеется карта халифата около 700 г. и карта Средней Азии XIV в. (Regionum ultra Oxum tabula geographica ex Abulfede Ismaele, Principe Hamah Anno 1345).

В-пятых, дю Валь, не ограничиваясь рассмотрением политических границ прошлого в статике, как это делали Ортелий, Сансон и другие картографы до него, впервые сделал попытку дать динамику этих границ.

---

[1] «Cartes géographiques dressées pour bien entendre les historiens, pour connoistre les étendue des anciennes Monarchies et pour lire avec fruit les Vies, les Voyages, les Guerres et les Conquestes des grands Capitaines».

[2] Заглавие этого издания атласа дю Валя «Diverses cartes et tables pour la géographie ancienne, pour la chronologie et pour les itineraires et voyages modernes».

Дю Валь поместил в двух изданиях своего атласа три карты роста территории Римской империи: 1) «Imperii Romani Infantia», 2) «Imperii Romani Adolescentia» (эти две карты в атласе издания 1660 г.), 3) «Imperii Romani Iuventus» (в атласе издания 1665 г.).

Впоследствии изучение эволюции политических границ стало едва ли не наиболее популярной задачей исторической географии, а в особенности исторической картографии. В исторических атласах, вплоть до нашего времени, большинство карт посвящено состоянию государственных границ на разные моменты истории изучаемой территории.

Атлас дю Валя имеет значительно меньший формат и меньшую нагрузку по сравнению с атласами Ортелия и Сансона. Он оформлен гораздо скромнее. От автора он потребовал меньшей эрудиции и значительно меньше труда, в особенности если его сравнивать с трудом Ортелия, пионера исторической картографии.

Но в то же время некоторые из только что отмеченных отличительных черт этого атласа, в особенности же карты роста территории Римской империи, заставляют рассматривать атлас дю-Валя как шаг вперед в развитии исторической географии.

Дю Валь был также автором четырех карт по истории средневековой Франции, выпущенных в свет в 70 и 80 годах XVII в.— карты Нейстрии («Le royaume de la France occidentale dite autrement Neustrie»), карты Австразии («Le royaume de la France orientale dite autrement Austrasie avec partie de celui de Neustrie»), карты Аквитании («Le royaume d'Aquitanie») и карты Бургундии и Арля («Le royaume de Bourgogne et d'Arles»).

К сожалению, отсутствие этих карт в наших библиотеках[1] лишает меня возможности дать их характеристику.

Дю Валь не был автором первой исторической карты, посвященной средневековью. Первой картой по истории средних веков, повидимому, надо считать карту империи Карла Великого, составленную Бертиусом[2] и изданную в Париже в 1620 г. («Imperium Caroli Magni et vicinae regiones auctore Petro Bertio», Parisiis, 1620). На этой карте изображена Европа времени Карла Великого. Границы империи Карла не указаны. Карта эта была перепечатана потом в атласе Хорна[3] и в атласе Янсона (об этих атласах см. ниже).

Историко-картографическими работами компилятивного характера были исторические карты атласов, издававшихся в Амстердаме, куда в XVII столетии переместился из Антверпена центр картографических изданий.

Первым по времени из значительных изданий данной группы является выпущенный в свет в 1618—1619 гг. амстердамской картографической фирмой Хондия исторический атлас античного мира Бертиуса[4] — «Theatrum geographiae veteris».

В первом томе атласа помещен греческий текст и латинский перевод Птолемея, а также карты, вычерченные к труду Птолемея Агатодемоном в обработке Меркатора вместе с примечаниями последнего.

---

[1] Приведенные выше названия карт дю-Валя по истории средневековой Франции заимствованы мною из известного библиографического труда французского эрудита XVIII в. Лелона «Bibliothèque historique de la France», t. I.

[2] О Бертиусе см. ниже.

[3] Я пользовался этими перепечатками данной карты Бертиуса. Издание 1620 г. осталось для меня недоступным.

[4] *Bertius* (1565—1629), фламандец по рождению, работал сначала в Лейдене, в Голландии, а потом в Париже, где получил звание королевского географа и королевского историографа. Кроме исторических и географических работ, написал много сочинений богословского характера (см. *Jöcher*. Allgemeines Gelehrten Lexicon. Leipzig, 1750, t. I).

Во втором томе помещены два древнеримских итинерария,— так называемый Итинерарий Антонина и итинерарий из Бордо в Иерусалим, карта Пейтингера и четырнадцать карт из исторического атласа Ортелия вместе с текстом Ортелия, а именно карты античной Европы, Испании, Галлии (по Страбону), Бельгии, Германии, Италии, Сицилии, Дакии и Мезии, Понта Эвксинского, Фракии, Греции, Африки, Палестины. Легко видеть, что «Theatrum geographiae veteris» не является оригинальным трудом его составителя. Это просто сборник из античных источников по исторической географии и карт Ортелия.

Труд автора выразился лишь в подборе и редактировании материала. Он сам это отметил на титульном листе, указав, что им во многих местах исправлен латинский перевод Птолемея и что карты Меркатора и Птолемея он просмотрел и исправил.

Объединение в одном сборнике античных авторитетов и Ортелия показывает авторитет этого последнего в глазах составителя.

В середине XVII в., в 1653 и 1654 гг., вышел двумя изданиями исторический атлас Георга Хорна, профессора истории Лейденского университета. Атлас, изданный владельцем картографической амстердамской фирмой середины века Янсоном, имеет заглавие «Accuratissima Orbis Antiqui Delineatio sive geographia vetus sacra et profana». Атлас состоит из 49 карт. Первые две из них — таблица ветров и обзорная карта античного мира — носят вводный характер. Далее одиннадцать карт посвящено библейской и церковной истории. Остальные 36 карт, т. е. около трех четвертей всего атласа, отведены светской, почти исключительно древней, истории. Среди них имеются карты древнего Египта и частей северной Африки, лежащих к западу от него, несколько карт по истории античной Греции, несколько карт древней Италии (карта всей Италии и отдельные карты ее важнейших частей), карта Римской империи и ряд карт отдельных стран Европы в древности (Испании, Галлии, Германии, Британских островов, Паннонии, Фракии и т. д.). Включена в атлас также и карта Пейтингера.

Таким образом, по своей тематике атлас Хорна почти не отличается от атласа Ортелия. Принципиально новым является наличие двух карт по истории средних веков — карты «Imperii Caroli Magni» и карты «Britannia anglosaxonica».

На первой из них изображена Европа в эпоху Карла Великого без указания границ его империи. На второй представлена Британия во времена так называемой гептархии.

Атлас Хорна в противоположность атласу Ортелия не был оригинальным произведением своего составителя. Это — компиляция из карт, составленных другими авторами. Больше всего заимствований из Ортелия. Прежде всего сама тематика карт атласа Хорна в весьма значительной степени совпадает с тематикой карт атласа Ортелия.

Тематика 33 карт из 49 карт атласа Хорна в большинстве случаев полностью, реже частично совпадает с тематикой карт Ортелия. Много карт были просто перепечатаны из атласа Ортелия. При этом относительно 16 карт, заимствованных во всех деталях у Ортелия, составитель на самих картах отметил авторство Ортелия. На 13 картах, отличающихся от карт Ортелия незначительными деталями, иногда одной лишь переделкою украшающей карту виньетки, указаний на заимствование у Ортелия нет.

Карта древней Италии заимствована у Клювера. Но интересно отметить, что карты частей Италии заимствованы у Ортелия. Две карты— древнего Египта и пути отступления десяти тысяч греков—взяты у французского географа дю Валя.

Карта Римской империи заимствована у французского ученого Бриэ[1] (Briet, в латинизированной форме Brietius).

В XVII столетии амстердамские картографические издательства издавали многотомные географические атласы. По справедливому замечанию современного нашего специалиста по картографии К. А. Салищева[2], «по объему эти атласы не имели себе подобных. Даже крупные иностранные атласы наших дней кажутся пигмеями по сравнению с трудами Блау[3] и Янсона».

В многотомном географическом атласе Янсона — «Joanni Jansonii Novus Atlas sive Theatrum Orbis Terrarum» — шестой том отведен исторической картографии. Этот том, вышедший несколько позже описанного только что исторического атласа Хорна, составлен тем же Хорном.

Составитель включил в него карты своего исторического атласа и прибавил к ним несколько новых карт, главным образом по античной Греции. Но Хорн не был автором этих новых карт. Карты древней Греции были составлены Лауренбергом[4]. Карта античной Африки была составлена Бланкартом[5]. К этому же типу атласов принадлежит «Атлас древней светской и церковной истории» («Atlas antiquus, sacer et profanus»), составленный Клерикусом[6] и изданный в Амстердаме в 1705 г.

Клерикус сам не составил ни одной карты. Его атлас — компиляция из карт других авторов, причем эти авторы не всегда указаны.

В предисловии составитель выражает надежду, что знатоки латинского, греческого и еврейского языков, занимающиеся изучением древней географии, увидят превосходство его труда по сравнению с историческим атласом Ортелия.

Больше всего он включил карт Сансонов, дю-Валя и некоторых других французских авторов. На втором месте стоят заимствования из атласа Ортелия. При этом на французских авторов составитель делает ссылки, а на картах, заимствованных у Ортелия, указания автора почти всегда отсутствуют. Иногда карты, заимствованные у Ортелия, подвергнуты незначительной переделке.

Для истории развития исторической картографии компилятивные исторические атласы интересны в том отношении, что они наглядно показывают степень авторитета, которым пользовались те или иные оригинальные исторические карты в XVII в. В начале века господствует авторитет Ортелия и еще не вполне изжит авторитет Птолемея. В середине века безраздельно господствует Ортелий. К началу следующего, восемнадцатого столетия преобладание переходит уже к школе Сансона. Карты Ортелия оттесняются на задний план.

в) Историческая география в общеисторических трудах XVII века

Как уже было указано выше, необходимость для историка знать географию страны, историю которой он изучает, встала перед историографией очень рано. Но тем не менее обычно в исторических сочинениях

---

[1] Французский иезуит Бриэ (1601—1668) был автором нескольких сочинений географического и исторического содержания. Из них «Parallela geographiae veteris ac novae». Parisiis, 1648—1649, в трех томах, представляет собою курс античной и современной автору географии. Книга очень ценилась в свое время.

[2] *К. А. Салищев.* Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943, стр. 77.

[3] К. А. Салищев неправильно пишет Блаё. Об этой традиционной ошибке в транскрипции данной фамилии, ошибке, начало которой, повидимому, положено переводом книги Зондервана «Географическая карта», см. выше, стр. 177.

[4] Лауренберг (1590—1658), немец по происхождению, работал в Дании.

[5] Blankaart (1625—1703), голландский ученый, издатель классиков.

[6] Клерикус (Clericus, Le Clerc, 1657—1736) — голландский теолог.

гуманистов XV в., что также было отмечено выше, географический элемент за немногими исключениями отсутствовал.

В XVI столетии географические, а частично и специально историко-географические моменты в общеисторических сочинениях тоже встречаются сравнительно не часто, и в тех случаях, когда они встречаются, они не занимают обычно значительного места. В качестве примера можно привести труд испанского историка XVI в. Иоанна Марианы— «Historiae de rebus Hispaniae», вышедший в свет в 1592 г.

Сочинение Марианы представляет собою попытку изложить историю Испании с древнейших времен до XVI в. включительно. В свое время оно высоко ценилось. В XX столетии, когда труд Марианы рассматривается с исторической точки зрения, его произведение встречает различную оценку у историков.

Фютер в своей Geschichte der neueren Historiographie ставит его невысоко. Испанский историк Баллестерос, наоборот, называет сочинение Марианы «la primera historia cientifica de la nación española»[1].

Но как ни оценивать книгу Марианы, она во всяком случае не является произведением эрудитской школы. Тем не менее Мариана в начале своего сочинения помещает несколько небольших вводных глав географического содержания. В первой главе автор говорит о плодородии почвы Испании, во второй — о географическом положении и размерах страны, в третьей—о важнейших реках и горах, в четвертой — о делении Испании в древности и во времена автора.

К книге приложен указатель важнейших древних географических названий, а также древних терминов негеографического порядка с обозначением их перевода на современный автору язык, например, Olisipo — Lisboa, Caesaraugusta — Zaragoça и т. п.

В общеисторических трудах эрудитов XVII столетия географические и историко-географические моменты занимают уже вполне определенное и необходимое с точки зрения авторов этих трудов место, становятся как бы неотъемлемой частью в изложении истории страны.

Андрей Шотт (1552—1629), фламандец по национальности, издатель Помпония Мелы и так называемого Итинерария Антонина с комментариями известного испанского историка Суриты, напечатал в самом начале XVII в., в 1603—1608 гг., под заглавием «Hispania Illutsrata seu rerum urbiumque Hispaniae, Lusitaniae, Aethiopiae et Indiae scriptores varii» обширное собрание сочинений историков Испании и Португалии.

Это издание было весьма значительным по объему: оно заняло четыре тома in folio, всего свыше четырех тысяч страниц. По объему оно было значительно больше предшествующих ему аналогичных изданий по другим странам Пистория, Питу, Фрехера. В мою задачу не входит анализ состава «Hispania Illustrata» и ее отличий в этом отношении от подобного рода сборников. С точки зрения развития исторической географии интересна одна сторона этого издания — внимание Шотта к географии Испании вообще и исторической географии Испании в частности. Первый том начинается географическим описанием Испании Мария Аретия— «Hispaniae Chorographia atque descriptio».

Непосредственно за этим следуют две карты Ортелия, земляка Шотта, находившегося с ним в непосредственном научном общении и умершего незадолго до издания «Hispania Illustrata»: карта древней Испании и карта новой Испании (Novae Hispaniae).

---

[1] *Ballesteros y Beretta*. Historia de España y su influencia en la historia universal, tomo cuarto, secunda parte. Barcelona, 1927.

В последнем, IV томе перепечатано только что вышедшее в свет перед опубликованием этого тома географическое описание Испании Луи Нониуса[1].

Кроме того, во II томе напечатано описание рек и гор Испании Иеронима Павла Барселонского и перечень городов Испании. Среди произведений, помещенных в первом томе, имеется также очень интересное описание Испании и Португалии — «Hispania» известного португальского историка Гоэса, впервые опубликованное в 1542 г. Автор сообщает в нем много ценных сведений по экономике Пиренейского полуострова своего времени. Это сочинение можно считать едва ли не первым отраслевого типа экономико-географическим описанием страны.

Французский эрудит Сирмон (Sirmond, 1559—1651) в изданном им в 1629 г. сборнике материалов по истории церковных соборов во Франции — «Concilia antiqua Galliae» — поместил важный историко-географический документ «Notitia Provinciarum et Civitatum Galliae», перепечатанный потом Дюшеном и впоследствии Валуа.

Особенно сильно представлен историко-географический элемент в известном собрании Андрея Дюшена (Du Chesne, 1584—1640) — «Historiae Francorum scriptores coaetanei». Первый раздел первого тома своего издания, озаглавленный составителем — «Notitiae ac descriptiones antiquae Galliarum» — Дюшен отвел документам историко-географического характера, а также поместил в нем некоторые историко-географические исследования историков своего времени. Историко-географические документы Дюшен начинает с относящегося к Галлии отрывка из «Notitia Imperii Occidentis». Далее он помещает «Notitia Provinciarum et Civitatum Galliae», заимствованную им из тома I уже названного собрания Сирмона. Вслед за этим документом напечатаны четыре аналогичных, о которых впоследствии очень резко отозвался Валуа, назвавший их очень испорченными и неверными, не имеющими оснований приобрести авторитет у исследователей (Ei Notitiae quatuor alias adjunxit Andreas Chesnius, sed mendosissimas ac corruptissimas nec apud doctos multum auctoritatis habituras. См. предисловие к Notitia Galliarum, стр. V).

Вслед за этими материалами напечатано несколько описаний Франции, заимствованных из средневековых сочинений, и два списка епископств Франции начала XIV столетия. Заканчивается раздел перепечаткой: «Notitia Galliae» Скалигера, его же исследования о локализации на карте некоторых географических названий античной Галлии, упоминаемых Цезарем, и сочинения Массона (1544—1611), французского историка и юриста, «Notitia Episcopatuum Galliae quae Francia est», которое впервые было опубликовано в 1605 г.

Таким образом, в собрании исторических материалов Дюшена материалы по исторической географии Франции играют роль необходимого введения ко всему собранию.

Во многих исследованиях историков-эрудитов XVII в. историческая география также стала необходимым элементом научной работы. В качестве примеров можно привести несколько крупных трудов эрудитов XVII столетия.

Первым из таких примеров может послужить труд советника тулузского парламента Гийома Кателя (Catel, 1560—1626) — «Mémoires de l'histoire du Languedoc», вышедший в свет уже после смерти автора в 1633 г.[2] Работа основана на использовании не только античных писате-

[1] *Ludovici Nonii* Hispania sive populorum, urbium, insularum ac fluminum in ea accuratior descriptio.

[2] Работа осталась после смерти автора в незаконченном виде. При жизни Кателя в 1623 г. вышел в свет другой его труд «Histoire des comtes de Toulouse».

лей и опубликованных средневековых хроник, но монастырских и городских архивов и античных надписей.

Французский историк начала XX столетия Молинье, большой знаток источников французской истории, называет исторические труды Кателя первыми научными разысканиями по истории Лангедока, подчеркивает уменье Кателя анализировать источники, указывает, что труд Кателя сохранил свое значение даже после выхода в свет через сто лет в 1730 г. фундаментального труда по истории Лангедока «Histoire générale de Languedoc» мавристов Вика (Vic) и Вессета (Vaissette).

Из пяти книг своего труда Катель первую книгу посвятил истории территориального формирования Лангедока, т. е. проблеме чисто историко-географического порядка, и характеристике почв и рек Лангедока, т. е. физической географии страны.

Вторая книга содержит историческое описание городов Лангедока. Она также богата фактами из исторической географии Лангедока.

Таким образом, Катель предпосылает изучению истории Лангедока в собственном смысле слова солидное историко-географическое исследование изучаемой страны.

В качестве второго примера можно привести опубликованный в 1664 г. труд Буша (Honoré Bouche, 1598—1671) «La chorographie ou description de Provence et histoire chronologique du même pays». Автор использовал библиотеки и архивы Прованса, Лангедока, Парижа, Каталонии, Италии. Его работа получила высокую оценку у современных ему ученых Мезере и Даниеля и высоко расценивается историками французской исторической науки.

Географическим и историко-географическим проблемам отведены четыре первые книги первого тома исследования Буша. В первой из них, носящей заглавие «Des choses naturelles de Provence», дана физическая география Прованса. Сведения по физической географии даны, конечно, на уровне того времени, т. е. сводятся преимущественно к номенклатурному перечню основных физико-географических объектов Прованса. Сначала автор указывает широту и долготу Прованса и его городов, протяжение территории и границы страны, потом переходит к описанию гор, лесов, рек, источников, водоемов, озер, островов, заливов, гаваней и мысов.

Заканчивается первая книга краткой оценкой природы Прованса. В этой оценке автор ограничивается выводом о наличии в Провансе благоприятных природных условий для жизни человека. Каких-либо рассуждений о значении природных условий в истории Прованса здесь нет. Вторая книга называется «Des choses morales de Provence». Содержание ее смешанного характера. Автор начинает с описания религии древних провансальцев, потом останавливается на управлении и монетном деле, после чего переходит к описанию характера древних провансальцев, их любви к войне и литературе. Далее идет характеристика одежды, жилищ, обычаев и языка древних провансальцев.

Таким образом, в данной книге преобладает описание историко-этнографического порядка.

Третья и четвертая книги посвящены исторической географии Прованса. Третья книга делится на главы по историко-географическим источникам. В первой главе этой книги автор рассказывает об альпийских народах, перечисленных в наиболее древнем источнике — надписи императора Августа. Во второй главе изложены те данные по исторической географии Прованса, которые можно извлечь из «Notitia Provinciarum et civitatum Galliae». В третьей главе автор занят анализом материалов, которые дают для исторической географии Прованса древнеримские

итинерарии и так называемая карта Пейтингера. В четвертой и пятой главах разобраны некоторые частные проблемы исторической географии Прованса, разрешаемые на основании итинерариев и карты Пейтингера.

Шестая глава посвящена тем древним географическим названиям Прованса, которые не упоминаются в источниках, анализируемых в предыдущих главах. В главе седьмой третьей книги Буш изучает племена, населявшие Прованс в древности.

Четвертая книга посвящена церковной и административной географии Прованса. Здесь даны небольшие историко-географические характеристики городов Прованса.

К своему труду Буш приложил две карты: карту современного ему Прованса и карту Прованса с соседними землями в древности. Эта вторая карта в противоположность всей книге, написанной автором на французском языке, составлена на латинском языке и носит такое заглавие: «Provinciae Romanorum antiquae quae Celtoliguria et Galloliguria olim dicabatur Chorographia auctore Hon. Bouche».

Изложенная историко-географическая часть книги служит как бы введением к следующему за нею изложению истории Прованса.

В качестве третьего примера того, насколько много внимания уделяли иногда исторической географии историки-эрудиты в своих общеисторических трудах, можно привести также работы Петра де Марка.

Петр де Марка (Pierre de Marca, 1595—1662) — специалист XVII в. по каноническому праву и одновременно историк. Его перу принадлежит знаменитое сочинение «De concordia secerdotii et imperii seu de libertatibus ecclesiae gallicanae», впервые вышедшее в свет в 1641 г. и потом неоднократно переиздававшееся.

Как историку ему доставили известность две работы: «Histoire de Bearn», опубликованная в 1640 г., и оставшееся неоконченным произведение — «Marca Hispanica sive limes Hispanicus hoc est geographica et historica descriptio Cataloniae, Ruscinonis et circumjacentium populorum».

«Histoire de Bearn» — это история родины автора, который был уроженцем данной провинции. Это сочинение де Марка высоко ценилось не только современниками, но даже и историками конца XIX в. В книге элементы исторической географии представлены довольно заметным образом. Но особенно видное место занимает историческая география в «Marca Hispanica».

Де Марка успел написать только три книги этого труда, четвертую, обнимающую историю данной территории с 752 до 1258 г., написал один из крупнейших французских историков-эрудитов XVII в. Этьенн Балюз, который в последние годы жизни де Марка (1656—1662) был его секретарем. Впоследствии, через двадцать шесть лет после смерти де Марка, в 1688 г., Балюз издал его труд, прибавив к написанному его покойным патроном не только четвертую главу, но и весьма значительное количество неизданных ранее исторических источников, связанных с темой всего труда. Балюз написал и предисловие ко всей работе патрона и своей. Таким образом, данное сочинение можно считать до некоторой степени коллективным произведением де Марка и Балюза.

Из четырех книг всего труда исторической географии отведены две первые.

Большая часть первой книги занята историческим обоснованием границы, установленной Пиренейским миром 1659 г. между юго-западной Францией и Испанией. Как известно, по мирному договору 1659 г. Руссильон перешел под власть Франции, а Каталония осталась за Испанией. Граница между обоими государствами прошла по Пиренеям.

Де Марка обосновывает тезис, что граница между Францией и Испанией должна проходить по Пиренеям, в основном двумя аргументами, которые он развивает очень подробно.

Во-первых, он доказывает, что в древности граница между Галлией и Испанией проходила по Пиренеям. Во-вторых, опираясь на суждения античных авторов и прежде всего на высказывания Страбона, он выдвигает положение, что границы между государствами должны проходить по естественным рубежам, каковыми являются горы и реки. Пиренеи, по мнению де Марка, являются естественной границей между Францией и Испанией.

Таким образом, историческая география служит у де Марка определенным политическим целям. Это становится особенно понятным, если принять во внимание, что де Марка принимал участие в мирных переговорах с Испанией, следовательно, был не только историком, но и дипломатом.

Кроме историко-географического обоснования франко-испанской границы, в первой главе де Марка останавливается также на исторической географии Руссильона.

Вторая глава посвящена исторической географии Каталонии. Историческая география Каталонии изучается автором в плане, обычном для того времени. Он выясняет границы Каталонии и ее частей в древности, устанавливает расселение племен, особенно значительное внимание уделяет городам, в особенности главному городу Каталонии — Барселоне.

Как и другие авторы историко-географических работ того времени, он при этом основное внимание уделяет вопросам топографического порядка. Но как юрист он проявляет также интерес к юридическому положению этих городов под властью римлян. Свое исследование де Марка основывает на обычных источниках исторической географии античной древности, т. е. на древних авторах, в особенности Страбоне и Птолемее (греческих авторов он цитирует всегда в латинском переводе), итинерариях и карте Пейтингера, а также античных надписях. К источникам он относится критически. Он не игнорирует и своих предшественников по изучению географии Каталонии в древности — ученых XVI и начала XVII в. португальца Резендия[1] и бельгийца Нониуса[2], или соглашаясь с их утверждениями или предлагая к ним поправки. Историко-географическая часть труда де Марка пользовалась авторитетом у последующих ученых, например, Целлариус оценивает его высоко и опирается на его труд в своем изложении географии древней Испании.

Мабильон и его сотрудники тоже были не чужды историко-географического подхода к изучаемому ими материалу. Четвертая книга знаменитого в истории исторического источниковедения сочинения Мабильона «De re diplomatica», написанная Жерменом[3], дает перечень королевских замков, в которых короли Франции подписывали свои грамоты. Большое количество этих замков уже не существовало во времена Мабильона. Жермен в названной книге определяет места, где были расположены эти замки, что в ряде случаев потребовало значительных историко-географических изысканий. В этих изысканиях автор опирается на данные источ-

[1] *Andreae Resendii* Antiquitates Lusitaniae. 1600.

[2] *Ludovici Nonnii* Hispania sive populorum, urbium, insularum ac fluvium descriptio. 1607.

[3] «Liber quartus ubi agitur de Francorum Regum Palatiis villisque regiis in quibus diplomata condita sunt». На принадлежность четвертой книги перу Жермена Мабильон указывает в начале ее: «Nam valetudine aliisque rebus impeditus hanc in eum operam transtuli utpote qualiumcumque studiorum meorum participem». «De re diplomatica», 1681, p. 244.

ников, используя при этом и достижения историко-географической литературы того времени, и прежде всего «Notitia Galliarum» Адриана Валуа, которую он оценивает очень высоко и на которую часто ссылается, хотя и не всегда соглашаясь с мнением Валуа.

В некоторых русских сочинениях XVII в. имеются элементы исторической географии. В «Описании новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое той земли положение» указан путь похода Ермака по рекам Предуралья и Сибири.

Б. XVIII век

а) Историко-географические исследования

В XVIII в. историческая география в трудах историков эрудитской школы как по своим задачам и содержанию работ, так и по своей методологии и по характеру используемых источников развивалась в основном в том направлении, какое она приняла в предыдущем столетии. При этом лишь в области исторической картографии можно говорить о принципиально новых методах работы, что было вызвано не столько успехами историко-географических изысканий в собственном смысле слова, сколько успехами самой картографии в XVIII столетии.

Что же касается самих историко-географических исследований эрудитской школы, то здесь в XVIII в. имела место только углубленная разработка прежней тематики прежними методами на основании тех же источников, что и раньше. Эти исследования, во-первых, установили много новых историко-географических деталей фактического порядка, внесли ряд поправок и уточнений в мнения прежних исследователей о такого же рода деталях, во-вторых, углубили работу. Но новых концепций или новых принципиальных проблем выдвинуто не было. В частности, античная историческая география осталась, как и в предыдущем столетии, основным объектом, хотя внимание к средним векам усилилось.

В XVIII столетии довольно заметно умножились исследования, направленные на разрешение частных историко-географических вопросов, обычно весьма узкого характера, таких, как, например, вопрос: какому из портов Франции соответствует гавань Икций (Iccius), из которой Цезарь отплыл в Британию. Этим вопросом занимался еще в XVI в. Ортелий (а до него работавший во Франции в XV в. итальянский гуманист Марлиано)[1], и Кемден, потом в XVII столетии — Скалигер, Бертиус, Клювер, Бержье, Сансон, Дюканж и несколько других менее известных авторов. В XVIII в. об этом писал ряд авторов и в том числе такой крупный авторитет XVIII столетия в вопросах исторической географии, как д'Анвиль[2], сопроводивший свое исследование специальной картой берегов Галлии и Британии в месте предполагаемой им переправы Цезаря через пролив.

Целый ряд авторов решал вопрос о местоположении древнего галльского города Герговия (Gergovia), который, как известно, безуспешно пытался взять Цезарь.

Еще в XVII столетии была сделана попытка точнее определить место, где в 451 г. потерпел поражение Аттила. В следующем, XVIII столетии

---

[1] Марлиано (1420—1475) — итальянский ученый, работавший во Франции и Нидерландах (был профессором Лувенского университета). Его основное сочинение «Veterum Galliae locorum, populorum, urbium, montium ac fluviorum alphabetica descriptio», изданное в Милане в 1477 г., переиздавалось в XVI в.

[2] О д'Анвиле см. ниже.

на эту тему было написано три исследования, причем одно из них принадлежало такому известному в XVIII в. автору, как Кэйлюс[1].

Два исследователя XVIII в., в том числе такой знаток исторической географии средневековой Франции, как аббат Лёбёф (Lebeuf), изучали место, где произошла 19 сентября 1365 г. знаменитая битва при Пуатье между французами и англичанами.

Приведенные мною примеры касаются военно-исторической географии. Значительно больше работ в XVIII в. было посвящено локализации на карте всякого рода объектов гражданской истории. Сюда относятся специальные исследования о границах различных государственных образований на территории средневековой Франции, как, например, работа Фонсманя (de Foncemagne), о территории, которую занимало королевство Меровингов («Mémoire sur l'étendue du royaume de France dans la première race», «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres», t. VIII, pp. 505—527), исследование бенедиктианца Льебля (Dom Philippe Louis Lieble) о границах империи Карла Великого, получившее премию Академии надписей и гуманитарных наук («Mémoire sur les limites de l'Empire de Charlemagne», Paris, 1764), изыскания о местах поселений племен древней Галлии, как, например, исследование Лёбёфа о племени диаблинтов, и особенно многочисленные работы, посвященные локализации на карте мест, упоминаемых в исторических источниках. Исследования этой последней категории составляют главную массу работ на историко-географические темы историков-эрудитов XVIII в.

В качестве примера можно привести исследование аббата Беллея (Belley) о местоположении Юлиобоны, древней столицы галльского племени калетов («Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres», t. XIX, к работе приложена карта, составленная д'Анвилем), исследование аббата Лёбёфа о географическом положении местности, упоминаемой в капитулярии Карла Лысого под названием «Stadinisus pagus (sur la situation d'un lieu désigné dans les Capitulaires de Charles le Chauve sous le nom de Stadinisus pagus», напечатано в «Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres», vol. XXI).

Такого рода работы, посвященные разрешению отдельных частных вопросов историко-географического порядка, печатались иногда отдельными изданиями, а чаще в виде статей в трудах Академии надписей и гуманитарных наук, а также в периодических изданиях того времени — в «Mercure», в «Journal des Savants», в «Journal de Trévoux» и в «Journal de Verdun».

Наиболее крупным из историков эрудитской школы XVIII в., занимавшихся названными проблемами, является аббат Лёбёф (Lebeuf, 1687—1760), автор более двухсот работ, весьма значительная часть которых относится к области исторической географии Франции, главным образом эпохи Меровингов и Каролингов. Лёбёф — видный и типичный представитель эрудитской школы XVII—XVIII вв. периода полной зрелости этой школы. Он неутомимый исследователь и глубокий знаток неизданного и изданного документального материала с наклонностями источниковеда. Ряд работ, опубликованных в трудах Академии надписей и гуманитарных наук, Лёбёф посвятил источниковедческому изучению исторических хроник. Он участвовал в подготовке нового издания словаря Дюканжа. Лёбёф всю свою большую энергию многих лет научной деятельности сосредоточил на критическом установлении разного рода исторических деталей. Он не умеет делать обобщений и не склонен к ним. Его наиболее крупный труд «Histoire de la ville et de tout le diocèse de Paris»,

[1] Caylus (1692—1765) — писатель и археолог. Автор «Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et galoises», 1757—1767.

опубликованный в 1754—1758 гг. в пятнадцати маленьких томиках, представляет собою мозаику из исторических деталей, собранную автором не только при помощи тщательного изучения исторических документов, но и путем личного посещения пешком 450 приходов Парижского диоцеза. В этом труде, равно как и в многочисленных работах, написанных ранее, часть из которых он объединил в сборнике «Recueil de divers écrits pour servir d'éclaircissements à l'histoire de France et de supplément à la notice des Gaules» (Paris, 1738), Лёбёф установил великое множество историко-географических фактов типа тех, примеры которых были приведены выше. Не все его утверждения были приняты позднейшими учеными. Но многие из них стали прочным достижением науки. Современные ему ученые его высоко ценили. Он в 1740 г. был избран в члены Академии надписей и гуманитарных наук, он неоднократно получал премии за научные работы. Репутация одного из крупнейших в XVIII в. знатоков исторических фактов и, в частности, фактов историко-географического порядка, прочно установилась за ним в позднейшей французской исторической науке. Дежарден в 1876 г. во введении к своему труду «Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine» называет Лёбёфа «notre celèbre abbé Lebeuf» (стр. 35) и указывает, что в его трудах можно почерпнуть очень ценные факты по исторической географии Франции. Жюллиан в 1930 г. в предисловии к учебнику исторической географии Франции Миро ставит историко-географические труды Лёбёфа даже выше работ д'Анвиля.

Кроме Лёбёфа разрешением частных историко-географических вопросов занимался целый ряд французских ученых XVIII в. Значительное число статей на эти темы напечатал член Академии надписей аббат Беллей (Belley, 1697—1771), труды которого пользовались большим уважением у современников и о котором уже упоминалось выше. Очень много такого рода материалов в обширном сборнике Кэйлюса, о котором также выше уже было упомянуто. По нескольку работ такого рода принадлежит Фонсманю (Foncemagne, 1694—1779), член Академии надписей и Академии наук Франции), Бонами (Bonamy, 1694—1770, библиотекарь и историограф Парижа), Лансело (Lancelot, 1675—1740, генеалог и историк, член Академии надписей), Фрере, д'Анвилю и ряду других, менее известных ученых Франции.

В других странах представители эрудитской школы также дали в XVIII столетии ряд исследований, посвященных частным вопросам исторической географии.

В русской историографии XVIII в., в которой историческая география сразу же заняла видное место[1], хронологически первые попытки решения ряда частных проблем историко-географического порядка принадлежат Байеру[2], напечатавшему в «Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae» несколько работ по исторической географии России. Первыми из них были опубликованы в первом томе «Комментариев» академии два сочинения о скифах[3] и Скифии[4] и очерк о стене в Дербентском проходе на Кавказе[5].

---

[1] О месте исторической географии в русской историографии XVIII в. см. ниже.

[2] Байер (Bayer Gottlieb Siegfried, 1694—1738) принадлежал к числу первых академиков иностранцев, приглашенных еще при основании академии. Он занимал в академии кафедру древностей и восточных языков. Он не знал русского языка, и занятия русской историей были для него побочным делом. Его биографию и старую литературу о нем см. *Пекарский.* История имп. Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870. Из советских историков о нем писали Н. Л. Рубинштейн (Русская историография) и М. Н. Тихомиров («Вопросы истории», 1948, № 2, Русская историография XVIII в.)

[3] «De origine et priscis sedibus scytarum».

[4] «De Scytiae situ, qualis fuit sub aetate Herodoti».

[5] «De muro Caucaseo».

В первом из этих сочинений Байер делает попытку выяснить происхождение скифов и определить места их древнейших поселений, во втором — он дает описание Скифии во времена Геродота. В этом последнем описании он указывает широту и долготу территории скифов, дает характеристику рек и описание скифских племен. Рассказывая о расселении скифских племен, Байер старается приурочить места их обитания к современным ему административным делениям территории, которую некогда занимала Скифия, например, скифов земледельцев он помещает в пределах Брацлавского воеводства современной ему Польши.

В IX томе академических комментариев Байер опубликовал «Географию России и соседних стран около 948 года по Константину Багрянородному» [1]. В этой работе Байер излагает и анализирует географические известия о нашей стране, которые содержатся в известном сочинении Константина Багрянородного об управлении империей.

В X томе этих же комментариев Байер напечатал «Географию России и соседних стран около 948 года по данным северных писателей» [2].

В истории нашей науки Байер известен как инициатор так называемой норманской теории, теории, вызывавшей длительные споры среди историков и ныне окончательно похороненной советской наукой. Эта теория лежит всецело вне поля зрения настоящего исследования, и поэтому я не буду здесь на ней останавливаться. Что касается его историко-географических произведений, то они сыграли полезную роль в истории нашей науки. По характеру источников, пересказом и комментарием которых являются историко-географические работы Байера, эти работы могли быть выполнены автором без знания русского языка. Они были использованы русской историографией, и прежде всего В. Н. Татищевым, уделившим в своей «Истории» весьма значительное место проблемам историко-географического порядка.

В историко-географических сочинениях Байера были и ошибки, например, он считал финские племена потомками скифов, но введение использованных им историко-географических источников в наш научный оборот было полезным делом.

Весьма многие из наших историков XVIII в. занимались решением частных историко-географических проблем. Татищев в свой «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» [3] включил объяснение названий и тех географических объектов, которые в его время уже не существовали. Мы найдем в нем, например, объяснение таких слов, как «Белавежа, инако Саркел», названий новгородских пятин и т. п.

Очень много частных историко-географических вопросов решает в своих «Примечаниях на историю древния и нынешния России Г. Леклерка», а в особенности в «Критических примечаниях на историю кн. Щербатова», Болтин, постоянно упрекающий критикуемых им авторов в ошибках историко-географического характера.

Особенно привлекала наших историков XVIII в. проблема географического положения Тмутаракани. На этом примере легко видеть методы решения ими частных историко-географических вопросов. Татищев считал, что Тмутаракань лежала в Рязанском княжестве. Свое мнение он обосновывал тремя аргументами: ссылкою на польского хрониста Стрыйковского, тем об-

---

[1] «Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Porphyrogenneta».

[2] «Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A.C.DCCCCXLVIII. Ex scriptoribus septemtrionalibus».

[3] Словарь доведен Татищевым до буквы «к» включительно. Издан после смерти автора в 1793 г.

стоятельством, что Тмутаракань досталась сыновьям Святослава Ярославу и Святославу, которые в летописи названы князьями рязанскими, и сообщением, полученным им от одного дворянина, который рассказывал Татищеву, что в верховьях реки Прони имеется старое городище, название которого местным жителям неизвестно. Татищев полагал, что именно это городище и является остатками древней Тмутаракани[1]. М. М. Щербатов высказал мнение, что Тмутаракань лежала недалеко от Азова. Болтин соглашался с Татищевым, что Тмутаракань надо искать в княжестве Рязанском, но локализовал ее иначе, чем Татищев, полагая, что Тмутараканью во времена Киевской Руси называлось поселение в XVIII в., носившее имя Старая Рязань[2].

В конце XVIII в. известный любитель русской старины и издатель некоторых выдающихся памятников русской письменности А. Мусин-Пушкин[3] написал специальное «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения», напечатанное по распоряжению Екатерины II в 1794 г.

Автор начинает свое сочинение с обзора мнений своих предшественников о месте, где была расположена Тмутаракань. Мусин-Пушкин невысоко оценивает эти мнения, считая их основанными на догадках. Утверждение своих предшественников об отсутствии в летописях данных для определения местоположения Тмутаракани Мусин-Пушкин считает неверными. «Но ежели летописи и не открывают,— пишет он,—о сем ничего ясного и определенного, однакож, кажется много находится в них признаков и следов, по коим можно безошибочно определить место сего княжения» (стр. 7). Определение местоположения Тмутаракани Мусин-Пушкин начинает с выяснения того, какие народы были соседями Тмутараканского княжения. Таковыми по данным летописей, по мнению автора, были хазары, косоги, ясы и обезы (абхазцы). Эти народы жили около Азовского моря и в Грузии. Далее Мусин-Пушкин устанавливает, опираясь на Книгу Большого Чертежа, что Тмутаракань лежала по соседству с владениями Византии и отнюдь не далее от Корсуни, как на восемь дней пути (стр. 19). После этого Мусин-Пушкин устанавливает, что Тмутаракань была расположена на острове, и приходит к выводу, что этим островом могла быть только Тамань[4].

Установив место Тмутараканского княжения, Мусин-Пушкин прослеживает его исторические судьбы. Заканчивается исследование рассказом о находке так называемого Тмутараканского камня и анализом имеющейся на нем надписи. Копия надписи дана в приложении к работе. К исследованию, кроме того, приложены краткие сведения о князьях, правивших в Тмутаракани, небольшой словарь географических названий Киевской Руси и карта Руси до татарского нашествия. Исследование Мусина-Пушкина вызвало довольно многочисленные отклики уже в следующем, XIX столетии.

Пример с историей изучения местоположения Тмутаракани довольно наглядно показывает совершенствование приемов историко-географического исследования в нашей историографии к концу XVIII столетия.

---

[1] *В. Н. Татищев.* История Российская, кн. II, стр. 421—422.

[2] *И. Н. Болтин.* Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка, том I, 1788, стр. 305.

[3] Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817) был обладателем большого собрания старинных рукописей и издателем ряда ценных памятников древней письменности: «Книги Большого Чертежа» (впервые изданной Новиковым), «Русской Правды», «Духовной великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим» и «Слова о полку Игореве», изданного им под заглавием «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича».

[4] Мусин-Пушкин называет островом Таманский полуостров.

Если от работ, посвященных частным вопросам исторической географии, перейдем к обзору историко-географических, более широких по тематике и более крупных по объему, то здесь тоже мы увидим аналогичную картину несколько более углубленной разработки тематики, завещанной предыдущим столетием при помощи методов, также выработанных еще в XVII столетии, а отчасти даже и ранее.

Остановимся на нескольких сводных историко-географических работах эрудитов XVIII в., выбирая более значительные и вместе с тем типичные работы такого рода.

В 1722 г. аббат Лонгерю (Longuerue, 1652—1733) выпустил в свет «Description historique et géographique de la France ancienne et moderne».

Первая часть работы отведена историко-географическому описанию территории, входившей в начале XVIII в. в состав королевства Франции. Во второй части автор рассматривает те территории, которые не входили в состав Франции его времени, но входили в состав древней Галлии.

Лонгерю начинает свое изложение с беглого (на десяти страницах) общего обзора формирования территории Франции. Он, упомянув о покорении Галлии римлянами, бегло говорит о ее делении на части в эпоху Цезаря и о последующем административном делении при Августе и Константине, о вторжении варваров и об их государствах, об объединении страны при Каролингах и о ее последующем распаде. Об объединении Франции он лишь упоминает, не описывая этого процесса и обещая сделать это при описании провинций.

Благодаря чрезвычайно эскизному характеру введения оно почти не дает читателю представления о формировании территории французского государства. Таким образом, книга по существу является лишь суммой очерков, описывающих отдельные провинции. Описание автор ведет по современному ему административному делению: «nous suivrons seulement les gouvernements des provinces comme ils se trouvent aujourd'hui», пишет он.

Описание каждой провинции начинается с указания ее географического положения и пограничных с нею территорий. Иногда автор дает объяснение названию провинций, например, он указывает, что название провинции Шампань произошло от слова champs (champ — по-французски значит поле) и что поля Шампани описывает Григорий Турский. За этим обычно следует краткая история территории провинции, где указывается, в руках каких феодалов данная территория находилась, как переходила из рук в руки и когда была включена в состав владений короля. Часто для удобства изложения провинция описывается по частям, например, Прованс разделен на три части: восточную западную и находящуюся между Роной и Дюрансой, Лангедок разделен на Верхний и Нижний, Нормандия тоже на Верхнюю и Нижнюю. Центр тяжести описания — в исторических и отчасти географических характеристиках городов, начиная с главного города провинции. Эти характеристики коротки. Но значительное количество привлеченных к рассмотрению городов делает эти характеристики в сумме основной частью всего сочинения. Чтобы показать построение таких характеристик, можно привести в качестве примеров изложение мест книги, посвященных Орлеану, старинному городу и крупному центру страны, и Версалю, ничем не выделявшемуся в истории Франции до того, как Людовик XIV сделал его своей резиденцией.

Об Орлеане Лонгерю сообщает, что город лежит на р. Луаре и располагает прекрасным мостом через реку. Этот город некогда назывался Genabum или Cenabum и принадлежал во времена Цезаря племени

карнутов. Красота города и его удобное географическое положение побудили императора Аврелиана принять меры к росту города и возвести его в ранг «cité», а также переименовать его, дав ему свое имя. Город стал называться Aurelianum или Aureliana Civitas и сделался одним из самых значительных городов в Галлии. В середине пятого века город подвергся нападению Аттилы, которое не имело успеха. Нет сведений, что Хильдерик овладел Орлеаном, хотя некоторые новейшие историки (modernes) и утверждают это. Город оказался во власти франков только после победы Хлодвига над Сиагрием. Далее идет рассказ о том, как Орлеан переходил из рук в руки и, наконец, оказался в руках Гуго Капета, который включил город в число владений короны. В составе королевских владений город находился до Филиппа Валуа, который сделал Орлеан центром герцогства, данного им своему сыну Филиппу. Затем следует перечень принцев королевского дома, владевших Орлеаном.

Покончив с рассказом о политических судьбах Орлеана, аббат Лонгерю посвящает несколько строк его церковной истории. Характеристика города заканчивается указанием, что во времена автора Орлеан является центром генеральства[1] (chef d'une généralité) и что там имеется финансовое присутствие (un Bureau de Finances).

О Версале, естественно, Лонгерю говорит гораздо короче, чем об Орлеане. Он начинает с указания, что Версаль в старину был приходским центром парижского диоцеза. Версаль некогда имел отдельных сеньеров, которые были вассалами парижского епископа, но приходская церковь принадлежала аббатству St. Magloire de Paris, которое в царствование Карла IX было присоединено к землям епископства. «Эта территория была куплена Людовиком XIII, который построил там довольно скромную дачу, перестроенную его сыном Людовиком XIV в великолепный дворец, бывший его обычной резиденцией около сорока пяти лет, где он и умер».

К книге аббата Лонгерю приложено девять карт. Две из них «La Gaule ancienne», где дана Галлия во времена римской империи, и «La France ancienne», на которой представлена Франция эпохи Меровингов и Каролингов, являются историческими картами. Остальные семь карт изображают части Франции, а также соседние с нею земли, входившие в древности в состав Галлии, но не вошедшие в состав Франции в эпоху автора. Карты составлены д'Анвилем, тогда еще начинающим картографом. На этих картах удобнее будет остановиться ниже при характеристике карт д'Анвиля.

Из сделанного краткого обзора содержания книги аббата Лонгерю видно, что по своей структуре она имеет много общего с «Italia Illustrata» Биондо. Как и у Биондо, факты, современные автору, даны вместе с материалами исторического порядка. Как и у Биондо, внимание автора сосредоточено прежде всего на характеристике городов. С другой стороны, в то время как Биондо ведет описание Италии по античным территориальным единицам, Лонгерю кладет в основу современное ему деление Франции.

У Лонгерю при этом ясно чувствуется стремление исторически объяснить существующую административно-политическую географию Франции (в этом отношении, например, очень характерны его систематические указания дат вхождения описываемых им территорий в состав владений французских королей). Материал, сообщаемый Биондо об описываемых им тер-

[1] Согласно определению П. Н. Ардашева, «генеральство, это — округ, подведомственный одному из финансовых присутствий» (см. «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка», т. 1, СПб., 1900, стр. 170), т. е. территориальная единица, на которые Франция делилась в финансовом отношении.

риториях и городах, в весьма значительной степени является чисто историческим: Биондо сообщает главным образом исторические события из жизни описываемых им городов и мест и называет знаменитых уроженцев этих городов. Материал Лонгерю несколько иного порядка. Чисто исторический материал и у него имеется, но все же ясно чувствуется, так сказать, территориальная точка зрения при отборе этого материала: Лонгерю преимущественно интересуется вопросами исторической и современной географии описываемых им территорий, конечно, согласно тому представлению об исторической и современной географии, какое существовало в его время.

Лонгерю, конечно, чуждо то чисто гуманистическое увлечение цитатами из древних авторов, которое так ярко проявляется у Биондо.

Немецкий юрист и историк Шпенер[1] опубликовал в 1717 г. двухтомную работу по географии древней Германии — «Notitia Germaniae Antiquae». Работа по просьбе автора была прочитана Лейбницем незадолго до смерти[2]. Благоприятный отзыв Лейбница, датированный 3 октября 1715 г., автор напечатал в начале своей книги. Шпенер в предисловии указывает, что, посвятив всего себя делу изучения древностей Германии, он задумал написать о ней полный и законченный труд (eiusque plenam et perfectam notitiam meditatum esse), который должен составиться из трех сочинений. Первое из них должно дать описание древней Германии и ее народов. Во втором автор обещает описать общественные учреждения и частный быт своих предков (instituta tum publica, tum privata maiorum nostrorum). В последнем он хочет проследить историю древней Германии.

«Notitia Germaniae Antiquae» явилась выполнением первой части задуманного Шпенером обширного труда. Он опубликовал также историю Германии под заглавием «Historia Germaniae universalis et pragmatica» (Halle und Leipzig, 1716—17).

Изучение исторической географии, наряду с изучением древних правовых учреждений, является, согласно взглядам Шпенера, необходимым при написании истории страны. Во вводной главе Шпенер развивает мысль о необходимости для историка дать читателю картину исторической географии страны, историю которой он излагает.

Шпенер начинает свое рассуждение на эту тему с определения общих задач истории. Он руководствуется в этом отношении указаниями Цицерона, указаниями, сохранявшими авторитет в течение ряда столетий, начиная с гуманистов. Шпенер опирается на две цитаты из Цицерона — на известную цитату об обязанности историка писать только правду и быть беспристрастным и на другое высказывание великого оратора древности о ясности изложения как хорошем качестве историка (Nihil est in historia pura et illustri claritate delcius. «Cicero, De claris Oratoribus et de Oratore». Lib. II, cap. IX). Эта ясность изложения достигается, по мнению Шпенера, не только благодаря хорошему стилю историка, но и благодаря отсутствию темных и неясных мест в изложении. Чтобы избежать таких темных мест, историк должен, во-первых, тщательно держаться хронологических рамок при изложении событий (aetatum annorumque divisiones sedulo ab historico tradendas censuimus). Во-вторых, ясность в изложении исторических событий вносит также учет географической

---

[1] Spener Jakob (1684—1730) был профессором в университете в Галле.

[2] Как известно, одной из многочисленных областей знания, в которых работал Лейбниц, была также и историография. Как историк Лейбниц принадлежал к эрудитской школе. Об его исторических трудах в нашей литературе говорится в старой работе В. И. Герье «Лейбниц и его век». СПб., 1868. Иностранная литература указана у Фютера (Указ. соч., стр. 316).

обстановки, в которой совершаются описываемые события. Очень часто историки оставляют эту обстановку без внимания как известную или касаются этой стороны дела поверхностно и коротко в тех случаях, когда в высшей степени необходимо правильное и внимательное ее описание (maxime necessaria solers et accurata eius fuisset explicatio).

Конечно, если речь идет о событиях недавнего прошлого или других событиях, географическая обстановка которых хорошо известна, нет надобности, по мнению Шпенера, предпосылать историческому изложению анализ географической обстановки, в которой совершались исторические события. Но если историк излагает факты более отдаленного времени или касается истории различных народов, учет географических условий не только очень полезен, но даже необходим (non tantum est perutile, sed admodum necessarium geographicam considerationem suppeditare). Особенно необходим, по мнению Шпенера, учет географических условий при изучении истории древней Германии. Ни одна страна так часто не меняла своих границ в историческом прошлом, как Германия. Нигде нельзя найти столько смен названий народов и народных передвижений, как в этой обширной стране. Необходимо, чтобы все эти явления в должном порядке были прослежены и изучены географией. В противном случае возникнут огромные затруднения (ingens mora) для изучения истории страны.

Само сочинение Шпенера о географии древней Германии состоит из шести книг. В первой из них автор занят выяснением территории древней Германии. Вторая книга посвящена природе древней Германии. Описание природы дано на уровне подобного рода описаний того времени. Сначала автор говорит о почвах и климате. Шпенер резко возражает против суждений античных авторов, указывающих на суровость почвенно-климатических условий Германии. Он считает, что греческие авторы ошибались, а римских обвиняет во лжи, которая, по его мнению, объясняется неприязненным чувством римлян к германцам вследствие неоднократных поражений, нанесенных ими римским войскам. Почвенно-климатические условия древней Германии, по мнению Шпенера, были вполне удовлетворительны. Далее следует перечень рек с указанием направления их течения и их притоков и краткое описание гор и лесов, сводящееся главным образом к их перечню с указанием их местонахождения.

В третьей книге автор разбирает употреблявшиеся в древности названия германцев вообще и отдельных крупных германских народов. Между прочим, здесь имеется специальное рассуждение о термине «варвары» в применении к древним германцам. Национальное чувство автора, повидимому, задето применением античными авторами этого термина по отношению к его предкам[1].

Четвертая и пятая книги отведены изысканиям о племенах, населявших древнюю Германию. Шестая книга рассказывает о германских племенах, живших вне Германии.

Эти последние три книги являются наиболее обширными. В них заключается основное содержание всего труда.

В начале четвертой книги автор довольно обстоятельно обсуждает методологический вопрос о порядке, в каком следует излагать материал о германских племенах. Шпенер выдвигает порядок, который он называет

---

[1] Повидимому, этим обстоятельством надо объяснить, что, не довольствуясь указанием, что греки и римляне все чуждые им по языку и культуре народы считали варварами, Шпенер утверждает, что римляне называли германцев варварами «ignominiae causa» (стр. 139), так как были раздражены понесенными поражениями. Он добавляет также, ссылаясь на «варварские правды», что сами германцы не видели для себя ничего позорного в этом названии.

«nostra methodus». Этот порядок он сначала обосновывает, а потом следует ему в дальнейшем изложении. Этот порядок, по словам автора, состоит в том, что следует насколько только возможно точно и обоснованно определить, по каким рекам, лесам и горам лежали места обитания германских племен («Germanicas gentes ad fluvios, saltusque, montesque, sitas, quam fieri possit maxime accurate cogitateque definire»,— t. I, p. 145).

Главное внимание автора поглощено определением территории, которую занимало каждое племя. Он отмечает также миграции племен. Кроме того, Шпенер останавливается на общественном строе племен; эту сторону их быта, как юрист, он стремится внимательно исследовать применительно к каждому племени. Но скудость данных весьма ограничивает его возможности в этом отношении. Иногда Шпенер говорит о воинской доблести отдельных племен и войнах, которые они вели. Иногда рассказывает другие факты и предания их истории. В отличие от Клювера, характеризуя общественный строй германцев, Шпенер говорит об отдельных племенах, стараясь установить их индивидуальные особенности, а не о всех германцах в совокупности. Но, с другой стороны, он редко касается вопросов материальной и духовной культуры германцев, чему Клювер посвятил очень много внимания (правда, Клювер рассматривает эти вопросы применительно ко всем германцам в совокупности, а не по отдельным племенам).

Конец второго тома (стр. 369—464) занимает очерк географии средневековой Германии.

После краткого введения Шпенер останавливается сначала на границах Германии эпохи раннего средневековья. Он указывает здесь, что территория Германии на востоке сократилась, доходя только до Одера и даже всего лишь до Эльбы и Заале, а на западе и юге границы раздвинулись до Мааса, Альп и Адриатического моря. Далее в главе «Generalis populorum Germaniae mediae partitio» автор делит население Германии раннего средневековья (VI в.) на большие группы племен: славян, занявших восточную Германию (автор называет их венедами или славянами и различает среди них чехов, поляков, поморян, лютичей, бодричей и др.), саксов, фризов, франков, тюрингов, алеманов, свевов и баваров. В следующей, наиболее значительной по объему (77 стр.) из глав, посвященных географии средневековой Германии, автор говорит о каждой из этих групп примерно по той же программе, по которой он описывал племена древней Германии.

Коротенькая (5 стр.) пятая глава «Seriores Germaniae mediae vicissitudines», в которой автор бегло упоминает о формах последующего территориального деления Германии, заканчивает довольно объемистый труд (838 стр.) Шпенера.

Одним из наиболее выдающихся историко-географических произведений XVIII в. является «Britannia Romana or the Roman Antiquities of Britain» (Римская Британия или римские древности Британии) Джона Хорсли (Horsley, 1685—1732)[1], вышедшая из печати в 1732 г. через несколько месяцев после смерти автора.

Труд Хорсли — это не только география Британии под владычеством Рима. Его содержание значительно шире. Первая книга содержит, согласно резюме самого автора, историю действий римлян в Британии от

---

[1] Джон Хорсли был пресвитерианским священником в маленьком городке Морпете (Morpeth) в графстве Нортумберленд, занимался механикой и гидростатикой, в 1730 г. был избран членом Королевского общества. Но известность ему доставил его исторический труд «Britannia Romana».

первой высадки Юлия Цезаря до ухода римлян с острова. Таким образом, в основном первая книга нарративного, а не историко-географического содержания. Но в то же время в ней очень много чисто историко-географических моментов. Хорсли внимательно исследует географическое положение племен, упоминаемых его источниками в рассказе о событиях, служащих предметом его исследования. Он подвергает изучению вопрос о месте в Галлии, откуда Цезарь отплыл в Британию, вопрос, как указывалось выше, весьма занимавший французских ученых того времени. Рассказывая о римских легионах в Британии, Хорсли подробно останавливается на их размещении в стране. Но в этой книге имеется и специально историко-географическое исследование о валах, сооруженных римлянами в Британии для защиты от набегов шотландских горцев.

Хорсли исследует топографию трех римских укрепленных линий в северной Англии, построенных соответственно Юлием Агриколой, императорами Адрианом и Севером. Он описывает, что́ представляли собою валы Адриана и Севера в древности и как остатки их выглядят в его время.

Хорсли подверг также изучению и топографию укрепленной линии, сооруженной в правление императора Антонина Пия в Шотландии. Главы, посвященные изучению римских укрепленных линий в Британии занимают немного менее половины всей первой книги. Если принять во внимание также остальные историко-географические моменты первой книги, о которых только что было сказано выше, то станет ясно, что историко-географическим проблемам автор посвятил примерно половину всей первой книги.

К первой книге приложен ряд весьма детальных карт. Десять из них посвящены римским укрепленным линиям в северной Англии. Из этих карт одна является общей картой этих линий (A general map of the Roman walls in the north of England), а девять остальных представляют отдельные отрезки этих линий. Пять карт дают топографию линии Антонина Пия в Шотландии. Из них также первая дает общее представление об этой линии (A general map of Antoninus Pius's wall in Scotland), а остальные четыре дают ее отдельные части. В начале первой книги имеется общая карта Британии во времена римского владычества, составленная автором на основании Птолемея, Итинерария Антонина, «Notitia dignitatum utriusque imperii» и римских надписей, найденных в Британии.

Особыми знаками, поставленными около каждого названия, имеющегося на карте, Хорсли указывает источник (или источники, если их несколько), на основании которых данное географическое название нанесено им на карту.

В конце первой книги приложена вторая карта Британии во времена Римской империи, составленная по Птолемею «A Corrected Map of Britain according to Ptolemy or Ptolemy's Britain rectified».

Вторая книга посвящена характеристике римских надписей и римских произведений скульптуры, найденных в Британии. Автор дает здесь копии надписей и рисунки, изображающие римские памятники архитектуры и скульптуры, найденные на территории Британии, и исследование об этих памятниках старины.

Данная книга, подобно первой, не является географической. Но географический элемент в ней имеется: Хорсли указывает место, где был найден каждый из описываемых им памятников.

Третья книга представляет собой чисто географическое произведение как по фактическому содержанию, так и по замыслу автора. В предисловии Хорсли, указывая на географический характер этой части своего

труда, подчеркивает необходимость знания географии для правильного понимания истории[1].

В небольшой вводной главе Хорсли кратко останавливается на источниках, использованных им для данной книги (более подробную характеристику каждого из них он дает в последующих главах), и высказывает несколько замечаний методологического характера.

Из этих замечаний два представляют интерес для характеристики Хорсли как исследователя. Говоря о способах определить, каким современным названиям соответствуют античные, Хорсли пишет: «сходство по созвучию (affinity in sound) во многих случаях употреблялось лучшими специалистами по древностям и, я думаю, ни одним так часто, как нашим ученым Кемденом, но очевидно, что этот метод (в особенности когда дана свобода воображению) является весьма ненадежным и действительно вовлек этого выдающегося автора в многочисленные ошибки. Я не говорю, что им следует всецело (altogether) пренебрегать, но только, что его надо употреблять осторожно и скорее как сопутствующее (collateral) доказательство (evidence); за исключением некоторых особых случаев, когда сходство настолько явно, что является решающим аргументом (as to render the argument drawn from it conclusive), как London, Verulam, Cataract; Londinium, Verulamium, Cataracto» (стр. 353).

Если принять во внимание чрезвычайную распространенность в то время произвольных звуковых сближений древних названий с более поздними, чему благоприятствовало младенческое состояние лингвистики, то указанное высказывание Хорсли выгодно характеризует его научную осторожность.

Хорсли указывает далее, что реки гораздо чаще удерживают древние названия, чем расположенные по ним населенные пункты.

Для современной исторической географии значительно большая устойчивость названий рек по сравнению с названиями населенных пунктов представляет собою твердо установленный факт, но для того времени такое наблюдение показывает большую научную проницательность исследователя.

Коснувшись значения надписей и сочинений древних авторов как историко-географического источника, Хорсли выделяет пять источников, которые он считает основными и на основании которых он строит все свое исследование.

Первым из них является Птолемей, которого Хорсли считает древнейшим источником для реконструкции античной географии Британии. В качестве следующего источника он называет «Itinerarium Antonini». Этот источник Хорсли считает наилучшим из всех и особенно внимательно его использует[2].

Третий источник «Notitia dignitatum utriusque imperii» рассматривается автором как следующий по времени за «Itinerarii Antonini» и следующий за ним по степени полезности для данного исследования.

Хорсли не высоко оценивает свой четвертый источник — анонимного географа из Равенны, о котором Хорсли иронически замечает, что, может быть, главное достоинство этого источника заключается в показе того, как странно могут быть изменены или испорчены географические названия.

---

[1] Хорсли пишет об этом в предисловии: «The third or geographical part, I need not insist on. Ancient geography is as necessary to the right understanding ancient history as modern geography is with regard to modern history» (Praeface, p. IV).

[2] Хорсли так характеризует этот источник: «The next is Antonine whose Itinerary appears to me the most useful of all and must be our surest guide with relation to the places mentioned in it and therefore. I have treated most largely upon it» (p. 355).

Пятый источник — карта Пейтингера в той части ее, которая относится к Британии, привлечена Хорсли «чтобы не опустить ничего, что в какой-либо мере может подтвердить или иллюстрировать эту часть труда».

В первой главе третьей книги Хорсли дает географию Британии по Птолемею. После кратких замечаний Хорсли о Птолемее как источнике идет греческий текст Птолемея по изданию Бертиуса, параллельно с английским переводом Хорсли. После этого автор сравнивает Птолемея как источник для изучения географии римской Британии с «Itinerarium Antonini» и отчасти с «Notitia dignitatum utriusque imperii» и дает общую критику сведений Птолемея по Британии.

Заканчивается глава комментариями Хорсли к каждому из географических названий Британии, употребляемых Птолемеем. Эти комментарии занимают большую часть главы. Географические названия расположены в алфавитном порядке. По объему и содержанию комментарии к отдельным географическим названиям неодинаковы. Иногда Хорсли ограничивается кратким указанием, поясняющим локализацию на карте данного названия, например, «Belisama по положению должно быть Эстуарий близ Ливерпуля при устье реки Мерсей», или еще короче, например, «Eboraucum, Йорк» (т. е. соответствует современному Йорку).

Во многих случаях эти комментарии представляют собою маленькое рассуждение по вопросу о локализации данного древнего географического названия на карте и соответствии его тому или иному современному названию, причем автор сопоставляет данные Птолемея с данными других источников.

К главе приложена карта Британии по Птолемею («Britain according to Ptolemy»). Эту карту Хорсли заимствовал из издания Птолемея, выпущенного в XVI столетии Меркатором.

С картографической точки зрения, беря карту Британии по Птолемею в изображении Меркатора, Хорсли, конечно, поступил правильно.

Во второй главе Хорсли дает географию античной Британии по «Itinerarium Antonini».

Хорсли начинает с замечаний об авторе и времени составления источника. После этих замечаний напечатана по изданию Гэла[1] та часть текста памятника, которая относится к Британии. Далее помещено небольшое исследование о протяженности римских миль в «Itinerarium Antonini». Основная часть этой главы занята исследованием римских дорог в Британии по «Itinerarium Antonini». В этом исследовании автор обращает основное внимание на локализацию на карте географических названий, упоминаемых в «Itinerarium Antonini».

К главе приложена карта «Britania Romana according to Antonin's Itinerary».

На этой карте для каждого античного географического названия, написанного на карте по-латыни, указано соответствующее географическое название XVIII в., написанное по-английски. В тех случаях, когда среди географических названий XVIII в. не оказывалось точного эквивалента для какого-либо названия, упоминаемого в «Itinerarium Antonini», Хорсли указывает ближайшее по месту из числа географических названий XVIII в.

В этих случаях автор прибавляет к названию XVIII в. слово — near (вблизи). Данная глава является самой значительной по объему, в третьей книге.

---

[1] Antonini Iter Britanniarum commentariis illustratum *Thomae Gale* opus posthumum revixit, auxit, edidit *Rogerus Gale*. Londini 1709.

Третья глава представляет собою попытку дать географию Британии по «Notitia Dignitatum».

Эта глава построена по тому же плану, как и две предыдущие: сначала помещен ряд замечаний автора о данном памятнике, далее следует его текст по изданию Панчироли (Panciroli), вместе с английским переводом автора.

После него помещено исследование автора о тех данных, которые можно извлечь из этого документа для географии римской Британии. К главе приложена карта «Britannia Romana according to the Notitia», составленная по тому же методу, как и карта в предыдущей главе.

Четвертая глава посвящена географии Британии по данным так называемого анонима из Равенны. Глава построена по тому же плану, что и предшествующие ей. Карты к ней не приложены.

Последняя, пятая глава написана по просьбе автора Уордом (Ward). Глава дает географию Британии по так называемой карте Пейтингера. Она построена по тому же плану, что и остальные аналогичные ей главы. К главе приложен первый сегмент карты Пейтингера, заимствованный из исторического атласа Ортелия, издания 1624 г.

К своему труду Хорсли приложил хронологическую таблицу исторических событий, имевших место в Британии с 55 года до н. э. по 446 год н. э. и несколько указателей, в том числе и алфавитные указатели названий народов и мест в римской Британии, с соответствующими им английскими названиями XVIII в.: «An index of the Roman names of peoples and places in Britain» и «An index of the modern names of Roman places in Britain».

В истории изучения исторической географии Британии труд Хорсли был безусловно одним из основных этапов. В этом отношении его можно сравнивать с трудом Кемдена.

Как видно из сделанного мною только что краткого обзора содержания работы Хорсли, основной географической задачей автора является определить местонахождение географических объектов римской Британии, упоминаемых источниками, и установить соответствие между древними и современными ему географическими названиями. Вся работа твердо базируется на источниках, в которых автор разбирается с большим уменьем и должной осторожностью. Труд Хорсли высоко оценивается в английской исторической литературе наших дней; так, например, Коллингвуд и Майрс[1] в работе, вышедшей в 1937 г., писали, что труд Хорсли «может рассматриваться как первая и во многих отношениях до сих пор лучшая книга о римской Британии в целом»[2].

Для характеристики состояния исторической географии в XVIII в. стóит остановиться еще на одной работе того времени — «Alsatia Illustrata» Шёнфлина.

Первый том этого фундаментального труда вышел в свет в Кольмаре в Эльзасе в 1751 г., второй же том — через десять лет, в 1761 г. Весь объемистый труд написан на латинском языке. Его автор Даниил Шёнфлин (Daniel Schoeplin, 1694—1771) был профессором истории и элоквенции

---

[1] «Roman Britain and the English settlements by *R. G. Collingwood* and *J. N. L Myres*». Second edition. Oxford, 1937.

[2] *Colligwood* and *Myres*. Указ. соч., стр. 466. Коллингвуд и Майрс называют исследования Хорсли о местонахождении отдельных географических объектов римской Британии «admirable accounts of Roman sites». Они подчеркивают также роль труда Кемдена «Britannia». Называя работу Хорсли первым трудом о римской Британии, они имеют в виду не только его превосходство в научном отношении по сравнению с книгой Кемдена, но и то обстоятельство, что Кемден изучал не только римскую Британию.

в Страсбурге, членом Французской академии надписей и гуманитарных наук, почетным членом Российской академии наук.

Предком «Alsatia Illustrata» Шёпфлина можно считать «Italia Illustrata» Биондо, предком не только по названию, но и по существу.

Между «Italia Illustrata» и «Alsatia Illustrata» были, конечно, промежуточные звенья. Такими промежуточными звеньями были «Britannia» Кемдена и ряд других работ, рассмотренных выше. Благодаря развитию исторической географии за те триста лет, которые отделяют Биондо от Шёпфлина, между предком и потомком получилось весьма значительное различие.

Во введении к своему труду Шёпфлин указывает границы изучаемой территории и дает краткий очерк ее природы. Он описывает горы, реки, в особенности Рейн, говорит о растительном и животном мире, о минеральных богатствах страны. Во введении же дана периодизация истории Эльзаса, положенная автором в основу всей его дальнейшей работы над темой.

Первая книга первого тома носит заглавие «Alsatia celtica». В этой книге автор описывает Эльзас до римского завоевания. По старинной традиции, он начинает с изысканий о происхождении названия изучаемой территории, потом говорит о населявших ее племенах, о делении страны на округа, о ее городах и деревнях. Далее следует описание быта и отчасти социального строя доримского Эльзаса (Alsatiae celto-belgicae mores, по выражению автора). Здесь Шёпфлин описывает внешний вид населения, его одежду, оружие и организацию власти. После этого говорится о религии и языке. Заканчивается первая книга рассказом об исторических событиях в Эльзасе доримской эпохи. К книге приложена карта «Alsatia antiqua usque ad seculum V».

Вторая книга посвящена Эльзасу под властью Рима. Книга делится на шесть частей. Первая из этих частей (sectio prima geographica) представляет собою географический очерк Эльзаса во времена римского владычества. Здесь автор говорит о размещении племен, о городах, о лагерях римских войск, о памятниках римской старины в Эльзасе. Из городов с особенным вниманием рассмотрен Argentoratum (ныне Страсбург). В качестве приложения здесь помещена относящаяся к Эльзасу часть так называемой карты Пейтингера.

Вторая часть данной книги посвящена социальному строю и управлению Эльзаса при римлянах, третья — нравам, культуре и туземной религии, четвертая — распространению христианства.

Пятая часть представляет собою летопись событий в Эльзасе за данный период. В шестой части, названной «Monumenta», приведены рисунки, изображающие эльзасские памятники римской старины, и копии римских надписей, найденных в Эльзасе.

Третья книга первого тома посвящена Эльзасу под властью франкской монархии. Эта книга имеет структуру, сходную с структурой предыдущей книги. К ней приложена карта «Alsatiae Francicae ducatus in pagos et comitatus suos divisus».

Во втором томе автор сначала рассматривает состояние Эльзаса в составе Германской империи. Этому посвящена большая часть тома, которая в свою очередь разделена на две части. Первая из них напоминает по своему построению вторую и третью книги первого тома.

Вторая часть посвящена генеалогии фамилий местной знати. Здесь помещено огромное количество генеалогических материалов.

Заканчивается второй том кратким описанием состояния Эльзаса в составе Франции. Автор, между прочим, приводит список французских администраторов, последовательно правивших Эльзасом, дает картину

деления Эльзаса на субделегатства[1], а также приводит данные о местной знати.

Как видно из сказанного, «Alsatia Illustrata» состоит в основном из двух групп элементов. Первая группа,— это различные факты описательного порядка, характеризующие состояние Эльзаса в каждый из периодов, на которые разделена автором история Эльзаса. Часть этих фактов является географическими, часть не носит географического характера. Другая группа элементов — чисто нарративного и генеалогического порядка.

Четкая периодизация и наличие характеристики изучаемой территории для каждого из установленных автором периодов являются ценной методологической чертой труда Шёпфлина.

* * *

Д'Анвиль был автором не только отдельных статей по частным вопросам исторической географии, о которых уже говорилось выше, но и составил несколько сводных крупных работ по исторической географии.

Первой из таких работ была «Notice de l'ancienne Gaule, tirée de monuments romains», вышедшая в свет в 1760 г. одновременно с картой древней Галлии[2], составленной тем же д'Анвилем.

В предисловии д'Анвиль указывает, что он предпринял данный труд с целью дать комментарий к своей карте древней Галлии. Задачей этого комментария, согласно заявлению самого автора, было объяснить положение на карте каждого из нанесенных на ней географических названий и помочь тем, кто будет пользоваться картой, установить соответствие между античными названиями, нанесенными на карту, и названиями современными, так как нанести на самой карте современные названия, соответствующие античным названиям территорий, невозможно в силу весьма частого несовпадения границ первых и вторых, а во многих случаях и отсутствия современных территориальных названий, соответствующих в какой-либо степени античным названиям территорий галльских племен[3].

Д'Анвиль подчеркивает в предисловии свое намерение писать, насколько только возможно, кратко, уделяя мало места фактам, выясненным исследователями, и останавливаясь дольше лишь на вопросах, требующих выяснения. Д'Анвиль указывает далее, что он останавливается только на моментах чисто географического порядка соответственно с задачей всей работы, не отвлекаясь в сторону. Термин «географический» в данном случае, как и почти всегда у д'Анвиля, означает «картографический». Необходимость в связи с задачами всей работы аргументировать положение на карте каждого нанесенного на ней географического названия побудила автора написать весь труд в форме словаря[4], чтобы

---

[1] В дореволюционной Франции субделегатами назывались местные агенты провинциальных интендантов. См. *Ардашев*. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, т. I, стр. 317—383.

[2] Gallia antiqua ex aevi Romani monumentis eruta.

[3] «On ne connaît point,— пишет д'Анвиль,— de nom actuel de pays qui réponde au territoire des Aedui, des Remi et de beaucoup d'autres peuples. Les Cenomani, qui ont donné le nom au Maine, ne remplissent point cette province, les Atrebates — l'Artois, les Lemovices, au contraire sortent des limites du Limousin». Préface, p. II—III.

[4] «Comme il s'agissait d'entrer en explication sur chacune des positions qui devaient se placer dans la carte, il en a resulté des articles distincts et séparés, qui n'ont pû être rassemblées que dans l'ordre alphabetique pour qu'il fût plus aisé de les consulter chacun en particulier selon le besoin ou la curiosité qui naîtraient de l'inspection du détail de la carte». Préface, p. IV—V.

читателю было удобнее пользоваться книгой при изучении карты. Ради той же цели (лучшей ориентировки читателя по карте) перед каждым отрывком, посвященным тому или иному географическому названию, д'Анвиль указывает широту и долготу места, где находится данный географический объект.

После объяснения структуры книги д'Анвиль дает в предисловии краткую характеристику источников, положенных в основу всей работы, подчеркивая особую ценность римских итинерариев и карты Пейтингера, которую д'Анвиль обычно называет «Table Théodosienne». Отмечая исключительную ценность этого рода источников для реконструкции географии античной Галлии, д'Анвиль останавливается на способах их использования, кратко излагая при этом свои соображения о значении для исторической географии изучения древних мер расстояний.

Заканчивая предисловие, д'Анвиль указывает различие в объекте изучения между своей работой и аналогичным трудом Адриана Валуа. Д'Анвиль подчеркивает, что он ограничил свою задачу изучением географии Галлии в эпоху римского владычества. Валуа же, напротив, по мнению д'Анвиля, сосредоточил свое основное внимание прежде всего на географии средневековой Франции, эпохи от падения Римской империи до XII в.

Таким образом, совпадение объекта изучения оказывается лишь частичным. Подчеркивая свое уважение к Валуа, которого он называет первоклассным ученым (savant du premier ordre) и великим человеком, д'Анвиль указывает, что он подверг изучению большее число объектов, чем Валуа, и что в ряде случаев он не согласен с Валуа. Эти заключительные слова предисловия д'Анвиля, который в шестидесятых годах сам был уже очень уважаемым специалистом в вопросах античной географии и который, по свидетельству своего биографа[1], был весьма высокого мнения о собственных научных заслугах, ясно показывают насколько был велик авторитет Валуа в области исторической географии спустя восемьдесят пять лет после выхода в свет его труда.

Значительная по объему (754 стр.) книга д'Анвиля базируется прежде всего на использовании карты Пейтингера и итинерариев (в особенности так называемого Итинерария Антонина), источников, которые д'Анвиль особенно ценил. Чрезвычайно широко д'Анвиль пользуется данными Птолемея, Страбона, Плиния, Цезаря, Мелы, Аммиана Марцеллина, Тацита, Сидония Аполлинария, в значительно меньшей — сочинениями других древних авторов. Широко использованы им «Notitia provinciarum Galliae» и «Notitia Dignitatum Imperii». Он отчасти привлекает к исследованию и памятники раннего средневековья, в особенности Григория Турского.

Иногда д'Анвиль использует также и надписи, заимствуя их из сборника Грутера. Д'Анвиль хорошо знаком со всем тем довольно уже значительным количеством работ, посвященных вопросам исторической географии Франции или так или иначе затрагивающих эти вопросы, которые накопились к его времени. Мы встречаем у него ссылки на общие работы и на частные исследования по отдельным вопросам исторической географии типа тех, о которых уже говорилось выше. Особенно много ссылок на Валуа.

В начале работы д'Анвиль поместил краткий (28 стр.) очерк, посвященный Галлии в целом. Остановившись вкратце в начале этого очерка на

---

[1] См. «Éloge de d'Anville», составленный Дасье («Oeuvres de d'Anville, publiées par M. de Manne», t. I).

истории знакомства римлян с Галлией и на делении ее во времена Цезаря на три основные части, которые различались по языку населения и по характеру управления и быта, д'Анвиль главное свое внимание в этом очерке сосредоточил на истории деления Галлии на провинции. Проследить эту историю он считал необходимым в качестве введения[1] к кратким очеркам, посвященным отдельным географическим названиям и расположенным в алфавитном порядке. По своей структуре эти очерки в основном похожи на соответствующие очерки Валуа. Как и Валуа, д'Анвиль занят прежде всего вопросами топографического и номенклатурного порядка, но в то же время он, как и Валуа, нередко или называет события, связанные с данным городом или местностью, или указывает значение в античной Галлии данного племени, или города, или отмечает какую-нибудь особенность исторического или географического порядка. Например, говоря о Страсбурге, он отмечает, что Аммиан Марцеллин называет этот город «barbaricis cladibus nota», так как император Юлиан около него нанес поражение алеманам. Он также отмечает, что согласно «Notitia Dignitatum Imperii» в этом городе был основан арсенал (fabrica armorum omnium). Под словом Massilia (Марсель) рассказано, между прочим, что согласно Помпонию Меле Марсель, будучи основан в чужой земле, далеко от Греции, тем не менее сохранил греческие обычаи и образ жизни и что согласно Страбону римляне ездили в Марсель изучать греческую литературу. Как и Валуа, д'Анвиль анализирует данные источников и мнения своих предшественников о каждом географическом названии. Если он обладал по сравнению с Валуа тем преимуществом, что жил значительно позднее и мог, следовательно, использовать труды гораздо большего количества предшественников, то, согласно оценке такого специалиста конца XIX в. в вопросах исторической географии древней Галии, как Дежарден, д'Анвиль сильно уступал Валуа в знании источников. С другой стороны, д'Анвиль применил в этой работе свой метод анализа данных итинерариев, метод, позволивший ему с бо́льшим успехом, чем кому-либо до него, локализовать на карте положение географических объектов. В вопросах микротопографии изучаемых объектов он безусловно сумел в ряде случаев достигнуть очень интересных результатов. В качестве примера можно привести его выводы о территории Марселя в древности.

Второй из крупных сводных работ д'Анвиля по исторической географии древнего мира была «Géographie ancienne abregée», вышедшая в трех маленьких томиках in-12 в 1768 г. Первый том посвящен Европе, второй — Азии, третий — Африке.

В предисловии к своей работе, определяя целевую установку ее, д'Анвиль ставит перед собою задачу, аналогичную той, разрешать которую по отношению к античной Галлии он хотел в труде, посвященном исторической географии Галлии.

Он, как и в «Notice de la Gaule ancienne», стремится дать прежде всего комментарий к своим картам по истории древнего мира, а также создать труд, который бы объединял их и побуждал к их изучению[2].

Сводный труд Целлариуса «Notitia Orbis Antiqui», по мнению д'Анвиля, не может заменить предпринимаемую им работу, так как, несмотря на почтенные качества сочинения Целлариуса, крупным недостатком этого

---

[1] Д'Анвиль формулирует это в следующих выражениях: «Je crois avoir rempli l'objet que je m'étais proposé dans ce préliminaire de faire connaître les provinces qui ont partagé la Gaule, depuis les premières notions qu'on a eues de cette grande et célèbre contrée jusqu'à la chute de l'Empire Romain en Occident», p. 26.

[2] «Géographie ancienne abregée», Préface, p. 16.

сочинения является отсутствие у его автора достаточного знакомства с современной географией[1].

После предисловия, помещено перечисление карт д'Анвиля, пользоваться которыми необходимо при чтении каждой из частей его труда[2].

Структура всей работы иная, чем структура только что рассмотренной выше книги по географии древней Галлии. После очень короткого введения, в котором автор бегло говорит о расширении территории, знакомой античным авторам, начиная со времен Гомера и кончая временами Римской империи, о названиях ветров и об античных мерах расстояний и античных названиях морей, д'Анвиль излагает древнюю географию по странам, а внутри стран по тем крупным областям, на которые их делили античные писатели.

Описание идет в географическом порядке. Страны Европы описаны с запада на восток, начиная с Испании и кончая Европейской Сарматией, страны Азии — начиная с Малой Азии и кончая Индией и Китаем. Африку д'Анвиль описывает, начиная с Египта и следуя далее сначала в южном и затем в западном направлении.

Чтобы дать представление о характере всего труда, достаточно остановиться на описании д'Анвилем древней географии какой-либо одной страны, например, Галлии.

Д'Анвиль начинает с описания границ Галлии, отметив при этом, что современная ему Франция не включает всю территорию античной Галлии.

Далее идет краткое описание главных рек Галлии. Относительно каждой из них указано направление течения и перечислены притоки. Для каждой реки приведены как античное латинское название, так и современное автору французское. И далее все географические названия во всей работе всегда даются по-латыни и по-французски. После рек названы главнейшие горы и мысы.

Этим и ограничиваются данные о физической географии Галлии. Затем автор говорит, что «три больших народа — кельты, бельги и аквитанцы, различные по языку и по обычаям, занимали все пространство Галлии. Д'Анвиль указывает территорию каждого из них и после этого переходит к очень краткому рассказу о причинах появления римлян в Галлии, о завоевании ее.

Далее следует история административного деления Галлии под римским владычеством. Сначала автор указывает территорию четырех провинций—Aquitania, Belgica, Lugdunensis, Narbonensis, на которые разделил Галлию император Август, упомянув при этом об основании римской колонии Lugdunum (современный Лион), от которой получила свое название одна из этих провинций. Это деление д'Анвиль кладет в основу своего описания Галлии с учетом дальнейшего дробления провинций, число которых в течение четырехсот лет увеличилось до семнадцати. Он указывает, что церковное деление страны, отличающееся чрезвычайной устойчивостью, сложилось на базе древнего административного

---

[1] О Целлариусе д'Анвиль писал: «Dans son travail, quoique très éstimable, le defaut d'une connaissance suffisante de la géographie actuelle prive l'ancienne géographie de la lumière dont elle a souvent besoin pour être fixée, pour être même redressée en plus d'un endroit». Там же, стр. 17.

[2] Для чтения тома, посвященного Европе, названы: «Orbis veteribus notus», «Orbis Romanus», «Gallia antiqua», «Tabula Italiae antiquae geographica», «Graeciae antiquae specimen geographicum»; для тома, посвященного Азии,— «Orbis Romanus», «Orbis veteribus notus», «Asiae quae vulgo Minor dicitur, et Syriae, tabula geographica» и карта Палестины; для тома, описывающего Африку,— «Aegyptus antiqua», «Orbis Romanus» и «Orbis veteribus notus».

деления и впоследствии мало менялось: территориям церковных диоцезов соответствуют территории древних cités.

Само описание каждой провинции д'Анвиль строит следующим образом: он указывает дальнейшее распадение каждой из них; относительно каждой из этих позднейших провинций он сообщает сведения о границах и о населявших провинцию галльских племенах; при этом он обычно называет главные города этих племен, например, описывая позднейшую провинцию Narbonensis prima, выделившуюся из Provincia Narbonensis, д'Анвиль пишет, что ее территория примерно соответствует Лангедоку его времени, что большая часть ее была занята двумя значительными племенами: Volcae Arecomici, жившими ближе к Роне, и Volcae Tectosages, обитавшими ближе к Гаронне; один из наиболее значительных городов Галлии — Nemausus, ныне Nîmes — находился в земле первых, Tolosa — современная Тулуза — в земле вторых.

Относительно некоторых городов автор приводит краткие данные для их характеристики, например, о Массилии (современный Марсель) он пишет: «Массилия, основанная греками, выходцами из Фокеи, приморского города Ионии приблизительно за шестьсот лет до христианской эры, сохранила в чужой земле свой образ жизни и отличалась как своим вкусом к греческой литературе, так и своей торговлей, которая сделала ее достаточно могущественной, чтобы основать отдельные поселения на соседних берегах» («Oeuvres de d'Anville», t. II, p. 56).

Д'Анвиль обычно сообщает происхождение позднейших названий, а также перемену названий в античную эпоху, например, он указывает, что название современной ему французской провинции Руссильон происходит от Русцино, главного города галльского племени сардонов, населявших эту территорию в древности, что город Куларо в честь императора Грациана был переименован в Грацианополь, а это название перешло впоследствии в Гренобль.

Данная работа д'Анвиля написана популярно, с небольшим числом ссылок на источники. Этим последним она отличается от «Notice de la Gaule ancienne».

Таким образом, обе работы по существу представляют собою как бы текстовые приложения к историческим картам д'Анвиля, с той лишь разницей, что «Notice de la Gaule ancienne» — это научный справочник к карте древней Галлии, предназначенный для специалистов, а «Géographie ancienne abregée» это — популярный комментарий к совокупности основных карт д'Анвиля по древней истории, совокупности, которая составила исторический атлас д'Анвиля; этот комментарий предназначен для более широкого круга читателей.

Д'Анвилю еще принадлежит сочинение по исторической географии средневековой Западной Европы «États formés en Europe après la chute de l'Empire Romain en Occident», напечатанное в 1771 г. одновременно с картой этой территории в описываемую им эпоху, озаглавленной «Germanie, France, Italie, Espagne, Isles Britanniques dans un âge intermediaire de l'ancienne géographie et de la moderne».

«Весьма распространенным является обыкновение рассматривать в географии только два объекта, весьма удаленные друг от друга — древность и современность»,— такими словами начинает д'Анвиль данную работу. Он указывает далее, что «рассматривать географию только с этих двух точек зрения значит оставлять без внимания очень важный промежуточный период и переходить неожиданно (brusquement) без связи от первого объекта ко второму». Своим желанием восполнить этот пробел д'Анвиль мотивирует опубликование данной работы. «Выпустив в свет сочинение по античной географии,— пишет он,— я думал, что я не могу

лучше послужить обществу, как выпустить вслед за тем работу, в которой рассматривается формирование в Европе государств, возвысившихся (qui se sont élevés) на развалинах Западной Римской империи» («Averstissement», p. IV).

Чтобы не писать «большого тома», которого требуют изыскания на такую тему, д'Анвиль ставит перед собой задачу ограничиться лишь наиболее важными фактами.

В краткой вводной главе автор бегло говорит о падении Западной Римской империи. «Великие изменения, которые произвело в Европе разрушение (le renversement) этой империи, представляют собою род революции в географии» (présentent dans la Géographie une espèce de revolution, p. 10), говорит д'Анвиль, резюмируя содержание этой главы. Он начинает свой обзор с Германии: «так как Западная Римская империя была разрушена германскими народами». В этой же главе он говорит и о полабских славянах, поляках и чехах. Следующие главы посвящены Франции, Италии, Испании и Британии. Книга написана в том же популярном стиле, что и «Géographie ancienne abregée».

Хотя мы и встречаем в ней ряд ссылок на источники, ее все же нельзя назвать исследованием. Ее задача быть комментарием к карте средневековой Европы д'Анвиля, и не случайно названия глав в ней соответствуют перечню стран в заглавии карты. В своем рассказе о формировании государств средневековой Европы д'Анвиль стремится объяснить те средневековые названия частей крупных стран Западной Европы, которые он нанес на свою карту, и дать читателю представление о местоположении и границах каждой такой территории. Соответственно этому построены и его очерки по каждой стране, например, очерк по Франции состоит из краткого введения и параграфов, озаглавленных «Austrasia», «Neustria et Francia», «Britannia», «Aquitania», «Vasconia», Gothia vel Septimania», «Burgundia», «Provincia».

Д'Анвилю принадлежит еще маленький очерк о происхождении и территориальном росте Российской империи («L'Empire de Russie, son origine et ses accroissements», Paris, 1772), а также аналогичный очерк о Турции.

Оба эти очерка не снабжены специальными картами. В предисловии автор рекомендует при чтении пользоваться его картами современных ему Европы и Азии.

Оба очерка не имели какого-либо научного значения уже в момент их составления и отмечаются здесь лишь для характеристики широты научных интересов д'Анвиля в области исторической географии.

Подводя итог всему сказанному о некартографических работах д'Анвиля по исторической географии (он называл такие работы «ouvrages par écrit»), можно сделать общий вывод: его сводные работы тесно связаны с его историческими картами. Они являются комментарием к историческим картам автора.

б) Историческая картография в XVIII веке

В XVIII столетии историческая картография сделала значительные успехи по сравнению с ее состоянием в предыдущем веке. Однако эти успехи были не столько следствием достижений самих историко-географических исследований, сколько были результатом прогресса картографии как таковой. Реформаторы картографии в XVIII столетии — выдающиеся картографы XVIII в.— Гийом Делиль[1] (Guillaume de l'Isle,

[1] Гийом Делиль был представителем целой «династии» географов. Его отец Клод Делиль (1644—1720 гг.) был историком и географом. Географами были и два младших

1675—1726) и д'Анвиль (Jean Baptiste Bourguignon d'Anville,1697—1782) работали как в области современной им, так и в области исторической картографии. Их достижения в области исторической картографии являются непосредственным следствием того нового, что они внесли в картографическую науку.

Сансоны, равно как и голландские картографы XVII столетия, при составлении географической основы карт мало принимали во внимание данные астрономических наблюдений о географическом положении тех мест, для которых такие наблюдения были сделаны в то время. В частности, они игнорировали ту сводку астрономических данных указанной категории, которая была сделана итальянским астрономом Риччоли (Riccioli, 1598 — 1671) в его сочинении Geographia et Hydrographia reformata, хотя первое издание этой книги вышло в свет в Болонье еще в 1661 г., т. е. за шесть лет до смерти Николая Сансона, основателя «картографической династии» Сансонов. В научной литературе XVII в. указанный недостаток карт Сансона был неоднократно отмечен, в частности, таким авторитетным деятелем в области картографии, как Кассини, но Сансоны не внесли исправлений в свои карты, продолжая переиздавать их со старой основой.

Но одно использование всех накопившихся астрономических наблюдений не решало проблемы. Во-первых, астрономические определения долгот были сделаны с весьма различной степенью точности, во-вторых, одних астрономических определений в силу их весьма ограниченного в то время числа было недостаточно для составления карт. Карты, составленные на основании одного лишь некритического использования астрономических данных, получались даже хуже старых карт, построенных на основе одних лишь данных о расстояниях, содержавшихся в маршрутных описаниях древних и новых.

Гийом Делиль выработал метод комбинированного использования данных астрономических наблюдений с данными итинерариев.

Положив в основу своих карт данные точных астрономических наблюдений, он проверял при помощи итинерариев сомнительные астрономические данные, и кроме того, дополнял материалами итинерариев данные астрономических наблюдений, получая таким путем систему географических точек, необходимых для составления карты. Сопоставляя для одних и тех же мест данные точных астрономических определений с материалами итинерариев, он установил истинные размеры древних и современных ему мер расстояний в их отношении к градусу. Таким образом, Гийом Делиль выработал новый метод составления карт и этим произвел крупную реформу в картографии.

Выпущенные им в 1700 г. карты частей света и карта мира резко отличались своей географической основой от всех карт, составленных картографами того времени. Разница между картами Сансонов и Делиля, по выражению Николая Фрере, младшего современника и друга Делиля, автора ряда ценных трудов как исторических, так и географических, бросалась в глаза при первом взгляде[1] (см. письмо Фрере о Делиле в «Mémoires» Нисерона, vol. X, part. 2, p. 26). Преувеличение протяженности материков по долготе было Делилем устранено. В частности, Средиземное

брата Гийома Делиля, работавшие часть жизни в России: Иосиф Николай (1688—1768), астроном и географ, работавший в русской Академии наук в 1727—1747 гг. и вернувшийся во Францию, и Людовик (1690—1741), приехавший в Россию вместе с братом и умерший во время Камчатской экспедиции. О работе Иосифа Николая и Людовика Делилей в России см. *В. Ф. Гнучева*. Географический департамент Академии наук XVIII в. М., 1946.

[1] Фрере упрекал Сансонов в игнорировании астрономических определений широт и долгот.

море, длина которого резко преувеличивалась еще со времен Птолемея, получило на картах Делиля свои настоящие размеры.

Естественно, что и на исторических картах, составленных Делилем, он пользовался своей картографической основой, что делало положение по отношению друг к другу всех наносимых им на карту географических объектов гораздо более правильным, чем то было на картах его предшественников.

Метод Делиля был значительно усовершенствован впоследствии д'Анвилем, который довольно резко критиковал карты Делиля за недостаточно умелое использование данных итинерариев.

По античной истории Делиль опубликовал следующие карты[1]:

1. Orbis veteribus noti tabula, 1714 г.
2. Italia antiqua, 1715 г.
3. Regiones Italiae mediae, 1711 г.
4. Sicilia antiqua, 1714 г.
5. Theatrum historicum occidentale ad annum Christi 400, 1705 г.
6. Teatrum historicum orientale ad annum Christi 400, 1705 г.
7. Graeciae antiquae tabula nova (на двух листах, южная часть 1707 г., северная — 1708 г.).
8. L'Empire et les conquêtes d'Alexandre le Grand, посмертное издание 1731 г., выпущенное Бюатели.

Делиль составлял также карты по истории средних веков[2]. Из них были напечатаны:

1. Карта Византийской империи в правление Константина Багрянородного — Imperii Orientalis et circumjacentium regionum sub Constantino Porphyrogeneta descriptio, 1712.
2. Civitas Lencorum — Diocèse de Toul, 1707.
3. Carte pour servir à la lecture de l'histoire des croisades, посмертное издание 1764 г.

Неопубликованными остались четыре карты по истории средневековой Франции, составленные Делилем для короля Людовика XV, которого Делиль обучал географии в годы его малолетства[3].

Гораздо больше, чем Делиль, сделал для исторической картографии другой выдающийся картограф Франции XVIII в.—д'Анвиль, бывший не только автором гораздо более значительного количества исторических карт, чем Делиль, но и автором ряда историко-географических исследований, весьма ценившихся современниками как во Франции, так и вне ее. В своей работе по составлению карт д'Анвиль значительно усовершенствовал метод Делиля в части использования данных маршрутных описаний. Д'Анвиль широко использовал как данные античных итинерариев, так и всякого рода вообще материал о расстояниях между географическими пунктами. Таким образом, в своей работе по картографии д'Анвиль использовал историко-географические источники для составления современных карт, а современные данные для составления исторических карт. В его работах историческая картография служила опорой для современной картографии, и наоборот.

В своей работе «Mémoire sur la géographie ancienne» д'Анвиль, говоря об этом основном исходном моменте своей методологии, указы-

---

[1] Список составлен мною частично de visu, частично по книге: *Lenglet du Fresnoy*. Mémoire pour étudier la géographie, 1768, vol. I.

[2] Список составлен по названной книге *Lenglet du Frensoy* и по известному библиографическому указателю XVIII в. по французской исторической литературе «Bibliothèque, historique de la France», Лелона, 1768, vol. I.

[3] «Bibliothèque historique de la France par Lelong», 2-е изд., vol. I, № 396 и 414.

вает, что для составления верных географических карт надо иметь астрономические наблюдения широты и долготы каждого пункта, изображенного на карте, но так как данных надо настолько много, что даже нельзя надеяться когда-либо их иметь полностью, приходится восполнять недостаток астрономических наблюдений данными итинерариев[1].

В другой своей работе — «Considérations générales sur l'étude et les connaissances que demande la composition des ouvrages de géographie», произведении, написанном в глубокой старости и являющемся как бы методологическим итогом его картографической деятельности, д'Анвиль кратко останавливается в начале работы на истории картографии во Франции. Отметив заслуги Николая и Гийома Сансонов, д'Анвиль подчеркивает, что они не учитывали астрономических определений широт и долгот и благодаря этому допустили в своих картах ошибки, устранение которых было заслугой Делиля. Но он в свою очередь допустил неправильности вследствие неумелого и недостаточного использования данных итинерариев и других историко-географических источников[2].

Чрезвычайно умелое использование этих данных в соединении с данными астрономических определений широт и долгот позволило д'Анвилю сделать в картографии дальнейший очень крупный шаг вперед.

Д'Анвиль отличался исключительным уменьем анализировать и комбинировать всевозможные данные о расстояниях между географическими объектами. Это требовало затраты огромного количества скрупулезного труда. Кроме чрезвычайного трудолюбия, д'Анвиль проявил в этой работе острую проницательность и исключительный дар угадывания истины при наличии сомнительных и неопределенных данных.

Метод работы д'Анвиля в области общей картографии наиболее наглядно можно проследить на примере его карты Италии, которую он снабдил обширным комментарием о приемах ее составления в специальной работе, опубликованной им в 1744 г. под заглавием «Analyse géographique de l'Italie».

Как видно из этой работы, при составлении своей карты Италии д'Анвиль использовал данные античных итинерариев и античных авторов о расстояниях между городами и другими географическими объектами. Эти данные он связал с имевшимися в его распоряжении астрономическими наблюдениями широт и долгот. В своем комментарии он подчеркивает, что при этой работе надо проверять античные данные, сопоставляя их один с другим (стр. 19), и что основной трудностью является правильное понимание античных мер расстояний, без тщательного изучения которых работа не могла бы быть выполнена.

К заключительной главе книги, носящей заглавие «Résultat de cette analyse géographique par rapport à la forme et à l'étendue de l'Italie, en faisant un parallèle des cartes de M. M. de l'Isle et Sanson, avec celle qui est ici donnée», приложена карта Италии, на которой сопоставлены общий контур страны и положение крупных населенных пунктов, полученные д'Анвилем в результате его работы, с контуром страны и положением тех же населенных пунктов на картах Италии Делиля и Сан-

---

[1] «La seule manière de faire de bonnes cartes de géographie serait d'avoir la position de chaque lieu c'est à dire sa latitude et sa longitude par des observations astronomiques: mais il s'en faut infiniment que l'on ait ainsi toutes les positions et l'on ne peut presque jamais espérer de les avoir. On supplée à ce defaut par les distances itineraires, d'un lieu à un autre que l'on trouve marquées dans les auteurs».

[2] См. «Oeuvres de d'Anville, publiées par M. de Manne», t. I, p. 7—9.

сона. Это сопоставление наглядно показывает серьезные искажения, допущенные не только Сансоном, но и Делилем.

В частности, Делиль и в особенности Сансон преувеличивали площадь, занимаемую Италией. По подсчету д'Анвиля Делиль преувеличил площадь Италии на территорию, равную половине площади Ломбардии; Сансон преувеличил ее еще в большей степени[1].

Через несколько лет после опубликования д'Анвилем его карты Италии папа Бенедикт XIV приказал измерить протяжение градуса меридиана в своих владениях и проложить ряд триангуляций через всю Папскую область от Адриатического до Тирренского моря[2].

Триангуляционные измерения полностью подтвердили правильность карты д'Анвиля.

Из 210 карт, составленных д'Анвилем в течение его длительной картографической деятельности, к современной ему географии относилось около половины. Кроме уже упомянутой карты Италии, наиболее значительными из них являются карты обоих полушарий, опубликованные им в 1761 г., и карты частей света: карта Северной Америки, напечатанная в 1746 г., карта Южной Америки, опубликованная в 1748 г., карта Африки, вышедшая в свет в 1749 гг., карта Азии, шесть листов которой опубликованы в 1751—1753 гг. и составленная последней в данной серии карта Европы на шести листах, напечатанных в 1754—1760 гг. Из более ранних работ д'Анвиля по современной ему географии крупное значение имел атлас Китая[3], который был издан в 1735 г. в качестве пятого тома к четырехтомному труду иезуита Дюгальда (du Halde) «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise».

Атлас состоит из 42 карт. На первой из них, озаглавленной» «Carte la plus générale de toutes», представлена вся территория, находившаяся под властью Китая, включая Тибет. Вторая — «Carte générale de la Chine» является картой территории собственно Китая. Далее следуют карты провинций Китая. После них помещена «Carte générale de la Tartarie chinoise, на которой представлены китайский Туркестан, Монголия и Маньчжурия. За нею идут карты отдельных частей этой обширной территории. После них помещена карта Кореи, за которой следуют карта всего Тибета и ряд карт его отдельных частей. Последней помещена карта тех мест Сибири от Тобольска до Камчатки, через которые проезжал Беринг,— «Cartes des pays traversés par le cap-ne Beering depuis la ville de Tobolsk jusqu'à Kamchatka».

Из карт этого атласа карты провинций Китая и частей его внешних владений составлены иезуитами-миссионерами по поручению китайского императора Канси на месте в Китае на основании разного типа съемок и только отредактированы для атласа д'Анвилем. Сводные карты, т. е. карта всех владений Китая, карта собственно Китая, карта «китайской Татарии», и карта Тибета составлены д'Анвилем на основании карт, составленных иезуитами, с привлечением отчасти и других материалов.

---

[1] *Д'Анвиль.* Указ. соч., стр. 286. Д'Анвиль исчислял по своей карте площадь Италии в 10 650 тыс. кв. французских льё, по карте Делиля в 13 200 тыс. кв. льё, по карте Сансона — 14 100 тыс. кв. льё.

[2] «Éloge de d'Anville par Dacier», p. IX.

[3] Полное заглавие атласа: «Nouvel Atlac de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Tibet, contenant les cartes générales et particulières de ce pays ainsi que la carte du royaume de Corée. La plupart levées sur les lieux par l'ordre de l'Empereur Cang - Hi, avec toute l'exactitude imaginable soit par les pères Jesuites Missionaires à la Chine, soit par les Tartares du Tribunal des Mathématiques et toutes revuës par les mêmes Pères. Redigées par M-r d'Anville, géographe ordinaire de Sa Majesté très chretienne». A la Haye. 1737.

Географические карты д'Анвиля, принимая во внимание малое количество астрономических определений географического положения мест, какое было в его время, отличались большой точностью, не только относительно общих контуров материков и стран, как карты Делиля, но и в деталях. Это вызывало удивление современников, а также представителей следующего поколения, которым приходилось пользоваться картами д'Анвиля, и доставило ему репутацию выдающегося картографа своего времени, репутацию, прочно сохраняющуюся у историков географии вообще и историков картографии в частности.

Известный мореплаватель XVIII в. Бугенвиль (de Bougainville, 1729—1811) подчеркивал высокое качество картографического изображения д'Анвилем района Молуккских островов[1].

Рипо (Ripault), который сопровождал Бонапарта в Египет, в своем описании исторических памятников Египта пишет, что д'Анвиль был предметом постоянного удивления ученых, сопровождавших экспедицию, за ту точность, с какой на его карте Египта было показано расположение древних городов этой страны[2].

Международное признание научных заслуг д'Анвиля как картографа выразилось в избрании его почетным членом Российской академии наук[3]. Это свое звание члена нашей Академии наук он всегда указывал при своем имени как автора на своих картах. Петербургская академия наук послала ему на отзыв выпущенный ею в 1745 г. Атлас Российской империи[4]. Характерно для метода д'Анвиля, что в своих замечаниях на этот атлас он высказывает сожаление, что при составлении атласа не использованы античные данные о берегах Черного моря.

Через пятьдесят два года после смерти д'Анвиля, в 1834., де Манном было предпринято переиздание его трудов[5].

Александр Гумбольдт, которого географы обычно считают основоположником географии XIX в.[6], в своем сочинении «L' Asie centrale», опубликованном в 1843 г., называет д'Анвиля великим географом, которому, несмотря на малое количество астрономических определений географического положения мест, удалось благодаря крайней тщательности, с какой он собирал итинерарии, и проницательности, с какою он их использовал, «дать большей части своих работ ту полноту, которая по справедливости удивительна до сегодняшнего дня».

В 1897 г. историк картографии Волькенхауер (Wolkenhauer) характеризовал д'Анвиля как «географа божьей милостью»[7], труды которого были «делающими эпоху» (epochenmachend) в истории картографии.

---

[1] Бугенвиль писал: «La carte qui m'a donné le plus de lumière, est celle de M. d'Anville, publiée en 1762; j'ai vérifié pour mes observations l'exactitude de ses positions et des gisements qu'il donne aux parties de cette navigation».

[2] Рипо писал: «Ce savant géographe a été l'objet continuel de notre étonnement. Par la seule force de la critique il a assigné avec une justesse qui nous confondait de surprise la position des villes anciennes, celle des villages et le cours des canaux d'un pays qu'il n'avait jamais visité».

[3] В 1749 г. см. Список членов имп. Академии наук 1725—1907. Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908, стр. 124.

[4] См. выше, стр. 181.

[5] «Oeuvres de *d'Anville*, publiées par M. De Manne». Издание осталось неоконченным. Вышло два тома.

[6] В том числе и французские географы, обычно не склонные преувеличивать роль немецких ученых. См. *Martonne*. «Traité de géographie physique», vol. I, chap. 1.

[7] «Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, XIX Jahrgang. Heft 10, Wien 1897, статья «J. B. Bourguignon d'Anville. Ein Erinnerungsblatt zu seinem 200 Geburtstage» von Dr Wolkenhauer.

В 1913 г. в своей хронологии картографии Волькенхауер повторил эту характеристику почти в тех же выражениях[1].

Метод д'Анвиля требовал тщательного изучения мер длины как древних и средневековых, так и современных, как мер длины европейских, так и мер длины азиатских народов. Изучению этих мер д'Анвиль посвятил целый ряд работ. Он был далеко не первым ученым, ставившим перед собою эту задачу. Составители карт, равно как и специалисты по исторической географии в XVI—XVIII вв., необходимо сталкивались с этой проблемой. Различного рода попытки разрешения ее в различном объеме делались и Кемденом, и Клювером, и авторами ценных поправок к данным Клювера по географии античной Италии Лукою Хольстениусом[2] и другими учеными. Из предшественников д'Анвиля в этом отношении особенно следует отметить упомянутого выше итальянского астронома Риччоли, который в своем труде «Geographiae et Hydrographiae reformatae libri XIII», уже названном выше, II книгу «De mensuris intervallorum» посвятил сравнительному изучению мер длины древних и позднейших, а III книгу «De itineribus mensurandis et locorum insignium itinerariis» посвятил итинерариям и их употреблению для составления карт.

Но д'Анвиль уделил этому вопросу очень большое внимание, проявил в его разрешении исключительный талант и хорошо умел связывать полученные результаты с практическими нуждами картографии. Изучению мер длины д'Анвиль посвятил ряд работ. Основной из этих работ была «Traité des mesures itinéraires anciennes et modernes», напечатанная в 1769 г.[3].

В предисловии к этому труду он подчеркивает значение знания протяженности различных мер расстояний для составления географических карт[4]. В самом исследовании он подверг сравнительному изучению меры длины и расстояний древних Египта, Персии, Иудеи, Греции, Рима, Галлии, а также меры расстояний Франции, Германии, России, Великобритании, Испании, Индии и Китая.

Этот труд как бы подводит итоги многолетней работе д'Анвиля по изучению мер расстояний различных времен и народов. Этой сводной работе предшествовал ряд частных исследований, посвященных мерам расстояний. Важнейшим из них было сочинение «Traité des mesures itinéraires des Romains et de la lieue galloise», опубликованное в одной книге вместе с работой аббата Belley «Eclaircissements géographiques sur l'ancienne Gaule», вышедшей в свет еще в 1741 г.

Но д'Анвиль был не только выдающимся картографом. Он в то же время был и автором ряда историко-географических исследований, о которых уже говорилось выше. По своему характеру эти исследования были тесно связаны с историческими картами, составленными д'Анвилем. Это обстоятельство также не могло не сказаться положительным образом на качестве его исторических карт.

Первыми историческими картами, составленными д'Анвилем, были карты, вычерченные им к книге аббата Лонгерю, вышедшей в свет в 1722 г.

---

[1] Aus der Geschichte der Kartographie напечатано в Deutsche Geographische Blätter. Bd. XXXVI. 1913.

[2] *Luca Holstenius*. Annotationes Geographicae in Italiam Cluverii. Romae, 1665.

[3] Она переиздана де Манном в I томе Собрания сочинений д'Анвиля.

[4] «On ne saurait douter,— пишет д'Анвиль в названной работе,— que dans la composition des ouvrages de géographie il ne soit de la plus grande importance d'être instruit sur les mesures itinéraires. Si les observations astronomiques procurent l'avantage de fixer quelques points principaux, c'est un grand détail des distances particulières qui met à leur place un nombre infini de lieux dans les intervalles de ces points».

Об этом труде уже шла речь выше. Д'Анвиль составил к книге Лонгерю девять карт, из них две исторические: «La Gaule ancienne», на которой дана Галлия времен Римской империи с разделением на провинции, и «La France ancienne», на которой дана Франция во времена Каролингов. Интересно отметить, что на этой последней карте особым шрифтом указаны области распространения двух основных ветвей французского языка — «langue d'oui» и «langue d'oc».

Д'Анвиль составил также целый атлас исторических карт к трудам Роллена[1]— к «L'histoire ancienne» и к «L'histoire romaine».

К «Древней истории» Роллена д'Анвиль составил тринадцать карт.

1. Le monde connu des anciens (Мир, известный древним).

На этой карте дана значительно меньшая часть островной Азии, чем обычно давали на аналогичной карте предшественники д'Анвиля. Д'Анвиль подчеркнул эту особенность особой надписью на самой карте. В этой надписи д'Анвиль указывает, что он ограничился изображением лишь тех территорий, относительно которых, как можно думать, древние располагали некоторыми сведениями.

Общий контур материков на карте отражает тот прогресс, которого достигла в XVIII в. картография благодаря трудам Делиля и д'Анвиля.

К карте приложено четыре масштаба: в римских милях, в греческих стадиях, в персидских парасангах и во французских льё.

2. Carte de l'Egypte et de Libye (Карта Египта и Ливии).

Долина Нила изображена до Большого Катаракта (который показан несколько южнее 23 параллели).

Меридово озеро показано в двух местах. В одном случае дан его контур и сделана надпись: Меридово озеро, согласно общепринятому мнению. Во втором случае место озера обозначено звездочкой и сделана надпись, что здесь должно было находиться Меридово озеро, согласно Диодору и Геродоту. Масштабы даны в римских милях, в греческих стадиях, в египетских сшенах (schoenes) и во французских льё. И дальше на всех картах обычно дано по нескольку масштабов, выраженных обязательно во французских льё, римских милях и греческих стадиях, с добавлением в некоторых случаях мер изображаемой на карте страны, подобно тому, как это сделано на данной карте.

3. Carte de la partie de l'Afrique où les Carthaginois on étendu leur domination (Карта части Африки, где карфагеняне распространили свое господство).

На карте, кроме африканских владений Карфагена, даны также юго-восточная Испания, острова Балеарские, Сардиния, Сицилия, Мальта и некоторые мелкие острова Средиземного моря, а также небольшая часть Южной Италии. Особой врезкой даны окрестности Карфагена.

4. Carte pour l'expédition d'Annibal, sur laquelle son passage en Italie et les principales de ses marches sont tracés (Карта похода Ганнибала, на которой нанесены его путь в Италию и основные его маршруты).

Путь Ганнибала показан, начиная с юго-восточного побережья Испании. Те географические пункты, около которых происходили сражения Ганнибала с римлянами (например, Тразименское озеро, Канны), показаны на карте, но нет указаний, что в этих местах были битвы.

5. Carte pour servir à l'intelligence de l'histoire des Assyriens, Medes, Babyloniens et Perses (Карта для понимания истории ассирийцев, мидян, вавилонян и персов).

На карте изображена Передняя Азия до Инда, Средняя Азия, Кавказ, южная часть северного побережья Черного моря и часть Египта.

---

[1] Об исторических трудах Роллена см. ниже, стр. 255—258.

Интересно отметить, что на месте теперешнего Самарканда помещена Мараканда[1], Аму-Дарья показана впадающей в Каспийское море, Аральское море, контур которого показан неправильно, названо «озером, в которое в настоящее время впадают Окс и Яксарт».

6. La Grèce (Греция).

На карте даны Греция, Крит и побережье Малой Азии вместе с островами, расположенными между ними. На севере изображено фракийское побережье и Пропонтида до Босфора.

7. Carte de la Grande Grèce y compris la Sicilie (Карта Великой Греции, включая Сицилию).

К заглавию карты мелким шрифтом сделана приписка, что ее задача показать греческие колонии, театр военных действий Пирра в Италии и карфагенян в Сицилии.

8. Plan de Syracuse ancienne et moderne (План древних и современных Сиракуз).

Кроме обозначения стен, храмов, замков и т. п., на плане надписями, которые часто представляют собою целые фразы в стиле тех, что помещал на своих картах Ортелий, указаны места, где происходили те или иные события в истории Сиракуз, например: «колонна, воздвигнутая Марцеллом, она существует еще и теперь»; «болота, которые были причиной чумы (la peste) в лагере карфагенян; из их армии в 300 тыс. человек едва 20 тыс. вернулись в Карфаген в 338 году до Р. Х.»; «в 413 году до Р. Х. знаменитая морская битва между афинянами и сиракузянами. Первые, хотя и были более многочисленны, были побеждены, они имели 86 кораблей, а их противник 74» (надпись в северной части Сиракузской гавани); «улица могил, где Цицерон нашел могилу Архимеда», и т. п.

9. Carte pour l'expédition de Cyrus le jeune et la retraite de dix-mille Grecs (Карта похода Кира Младшего и отступления десяти тысяч греков).

Путь, которым шли войска Кира Младшего и путь отступления десяти тысяч греков обозначен на карте линией.

10. La Grèce et les pays plus septentrionaux jusqu'à Danube (Греция и более северные страны до Дуная).

11. Carte de l'expédition d'Alexandre (Карта похода Александра).

На карте показаны страны, завоеванные Александром Македонским, обозначен путь армии Александра и основанные им «Александрии», в их числе и построенная в Средней Азии.

12. L'Orient (Восток).

На карте даны Египет, Палестина, Сирия и Месопотамия.

Среди городов, наряду с Вавилоном и Ниневией, помещен Багдад.

13. L'Asie Mineure et le Bosphore (Малая Азия и Босфор).

Кроме Малой Азии, показаны Черное и Азовское моря с их побережьем. Номенклатура на карте античная. Но в то же время показаны Азов (рядом с ним Танаис), Одесса и Эривань.

К «Римской истории» Роллена д'Анвиль составил четырнадцать карт.

1. Environs de Rome (Окрестности Рима).

На карте дана территория до Вэльсинского озера на северо-западе, Помптинских болот на юго-западе и области Марсов на северо-востоке.

Показаны идущие из Рима дороги. На карте дано шесть масштабов: в древнеримских милях по 756 туазов[2] каждая, в современных римских милях по 764 туаза каждая, в греческих стадиях протяженностью 8 ста-

---

[1] «Главный город согдийцев на Зарявшане по местоположению и названию (Мараканды) приблизительно соответствовал современному Самарканду» (*В. В. Бартольд* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 2).

[2] Туаз — мера длины во Франции эпохи старого порядка, равная 1,949 метра.

дий в одной миле, в стадиях, употребляемых Полибием, протяженностью в $8^1/_3$ стадий в одной миле, в стадиях, которыми пользуется Страбон для окрестностей Рима, протяженностью в 10 стадий в одной миле, французских льё по 2500 туазов. Кроме того, приложены еще масштабы в футах римских, греческих и французских.

Эти масштабы наглядно показывают, с какой скрупулезной тщательностью д'Анвиль изучал протяженность мер длины различных стран. Эта тщательность позволила ему сравнительно очень точно определять расстояния между географическими объектами.

2. Plan de Rome ancienne (План древнего Рима).

В подзаголовке указано, что план основан на исследованиях Пирро Лигорио, Алессандро Донати и Фамиано Нардини и что чертеж приведен в соответствие с точным планом Рима, опубликованным Доменико де Росси во время понтификата папы Иннокентия XII.

Повидимому, с целью лучшей ориентации в плане для современников на нем в добавление к античным объектам нанесены некоторые позднейшие, а именно обозначены стены вокруг Ватикана, отмечено место храма св. Петра (Emplacement de la Basilique de St. Pierre), указана современная стена квартала Трас-Тевере. Кроме того, о стене императора Аврелиана сказано, что она является и современной стеной, и относительно Moles Adriani отмечено, что в настоящее время — это замок св. Ангела.

3. L'Italie proprement dite (Италия в собственном смысле слова).

На карте дана Италия без Цизальпинской Галлии и Сицилии.

4. Carte de l'Italie proprement dite, où l'objet principal a été de tracer les voies romaines (Карта Италии в собственном смысле слова, где основной задачей было нанесение римских дорог).

Карта изображает приблизительно ту же территорию, что и предыдущая. На карте нанесены девять главных римских дорог (Via Appia, via Latina, via Valeria, via Flaminia и др.).

5. Plan du combat naval d'Ecnome (План морской битвы при Экноме).

По существу — это не план в прямом смысле этого слова, а рисунок. Нарисовано море, на котором изображено расположение римских и карфагенских кораблей перед сражением. Изображения кораблей схематизированы и типизированы, представляя собою скорее условные знаки, чем изображения реальных кораблей. Римские корабли и карфагенские изображены одинаковыми знаками. Каждая эскадра обозначена цифрой, значение которой объяснено в условных обозначениях.

6. Carte pour l'expédition d'Annibal sur laquelle son passage en Italie et les principales de ses marches sont tracés.

Данная карта является простой перепечаткой карты под тем же заглавием, помещенной в атласе к «Древней истории» Роллена.

7. La Sicilie (Сицилия).

На карте, кроме обычной нагрузки, показаны римские дороги в Сицилии.

8. Plan de la ville de Siracuse (План города Сиракуз).

Представлена значительно меньшая площадь, чем на плане Сиракуз, составленном для «Древней истории» Роллена. Способ изображения также несколько иной. Надписи в виде длинных фраз отсутствуют. Но зато нарисованы городские стены и башни и некоторые другие сооружения.

На море нарисованы два античных корабля — один, идущий на парусах, другой — на веслах. Рисунок кораблей напоминает аналогичные рисунки для украшения карт в атласе Ортелия.

9. L'Espagne (Испания).

10. La Grèce proprement dite (Греция в собственном смысле слова).

Врезкой в уменьшенном масштабе дана карта Иллирии и Македонии. Конфигурация берегов Греции дана гораздо лучше, чем на картах XVII столетия, и несколько лучше, чем на карте древней Греции Делиля, отражая, таким образом, как общий прогресс картографии в XVIII в., начало которому положено Делилем, так и улучшения, внесенные лично д'Анвилем.

11. La Gaule Cisalpine (Цизальпинская Галлия).

Кроме обычной нагрузки, на карту нанесены римские дороги.

12. La Numidie (Нумидия).

На карте изображены Нумидия и римская провинция Африка. Карта является гораздо более детальной, чем та часть карты карфагенских владений, составленной д'Анвилем к «Древней истории» Роллена, на которой изображена та же территория, что и на данной карте. Д'Анвиль поместил на самой карте небольшое указание об этом. В этом указании он, между прочим, отмечает, что почти все детали им взяты из античных итинерариев, которые дают чрезвычайно обильные сведения о данной территории. На карту нанесены римские дороги, что, по мнению д'Анвиля, уточняет положение населенных пунктов. On est même à portée de juger de l'influence que l'usage des anciens Itinéraires peut avoir dans la construction du cops de l'ouvrage, добавляет д'Анвиль.

13. Carte de la Province Romaine dans la Gaule (Карта Римской провинции в Галлии).

Эта карта, как и следующая за нею карта всей Галлии, вычерчена д'Анвилем к написанному Кревье продолжению «Римской истории» Роллена, умершего, не окончив всего труда.

На карту, кроме обычной нагрузки, нанесены римские дороги и границы территорий, которые были заняты каждым из племен провинции.

14. La Gaule dans son état au temps de la conquête par Caesar (Галлия во времена ее завоевания Цезарем).

На карте, подобно тому как это делал Сансон, обозначены границы территорий, которые занимали галльские племена. Кроме названий племен и их главных городов, упоминаемых у Цезаря, автор нанес на карту также и те названия племен с их главными городами, которые хотя и не названы Цезарем, но, по мнению автора, вероятно, существовали в это время. Такие названия отмечены особым значком на самой карте.

В шестидесятых годах д'Анвиль опубликовал ряд карт по античной истории, явившихся итогом его историко-географической работы.

Первой из них была карта древней Галлии — Gallia antiqua ex aevi Romani monumentis eruta, опубликованная в 1760 г. одновременно с трудом автора «Notice de l'ancienne Gaule» (об этом труде см. выше).

За ней последовала в 1762 г. карта античной Греции «Graeciae antiquae specimen geographicum». В 1763 г. была издана общая обзорная карта мира, известного древним, «Orbis veteribus notus», а также карта западной части Римской империи «Orbis Romani pars occidentalis».

В следующем, 1764 г. появилась карта восточной части Римской империи («Orbis Romani pars orientalis»), а также карты античной Италии («Tabula Italie antiquae»), Малой Азии с Сирией в древности («Asiae, quae vulgo Minor dicitur et Syriae tabula geographica») и древней Индии («Ad antiquam Indiae geographiam tabula»).

В 1765 г. д'Анвиль выпустил в свет карту греко-римского Египта вместе с обширным трудом по географии этой страны («Mémoires sur l'Égypte ancienne et moderne»). В 1767 г. им была издана карта Палестины.

Совокупность этих карт была картографическим итогом историко-географического изучения античного мира учеными эрудитской школы XVII—XVIII столетий.

По истории средневековой Европы д'Анвиль опубликовал карту под заглавием «Germanie, France, Italie, Espagne, Isles Britanniques dans un âge intermediaire de l'ancienne géographie et de la moderne». Эта карта тесно связана с его книгой «États formés en Europe après la chute de l'Empire Romain en Occident», вышедшей в свет в 1771 г., о которой уже говорилось выше. Карта была издана как в виде вклейки в книгу, так и отдельно. Масштаб на данной карте выражен в мерах римских, французских, испанских, немецких и английских.

На карте представлены страны Западной Европы. На карте не указано, на какой период средневековья она составлена. Судя по номенклатуре, задачей карты является дать географию Европы раннего средневековья.

В области исторической географии исторические карты и историко-географические исследования д'Анвиля, по своему характеру весьма тесно связанные с его историческими картами, оценивались современниками и последующими учеными так же высоко, как и его работы в области общей картографии.

Исторические карты, составленные д'Анвилем в шестидесятых годах, были в конце XVIII в. переизданы в Нюрнберге в виде атласа под заглавием «Atlas Antiquus Danvillianus». Атлас состоял из двенадцати карт.

I. Orbis veteribus notus, scillicet Europa, Asia, Africa.

II. Orbis Romani pars occidentalis: Hispania, Britania, Germania, Gallia utraque, Italia, Sicilia, Sardinia, Corsica, Vindelicia, Rhaetia, Noricum, Pannonia, Illyricum.

III. Gallia.

IV. Italia, Sicilia, Sardinia, Corsica.

V. Orbis Romani pars orientalis: Sarmatia Europea, Taurica, Chersonesus, Moesia superior et inferior, Macedonia, Thracia, Graecia, Asia Minor, Syria, Palaestina, Arabia, Aegyptus.

VI. Graecia.

VII. Asia Minor et Syria.

VIII. Palaestina.

IX. Euphrates et Tigris.

X. India.

XI. Aegyptus.

XII. Tabula medii aevi. Germania, Francia, Italia, Hispania, Insulae Britannicae.

В качестве пособия при пользовании атласом была выпущена переделка труда д'Анвиля «Géographie ancienne abregée» под заглавием «Handbuch der alten Erdbeschreibung von d'Anville zum Gebrauch seines Atlas Antiquus in 12 Landkarten verfasst».

Первое издание вышло в Нюрнберге в 1784—1785 гг. под редакцией Гуммеля (Hummel), второе — в 1796 г. под редакцией Геерена (Heeren, 1760—1842), одного из очень крупных и передовых немецких историков того времени.

В 1798 г. там же, в Нюрнберге, из большого атласа был сделан маленький для школьного употребления «Atlas Antiquus Danvillianus Minor, in usum scholarum ex maiori forma auctoris curatior redactus et editus». К этому школьному атласу был выпущен сокращенный учебник древней географии для школ.

Труд д'Анвиля «Géographie ancienne abregée» был переведен на английский язык в 1791 г. под заглавием «Compendium of Ancient

Geography». Еще раньше, в 1752—1753 гг., две из карт атласа, составленного д'Анвилем к «Древней истории» Роллена, а именно план Сиракуз и план отступления десяти тысяч греков, были изданы на русском языке в переведенной на русский язык «Древней истории» Роллена[1].

В следующем—девятнадцатом — столетии Барентен де Моншаль (Barentin de Montchal) выпустил двухтомный труд «Géographie ancienne et historique, composée d'après les cartes de d'Anville». Первое издание этой книги вышло в 1807 г., второе—в 1834 г.[2]. В предисловии ко второму изданию, объясняя структуру своего труда, автор писал: «Pour la partie géographique j'ai suivi d'Anville dont tout le monde connaît l'exactitude et la profonde érudition. Je ne pouvais pas choisir un meilleur guide»[3].

Авторитет д'Анвиля в области античной географии был для автора названного специального труда по этой географии настолько непререкаем, что он и не помышляет о каких-либо поправках к данным д'Анвиля. Положив в основу своей работы карты д'Анвиля, Барентен де Моншаль ставит своей задачей лишь добавить к данным д'Анвиля «описание нравов и обычаев различных народов, продукции их территорий, их торговли и т. д.» (Préface, p. 1), а также рассказать о достойных упоминания событиях, имевших место в тех странах, городах и местностях, о которых идет речь, чтобы, «таким образом, география, мифология и история оказывали друг другу взаимную помощь» (там же). В начале первого тома своей работы Барентен де Моншаль перепечатал Éloge de M. d'Anville Дасье, впервые напечатанный в 1802 г.

Такой выдающийся представитель критического метода XIX в. в разработке вопросов римской истории, как Нибур (1776—1831), ценил историко-географические труды д'Анвиля чрезвычайно высоко.

В лекциях по древней географии и народоведению, читанных им в Боннском университете в 1827/28 учебном году («Vorträge über alte Länder-und Völkerkunde an der Universität zu Bonn gehalten», изданы в 1851 г.), Нибур характеризовал д'Анвиля в таких выражениях: «В XVIII столетии один человек без написания многочисленных книг, больше путем картографии, чрезвычайным образом, гигантскими шагами продвинул вперед древнюю географию,—это великий д'Анвиль, один из наиболее выдающихся гениев мне известных. Я не могу пропустить ни одного случая отметить величину заслуг этого человека, он своими разъяснениями вопросов древней географии оказал выдающиеся услуги как исторической филологии, так и древней истории»[4].

Далее Нибур подчеркивает исключительное уменье д'Анвиля оценивать имевшиеся в его распоряжении материалы. «Кто знает состояние географии до д'Анвиля, — говорит Нибур, — тот не может не удивляться этому человеку».

---

[1] Но к русскому переводу древней истории Роллена были приложены только эти две карты д'Анвиля. Остальные исторические карты, приложенные к этому переводу, были заимствованы у Целлариуса.

[2] Эта книга пользовалась значительным успехом у читателей первой половины XIX в., см. «Biographie Universelle», изд. Мишо, слово «Barentin de Montchal».

[3] «В географической части я следовал д'Анвилю, точность и глубокая эрудиция которого всем известны. Я не мог выбрать лучшего руководителя».

[4] «Im achtzehten Jahrhundert hat ein Mann ohne viele Bücher zu schreiben mehr durch Darstellungen ausserordentlich dazu beigetragen die alte Geographie mit Riesenschritten zufördern, es ist der grosse d'Anville einer der glänzendsten Genies, das ich kenne. Ich kann keine Gelegenheit vorübergehen lassen die Grösse dieses Mannes anzuerkennen, er gehört durch seine Aufschlüsse über die alte Länderkunde eben so sehr der historischen Philologie als verdienstvoller Mann an, wie der alten Geschichte». «Vorträge über alte Länder-und Völkerkunde an der Universität zu Bonn gehalten» von B. G. Niebuhr. Berlin. 1851, S. 9.

Из трудов д'Анвиля Нибур больше ценил работы по географии древней Галлии и древнего и нового Египта и ниже ставил его «Géographie ancienne abregée». Но особенно высоко он ставил его исторические карты, которые он называл «непревзойденными».

В 1853 г., приветствуя в стенах Берлинской академии наук выдающегося специалиста середины XIX в. по картографии античного мира Генриха Киперта, Август Бёк (Boeckh), знаток истории древней Греции[1], желая подчеркнуть научные заслуги Киперта, назвал его «наш новый д'Анвиль»[2].

Несколько иную оценку дал трудам д'Анвиля в конце XIX в. Эрнест Дежарден, автор четырехтомной работы «Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine» (t. 1, 1876). Дежарден подчеркивает заслуги д'Анвиля как картографа; он признает исключительно ценной его работу «Analyse géographique de l'Italie» и говорит о нем даже как о создателе картографической науки, что уже, конечно, является несомненным преувеличением. Дежарден считает, что наиболее ценные работы д'Анвиля принадлежат к области математической картографии. Относя в эту область и его многочисленные изыскания о древних мерах расстояний, Дежарден указывает, что в области исторической картографии д'Анвиль обнаружил «редкий здравый смысл» в обсуждении спорных вопросов и «удивительный топографический инстинкт» при определении соответствия между античными и современными географическими названиями.

Но Дежарден невысоко ставит д'Анвиля как историка, считая его в этом отношении стоящим значительно ниже его предшественника Валуа. Дежарден отмечает наличие ошибок в истолковании текстов античных авторов в книге д'Анвиля, посвященной географии древней Галлии, что, по мнению Дежардена, «свидетельствует о весьма несовершенном знании античности».

По мнению Дежардена, трудно понять почти неограниченный авторитет, которым пользовались работы д'Анвиля в области древней истории, и малое значение, которое придавалось его трудам в области географии и картографии.

Из всего сказанного выше нетрудно видеть, что мнение Дежардена о слабом авторитете д'Анвиля у географов совершенно не соответствует действительности. Что же касается авторитета д'Анвиля в вопросах исторической географии, то этот авторитет был следствием и его достижений в области исторической географии, достижений, тесно связанных с его работой в области общей картографии. Этих достижений не отрицает и Дежарден. В области исторических источников д'Анвиль, конечно, не был исключительным знатоком типа Валуа. Но его знания не были настолько недостаточны, чтобы парализовать или даже серьезно ослабить те стороны его дарования и научной подготовки, которые позволили ему стать выдающимся деятелем в области исторической картографии.

Таким образом, значение д'Анвиля в истории развития исторической географии заключается в его исторических картах. Их оценка уже была дана выше.

---

[1] Август Бёк (Boeckh, 1785—1867) известен трудами по истории античной Греции. Его сочинение «Die Staatshaushaltung der Athener» (изд. 1-е 1817 г., 3-е изд. 1886 г.) было крупным трудом по истории государственного хозяйства Афин.

[2] См. «Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik. Hrsg. von Umlauft Wien XIX Jahrgang. 1897, Heft 10, Berühmte Geographen, Naturforscher und Reisende. J. B. Bourguignon d'Anville. Ein Erinnerungsblatt zu seinem 200 Geburstage von Dr. Wolkenhauer.

в) Историческая география в общеисторических работах XVIII века

В XVIII в. в общих работах по истории историческая география не только продолжала занимать то место, которое она заняла в предыдущем столетии, но даже несколько расширила и укрепила свои позиции. Это одинаково можно сказать и о работах чисто эрудитского характера и о тех произведениях эрудитов, на которых в той или иной степени сказалось уже влияние новых идей, выдвинутых веком «Просвещения». Это можно сказать как об ученых трудах, дающих историю страны или какой-либо значительной территории, так и о сборниках исторических источников. Конечно, как и в XVII столетии, в XVIII в. не каждое историческое произведение, дающее общий очерк истории страны или крупной ее части, непременно содержало те или иные элементы исторической географии, изучаемой страны или территории, но обычно указанные элементы все же имеются. Историческая география, ставшая в XVII в., так сказать, органической частью сводных исторических работ, продолжает оставаться ею и в XVIII столетии.

В качестве примеров можно привести ряд видных исторических работ эрудитской школы того времени и выдающиеся собрания источников. Начну с последних. В XVIII столетии наиболее выдающимися собраниями исторических источников, так сказать, общего, не специального характера были два многотомных собрания: «Rerum Italicarum Scriptores» Муратори и «Recueil des Historiens des Gaules et de la France» бенедиктинца Буке.

Оба эти собрания снабжены картами. Кроме того, «Recueil des Historiens des Gaules et de la France» содержит, подобно собранию Дюшена, также и систематически подобранную коллекцию памятников историко-географического характера.

Муратори в первом томе своего собрания, вышедшем в свет в 1723 г., поместил карту античной Италии (Italiae Antiquae Tabula), составленную по его поручению одним из его сотрудников.

Этой карте, напечатанной в начале тома, предпослано небольшое обращение ее автора к читателю (ad lectorem de tabula geographica).

В этом обращении автор карты, с одной стороны, обосновывает необходимость историко-географических знаний для историка, с другой — кратко излагает методологические принципы, которыми он руководился при составлении карты.

К десятому тому собрания Муратори, напечатанному в 1727 г., приложена составленная тем же автором карта Италии эпохи раннего средневековья «Tabula Italiae medii aevi graeco-langobardico — francici». Вместе с картой в десятом томе помещен принадлежащий перу автора карты обширный трактат «De Italia medii aevi dissertatio chorographica pro usu tabulae Italiae graeco-langobardico — francicae». Главной задачей этого трактата было обосновать карту с научной стороны. Попутно автор бегло говорит также и о научном значении исторической географии. Как взгляды автора на историческую географию (а эти взгляды, безусловно, разделял и сам Муратори), так и методика составления этих карт представляют несомненный интерес для историка исторической географии.

Как в первом, так и в десятом томе подчеркивается необходимость историко-географического изучения истории средневековой Италии. В первом томе автор пишет, что изложение исторических событий без показа историко-географической обстановки не может дать правильного представления об этих событиях (obscura nimium ac enervis videtur). В десятом томе такая точка зрения объявлена общим мнением всех ученых,

которые, по образному выражению автора, «признают историю без исторической географии слепой и изувеченной» (caecam mutilamque).

В первом томе дано обоснование этого взгляда применительно к истории средневековой Италии.

Без помощи исторической географии (nisi geographia duce), по мнению автора, нельзя исследовать движение войск и историю разрушенных варварами славных городов, от которых едва уцелели названия.

В силу упадка культуры средневековые авторы писали по большей части весьма неумело и не давали описания местности, где происходили события. Поэтому при чтении этих авторов «иногда войска кажутся появившимися из туч, если их рассказ не получает дополнения из необходимых данных географии».

Вследствие употребления средневековыми авторами то древних, то средневековых географических названий создается путаница, которую может устранить только историческая география (oboritur confusio, quam sola geographiae manuductio sustulerit).

Без историко-географических знаний исследователю «очень трудно не блуждать чрезмерно в самой нашей Италии как в лабиринте». При помощи же исторической географии историк может как бы иметь перед глазами те места, где происходили сражения, располагались лагери, может понять природную обстановку, в которой развертывались исторические события,— оценить возможности, которые предоставляло море, препятствия, которые создавали горы и леса, и измерить длину и трудности путей.

К этим аргументам автор добавляет еще один. Он указывает, что за годы, протекшие со времени классической древности, изменилась сама природа Италии и море как будто под влиянием падения Римской империи отступило от несчастных берегов, опустошенных огнем и мечом, поэтому теперь можно видеть, как места, где в древности были гавани, бороздит плуг и там желтеют нивы; а многие города и развалины вилл, которые некогда омывались морем, ныне отстоят от него на значительное расстояние[1].

Высказывания автора о значении исторической географии в историческом исследовании показывают его взгляд на содержание этой ветви исторического знания. Задачу исторической географии он видит, во-первых, в локализации на карте географических названий прошлого, в определении соответствия между новыми и старыми географическими названиями и, во-вторых, в выяснении географической обстановки, в какой протекали исторические события.

Автор подвергает критике карту древней Италии Целлариуса, находя в ней ряд ошибок. Лучшей из всех существующих он признает карту Италии Гийома Делиля. Автор подчеркивает достижения Делиля в картографии, обнаруживая при этом полное понимание заслуг Делиля в этой области. Сущность метода Делиля автор видит в том, что Делиль при составлении карт сочетал использование данных древних римлян о расстояниях между отдельными пунктами с данными астрономических наблюдений о географическом положении мест[2]. Автор считает поэтому, что при

---

[1] «Hic accedit quod aliam etiam ab ipsa natura Italia nostra mutationem accepit: varius enim a primaevo illo nunc maris ambitus, quasi everso Romanorum imperio fugerit infelicia litora ferro flammisque vastata; unde veterum navalia portusque aratro nunc sulcari et segete flavescere urbes plurimas et villarum rudera, quas pelagus olim alluebat latissimo intervallo distantes aspicimus». *Muratori*. Rerum Italicarum Scriptores, t. I. Ad lectorem de tabula geographica.

[2] «De l'Isle qui veteres Romanorum mensuras ad geographiam pertinentes cum astronomicis observationibus locorum distantiam determinantibus comparavit, utrasque sibi exacte respondere animadvertit». *Muratori*, Rerum Italicarum Scriptores, t. I. Ad lectorem de tabula geographica.

составлении картографической основы карты древней Италии следует предпочесть новые карты старинным картам[1]. Но, высоко оценивая карту Делиля, автор считает ее недостаточно подробной, так как, благодаря малому масштабу, Делиль по недостатку места был вынужден опустить многие крайне необходимые для историка пункты.

В силу этого автор дает свою карту античной Италии. В основу ее были положены все известные автору астрономические определения географического положения мест, данные античных итинерариев и карта Делиля, которая была для автора руководством во всех затруднительных случаях.

Отношение автора к Делилю показывает высокий авторитет, которым последний пользовался в первой четверти XVIII столетия.

В конце обширного комментария к карте Италии эпохи раннего средневековья автор подчеркивает кропотливость и трудность проделанной им работы по составлению этой карты. Такая задача, по мнению автора, еще не ставилась учеными и составление карты Италии этой эпохи встречается с тысячами трудностей: «В густом тумане средневековья едва мерцает свет данных писателей и грамот, могущий верно направить перо к цели».

Бенедиктинец Буке в предисловии к вышедшему в 1738 г. первому тому своего «Recueil des Historiens des Gaules et de la France» заявил, что впереди материалов, относящихся ко времени царствования каждой из правивших страной династий, будут помещены карты территории Франции при данной династии[2].

В первом томе помещена карта Галлии, вычерченная Робером де Вогонди (Gilles Robert de Vaugondy), преемником фирмы Сансонов. В основу карты, согласно указанию в самом заглавии[3] ее, положены материалы Сансонов с исправлениями, предложенными Буке и известным специалистом XVIII в. по исторической географии Франции Лёбёфом. Фрере, один из крупнейших историков Франции XVIII в., бывший также автором ряда географических работ, в своем докладе в Академии надписей и гуманитарных наук указывал, что автор карты также принял во внимание карту Делиля, но умолчал об этом (см. «Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles lettres», t. VII, доклад Фрере — Des mesures des Itinéraires Romains avec celles qui ont été prises géometriquement par Mrs. Cassini dans une partie de la France). Это умолчание, вероятно, надо объяснять той завистью к успехам Делиля, которая была свойственна представителям фирмы Сансонов.

На карте дано деление Галлии на 17 провинций. На полях карты дана схема истории ее административного деления в годы римского владычества. В пятом томе, с которого начинаются материалы, относящиеся к эпохе Каролингов, напечатана карта империи Карла Великого, составленная тем же Робером де Вогонди. В первом томе историческим материалам предпослан вводный очерк, характеризующий Галлию. В этом очерке говорится о происхождении галлов, об их языке, религии, нравах, обычаях и т. п. В конце этого очерка дана история административного деления Галлии под властью Рима.

---

[1] «Cum igitur ex novis hisce observationum argumentis geographia procul dubio emendationem accepit Italiam antiquam exhibere volentibus, recentiorum tabulae nobis erant antiquioribus praeferendae». *Muratori*. Указ. соч., t. I. Ad lectorem de tabula geographica.

[2] «Il y aura au commencement de chaque race une carte géographique pour représenter les Etats que nos rois possédaient» (p. XI).

[3] Карта названа «Description des Gaules, tirée des cartes imprimées et manuscrites des S-rs Sanson, corrigée sur les remarques de Dom Bouquet Bénédictin et sur les dissertations de M. Lebeuf, chanoine d'Auxerre par le S-r Gilles Robert, géographe ordinaire du roi».

Начинаются материалы первого тома с данных историко-географического порядка. Сначала напечатаны описания Галлии из сочинений Страбона и других античных географов. После этого помещены относящиеся к Галлии части таких документов, как «Itinerarium Antonini», «Notitia dignitatum Imperii» и т. п.; в их числе напечатана и «Notitia Provinciarum et Civitatum Galliae». К данному тому приложена также относящаяся к Галлии часть так называемой карты Пейтингера.

После сочинений античных географов и других материалов историко-географического порядка идут надписи из сборника Грутера, за ними сочинения историков, после них произведения философов, поэтов и т. д.

Таким образом, как и в собрании Дюшена, у Буке, историко-географические материалы, помещенные в начале собрания, играют роль введения ко всему собранию. Дальнейший шаг вперед по сравнению с Дюшеном состоит в наличии у Буке исторических карт. В собрании Дюшена карт не было, несмотря на то, что сам Дюшен был не только историком, но и географом. Он имел звание королевского географа и был автором описания Франции «Les antiquités et recherches des villes, chateaux et places, plus remarquables de toute la France».

От собраний источников перейдем к исследованиям историков-эрудитов XVIII в. «Histoire des Gaules et des conquêtes des Gaulois depuis leur origine jusqu'à la fondation de la monarchie française» бенедиктинца Мартена (Dom Jacques Martin, 1684 — 1751), продолженная после смерти Мартена другим бенедиктинцем, Брезильяком (Dom Jean François de Brezillac), является довольно типичным произведением эрудитской школы[1]. Около двух третей второго тома этого труда посвящено вопросам исторической географии Галлии. В этом томе помещен обширный (он занимает стр. 58—422) «Dictionnaire topographique des Gaules». По своей структуре и содержанию словарь похож на «Notitia Galliarum» Валуа и другие аналогичного порядка издания, родоначальником которых является еще «Thesaurus Geographicus» Ортелия.

Размеры статей этого словаря — от нескольких строк до нескольких страниц. Подавляющая масса слов, включенных в словарь, — это географические названия, хотя встречаются и термины не географического порядка, как, например, cité, civis Romanus и т. п. Относительно каждого географического объекта прежде всего приводится античное и современное (если он существовал в XVIII в.) название и указывается его местонахождение. Кроме того, о более значительных городах, реках и племенах помещены данные, могущие характеризовать эти географические объекты; например, сказано о роли племени эдуев в Галлии и об их отношении к Риму, рассказана история г. Лиона в годы римского владычества и отмечено, чем он тогда славился; в сравнительно более подробном очерке о г. Марселе говорится о его управлении, о его греческой культуре и о том, что римляне ездили туда учиться.

Словарь составлен как на основании изысканий Валуа, д'Анвиля[2] и других эрудитов, так и на основании собственных исследований авторов.

Словарю предпосланы «Observations sur la géographie et topographie des Gaules» и краткий очерк истории административного деления Галлии при римлянах.

В «Наблюдениях над географией и топографией Галлии» внимание автора занято главным образом тремя группами вопросов: во-первых, разъяснением значения галло-римских терминов, имеющих отношение к административному делению и географии Галлии, например, civitas, pagus и т. п.:

---

[1] Первый том издан в 1752 г., второй — в 1780 г.

[2] На Валуа и д'Анвиля особенно много ссылок.

во-вторых, вопросами истории названий городов и переводом некоторых кельтских слов, обычных в окончаниях названий городов (dunum, magus и т. п.); в-третьих, разбором некоторых особенно трудных случаев в определении местонахождения географических объектов, упоминаемых в источниках.

Ко второму тому приложена большая и подробная карта древней Галлии[1]. Карта составлена основным автором данного труда Мартеном и вычерчена его сотоварищем по монашеской конгрегации и ордену Ноэлем.

Кроме этой, так сказать, основной карты ко всему труду, в первом томе имеются три карты на специальные темы: карта древнейших народов Италии[2], в главе первой, в которой говорится о происхождении древних народов Италии, карта древнего населения Иллирии и придунайских стран[3] в главе о галлах в этом районе и карта древнейшего населения Испании[4] в специальном экскурсе о древнейшем населении этой страны. На этих трех картах на картографическую основу, заимствованную у д'Анвиля, нанесены данные о размещении племен древних Италии, Иллирии и Испании, согласно изысканиям самого автора труда.

В качестве второго примера можно взять известный коллективный многотомный труд конгрегации мавристов «Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa»[5], первый том которого вышел в 1715 г.. «Христианская Галлия, разделенная на церковные провинции» представляет собою подробную историю французской церкви.

История церкви изложена по архиепископствам, т. е. в географическом разрезе. Само изложение построено в типично эрудитском духе с резким преобладанием внешних фактов. В основу его положены хронологические списки иерархов французской церкви, весьма тщательно составленные. История каждого архиепископства построена по одной и той же схеме. Сначала коротко говорится о возникновении архиепископства и основных моментах в его истории. Потом идет детальная история архиепископства, изложенная по архиепископам, которые им правили. Далее идет история каждого монастыря архиепископства, причем сначала рассказывается об основании монастыря с указанием земельных пожалований монастырю феодалов-основателей, а затем история монастыря излагается по настоятелям. История прекративших существование монастырей предшествует истории сохранившихся. В конце каждого тома приложено много исторических документов.

В начале первого тома к качестве вводных документов ко всему монументальному изданию напечатаны известная «Notitia provinciarum et civitatum Galliae» и список архиепископств и епископств Франции начала XVIII в.

История каждого архиепископства сопровождается картой данного архиепископства. Карты, автором которых был известный гравер первой

---

[1] Ее заглавие «Gallia antiqua. Ad mentem D. Jacob Martini Benedictini, Congregationis S-ti Mauri a D. J. B. Noel eiusdem congregationis Monacho delineata». Anno Incarnationis MDCCLIV.

[2] «Italiae typus ab Anvillaeo delineatus Eiusdem antiquissimi coloni ad mentem Jacobi Martin, monachi Benedictini».

[3] «Illyrici et adjacentium Istro flumini regionum typus ab Anvillaeo delineatus. Sedesque priscorum quorundam colonorum ad mentem D. Jacobi Martin, monachi Benedictini».

[4] «Iberiae sive Hispaniae typus ab Anvillaeo delineatus. Eiusque antiquissimi coloni ad mentem D. Jacobi Martin, monachi Benedictini».

[5] Я имею здесь в виду так называемое editio nova, начатое под руководством Дени де Сент Март, а с IV тома выходившее под коллективной редакцией конгрегации мавристов.

половины XVIII в. Нолен, занимавшийся также составлением карт[1], вычерчены по одному и тому же плану. На них обозначены резиденции прежние и современные архиепископа и епископов, монастыри мужские и женские, сохранившиеся и прекратившие существование, места, где собирались церковные соборы, и т. п. Таким образом, на картах была показана как современная, так и историческая география учреждений французской церкви и мест, связанных с ее историей.

В качестве третьего примера можно привести известную работу аббата Дюбо (Dubos, 1670—1742) «Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules», первое издание которой вышло в 1734 г. Дюбо — очень крупная и оригинальная фигура среди историков XVIII в. Как об этом уже было сказано выше, он — историк-мыслитель. В названной работе он до некоторой степени предвосхитил концепцию историка второй половины XIX в. Фюстель де Куланжа о путях развития общественного строя древней Франции. В другой своей работе, «Réflexions critiques sur la poésie et la peinture», Дюбо изложил ряд оригинальных мыслей о путях развития искусства.

Но в то же время Дюбо безусловно принадлежал к школе историков-эрудитов XVII—XVIII вв., т. е. к той школе, представители которой обычно не выдвигали оригинальных общеисторических концепций. Принадлежность Дюбо к этой школе не вызывает сомнений у историков исторической науки[2]; в частности, Ломбар (Lombard), автор специальной монографии о Дюбо, подчеркивающий значение этого ученого как историка-мыслителя[3], отмечает принадлежность Дюбо к эрудитской школе[4].

В начале первого тома «Критической истории установления французской монархии в Галлии» Дюбо поместил относящуюся к Галлии часть «Notitia dignitatum Imperii» и целиком «Notitia provinciarum et civitatum Galliae». Эти документы, по словам автора, цитируются им столь часто, что он счел своим долгом поместить их в начале своего труда, так же как и карту Галлии в начале пятого века, необходимость которой, по его мнению, не требует пояснений[5].

Аббат Дюбо, кстати сказать, и сам был не чужд историко-географических изысканий. Он был автором критических замечаний на работу Бержье «Histoire des grands chemins Romains». В этих замечаниях он предлагает ряд небольших поправок фактического характера к отдельным утверждениям Бержье[6].

В качестве четвертого примера можно взять «Древнюю историю» Роллена («Histoire ancienne» par Rollin, вышла в свет в 1730—1738 гг.),

---

[1] Нолен (Nolin Jean Baptiste, 1657—1725) как картограф получил известность своей картой Франции с портретами французских королей. Из его многочисленных гравюр особенной известностью пользовались виды Версаля.

[2] См. *Fueter*. Geschichte der neueren Historiographie, S. 328.

[3] *Lombard*. L'abbé du Bos, un initiateur de la pensée moderne. Paris, 1913. О Дюбо как предшественнике Фюстель де Куланжа см. *М. Алпатов*. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949, стр. 284 и 308.

[4] *Lombard*. Указ. соч., стр. 520.

[5] La Notice de l'Empire et la Notice des Gaules se trouvent cité si souvent dans cet ouvrage que j'ai cru devoir mettre à la tête un extrait des endroits de la Notice de l'Empire qui concernent les Gaules et la Notice entière des Gaules publiée par le père Sirmond. On devinera facilement par quelles raisons j'y joint encore une carte géographique des Gaules divisées comme elles l'étaient au commencement du cinquième siècle. *Dubos*. Указ. соч., стр. 66.

[6] Эти замечания под заглавием «Animadversiones ad Nicolai Bergerii libros de publicis et militaribus imperii Romani viis» были в 1697 г. напечатаны вместе с латинским переводом сочинения Бержье в «Thesaurus Antiquitatum Romanarum» голландского эрудита Гревиуса (Graevius), том X. Перевод Бержье на латинский язык был сделан Геннинусом.

в качестве приложения к которой д'Анвиль составил свой атлас древней истории.

Роллен не является ученым-исследователем. Он — компилятор. Он сам в предисловии к своему труду говорит об этом. Поэтому Роллена трудно непосредственно относить к числу ученых эрудитской школы. Но пересказывая древних авторов, он излагал их в освещении историков-эрудитов. Будучи янсенистом по своим религиозным убеждениям, он по своему общему мировоззрению по существу близко стоит к ученым-монахам. Как и они, он смотрит на историю с религиозно-моральной точки зрения. Таким образом, между Ролленом и историками-эрудитами XVIII в. много общего. Но, с другой стороны, между ними имеются и довольно существенные различия. Роллен был долгие годы педагогом-практиком, не имевшим крупных ученых трудов. Ему было пятьдесят девять лет, когда он принялся за работу над своим первым трудом «Traité des études»,— и это был труд не на историческую, а на педагогическую тему.

После выхода в свет «Traité des études» — под влиянием успеха этой книги — Роллен принялся уже в возрасте шестидесяти семи лет за свой первый исторический труд «Histoire ancienne». Этот труд был задуман им не как научное исследование, а как популярное произведение, преследовавшее не исследовательские, а педагогические цели. К истории, следовательно, Роллен пришел от педагогики. Это наложило печать на его исторические произведения, которые отличаются от трудов эрудитов не только отсутствием критики источников, но и несколько иной внутренней структурой. На этой структуре сказалось влияние его педагогических идей. В педагогике Роллен был выразителем прогрессивных идей своего времени, хотя и оставался еще всецело на почве религиозного мировоззрения. Роллен — противник схоластической школьной зубрежки. Он хочет сделать обучение занимательным для учащихся и рекомендует учителям применять соответствующие педагогические приемы: например, при преподавании географии Роллен советует приучать учащихся к путешествию по карте[1], т. е. применять прием, который и в наши дни весьма ценится учителями географии.

Роллен стремится развивать мысль учащихся. Педагогические идеи Роллена были сочувственно встречены прогрессивными кругами Франции, несмотря на ту роль, которую Роллен отводил религиозному воспитанию. Вольтер назвал его труд «Traité des études» «книгой, которая всегда будет полезной»[2].

Роллен высоко ценил историю как средство воспитания. В своем названном выше педагогическом трактате Роллен изложил свои, как он их называет, «правила и принципы при изучении светской истории»[3]. В предисловии к «Древней истории» он вкратце повторил их. Подчеркивая необходимость при изложении исторических фактов тщательно отмечать все полезное для религиозного воспитания, Роллен в то же время ставит перед преподавателем истории ряд задач гораздо более широкого характера, чем те задачи, которые ставили обычно преподаватели истории его

---

[1] «Traité des études», t. I, p. 141; t. III, p. 188 (издание Гизо).

[2] «Un livre à jamais utile». Цит. по *Sainte-Beuve*. Causeries du lundi, t. VI, p. 271. Но как историка Вольтер Роллена ни во что не ставил и называл бесполезным компилятором,—см. ниже.

[3] «On peut,— пишет Роллен,— réduire ces principes à six ou sept: apporter beaucoup d'ordre dans cette étude; observer ce qui regarde les usages et les coutumes, chercher sur tout et avant tout la verité; s'appliquer à decouvrir les causes de l'agrandissement et de la chute des empires, du gain ou de la perte des batailles et de pareils évenements; étudier le caractère des peuples et des grands hommes dont parle l'histoire; être attentif aux instructions qui regardent les moeurs et la conduite de la vie; enfin, remarquer avec soin tout ce qui a rapport à la religion». Traité des études, t. III, p. 185 (издание Гизо).

времени. Он возражает против усвоения одних лишь голых фактов и хронологических дат, требует изучения причин исторических событий[1]. Роллен настаивает на изучении нравов и обычаев народов и их законов[2]. Он особенно подчеркивает, кроме того, необходимость изучить историю искусств и наук[3].

Благодаря такому взгляду на задачи историка в «Histoire ancienne» Роллена, этого, по выражению Вольтера, «многословного и бесполезного компилятора»[4], факты истории культуры заняли, пожалуй, не меньше места, чем в знаменитом «Essai sur les mœurs et l'esprit des nations» самого Вольтера. В частности, три последних тома «Древней истории» Роллена целиком посвящены истории искусства и науки[5].

Но, конечно, только этим и ограничивается сходство «Древней истории»[6] Роллена с историческими сочинениями Вольтера. Историческая концепция Вольтера резко отличается от исторической концепции Боссюэ, поклонником которого был Роллен.

Исторические произведения Роллена, в особенности «Древняя история», пользовались в XVIII столетии большим успехом как во Франции, так и за ее пределами[7]. Даже некоторые деятели «Просвещения» XVIII в., несмотря на всю разницу мировоззрения, относились к ним положительно. В противоположность выше приведенному отрицательному отзыву Вольтера, Монтескьё, отмечая высокую оценку исторических произведений Роллена читающей публикой, сам тоже отзывался о них в очень теплых выражениях[8]. В первой половине XIX в. сочинения Роллена неоднократно переиздавались. Одно из этих изданий было организовано Гизо.

В своем педагогическом трактате, говоря о порядке и ясности, которых следует держаться при преподавании истории, Роллен подчеркивает необходимость показывать учащимся на карте города и реки, которые упоминаются у изучаемых авторов[9].

География занимает в «Древней истории» Роллена меньшее место, чем она обычно занимала в трудах историков-эрудитов, и она представлена там немного иначе.

Роллен начинает свою «Древнюю историю» с истории Египта. С первых же слов автора видны особенности внутренней структуры его

---

[1] «L'étude de l'histoire ne mériterait point qu'on y donnât une attention sérieuse et un temps considérable, si elle se bornait à la stérile connaissance des faits de l'antiquité, et à la sombre recherche des dates et des années où chaque événement est passé». «Histoire ancienne», t. I, Préface, p. 7.

[2] «Il n'est pas moins important d'étudier avec soin les mœurs des peuples, leur génie, leurs lois, leur usages, leurs coutumes». Там же.

[3] «On y apprend comment les sciences et les arts ont été inventés, cultivés, perfectionnés». Там же, стр. 8.

[4] Так называет Роллена Вольтер в письме к Гельвецию от 24/III 1740 г. Цит. по *Sainte-Beuve*. Causeries du lundi, t. VI. «Rollin», p. 271.

[5] Интересно отметить, что Российская академия наук, издавшая перевод «Древней истории» Роллена, сочла излишним переводить эти тома, как посвященные вопросам, не относящимся к истории. См. перевод X тома «Известие от трудившегося в переводе», стр. 225.

[6] В «Римской истории» Роллен уделяет истории культуры гораздо меньше внимания, чем в «Древней истории».

[7] Его исторические работы были переведены на немецкий и русский языки. Русский перевод по поручению Академии наук, издавшей как «Древнюю», так и «Римскую историю» Роллена, был сделан В. К. Тредьяковским. Этот перевод был в библиотеке отца Н. Г. Чернышевского, и Николай Гаврилович, в юности, изучал по Роллену древнюю историю. См. *А. Н. Пыпин*. Мои заметки. М., 1910, стр. 6.

[8] Монтескьё писал об исторических произведениях Роллена: «Un honnête homme a par ses ouvrages d'histoire enchanté le public. C'est le cœur qui parle au cœur; on sent une secrète satisfaction d'entendre parler la vertue: c'est l'abeille de la France». Цит. по *Sainte-Beuve*. Causerie du lundi, t. VI, «Rollin», p. 271.

[9] «Traité des études», t. III, p. 187.

произведения. Прежде чем приступить к изложению истории Египта, Роллен предупреждает читателя, что он делит свое изложение египетской истории на три части, из которых в первой дано описание Египта, во второй — дана характеристика нравов и обычаев египтян и в третьей рассказана история царей Египта. В описании Египта автор довольно значительное внимание уделяет его географии. Он начинает с описания границ страны, ее пространства, числа жителей, деления на три основные части — верхний, средний и нижний Египет и деления на номы. Далее идет описание Египта по трем основным районам. Описание верхнего Египта сводится к описанию древних Фив. Наибольшее внимание уделено среднему Египту. Центральным местом описания здесь является подробная характеристика Нила, его разливов и орошения полей в древнем Египте. Здесь же говорится о Меридовом озере. Кроме того, автор рассказывает об обелисках, пирамидах и прочих памятниках древности, имеющихся в этой части Египта.

В описании нижнего Египта автор особенно внимательно останавливается на характеристике Александрии. Описывая ее, Роллен рассказывает о ее торговом значении, о ее знаменитых в древности маяке и музее. Значительно меньше он говорит о Гелиополе. Рассказывает он здесь также легенды о фениксе и о песне умирающих лебедей, считая эти легенды полезными для юношества.

Как видно из краткого пересказа описания Египта Роллена, он лишь бегло останавливается на границах Египта, и у него совсем нет изысканий по топографии городов древнего Египта, — следовательно, традиционным для эрудитов вопросам исторической географии он уделяет немного места, сосредоточивая свое внимание на природе, отчасти на хозяйстве Египта. Такой подход, с одной стороны, объясняется общими установками его как автора, о которых говорилось выше. С другой стороны, те античные писатели, которых пересказывал Роллен при описании древнего Египта, должны были толкать его в эту сторону: Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Плиний уделяют Нилу и египетскому земледелию большое внимание.

При изложении истории Карфагена Роллен вводит географический элемент лишь в рассказе о завоевании карфагенянами Испании. Здесь Роллен перед описанием этих завоеваний считает нужным дать краткое описание древней Испании[1]. Это описание составлено в духе обычных описаний того времени: говорится, в частности, и о расселении племен и о древних и современных автору названиях городов. Изложению истории древнеазиатских народов — ассириян, вавилонян, мидян и персов предпослано коротенькое географическое описание Азии[2]. Целью этого описания, по словам автора, является ознакомление читателя со странами Азии и важнейшими городами.

Приступая к истории Греции, Роллен также сначала дает географическое описание страны[3]. Это описание составлено в духе эрудитской школы.

Таким образом, историческая география сделалась необходимой составной частью также и лучших популярных произведений общеисторического характера.

Одним из интереснейших произведений французских историков-эрудитов XVIII в. является четырехтомная «Histoire générale de Provence».

---

[1] «Histoire ancienne», t. I, p. 253 (издание Гизо). «Avant que de parler de ces conquêtes je crois devoir donner une idée d'Espagne».

[2] Там же, т. II, § II. «Description géographique de l'Asie».

[3] Там же, т. II. «Livre cinquième. Article premier. Description géographique de l'ancienne Grèce».

аббата Папона (Papon, 1734—1803). Первый том этой работы вышел в свет в 1777 г., второй — в 1778 г., третий — в 1784 г., четвертый — в 1786 г.[1] Труд Папона основан на весьма обширном документальном материале с использованием архивов, а для римской эпохи также и надписей. По обилию собранного материала и по приемам его обработки — это типичный труд историка эрудитской школы.

Но, с другой стороны, на содержании труда Папона, несомненно, отразилось, и притом в довольно значительных размерах, влияние исторических произведений Вольтера. Истории культуры, фактам социально-экономической жизни прошлого, истории нравов Папон уделяет чрезвычайно много внимания.

Папон начинает свой труд с историко-географического очерка Прованса. Этот очерк, названный им хорографией Прованса, он считает необходимым введением к истории Прованса (Préface, p. XII). Папон указывает, что его предшественник Буш собрал в своей «La Chorographie ou description de Provence et l'histoire chronologique du même pays» много материала по исторической географии Прованса. Но хотя именно в этой части своего труда Буш, по мнению Папона, сделал много изысканий и проявил критический подход к материалу, тем не менее она изобилует ошибками, избежать которых было трудно в его время.

Д'Анвиль, как об этом говорит Папон дальше, разбирал эти же вопросы в своей «Notice de l'ancienne Gaule» с большим критическим уменьем и эрудицией. Так как он имел объектом изучения всю Галлию, он был не в состоянии входить во все детали и изложить каждый вопрос с той степенью точности, на какую он был способен. Он опустил несколько племен и городов, известных по античным памятникам, и, кроме того, мнение д'Анвиля о местонахождении многих географических объектов не кажется Папону наиболее верным (la plus sûre).

Папон считает ошибки д'Анвиля неизбежными, так как правильное решение этих вопросов может быть достигнуто лишь обследованием на месте (Préface, p. XIII).

Тот почтительный тон, которым Папон говорит о д'Анвиле, показывает силу авторитета последнего во второй половине XVIII столетия.

«Хорография» Прованса разделена Папоном на две части. В первой из них Папон изучает географию Прованса в древности. Эта часть занимает 131 страницу. Вторая часть представляет собою соединение общего очерка физической географии Прованса с историко-географическим описанием Прованса по церковным диоцезам. Эта часть занимает 347 страниц. Таким образом, историко-географическое введение в целом занимает 478 страниц, т. е. около трех четвертей первого тома.

Подобно большинству ученых XVII—XVIII вв., занимавшихся историко-географическими проблемами, Папон начинает с разбора названия Прованса в разные эпохи его истории. Это служит как бы введением к первой части его «Хорографии» Прованса.

Сама эта первая часть «Хорографии» Прованса в свою очередь распадается на две. Сначала автор, опираясь прежде всего на так называемые Итинерарий Антонина и карту Пейтингера, а также на надписи и сведения древних авторов, дает краткие характеристики городов, расположенных в древности на территории Прованса. Эти характеристики весьма различны по объему. Иногда автор ограничивается одним лишь установлением географического положения города. Для значительных городов эти характеристики занимают по нескольку страниц, и в них

[1] На книгу Папона обратила мое внимание О. А. Старосельская-Никитина, за что выражаю ей свою признательность.

автор стремится дать краткое описание города и основные моменты его истории в древности. В качестве примеров такой развернутой характеристики можно привести краткое изложение описаний Экса (Aix) и Арля.

Относительно первого из них Папон пишет, что этот город в римской Галлии носил имя Aquae Sextiae, а во Франции называется Aix, что он является столицей Прованса и обязан своим происхождением римскому гарнизону, который был поставлен консулом Каем Секстием Кальвином, как раз в том месте, где этот консул разбил местное галльское племя салиев (salyes) в 123 г. до н. э. Юлий Цезарь в 46 г. до нашей эры основал там римскую колонию, названную по его имени colonia Julia. Повидимому, Август обновил эту колонию, так как она стала называться colonia Julia Augusta.

Город имел коллегию декурионов или сенат и ряд других должностных лиц; названия их должностей Папон берет из римских надписей, найденных в городе. Город всегда занимал выдающееся место в ряду городов провинции и стал ее столицей к концу IV в., когда были организованы две нарбонские провинции. Следует предположить (il est à présumer), что город стал тогда местом пребывания претора провинции.

Античный город был построен на том месте, где во времена Папона находился дворец. Башни этого дворца построены римлянами. Рядом с городом было два предместья. Указав место, где находилось первое из них, Папон высказывает предположение, что оно было населено христианами, так как там жил епископ. В XV в. от этого предместья оставались только дворец и церковь во имя богоматери, остальные постройки все были разрушены к этому времени. Второе предместье ныне является одним из кварталов города.

Описание Арля, который по-латыни назывался Arelate, Папон начинает с указания, что Птолемей считал этот город находящимся на территории галльского племени салиев, хотя правильнее было бы относить его к территории другого племени анатилиев (Anatilii). Первым из римских авторов об этом городе говорит Цезарь под 48 г. до н. э. Через два года, захватив власть в Риме, Цезарь вывел в Арль римскую колонию. Колонистами были солдаты шестого легиона, и колония получила название Julia paterna. В городе потом процветали изящные искусства, которыми занимались даже женщины. Доказательством последнего может служить эпитафия на саркофаге одной молодой женщины, найденном в Арле.

Поэт Авзоний называет город царицей Галлии, во-первых, так как этот город был центром военного и гражданского управления, во-вторых, так как он выделялся талантами и образованностью своих жителей (politesse).

Папон приводит стихи Авзония об Арле, из которых видно, что в IV в., когда жил Авзоний, город был расположен на обоих берегах Роны и вел большую торговлю.

При императорах Феодосии и Валентиниане префект претория Галлии Ауксилиарис поставил в городе дорожный столб с указанием расстояния до Массилии (Марселя). Из надписи на столбе видно, что в этот город префект претория Галлии перенес свою резиденцию, после того как варвары овладели городом Триром. Вместе с ним переселились сюда многие из видных должностных лиц заальпийской части Римской империи.

Императоры Гонорий и Валентиниан дали городу славное наименование столицы Галлии. Император Константин его очень любил (l'affectionnait au point) и украсил его многими зданиями. Ему должно приписать большинство общественных зданий, которые украшали город, а может быть, и гранитный обелиск, который некоторые историки предпочитают счи-

тать созданием императора Констанция. Возможно, что этот обелиск высечен из гранита Дофине и привезен по р. Роне.

Этот обелиск был найден в земле в царствование французского короля Карла IX. В 1675 г. он был извлечен из земли и годом позже был поставлен в честь Людовика XIV на пьедестале перед ратушей. В городе имелись корпорации ремесленников, которые обслуживали нужды римских войск. В городе находился амфитеатр, где происходили бои гладиаторов.

В качестве примера короткого описания можно привести характеристику Тараскона, маленького города, в XIX в. получившего европейскую известность благодаря Додэ, увековечившему этот городок в своем знаменитом произведении «Тартарен из Тараскона».

Папон указывает, что Тараскон в древности назывался Tarasco, и что Страбон считал этот город находящимся на дороге между городами Ним и Экс. Греческое имя города, по мнению Папона, заставляет думать, что он основан марсельцами, когда Помпей дал им оба берега Роны. Большое количество товаров, которое они перевозили по реке, делало необходимым для них это поселение. «Это только предположение»,— заканчивает Папон свое коротенькое описание Тараскона, — но оно основано на том, что история сообщает нам о торговле и политике этого древнего народа» (т. е. марсельцев).

Более пространные описания городов у Папона обычно основаны на использовании древнеримских надписей, найденных на территории этих городов.

Закончив описание городов, Папон переходит к характеристике племен, живших в древности на территории Прованса. Сначала он говорит о племенах, населявших приморские Альпы, потом переходит к племенам, жившим вдоль моря, и заканчивает описанием племен, расположенных внутри страны. Описания сводятся главным образом к определению места, где жило племя, и к указанию центра племени. При этом автор подвергает критике данные источников и сравнительно часто вступает в полемику с Бушем и д'Анвилем. Иногда, кроме определения места, где жило племя, автор сообщает какие-либо другие данные о племени, например, он указывает, что анатилии были многолюдным племенем, что салии, до их покорения римлянами, были могущественным племенем, имели под своею властью несколько других племен, могли выставить значительное количество пехоты и конницы и вели войну с г. Массилией, кончившуюся поражением племени, так как Массилия получила помощь от Рима, ее союзника.

Прежде чем приступить к описанию альпийских племен, Папон кратко говорит об их низком культурном уровне. О культуре двух других групп племен ничего не сказано.

Вторую часть «Хорографии» автор, как уже было указано выше, начинает с очерка физической географии. Описан рельеф страны, причем отмечено его влияние на климат различных частей Прованса, приведены данные об изменениях в течение года температур, ветров и атмосферных осадков, согласно наблюдениям, сделанным в г. Марселе в 60 и 70-х годах. Автор выражает сожаление об отсутствии метеорологических наблюдений в других местах Прованса.

После характеристики климата Папон дает список важнейших растений Прованса с краткою характеристикою каждого растения. Этот список составлен по данным ботаника того времени Жерара де Котиньяка (Gérard de Cotignac) и распадается на две части. Первая из них дает характеристики исконных растений Прованса. (Эта часть называется Indication de quelques plantes remarquables qui croissent naturellement

en Provence.) Во второй части списка автор описывает растения, культура которых перенесена в Прованс из других стран (он называет их plantes exotiques).

Относительно каждого из растений этой группы Папон стремится указать время и пути его проникновения в Прованс, используя для этого как сочинения древних авторов, так и другие источники. Относительно многих растений обеих частей списка, помимо замечаний чисто ботанического характера, Папон дает оценку их экономического значения. Таким образом, ботанический очерк Прованса носит у Папона историко-экономический характер. За списком растений следуют аналогичным образом составленные списки рыб, птиц и насекомых.

Описание Прованса по диоцезам занимает около трехсот страниц, т. е. большую часть всей «Хорографии Прованса».

Каждый из диоцезов описан по одному и тому же плану. Поэтому для характеристики построения этих описаний достаточно рассказать вкратце одно из них. Я беру в качестве примера описание диоцеза Экса (Diocèse d'Aix).

Описание начинается с характеристики главного города диоцеза — Экса. Характеристика этого города в древности была уже дана автором в первой части «Хорографии Прованса». Данные о нем в очерке, посвященном диоцезу Экса, имеют целью описать современное состояние. Но автор тем не менее вводит также в описание и исторические факты. Он начинает с указания, что Экс является наиболее древним из числа римских городов в Галлии. Сначала на этом месте был римский военный лагерь, чтобы держать в подчинении только что покоренных варваров. Солдаты жили в деревянных хижинах, вместо которых они построили потом дома. Таким образом, город уже существовал, когда Цезарь вывел сюда римскую колонию. Римляне не случайно выбрали это место для постройки города. Их привлекали теплые источники, здесь находившиеся, и, возможно, близость к Марселю. Они перешли Альпы, чтобы защищать эту республику, и хотели быть в готовности помочь ей в случае нужды; кроме того из Марселя они могли получать снабжение всякого рода. От этого исторического введения Папон переходит к описанию города. Город Экс расположен в пяти льё к северу от Марселя и является одним из красивейших второразрядных (du seconde ordre) городов французского королевства. Он не велик и никогда не был большим, так как многочисленное население скопляется только в торгово-промышленных городах.

Этот город является местом пребывания парламента, устроенного здесь Людовиком XII в 1501 г. В нем есть счетная палата (chambre des comptes). Университет в Эксе основан Людовиком II графом Прованским и был утвержден папой Александром V в 1409 г. Далее идет рассказ о составе местного бюро финансов и об особенностях в организации других административных учреждений города.

Папон считает затруднительным, если не невозможным, определить, когда в данном диоцезе начало распространяться христианство. Епископская кафедра существовала в Эксе в середине V в., а может быть и раньше. Но тогда епископ Экса еще не пользовался юрисдикцией над духовенством территории, тяготевшей к городу. Эти права он получил позднее. Папон рассказывает, как это произошло. После этого следует краткое описание соборной церкви города и перечень монашеских орденов и других организаций духовенства, имеющихся в городе, с указанием года их появления в нем. Этим заканчивается описание самого города Экса, главного города диоцеза. За описанием следует хронологический перечень, начиная с пятого века, епископов Экса с указанием времени, когда

каждый из них занимал кафедру, и краткой характеристикой деятельности многих из них. В перечень включен и архиепископ, занимавший кафедру в Эксе во время составления Папоном своего труда. Список составлен Папоном на основании «Gallia Christiana», но в данные этого издания им внесены поправки.

После перечня епископов Папон кратко рассказывает об имеющихся в пределах диоцеза монастырях.

Последние два параграфа описания диоцеза носят соответственно заглавия — «Histoire naturelle» (в этом параграфе автор описывает природу диоцеза) и «Remarques historiques» (здесь приводятся данные по истории диоцеза). Описание природы эксского диоцеза начинается с указания, что диоцез обладает хорошими природными условиями для разведения всех тех сельскохозяйственных растений, которые имеются в Провансе, за исключением апельсинов.

Далее Папон довольно подробно говорит об ископаемых богатствах диоцеза. Здесь он отмечает, что минеральные источники потеряли свое значение уже во времена Страбона вследствие их смешения с обычной пресной водой. Папон описывает минеральные краски (brèche du terroir).

Он подробно говорит о сортах мрамора, имеющегося в диоцезе. Кратко упомянув о наличии железных и свинцовых руд, Папон с интересом описывает найденные в диоцезе залежи каменного угля и подчеркивает пользу, которую можно ждать от угля для местного производства мыла, стекла (verrerie), прядения шелка, производства вина, оливкового масла, не считая потребления угля в печах для обжигания извести. Он высказывает предположение, что зола каменного угля сможет служить удобрением и употребляться в смеси с известью для производства цемента.

После характеристики ископаемых Папон приводит данные о высоте горных вершин, находящихся на территории диоцеза. При этом Папон рассуждает о методах измерения высоты горных вершин.

«Исторические замечания», которыми заканчивается описание диоцеза, состоят из кратких заметок о городах и других населенных пунктах диоцеза. В этих заметках автор говорит о времени возникновения этих пунктов, о происхождении их названий и о памятниках старины античной и средневековой, сохранившихся в этих местах. На этих памятниках старины и сосредоточено в основном его внимание.

В некоторых общих трудах XVIII в. по русской истории историческая география заняла весьма видное место, подобно тому, как это было в работах эрудитов этого столетия в Западной Европе.

Причины внимания наших историков XVIII в. к проблемам исторической географии коренятся прежде всего в особенностях нашей территории с ее разнообразием природных и исторических условий, в особенностях формирования наших кадров историков в XVIII столетии, наконец, в особенностях индивидуальных биографий некоторых крупных представителей нашей историографии XVIII столетия. Эти причины, как это будет выяснено ниже, были основными. Влияние западноевропейской историографии, конечно, нельзя отбрасывать. Поступать так, значило бы извращать факты. Но отнюдь не отрицая этого влияния, нельзя признать за ним ведущей роли. Западноевропейские образцы лишь помогали оформиться в сознании наших историков XVIII в. тем воззрениям на значение исторической географии в историческом исследовании, к выработке которых их толкали внутренние особенности развития русской историографии в XVIII столетии.

Россия XVIII столетия давно уже была многонациональным государством и в XVIII в. включила в свой состав новые территории с нерусским

населением. Не все эти национальности имели исконные стабильные территории. Россия XVIII в. была не только многонациональным государством, расширявшим свои границы, но и продолжала оставаться колонизующейся страной. Эти факты не могли не создавать у наших историков стремления разобраться в смене народностей на территории своего государства в историческом прошлом. Не случайно поэтому вопросы исторической географии в весьма значительной степени сводятся у наших историков XVIII в. к проблемам этногенезиса и смены народностей на территории нашей страны. Наиболее ярко это выражено у Татищева.

Наших историков XVIII в. давно уже принято делить на две основные группы — русских и иностранцев. Иностранцы все были историками профессионалами и были в той или иной степени представителями эрудитской школы[1]. Из иностранцев наименее обладал предварительной профессиональной выучкой, приобретенной до прибытия в Россию, Миллер. Приехав в Россию с некоторой, но все же весьма ограниченной научной подготовкой, как историк он вырос и сформировался в России, в значительной мере под влиянием русской обстановки и в особенности под влиянием своего десятилетнего пребывания в Сибири. Миллер поэтому занимает как бы промежуточное положение между русскими и иностранными историками России XVIII в.[2]

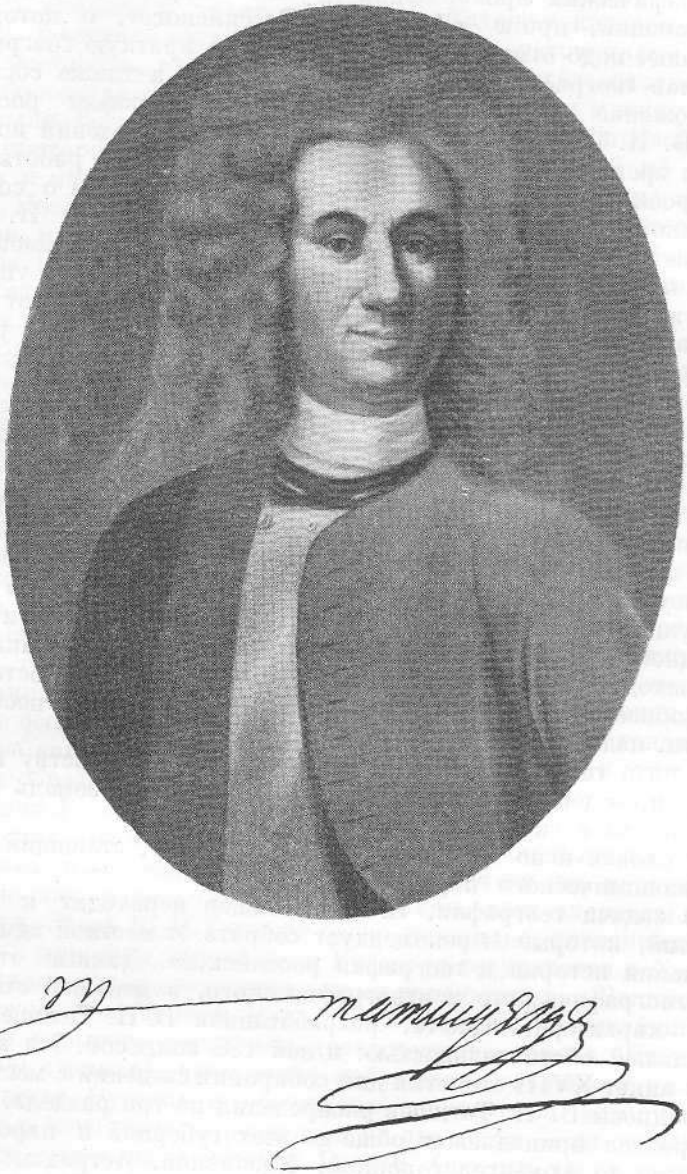
Но основную роль в развитии нашей историографии в XVIII столетии сыграли не сочинения иностранцев, а труды русских авторов. Эти авторы не были по своей подготовке профессиональными историками. Они были практическими деятелями, знавшими жизнь своей страны не из книг, а из практического опыта. Некоторых из них жизнь поставила в близкое соприкосновение с географическими проблемами и дала некоторую географическую подготовку. В первую очередь это относится к В. Н. Татищеву (1686—1750). Его служба на восточных окраинах России, где имелось разнообразное нерусское население и где происходила русская колонизация, познакомила его с конкретными проблемами географии народностей своего времени и тем самым привила вкус к изучению этих проблем применительно к прошлому. Кроме того, Татищев еще с молодых лет интересовался географией. Он собирал географическую литературу. В его библиотеке имелся целый ряд книг географического содержания на русском и иностранных языках[3]. В числе этих книг были «География генеральная» Варения в русском переводе, «Космография» Мюнстера, «География» Страбона (в немецком переводе), «Естественная история» Плиния, описания путешествий разных авторов (в том числе Олеария). Имелась в библиотеке В. Н. Татищева также «Древняя история» Роллена, в которой, как уже было показано выше, географический элемент занимает значительное место. Круг географических сочинений, известных Татищеву, конечно, не ограничивался одними лишь книгами его библиотеки. Он в своих сочинениях ссылается на ряд географических работ, не упомянутых в известном нам каталоге его библиотеки, например, у него имеются ссылки на Ортелия (стр. 333, 363, 439, 472 и др.), на «Notitia Germaniae antiquae» Шпенера (стр. 329, он называет данное сочинение по-русски «Древней Германией»). Говоря о географической литературе,

---

[1] Даже Шлецер, несмотря на испытанное им значительное влияние школы Вольтера, все же по своему профессиональному воспитанию принадлежал к эрудитам.

[2] О формировании Миллера как историка см. в статье С. В. Бахрушина «Г. Ф. Миллер как историк Сибири» (напечатано в кн.: *Г. Ф. Миллер*. История Сибири, т. I, изд. АН СССР, М.— Л., 1937).

[3] *П. Пекарский*. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. Приложение. Каталог библиотеки В. Н. Татищева.



известной В. Н. Татищеву, нельзя обойти молчанием его хорошее знакомство с «Книгой Большому Чертежу».

В. Н. Татищев, всю жизнь собирая географические материалы, не только имел серьезные географические познания, но и был автором самостоятельных географических работ, организатором составления карт и критиком географических произведений других авторов. Из его географических сочинений, кроме «Лексикона Российского», о котором речь уже шла выше, надо отметить две попытки дать краткую географию России, ряд глав географического описания Сибири, а также составленное им «Предложение о сочинении истории и географии российской», в котором В. Н. Татищев намечает круг вопросов, сведения по которым с его точки зрения необходимы для выполнения такой работы[1].

Эти вопросы отражают представления В. Н. Татищева о содержании географической науки. В начале своего предложения В. Н. Татищев останавливается на значении географии. География, по его мнению, необходима для понимания истории и для нужд государственного управления: «Гистории же всякая хотя действа и времена от слов имеют нам ясны представить; но где в каком положении или расстоянии, что учинилось. какия природныя препятствия к способности тем действам были, також где которой народ прежде жил и ныне живет, как древние городы ныне именуются и куда перенесены, оное география и сочиненныя ландкарты нам изъясняют: и тако гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут»[2].

Из приведенной цитаты легко видеть, что значение географии для познания исторических событий В. Н. Татищев понимает всецело в духе воззрений западноевропейских историков-эрудитов своего времени.

Для государственного управления география, по мнению В. Н. Татищева, нужна прежде всего военным от военной коллегии и генералов «до последнего офицера». Военным «какия где крепости, какия неприятелю к приходу где способности, довольства или неудобности быть могут где удобнее неприятеля удержать или победить, а в несчастии как себя спасти, надлежит обстоятельно знать»[3].

Кроме того, география дает центральному правительству и его местным органам сведения «о состоянии подчиненных им земель и жителей, о их довольстве и скудости»[4].

В этих словах ясно чувствуется администратор, ставящий географии вопросы экономического порядка.

Указав задачи географии, В. Н. Татищев переходит к изложению тех сведений, которые он рекомендует собрать от местной администрации для «сочинения истории и географии российской». Данные эти главным образом географического и этнографического, в меньшей степени исторического характера. Анкета, разработанная В. Н. Татищевым, отличается большей обстоятельностью: в ней 198 вопросов. Эта анкета была первой из анкет XVIII столетия для собирания сведений с мест[5].

Свои вопросы В. Н. Татищев распределил на три раздела, из которых «первый раздел принадлежит обще до всех губерний и народов; второй раздел токмо до Архангелогороцкой, Казанской, Астраханской, Сибир-

---

[1] Оно опубликовано в качестве приложения XIII в книге Н. А. Попова «В. Н. Татищев и его время». М., 1861, а также в издании — *В. Н. Татищев*. Избранные труды по географии России. Под редакцией А. И. Андреева. М., 1950.

[2] *В. Н. Татищев*. Избранные труды по географии России, стр. 77.

[3] Там же, стр. 78.

[4] Там же.

[5] Эти анкеты получили у нас развитие во второй половине XVIII в. Об анкетах второй половины столетия см. *Б. Д. Греков*. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века.— Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXXV. Л. 1929.

ской и частию Нижегородской губерний, где многие разные идолопоклоннические народы находятся; а третей токмо для одних татар магометанского закона»[1].

Первый раздел начинался с вопросов о древних названиях мест, далее следовали вопросы о границах губерний, провинций и уездов. После этих вопросов, так сказать, вводного характера, шла основная группа вопросов о природе и хозяйстве. В. Н. Татищев интересовался здесь климатом, реками, озерами, минеральными источниками, почвами, рельефом местности, состоянием сельского хозяйства, охотничьего промысла, рыболовства, характером дикой растительности и животного мира, минеральными богатствами. Он спрашивал также о проживающих на данной территории народностях, о разделении жителей по сословиям, о ремеслах и мануфактурах, ярмарках и торговле, церквах, монастырях, училищах. Последние вопросы первого раздела касаются археологических памятников, имеющихся в данной местности.

Вопросы второго и третьего разделов относятся главным образом к области верований и быта нерусского населения окраин.

Из двух незаконченных сочинений по географии России первое носит заглавие «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи, часть первая, в которой как древнее, так и нынешнее состояние того великого государства и обитающих в нем народов и другия к сведению принадлежащия обстоятельства по возможности и на первый случай к сочинению исправнейшей и обстоятельнейшей гисторки вновь собраны и кратко описаны». Как видно из этого заглавия, В. Н. Татищев рассматривает здесь географию как введение к истории. Это очень небольшое по размерам сочинение распадается на четырнадцать глав. Первая из них посвящена названию страны и ее делению на части в прошлом, вторая — описанию границ, третья — характеристике размеров империи. В главах с четвертой по восьмую В. Н. Татищев описывает воды, горы, полезные ископаемые, растительность, земледелие и животный мир империи. Девятая глава рассказывает о населении, десятая — об армии и флоте, одиннадцатая — о государственных доходах. В двенадцатой главе автор говорит о заводах и мануфактурах, в тринадцатой — о народном образовании, в четырнадцатой — о государственном управлении и делении России на губернии и епархии.

Второе сочинение названо автором «Руссиа или как ныне зовут Россиа»[2]. Сочинение это, тоже очень краткое, распадается на две неравные части. Первая, меньшая, размером всего 14 страниц, дает элементы географии древней Руси. Здесь В. Н. Татищев бегло говорит о названиях территории России в прошлом, о границах Русского государства в X—XVI вв., о славянских племенах и соседних с ними народностях, о Великой, Малой, Белой, Червонной и Черной Руси. Он перечисляет важнейшие русские княжества и называет некоторые древнерусские города. Вторая, более обширная (60 страниц), часть этого небольшого сочинения имеет заглавие «Настоящая Руссиа» и посвящена современной автору географии России. Она в свою очередь разделена на две части — на описание Европейской и на описание Азиатской России. Обе эти части построены по одинаковому плану. Большую часть каждой из них занимают перечни морей, озер, рек, территориальных единиц (губерний и провинций) и городов[3]. Кроме этих перечней, автор приводит краткие сведения об ископаемых богатствах, мануфактурах, скотоводстве и земледелии.

---

[1] *В. Н. Татищев.* Избранные труды по географии России, стр. 78.

[2] Оно впервые напечатано в «Журнале Министерства внутренних дел», 1839, № 5.

[3] По поводу приводимых им названий территориальных единиц В. Н. Татищев пишет: «Звания же губерниям, провинциям и городам положены древние с новыми

Служба В. Н. Татищева на Урале, который в те времена считался частью Сибири, возбудила в Татищеве особый интерес к Сибири. Он собирал материалы для описания Сибири, составил в 1736 г. «Порядок обсчаго географического описания всеа Сибири». По плану оно должно было заключать 19 глав, из которых отыскались только некоторые главы: гл. 1 «О имени Сибирь» (§§ 1—5), гл. 2 «О границах» (§§ 6—14), гл. 3 «О великости» (§§ 15 и 16), гл. 4 «О воздухе» (§§ 17—21), гл. 5 «О водах» (начало § 22) и часть главы 13 «О жителях Сибирских» (§§ 73—74); § 75 и следующие до конца труда (гл. 19) пока не найдены»[1].

Часть собранных В. Н. Татищевым материалов для описания народов Сибири опубликована А. И. Андреевым.

Географические труды В. Н. Татищева, естественно, должны были способствовать признанию им важной роли географии в историческом исследовании. В его «Истории Российской»[2] историческая география занимает весьма видное место. Как и многие западноевропейские историки эрудитской школы XVII—XVIII вв., В. Н. Татищев предпослал своему труду обширное историко-географическое введение. Это введение заняло почти всю первую книгу труда В. Н. Татищева[3] (стр. 76—527 из 600).

В предисловии ко всему труду (в «предъизвещении», по терминологии того времени) изложив, что такое история и какое она имеет значение, В. Н. Татищев кратко говорит о тех знаниях, без которых, по его мнению, «история ясною и внятною быть не может, яко Хронология, География и Генеалогия». Он определяет значение этих дисциплин для историка следующим образом: «*Хронология или летосказание есть весьма нуждно знать, когда, что делалось. География показует положения мест, где, что прежде бывало и ныне есть. Генеалогия или родословие Государей нужно знать, кто от кого родился, кого детей имел, с кем браками связан был* (курсив подлинника), из чего можно уразуметь правильные наследства и домогательства» (стр. VII).

В конце первой книги имеется специальная глава 43-я «О географии вообще и о русской». В этой главе автор излагает свое понимание географии и ее значение[4] и рассказывает о своей деятельности в области географии России. Говоря о географии вообще, В. Н. Татищев касается и исторической географии, не употребляя в данной главе самого термина «историческая география». Мы находим здесь у него на эту тему следующие строки: «Описания земли и предел по пременам времен различаются на древнее, среднее и настоящее, к чему необходимо нужна история, но сии разделения не у всех географов равные. В общей древней географии более заключают время от начала монархии Римской, другие до пренесения престола в Константинополь, иные же до императора Карла Великого яко основателя западной империи, а в областных каждой по пременам своего государства» (стр. 501).

В своем «Лексиконе Российском» В. Н. Татищев, употребляя термин «историческая география» в том смысле, в каком в наши дни употребляется

для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского». Он не ставил себе цели дать современное ему административное деление, а хотел сопоставить старые и новые территориальные названия. Поэтому в списке приводимых им провинций имеются названия провинций, которые никогда не были официальными административными единицами.

[1] См. *А. И. Андреев*. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. «Советская этнография», 1936, № 6.

[2] Опубликованы: кн. 1 в 1768—69 гг., кн. 2 — в 1773 г., кн. 3 — в 1774 г., кн. 4 — в 1784 г., кн. 5 — в 1848 г.

[3] Ему предшествуют главы о религии древних славян, о крещении Руси и об исторических источниках, использованных автором.

[4] В. Н. Татищев развивает здесь то же воззрения, которые охарактеризованы выше.

термин «география человека», дает в остальном формулировку, сходную с только что приведенной. Он пишет там: «География гисторическая или политическая описует пределы и положения, имя, границы, народы, преселения, строения или селения, правление, силу, довольство и недостатки и оная разделяется на древнюю, среднюю и новую или настоящую» («Лексикон Российский», ч. II, стр. 39).

Представление о хронологии, географии и генеалогии как о необходимых для изучения истории вспомогательных дисциплинах, равно как и деление географии на географию древности, географию средних веков и географию нового времени,— это представления, выработанные историками эрудитской школы и авторами историко-географических работ в Западной Европе ко времени В. Н. Татищева. Таким образом, в этих своих высказываниях В. Н. Татищев всецело стоит на почве западноевропейской науки своего времени.

Историко-географическое введение в русскую историю В. Н. Татищев начинает с описания Скифии по Геродоту. В. Н. Татищев указывает границы Скифии, говорит кратко о расселении скифских племен и их соседей и об их быте и нравах.

После данных Геродота В. Н. Татищев излагает сведения, сообщаемые о той же территории Страбоном в седьмой книге его труда, а затем переходит к материалам Плиния о дунайских и черноморских странах.

Главу 15-ю, посвященную данным Птолемея, В. Н. Татищев начинает краткой характеристикой этого античного астронома и географа, которого он ставит очень высоко, называя его «первым в порядочных географах». Заслуги Птолемея В. Н. Татищев видит, во-первых, в том, что «он первую систему мира положил, которая хотя ныне Коперникойскою опровергнута», во-вторых, в том, что Птолемей собрал определения широт и долгот весьма многих пунктов земной поверхности. «Хотя многое с настоящим и лучше известным весьма не сходственно». Эта оценка Птолемея показывает, что В. Н. Татищев умел подходить с исторической точки зрения к оценке деятелей культуры прошлого. Как известно, Птолемей сообщает почти исключительно одни лишь данные топографического порядка, указывая широты и долготы называемых им географических точек. Естественно, аналогичный характер носит и пересказ его данных по Восточной Европе В. Н. Татищевым.

После данных Птолемея В. Н. Татищев приводит материалы о Руси и соседних с нею странах византийского императора Константина Багрянородного и северных писателей. Шестнадцатая и семнадцатая главы труда В. Н. Татищева, излагающие эти материалы, представляют собою несколько сокращенный перевод соответствующих сочинений Байера, о которых речь уже шла выше. В. Н. Татищев указывает на это в самих заглавиях этих глав[1].

В. Н. Татищев относился к Байеру как к ученому с большим уважением[2], но отнюдь не считал его непререкаемым авторитетом, ставя ему в упрек незнание им русского языка и русских источников русской истории. По поводу его «Географии России и соседних стран около 948 г. по данным северных писателей» В. Н. Татищев предъявляет Байеру обвинение также и иного порядка. «Он же,— пишет В. Н. Татищев о Байере,— со избытком к умножению прусских, а к уничижению русских древних владений пристрастным себя показал, что я видя многое из его сказания извергнул» (стр. 261).

---

[1] Например, «Глава шестая на десять. Из Константина Порфирогенита о Руси и близких к ней пределах и народах, собранное Зигфридом Беером. Оригинал печатан в Санктпетербурге в 1744 году. Комментариев том IX, стр. 367».

[2] В. Н. Татищев называет Байера «сей в древностях так прилежный муж» (стр. 260).

Следующую 18 главу В. Н. Татищев посвящает расселению в пределах восточной Европы тюркских народов (он пишет турок и татар), которых он считает «остатками скифов».

Далее идут четыре главы (19—22 включительно) о сарматах. За ними следуют коротенькая 23 глава о гетах, готах и гепидах и более обширная 24-я «о кимбрах или цимбрах и киммерах». Большая часть этой последней главы представляет собою перевод сочинения Байера о киммерийцах.

В главах 25—28 говорится о болгарах, хвалисах, печенегах, половцах, торках, уграх, обрах, аланах, роксоланах.

Главы 29 и 30 заняты рассуждениями о происхождении названий — Русь,. Россия, Московия.

Главы 31 и 32 посвящены варягам. В первой из них В. Н. Татищев ставит вопрос — «варяги какой народ и где был», во второй дает перевод сочинения Байера о варягах.

Десять глав, с 33 по 42 включительно, отведены славянам. В. Н. Татищев начинает с рассмотрения происхождения самого слова «славяне». Ссылаясь на польских авторов (Длугоша, Кромера и др.), доказательства которых он признает достаточными, В. Н. Татищев производит «славяне» от «слава» и опровергает производство этого слова от латинского sclavus (раб), производство, встречавшееся у многих западноевропейских авторов.

От имени славян В. Н. Татищев переходит к вопросу о местах их древнейших поселений и о тех названиях, под которыми они были известны в древности.

Эти разыскания служат для В. Н. Татищева как бы введением для описания расселения славян, которому он посвящает несколько глав. Он делит славян на восточных (сюда он, между прочим, относит часть восточнославянских племен, упоминаемых в нашей летописи), южных, западных, живших, по его мнению, на пространстве от Эльбы до Днепра, и северных (сюда он относит славян новгородских). Заканчиваются главы о славянах весьма любопытной главой 42-й «О умножении и умалении славян и языка». В этой главе В. Н. Татищев рассматривает изменение территории, занятой славянами на протяжении истории. Он указывает, что благодаря территориальному росту Русского государства пространство, занятое славянами, увеличилось на севере и востоке, где славяне продвинулись «до восточного океана и моря тихого» (стр. 497). Но «колико славенский язык к северу и востоку умножился и распространился; толико в других областях к югу и западу умалился» (стр. 498). Это сокращение территории, занятой славянами на юге и западе, В. Н. Татищев связывает с натиском германцев и турок.

Последней и пожалуй наиболее интересной историко-географической главой в первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева является глава 44-я — «Древнее разделение Руссии». Всю территорию древней Руси В. Н. Татищев делит на восемь основных частей. Пяти из них он дает следующие названия[1]: I. Великая Русь, II. Малая Русь, III. Белая Русь, IV. Червоная Русь, V. Черная Русь, шестую область он называет Чудь и включает в нее Прибалтику, седьмую область составляет Поморье, в восьмую В. Н. Татищев включает среднее и нижнее Поволжье, не давая этой области специального названия.

Он указывает границы этих восьми областей, перечисляет жившие на территории каждой из областей народности и племена как славянские, так и неславянские вместе с их городами, указывает, какие там были расположены княжения.

---

[1] Эти пять названий он помещает в качестве заголовков перед описанием каждой из этих областей, описания остальных областей не имеют заглавий.

Самое распределение территории между Великой, Малой и Белой Русью у В. Н. Татищева не соответствует привычному нам представлению о границах Великороссии, Украины и Белоруссии; так, например, к Белой Руси он относит княжества: Ростовское вместе с выделявшимися из нее удельными, Смоленское вместе с его уделами, Мурманское, Рязанское вместе с его уделами, Суздальское с его уделами, Владимирское и Московское с их уделами.

Таково содержание того обширного историко-географического введения, которое В. Н. Татищев счел нужным предпослать своей «Истории Российской». Нет надобности, конечно, здесь входить в критику его представлений о тех фактах историко-географического порядка, которые он излагает. С научной точки зрения его суждения в весьма многих случаях давно устарели. Рассматривая его историко-географическое введение с исторической точки зрения, надо отметить два обстоятельства-одно из которых было уже отмечено выше. Во-первых, это введение занимает в общей структуре труда В. Н. Татищева весьма значительное место подобно тому, как было во многих трудах западноевропейских историков эрудитской школы. Во-вторых, внимание В. Н. Татищева в этом введении поглощено главным образом сменой народов на территории нашей страны. Это внимание к смене народов на нашей территории сделалось впоследствии очень характерной чертой нашей исторической географии. Если мы обратимся, например, к известной работе XX столетия — книге С. М. Середонина «Историческая география», то мы увидим, что автор занят главным образом этой же проблемой. Конечно, С. М. Середонин решает ее на уровне буржуазной науки XX в., но изучаемая проблема остается той же самой.

В самой «Истории Российской», представляющей собою в остальных книгах, как известно, пересказ летописи, элементы исторической географии вкраплены в примечаниях, в которых автор решает вопрос о географическом положении тех древних поселений или местностей, о которых идет речь в основном тексте.

Довольно заметное место занимает историческая география в историческом произведении М. В. Ломоносова (1711—1765 гг.) — «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Б. Д. Греков показал, что «химик, физик, филолог, поэт и художник Ломоносов в то же время очень глубоко и серьезно занимался и историей»[1].

Б. Д. Греков обратил внимание на первую часть сочинения Ломоносова, озаглавленную автором «О России прежде Рурика». Б. Д. Греков показал, что в этой части своего труда Ломоносов проявил себя как знаток источников по древнейшему периоду истории нашей Родины и высказал ряд положений, о путях развития русского народа, в которых значительно опередил свое время.

Именно в этой части труда Ломоносова элементы исторической географии занимают заметное место в общей структуре изложения.

Центральным вопросом первой части труда Ломоносова была проблема происхождения русского народа и образования Русского государства.

При решении вопроса о происхождении русского народа Ломоносов руководствуется двумя основными положениями. Во-первых, он считает, что история русского народа начинается задолго до Рюрика. Рюрик для Ломоносова—только «самодержавства Российского основатель», т. е. основатель монархической власти. В этом отношении, как справедливо указывает Б. Д. Греков, Ломоносов значительно опередил последующих

---

[1] *Б. Д. Греков.* Ломоносов — историк.— «Историк-марксист», 1940, № 11.

историков — Карамзина, для которого «призвание варягов знаменует начало русской истории»[1], и даже Соловьева, который тоже признавал, что с этого события «справедливо начинают русскую историю»[2].

Вторым руководящим положением для Ломоносова является сложность этнического состава всякого народа, в том числе и русского. «Ни о едином языке,— пишет он,— утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными неспокойствами, переселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество»[3].

Исходя из указанных основных положений, Ломоносов решает вопрос о происхождении русского народа, восходя от более близких по времени, более известных исторических фактов к фактам времен отдаленных.

Двумя основными группами племен, из слияния которых образовался русский народ, Ломоносов считает славянские и финские (он называет их чудью), племена Восточной Европы при резком преобладании первых. «В составлении российского народа,— пишет он,— преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш от славянского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях». Не ограничиваясь установлением этого факта, Ломоносов дает, ссылаясь на летопись и на Константина Багрянородного, конкретную картину географического размещения славянских племен и народов. Ломоносов пересказывает в данном случае, соответствующее место из «Повести временных лет», добавляя от себя несколько слов о войнах и храбрости славян: «в России славяне Новгородские, Поляне на Днепре по горам Киевским, Древляне в Червонной России между Днепром и Припятью, Полочане на Двине, Северяне на Десне, по Семи и по Суле, Дулебы и Бужане по Бугу, Кривичи около Смоленска, Волынцы в Волыни, Дрегвичи между Припятью и Двиною, Радимичи на Соже, Вятичи на Оке и другие поколения, по разным местам обитая и соединяясь с Варягами — Россами, пресильные войны подымали против греков. Вне России Ляхи по Висле, Чехи по вершинам Альбы, Болгары, Сербы и Моравляне около Дуная, имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных».

Ломоносов уделяет значительное внимание изменениям в. географическом размещении славянских и финских племен. Он рассматривает, во-первых, передвижения славянских народов вообще, во-вторых, передвижения восточнославянских и финских племен в Европе и северной Азии.

На передвижении восточнославянских и финских племен Ломоносов останавливается в первой главе своего труда. Он указывает, что «славянское владение возросло с течением времени. Многие области, которые в самодержавство первых князей российских Чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть уступив место, уклонилась далее к северу и востоку»[4].

О передвижении всех вообще славянских народов Ломоносов говорит более подробно.

Решая проблему этногенезиса славян, Ломоносов приходит к выводу, что предками славян являются сарматы и венеды древних авторов,

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. I, СПб., 1842, стр. 67.

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, т. I, СПб., б. г., стр. 103, изд. «Общественная польза».

[3] *М. В. Ломоносов.* Древняя российская история, СПб., 1766, стр. 6. Эта работа перепечатана в т. VI Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, издаваемого Академией наук СССР.

[4] *М. В. Ломоносов.* Указ. соч., стр. 5—6.

славянами же он считает антов, о которых много говорят византийские писатели.

Ломоносов считает, согласно воззрениям своего времени, славян выходцами из Азии. «Древнейшее всех переселение славян по известиям старинных писателей почитать должно из Азии в Европу»[1].

Ломоносов высказывает мнение, что это переселение «двумя путями происходило и водою и по суху»[2]. С одной стороны, славяне двигались из Малой Азии по Средиземному и Адриатическому морям, а также по Черному морю и вверх по Дунаю. «Другой путь был из Мидии севером около Черного моря к западу и далее на полночь, когда Сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались»[3].

Это свое утверждение он подкрепляет ссылкой на ряд авторов, в том числе и на «Декады» Биондо. В ту же эпоху, по мнению Ломоносова, славяне продвинулись и на территорию позднейшей Новгородской земли. Впоследствии под натиском римлян славянские народы, жившие в Иллирии, Далмации и по Дунаю, «в Север уклонились к своим однородцам, которые издавна в нем жительствовали»[4]. Это передвижение славян, по мнению Ломоносова, было причиной того их размещения в Европе, о котором говорится в начальной летописи. Говоря об этом, Ломоносов второй раз описывает размещение славян в Европе по данным начальной летописи.

Подобно Татищеву, Ломоносов сравнивает территорию, занятую славянскими народами в первом тысячелетии христианской эры, с пространством, заселенным ими в его время, и приходит к аналогичному выводу, что потери славянства на Западе были возмещены продвижением на восток русского народа и государства;

«Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славян с нынешним едва чувствительное нахожу в нем приращение. Чрез покорение западных и южных славян в подданство чужой власти и приведение в магометанство едва ли не последовал бы знатной урон сего племени перед прежним, есть ли бы приращенное могущество России с другой стороны оного умаления с избытком не наполнило. Того ради без сомнения заключить можно, что величество славянских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере»[5].

Источниками для Ломоносова при изложении им указанных выше элементов исторической географии России и славянства являются сочинения античных, византийских и некоторых других авторов. От пытливого взора Ломоносова не ускользнул и такой ценный источник, как топонимика. В качестве обоснования своего утверждения о колонизации восточнославянскими племенами территории, ранее занятой финскими племенами, он ссылается на географическую номенклатуру северо-восточной России — «не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей, чудские имена в России особливо в Восточных и Северных краях поныне остались»[6].

Не ставя себе специально историко-географических задач, Ломоносов не развивает подробнее этой мысли.

Как видно из сказанного, по своим взглядам на место исторической географии в общеисторических работах Ломоносов примыкает к Татищеву, но отводит в своей работе значительно меньше места элементам исторической географии, чем отводил Татищев.

---

[1] *М. В. Ломоносов.* Указ. соч., стр. 23.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 25.
[5] Там же, стр. 8—9.
[6] Там же, стр. 6.

В качестве третьего примера труда наших историков XVIII в., в котором значительное место занимают вопросы исторической географии, можно назвать «Критические примечания на историю М. М. Щербатова» И. Н. Болтина.

И. Н. Болтин (1735—1792), как и В. Н. Татищев, не был профессиональным историком. Он был практическим деятелем своего времени, хорошо знавшим Россию не из книг, а из жизни. Он сам писал об этом: «родясь и большую часть века прожив в России, и почти ни одной провинции не оставил, в которой бы я не был»[1]. Как и В. Н. Татищев, И. Н. Болтин усвоил основы европейской культуры своего времени, но он жил позже В. Н. Татищева, когда образованные люди в России интересовались главным образом произведениями французской литературы. Поэтому круг авторов Западной Европы, известных И. Н. Болтину, иной, чем тот, который был знаком В. Н. Татищеву. Одним из немногих произведений западноевропейской литературы, хорошо известных как тому, так и другому, был «Dictionnaire historique et critique» Бейля.

В своих работах И. Н. Болтин часто ссылается на сочинения французских просветителей, в особенности на «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» Вольтера. Встречаются у него иногда и ссылки на эрудитов, в том числе и на такие специальные труды, как «Nouveau traité de diplomatique» и словарь Дюканжа[2]. На исторических взглядах И. Н. Болтина безусловно сказалось влияние французских просветителей, которые, как это будет показано ниже, в следующей главе, задумывались над социологическим вопросом о роли климата в развитии человеческого общества[3], но не интересовались конкретной исторической географией. В противоположность этому, И. Н. Болтин сочетает историческое мировоззрение в духе французского «Просвещения» XVIII в. с высокой оценкой конкретной исторической географии и широким использованием историко-географических фактов в своей работе. Это показывает самостоятельность мысли И. Н. Болтина, усваивавшего идеи западноевропейской литературы в том сочетании, как это диктовалось его личными научными интересами.

В вопросах русской истории авторитетом для И. Н. Болтина был В. Н. Татищев, оказавший «несомненное влияние на мнения Болтина, касавшиеся русской истории»[4]. Источники русской истории были хорошо известны И. Н. Болтину.

Рассматриваемый труд И. Н. Болтина написан в форме примечаний на сочинения М. М. Щербатова. Поэтому, естественно, историческая география России дана в этом труде не в виде единого очерка, а в виде рассеянных высказываний. В самом начале первого тома своих «Критических примечаний» И. Н. Болтин указывает, что для составления всякого исторического труда необходима троякого рода подготовительная работа. Во-первых, надо собрать исторические источники и путем сличения списков исправить ошибки переписчиков, во-вторых, надо объяснить старинные, вышедшие из употребления, слова. «Третий труд в собрании известий относительных до географии, ибо история с географиею столь тесно связаны, что не зная одной писать о другой никак не можно» (стр. 17). Эту мысль он неоднократно повторяет во втором томе. Он пишет там, что «при всяком, так сказать, шаге историка, не имеющего в руках гео-

[1] «Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным», т. I, стр. 160.

[2] Там же, стр. 86.

[3] На взглядах И. Н. Болтина на роль климата в развитии общества, равно как и на характеристике его как историка, удобнее остановиться в следующей главе.

[4] *В. С. Иконников.* Статья «Болтин» в «Русском биографическом словаре» (том Бетанкур-Бякстер, стр. 188).

графии, встречается претыкание» (т. II, стр. 20). В другом месте он опять повторяет: «неоспоримо есть, что история и география взаимное друг другу делают пособие, то есть одна другой неясности и недостатки уясняет и пополняет» (т. II, стр. 120).

В числе упреков И. Н. Болтина по адресу М. М. Щербатова видное место занимает упрек в незнании исторической географии России. М. М. Щербатов, по словам И. Н. Болтина, «о географии ниже малейшего внимания употребить не хотел» (т. I, стр. 18).

Упрек в незнании географии древней Руси был справедлив. И. Н. Болтин уличил М. М. Щербатова в ряде грубых историко-географических ошибок; например, М. М. Щербатов полагал, что вятичи жили по реке Вятке[1], путал Владимир на Клязьме с Владимиром Волынским[2], не знал местоположения Минска[3] и т. п.

В своих «Критических примечаниях» на труд М. М. Щербатова И. Н. Болтин, не ограничиваясь указанием на ошибки М. М. Щербатова в области исторической географии, привел целый ряд фактов по географии древней Руси[4]. У него дано, например, довольно много указаний о местоположении и границах княжений (т. II, 249—252, 277—279 и др.), о расселении восточнославянских племен по летописи (т. I, 122). И. Н. Болтин, опираясь на летопись и «Книгу Большого Чертежа», делает попытку определить, с какой из современных ему рек надо отожествлять реку Калку, на которой была знаменитая битва русских с монголами. Он, повидимому, гордился своими соображениями на эту тему, указывая, что этого «доныне никто еще не открыл» (т. II, стр. 443). Небольшое количество фактов историко-географического порядка имеется также в «Примечаниях» И. Н. Болтина на сочинение Леклерка. Однако эти «Примечания» представляют для нас интерес не этими весьма немногими указаниями, а тем, что в них изложены взгляды И. Н. Болтина на роль климата в развитии человеческого общества.

Исправляя ошибки М. М. Щербатова в исторической географии России, И. Н. Болтин иногда сам в свою очередь делал ошибки, например, он неверно определил местоположение Тмутаракани.

В качестве третьего примера из русской историографии XVIII в. можно назвать «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера. В работах А. И. Андреева[5] и В. Ф. Гнучевой[6], из которых вторая опубликована совсем недавно, хорошо освещена большая работа Г. Ф. Миллера в области географии. Таким образом, подобно В. Н. Татищеву, Г. Ф. Миллер был хорошо знаком с географией России.

В «Истории Сибири» это качество Г. Ф. Миллера сказалось в том внимании, с каким Г. Ф. Миллер относится к восстановлению данных топографии Сибири эпохи ее завоевания русскими. Кроме того, — и это является особенно интересным, — Г. Ф. Миллер внимательно прослеживает основание русскими в Сибири городов и других укрепленных пунктов, а также слобод. В нашей литературе это первая конкретная попытка коснуться вопросов истории колонизации.

---

[1] «Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова», СПб., 1793, стр. 149.

[2] Там же, т. I, стр. 291, т. II, стр. 87—88.

[3] Там же, т. II, стр. 120.

[4] *Н. Л. Рубинштейн* («Русская историография», стр. 143) полагает, что по количеству материала по географии Киевской Руси труды И. Н. Болтина сопоставимы с монографией Н. П. Барсова о географии Начальной летописи. Мнение это нельзя не признать явным преувеличением.

[5] *А. И. Андреев.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири; напечатано в издании *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, М.— Л., 1937.

[6] *В. Ф. Гнучева.* Географический департамент Академии наук XVIII в. (Под редакцией А. И. Андреева). М.— Л., 1946.

Глава пятая

«ПРОСВЕЩЕНИЕ» XVIII ВЕКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Возникнув гораздо позже эрудитской школы, историография «Просвещения» XVIII в., однако, хронологически не сменяет эрудитскую историографию, активно работавшую вплоть до самой Великой французской революции, а сосуществует наряду с нею. Но исторически она является, конечно, следующим и весьма важным этапом в развитии исторической науки.

Историография французского «Просвещения» XVIII в., — это историография буржуазии, и притом буржуазии, не только не стоящей у власти, но и относящейся резко критически к господствующему феодальному строю и его идеологии.

Историки «Просвещения», и прежде всего наиболее выдающийся из них Вольтер, не только изучали прошлое со своих идеологических позиций, но и использовали это изучение для обоснования своей критики существующего строя и для своей пропаганды отрицательного отношения к феодализму, к религиозной нетерпимости и фанатизму. Этот подход к фактам прошлого является основной чертой историографии «Просвещения» XVIII в.

У Вольтера и его последователей эта черта выражена очень ярко, у Монтескьё и у историков, находившихся под его влиянием, она выражена слабее. Монтескьё был чужд провинденциализм, но в то же время у него нет и той критики деятельности католической церкви, которая так характерна для Вольтера. Но влияние Вольтера на историографию «Просвещения» было гораздо более значительным, чем влияние Монтескьё.

Буржуазная идеология, лежащая в основе всей историографии «Просвещения» XVIII в., роднит эту историографию с историографией итальянских гуманистов, которые тоже были носителями складывающегося буржуазного мировоззрения. Но отмечая это сходство, нельзя одновременно не подчеркнуть, что между временем Макиавелли, в лице которого итальянская гуманистическая историография достигла наиболее высокого уровня исторического мышления, и временем Вольтера прошло более двух столетий, и буржуазия XVIII столетия находилась на ином историческом этапе: в эту эпоху назревало крушение феодального строя. В частности, в совершенно ином положении находилась французская буржуазия XVIII в. по отношению к церкви. Итальянские гуманисты не могли итти дальше игнорирования церковной точки зрения на исторические события. Вольтер и его последователи не только резко критиковали

церковную точку зрения на ход истории, но и отрицательно оценивали роль церкви в истории западноевропейского феодального общества.

Оценка прошлого с точки зрения критикующей феодальные порядки и феодальную идеологию буржуазии определила основные стороны историографии «Просвещения» XVIII в.

Историки «Просвещения» совершенно устранили из своего исторического изложения все рассказы о проявлениях божественного промысла. Это было естественным следствием их антиклерикальных убеждений. Их рационалистический подход к событиям побуждал их к полному устранению также и всякого рода легенд. Вольтер определяет историю как «рассказ о фактах, сообщаемых в качестве истинных», и резко противополагает ее сказке как рассказу о фактах вымышленных[1]. Мысль о возможности при помощи научного анализа использовать мифы и легенды в качестве исторического источника была чужда не только историкам «Просвещения», но и всем их современникам.

В своем отрицательном отношении к проявлениям божественного промысла в истории и к историческим легендам и преданиям историки «Просвещения» были гораздо решительнее и последовательнее итальянских гуманистов.

Историки «Просвещения», прежде всего Вольтер, используя события прошлого для критики феодализма и церкви, нередко дают резко отрицательную оценку действиям государственных деятелей средневековой Европы, в особенности проявлениям жестокости и фанатизма. Средневековье в целом не только изображается ими как мрачная эпоха в истории Европы, но и соответственным образом оценивается. Вольтер называет историю средневековой Европы «варварской историей варварских народов, которые, сделавшись христианами, не стали от этого лучше»[2]. Даже к историческим источникам средневековья Вольтер относится пренебрежительно, называя средневековые монастырские хроники, начиная с Григория Турского, «смешными»[3].

К оценке событий и деятелей прошлого историки «Просвещения» подходили с масштабом своей эпохи. Они не умели представить себе правовое сознание людей прошлого[4], им было непонятно искусство средневековья. В этом отношении типичны и вместе с тем поразительны для историков последующей эпохи—XIX—XX вв.—отзывы Вольтера о готическом искусстве и о Данте. «Всякий человек с искрой здравого смысла должен,—по мнению Вольтера,— покраснеть, читая описание этой собравшейся в аду чудовищной компании из Данте и Виргилия, святого Петра и синьоры Беатриче»[5]. О готическом искусстве Вольтер писал: «Готическое

---

[1] «Histoire c'est le récit des faits donnés pour vrais, au contraire de la fable, qui est le récit des faits donnés pour faux». Статья «Histoire» в «Dictionaire philosophique» Вольтера. Цит. по перепечатке в «Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers par une societé de gens de lettres mis en ordre et publié par M. Diderot», t. 17. A Geneve, 1778.

[2] «Au démembrement de l'empire romain, en Occident commence un nouvel ordre des choses, c'est ce qu'on appelle l'histoire du moyen âge; histoire barbare des peuples barbares, qui devenus chretiens n'en deviennent pas meilleurs». Ibid.

[3] «Chroniques ridicules, renfermés dans les cloîtres depuis Grégoire de Tours». Ibid.

[4] В этом отношении типичен негодующий отзыв Вольтера о системе наказаний в варварских правдах «Quiconque avait quarante cents sous c'est à dire, quatre cents écus du temps à donner pouvait tuer impunément un êveque, il en coûtait deux cents sous pour la vie d'un prêtre, autant pour le viol, autant pour avoir empoisonné avec des herbes». Essai sur les moeurs, t. II, 1817, p. 177.

[5] Цит. по книге Р. Ю. Виппера «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе». Второе издание. М., 1908, стр. 57.

искусство — стиль вандалов; это фантастическая смесь грубости и мелочной отделки»[1].

За враждебное отношение к средним векам, за измерение прошлого масштабом своей эпохи историки XIX столетия присвоили веку «Просвещения» эпитет «антиисторического» века; историков «Просвещения» обвиняли в непонимании сущности исторического процесса, в отсутствии исторического мышления. Авторы подобных оценок, бывшие в противоположность «просветителям» не врагами, а поклонниками исторической традиции, в сущности сами совершали по отношению к историографии «Просвещения» ту самую коренную ошибку, которую они приписывали ей по отношению к прошлому вообще, а именно они обнаружили неуменье подойти к историографии «Просвещения» с исторической точки зрения.

Рационалистический подход к прошлому и измерение его масштабом своей эпохи было свойственно не только «просветителям», но и их предшественникам. С другой стороны, если сопоставить уровень исторического мышления историков «Просвещения» с уровнем, достигнутым предшествующей им историографией, то легко увидеть тот колоссальный шаг вперед, который сделала в этом отношении историография «Просвещения». В сущности именно в данной плоскости и лежит то новое, что внесли «просветители» в развитие исторической науки.

Историки «Просвещения» выдвинули требование о необходимости различать в жизни минувших веков исторические факты от неисторических. Уже Вольтер, четко сформулировав это требование, попытался осуществить его на практике в тех двух своих исторических произведениях, которыми он заложил фундамент историографии «Просвещения» — в «Siècle de Louis XIV» и в «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII». Его последователи, и прежде всего Робертсон[2] и Гиббон[3], авторы наиболее интересных с данной точки зрения работ, также осуществляли этот принцип на практике. Эрудитской историографии XVII—XVIII вв. было свойственно не только внимание к деталям, но и неуменье отделить их от основных фактов. Как бы отталкиваясь от практики эрудитской школы, Вольтер в предисловии к «Опыту о нравах и духе народов» указывает, что в своем труде он не ставит себе цели определить, «в каком году у какого-нибудь грубого народа какой-либо князь, недостойный того, чтобы имя его было известно, наследовал престол другого князя-варвара»[4]. Он подчеркивает далее необходимость знать великие дела государей и игнорировать заурядных королей, знакомство с жизнью которых может только обременять память[5]. Он считает совершенно бесполезным подробное изучение интересов многочисленных угасших уже фамилий, когда-то оспаривавших друг у друга провинции, потом поглощенные

---

[1] Цит. по Р. Ю. Випперу.

[2] Наиболее интересным его сочинением является вводная часть работы «History of the Reign of the Emperor Charles V». London, 1769. Эта книга была переведена на русский язык еще в 1775 году, но не с подлинника, а с французского перевода (История о государствовании императора Карла Пятого, пер. с французского Смирнова).

[3] «History of the Decline and Fall of the Roman Empire». London, 1776—88. На русский язык этот труд был переведен в 80-х годах XIX в.

[4] «Le but de ce travail n'est pas de savoir en quelle année un prince indigne d'être connu succeda à un prince barbare chez une nation grossière». Essai sur les moeurs. Avant-propos.

[5] «Autant il faut connaître des grandes actions des souverains qui ont rendu leur peuples meilleurs et plus heureux, autant ignorer le vulgaire des rois qui ne pourrait que charger la mémoire». Там же.

большими королевствами[1]. Это последнее высказывание явно направлено против трудов эрудитов по местной истории.

Из громадных собраний исторических материалов, накопленных эрудитами, собраний, которые Вольтер называет необъятными, он рекомендует историку выбирать необходимые для работы исторические факты.

Но историки «Просвещения» не ограничились одним отбором для изучения только тех событий, которые имели историческое значение, принципиально отбрасывая мелкие факты и данные о правителях, не оставивших следа в истории. Историки «Просвещения» поставили вопрос о перестройке содержания исторических произведений также и под другим углом зрения. Как уже было показано в предшествующих главах, содержание общеисторических произведений в течение XV—XVIII столетий сводилось к изложению почти одной лишь политической истории и фактов из личной жизни правителей с добавлением с конца XVI в. также фактов церковной истории. История отдельных отраслей культуры, литературы, искусства, права, хозяйства возникла и развивалась вне рамок общей истории. Она затем очень медленно и постепенно, с перебоями внедрялась в сочинения общеисторического характера.

В зачаточном виде это внедрение имело место и в сочинениях отдельных эрудитов. Например, в обширном труде эрудита конца XVII столетия Тийемона (Tillemont, 1637—1698) «Histoire des empereurs et des autres princes qui ont regné durant des six premiers siècles de l'Eglise», обычно в конце рассказа о событиях в правление какого-либо императора сообщаются краткие сведения о писателях, живших в годы царствования этого императора. Данные по истории одной из отраслей культуры, таким образом, играют у Тийемона роль небольшого дополнения к основному содержанию труда, посвященного истории политических событий и фактам из личной жизни императоров. Все изложение в основном ведется по царствованиям, независимо от того, насколько значительным являлось каждое из них и насколько исторической личностью был данный император.

В дальнейшей истории развития исторической науки такая структура общеисторических произведений упрочилась надолго далеко за пределами XVII—XVIII вв. Содержание указанного дополнения по истории культуры осложнялось по мере того, как росло изучение истории отдельных отраслей культуры соответствующими специалистами — литературоведами, искусствоведами, юристами, экономистами. Увеличивался объем этого дополнения и его удельный вес в книге. Но история материальной и нематериальной культуры все же являлась лишь привеском, а основным стержнем изложения оставалась история политических событий.

В качестве иллюстрации этого положения достаточно напомнить структуру таких ведущих произведений буржуазной исторической науки XIX—XX вв., как первые три тома «Römische Geschichte» Моммсена, «Geschichte des Altertums» Эдуарда Мейера, многотомный коллективный труд английских историков XX в. «Cambridge Modern History».

Политическая история не переставала играть роль основного стержня и в тех общеисторических произведениях, в которых изложение истории культуры из привеска, следующего за рассказом о политических событиях,

---

[1] «A quoi vous serviraient les détails de tant de petits interêts qui ne subsistant plus aujourd'hui, de tant de familles éteintes qui se sont disputé de provinces englouties ensuite dans de grands royaumes?» Там же.

как это, например, имеет место у Моммсена, было превращено в начальные главы книги, с целью дать в них характеристику той исторической обстановки, в которой развертывались события политической истории. Но, конечно, в этом последнем случае вопросы истории культуры все же играли в общем изложении бо́льшую роль, чем тогда, когда они давались в качестве дополнения, следующего за основным изложением.

В конце XIX в. эта традиционная ведущая роль событий политической истории в изложении общего хода исторического процесса стала предметом оживленных дискуссий. Дискуссии нанесли этой старой традиции, ведущей свое начало еще со времен летописей, серьезные удары, но не сломили ее. И в XX столетии в буржуазной историографии имеют место попытки принципиально отстаивать эту традицию, а не только проводить ее фактически при построении общеисторических курсов и учебников. В качестве иллюстраций достаточно привести два примера.

В начале текущего XX столетия крупнейший специалист конца XIX—начала XX в. по древней истории Эдуард Мейер в книге о теории и методике исторической науки[1], книге, явившейся отголоском дискуссии, которая имела место в конце 90-х годов, по поводу взглядов К. Лампрехта утверждал, что политическая история всегда будет занимать центральное место в исторической науке, и считал иное понимание «навязыванием истории несвойственных ей задач»[2].

Ближе к нашему времени Гинце высказал мнение, что события политической истории можно рассматривать как «позвоночный хребет судеб народов, который несет на себе остальную культурную жизнь»[3].

Таким образом, внедрение элементов истории культуры в общеисторические произведения с постепенным повышением их удельного веса и значения — это весьма длительный процесс в буржуазной науке.

С другой стороны, в буржуазной исторической науке XIX—XX вв. сложился особый тип синтетической работы по истории культуры в целом. В качестве примеров можно назвать «Histoire de la civilisation en France» и «Histoire générale de la civilisation en Europe» Гизо, «Historia de España y de la civilización española» Альтамиры и «The Rise of American Civilization» Чарлза и Мэри Бирд.

Работы историков «Просвещения» явились очень крупным, принципиально новым этапом в процессе внедрения элементов истории культуры в произведения общеисторического характера. Эти работы положили начало также тому типу синтетических трудов по истории культуры в целом, о котором я только что упомянул.

Историки «Просвещения», исходя из своего буржуазного мировоззрения, не могли ограничить свои исторические интересы одними лишь вопросами политической истории. Вольтер требовал от историков «больше внимания к обычаям, к законам, к нравам, к торговле, финансам, сельскому хозяйству, к населению»[4].

«Просветители» не ограничились одним лишь усилением внимания к вопросам истории культуры. Они сделали попытку придать фактам культурно-исторического порядка совершенно иное, чем раньше, значение при построении исторических сочинений.

---

[1] *Ed. Meyer*. Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen. Halle, 1902. Есть русский перевод (М., 1911).

[2] В нашей литературе к этому взгляду Мейера присоединился покойный акад. С. А. Жебелев в предисловии ко 2-му изданию русского перевода Фукидида (Москва, 1915).

[3] «Troeltsch und die Probleme des Historismus» von Hintze. «Historische Zeitschrift», Bd. 135, Heft 2, 1927.

[4] См. его статью «Histoire», цитированную выше.

Вольтер в «Веке Людовика XIV» поставил задачу, которую до него историки не ставили: дать не только историю царствования этого короля, но и характеристику эпохи. В письме к лорду Гарвею по поводу своей книги Вольтер утверждал, что он пишет в большей степени историю «великого века, чем великого короля»[1]. Поэтому самая структура его сочинения приняла не обычный ранее вид: первые 28 глав книги посвящены истории царствования и личной жизни Людовика XIV, а последующие десять глав содержат характеристику состояния Франции в годы его царствования. В этой части книги рассказывается о внутреннем управлении, юстиции, законодательстве, организации вооруженных сил, торговле, финансах, состоянии наук и искусств, церковных делах. Вольтер не выполнил полностью своего замысла. Истории царствования было посвящено значительно больше внимания, чем характеристике эпохи. Эта последняя, помещенная в книге после истории царствования, играла как бы роль развернутого дополнения к рассказу о событиях и о фактах личной жизни короля.

Рассказывая о придворных интригах и любовных похождениях короля, Вольтер пускается в такие детали, которые он сам называет недостойными включения в историческое произведение. Он оправдывает свой рассказ о них соображением, что великий век Людовика XIV делает все интересным и что предшествующие историки дают о них искаженные сведения[2]. Тем не менее для историографии того времени книга была новым словом. В частности, хотя очерк эпохи в книге и играет роль дополнения к рассказу об истории царствования Людовика XIV, он все же представляет собою попытку дать сводный очерк всех известных автору сторон культуры и административного устройства Франции при Людовике XIV.

Ничего подобного эрудитская историография не знала.

В другой из двух своих основных исторических работ — в «Опыте о нравах и духе народов и о главных фактах истории от Карла Великого до Людовика XIII», работе еще более новой по замыслу, но менее удачной по выполнению, Вольтер сделал смелую попытку представить ход мировой истории на фоне развития мировой культуры.

Факты из истории средневековой Европы были здесь использованы Вольтером для острого обличения феодализма и религиозной нетерпимости. Многие исторические события и исторические личности средних веков были показаны не в их традиционном наряде, а с точки зрения «Просвещения» XVIII в. Историческое значение такой критики традиционных представлений несомненно. Но Вольтеру не удалось построить в этой книге цельного и связного очерка истории мировой или хотя бы западноевропейской культуры. Несмотря на свою огромную начитанность в самых разнообразных отраслях научной литературы своего времени, Вольтер не смог собрать даже того материала, который был накоплен в его время.

Хотя в заглавии книги на первом месте поставлена история нравов и духа народов, а на втором месте главные события истории, фактически в содержании книги материал по истории культуры скуден и явно на заднем плане, за исключением только позднее написанной краткой вводной части. Рассказ о событиях явно преобладает. Нельзя сказать при этом,

---

[1] «En un mot, c'est encore plus d'un grand siècle que d'un grand roi, que j'écris l'histoire». Lettre de Voltaire à Milord Harvey. 1740.

[2] «Je crois même que ces intrigues de cour, 'étrangères à l'Etat, ne devraient point entrer dans l'histoire, si le grand siècle de Louis XIV no rendait tout interéssant, et si le voile des ces mystères n'avait été soulevé par tant d'historiens qui pour la plupart les ont defigurés». Siècle de Louis XIV. Chap. XXVI (последний абзац).

чтобы Вольтер всегда отбирал только факты большого исторического значения. В качестве примера можно привести 39 главу, озаглавленную «Состояние Франции в X и XI столетиях». В этой главе нет ничего о хозяйстве Франции этой эпохи, но зато около страницы занято довольно курьезными замечаниями автора о дочери русского князя Ярослава Владимировича Анне, которая была замужем за французским королем Генрихом.

Однако как эскиз, показывающий замысел автора и тем выдвигающий новую и чрезвычайно плодотворную в будущем идею, этот труд Вольтера сыграл очень крупную роль в развитии послевольтеровской историографии.

Второй попыткой дать общий очерк развития культуры Европы за ряд столетий в связи с историей важнейших событий была вводная часть книги английского последователя Вольтера Робертсона «История царствования императора Карла V».

Попытка Робертсона оказалась удачнее, чем Вольтера. Он дал сравнительно связную картину развития общественного и государственного строя Западной Европы в средние века, обрисовал изменения в организации суда, отметил роль возрождения римского права. Робертсон уделяет внимание развитию торговли и делает попытку оценить ее историческую роль. Он не забывает также коснуться и состояния просвещения в средние века.

Изменения в состоянии западноевропейского общества Робертсон ставит в связь с крупными историческими событиями, делая последние причинами первых. Он является наиболее ярким представителем воззрения «просветителей», впоследствии получившего у историков исторической науки (например, у Фютера) название «теории катастроф».

Все рассматриваемые Робертсоном исторические факты он с большой последовательностью оценивает с точки зрения просвещенного буржуа XVIII в.

Книги Вольтера и Робертсона, о которых здесь только что было кратко сказано, послужили началом того типа синтетических работ по истории культуры, который представлен в последующей историографии трудами Гизо и других историков, названных выше.

Внимание «просветителей» к истории отдельных отраслей культуры неодинаково.

Имеются в этом отношении и различия между отдельными историками, например, Вольтер обнаруживает особенный интерес к истории литературы и искусства, а Робертсон — к истории общественных учреждений. Гиббон уделяет серьезное внимание истории права. Данные по истории хозяйства, за редким исключением, обычно приводятся в очень ограниченном количестве. Это в значительной мере является результатом слабой еще разработки в XVIII в., особенно в первой его половине, экономической истории, а отчасти и недостаточного знакомства историков «Просвещения» с сочинениями экономистов, посвященными вопросам экономической истории, хотя ссылки на историко-экономические сочинения у них все же встречаются, например, Робертсон много раз ссылается на Андерсона[1].

Недостаточная разработанность экономической истории, как причина слабого внимания историков к проблемам истории хозяйства, видна на примере выдающегося и весьма насыщенного конкретным материалом труда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Гиббон

---

[1] Об Андерсоне см. в предыдущей главе.

дает специальную, весьма обстоятельную главу по истории римского права, основанную, как он сам об этом говорит, на трудах Гейнеке (Heineccius) и Гравины[1]. Для истории хозяйства Римской империи подобная глава, конечно, в XVIII в. еще не могла быть написана.

На развитие экономической историографии «просветители» безусловно оказали благотворное влияние. Под их влиянием возникли в этой области крупные для своего времени работы, как, например, ценный труд по истории торговли древнего мира геттингенского ученого Геерена[2], находившегося под влиянием Монтескьё и Адама Смита (Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornemsten Völker der alten Welt, первое издание 1793 г.).

Получившее в XVIII в. большую известность многотомное сочинение Рейналя (Raynal) «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes» (первое издание в 4 томах вышло в 1770 г. в Амстердаме без имени автора, второе, переработанное, в 10 томах,—в 1780 г. в Женеве) целиком написано в духе «Просвещения» XVIII в.[3] Его научная ценность была скромной, вследствие чего впоследствии оно заслужило резко отрицательную характеристику у буржуазных историков исторической науки (см. Fueter. Указ. соч., стр. 363). Но его общественное значение, как орудия пропаганды против колониального гнета, было весьма значительно.

Историки «Просвещения» поставили вопрос о пересмотре структуры исторических произведений также и с точки зрения круга стран, подлежащих изучению. И в этом случае тоже пересмотр структуры означал не только расширение тематики, но и принципиально иной взгляд на общий ход и значение исторических событий. Вольтер в своем «Опыте о нравах и духе народов и главных фактах истории» не только ввел в изложение историю внеевропейских народов — арабов, индусов и в особенности китайцев, к которым он питал особые симпатии[4], но и отказался в своей работе от той европоцентрической точки зрения, на которой стояла предшествующая ему историография. Он первый указал на культурную роль арабов в средние века. Он сопоставляет историю европейских и внеевропейских народов без всякого высокомерия по отношению к последним. Его «Опыт» является подлинным сочинением по мировой истории. Историография XIX в. не пошла за «просветителями» по этому новому пути. Европоцентризм остался надолго.

Успехи в изучении внеевропейских стран, в особенности стран Востока, достигнутые европейцами ко времени Вольтера[5], развитие арабистики, о котором упоминалось уже в предыдущей главе, конечно, все это дало возможность «просветителям» привлечь материал по

---

[1] О работах Геннеке и Гравины см. выше, в предыдущей главе.

[2] Геттингенский университет сыграл крупную и прогрессивную роль в развитии немецкой исторической науки в XVIII в.

[3] Автор специальной монографии о Рейнале Фежер (*Feugère A.* Un précurseur de la revolution-l'abbé Raynal, 1922) считает распространение, которое сочинение Рейналя получило во Франции, несмотря на запрещение, феноменальным. Рейналю помогало много лиц, в том числе Дидро. Сочинение Рейналя было переведено на многие языки, в том числе и на русский. Интересно отметить, что русский перевод, вышедший в Петербурге в 1805—1811 гг., был издан, как это указано на титульном листе, «по Высочайшему его императорского величества повелению».

[4] Mutatis mutandis можно сравнить отношение Вольтера к Китаю с отношением Тацита к Германии. Идеализируя Китай, Вольтер использует данные о нем для своих публицистических целей.

[5] Для Вольтера особенно большое значение имели труды французских миссионеров XVII—XVIII вв. о Китае. Труды эти сыграли крупную роль в ознакомлении европейцев с Китаем. См. *В. В. Бартольд.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 101.

внеевропейским странам. Но их бесспорной заслугой было использование этого материала.

«Просветители» сделали попытку наметить некоторые закономерности в истории человеческого общества.

Наиболее значительными из их построений на эту тему надо признать две теории — теорию прогресса и теорию о роли климата для развития человеческого общества.

Элементы теории прогресса можно найти у ряда «просветителей». Наиболее ярко эта теория была развита Кондорсе (Jean Antoine Condorcet, 1743—1794) в написанном им незадолго до смерти сочинении «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain»[1]. Кондорсе делит историю человечества с точки зрения его умственного развития на десять эпох. В первую из них люди, соединенные в племена, живут охотой. Во вторую эпоху люди занимаются скотоводством и начинают переходить к земледелию. В третью эпоху земледелие становится основным занятием человека. Развитие земледелия влечет за собою появление разделения труда, возникает письменность. Характеризуя эти первые три эпохи, Кондорсе не указывает, к каким народам и странам относится его описание, считая, повидимому, эти стадии универсальными для всех народов. Начиная с четвертой эпохи, его изложение принимает конкретно-исторический характер. Четвертой эпохой Кондорсе считает время античной Греции до деятельности Аристотеля. Говоря об этой эпохе, Кондорсе отмечает, что «почти все учреждения греков предполагали существование рабства»[2].

Пятая эпоха, по мнению Кондорсе, начинается с Аристотеля и заканчивается упадком наук при переходе к средним векам. Распространение влияния греческой философии в эту эпоху Кондорсе считает благотворным[3]; напротив, о христианстве он отзывается отрицательно, потому что «оно боялось духа исследования и сомнения, той веры в свой собственный разум, которая является бичом для всех религиозных верований. Свет естественных наук был ему даже ненавистен и подозрителен, ибо они чрезвычайно опасны для успеха чудес. Нет такой религии, последователям которой не приходилось бы закрывать глаза на некоторые физические нелепости. Таким образом, торжество христианства было сигналом полного упадка наук и философии»[4].

К шестой эпохе Кондорсе относит период раннего средневековья до крестовых походов. Он называет этот период несчастной эпохой, когда «человеческий разум быстро спускается с высоты, на которую он поднялся»[5].

Давая резко отрицательную характеристику этой эпохи, Кондорсе, однако, отмечает, что замена античного рабства средневековым крепостничеством была условием улучшения положения масс в будущем.

Седьмая эпоха, по мнению Кондорсе, охватывает время от первых успехов наук в период их возрождения на Западе и до изобретения книгопечатания. «Общий характер этой эпохи выразился в подготовлении человеческого разума к перевороту, к которому открытие книгопечатания должно было привести»[6]. Изобретение книгопечатания Кондорсе счи-

---

[1] Эта работа Кондорсе переведена на русский язык. Перевод был издан дважды, в 1909 г. и второй раз в 1936 г., под заглавием «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума».

[2] «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». 1936, стр. 67.

[3] Там же, стр. 91.

[4] Там же, стр. 94.

[5] Там же, стр. 100.

[6] Там же, стр. 127.

тает чрезвычайно важным переломным моментом в истории Европы, так как оно весьма способствовало распространению просвещения. Оно поэтому начинает собою следующую, восьмую эпоху. Почти совпадают с этим изображением два крупных других события — взятие Константинополя турками, повлекшее за собою переселение византийских ученых в Италию, и великие географические открытия. Кондорсе останавливается, анализируя эту эпоху, на реформации и религиозных войнах. Резко порицая религиозную нетерпимость, кратко коснувшись народных движений и резко осудив деспотизм, он с большим одушевлением говорит о прогрессе науки, литературы и искусства. «Трое великих людей — Бэкон, Галилей и Декарт — отметили, по его мнению, переход от этой эпохи к следовавшей за ней»[1]. Из них наиболее высоко Кондорсе оценивает Декарта, который «звал людей сбросить с себя иго авторитета и признавать только то, что будет одобрено разумом»[2].

Девятая эпоха, по Кондорсе, охватывает время от Декарта до образования французской республики. Этой эпохе Кондорсе посвящает больше внимания, чем каждой из предыдущих. Он рассматривает здесь историю Европы под тем же углом зрения, что и в предыдущих главах, резко порицая деспотизм и нетерпимость. Кондорсе с большой выразительностью говорит о «просветительной» философии и ее общественной роли, о ее борьбе за «разум, терпимость, человечность»[3]. Он останавливается на американской и особенно на французской революции и ее значении. Интересно отметить, что, рассказывая о развитии наук, Кондорсе говорит о возникновении в этом периоде экономической науки, с симпатией отзываясь об Адаме Смите и в особенности о физиократах. Особенный интерес у современного историка исторической науки вызывает замечание Кондорсе об истории. Он пишет: «До сих пор политическая история, как и история философии и наук, была только историей нескольких людей: то, что действительно образует человеческий род, — масса семейств, почти всецело существующих своим трудом, была забыта; и даже среди тех, кто, посвящая себя общественной деятельности, заботится не о себе самом, но обо всем обществе, чья задача обучать, управлять, защищать и помогать другим людям, — даже в этом классе людей только главари останавливали на себе внимание историков»[4]. «Эту наиболее важную часть истории людей»[5], по мнению Кондорсе, очень мало изучали как вследствие «недобросовестности историков», так и вследствие недостатка данных. «Именно на эту часть истории человеческого рода, наиболее темную, наиболее пренебрегаемую и для которой памятники доставляют нам так мало материала, должно быть обращено особенное внимание»[6].

В главе под заглавием «Десятая эпоха» Кондорсе говорит о будущем прогрессе человеческого разума. В этой главе он выступает уже не в качестве историка.

На примере сочинения Кондорсе, содержание которого только что было кратко изложено, легко видеть также, что́ считали «просветители» движущими силами истории. Не игнорируя экономику и материальные интересы господствующих классов, они все же основной движущей силой исторического процесса считали развитие разума, т. е. стояли на чисто идеалистических позициях.

---

[1] «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1936, стр. 157.
[2] Там же, стр. 158.
[3] Там же, стр. 176.
[4] Там же, стр. 217.
[5] Там же, стр. 218.
[6] Там же.

Теория о роли климата в развитии человеческого общества имеет самое непосредственное отношение к исторической географии, история развития которой является основной задачей моей работы. Поэтому на этой теории «просветителей», несмотря на то, что их воззрения в этой области вносят очень мало нового, придется остановиться несколько подробнее.

Вольтер мало останавливается на роли природных условий для развития человеческого общества, и его суждения на эту тему противоречивы. В «Опыте о нравах и духе народов» он говорит о возникновении древнейших очагов культуры в теплом климате[1]. С другой стороны, ко взглядам Монтескьё о роли климата в истории человеческого общества Вольтер относится отрицательно. Поэтому у крупнейшего историка «Просвещения» не приходится искать теории о роли географической среды в истории человечества.

Из «просветителей» наиболее развернутые суждения на эту тему имеются у Монтескьё и Гердера, менее подробные, но более стройные высказывания принадлежат русскому историку, находившемуся под несомненным влиянием «просветителей» — Болтину.

В географической литературе можно встретить указание, что Монтескьё был непосредственным продолжателем Бодена. Такое мнение, например, высказывал московский географ Л. Д. Синицкий в опубликованном им в 1909 г. «Очерке истории антропогеографических идей».

Мнение это не совсем точно передает фактическое положение дела. Во-первых, между Боденом и Монтескьё были посредствующие звенья, во-вторых, как это будет показано ниже, Монтескьё внес по сравнению с Боденом настолько мало нового, что назвать его продолжателем Бодена трудно. Монтескьё не столько продолжает Бодена, сколько просто развивает те же идеи.

Монтескьё отделяет от Бодена промежуток времени более полутораста лет. За это время в трудах историков и географов высказывались суждения о роли природных условий в истории развития человеческого общества. Из этих суждений наибольший интерес представляют высказывания французского путешественника XVII в. Шардена и историка Дюбо, о котором уже говорилось выше в другой связи.

Шарден (Jean Chardin, 1643—1713) известен в истории географической науки своими путешествиями по Ближнему Востоку и Индии. В 1665 г. он в первый раз поехал в Персию. Он пробыл в стране шесть лет и хорошо изучил ее язык. Вернувшись во Францию, он в 1671 г. опять отправился через Кавказ в Персию. После четырехлетнего в ней пребывания Шарден выехал оттуда в Индию и вернулся в Европу кругом Африки. Он опубликовал подробное описание своего путешествия под заглавием «Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes Orientales par la mer Noire et par la Colchide»[2]. Знание персидского языка, близость ко двору шаха позволили Шардену собрать богатый материал о Персии. Его труд высоко ценился в XVIII в., в частности, им пользовались Дюбо и Монтескьё[3]. Современные историки Востока тоже считают описание Шардена[4]

---

[1] «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations», t. II, p. 7.

[2] «Дневник путешествия в Персию и Ост-Индию через Черное море и Колхиду». Первый том вышел в Лондоне в 1686 г. Полностью все сочинение было издано в Амстердаме в 1711 г.

[3] См., например, «Esprit des lois». Livre XVI, Chap. XIV.

[4] Советский востоковед акад. В. В. Бартольд так отзывался о Шардене: «Из всех путешественников, посетивших в XVII в. Персию, Шарден дал самое подробное и всестороннее описание этой страны, которое до сих пор сохраняет значение классического труда» (*В. В. Бартольд.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 113).

ценным источником для характеристики Персии конца XVII в. Шарден описывает также Грузию[1] и Армению.

Шарден в этом сочинении высказывает мысль, что климатические условия, в которых живет каждый народ, являются основной причиной склонностей и обычаев людей, которые не больше отличаются друг от друга, чем состав воздуха тех мест, где они живут[2].

Климат стран Востока, по мнению Шардена, сделал обитателей этих стран ленивыми, вследствие чего на Востоке получился застой культуры. Шарден считает жаркий климат неблагоприятным для развития искусств и ремесл, высшие достижения которых надо искать ближе к северу[3].

Климатом Шарден объясняет страстность темперамента людей Востока и зависимое положение женщины в этих странах.

Аббат Дюбо развил свои взгляды на роль климата для истории человеческого общества в первом из своих основных научных трудов — в «Réflexions critiques sur la poésie et la peinture». Во второй части этого сочинения Дюбо ставит вопрос о влиянии природных условий на развитие искусств и литературы. В своих размышлениях об этом влиянии Дюбо исходит из трех положений, которые он считает фактами, установленными историей искусств и литературы. Во-первых, утверждает Дюбо, имеются страны, в которых не развиваются искусства и литература и, кроме того, не во все времена искусства и литература одинаково процветали. Искусства не процветали к северу от 52° и к югу от 25° северной широты. Уже в течение двух столетий живопись пользуется большим поощрением со стороны английских королей, но, несмотря на это, ни один англичанин не завоевал среди художников славы первоклассного мастера или хотя бы репутации художника второго разряда. Работавшие в Англии крупные живописцы были все иностранцами, сама Англия смогла выдвинуть только трех известных портретистов, в то время как ее уроженцами были хорошие музыканты, превосходные поэты, философы и ученые.

В Европе было изобретено то оружие, при помощи которого испанцы и португальцы легко покорили Америку и сделали завоевания в Индии. Если китайцы случайно изобрели порох и книгопечатание раньше, чем они были изобретены в Европе, то европейцы потом сделали такие успехи в этом отношении, что могут давать уроки самим китайцам. Картины восточных художников и произведения восточных поэтов кажутся странными европейцам. Китайцы же в свою очередь не ценят картин европейских художников.

С другой стороны, до Юлия II папы покровительствовали искусству и литературе, но таких деятелей искусства, какие были во времена Юлия II, Италия раньше не имела. Во Франции Франциск I поощрял художников и поэтов. Они съезжались к нему из других стран, но Франция не выдвинула крупных художников в его царствование. При Людовике XIV во Франции искусство стало процветать.

---

[1] В учебнике по истории Грузии, изданном Грузинской Академией наук, использованы рисунки, приложенные к сочинению Шардена (см. *Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа.* История Грузии, ч. 1, стр. 380 и 384). Тбилиси, 1946.

[2] «Le climat de chaque peuple est toujours, à ce que je crois, la cause principale des inclinations et des coutumes des hommes qui ne sont pas plus diverses entre elles que la constitution de l'air est differente d'un lieu à un autre» (tome II, p. 4).

[3] «La temperature des climats chauds énerve l'esprit comme le corps et dissipe ce feu d'imagination nécessaire pour l'invention. On n'est pas capable en ces climats là de longues veilles et de cette forte application qui enfante les ouvrages des Arts liberaux et des Arts mécaniques. C'est seulement vers le Septentrion qu'il faut chercher les Arts et les Métiers dans leur plus hautes perfections».

«Итальянцы, от которых мы научились искусству скульптуры, давно уже оказались вынужденными пользоваться нашими мастерами»[1].

Во-вторых, утверждает Дюбо, искусства всегда достигали совершенства с внезапной быстротой и, когда потом они приходили в упадок, никакие усилия не могли остановить этого упадка. До 80-х годов XV в. итальянская живопись стояла на низком уровне и развивалась очень медленно. С конца XV в. она стала развиваться гигантскими шагами. Во Франции при Людовике XIII начался быстрый прогресс в поэзии, аналогичный быстрому росту живописи в Италии при папе Юлии II. Дюбо приводит много других примеров в подтверждение этого второго из своих основных исходных положений.

Согласно третьему из основных положений Дюбо, «великие художники всегда были современниками великих поэтов, их соотечественников»[2]. В подтверждение этой мысли Дюбо также приводит много фактов из истории искусства как античного, так и более близкого к своему времени. Он говорит, что в древней Греции «Сократ, Платон, Аристотель, Демосфен, Изократ, Фукидид, Ксенофонт, Эсхил, Эврипид, Софокл, Аристофан, Менандр и многие другие жили в одном и том же веке»[3].

Аналогичную картину, по его мнению, в истории Рима дает век Августа, в Италии XIV—XVIII столетий — время пап Юлия II, Льва X и Климента VII, во Франции — время Людовика XIV.

Аргументацию в защиту своего третьего положения Дюбо подкрепляет длинной цитатой из римского историка Веллея Патеркула, который утверждал, что, как показывает состояние культуры в век Платона и в век Августа, в прошлом выдающиеся люди во всех областях культуры обычно жили в одно и то же время. Изложив эти свои три исходных положения, Дюбо ставит вопрос о причине описанных им фактов. Эту причину он усматривает в климатических различиях, существующих между разными странами, и в изменчивости климата отдельных стран на протяжении истории. Дюбо проводит в этом отношении аналогию между человеком и растением. В некоторых странах, по его мнению, люди рождаются совершенно лишенными способностей, необходимых для занятия известной профессией, подобно тому, как имеются страны, где некоторые растения не могут произрастать успешно. Подобно тому, как урожай плодов любого растения колеблется по годам даже в странах, где климат благоприятен для этого растения, некоторые годы более, а другие менее благоприятны для формирования человека.

Как два зерна с одного и того же растения дадут плоды разного качества в разных странах, так два ребенка с одинаковыми природными задатками, рожденные в одной стране, будут обладать разными характерами, если одного из них воспитать в Швеции, а другого в Андалузии.

Воздух, которым дышат люди, влияет на качество крови человека. «Поэтому народы, которые живут в различных климатических условиях, так различны по своему уму и склонностям»[4].

Люди все произошли от Адама, но негр совсем не похож на шведа. Разница создана различием климатических условий. Всего три века тому назад португальцы основали поселения в их теперешних колониях на западном берегу Африки, и теперь потомки первых поселенцев не похожи на уроженцев Португалии. У них курчавые волосы, их носы приплюснуты, а их губы стали толстыми, как у негров. Цвет их кожи близок к цвету кожи негров, хотя они кичатся тем, что они принадлежат к белым.

[1] *Dubos.* Réflexions critiques sur la poésie et la peinture, t. II, p. 180.
[2] Там же, стр. 233.
[3] Там же, стр. 234.
[4] Там же, стр. 251.

Если климат меняет даже физическую природу человека, он «должен создавать еще большее различие в характере, наклонностях и нравах народов. Органы мозга или части человеческого тела, которые определяют, говоря языком естествоиспытателя, ум и склонности человека, являются несравненно более сложными и нежными, чем кости и другие части тела, которые определяют рост и силу человека»[1].

Свою мысль, что климат определяет характер народов, Дюбо подкрепляет многочисленными примерами, взятыми из истории и из современности. Он подчеркивает отмечавшуюся древними писателями разницу в характере афинян и беотийцев, несмотря на то, что их разделяла только гора Киферон, разницу в характере флорентийцев и жителей соседних с ними областей Италии, различие в характере и обычаях жителей разных провинций Франции. Дюбо отмечает, что стремление к роскоши у каждого народа удовлетворяется по-своему — «испанский гранд тратит средства на волокитство, польский воевода — на вино и водку»[2]. Хотя культ и догматы католической церкви одинаковы для всех стран, исповедующих католицизм, характер каждого народа отражается на организации богослужения и внешних проявлениях религиозного культа. «Хотя французы,— говорит далее Дюбо,— в большинстве происходят от германцев и других варваров, водворившихся в Галлии, они имеют те же склонности и тот же характер ума, что и древние галлы»[3]. Цезарь и Флор приписывают галлам те же черты характера и ума, как, например, талант к подражанию, которые считаются свойственными французам XVII в.

«Современные англичане не являются, вообще говоря, потомками бриттов, которые населяли Англию во время римского завоевания. Тем не менее черты, которыми характеризуют бриттов Цезарь и Тацит, свойственны англичанам»[4].

Крестоносцы, водворившись в Палестине, после ее завоевания через несколько поколений стали походить по характеру на уроженцев Востока.

Кроме этих, Дюбо приводит и другие аналогичные примеры с целью доказать, что климат создает характер нации. Климатические условия, по мнению Дюбо, могут быть в разной степени благоприятны для развития наук и искусств. Чрезмерный избыток жары или холода он считает вредным для развития наук и искусств. Территория, климат которой благоприятен для процветания наук и искусств, захватывает, по мнению Дюбо, двадцать или двадцать пять градусов широты[5]. Эта территория может быть расширена к северу благодаря росту торговых сношений северных стран со странами, расположенными южнее. Торговля доставляет северянам плоды юга. Употребление в пищу южных продуктов питания «приближает, так сказать, солнце к странам севера и должно ввести в кровь и в воображение (imagination) жителей этих стран силу и нежность, какой не имели их предки, которые по своей простоте довольствовались продуктами родной земли»[6]. В подтверждение своей мысли Дюбо ссылается на одного знаменитого в его время амстердамского врача, указывавшего на резкое уменьшение заболеваний цынгой благодаря распространению в Голландии потребления вина, кофе, шоколада, сахара.

---

[1] *Dubos*. Réflexions critiques sur la poésie et la peinture, t. II, p. 267.
[2] Там же, стр. 269.
[3] Там же, стр. 275.
[4] Там же, стр. 278.
[5] На какой широте лежит южная и на какой северная граница этой полосы, Дюбо в данном месте не указывает. Выше он называет в качестве таких границ 25 и 52° северной широты.
[6] *Дюбо*. Указ. соч., стр. 306.

Дюбо заканчивает свои размышления о роли климата для развития наук и искусств рассуждением об изменениях климата, как причине изменений в нравах и характере народов на протяжении их истории.

Две главы, посвященные этой последней проблеме, значительно короче предыдущих, и изложение их отличается более абстрактным характером. Утверждение Дюбо об изменчивости климата и вместе с ним характера народа на протяжении истории явно противоречит ранее приводимым самим Дюбо примерам о тождестве национальных характеров галлов и французов, бриттов и англичан. Противоречие это остается неразрешенным. Дюбо как бы не замечает его.

Монтескьё (Charles Louis de Secondat, baron de Montesquieu, 1689—1755) не был, как Вольтер, автором исторических сочинений, составивших эпоху в развитии исторической науки. Его историческое произведение «О причинах величия и падения римлян» (Considérations sur la grandeur et la décadence des Romains, 1734) гораздо ниже каждой из двух основных исторических работ Вольтера по своему научному уровню и историческому значению. Но некоторые идеи основного труда Монтескьё «Дух законов» (Esprit des lois, 1748), труда не исторического, оказали на последующую историографию значительное влияние. Благодаря этому Монтескьё занимает видное место в историографии «Просвещения».

Как правильно указывает В. П. Волгин [1], «идея всеобщей закономерности, которой подчинены как явления природы, так и явления общественной жизни, формулирована Монтескьё с исключительной для XVIII в. четкостью».

Хотя по своему мировоззрению Монтескьё был рационалистом, тем не менее идея закономерности общественной жизни не носит у него отвлеченного характера.

Общественный строй и действующие у каждого народа законы, по мнению Монтескьё, являются естественным следствием тех условий, в которых проходит историческая жизнь народа. «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила правления, примеры прошлого, нравы, обычаи — и в результате из этого складывается дух народа» [2].

Факторы, влияющие на жизнь народа, находятся во взаимодействии. В разных странах и в разные эпохи роль их неодинакова.

Кроме указанной общей идеи закономерности исторического развития народов и его обусловленности природной и социальной средой, на последующее развитие историографии оказала также заметное влияние и более узкого порядка мысль Монтескьё о взаимной связи между развитием торговли и социальным строем страны. Эта мысль стимулировала изучение историками истории торговли, в частности, под влиянием Монтескьё находился Геерен, о котором уже было упомянуто выше.

Природная среда в глазах Монтескьё занимает чрезвычайно видное место среди факторов, определяющих характер народов. Тем самым эта среда оказывается первостепенным фактором, направляющим историческое развитие народов, живущих в данной природной среде.

Таким образом, взгляды Монтескьё на роль природных условий в жизни общества являются одним из краеугольных камней его исторической концепции.

Эти взгляды Монтескьё изложил в XIV—XVIII книгах своего знаменитого труда «Esprit des lois». Обычно эти его взгляды называют теорией

---

[1] *В. П. Волгин.* Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М., 1940, стр. 99.

[2] «Esprit des lois». Кн. XIX, гл. 4, стр. 252 (по изд. «Firmin Didot, Frères et C°», Paris, 1858, все цитаты по этому изданию).

климата[1] и его влияния на человеческое общество. Такое название не совсем точно. Монтескьё, действительно, начинает изложение своих взглядов о роли природных условий для развития человеческого общества с рассуждений о роли климата и уделяет климату главное внимание, но он все же останавливается также и на влиянии почвы, которому он посвящает даже отдельную XVIII главу своего сочинения. В этой главе он вскользь касается также и роли рельефа и роли географического положения страны.

Монтескьё начинает с утверждения о различии характера людей, живущих в разных климатах. Он утверждает, что жаркий климат расслабляет тело и душу человека, а холодный климат, напротив, делает человека крепким и энергичным. Вследствие этого «народы жарких стран робки, как старики, а народы холодных стран отважны, как молодые люди»[2]. Когда солдаты севера попадают на юг, их доблесть ослабляется.

В холодном климате восприимчивость человека к удовольствиям очень мала, она более значительна в умеренном климате и чрезвычайно сильна в жарких странах.

«Я видел»,— пишет Монтескьё,— оперы в Италии и в Англии, это — те же пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на представителей обоих народов столь различное впечатление — такими спокойными оставались одни и так возбуждались другие, что это казалось непонятным»[3].

Аналогичным образом южане сильно ощущают боль, а северяне отличаются малой чувствительностью, южане со страстью предаются любовным наслаждениям, а северяне проявляют умеренность в этом отношении.

В восточных странах жаркий климат порождает физическую и умственную лень. Поэтому душа восточного человека, раз получив впечатление, не в силах более изменить их. Вследствие этого нравы, обычаи и законы в восточных странах не меняются, оставаясь теми же, какими они были тысячу лет назад.

В жарком климате люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности. Поэтому на Востоке очень много монахов; чем жарче климат, тем их больше.

В жарком климате женщина рано созревает в половом отношении и поэтому между мужем и женой бывает большая разница в возрасте. В странах с умеренным климатом женщина способна к деторождению в более позднем возрасте и разница в возрасте между мужем и женою гораздо меньше. Вследствие этого в жарких странах существует естественное неравенство полов и многоженство. В Европе же положение женщины лучше, и муж может иметь только одну жену.

Подчиненное положение женщин хорошо сочетается с деспотическим правлением и противоречит духу свободы, господствующему в республиках. «Вот одна из причин, почему на Востоке всегда было трудно установить народное правление»[4].

Так как в жарком климате народы не обладают мужеством, то они почти всегда бывают порабощены другими более мужественными народами, между тем как мужество народов холодных стран позволяет им отстаивать свою свободу. В Азии, благодаря особенностям ее рельефа, нет умеренного климата, и в ней страны, лежащие в холодном климате,

---

[1] См., например, *Fueter*. «Geschichte der neueren Historiographie», S. 383 («Eine Eigentümlichkeit Montesquieus ist zunächst seine Theorie von Klima»).

[2] «Esprit des lois». Кн. XIV, гл. 2, стр 188 (по изд. Firmit Didot, 1858).

[3] Там же, p. 189.

[4] Там же, кн. XVI, гл. 9, стр. 219.

непосредственно соприкасаются со странами, находящимися в жарком поясе, каковы Турция, Персия, Китай, Корея и Япония.

В Европе, наоборот, умеренный климат господствует на значительном пространстве, и переход от теплых стран южной Европы к странам ее севера происходит с большой постепенностью. В ней каждая страна по климату похожа на соседнюю. Поэтому в Азии народы воинственные, храбрые и активные соприкасаются непосредственно с народами изнеженными, ленивыми и робкими. Естественно, что одни сделались завоевателями, а другие оказались завоеванными. В Европе народы, живущие по соседству, отличаются почти одинаковым мужеством. «Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы,— говорит Монтескьё,— свободы Европы и рабства Азии, причина, которая, насколько я знаю, еще никем не указана»[1]. История, по мнению Монтескьё, подтверждает это: «Азия была покорена тринадцать раз: одиннадцать раз народами севера и два раза народами юга»[2].

В Европе, напротив, было только четыре великих перемены — первая была произведена завоеваниями римлян; вторая — нашествием варваров, уничтоживших этих самых римлян; третья — победами Карла Великого, и последняя — набегами норманов»[3]. При этом римлянам трудно было покорить Европу и легко производить завоевания в Азии.

Вторым природным условием, оказывающим влияние на человеческое общество, Монтескьё считает почву. Плодородная почва способствует изобилию продуктов. Население страны с богатой почвой живет в довольстве и боится рисковать своим благосостоянием, оно не склонно к упорной защите своей свободы. Поэтому в плодородных странах, естественно, устанавливается дух зависимости и в них часто встречается монархическое правление.

«Бесплодие почвы Аттики установило там народное правление, а плодородие почвы Лакедемона — аристократическое правление, так как в те времена Греция совершенно не хотела правления одного человека, а аристократическое управление ближе к единоличному»[4].

«Бесплодие почвы делает людей искусными в мастерстве, трезвыми, закаленными в труде, мужественными, способными к войне, им надо добывать себе то, в чем им земля отказывает. Плодородие страны вместе с зажиточностью дает жителям изнеженность и некоторую любовь к сохранению жизни»[5].

Таким образом, роль почвы в значительной мере аналогична роли климата: плодородная почва, подобно жаркому климату, изнеживает людей и побуждает их мириться с порабощением, скудная же делает людей энергичными и любящими свободу.

Монтескьё останавливается также на влиянии устройства поверхности на политическую жизнь общества. На обширных равнинах населению трудно защищать свою свободу и там легко устанавливается деспотическое правление. В гористых странах защищаться от завоевания и насилия легче, а вести завоевания в этих странах трудно: «Горцы сохраняют более умеренное правление, так как их не так легко завоевать»[6]. Наличие в Азии обширных равнин является дополнительной причиной образования в ней больших деспотических империй. Европа разделена на части горами и изрезана морями. В ней образовались государства,

---

[1] «Esprit des lois». Кн. XVII, гл. 3, стр. 228.
[2] Там же, гл. 4, стр. 228.
[3] Там же, стр. 229.
[4] Книга XVIII, гл. I, стр. 232.
[5] Там же, кн. XVIII, гл. 4, стр. 234.
[6] Там же, гл. 2, стр. 232.

занимающие не очень большие пространства. «Это образовало дух свободы, который делает каждую из ее частей с трудом подчиняющейся посторонней силе»[1].

Монтескьё вскользь говорит также о роли географического положения страны. Он ограничивается в этом отношении одним лишь указанием, что жители островов «более склонны к свободе, чем жители материка, так как им легче защищать свою свободу».

Является ли влияние природных условий на социальную жизнь, по мнению Монтескьё, непреодолимым? Хотя Монтескьё неоднократно подчеркивает значение географической среды и в особенности климата, тем не менее было бы не совсем правильно приписывать ему такое мнение. Монтескьё не раз говорит о возможности для законодателя бороться с вредными влияниями климата. Он указывает также на возможность путем усиления воинской дисциплины поднять боеспособность солдат, набранных на территории, природные условия которой не являются вполне благоприятными для воспитания храбрости. Но надо признать, что эти оговорки лишь ослабляют присущий исторической концепции Монтескьё географический детерминизм, но отнюдь не позволяют отрицать наличие у него этого детерминизма.

Свои суждения о роли природных условий для социальной жизни человечества Монтескьё основывает на весьма обширном и разнообразном материале. Он использует данные античных писателей. Как уже отмечалось выше, в XVIII в. стремление привлекать данные древних авторов для обоснования социальных теорий еще не умерло. Пример Монтескьё лишний раз наглядно это подтверждает.

Монтескьё весьма широко использует сочинения путешественников XVII и первой половины XVIII столетия. Он привлек также работы испанских путешественников и историков Америки Гомары, Гарсилассо де ля Вега, Солиса, дающих в своих сочинениях богатый этнографический материал. Все эти данные Монтескьё принимает на веру, не подвергая их никакой критике.

В этом отношении Монтескьё является полной противоположностью Вольтеру.

Если сравнить взгляды Монтескьё на роль природных условий для развития общества со взглядами его предшественников и в первую очередь с воззрениями Бодена и Дюбо, то сходства окажется гораздо больше, чем различия, и при этом сходство имеет место в основных чертах, а различие — в деталях. Нетрудно видеть, что Монтескьё ближе к Бодену, чем к Дюбо. И Боден, и Дюбо, и Монтескьё, устанавливая зависимость народного характера от географической среды, стремятся этим путем раскрыть закономерность, присущую человеческому обществу. Эта идея закономерности общественных явлений у Монтескьё выражена значительно отчетливее, чем у его предшественников.

У всех троих основным исходным моментом во всем построении является античная идея о влиянии природы на психику человека, тем самым на национальный характер и через это на судьбы народов. Именно в силу этого из природных условий во главу угла ставится климат. Дюбо не касается других сторон природы, Боден и Монтескьё привлекают к анализу также и роль почвы, и устройства поверхности, отчасти географического положения страны.

Оба автора исследуют влияние этих сторон природы на национальный характер, т. е. исходят из той же руководящей идеи, что и при анализе роли климата. Правда, Монтескьё иногда рассматривает природу

---

[1] «Esprit des lois». Кн. XVII, гл. 6, стр. 231.

под иным углом зрения, например, он указывает, что в горных странах природа содействует защите жителей от чужеземного завоевания. Но высказывания такого рода не развиты им в систему взглядов, а сами по себе, будучи взяты порознь, они являются выражением элементарных, общеизвестных и до Монтескьё истин.

Взгляды Монтескьё на роль природы в социальной жизни общества несколько схематичнее, чем соответствующие воззрения Бодена. По существу в основе всего построения Монтескьё лежит антитеза между ленивой, неспособной к творчеству и к борьбе за свободу Азией, являющейся продуктом жаркого климата, и энергичной, творческой, свободолюбивой Европой, расположенной в умеренном климате. На одной стороне все преимущества, на другой — почти одни недостатки. Азия, население которой живет главным образом на ее жарком юге, обладает едва ли не одним только весьма сомнительного порядка преимуществом по сравнению с лежащей в умеренном климате Европой — уменьем темпераментно предаваться чувственным наслаждениям.

Боден распределяет свет и тени между севером и югом гораздо равномернее и ближе к исторической правде, если подытожить все сделанное северными и южными народами к его времени. Он не отказывает ни югу, ни северу в интеллектуальных качествах, распределяя между ними различные способности.

Географический детерминизм у обоих авторов смягчен рядом оговорок. У Монтескьё он все же выражен несколько резче.

Географический анализ служит Бодену средством для объяснения главным образом различий во вкладах, сделанных разными нациями в историю культуры. Монтескьё пользуется им преимущественно для объяснения различий в государственном и общественном строе отдельных стран. Такой подход к трактовке темы вытекал у Монтескьё из общей задачи всего его труда.

Географические закономерности, устанавливаемые как Боденом, так и Монтескьё, у обоих авторов отличаются статическим характером. Ни тот, ни другой не пытаются найти закономерности в динамике развития человеческого общества. В отличие от Бодена и Монтескьё Дюбо сделал попытку объяснить изменчивостью климата динамику развития искусства и литературы. Дюбо, таким образом, в данном случае оказался в большей степени исторически мыслящим исследователем, чем Боден и Монтескьё.

Монтескьё не делает ссылок на Бодена. Но, конечно, он был хорошо знаком с трудами Бодена. В некоторых случаях можно даже отметить явное заимствование Монтескьё у Бодена отдельных деталей, как, например, суждения о роли природных условий в истории Аттики. Но было бы неправильно, исходя из наличия у обоих авторов одной и той же руководящей идеи, привлечения к анализу почти одних и тех же сторон природы, а также только что отмеченных заимствований, делать общий вывод о простом заимствовании Монтескьё теории Бодена. Монтескьё самостоятельно собрал для обоснования своей теории весьма значительный конкретный материал. Он безусловно продумал его под углом зрения основных задач своего сочинения. Концепция у Монтескьё получилась сходной с концепцией Бодена, но, как только что было показано, отнюдь не идентичной. Конечно, влияние Бодена на Монтескьё несомненно и значительно, но о простом заимствовании говорить не приходится.

Основной вывод, который можно сделать из сопоставления взглядов Монтескьё на географическую обусловленность явлений социальной жизни с воззрениями по данному вопросу его предшественников, можно формулировать так: Монтескьё не сделал принципиального шага вперед в разработке данной проблемы, он всецело остается во власти античной

идеи о непосредственном влиянии природных условий на психику человека и через это на социальную жизнь. В XIX столетии эта идея была оставлена. Географы, в руки которых в этом столетии перешла разработка этой проблемы, пошли иным путем. Они стали искать в природной обстановке таких сторон, которые направляют действия народов и правительств по тому или иному пути, независимо от особенностей психического склада этих народов. Влияние природы на национальный характер осталось на втором плане, стало играть, так сказать, дополнительную роль, а иногда и совсем не приниматься во внимание. Правда, у отдельных авторов даже в XX столетии эта старая идея остается во главе угла их построений, как, например, у американского климатолога Хёнтингтона, который в своей книге «Цивилизация и климат»[1], вышедшей в свет в 1915 г., развил националистическую и реакционную теорию о влиянии климата на энергию человеческого характера, причем подобрал на составленной им мировой карте степени активности национальных характеров климатические показатели таким образом, что наиболее энергичными и одаренными оказываются жители США и вслед за ними Западной Европы, а наиболее пассивными и отсталыми, самой природой предназначенными к подчинению народы колониальных стран и стран Восточной Европы.

Но Хёнтингтон типичен для своего времени лишь своими выводами, а не их обоснованием.

Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744—1803), как известно, был философом, литературоведом и филологом, поэтом, а не историком. Но в истории исторической науки он оставил заметный след своим историко-философским трудом «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (4 тома, вышедшие в Риге и Лейпциге в 1784—1791 гг.), оказавшим значительное влияние на историков последующего времени. Гердер писал свои «Идеи о философии истории человечества», будучи в расцвете сил на вершине своей литературной деятельности.

Как указывает автор одного из наиболее значительных трудов о нем Гайм[2], ««Идеи» — бесспорно самое важное и самое тщательно обработанное из всех литературных произведений Гердера; с ними не может равняться никакое другое из его сочинений ни по объему, ни по выдержанной до конца внешней отделке. Он писал их в зрелых летах и напрягал все свои усилия к тому, чтоб изложить в них всю совокупность своих воззрений и умственных стремлений»[3].

По своему мировоззрению Гердер был довольно типичным представителем немецкого «Просвещения» XVIII в.

Можно провести некоторую аналогию между тем изменением, какое претерпел итальянский гуманизм, будучи перенесен в Германию XVI в., и тем изменением, которое испытало на германской почве XVIII в. французское «Просвещение». Эта аналогия (конечно, весьма условная и имеющая лишь, так сказать, иллюстративное значение) объясняется той отсталостью, которая характеризует Германию по сравнению с Италией и Францией соответствующей эпохи.

Из французских мыслителей XVIII в. наибольший успех в Германии имел Руссо. Немецкие последователи лучше и чаще усваивали моральные доктрины, чем социальные и политические теории французских

---

[1] *Huntington*. Civilization and Climate, New Haven, 1915.

[2] О Гердере имеется очень большая литература, подробно освещающая все стороны его деятельности. Двухтомная работа Гайма (*Haym*. Herder nach seinem Leben und seinen Werken. Berlin, 1880—1885) считается лучшим биографическим очерком.

[3] Цит. по русскому переводу — *Гайм*. Гердер, его жизнь и сочинения, т. II, М., 1888, стр. 201.

«просветителей». Немецким «просветителям» обычно было чуждо резко враждебное отношение Вольтера к христианской церкви. Больше того, многие из них были религиозными людьми и старались сочетать в своих сочинениях религиозную точку зрения с просветительными идеями. К последней категории принадлежал и Гердер, который не только получил богословское образование, был лютеранским пастором и занимал довольно значительный пост в протестантской церковной иерархии, но и был проникнут религиозным настроением.

Из французских «просветителей» на Гердера оказал влияние Руссо, главным образом моральной стороной своей доктрины. От него Гердер заимствовал отрицательное отношение к деспотизму и симпатию к первобытному человеку. Но в противоположность Руссо Гердеру было чуждо отрицательное отношение к современной ему культуре. Гердер писал своеобразным, трудным для нашего времени стилем. Р. Ю. Виппер сорок лет тому назад так характеризовал его манеру изложения: «Нам трудно теперь читать Гердера. Невольно отпугивает его выспренный тон, его как бы пророческие видения и возгласы, его неуменье удержаться на конкретной почве и постоянное уклонение в неясные и широкие мечтания»[1]. Нам, современным советским историкам, еще труднее читать подобного типа изложение, чем это было нашим университетским учителям сорок лет тому назад. К этому надо добавить, что, кроме вычурности и неясности изложения, у Гердера имеются серьезные противоречия с самим собой как в основных положениях его концепции, так и в деталях. Но несмотря на туманный стиль и противоречия, Гердер все же дает некоторую (хотя и противоречивую) историко-философскую концепцию, в которой его учение о географической обусловленности истории народов является одной из необходимых составных частей.

Основным исходным положением Гердера является мысль о наличии законов, управляющих историей человечества, и принципиальном единстве этих законов с законами, управляющими развитием природы. Поэтому изложение своей историко-философской системы Гердер начинает с очерка своей философии природы. Указанием на необходимость такого *именно построения начинается первая книга его труда*[2].

Из двадцати книг, на которые разделен весь четырехтомный труд Гердера, вопросам философии природы посвящены первые три книги. Установив в VI главе третьей книги органическое различие между животными и человеком[3], Гердер начинает свое изложение философии истории с характеристики духовных качеств человека, выводя их как следствие из его физической организации, отличной от организации животных. Эти качества увенчивают два свойства человека, которые Гердер считает его наиболее высокими качествами,— гуманность[4] и религия. Оба эти

---

[1] *Р. Ю. Виппер.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. Второе издание. М., 1908, стр. 83.

[2] «Vom Himmel muss unsere Philosophie der Geschichte des menschlichen Geschlechts anfangen, wenn sie einigermaassen diesen Namen verdienen soll. Denn da unser Wohnplatz, die Erde, nichts durch sich selbst ist sondern von himmlischen durch unser ganzes Weltall sich erstreckenden Kräften ihre Beschaffenheit und Gestalt, ihr Vermögen zur Organisation und Erhaltung der Geschöpfe empfängt: so muss man sie zuförderst nicht allein und einsam, sondern im Chor der Welten betrachten, unter die sie gesetzt ist». Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Erster Teil. Riga und Leipzig. 1785, S. I. По этому (по времени выхода второму) изданию, опубликованному в 1785—92 гг., приводятся мною все цитаты.

[3] Причиной этого различия Гердер считал вертикальное положение тела человека при ходьбе в противоположность горизонтальному положению тела у четвероногих животных (стр. 57). Эта мысль имела распространение еще в античном мире, например, ее высказывает Саллюстий в «Coniuratio Catilinae».

[4] О том, что понимал Гердер под гуманностью, см. ниже.

качества вместе со всеми остальными он считает следствием физической природы человека. Религию Гердер считает порождением «самого лучшего дара человека» («des Menschen vorzüglichste Gabe») — разума[1].

Таким образом, сама религия оказывается в данном случае рационалистического происхождения и вовсе не даром божественного откровения — явная уступка «веку Просвещения». Но, с другой стороны, в пятнадцатой книге Гердер, подчеркивая действие в жизни человечества «не менее прекрасных и превосходных» законов, чем те, по которым «движутся все небесные и земные тела», в качестве обоснования этого тезиса выдвигает проявление воли бога как в природе, так и в истории[2].

Противоречие между стремлением найти естественные законы, управляющие историей человечества и признанием в то же время проявления мудрой и благостной воли бога в судьбах человечества, а также признание наличия в истории божественного порядка пронизывает всю историко-философскую концепцию Гердера. Это противоречие у Гердера основное, но далеко не единственное. В мою задачу не входит анализ этой концепции в целом. Соответственно с целями своей работы я считаю себя в праве ограничиться лишь указанием той роли, какую играет в этой концепции учение Гердера о географической обусловленности истории народов, и изложением и анализом этого учения. Чтобы примирить сочетание в своей концепции таких противоречивых начал, как идея естественной закономерности в истории человечества, с одной стороны, и провиденциализм,— с другой, Гердер выставляет тезис, что божественная воля проявляется не в отдельных фактах мировой истории, которые происходят в силу чисто естественных причин, а лишь в общем плане, по которому развивается история человечества. Отдельные события надо объяснять без привлечения сверхъестественных причин: «История есть наука о данном, а не о том, что могло бы быть по тайным намерениям судьбы»[3].

«Почему на свете были просвещенные греки?» — ставит вопрос Гердер и отвечает: «По той причине, что они были и при таких обстоятельствах, при каких они были, они не могли быть ничем иным, как просвещенными греками. Почему Александр,— продолжает Гердер,— пошел в поход в Индию? По той причине, что он был Александр сын Филиппа и по установлениям своего отца, по делам своего народа, по своему возрасту и характеру, вследствие своего чтения Гомера и т. д. не должен был сделать ничего лучшего»[4].

Но не видеть в общем ходе истории божественного плана, по мнению

---

[1] «Endlich ist die Religion die höchste Humanität des Menschen und man verwundere sich nicht, dass ich sie hieher rechne. Wenn des Menschen vorzüglichste Gabe Verstand ist: so ists das Geschäft des Verstandes den Zusammenhang zwischen Ursache und Wirkung aufzuspähen und denselben, wo er ihn nicht gewahr wird zu ahnen». Erster Teil, Viertes Buch, S. 243.

[2] «Ist indessen ein Gott in der Natur: so ist er auch in der Geschichte; denn auch der Mensch ist ein Teil der Schöpfung und muss in seinen wildesten Ausschweifungen und Leidenschaften Gesetze befolgen, die nicht minder schön und vortreflich sind, als jene, nach welchen sich alle Himmels und Erdkörper bewegen». Dritter Teil, Fünfzehntes Buch, S. 352.

[3] «Geschichte ist die Wissenschaft dessen, was da ist, nicht dessen was nach geheimen Absichten des Schicksals etwa wohl sein könnte». Dritter Teil, Dreizehntes Buch, S. 246.

[4] «Warum waren die aufgeklärten Griechen in der Welt? Weil sie da waren und unter solchen Umständen nicht anders als aufgeklärten Griechen seyn konnten. Warum zog Alexander nach Indien? Weil er Philipps Sohn Alexander war und nach den Anstalten seines Vaters, nach den Taten seiner Nation, nach seinem Alter und Charakter, nach seinem Lesen Homers u. f. nichts bessers zu tun musste». Там же, стр. 245.

Гердера, может только поверхностный наблюдатель, не имеющий правильного понятия о провидении[1].

При построении естественных законов развития человечества Гердер в качестве одного из условий, обусловливающих это развитие, принимает географическую среду. Учение о роли географической среды и о ее взаимодействии с другими факторами, определяющими ход истории, изложено Гердером во втором томе его труда. Кроме того, в очерках истории отдельных народов земного шара, составляющих основное содержание третьего[2] и четвертого томов, Гердер иногда привлекает для объяснения хода истории того или другого народа географические условия той страны, где данный народ живет. Между теоретическим изложением второго тома и конкретными замечаниями, разбросанными в третьем и четвертом томах, о значении той или иной особенности в географии какой-либо страны для истории населения этой страны сравнительно мало внутренней связи. В этих замечаниях Гердер, с одной стороны, не часто пользуется теми теоретическими положениями, которые он сформулировал во втором томе; с другой стороны, он в значительной мере касается там тех сторон природы, о которых он совсем или почти не говорит в своей теоретической части.

Во втором томе теории о роли географической среды в истории народов предшествует в качестве материала для построения этой теории характеристика зависимости физического склада, психики и жизни народов, обитающих в различных частях земного шара, от окружающей их природной среды. Гердер начинает с народов полярных стран — эскимосов[3], лопарей[4], самоедов[5], тунгусов[6], потом переходит к остальным жителям северной Азии. После этого следует описание с той же точки зрения Индостана и стран Передней Азии и несколько слов о Греции. Следующие параграфы соответственно посвящены народам Африки, островов, лежащих в жарком климате, и Америки. Эти очерки представляют собой главным образом краткие описания внешнего вида (цвет кожи, черты лица, строение волос и т. п.) народов, их национальных характеров и отчасти образа жизни и уровня культуры. Описание сделано на основании сочинений путешественников XVIII, отчасти XVII столетия, а также на основании сводных описаний стран и народов, составленных различными авторами путем использования данных путешественников. Гердер широко использует труды русских академиков XVIII в.— Палласа, Георги[7], Гмелина, Крашенинникова, а также статьи географического характера из «Sammlung zur russischen Geschichte» Миллера. Значительное количество сведений он извлек из записок Георга Форстера[8], участника второго путешествия Кука. Он использовал также

[1] «Dem sinnlichen Betrachter der Geschichte, der in ihr Gott verlor und an der Vorsehung zu zweifeln anfing, geschah dies Unglück nur daher, weil er die Geschichte zu flach ansah oder von der Vorsehung keinen Begriff hatte». Там же, стр. 412.

[2] В третьем томе после очерка истории древних народов помещена также теоретическая 15-я книга.

[3] Он различает эскимосов Гренландии, которых он называет гренландцами, и эскимосов материка Сев. Америки, которых он называет эскимосами.

[4] Современное название — саами.

[5] Современное название — ненцы.

[6] Современное название — эвенки.

[7] Из сочинений Георги (1729—1802) Гердер пользовался немецким изданием его сводной работы о народностях России, суммирующей как собственные наблюдения Георги, так и данные других наших исследователей XVIII в.— «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей». (Заглавие немецкого издания — Beschreibung der Nationen des russischen Reichs).

[8] Johann Reinold Forster (1729—1798) выпустил описание своих наблюдений во время этого путешествия на английском языке под заглавием «Observations made

сочинения Шардена, Бернье, Тавернье, Ле Брена (Le Brun), Бугенвиля, Пажеса, Нибура[1], Циммермана, Робертсона[2] и ряда других авторов.

При описании народов Гердер делает указания о зависимости их антропологических черт, психики и уровня культуры от географических условий. Он называет эти географические условия термином — климат, поясняя при этом, что употребляет этот термин в самом широком смысле слова, включая в это понятие также образ жизни и пищу человека (das Klima im weitesten Verstande des Wortes so auch Lebensart und Nahrungsmittel darunter gehören). Фактически однако в данных описаниях народов это широкое понимание термина климат остается чисто декларативным. Конкретные указания на зависимость тех или иных черт народа, которые делает Гердер, сводятся обычно к утверждению обусловленности этих черт климатом в общепринятом смысле этого слова. Указания эти звучат очень часто в духе Монтескьё и Бодена, т. е. в духе полной обусловленности антропологических черт, психики и уровня культуры народов климатом тех стран, где эти народы живут. Антропологические черты народов обычно выводятся полностью из климата. Между прочим, Гердер здесь, подобно Дюбо, рисует потомков португальских колонистов в Африке людьми с черным цветом кожи, как у негров[3].

Климатом же объясняет Гердер характер психики и уровень культуры народов. В этом отношении он отличается от Монтескьё тем, что за чрезвычайно редкими исключениями не говорит совсем о социальных учреждениях и государственном строе описываемых народов, ограничиваясь лишь характеристикой национального характера и культурного уровня.

Психика народов полярных стран определяется, по Гердеру, суровым климатом этих стран. Она придавлена холодом. У гренландцев кровь течет медленно и сердце бьется вяло. Поэтому у них слабо проявляется половое влечение, которое в других странах возрастает в очень сильной степени вместе с увеличением температуры. Неженатые живут целомудренно, и женщин приходится почти принуждать к вступлению в брак. «В браке, как и во всем их образе жизни, господствуют тихое благонравие и сильная сдержанность в проявлении чувств. Нечувствительные к тем раздражениям, которые в более теплом климате создают непостоянство характера, они тихо и миролюбиво живут и умирают равнодушно, довольные и деятельные только в случае необходимости. Отец, воспитывая своего сына, со спокойным равнодушием воспитывает в нем это спокойное равнодушие, которое они ценят как добродетель и счастье жизни, и мать

---

during a voyage round the world». London, 1778. Книга была издана в переводе на немецкий родной язык автора его сыном в 1779—80 гг. Историки географии очень высоко оценивают наблюдения Форстера над зависимостью жизни туземцев посещенных им стран от природных условий, например, Л. Д. Синицкий называет Форстера «величайшим антропогеографом XVIII в.» («Очерк истории антропогеографических идей», стр. 39).

[1] Карстен Нибур (1733—1815), отец известного историка, путешествовал по Ближнему Востоку. Его записки о путешествиях были изданы в 1774—1776 гг. под заглавием «Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern (два тома). Позднее вышли его записки о Сирии и Палестине (Reisen durch Syrien und Palestina. 1837).

[2] Робертсон четвертую книгу второго тома своей «Истории Америки» посвятил описанию природы Америки и ее населения в момент прихода европейцев.

[3] «Was hat die Portugiesischen Stämme die Jahrhunderte lang in Afrika bewohnt haben den Negern an Farbe so ähnlich gemacht?». Bd. II, S. 42. На Дюбо ссылки у Гердера нет. Вообще Гердер обычно ссылается на авторов, у которых он берет факты, и очень редко называет авторов, под влиянием идей которых он находится. Исключение он в этом отношении делает для Гиппократа. См. ниже.

кормит грудью свое дитя долго и со всей глубокой и крепкой любовью самки»[1].

Уровень жизни и культуры в полярных странах очень низок вследствие суровости климата. В этих странах «жестокая нужда восседает на высочайшем троне, так что человек вынужден вести образ жизни, близкий к образу жизни медведя»[2].

В Африке, которую Гердер называет «родиной солнечного тепла»[3], природа создала очень высокие, мощные деревья, стада очень крупных резвых и сильных животных и огромное количество обезьян. В воздухе и в реках, в море и в песках все полно жизнью и изобилием. Соответственно этому в организме негра развилась главным образом его физическая сторона. Природа отказала негру, живущему под палящим солнцем, в высшей духовной деятельности[4]. Он не создан для высших радостей человеческого духа[5]. Природа, по мнению Гердера, или не должна была бы создавать Африки или в Африке должны жить негры[6].

Свое краткое описание природы и жителей Абиссинии Гердер заканчивает словами: «Культура и формы правления у абиссинцев соответственно с характером и свойствами их страны являются грубым смешением христианства и язычества, свободной беззаботности и варварского деспотизма»[7].

Таким образом, по Гердеру, как полярная стужа, так и тропический зной Африки неблагоприятны для расцвета высших психических способностей человека и тем самым в странах с холодным и жарким климатом нет естественных предпосылок для культурного развития населения.

Мало благоприятными для культуры Гердер считает также географические условия стран северной и центральной Азии, островов, лежащих в жарком климате, и Америки.

Иначе Гердер расценивает климат Индии, Передней Азии и Греции. Он называет эти страны «полосой земли народов красивого сложения». Он начинает рассмотрение этой территории с краткого очерка Кашмира. Этот очерк играет роль как бы введения к описанию этих стран. Гердер восхищается красотой природы Кашмира. Ссылаясь на Бернье[8], он характеризует Кашмир как страну, где реки «текут молоком и медом», и где «род людской достоин этой природы».

Жители Кашмира считаются наиболее одухотворенными и остроумными из индусов, одинаково способными к поэзии и науке, к ремеслам и искусствам, мужчины прекрасно сложены, а их женщины часто являются образцами красоты.

Бегло коснувшись далее остального Индостана, Ирана и других стран Передней Азии, Гердер с особенным удовольствием останавливается на Греции, о природе и культуре которой он говорит в восторженных выражениях. Здесь, по Гердеру, человеческая красота нашла, наконец,

---

[1] II Teil, sechtes Buch, S. 7.

[2] Там же, стр. 10

[3] Там же, стр. 46.

[4] «Die feinere Geistigkeit die dem Geschöpf unter dieser glühenden Sonne in dieser von Leidenschaften kochenden Brust versagt werden musste, ward ihm durch einen Fibernbau, der an jene Gefühle nicht denken liess, erstattet». Там же.

[5] «Was sollte ihm das quälende Gefühl höherer Freuden für die er nicht gemacht war?». Там же, стр. 47.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 37.

[8] Книгу Бернье (1625—1688) об Индии высоко ценили Маркс и Энгельс. См. Письмо Маркса Энгельсу 2/VI—1853 г. и Энгельса Марксу 6/VI—1853. *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 489 и 495. Книга имеется в русском переводе под заглавием: «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола». М., 1936.

место, «где она могла сочетаться браком с духом»[1], здесь были задуманы и созданы такие образы, которые не мог начертить ни один художник Индии или Кашмира.

Рассмотрение данных по этой группе стран приводит Гердера к двум выводам.

«Во-первых (zuerst),— говорит он,— каждому бросается в глаза, что полоса народов хорошего сложения (der Strich der wohlgebildeten Völker) является средней полосой земли, которая, как и сама красота, лежит между двумя крайними. Она не имеет ни давящего холода страны самоедов, ни иссушающих соленых ветров страны монголов, и, с другой стороны, также чужды ей как палящий зной африканских песчаных пустынь, так равно и сырость и сильные колебания американского климата. Она лежит не на высших точках возвышенностей земли, не вблизи полюса; более того, с одной стороны ее защищают высокие стены татарских и монгольских гор, с другой стороны — море несет ей прохладу»[2].

Второй вывод Гердера состоит в том, что эти страны были первоначальными очагами культуры и оказали влияние на народы других территорий.

«Из стран народов прекрасного сложения,— пишет Гердер,— мы получили нашу религию, искусство, науку, всю совокупность нашей культуры и человечности» (die ganze Gestalt unsrer Kultur und Humanität). В этой полосе земли, пишет Гердер, «изобретено, продумано и по крайней мере в первоначальном виде осуществлено то, что может образовать и украсить человечество. История культуры неопровержимо докажет это и мне кажется, это доказывает нам собственный опыт. Мы северные европейцы были бы еще варварами, если бы доброе дыхание судьбы не повеяло на нас хотя бы цветами от духа этих народов, чтобы через прививку прекрасной ветви на дикий ствол со временем облагородить нас»[3].

Нетрудно видеть, что эти выводы весьма близки к мыслям Бодена о роли стран и народов средней полосы. Различие, которое в данном отношении можно провести между положениями Гердера и Бодена, по существу сводится к частностям. Средняя полоса земли Гердера географически не совпадает с таковой у Бодена. При этом в эту полосу у Бодена попадает его родина — Франция. У Гердера же Германия оказывается вне этой зоны. Таким образом, у Гердера в этом отношении нет того национального субъективизма, который проявился у Бодена.

Второе различие заключается в самом построении характеристик различных полос земли. Подобно Монтескьё Гердер распределяет свет и тени резко неравномерно. Благословенная средняя полоса имеет колоссальные преимущества перед остальными территориями земли. У Бодена контрасты меньше и весь рисунок отличается большей сложностью и меньшей схематичностью.

Установив в шестой книге схему географического распределения по территории земного шара благоприятных и неблагоприятных для культуры природных условий, Гердер в седьмой и восьмой книгах строит теорию о роли климата в истории человечества. Он начинает с утверждения о единстве человеческого рода, несмотря на все разнообразие различных типов человека: «Nur eine und dieselbe Gattung ist das Menschengeschlecht auf der Erde»[4].

---

[1] «Endlich fand hier die menschliche Wohlgestalt eine Stelle, wo sie sich mit dem Geist vermählen und in allen Reizen irdischer und himmlischer Schönheit nicht nur dem Auge, sondern auch der Seele sichtbar werden konnte». T. II, B. IV, S, 30.

[2] Там же, стр. 32.

[3] Там же, стр. 33—34.

[4] Там же, стр. 77.

Единый род людской всюду на земле находится под влиянием климата. Всюду жизнь людей обусловлена той природной обстановкой, в которой они живут. В подтверждение этой мысли Гердер приводит новые примеры силы и неизменности влияния природы.

При этом Гердер характеризует роль природы таким образом, что получается впечатление о неизменности характера и быта народов на протяжении тысячелетий вследствие неизменности природных условий, которые определили этот народный характер и быт.

Описывая влияние степей на калмыков и монголов, Гердер говорит: «На всякой другой полосе земли монголы изменились бы или облагородились; в своей стране они являются такими, какими были в течение тысячелетий и какими они останутся, пока их полоса земли не будет изменена природой или искусством»[1].

То же самое он говорит о бедуинах пустыни: «Как монгол кочует в своей лежащей на возвышенности степи, кочует и стройный бедуин в своей обширной азиатско-африканской пустыне, он тоже номад в своей стране. С пустыней гармонирует его простая одежда, его образ жизни, его обычаи и характер, и по прошествии тысячелетий его палатка сохраняет тот же вид, что у его предков»[2].

Переходя затем к определению того, что такое климат, Гердер вкладывает в это понятие очень широкое и несколько неопределенное содержание. Сначала Гердер подчеркивает, что климат — это не только температура воздуха. «Не одни только жара и холод воздействуют на нас из воздуха,— пишет Гердер,— напротив, по новейшим наблюдениям воздух представляет собою как бы большой склад других сил, которые являются и вредными и благодетельными для нас. В воздухе действует электрический ток, могучая сила, влияние которого на живые организмы нам почти неизвестно»[3].

Несколько ниже Гердер добавляет: «Наконец, расположение данной полосы земли на возвышенности или на низменности, качество ее самой или ее продуктов, пища и напитки, которые человек употребляет, образ жизни, которому он следует, работа, которую он выполняет, одежда, привычки, удовольствия и искусства наряду со множеством других обстоятельств, которые в их живой взаимной связи оказывают сильное влияние,— все это входит в понятие изменчивого климата»[4].

Гердер подчеркивает, что «этот хаос причин и следствий» трудно привести в систему. Он считает, что в анализе климата и его роли для человека надо итти по пути Гиппократа, которого Гердер называет своим главным авторитетом в вопросах климата[5].

В изучении климата и его роли для человека, по мнению Гердера, учителями философов являются естествоиспытатели и врачи, которые в свою очередь являются учениками природы.

Далее в противоположность всем своим предшествующим примерам об определяющей роли природы в истории человечества Гердер строит теорию о движущих силах истории человечества, в которой природным условиям отводится уже гораздо более ограниченная роль.

В качестве основной движущей силы, определяющей развитие всего существующего на земле, Гердер выдвигает здесь «генетическую силу», внутренне присущую каждому живому существу. Для пояснения, что

---

[1] *Гердер*. Указ. соч., стр. 82.
[2] Там же, стр. 83.
[3] Там же, стр. 96—97.
[4] Там же, стр. 98.
[5] «Für mich der Hauptschrifsteller über das Klima», пишет о Гиппократе Гердер. (Teil II, S. 98).

представляет собою эта сила, Гердер описывает развитие организма из яйца. «Как назвал бы это чудо тот, кто видит его впервые?», спрашивает Гердер и отвечает: «он сказал бы — это живая органическая сила»[1].

Эта сила, по выражению Гердера, есть «мать всего формирующегося на земле». Климат лишь препятствует или содействует этому формированию («das Klima feindlich oder freundlich nur zuwirket»). В противоположность всем своим многочисленным описаниям непреодолимого влияния географической среды, Гердер утверждает здесь, что «климат не принуждает, но порождает склонность («das Klima zwinget nicht, sondern es neiget»).

Гердер говорит здесь также о способности человека изменять природную обстановку, в которой он живет: «Европа некогда представляла собой сырой лес, и другие ныне обрабатываемые местности были тем же не в меньшей степени; леса были расчищены и вместе с климатом изменились и сами жители»[2]. «Мы можем,— продолжает Гердер,— рассматривать человеческий род как отряд смелых, хотя и маленьких великанов, которые постепенно спустились с гор, чтобы покорить землю и своею слабою рукою изменить географическую среду («das Klima»)[3].

Гердер заканчивает седьмую книгу интересными заключительными замечаниями о борьбе между «генетической силой» (Genesis) и географической средой (Klima).

Он начинает по обыкновению с примеров. Роза в чуждом для нее климате не делается лилией и собака не превращается в волка. Но роза может переродиться и собака может принять до некоторой степени волчий облик. Обе ведущие борьбу в подобных случаях силы — генетическая сила и климат — оказывают сильное воздействие (sind also von grosser Wirkung) на организм: только каждая действует по-своему (auf eigene Art). Климат является хаотической совокупностью разнородных сил, не равных друг другу по значению. Эти силы действуют медленно и различным образом, пока, в конце концов, не проникнут внутрь организма и не изменят своим постепенным воздействием его и генетическую силу. Генетическая сила противостоит долго, сопротивляется сильно, она единообразна и равна только самой себе. Так как она не является все же не зависимой от внешних сил, то она принуждена с течением времени приспособляться к ним. Португальцы основали поселения в Африке, испанцы, голландцы, англичане и немцы — в Ост-Индии и Америке. Одни из поселений подверглись в своем быту влиянию местного населения, другие сохранили образ жизни европейцев. Следовало бы, тщательно исследовав это явление, перейти затем к изучению более ранних передвижений народов — малайцев на островах Тихого океана, арабов в Африке и Ост-Индии, турок в завоеванных ими странах, монголов, татар и, наконец, великого переселения народов. «Никогда не надо забывать, из какой природной обстановки пришел народ и какой образ жизни он принес, какую страну он нашел, с какими народами смешался, какие перевороты он пережил на своем новом месте обитания»[4]. Гердер полагает, что при помощи такого метода исследования можно получить «физико-географическую историю» происхождения и изменения человеческого рода, соответственно природной обстановке и времени[5].

---

[1] Там же, стр. 76.
[2] Там же, стр. 103.
[3] Там же, стр. 102—103.
[4] Там же, стр. 120.
[5] Там же, стр. 121.

Кроме органической силы, заложенной в самой природе человека, и географической среды, в которой человек живет, на развитие человеческого общества, по мнению Гердера, еще оказывает влияние сила традиции.

Человеческое общество развивается в направлении к человечности (Humanität). Понятие человечности у Гердера отличается неопределенностью. Под человечностью он понимает лучшие свойства человека в нравственном и физическом отношении — разум, стремление к свободе, красоту и т. п. Рассмотрение этой стороны теории Гердера не входит в мою задачу. Я ограничусь лишь одним замечанием. Гердер полагает, что человечество в своем развитии все больше и больше приближается к претворению в жизнь начала человечности, что нравы и законы, равно как и культура человечества, совершенствуются и в этом совершенствовании проявляется развитие человечества в направлении к человечности. Таким образом, теория развития человечества Гердера является одной из теорий прогресса. В противоположность эмпирической теории прогресса Кондорсе, старающегося обосновать свою теорию путем наблюдения конкретной истории человечества, теория Гердера отличается метафизическим характером.

В третьей и четвертой частях своего труда, в очерках истории отдельных стран и народов, Гердер нередко касается влияния географической среды на историю того или иного народа. Эти замечания в большинстве случаев принципиально мало разнятся от многочисленных примеров влияния географической среды на антропологические черты и психику народов, которые он приводит во второй части своей работы и которые были с достаточной степенью подробности охарактеризованы мною выше.

Но, с другой стороны, здесь имеются также и несколько иного рода указания на роль природы в истории развития человеческого общества. В ряде случаев Гердер говорит не о влиянии природы на физический организм и психику человека, а о природной обстановке как о благоприятном или неблагоприятном условии для деятельности человека. К такого рода высказываниям относятся указания Гердера на роль географического положения страны для ее истории, на роль моря для развития сношений, на благоприятные условия для развития островных и приморских стран и на неблагоприятные условия для развития стран, расположенных в глубине материков. Так, он придает большое значение географическому положению древней Греции для ее культурного роста, считает островное положение Англии ее большим преимуществом по сравнению со странами континента Европы. Англичане, по мнению Гердера, являются такими же германцами, как и немцы. В историческом прошлом Германия стояла впереди Англии. Но островное положение позволило Англии развить бо́льшую деятельность и обогнать Германию[1].

Гердер высказывает мысль, что если бы структура рельефа Азии и ее береговая линия были иными, чем их создала природа, если бы восточная Азия имела свое Средиземное море и раннее развитие морской торговли, то весь ход культурного развития человечества был бы иным[2].

---

[1] «Man vergleiche England mit Deutschland. Die Engländer sind Deutsche. Ja bis auf die spätesten Zeiten haben Deutsche den Engländern in den grössesten Dingen vorgearbeitet. Weill aber jenes Land als eine Insel von frühen Zeiten in manche grössere Tätigkeit eines Allgemeingeistes kam: so konnte dieser Geist auf ihr sich besser ausarbeiten und ungestörter zu einer Consistenz gelangen die dem bedrängten Mittellande versagt war». Dritter Teil, S. 154.

[2] «Hätte die Kraft die unsre Erde baute ihren Bergen und Meeren eine andre Gestalt und das grosse Schicksal das die Grenzen der Völker setzte ihnen einen andren Ursprung als von den Asiatischen Gebürgen gegeben: hätte das östliche Asien früheren Seehandel

Эти суждения Гердера о роли природы как обстановки, благоприятной или неблагоприятной для деятельности человека, не сведены им в систему и не составляют единого целого с развитой им во втором томе теорией о географической обусловленности истории человечества.

В немецкой географической литературе географические идеи Гердера оценивались высоко. Ратцель, один из основоположников так называемой антропогеографии, считал, что географические идеи Гердера стоят значительно выше воззрений всех его предшественников[1]. Другой географ Грундман посвятил географическим и этнографическим взглядам Гердера специальную монографию[2].

Следуя за этими немецкими учеными, русский географ Л. Д. Синицкий в своем «Очерке истории антропогеографических идей» ставит Гердера как географа «гораздо выше Монтескьё»[3] и указывает, что «Гердер с большой похвалой отзывается о Монтескьё, но в развитии мыслей о влиянии климата он не следует ему»[4].

Ратцель подчеркивал как значительный шаг вперед, сделанный Гердером по сравнению с его предшественникам, его попытку перейти «от рассмотрения отдельных народов к общему изображению всего человечества». Он хвалил его за широту взгляда, как будто этой широты не было у Бодена и Монтескьё. Л. Д. Синицкий выдвигает на первый план сочетание в суждениях Гердера широты взгляда с «осторожностью построения», отсутствие крайностей и элементарности в рассуждениях. Эти оценки, с одной стороны, грешат значительным преувеличением, с другой стороны, отличаются некоторой неопределенностью, отсутствием четкого анализа, игнорированием противоречий во взглядах Гердера, а иногда и стремлением представить эти противоречия не как противоречия, а как научную осторожность. В частности, как это видно из моего предшествующего изложения, крайностей в смысле признания полной обусловленности физических черт и психики человека природными условиями, равно как и элементарности в суждениях у Гердера более чем достаточно.

Поэтому, оценивая с исторической точки зрения взгляды Гердера на роль природы в развитии человеческого общества, нельзя итти в этой оценке вслед за Ратцелем и Л. Д. Синицким.

Гердер не смог дать цельной, законченной и лишенной внутренних противоречий теории о роли географической среды в развитии человеческого общества. Самые понятия человеческого общества и географической среды у него отличаются большой неопределенностью. Что касается человеческого общества, то Гердер при построении своей теории не столько говорит о человеческом обществе и его истории, сколько об антропологии, психологии, быте и культурном уровне человека вообще.

Социальные связи людей между собою остаются вне поля его зрения. Единственным исключением в этом отношении являются лишь редкие упоминания о содействии в некоторых случаях природных условий деспотической форме правления (например, в Абиссинии). Гердер настой-

---

und ein Mittelländliches Meer bekommen, das es jetzt seiner Lage nach, nicht hat, der ganze Gang der Cultur wäre verändert. Jetzt gieng dieser nach Westen hinab weil er sich Ostwärts weder ausbreiten noch wenden konnte». Там же, стр. 153.

[1] «Herder ist mit dieser grossen einheitlichen Weltauffassung über die mehr zufälligen Betrachtungen aller seiner Vorgänger weit hinausgegangen». *Ratzel*. Anthropogeographie. 2 Auflage. Teil I. Stuttgart. 1899. S. 23.

[2] *Grundmann*. Die geographischen und völkerkundlichen Quellen und Anschauungen in Herders.— «Ideen zur Philosophie des Geschichte der Menschheit». Berlin. 1900.

[3] Указ. соч., стр. 21.

[4] Там же.

чиво подчеркивает влияние на историческое развитие общества той географической среды, в которой это общество живет. Он сознает, что географическая среда — это не только климат, но совокупность целого ряда сторон природы, хотя Гердер и не умеет четко сформулировать, из чего и как складывается эта совокупность.

Предшественникам Гердера тоже не чуждо сознание, что на развитие общества оказывает влияние не только климат, но и другие стороны природы. Например, Монтескьё много говорит о влиянии почвы и останавливается бегло на роли некоторых других природных факторов. Как и у его предшественников, на первом месте среди всех сторон природы у Гердера оказывается все же климат. Влияние природной среды на развитие человеческого общества, по Гердеру, проявляется через влияние этой среды на физический организм и психику человека, которые в свою очередь оказывают влияние на быт и культуру человека. В этом отношении, как он сам это отмечает, Гердер всецело стоит на позициях Гиппократа. Таким образом, Гердер в этом отношении никакого шага вперед по сравнению с Монтескьё и другими своими предшественниками не сделал.

Л. Д. Синицкий подчеркивает также, как заслугу Гердера, его суждения о географическом положении страны, о море, о рельефе суши, как географической обстановке, благоприятной или неблагоприятной для исторического развития отдельных народов. Правда, в этих суждениях Гердер не исходит из одной лишь мысли о влиянии природы на психику человека и через это на историческое развитие. Здесь скорее речь идет просто о природных условиях, задерживающих или ускоряющих историческое развитие того или другого народа. Впоследствии, в XIX столетии мысль географов, занятых созданием теорий о роли географической среды в развитии общества, пойдет по пути систематизации и обобщения этого рода наблюдений, сделает попытку приведения данных этого рода в определенную систему. Но Гердер никакого шага в этом направлении не сделал. Сами же по себе наблюдения такого рода, и притом наблюдения, достаточно продуманные, имеются еще у Страбона (например, мысль о значении географического положения Рима в римской истории). Они далеко не чужды авторам XVI—XVIII столетий. Некоторые из них продумали частные наблюдения этого рода значительно глубже, чем это сделал Гердер. В качестве примера можно привести мысли писателя XVI в. Людовико Гвиччардини о роли моря и географического положения Нидерландов в экономическом развитии этой страны.

Монтескьё стремился исследовать влияние географической среды не только на нравы, но и на формы правления и законодательство народов. Гердеру почти совсем чужд интерес к государственному строю. В этом отношении он сделал шаг не вперед, а назад.

Но в двух отношениях Гердер сделал шаг вперед по сравнению с Монтескьё. Тезис, что «климат не принуждает, но порождает склонность», безусловно является одной из центральных мыслей Гердера. По сравнению с Монтескьё, теория которого носит детерминистический характер, это несомненный шаг вперед, но отмечая это, нельзя одновременно не напомнить, что устранить противоречие между этим тезисом и своими конкретными примерами зависимости организма и психики человека от географической среды, примерами, носящими детерминистический характер, Гердер оказался не в состоянии. Это обстоятельство, конечно, в значительной степени обесценивает указанный шаг вперед.

Вторым более отчетливым преимуществом Гердера по сравнению с Монтескьё является его попытка сделать свою теорию географической обусловленности развития человеческого общества частью более общей своей теории о путях исторического развития человечества, теории,

которая пытается дать динамику развития человечества, является одной из теорий прогресса.

Теория Монтескьё, если можно так выразиться, отличается статическим характером. Как справедливо отмечает В. П. Волгин, «формы правления, государственные установления, законы изображаются им как явления, закономерно расположенные в пространстве. Это, так сказать, географическая закономерность. Закономерности их смены во времени Монтескьё не устанавливает»[1].

Гердер попытался сочетать географическую закономерность с исторической. С этой точки зрения безусловно интересна его мысль о возможности построить «физико-географическую историю происхождения и изменения человеческого рода соответственно природной обстановке и времени»[2]. Но мысли этой Гердер не осуществил на практике в своих очерках истории народов, помещенных им в III и IV частях своего труда. В стремлении сочетать географическую закономерность с исторической Гердер не был пионером. Как об этом уже говорилось выше, это отчасти пытался сделать еще Дюбо. Но попытка последнего, во-первых, отличалась более примитивным характером, во-вторых, между этими двумя попытками есть и принципиальная разница. Гердер старался подметить сочетание воздействия на ход развития человеческого общества со стороны присущих этому обществу внутренних сил развития с влиянием со стороны внешней по отношению к обществу географической среды, его окружающей. Дюбо искал причин изменений в состоянии культуры в изменении климата, т. е., если можно так выразиться, стоял всецело на географических позициях.

Таким образом роль Гердера в истории учения о значении географической среды в развитии человеческого общества заслуживает более скромной оценки, чем та, которую ей дают немецкие географы и вслед за ними Л. Д. Синицкий. Но все же он сделал некоторый шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, несмотря на неопределенность и противоречивость своих суждений.

Общие историко-философские взгляды Гердера оказали влияние на последующую историографию, а его географические идеи сыграли известную роль в формировании географических взглядов Риттера, одного из крупнейших географов первой половины XIX в., деятельность которого сыграла значительную роль в развитии географической науки XIX столетия и оказала влияние на некоторых историков.

В русской исторической литературе XVIII в. о роли климата в развитии общества писал И. Н. Болтин. Как уже было указано выше, И. Н. Болтин находился под значительным влиянием французской просветительной литературы. Он ссылается на Вольтера, как на авторитет, и ссылается нередко. Труды Монтескьё, а также и других «просветителей» ему хорошо знакомы.

Болтин излагает свои воззрения на роль климата в истории человеческого общества в первом томе своих «Примечаний на историю древние и новые России г. Леклерка». Эти воззрения изложены им очень коротко — всего на шести страницах. Болтин начинает свое рассуждение о роли климата в истории общества с указания на наличие в этом отношении двух противоположных точек зрения, которые Болтин называет крайностями. «Некоторые, любящие попускаться в крайности,— пишет Болтин,— климату более надлежащего могущества присвояли, и все перемены в людях и государствах из него выводили; другие, напротив, от него

---

[1] *В. П. Волгин.* Указ. соч., стр. 101.
[2] *Herder.* Указ. соч., ч. II, стр. 121.

все отняли и оставили его без силы и действия»[1]. К первой категории Болтин относит Монтескьё и Дюбо. Сам Болтин хочет, как он выражается, «держаться средния дороги». Он считает «климат первенственною причиною в устроении и образовании человеков». Климат, по его мнению, имеет главное влияние на наши тела и нравы, прочия ж причины, яко воспитание, форма правления, примеры и проч., суть второстепенные или побочные: оне токмо содействуют или, приличнее, препятствуют действиям оного»[2].

Далее следуют примеры влияния климата на организм животных и человека, которые Болтин берет как из сочинений иностранных авторов, так и из русской хозяйственной жизни. Он указывает, что курдючные овцы, «пригоняемые из киргизских степей в Россию, не могут продолжать природы своея не изменяся»[3], что лошади и собаки, перевезенные европейцами в Америку, изменились там, и что европейцы, переселившиеся в Африку, через несколько поколений приобретали черный цвет кожи и черты лица негров. Эти примеры, по мнению Болтина, доказывают, что климат «производит весьма важные перемены» в организме животных и человека. А так как тело и душа «очень тесно сопряжены» друг с другом, то «следовательно все то, что устрояет, образует и изменяет тело, те ж действия производит и над душею»[4].

В подкрепление этого своего вывода Болтин приводит в очень кратком изложении мнения некоторых античных и более поздних писателей. Он указывает, что Полибий приписывает климату образование нравов народов, их цвета кожи и внешнего вида. Болтин излагает затем несколько более подробно взгляды Витрувия на влияние климата на формирование физического организма и психики человека. В связи с изложением воззрений Витрувия, Болтин останавливается на самом содержании понятия о климате. Он говорит: «известно, что не одна высота полюса (т. е. широта данной местности — *В. Я.*) составляет различие в климате, но и многие другие обстоятельства, яко высокость или низкость положения страны, близость высоких гор и различное их расположение, воды, болота, ветры, туманы, леса и качества земли»[5].

Как видно из этих слов, у конкретно мыслящего Болтина понятие о климате в противоположность Гердеру отличается полной определенностью. Под климатом Болтин разумеет совокупность климата в современном смысле слова, почвы и растительности.

Болтин отмечает далее, что места, расположенные друг от друга на небольшом расстоянии, могут тем не менее при различной природной обстановке иметь различный климат и поэтому в одной и той же стране «под одною формою правления, при одинаковом воспитании» возможны некоторые различия «и в телесном сложении и в душевных свойствах жителей тутошних». В подтверждение этой мысли Болтин ссылается на авторитет испанского ученого Уарте[6], отмечающего наличие значительных различий в антропологическом типе и нравах жителей различных провинций Испании. Эти рассуждения приводят Болтина к общему выводу. «Разных родов народы, имеющие различные законы, воспитание, примеры и навык, но в одинаковом климате живущие, более имеют сходства в телесном сложении и душевных свойствах, нежели племена однородные, единоверные и получающие одинаковое воспитание,

---

[1] *И. Н. Болтин.* Указ. соч., т. I, стр. 5.
[2] *И. Н. Болтин.* Указ. соч., т. I, стр. 6.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 7.
[5] Там же, стр. 8.
[6] Об Уарте см. выше, в гл. II.

но в различных климатах живущие»[1]. Этот вывод он подкрепляет наблюдением из русской действительности, утверждая, что между русскими и татарами, живущими в Казанском и Нижегородском наместничествах больше сходства, чем между русскими, живущими на юге и на севере страны.

Побочные причины, которые «суть многие и различные, яко обхождение с чужими народами, кои прежде были незнакомы, чужестранные ества и пряные коренья, имеющие влияние в кровь, образ жизни, обычаи, переменная одежда, воспитание, промыслы и проч.»[2] могут, по мнению Болтина, изменить нравы народов, живущих в одном и том же климате и при одном и том же государственном строе. Но все же, если климат страны остается неизменным, то с течением времени «главнодействующая причина побеждает побочные и первобытный характер, зависевший от ее влияния паки восставляет»[3]. Для обоснования этого своего утверждения, Болтин ссылается на судьбы населения Каталонии и Галлии. Приход готов и других народов в Каталонию вызвал сначала изменение нравов и отчасти языка обитателей страны, но впоследствии климат «превозмог» это влияние. Франки во времена своего переселения в Галлию отличались от галлов, но «по времени сделалися галлами». С другой стороны, совместное действие названных побочных причин и изменений в климате ведет к радикальным переменам в нравах народов. Это свое положение Болтин подкрепляет двумя примерами. Между мордвой и финнами Прибалтики (чухонцами, по терминологии Болтина), по мнению Болтина, существует большое различие в «сложении их тела, так и в душевных свойствах», несмотря на общность происхождения этих народов и «крайнее сходство их наречий». Причину этой разницы Болтин видит в климатических различиях, имеющих место на занимаемых этими народами территориях, и в различии их «образа жизни, обычаев, пищи и всего того, что их окружает».

Изменение климата, а также «перемена воспитания, пищи, формы правления и проч.» создали полное несходство итальянцев с древними римлянами. Изменение климата на протяжении исторического периода жизни человечества представляется Болтину несомненным фактом. «Во время Августа,— пишет он,— были в Риме жестокие зимы, и реки крепко замерзали, а ныне Тибр никогда не замерзает и редко два дни снег лежит. Моисей описывает святую землю плодоносною, обильною, точащею мед и млеко, а нынче она камениста и бесплодна. Немецкая земля при Таците была студена, сурова, болотиста и лесиста, а ныне отнюдь с сим описанием несходна»[4].

В качестве вывода из всего своего рассуждения И. Н. Болтин повторяет мысль, высказанную в начале его, что климат является главной причиной, определяющей «человеческие нравы», а прочие причины, являясь лишь побочными, или усиливают или сдерживают его действие.

Нетрудно видеть, что «средняя дорога» И. Н. Болтина в вопросе о роли климата в истории общества по существу является почти столь же детерминистической точкой зрения, как и точка зрения Монтескьё. И. Н. Болтин лишь более четко формулирует оговорки, которые есть и у Монтескьё, что роль климата может смягчаться воздействием других факторов.

Легко видеть также, что взгляды И. Н. Болтина представляют собою попытку синтеза воззрений Монтескьё и Дюбо. От последнего И. Н. Бол-

---

[1] *И. Н. Болтин.* Указ. соч., т. I стр. 8—9.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 11.

тин, в частности, заимствовал мысль об изменчивости климата на протяжении истории человеческого общества, как причине изменений в нравах народов. Это показывает историчность мышления И. Н. Болтина. Примеры, приводимые И. Н. Болтиным в подтверждение своих теоретических взглядов, он заимствует не только из западноевропейской литературы, но и из русской действительности. Все это позволяет утверждать, что в вопросе о роли климата в развитии общества И. Н. Болтин выступает как мыслящий историк, а не просто пересказывает идеи французских авторов.

Каково было отношение историков «Просвещения» к проблемам исторической критики и источниковедения и как это отразилось на их отношении к исторической географии?

Вольтер был выдающимся критиком исторической традиции. По удачному выражению Е. А. Косминского[1], «стремительным ураганом проносится он по всей традиционной истории, не оставляя в ней камня на камне». Монтескьё, напротив, не обнаруживает совершенно критического подхода к данным исторической традиции. Таким образом, единства в этом отношении между историками «Просвещения» не было. Но формальной критикой источников в духе эрудистской школы, равно как и изданием источников ни Вольтер, ни другие «просветители» не занимались. Такого рода кропотливая работа шла бы вразрез с их стремлением к созданию исторических произведений, широких по тематике. Исключением здесь являются лишь те историки, как, например, Шлёцер, которые, будучи эрудитами по своей профессиональной подготовке и деятельности, усвоили в той или иной мере идеи «Просвещения».

Естественно, что исторической географией, за исключением проблемы о роли географической среды в историческом развитии общества, историки «Просвещения» тоже не занимались.

Вопросы историко-географического характера принадлежали к числу тех исторических деталей, изучение которых было по душе эрудитам с их любовью к частным фактам, но не могло привлечь внимания историков «Просвещения», работы которых строились совершенно в ином плане. Историки «Просвещения» обычно не только не занимались конкретными историко-географическими вопросами, но и почти не оснащали свои общеисторические работы данными историко-географического характера так, как это делали эрудиты их эпохи. В их работах обычно нет ни исторических карт, ни глав историко-географического характера. В обеих основных исторических работах Вольтера, о которых речь шла выше, нет никаких элементов исторической географии. У Робертсона в его «Истории царствования императора Карла V» историческая география тоже отсутствует, вместо историко-географического введения Робертсон дает в данном случае в качестве введения «Обзор прогресса в Европе от падения Римской империи до начала шестнадцатого столетия». В его «Истории Америки», наряду с данными по этнографии Америки во время испанского завоевания, имеются исторические карты.

У Гиббона в его «Истории упадка и разрушения Римской империи» элементы исторической географии незначительны. В первой главе первого тома труда «Объем и военные силы империи в век Антонинов» около десяти страниц посвящено описанию провинций Римской империи. Это описание, основанное частью на источниках — Страбоне, Плинии и др., частью на историко-географической литературе времени Гиббона — на сочинениях д'Анвиля, Клювера, Бержье, отличается чрезвычайно бег-

---

[1] *Е. А. Косминский*. Вольтер и историческая наука. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1945, т. II, № 1, стр. 18

лым характером. В IX главе того же тома «Положение Германии до вторжения варваров во времена императора Деция» имеется краткое описание Германии этой эпохи, основанное отчасти непосредственно на данных Тацита и других источниках, отчасти на труде Клювера о древней Германии.

В остальных томах изредка появляются краткие заметки историко-географического или историко-этнографического характера, как, например, краткое «Описание Колхиды, Лазики или Мингрелии» в главе XLII четвертого тома или данные о размерах владений Карла Великого в главе XLIX и описание Аравии в главе L в пятом томе; краткий очерк изменения территории Византийской империи дан в главе LIII шестого тома.

Иную картину мы видим во «Всеобщей истории Севера» (Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771) Шлецера[1]. Уже на титульном листе автор указывает, что он рассматривает этот труд, «als eine Geographische und Historische Einleitung zur richtigern Kenntniss aller Skandinawischen, Finnischen, Slawischen, Lettischen und Sibirischen Völker».

Работа включает большой материал по исторической этнографии народов севера Европы и Азии, расположенный примерно так, как это обычно делалось в трудах историков эрудитской школы. Сочинение снабжено также картами[2].

---

[1] Шлецер был по существу не автором, а редактором этого сочинения, составленного им из работ шведского ученого Шепинга, русских академиков XVIII в. Байера, Штриттера, Фишера, а также других авторов, снабженных комментариями составителя.

[2] В числе этих карт перепечатана составленная Миллером и изданная в 1758 г. Петербургской Академией наук карта русских открытий у берегов Северо-восточной Сибири и Аляски. Об этой карте см. в автобиографии Миллера и в статье А. И. Андреева Труды Г. Ф. Миллера о Сибири (*Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, М.— Л., 1937, стр. 104 и 150), а также в кн. *В. Ф. Гнучевой.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.— Л., 1946, стр. 243.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период XV—XVIII столетий был в истории Европы временем разложения феодальной общественно-экономической формации и образования в ее недрах новой эксплуататорской формации — капитализма, *одержавшего в конце этого периода в передовых странах победу над* феодализмом.

В течение этого периода историография развивалась по пути от средневековой летописи к буржуазной исторической науке. Этот путь не был ровным и гладким путем эволюционного развития. Подобно социальной жизни, которая определяла развитие историографии, эта последняя также развивалась диалектически. Итальянский гуманизм XV и первой половины XVI в., бывший идеологией формировавшейся городской буржуазии, внес в историографию новое, светское мировоззрение и тем самым вызвал весьма существенную перестройку в историографии, перестройку, позволяющую историку исторической науки говорить о зарождении в то время *буржуазной историографии нового времени*. Распространение в XVI столетии гуманизма за Альпами в более отсталой по сравнению с Италией социальной обстановке не могло сопровождаться перенесением в эти страны светского мировоззрения итальянских гуманистов.

Развитие в XVI в., вследствие распространения реформации, религиозной борьбы также должно было консервировать и даже усиливать религиозное мировоззрение. Это не могло не сказываться отрицательным образом на развитии исторической мысли, в особенности в странах, в которых хозяйственная отсталость сочеталась с напряженной религиозной борьбой, как в Германии. Но, с другой стороны, социальная борьба во Франции и в Германии XVI в. вызвала у историков интерес к истории учреждений.

Огромное большинство историков гуманистической школы интересовалось главным образом общим ходом событий, но редко проявляло внимание к точному установлению отдельных исторических фактов. Обычно они не специализировались только на занятиях историей и не проявляли склонности к кропотливому изучению исторических источников. В своих исторических произведениях они обычно ставили себе задачи политического характера. Некоторые из них (например, Бруни, Макиавелли) иногда выдвигали новые исторические идеи. Историки-гуманисты были в основном носителями исторической мысли своего времени. Литературному оформлению своих произведений они придавали очень большое значение.

Среди историков гуманистов уже в XV столетии были отдельные лица (Биондо, Калько), не обладавшие умением литературно оформлять свои произведения в стиле эпохи, но проявлявшие интерес к историческому источнику и к установлению отдельных исторических фактов.

В XVI столетии интерес к историческим источникам и к установлению на основании этих источников отдельных фактов исторического прошлого проявляется не только в работе некоторых историков (например, Сигонио, Суриты, Кемдена), но и в собирании исторических источников (деятельность Леланда, Моралеса и др.) и в издании не только отдельных источников, но и целых собраний источников по истории отдельных стран (издания Питу, Писториуса и др.). В XVI столетии появляются зачатки вспомогательных исторических дисциплин. Развитие названных предпосылок и приемов техники исторического исследования было естественным побочным продуктом роста национальной историографии в Западной Европе в XVI столетии.

В XVII—XVIII вв. эти предпосылки и элементы научной техники исторического исследования были освоены и развиты дальше так называемой эрудитской школой, обслуживавшей политические интересы феодальной монархии и феодальной церкви как католической, так и протестантской. Церковь в лице монашеских орденов выступила даже в качестве организатора работы в области как церковной, так и общей истории. Это способствовало усилению занятий историей, росту кадров историков. Но эти историки должны были всецело стоять на почве феодально-церковного мировоззрения. Для проявления творческой исторической мысли здесь было очень мало возможностей.

Историки могли выступать лишь с общими концепциями провиденциалистского типа, вроде концепции Боссюэ.

Естественно, мысль историков направилась на частные вопросы, на установление отдельных исторических фактов, на разработку методов, при помощи которых эти отдельные частные факты могли быть изучены. Естественно, что эрудитская школа в XVII—XVIII столетиях выдвинулась на первый план.

Ее развитие было в интересах господствующих классов и их церкви, и не случайно во Франции историками-эрудитами были преимущественно ученые монахи.

Дело в том, что возврат к старым догуманистическим феодальным хроникам с их наивной верой в чудеса и полным отсутствием критики исторических источников был уже невозможен. Господствующему классу требовалась уже не хроника, фиксирующая современные или недавние события, а история, рассказывающая прошлое. Для ее создания нужно было собирание исторических источников, нужно было развитие техники исторического исследования. Все это могла дать эрудитская школа. В колоссальной по объему работе по собиранию и изданию исторических источников и в разработке техники исторического исследования и заключается историческое значение деятельности историков-эрудитов XVI—XVIII вв. Рост буржуазии и развитие противоречий между нею и господствующим феодальным классом повлекли за собою в XVIII в. развитие антифеодальной и антицерковной идеологии, «Просвещения», которое выдвинуло свою школу историков во главе с Вольтером, использовавшим исторический материал для борьбы с феодализмом и церковью. Эта школа вновь двинула вперед развитие исторической мысли, но она не занималась ни собиранием источников, ни техникой исторического исследования.

Развитие историографии в XV—XVIII вв. сопровождалось также расширением содержания исторических произведений. Буржуазные историки исторической науки обращали мало внимания на это очень интересное явление. В частности, зарождение и развитие такой важной отрасли исторического знания, как экономическая историография, почти совсем не было предметом изучения. В буржуазных сводных работах по истории

исторической науки труды по истории хозяйства, равно как и по истории права, обычно не рассматриваются.

Это расширение содержания исторической науки было вызвано развитием и усложнением социальной жизни и нематериальной культуры в течение XV—XVIII вв. вследствие разложения феодальной формации и формирования в ее недрах капиталистического уклада.

Чрезвычайно характерно, что указанное расширение содержания исторического знания было делом рук не историков, а представителей соответствующих специальностей, т. е. деятелей литературы и искусства, юристов, экономистов.

Историки чрезвычайно упорно держались, и притом не только в XV—XVIII вв., но и гораздо позже, летописного представления о том, каким должно быть содержание исторических произведений, сводя это содержание к рассказу о событиях, политической истории, или к действиям королей и полководцев, к действиям завоевателей и покорителей государств[1].

Социально-экономические процессы почти не получали отображения в общеисторических произведениях XV—XVIII вв. Факты истории права, истории литературы и искусства до историков «Просвещения» излагались в общеисторических произведениях в минимальной степени. Историки «Просвещения» ввели их в свои работы, сделав в этом отношении значительный шаг вперед. Но все же и в их работах эти факты заняли подчиненное положение по отношению к событиям политической истории.

Географические знания европейцев в XV—XVIII вв. весьма значительно расширились и заметно углубились. Этот прогресс был вызван теми же процессами в области социальной жизни, которые были причиной развития историографии. Экономическая потребность отыскать морской путь в Индию была причиной великих открытий, которые вместе с последовавшими за ними путешествиями меньшего значения чрезвычайно раздвинули географический горизонт европейцев. Нужды мореплавания вместе с потребностями торговли и требованиями государственной власти вызвали прогресс картографии. Успехи физической географии были сравнительно скромными вследствие недостаточного еще развития тех научных дисциплин, которые являются необходимой базой для ее формирования.

Страноведение получило заметное развитие как описание по странам некоторых сторон государственной жизни, а отчасти быта и нравов населения, но физико-географический элемент в страноведческих произведениях был слаб. Отличительной чертой страноведческих работ, чертой, которую особенно важно не упускать из виду при изучении истории исторической географии, является большая роль в этих произведениях номенклатурного элемента. В страноведческих сочинениях перечни гор, рек, населенных пунктов и т. п. с краткими сведениями справочного характера об этих географических объектах часто занимали центральное место.

Историческая география возникла, развивалась и сложилась в определенную систему знаний под непосредственным влиянием развития историографии и географии.

Интерес к античной древности, бывший характерной чертой гуманизма, так как у античных авторов и в античной жизни гуманисты искали ответа на запросы современной им действительности, сделал именно

---

[1] Отзвуки этого понимания содержания исторических произведений, к сожалению, чувствуются и в СССР в наши дни. См. мою статью — К вопросу о структуре учебников истории для высшей школы («Вопросы истории», 1951, № 4).

античную древность первым объектом историко-географического изучения. В период господства гуманистической историографии историческая география не выходила за пределы античного мира. В XVII—XVIII вв. историческая география начинает изучать средние века. Но внимание к древности продолжает оставаться преобладающим. Это объясняется, во-первых, тем, что до самой революции 1789 г. авторитет античности, хотя и сильно поколебленный с конца XVII столетия, все же продолжал оставаться значительным, во-вторых, гораздо более значительным отличием географической номенклатуры XVII—XVIII вв. от античной, чем от средневековой, в-третьих, влиянием той исследовательской традиции, которая была создана в области исторической географии гуманистами.

Элементы исторической географии появляются в гуманистической историографии очень рано. Уже «первый гуманист» — Петрарка, которого можно назвать предтечей гуманистической историографии, не только стремится определить местонахождение упоминаемых античными авторами географических объектов, но и делает попытку создать произведение, в котором элементы исторической географии античного мира расположены в некоторой системе. Биондо в своем сочинении «Italia Illustrata» дал уже, хотя и весьма примитивное, историко-географическое описание целой страны. Сочинение это оказало значительное влияние на последующую гуманистическую географическую и историко-географическую литературу, а частично и на литературу более позднего времени. Но у Биондо элементы исторической географии даны вместе с элементами современной ему географии и с элементами местной истории. Сочетание, часто даже просто смешение элементов исторической географии с теми или иными элементами местной истории останется характерной чертой историко-географических работ на долгие времена. Но смешению исторической географии с современной положили конец во второй половине XVI в. работы Ортелия. Смешение исторической и современной географии было порождено той ролью, какую до великих картографов второй половины XVI столетия Ортелия и Меркатора играли в географии эпохи Возрождения географические труды античных авторов и прежде всего Птолемея и Страбона.

В трудах Страбона и Птолемея античная география достигла своего расцвета, и поэтому то внимание, которым пользовались их сочинения у гуманистов, было крупным преимуществом географии эпохи Возрождения перед историографией, представители которой оказались не в силах понять достоинства Фукидида и Полибия и считали Ливия первым историком древности. Но, с другой стороны, до великих открытий и значительное время после них, так как их значение было не сразу вполне осознано, географы не понимали различия между современной и античной географией и использовали сочинения Страбона, Птолемея и других географов древности для характеристики как античной, так и современной им географии.

Ортелий не только полностью отделил историческую географию от современной, но и завершил своими трудами по исторической географии первоначальный период ее формирования.

В его работах уже имеется первоначальное ядро той системы, в какую в семнадцатом и начале восемнадцатого столетия сложилась историческая география.

В центре внимания Ортелия лежит определение местонахождения географических объектов, упоминаемых античными авторами, и определение их соответствия современным Ортелию аналогичным географическим объектам. В числе географических объектов, изучаемых Ортелием, кроме гор, рек, мысов, морей, заливов, проливов, населенных

пунктов и т. д., имеются также места, замечательные в историческом отношении, которым Ортелий уделяет особенное внимание.

Ортелий стремится также указать расселение древних народов и племен и границы между государствами.

Для решения всех этих вопросов наиболее удобной формой была историческая карта. Ортелий был картографом по специальности, и для него эта форма была особенно доступна. Другой подходящей формой был словарь географических названий. Эту форму Ортелий тоже использовал. В тексте, приложенном к картам своего исторического атласа, Ортелий давал краткую страноведческого типа характеристику данной страны в древности. В этой характеристике заметную часть занимают вопросы исторической этнографии, трактуемые, конечно, на уровне того времени.

По содержанию историческая география в работах Ортелия близка к тому пониманию содержания географии вообще, которое было свойственно его времени. Ведущей отраслью географии не только в XVI в., но и много позже была картография. В страноведении географическая номенклатура играла роль костяка описания. Главное внимание авторов этих описаний было занято географией человека, в том числе вопросами быта и нравов населения. Элементы физико-географического страноведения были незначительны.

Эта близость исторической географии по содержанию к современной географии будет характерной чертой и для XVII и большей части XVIII в.

Ортелий, называя географию «глазами истории», поставил историческую географию на службу историографии. Тем самым он рассматривал историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину. Этот взгляд на историческую географию свойственен не только XVII—XVIII столетиям, но и всему последующему времени, вплоть до наших дней.

В конце XVI в. Вельзером, Ортелием, Суритой было положено начало собиранию и изданию специфических источников исторической географии — античных карт и итинерариев, рассматриваемых уже не как географические материалы, пригодные для современности, а как историко-географические источники.

Меркатор своим изданием Птолемея перевел также эту «библию географов» своего времени в категорию историко-географических источников.

В этом первоначальном периоде формирования исторической географии в работе над ее проблемами принимали участие как историки, так и географы, с количественным преобладанием первых. Это обстоятельство будет иметь место и впоследствии.

Историческая география в первоначальном периоде своего формирования стремилась воссоздать географию прошлого как некоторую картину статического характера. Ее представителям почти чуждо стремление изучать географию прошлого в динамике. Кемден, делающий в этом отношении крупный шаг вперед, этой стороной своей работы близок уже к авторам следующего периода в истории исторической географии.

Характерной и очень важной чертой исторической географии первоначального периода ее формирования является слабость критики исторических источников, столь ярко проявившаяся в работах Ортелия. В этом заключается основное отличие исторической географии данного периода от исторической географии XVII—XVIII вв. В XVII—XVIII столетиях историческая география сильно растет и в количественном и в качественном отношении. Историко-географическими проблемами

в это время занимаются как историки эрудитской школы, и в том числе очень крупные и авторитетные, например, Дюканж, Дюбо, так и географы, и притом такие выдающиеся географы, как Сансон, Гийом Делиль и д'Анвиль. Число работ весьма значительно увеличивается. В России XVIII в. переход от летописи средневекового типа к историческим произведениям более высокого уровня сопровождался сразу же усиленным вниманием к проблемам исторической географии. В. Н. Татищев уделял этим проблемам очень много места в своих работах. То же самое можно сказать и об И. Н. Болтине.

Историческая география уже не ограничивается статическим изучением древнего мира. Она распространяет свой интерес и на средние века и, что особенно важно, изучает географию прошлого, в особенности средних веков, но отчасти и древности, в динамическом разрезе, стремится проследить изменения во времени отдельных историко-географических элементов, например, границ владений Рима. Основным и наиболее значительным шагом вперед, который сделала историческая география уже в XVII столетии, был критический подход к источникам. Весь тот прогресс в технике исторического исследования, который был достигнут эрудитской школой в XVII—XVIII вв., был достигнут также и исторической географией.

Содержание исторической географии в XVII—XVIII вв. почти не расширилось. Круг проблем, интересующих исследователей, остался в основных частях тем же, какой установился к концу первоначального периода формирования исторической географии.

Локализация на карте географических объектов прошлого с установлением, где это возможно и нужно, соответствия с современными географическими объектами, изучение внешних и внутренних политических границ в историческом прошлом, а также смены народов на территории страны с материалами по исторической этнографии этих народов,—вот основные вопросы, которые были объектом изучения исторической географии в XVII—XVIII вв.

К ним часто добавлялись те или иные моменты из местной истории изучаемой страны. Такое добавление стало традиционным на долгие времена — до XX столетия включительно.

Характер исторической географии в XVII—XVIII вв. вполне соответствовал как нуждам и уровню историографии, так и уровню развития географии того времени.

Историки-эрудиты XVII—XVIII вв. изучали в своих общеисторических произведениях только политическую и церковную историю. Поэтому круг вопросов, изучавшихся исторической географией, был для них достаточен. Приемы научной работы в общей истории и в исторической географии были одни и те же.

География современности, вследствие крайне слабого тогда развития физико-географического и экономического страноведения, по содержанию была близка к географии исторической.

Распространение в XVII—XVIII вв. учебников «как новой, так и древней географии» является вполне понятным в свете этого факта. В глазах историков-эрудитов XVII—XVIII вв. историческая география была очень важной вспомогательной дисциплиной. Историко-географическое введение, и притом очень часто весьма обстоятельное, считалось необходимой составной частью общеисторических произведений.

Вопрос о роли природной среды в развитии общества как принципиальный вопрос был чужд историко-географическим произведениям XVII—XVIII вв. Разработкой его историческая география не занималась.

В общеисторических произведениях иногда встречались указания на роль природы в истории какой-либо страны (например, в истории древнего Египта), но обобщений не делалось.

Проблема влияния природной среды на историю человечества разрабатывалась вне историко-географических работ, разрабатывалась историками мыслителями, людьми иного склада, чем эрудиты. Наибольшее внимание этой проблеме уделили Боден, Дюбо и совсем чуждые традиционной исторической географии историки «Просвещения».

Но в разработке этой проблемы по существу они не пошли дальше развертывания античной идеи о влиянии природы на историю через влияние этой природы на психику человека. Серьезных результатов на этом пути получить было невозможно, и географы XIX—XX вв. занялись этой проблемой в другом аспекте, почти не продолжая этой античной традиции.

Изученная в настоящей работе история развития исторической географии является основной и притом единственной вполне законченной стадией развития данной дисциплины.

За XIX—XX вв. буржуазная историческая и географическая наука проделала не малый путь. За это время сформировалась и окрепла марксистская историческая наука. Нельзя сказать, чтобы за XIX—XX вв. историческая география совсем не продвинулась вперед в методологическом отношении, равно как и по содержанию. Но буржуазная историческая география сильно отстала в своем развитии от буржуазных историографии и географии. В законченную общепризнанную систему, подобно тому как это было в «век эрудиции», она еще не сформировалась. Этим объясняется тот разброд мнений о предмете и задачах исторической географии, о котором говорилось в первой, вводной главе.

Этим объясняется также и потеря исторической географией завоеванного ею некогда положения в исторической науке.

Марксистская историческая география находится еще в процессе формирования.

Развитие исторической географии в XIX—XX вв., как это уже было отмечено выше (стр. 20), не входит в задачи данного исследования. Основные линии этого развития в самых общих чертах указаны в моей статье о предмете и задачах исторической географии, опубликованной в 1941 г. («Историк-марксист», 1941, № 5).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

(Сокр.: лат. вместо — в латинизированной форме)

Авентин (Johann Turmair, лат. Aventinus, 1477—1534) 62
Агатодемон (V в. н. э.) 208
Агустин (Antonio Agustín, 1517—1586) 76, 78
Аккурсий (Francesco Accorsio, лат Accursius, 1182—1260) 69
Акоста Хосе (José d'Acosta, 1539—1600) 62, 75
Алпатов М. А. 255
Альберт Великий (Albertus Magnus, 1193—1280) 63
Альберти Леандро (LeandroAlberti, 1479—1552) 72, 94, 95, 123, 193
Альберти Леоне Баттиста (Leone Battista Alberti, 1404—1472) 44, 52
Альды 80
Алькуин (Alcuinus, 735—804) 42
Альмаджа (Almagia) 5
Альтамира и Кревеа (Rafael Altamira y Crevea, 1866—1951) 15, 19, 83, 280
Альфан (Louis Halphen, 1880—1950) 16
Альчато (Andrea Alciato, 1492—1550) 76, 77, 135
Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) 50, 113, 186, 189, 199, 232, 233
Анвиль де (Jean Bourguignon d'Anville, 1697—1782) 45, 127, 168, 179, 181, 194, 216—218, 222, 231—249, 253, 254, 256, 259, 261, 310, 317
Андерсон Адам (Adam Anderson, 1692—1765) 155, 160, 282
Андреев А. И. 17, 18, 171, 173, 177, 178, 268, 275
Андрианова-Перетц В. П. 59
Антон (Karl Gottlieb Anton, 1751—1818) 156
Аньезе (Battista Agnese, XVI в.) 90, 93, 207
Апиан Петр (Peter Bienewitz, лат. Petrus Apianus, 1495—1551) 90, 92, 94, 96
Апиан Филипп (Philippus Apianus, 1531—1589) 89, 90, 92
Аппиан (II век н. э.) 50, 123
Ардашев П. Н. (1865—1924) 222, 231
Аретий Марий (Marius Aretius, XVI в.) 211
Аристотель (384—322 до н. э.) 136, 137, 284
Арриан (II в. н. э.) 119
Арроусмит (Aaron Arrowsmith, 1750—1824) 178
Арсен (Harsin) 153
Артюхов Я. С. (1884—1945) 18
Асколи см. Энок д'Асколи
Астл (Thomas Astle, 1734—1803) 165
Аурисла (Giovanni Aurispa, 1369—1459) 49
Ахенваль (Gottfried Achenwall, 1719—1772) 172
Ашери Лука (Luc d'Achery, лат. Dacherius, 1609—1689) 198

Багров Л. С. 87, 103, 106
Байер (Gottlieb Siegfried Bayer, 1694—1738) 218, 219, 269, 270, 311
Баллестерос и Беретта (Ballesteros y Beretta) 80, 211
Бальцани (Ugo Balzani, 1847—1916) 37
Балюз Этьен (Etienne Baluze, 1630—1718) 160, 161, 214
Баранский Н. Н. 9, 169, 172, 173, 180
Барентен де Моншаль (Louis Barentin de Montchal, 1737—1824) 248
Барнес (Harry Elmer Barnes) 5, 14, 15, 16, 22
Барон (Hans Baron) 24, 52, 54
Барони (Baroni) 36, 130
Бароний (Caesar Baronius, 1538—1607) 79, 82
Бароцци (Barozzi L.) 50
Барри Джеральд (Gerald de Barri, лат. Giraldus Cambrensis, 1147—1220) 6, 22, 28
Баррош (João Barros, 1496—1570) 75
Барсов Н. П. (1839—1889), 23, 275
Бартольд В. В. (1869—1930) 59, 118, 145, 244, 283, 286
Бах (Iohann August Bach, 1721—1758) 77
Бахрушин С. В. (1882—1950) 6, 85
Башилов С. (1740—1770) 162
Беат Рейнский (Bild, лат. Beatus Rhenanus, 1486—1547) 196
Беда (Beda Venerabilis, 677—735 или 738) 42
Бейкер (John Baker) 17
Бейль (Pierre Bayle, 1647—1706) 274

Бёк Август (August Boeckh, 1785—1867) 249
Бекер (Baker) 4
Беккер см. Писториус
Беллей (Augustin Belley, 1697—1771) 217, 218, 242
Беллемо (Bellemo) 19, 176
Белов (Georg Below, 1858—1927) 12
Беляев И. Д. (1810—1873) 7, 137
Бенивентано (Beneventano) 90, 92
Бентлей (Richard Bentley, 1662—1742) 147
Берг А. Е. (A. E. Berg) 61
Берг Л. С. (1876—1950) 6, 17, 94
Бердзенишвили Н. А. 287
Бержье Николай (Nicolas Bergier, 1557—1623) 196, 197, 216, 255, 310
Беринг Витус (1680—1741) 168, 240
Берлингьери (Francesco Berlinghieri, 1440—1500) 62
Бернье (François Bernier, 1620—1688) 299, 300
Бертиус (Bertius, 1565—1629) 196, 208, 216, 228
Бехайм Мартин (Martin Behaim, 1459—1507) 59, 62
Бильд (Bild) см. Беат Рейнский
Биондо (Flavio Biondo, лат. Flavius Blondus, 1392—1463) 28, 38, 39, 43, 44, 46, 47—51, 53, 55—59, 62, 65—72, 79, 94, 128, 130—132, 192, 193, 196, 222, 223, 230, 273, 312, 315
Бираги (Biragni) 60
Бирд Мери (Mary Beard) 280
Бирд Чарлз (Charles Beard, 1874—1948) 280
Биркенмайер (Birkenmayer 1855—1929) 90
Бистиччи см. Веспасиано да Бистиччи
Бланкарт (Blankaart, 1625—1703) 210
Бланки (Jérôme-Adolphe Blanqui, 1798—1854) 153
Блау (лат. Blavius) 177, 210
Блаунт (Tomas-Pope Blount, 1649—1697) 186
Блинк (Blink) 19, 176
Блок (P. I. Blok) 155
Блок Марк (Marc Bloch, 1886—1944) 8
Блондель (François Blondel, 1617—1686) 163
Богаевский Б. Л. (1882—1942) 35
Боднарский М. С. (1870—1953) 17, 171
Бодрийяр (Henri Baudrillart, 1821—1892) 137
Бодуэн (Baudouin, лат. Balduinus, 1520—1573) 77, 78, 83
Бодэн Жан (Jean Bodin, 1520—1596) 82, 137—142, 286, 293, 294, 299, 301, 318
Боккаччио Джиованни (Giovanni Boccaccio, 1313—1375) 26—28, 33, 34, 42, 52, 62, 121
Болланд (Jean Bolland, 1596—1665) 149, 163
Болтин И. Н. (1735—1792) 219, 220, 274, 275, 286, 307—310, 317
Бонами (Pierre-Nicolas Bonamy, 1694—1770) 218
Бонн (Rigobert Bonne, 1727—1795) 181
Бордоне (Benedetto Bordone) 92, 197
Боссюэ (Jacques-Bénigne Bossuet, 1627—1704) 165, 166, 257, 313
Ботеро (Giovanni Botero, 1540—1617) 95, 99, 100, 172
Бофор (Louis de Beaufort, ум. 1795) 166
Боэм Иоанн (Ioannes Boëmus, XVI в.) 95
Боэциус (Boëtius, 1529—1599) 78
Брачелли Якопо (Iacopo Bracelli, 1411—1466) 58, 71, 72
Брезильяк (Jean François de Brezillac, 1710—1780) 253
Брекиньи (Louis-George de Bréquigny, 1714—1794) 145, 160, 162
Бреслау (Harry Breslau, 1848—1926) 163, 164
Бриэ (Philippe Briet, лат. Brietius, 1601—1668) 210
Брольи (Caesar Broglie, 1854—1926) 164
Бруни Леонардо (Leonardo Bruni, лат. Leonardus Aretinus, 1369—1444) 25, 34—36, 38—40, 46—49, 51, 53—56, 58, 67, 69, 84, 312
Брюне (Jacques Brunet, 1780—1867) 49
Бугенвиль (Louis Bougainville, 1729—1811) 241, 299
Буданов В. П. 5
Буке (Martin Bouquet, 1685—1754) 48, 161, 250, 252, 253
Буленвилье (Henri de Boulainvilliers, 1658—1722) 166, 167
Бунон (лат. Buno, 1617—1697) 183, 190
Буоначиоли 122
Буркгардт (Jacob Burckhardt, 1818—1897) 41
Бурсиан (Konrad Bursian, 1830—1883) 5
Бусси (Giovanni Andrea Bussi, 1417—1475) 50, 53
Бухгольц (Buchholz) 48
Буш (Honoré Bouche, 1598—1671) 213, 214, 259, 261
Буяк (Franciszek Bujak, 1875—1953) 60, 88, 89
Быковский Н. М. 90, 179
Бэкон (Francis Bacon, 1561—1626) 159, 285
Бюатели 238
Бюшинг (Anton Friedrich Büsching, 1724—1793) 174, 175

Вагнер (Hermann Wagner, 1840—1929) 62
Вазари (Giorgio Vasari, 1511—1574) 44, 75, 76
Вайнштейн О. Л. 12—15
Вайрих (Weyrich E.) 19
Вален (Iohann Vahlen, 1830—1911) 50
Валла Лоренцо (Lorenzo della Valle, лат. Laurentius Valla, 1407—1457) 27, 35, 40, 50, 51—54, 57
Валуа Адриан (Adrien Valois, лат. Valesius, 1607—1692) 194, 195, 198—200, 212, 215, 232, 233, 249, 253
Валь — 174
Вальдзеемюллер (Martin Waldseemüller, лат. Hylacomylus, 1470—1518 или 1521) 89, 92
Валь дю (Pierre du Val, 1619—1683) 127, 206, 207, 208, 210

Вальзер (Ernest Walser) 44
Ваповский (Wapowski, конец XV нач. XVI в.) 90
Варений (Varenius, 1622—1650) 170, 264
Варрон (116—27 до н. э.) 42, 110
Ватт Иоахим (Ioachim von Watt, лат. Vadianus, 1484—1551) 62, 80, 84
Вегеле (Franz Xaver Wegele, 1823—1897) 12, 134, 135
Веджио (Vegio, 1407—1458) 45
Вельзер Марк (Welser, 1558—1614) 123—125, 196, 316
Венюков Никифор (XVII в.) 173
Верджерио (Pietro Paolo Vergerio, 1370—1444) 39
Верджилио Полидоро (Polidoro Vergilio, 1470—1555) 131
Вернадский В. И. (1863—1945) 181
Вернер Иоганн (Johann Werner, лат. Vernerus, 1468—1528) 91
Веспасиано да Бистиччи (Vespasiano da Bisticci, 1421—1498) 38
Веспуччи (Amerigo Vespucci, 1454—1512) 95
Вессет (Dominique Joseph Vaissete, 1685—1756) 213
Вибиус Секвестер (Vibius Sequester) 34, 121
Вивес Луис (Luis Vives, 1492—1540) 83
Вивьен де сен Мартен (Vivien de St. Martin, 1802—1897) 17, 104
Вид Антоний (XVI в.) 84
Видаль де ла Блаш (P. Vidal de la Blache, 1845—1918) 139
Вик (Claude Vic, 1670—1734) 213
Вико Э. (Enea Vico, 1523—1567) 82
Вико (Giovanni-Battista Vico, 1668—1743) 145
Виламовиц-Мёллендорф (Wilamowitz-Möllendorff, 1848—1931) 80
Виллани Джованни (Giovanni Villani, ум. 1348) 37, 39, 41, 79, 152
Виллани Филиппо (Filippo Villani, 1325—1405) 42, 52
Виллари (Pasquale Villari, 1826—1917) 59
Виммер (Wimmer) 3, 4, 5
Виниус А. А. 178
Виньо (Henry Vignaud, 1830—1922) 86
Виппер Р. Ю. (1859—1954) 138, 277, 278, 296
Виргилий (70—19 до н. э.) 28, 29, 31, 32, 68, 70, 110, 115, 118, 119, 192, 203, 207, 277
Виссова (Georg Wissowa, 1859—1931) 49
Вит (Jan de Witt, 1625—1672) 153
Витвер И. А. 181
Витковский В. В. (1856—1924) 205
Витрувий (I в. до н. э.) 308
Власич (Matthias Flacius Illyricus, 1520—1575) 79, 130
Воверманс (Wauwermans) 87, 88, 103
Вогонди Робер (Gilles Robert de Vaugondy, 1688—1766) 252
Волатерранус (Volaterranus) см. Маффеи
Волгин В. П. 290, 307
Волькенхауер (Wolkenhauer 1845—1922) 60, 61, 89, 91, 241, 242, 249
Вольта (Alessandro Volta, 1745—1827) 144
Вольтер (Voltaire, 1694—1778) 4, 159, 256, 257, 259, 276—283, 286, 290, 293, 296, 307, 310, 313
Вольф (Johann Wolf, 1537—1600) 83
Вотинов А. 16
Вотке (Wotke) 49

Гайберг (Johann Ludwig Heiberg, 1854—1928) 136
Гайм (Rudolf Haym, 1821—1901) 295
Гайн (Ludwig Hain, 1781—1836) 49
Гален (131—201 или 210) 122
Галилей (1564—1642) 144, 285
Галлей (Halley) 170
Галлер Иоанн (XVI в.) 97
Галлуа (Lucien Gallois) 59, 88, 94
Гальвани (Luigi Galvani, 1737—1798) 144
Гама (Васко да Гама, Vasco da Gama, 1469—1524) 59, 85, 167
Ганцш (Victor Hantzsch, 1868—1910), 97
Гароши (Garosci) 137
Гаррисон (W. Harrison, 1534—1593) 95, 96
Гарсилассо де ла Вега (Garcilasso de la Vega, 1539—1616) 293
Гартман 174
Гастальдо (XVI в.) 197
Гаттерер (Johann Christoph Gatterer, 1727—1799) 5
Гваньини (Alessandro Guagnini, 1538—1614) 134
Гвиччардини Людовико (1521—1589) 19, 87, 96, 100, 103, 133, 306
Гвиччардини Франческо (Francesco Guicciardini, 1483—1540) 100
Геерен (Herman Ludwig Heeren, 1760—1842) 4, 5, 194, 247, 283, 290
Гейнеке (Johann Gottlieb Heinecke, лат. Heineccius, 1681—1741) 151, 283
Гейнзиус (Dan. Heinsius, 1580—1655) 190
Геллий (II в. н. э.) 118
Геннициус 255
Генрих Мореплаватель (1394—1460) 91
Георги И. И. (1729—1802) 298
Герарди (A. Gherardi, 1844—1908) 38
Герберштейн Сигизмунд (Herberstein, 1486—1566) 90, 95, 134
Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744—1803) 286, 295—308
Герман И. Ф. (1755—1815) 157, 172
Геродот (V в. до н. э.) 21, 50, 51, 63, 207, 243, 258, 269
Герье В. И. (1837—1919) 12, 223
Геттнер (Alfred Hettner, 1859—1941) 5, 17, 75
Гиббон (Edward Gibbon, 1737—1794) 15, 278, 282, 310
Гизо (François-Pierre Guillaume Guizot, 1787—1874) 256, 257, 280, 282
Гилберт (Gilbert) 8
Гинце (Hintze) 280
Гиппократ (460—377 до н. э.) 22, 136, 299, 302
Глареанус (Heinrich Loriti, лат. Glareanus, 1488—1563) 94, 95, 96
Гмелин И. Г. (1709—1755) 170, 298
Гнучева В. Ф. (1890—1942) 169,177, 181, 237, 275, 311
Гевтер (Pontus Hevterus, 1535—1602) 133

Годфруа Жак (Jacques Godefroy, лат. Gothofredus, 1587—1652) 151
Гольдаст (Melchior Goldast, 1576—1635) 80, 85
Гомара (Francisco Lopez de Gómara, 1512—1560) 293
Гомер 21, 22, 119, 297
Гоэс Дамиан (Damian de Goes, 1501—1573) 88, 96, 212
Гравина (Gian Vincenzo Gravina, 1664—1718) 151, 283
Грамон (Scipion de Grammont, XVII в.) 153
Грас (N. S. B. Gras) 153
Граур А. В. 205
Гревиус (I. G. Graevius, 1632—1703) 48, 51, 54, 71, 135, 145
Греков Б. Д. (1882—1953) 59, 162, 174, 176, 266, 271
Греффе — см. Гревиус
Григорий Великий (VI в.) 42
Григорий Турский (538—593) 123, 221, 232, 277
Гродецкий Вацлав (Waclaw Grodecki) 90
Гроций Гуго (Huig de Groot, лат. Hugo Grotius, 1583—1645) 148, 185, 194
Грундман 305
Грутер (Jan Gruytere, лат. Gruterus, 1560—1627) 81, 161, 197, 201, 232, 253
Гуарино из Вероны (Guarino Veronese, 1374—1460) 61
Гудеман (Alfred Gudeman, 1862—1921) 49, 80, 145
Гумбольдт А. (Alexander Humboldt, 1769—1859) 96, 170, 241
Гуммель (Bernhard Friedrich Hummel, 1725—1791) 247
Гус Виллем (Goes, лат. Goesius, 1612—1686) 153
Гуч (Gooch) 13
Гэл (Thomas Gale, 1636—1702) 228
Гюнтер (S. Günther, 1848—1923) 17, 60, 61, 170
Гюэ (Pierre-Daniel Huet, 1630—1721) 143, 153, 160

Данжо (Philippe Dangeau, 1636—1720) 159
Даниэль (Gabriel Daniel, 1649—1728) 213
Данте (1265—1321) 27, 28, 36, 42, 43, 46, 51, 54, 69, 277
Дарби (Darby) 8
Дасье (Joseph Dacier, 1742—1833) 232
Дацци (Dazzi) 37
Дежарден Эрнест (Ernest Desjardnis, 1823—1886) 4, 200, 218, 233, 249
Дежнев Семен (ум. 1679) 168
Декарт (René Descartes, лат. Cartesius, 1596—1650) 285
Делиль Гийом (Guillaume de l'Isle, также Delisle, 1675—1726) 179, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 246, 251, 252
Делиль Иосиф-Николай (1688—1768) 177, 181, 182
Делиль Клод (1644—1720) 237
Делиль Людовик (De l'Isle de la Croyère, 1690—1741) 237
Деманжон (Albert Demangeon, 1872—1940) 189
Денюсе (Denucé) 103, 124
Дерябин А. Ф. (1770—1820) 157
Дечембрио (Piero Candido Decembrio, 1392—1477) 43, 49
Джавахишвили И. А. (1876—1940) 287
Джанашиа С. Н. (1900—1947) 287
Джанноне (Pietro Giannone, 1676—1748) 152, 167
Дженкинсон (Anthony Jenkinson, 1525—1611) 90, 106
Джиокондо (fra Giocondo, 1433—1515) 44, 45
Джустиниани Бернардо (Bernardo Giustiniani, 1408—1489) 47, 54, 55, 57, 58
Дзено (Zeno, XV в.) 39
Дидро (Denis Diderot, 1713—1784) 277, 283
Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) 49, 63, 190, 243, 258
Дион Кассий (161—235) 122, 187
Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) 50, 83, 184, 190, 192
Длугош (Jan Długosz, 1415—1480) 270
Добиаш-Рождественская О. А. (1877—1939) 164
Додэ (Alphonse Daudet, 1840—1897) 261
Донати (Alessandro Donati, 1584—1640) 245
Донди (Giovanni Dondi, 1318—1389) 44
Драббе Фрейтаг (Frijtag Drabbe) 124
Дюбо (Jean-Baptiste Dubos, также du Bos, 1670—1742) 147, 167, 255, 286—290, 293, 299, 307—309, 316
Дюгальд (Jean-Baptiste du Halde, 1674—1743) 240
Дюканж (Charles du Fresne du Cange, также Ducange, 1610—1688) 147, 216, 217, 317
Дюран (Durand) 163
Дюрер (Albrecht Dürer, 1471—1528) 89
Дюшен (André Duchesne, так же du Chesne, 1584—1640) 148, 161, 253

Евстафий 122
Егоров Д. Н. (1878—1931) 12
Ефимов А. В. 18, 168

Жебелев С. А. (1867—1941) 136, 280
Жерар де Котиньяк (Gerard de Cotignac) 261
Жермен (Michel Germain, 1646—1694) 215
Жири (Jean Joseph Arthur Giry, 1848—1899) 85, 144, 164
Жомар (Francois Jomard, 1777—1862) 87
Жюллиан (Camille Jullian) 218

Забугин В. А. 43, 44, 50, 56
Зеленецкий Н. М. 170
Зелинский Ф. Ф. (1859—1944) 35, 154
Зондерванн Г. 60, 89
Зольтау (Soltau) 38
Зупан (Alexander Supan, 1847—1920) 59

Ибн-Халдун (1332—1406) 137
Иероним 122

Иероним Павел Барселонский 212
Иероним Пражский (нач. 70-х гг. XIV в.—1416) 25
Йёхер (Christian Gottlieb Jöcher, 1694—1758) 208
Иконников В. С. (1841—1923) 162, 274
Ингрэм (John Kells Ingram, 1823—1907) 155
Иордан (VI в.) 81
Иордан (Heinrich Iordan, 1833—1886) 43, 44
Ирсей де (Stephen d'Irsay) 4, 50, 145
Исидор (570—636) 192

Каблуков Н. А. (1849—1919) 172
Каврайский В. В. (1884—1954) 206
Казобон (Isaac Casaubon, 1559—1614) 132
Калько (Tristano Calco, род. 1462, ум. между 1507 и 1516) 38, 48, 50, 51, 56, 58, 312
Кампани (Campani, 1429—1477) 49
Кантор (Moritz Cantor, 1829—1920) 92
Карамзин Н. М. (1766—1826) 272
Карлье (Claude Carlier, 1725—1787) 155
Кассини Джованни Доменико (Cassini, 1625—1712) 180, 237
Кассини Жак (1677—1756) 179, 180
Кассини Цезарь Франсуа (1714—1784) 180, 197
Катель Гийом (Guillaume Catel, 1560—1626) 212, 213
Катон (95—45 до н. э.) 42
Квинтилиан (35—95 н. э.) 36
Келлер Христофор см. Целлариус
Кемден (William Camden, 1551—1623) 72, 131, 132, 147, 149, 200, 201, 216, 227, 229, 230, 242, 313, 316
Кеппен Ф. П. (1833—1908) 170
Кёртинг (Gustav Koerting, 1845—1913) 30
Кетле (Adolphe-Jacques Quételet, 1796—1874) 86
Киперт (Heinrich Kiepert, 1818—1899) 68, 129, 249
Кирилов И. К. (1689—1737) 172, 173, 180, 181
Кирнер (Kirner) 27
Клеман (François Clement, 1714—1793) 163
Клемансе (Charles Clemencet, 1703—1778) 163
Клерикус Иоанн (Le Clerc, лат. Clericus, 1657—1736) 127, 210
Клювер (Philipp Clüver, 1580—1622) 4—6, 125—127, 133, 182—195, 198, 200—203, 209, 216, 225, 242, 310, 311
Ковнер С. 136
Коган-Бернштейн Ф. А. 137
Коллингуд (Collingwood) 132, 229
Колумб (ок. 1446—47—1506) 59, 75, 85, 86, 89, 95, 167
Комнен Анна (1083—1148) 197
Кондорсе (Jean Antoine Condorcet, 1743—1794) 284, 285, 304
Кондратьев С. П. 22
Конринг Герман (Hermann Conring, 1609—1681) 151, 163, 172, 194
Константин Багрянородный (X в.) 272
Контарини (Gasparo Contarini, лат. Contarenus, 1483—1542) 97
Конти Николо 59, 63
Коперник (Mikołaj Kopernik, лат. Copernicus, 1473—1543) 90, 92, 269
Кордт В. А. 87
Корелин М. С. (1855—1899) 24, 27, 29, 30, 33, 34, 40, 43, 61, 69, 128
Кортези (Paolo Cortesi, 1465—1510) 42, 55
Коса (Juan de la Cosa, род. во 2-й пол. XV в., ум. 1510) 89
Косминский Е. А. 152, 310
Крамаренков В. И. 157
Краус Алоиз (Alois Kraus) 19, 176
Краус Михаил (Michael Kraus) 12
Крашенинников С. П. (1713—1755) 171, 298
Кревье (Jean Baptiste Crévier, 1693—1765) 246
Крейс К. И. (также Крюйс, 1657—1727) 180
Кремер Герард см. Меркатор
Крестинин В. В. (1729—1795) 156, 157
Кречмер К. (Konrad Kretchmer, 1864—1945) 7, 8, 17
Кригингер (Johannes Crigingerus, 1521—1571) 91
Кромер (Marcin Kromer, 1512—1589) 270
Кроче Бенедетто (Benedetto Croce, 1866—1952) 16
Круазэ (Maurice Croiset, 1846—1935) 35
Ксенофонт (род. ок. 430, ум. ок. 355 г. до н. э.) 207
Кубичек 125
Кузнецов С. К. (1854—1913) 8
Кук Джемс (Cook, 1728—1779) 89, 168, 298
Кур (Pieter de la Court, 1618—1685) 152
Кут (Halvdan Koht) 25, 41
Куяций см. Кюжа
Кэйлюс (Claude Caylus, 1692—1765) 217, 218
Кюжа (Jacques Cujas, лат. Cujacius, 1522—1590) 77, 78, 134

Лаат де (Jan de Laet, ум. 1649) 153
Лабб (Philippe Labbe, 1607—1667) 163
Лагранж (Joseph Louis Lagrange, 1736—1813) 181
Лазарев Н. И. 167
Ламберт И. Г. (Iohann Heinrich Lambert, 1728—1777) 181
Лампрехт К. (Karl Lamprecht, 1856—1915) 280
Лангле дю Френуа (Nicolas Lenglet du Fresnoy, 1674—1755) 83, 159
Ланди (Constanzo Landi, 1521—1564) 82
Лансело (Antoine Lancelot, 1675—1740) 218
Ланчани (Rodolfo Lanciani, 1847—1929) 44
Лаппо-Данилевский А. С. (1863—1919) 35
Ласиниус Петр (ум. 1735) 168
Лауренберг (Johann Laurenberg, 1590—1658) 210
Лафрери (Antonio Lafreri, 1512—1577) 93
Лебедев Д. М. 1 168, 171, 180

Ле Брён (Le Brun) 299
Лёбёф (Jean Lebeuf, 1687—1760) 217, 218, 252
Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646—1716) 144, 145, 146, 223
Леклерк (Nicolas Le Clerc, 1726—1798) 219, 220, 274, 307
Леланд (John Leland, 1506—1552) 81, 131, 313
Лелевель (Ioachim Lelewel, 1786—1861) 61, 87
Лелон (Jacques Lelong, 1665—1721) 145, 238
Ленин В. И. (1870—1924) 9, 10, 11, 59
Лепехин И. И. (1740—1802) 171
Лесерф (Le Cerf) 149
Лет Юлий Помпоний (Pomponio Leto, 1428—1497) 38, 43—45, 50, 56, 58
Ливий Андроник (III в. до н. э.) 26, 42
Ливий Тит (род. 59 г. до н. э., ум. 17 г. н. э.) 28, 29, 36—41, 47, 49—52, 55, 56, 61, 67, 68, 69, 70, 122, 126, 190, 192, 207, 315
Лигорио (Pirro Ligorio, 1510—1583) 245
Лилий Захарий (лат. Zacharias Lilius, XV в.) 121
Линден ван дер (van der Linden) 35, 127, 128
Линней (Carl Linné, лат. Linnaeus, 1707—1778) 170
Лиодт Г. Н. 92
Липсий (Joost Lips, лат. Lipsius, 1547—1606) 81, 112, 126, 186
Ломбар (Lombard) 255
Ломоносов М. В. (1711—1765) 176, 177, 271, 273
Лонгерю (Louis du Four de Longuerue, 1652—1733) 221—223, 242, 243
Лорьер (Eusèbe Laurière, 1659—1728) 162
Лукан (38—65 н. э.) 68, 207
Лукиан Самосатский (II в. н. э.) 35, 36, 39, 83, 111
Льебль (Philippe Louis Lieble, 1734—1816) 217
Любавский М. К. (1860—1936) 7
Люзак (Elie Luzac, 1721—1796) 155, 156, 161

Маасен (Friedrich Maassen, 1823—1900) 78
Мабильон (Jean Mabillon, 1632—1707) 14, 144, 147, 149, 150, 163, 164, 182, 198, 215
Магеллан (1470—1521) 167
Мазиус (Masius) 44, 58
Майрс (Myres) 132, 229
Макиавелли (Niccolò Machiavelli, 1469—1527) 74, 79, 82, 84, 312
Макробий (V в. н. э.) 118
Манандян Я. А. (1873—1951) 124
Манделло (Giovanni da Mandello)
Маджини (Giovanni Antonio Magini, 1555—1617) 134
Манетти (Antonio Manetti, 1423—1497) 52
Манн (Louis Charles de Manne, 1773—1832) 239, 241
Маннерт (Konrad Mannert, 1756—1834) 5
Мануций Альд (Aldo Manuzio, 1449—1515) 50, 80, 103
Манчини (Girolamo Mancini, 1832—1924) 53
Маракуев В. 170
Мариана (Juan de Mariana, 1535—1624) 211
Марини (Gaetano Luigi Marini, 1742—1815) 165
Марка (Pierre de Marca, 1595—1662) 215
Марканова (Giovanni Marcanova, XV в.) 45
Маркевич А. 170
Марков К. К. 181
Маркс К. (1818—1883) 25, 41, 73, 77, 143, 300
Марлиано (Marliano, 1420—1475) 199, 216
Мармоль (Luis Marmol, XVI в.) 88, 95
Мартен (Jacques Martin, 1684—1751) 253, 254
Мартир (Petrus Martyr de Anghierra, 1457—1526) 75
Мартонн (Emmanuel Martonne) 177, 179, 241
Марциал (I в. н. э.) 192
Марциан (III в. н. э.) 192
Мауро (XV в.) 60
Маршам (John Marsham, 1602—1683) 164
Массон (Jean Papire Masson, 1544—1611) 77, 199, 212
Маффеи (Raffaele Maffei, лат. Volaterranus, 1455—1522) 123
Маффеи (Scipione Maffei, 1675—1755) 164, 165
Медведев Сильвестр (1641—1691) 146
Мёзер (Justus Möser, 1720—1794) 156
Мезере (François Eudes de Mézeray, 1610—1683) 213
Мейер Эдуард (Eduard Meyer, 1855—1930) 279, 280
Мейтен (Meuten) 137
Мела Помпоний (I в. н. э.) 28, 29, 61, 86, 134, 184, 192, 201, 232, 233
Менготти (Francesco Mengotti, 1749—1830) 155
Мерино (Andrés Merino, 1733—1787) 165
Меркатор Герард (Gerhard Kremer, лат. Mercator, 1512—1594) 89, 91—94, 101, 106, 108, 125, 130, 178, 197, 208, 209, 228, 315, 316
Меркатор Румольд 178
Меховский Матвей (Maciej z Miechowa, 1457—1523) 95, 97
Мигулин П. П. 158
Миддендорф А. Ф. (1815—1894) 178
Миллер Г. Ф. (1705—1783) 162, 264, 275, 298, 311
Мильков Ф. Н. 173
Минаев И. П. (1840—1890) 59
Мир (Le Mire, лат. Miraues, 1573—1640) 85
Миро (Mirot) 205, 206, 218
Мишле (Jules Michelet, 1798—1874) 15, 41
Мишо (Joseph Michaud, 1767—1839) 248
Мищенко Ф. Г. (1848—1906) 21
Модзалевский Б. Л. (1874—1928) 241
Мольгойзен (Molhuysen) 155

Молинье (Auguste Molinier, 1851—1904) 213
Моммсен (Theodor Mommsen, 1817—1903) 15, 279, 280
Моно (Gabriel Monod, 1844—1912) 36
Монтескье (Charles Louis de Secondat de Montesquieu, 1689—1755) 142, 257, 276, 283, 286, 290—294, 299, 301, 305—309
Монфокон (Bernard Montfaucon, 1655—1741) 147, 164, 182
Моралес Амбросио (Ambrosio de Morales, 1513—1591) 81, 313
Моретус Иван (Moretus) 109, 124
Муратори (Lodovico Antonio Muratori, 1672—1750) 37, 81, 161, 165, 250, 252
Мусин-Пушкин А. И. (1744—1817) 163, 220
Муссато (Albertino Mussato, 1261—1329) 37, 38
Мух (Much) 136
Мюллер (Müller H.) 61, 94
Мюнстер Себастьян (Sebastian Münster, 1489—1552) 94, 95, 97—99, 175, 264

Наваррете (Martin Fernandez de Navarrete, 1765—1844) 86
Нардини (Famiano Nardini, ум. 1661) 245
Нейкерке (Nykerke) 153
Нибур Б. Г. (Barthold Georg Niebuhr, 1776—1831) 194, 195, 248, 249, 299
Нибур К. (Karsten Niebuhr, 1733—1815) 299
Никитин Афанасий (ум. 1472) 59
Никитин Н. П. 18, 172
Никколи (Niccolò Niccoli, 1364—1437) 69
Николай Кузанский (Nicolaus Cusanus, 1401—1464) 53, 62
Николози (Giovanni Battista Nicolosi, 1610—1670) 178
Нисерон (Jean Pierre Niceron, 1685—1738) 238
Ниссен (Heinrich Nissen, 1839—1912) 186, 187
Новиков Н. И. (1744—1818) 163
Нолен (Jean Baptiste Nolin, 1657—1725) 255
Нолак (Pierre Nolhac, 1859—1935) 28, 29
Нониус Луи (Nonnius, XVI в.) 212, 215
Норденшельд (Adolf Eric Nordenskiöld, 1832—1901) 87, 92
Нордман В. А. (V. A. Nordman) 126
Ноэль (Noel J. B.) 254
Ньютон (Isaac Newton, 1642—1727) 170

Овиедо (Gonzalo Fernández de Oviedo y Valdés, 1478—1557) 62, 75
Озерецковский Н. Я. (1750—1827) 171
Олар (François Alphonce Aulard, 1849—1928) 154
Олеарий (Adam Oelschläger, лат. Olearius, 1599—1671) 264
Ольсен (Olsen) 17
Орнштейн (Ornstein) 145
Ортелиан (Ortelianus) 104
Ортелий Авраам (Ortels, лат. Ortelius, 1527—1598) 5, 72, 82, 85, 88, 91—93, 96, 101—106, 108—119, 121—131, 133, 184, 185, 193, 195, 197, 201, 202, 206—211, 216, 229, 244, 245, 253, 264, 315, 316
Освальд (Oswald J. C.) 49
Отман (François Hotman, лат. Hotomanus, 1524—1590) 78, 79, 166

Павел Диакон (VIII в.) 24, 81
Павленко Н. И. 157
Павсаний (II в. н. э.) 22
Пажес (Pierre Pagès, 1748—1793) 229
Палацкий Ф. (František Palacky, 1798—1876) 41
Паллас П. С. (1741—1811) 170, 298
Пальмериус (Palmier de Grentemesnil, лат. Palmerius, 1587—1670) 194, 197, 201
Панвинио (Onofrio Panvinio, 1530—1568) 81
Панкука (Pankouka) 176
Панчироли (Guido Panciroli, 1523—1599) 77, 135, 229
Паньини (Giovanni Francesco Pagnini, 1715—1789) 157, 161
Папеброк (Daniel Papebroch, 1628—1714) 163, 164
Папон (Jean Pierre Papon, 1734—1803) 259—263
Параден (Guillaume Paradin, 1510—1590) 122
Парч (Joseph Partsch, 1851—1925) 5, 6, 183, 185, 187
Паскаль (Blaise Pascal, 1623—1662) 169
Паскье (Etienne Pasquier, 1529—1615) 77—80, 83, 166
Патеркул Веллей (I в. н. э.) 196
Паули (August Pauly, 1796—1845) 49, 125
Паульсен (Friedrich Paulsen, 1846—1908) 4, 145
Паэс де Кастро (Juan Páez de Castro, XVI в.) 83
Пеголотти (Francesco Pegolotti, XIV в.) 60, 158
Пейтингер (Konrad Peutinger, 1465—1547) 123, 124, 196, 197, 209, 214, 215, 228, 229, 232, 253, 259
Пекарский П. П. (1828—1872) 218, 264
Пенк А. (Albrecht Penck, 1858—1945) 5
Перизоний (Jacob Voorbroek, в грецизир. форме Perisonius, 1651—1715) 166
Перотто (Niccolò Perotto, 1429—1480) 50
Перро (Charles Perrault, 1628—1703) 149
Пето (Dénis Petau, лат. Petavius, 1583—1652) 163
Петр Корсиканец (Petrus Cyrnaeus, XV в.) 41, 46, 74
Петрарка (Francesco Petrarca, 1304—1374) 25—34, 42—44, 46, 50, 52, 54, 61, 69—71, 128, 130, 315
Петров М. Н. (1826—1887) 12
Петти Вильям (William Petty, 1623—1687) 154
Пешель (Oscar Peschel, 1826—1875) 17
Пигафетта (Antonio Pigafetta, 1491—1534) 86
Пикар (Jean Picard, 1620—1682) 179
Пикколомини (Enea Silvio Piccolomini, 1405—1464) 40, 41, 46, 55, 61—65, 74, 94, 97, 134
Пиренн (Henri Pirenne, 1862—1935) 103

Писториус (Johann Bäcker, лат. Pistorius, 1546—1608) 81, 85, 131, 134, 161, 211, 313
Питу Петр (Pierre Pithou, 1539—1596) 78, 81, 85, 211, 313
Плантен (Christoph Plantin, род. между 1514 и 1520, ум. 1589) 103, 109, 124, 130
Платина (Bartolomeo Sacchi, также Platina, 1421—1481) 40, 46
Плиний Старший (23—79 н. э.) 28, 32, 61, 68, 70, 110, 111, 115, 122, 123, 184, 186, 190, 192, 197, 201, 232, 258, 264, 269, 310
Плутарх (46—120 н. э.) 49, 123, 192
Погодин М. П. (1800—1875) 172
Поджио (Poggio Bracciolini, 1380—1459) 25, 35, 44, 45, 49, 50, 63
Покровский М. М.(1869—1942) 36
Полентон Сикко (Sicco Polenton, 1375—1447) 35, 36, 42, 52, 150
Полибий (II в. до н. э.) 21, 47, 50, 61, 110, 192, 193, 245, 308, 315
Полициано (Angiolo Policiano, 1454—1494) 50
Понтано (Giovanni Pontano, 1426—1503) 38, 39, 83
Постель (Guillaume Postel, 1510—1581) 91, 92
Прейслер (Preissler K.) 19
Преториус (Johann Richter, лат. Praetorius, 1537—1616) 92
Прозоровский А. А. 146
Прокопий (VI в. н. э.) 197
Прончищев Вас. (ум. 1736) 168
Проперций (I в. до н. э.) 192
Птолемей (II в. н. э.) 21, 60—63, 86, 88—92, 94, 95, 117, 122, 123, 125, 130, 134, 138, 184, 186, 187, 190, 201, 208—210, 215, 226, 228, 232, 238, 269, 315, 316
Птуха М. В. 86
Пыпин А. Н. (1833—1904) 257

Рабле (François Rabelais, 1490—1553) 77, 78
Раймер (Thomas Rymer, 1641—1713) 145, 155, 160
Рамбольди (Rambaldi) 61
Рамусио (Giovanni Battista Ramussio, 1485—1557) 86
Ранке (Leopold Ranke, 1795—1886) 16, 73, 128
Резендий Андрей (Resende, лат. Resendius, 1493—1573) 133, 215
Рейбель (Reibel Mareau) 137
Рейналь (Guillaume Thomas Raynal, 1713—1796) 154, 283
Ремезов С. У. 17, 178
Ренуар (Antoine Augustin Renouard, 1765—1854) 80, 103
Реомюр (René Antoine Réaumur, 1683—1757) 170
Ретик Иоахим (лат. Rhaeticus, 1514—1576) 92
Риго (Ange-Hippolyte Rigault, 1821—1858) 149
Риенцо (Cola di Rienzo, 1313—1354) 44, 50, 52
Рикар (Jean Pierre Ricard) 176
Риман (Rieman) 36
Рипо (Louis Ripault, 1775—1823) 241
Риттер Карл (Karl Ritter, 1779—1859) 14, 307
Риттер Мориц (Moritz Ritter, 1840—1923) 16
Рихтгофен (Ferdinand Richthofen, 1833—1905) 106
Рихтер Г. Д. 171
Риччио (Pietro Riccio, лат. Crinitus, 1465—1505) 42
Риччоли (Giovanni Battista Riccioli, 1598—1671) 163, 237, 242
Робертсон (William Robertson, 1721—1793) 278, 282, 299, 310
Розес (Rooses) 103
Роландино (Rolandino, 1200—1276) 37
Роллен (Charles Rollin, 1661—1741) 243—246, 248, 253—258, 264
Росси Виторио (Rossi Vittorio) 49
Росси Г. Б. (G. B. de Rossi, 1822—1891) 44, 45
Росси Доменико (Domenico Rossi, 1678—1742) 245
Роте (Rothe K. C.) 19
Ротер (Wilhelm Roscher, 1817—1894) 156
Рубинштейн Н. Л. 16, 17, 173, 218, 275
Руге (Sophus Ruge, 1831—1903) 17
Рудницкий С. 5
Руиш (Iohann Ruysch, нач. XVI в.) 92
Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712—1778) 295, 296
Ручелаи (Bernardo Rucellai, лат. Oricellarius, 1448—1514) 43, 44
Рушеллаи (Ruscellai, лат. Ruscellus, ум. 1569) 92
Рычков П. И. (1712—1778) 173

Саар П. Г. 9
Саббадини (Remigio Sabbadini, 1850—1934) 43, 48, 50, 55, 56
Савари Жак (Jacques Savary, 1622—1690) 176
Савари Жан (Jean Jacques Savary, 1657—1716) 176
Савин А. Н. (1873—1923) 12
Савиньи (Friedrich Carl Savigny, 1779—1861) 78
Савонарола Джироламо (Girolamo Savonarola, 1452—1498) 38
Савонарола Микеле (Michele Savonarola, 1384—1468) 38
Саймондс (John Addington Symonds, 1840—1893) 37, 49
Салищев К. А. 90, 91, 103, 177, 179, 205, 210
Саллюстий (86—35 до н. э.) 36, 39, 49, 50, 61, 296
Салютати (Colucio Salutati, 1331—1406) 49, 69
Самойлов В. А. (1889—1943) 168
Сандерсон (Sanderson) 162
Сансовино (Francesco Sansovino, 1521—1586) 95
Сансон Николай (Nicolas Sanson, 1600—1667) 127, 128, 178, 199, 205—208, 237, 239, 240, 246, 252

Сантарем (Manuel Santarem, 1791—1856) 87
Сапори (Sapori) 37
Саушкин Ю. Г. 181
Свенске К. Ф. (1797—1871) 181
Светоний (75—160 н. э.) 42, 49, 50, 192
Секстон (Christopher Saxton) 89, 90
Семенов В. Ф. 143
Сендис (Sandys) 53
Сенека (4 до н. э.— 65 н. э.) 32, 42, 192
Сен-Симон (Louis de Saint-Simon, 1675—1755) 159
Сент-Бев (Auguste Sainte-Beuve, 1804—1869) 256, 257
Сент-Март (Denis de Sainte-Marthe, лат. Sammarthanus, 1650—1725) 254
Сербина К. Н. 88, 163
Середонин С. М. (1860—1914) 3, 7, 8, 271
Сигонио Карло (Carlo Sigonio, 1520—1584) 79, 81, 313
Сидоний Аполинарий (V в. н. э.) 123, 192, 232
Симонетта (Giovanni Simonetta) 40, 79
Синицкий Л. Д. 18, 286, 299, 305—307
Сирмон (Jacques Sirmond, 1559—1651) 149, 212
Скалигер Иосиф (Guiseppe Scaligero, 1540—1609) 81, 82, 132, 133, 163, 183, 195, 199, 212, 216
Скарпариа Джакопо д'Анжело да (Giacopo d'Angelo da Scarparia, конец XIV — нач. XV в.) 61
Слан де (de Slane) 137
Слефлерин 123
Сметиус (Martin Smetius, XVI в.) 81
Смирнов 278
Смит Адам (1723—1790) 154, 157, 283, 285
Смит Джон (John Smith, 1700—1774) 156
Снеллиус (W. Snell, лат. Snellius, 1591—1626) 179
Солин (III в. н. э.) 28, 61, 184, 192
Солис (Juan Díaz de Solís, род. в сер. XV в., ум. 1516 г.) 293
Соловьев А. И. 10
Соловьев М. Д. 206
Соловьев С. М. (1820—1879) 272
Спицын А. А. (1858—1931) 7
Спрети (Desiderio Spreti, 1444—1474) 45
Старосельская-Никитина О. А. 259
Старостин И. И. 92, 181
Стефан (VI в. н. э.) 122
Стобничка Ян (Jan Stobniczka, нач. XVI в.) 89
Страбон (ок. 63 до н. э.—ок. 20 н. э.) 21, 22, 61, 63, 86, 94, 96, 109, 110, 122, 136, 160, 184—186, 190—192, 200, 201, 204, 215, 232, 233, 245, 253, 258, 261, 263, 264, 269, 306, 310, 315
Страда (Jacopo da Strada, XVI в.) 82
Струве О. В. (1819—1905) 180
Стрыйковский (Maciej Stryjkowski, 1547—1582) 219
Сурита (Geronimo Zurita, 1512—1580) 80, 125, 147, 211, 313, 316
Сухомлинов М. И. (1828—1901) 169
Суэйн (Swain) 15
Таверньe (Jean Baptiste Tavernier, 1605—1689) 299
Танаевский В. А. 18, 19
Танфильев Г. И. (1857—1928) 18, 170
Тарановский Ф. В. 78
Тассен (René-Prosper Tassin, 1697—1777) 164
Татищев В. Н. (1686 — 1750) 18, 146, 162, 163, 173, 180, 181, 219, 220, 264, 266—271, 273, 274, 317
Тацит (55— ок. 120 н. э.) 49, 63, 64, 111, 112, 122, 148, 186, 191, 192, 198, 232, 289, 309
Телларигo (Tellarigo) 38
Темпль Вилльям (William Temple, 1628—1698) 143
Тибулл (I в. до. н. э.) 192
Тийемон (Louis de Tillemont, 1637—1698) 279
Тилеман 109
Тирабоски Джироламо (Girolamo Tiraboschi, 1731—1794) 23, 43, 50, 150
Тихомиров М. Н. 17, 218
Томпсон (James Westfall Thompson) 14, 15, 16
Торричелли (Ev. Torricelli, 1608—1647) 144, 169
Тосканелли (Paolo Toscanelli, 1397—1482) 59, 62, 86
Тоффанин (Toffanin) 37
Траубе Людвиг (Ludwig Traube, 1861—1907) 164, 165
Тредьяковский В. К. (1703—1769) 257
Ту (Jacques-Auguste de Thou, лат. Thuanus, 1553—1617) 77
Туманский Ф. В. (ум. 1805) 146
Тустэн (Charles François Toustaint, 1700—1754) 164
Тэн (Hippolyte Taine, 1828—1893) 36
Уарте Хуан (Juan Huarte, род. между 1530 и 1535, ум. 1592) 142, 308
Улман (Ullman) 42
Ульрихс (Karl Ulrichs) 44
Уорд (John Ward, 1679—1758) 229
Уциелли (Gustavo Uzielli, 1839—1911) 59
Уццано Антоний (Uzzano) 60, 158
Уэнли (Humphrey Wanley, ум. 1726) 165
Фаренгейт (G. D. Fahrenheit, 1686—1736) 169
Фанфани (Amintore Fanfani) 152
Фежер (Feugère A.) 283
Феличиано (Francesco Feliciano 2-я пол. XV в.— 1-я четв. XVI в.) 45
Фель С. Е. 180
Фельтре Витторино да (Vittorino da Feltre, 1378—1446) 69
Феррари (Guilio Emilio Ferrari, XV в.) 50
Феррарино 45
Ферретo (Ferreto, 1297—1337) 37—39
Фёрстер (Foerster) 35
Филельфо (Francesco Filelfo, 1398—1481) 49
Филострат 192
Фине Оронтий (Oronce Finée, лат. Orontius Finaeus, 1494—1555) 89

Фирмен-Дидо (Ambroise Firmin-Didot, 1790—1876) 49, 61, 80, 103
Фишер И. Э. (1697—1771) 311
Флери (Claude Fleury, 1640—1723) 151
Флинт (Robert Flint, 1838—1910) 146
Флитвуд (William Fleetwood, 1656—1723) 157
Флор (конец I — нач. II в. н. э.) 31, 191, 192, 289
Фойгт (Georg Voigt, 1827—1891) 45, 46, 47, 61, 63
Фонсмань (M. Foncemagne, 1694—1779) 217, 218
Форбигер (Forbiger) 5
Форбонне (François de Forbonnais, 1722—1800) 158
Форбрук Яков см. Перизоний
Форстер (Johann Reinold Forster, 1729—1798) 299
Фосс Гергард (Gerhardus Vossius, 1577—1649) 150, 194
Фосс Исаак (Isaacus Vossius, 1618—1689) 153
Фоше Клод (Claude Fauchet, 1530—16 1 80
Фрадкин Н. Г. 169, 171
Франк Себастьян (Sebastian Franck, 1499—1543) 94, 95
Франс Анатоль (Anatole France, 1844—1924) 26
Фредегер (лат. Fredegarius) 199
Фрере Николай (Nicolas Fréret, 1688—1749) 62, 218, 237
Фрехерр (Marquard Freherr, 1565—1614) 85, 134, 135, 211
Фризиус Гемма (Gemma Friesius, 1508—1555) 92
Фукидид (V в. до н. э.) 61, 198, 280, 315
Фурноль (Fournol) 137
Фьокки Андреа (Andrea Fiocchi ум. 1452) 143
Фюстель де Куланж (Numa-Denys Fustel de Coulanges, 1830—1889) 167, 255
Фютер (Eduard Fueter, 1876—1928) 13—16, 42, 46, 47, 52, 54, 56, 58, 74, 144, 211, 223, 255, 282, 283, 290

Хаклюйт (Richard Hakluyt, 1553—1616) 86
Хаскинс (Charles Haskins 1870—1937) 22
Хеген Ф. (Fernand van der Haeghen) 186
Хейзинга (Huizinga 1872—1945) 24, 52, 53
Хенсбрук (Boele van Hensbrock) 102
Хёнтингтон (Ellsworth Huntington 1876—1947) 137, 295
Хессельс (Hessels) 104
Хикс (Georg Hickes 1628—1715) 165
Хилл (Hill) 143
Хольстениус (Luca Holstenius, 1596—1661) 242
Хондий (Hond, лат. Jodocus Hondius, 1563—1611) 177, 208
Хорн Георг (Georg Horn, 1620—1670) 127, 196, 208—210
Хорсли Джон (John Horsley, 1685—1732) 125—129

Цазиус (Ulrich Zasius, 1461—1535) 76
Цветков М. А. 173
Цезарь (100—44 до н. э.) 26, 27, 29, 33, 49, 50, 63, 64, 109, 111, 113, 114, 132, 185—189, 192, 193, 199, 200, 207, 216, 221, 226, 232, 233, 246, 260, 289
Целлариус Христофор (Christoph Keller, лат. Christophorus Cellarius, 1638—1707) 5, 182, 194, 195, 200—205, 215, 233, 248, 251
Цибарт (Ziebarth) 45
Циммерман 299
Цицерон (106—43 до н. э.) 21, 31, 35, 36, 39, 40, 42, 51, 53, 84, 88, 154, 192, 203, 244

Черменате (Giovanni da Cermenate, конец XIII — нач. XIV в.) 37
Чернышевский Н. Г. (1828—1889) 257
Чириако де Пицциколли (Ciriaco de'Pizzicolli, 1391—1452) 45, 50
Чириков А. И. (1703—1748) 18
Чулков М. Д. (1740—1793) 156

Шарден (Jean Chardin, 1643—1713) 286, 287, 299
Шассиполь (François Chassipol, XVII в.) 153
Шафонский А. Ф. (XVII в.) 174
Шван (Walter Schwann) 52
Шейб (Scheyb) 124
Шепинг 311
Шепфлин (Johann-Daniel Schoepflin, 1694—1771) 72, 128, 229—231
Шлецер Август (August Ludwig Schlötzer, 1735—1809) 162, 264, 311
Шовире (Chauviré) 137
Шокальский Ю. М. (1856—1940) 60, 89
Шотт Андрей (Andreas Schott, 1552—1629) 40, 161, 211
Шотуэл (Schotwell) 12, 14
Шпенер (Jakob Spener, 1684—1730) 223—225, 264
Шпренгельс Sprengel, 1746—1803) 174
Штаб Иоганн (лат. Stabius, 1450—1522) 89—91
Штинцинг (Stintzing) 151
Штриттер (или Стриттер И. Г., 1740—1801) 311

Щелкунов М. И. (1884—1938) 49
Щербатов М. М. (1733—1790) 172, 220, 274, 275

Эбелинг 174
Эвен (Van Even) 102
Эгжер (Emile Egger, 1813—1885) 80
Эдер (Mattias Oeder, ум. 1614) 89, 90
Эйлер Леонард (1707—1783) 181
Эймар дю Ривайль (Aymar du Rivail) 78
Экель (Joseph Eckbel, 1737—1798) 163
Эккерт Макс (Max Eckert, 1868—1938) 91, 92
Элькан (Elkan) 73
Эмпир Секст (Sextus Empyrus, II в. н.э.) 111
Энгельс Ф. (1820—1895) 77, 300
Энок д'Асколи (Enock d'Ascoli, род. в нач. XV в., ум. 1457) 49
Эппельсгеймер (Eppelsheimer) 24

Эразм Роттердамский (Desiderius Erasmus, 1467—1536) 55, 61, 84
Эратосфен (276—194 до н. э.) 179
Эренберг (Richard Ehrenberg, 1857—1921) 103
Эриццо (Sebastiano Erizzo, лат. Ericius, 1530—1585) 82
Эстерлей (Oesterley) 148
Этьены 80, 103

Ювенал (2-я пол. I в.—I-я пол. II в. н. э.) 70, 192
Юнг Артур (Arthur Young, 1741—1820) 156
Юний Г. (II в. до н. э.) 123
Юстин (I в. н. э.) 49, 68, 207

Яников Г. В. 168, 169
Янипетр 69
Янсон (XVII в.) 127, 177, 208—210
Ярцов А. С. (1737—1819) 157
Яцунский В. К. 9—12, 15, 19, 87, 152, 169, 172, 173, 180, 314, 318

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Постановка проблемы и задачи исследования 3

Глава вторая. Элементы исторической географии в работах итальянских гуманистов до великих открытий 21

§ 1. Элементы исторической географии в сочинениях античных авторов и в средневековых летописях 1

§ 2. Итальянский гуманизм XIV — XV веков 24

§ 3. Петрарка и Боккаччио как историки 26

§ 4. Элементы исторической географии в сочинениях Петрарки и Боккаччио 28

§ 5. Итальянская гуманистическая историография XV века 34

§ 6. Состояние географических знаний в Италии в XV веке 59

§ 7. Историческая география в XV веке 65

Глава третья. Гуманистическая историческая география после великих открытий 73

§ 1. Европейская историография в XVI веке 73

§ 2. Развитие географических знаний в XVI веке 85

§ 3. Историческая география в XVI веке 102

§ 4. Проблема влияния географической среды на историческое развитие общества в XVI веке 135

Глава четвертая. Историческая география в XVII—XVIII веках 143

§ 1. Развитие историографии (до эпохи «Просвещения») 143

§ 2. Развитие географических знаний в XVII—XVIII веках 167

§ 3. Развитие исторической географии в XVII—XVIII веках 182

Два периода в истории исторической географии в XVII—XVIII веках 182

А. XVII век 182

а) Историко-географические исследования 182

б) Историко-картографические работы XVII века 205

в) Историческая география в общеисторических трудах XVII века 210

Б. XVIII век 216

а) Историко-географические исследования 216

б) Историческая картография в XVIII веке 236

в) Историческая география в общеисторических работах XVIII века 250

Глава пятая. «Просвещение» XVIII века и историческая география 276

Заключение 312

Указатель имен авторов и путешественников 319

Карты (приложение в конверте)

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. В Устюгов*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *В. Б. Несвижский*

РИСО АН СССР № 19-70В. Сдано в набор 23/II 1955 г.
Подписано к печ. 24/V 1955 г. Формат бум 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 20,75 = 27,79 + 17 карт. Уч.-издат.
л. 28,80 + 17 карт. Тираж 4000. Т-04440. Изд. № 454.
Тип. зак. № 1073.
Цена 24 р. 60 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства Академии наук СССР.
Москва, Шубинский пер , д 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	24 сн.	деятельности трудов	деятельности и трудов
71	24 св.	в современной	с современной
78	23 сн.	этой главе	этой книге
114	16 св.	pons Juliano	pons a Juliano
126	7 сн.	A. Nodrman	A. Nordman
140	8 сн.	historiones	histriones
151	5 сн.	ipsal	ipsas
163	28 сн.	в XVII в.	в XVIII в.
177	10 св.	Российской Академии	Петербургской Академии
180	21 сн.	Жан	(Жан
221	2 св.	историко-географических	историко-географических
241	19 св.	Российской	произведений
257	16 сн.	Российская	Петербургской
269	26 св.	Коперникой-	Петербургская
323	Правая колонка 21 св.	Крiюйс	Коперников- Крюйс
324	Левая колонка 8 сн.	Манделло (Giovanni da Mandello)	Манделло (Giovanni da Mandello) 29
328	Правая колонка 25 сн.	Шпренгельс Sprengel,	Шпренгель (Sprengel,

В. К. Яцунский